9 д
1278
559456

Латышев В.В

ГОМТІКА

1909

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

17/IV 79 7-334 2з
5/XII 80 7-503 2з
10/XII-80 957
26/IV-81 7-789 2з
20/II-81 7-405 2з
30/II 81 7-806

КПК. Зак. 2248. Тир. 80 млн.

ФОНД

15/IV 79 7-334 2з
22/X 79 7-297

Пр. 2010

559456

В. В. Латышевъ.

ΓΟΝΤΙΚΑ

ИЗБОРНИКЪ НАУЧНЫХЪ И КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ПО ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, ГЕОГРАФІИ И ЭПИГРАФИКѢ СКИѲІИ, КАВКАЗА И ГРЕЧЕСКИХЪ КОЛОНІЙ НА ПОБЕРЕЖЬЯХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Съ 4 таблицами.

101 к

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1909.

9
Л 278

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Научная библиотека
Уральского
государственного
университета
г. Свердловск

559456

Дорогой памяти

незабвеннаго учителя

Ѳедора Ѳедоровича

СОКОЛОВА.

† 1 іюня 1909.

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	VII—X
Библіографическій списокъ статей, не включенныхъ въ изборникъ	XI—XIII

Отдѣлъ I. Статьи научнаго содержанія.

Вмѣсто введенія	1— 10
Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря	11— 24
О календаряхъ Ольвіи, Тиры и Херсониса Таврическаго	25— 42
Еще о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса (отвѣтъ г. Бурачкову).	43— 49
Новая надпись изъ Херсониса Таврическаго	50— 54
Къ исторіи города Ольвіи	55— 59
Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства	60—128
Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточнаго побережья Чернаго моря:	
I. Къ Страв. VII, 4, 2	129—137
II. Къ Стефану Византійскому	137—141
Гражданская присяга Херсонисцевъ	142—160
Дополненія и поправки	160—167
По поводу замѣтки проф. А. И. Сонни	168—170
Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточнаго побережья Чернаго моря:	
III. Къ Діод. XX, 25	171—173
Къ исторіи Воспорскаго царства. I	174—178
Населеніе Херсонской губерніи за 2400 лѣтъ до нашего времени	179—184
О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ южной Россіи	185—200
Къ надписи Евпатерія:	
1. Вопросъ о времени надписи	201—211
2. О выраженіи γνήσιος δοῦλος въ надписи Евпатерія	211—217

стр.

Эпиграфическіе этюды:
VI. Херсонисскій декретъ въ честь Евтихіана Синопскаго ... 218—225
VII. Декретъ изъ г. Діонисополя, сообщенный К. В. Шкорпиломъ (съ табл. 1) ... 226—243
VIII. Агонистическій каталогъ изъ Горгиппіи ... 244—258
Раскопки въ Херсонисѣ Таврическомъ въ 1895 г. ... 259—267
Раскопки въ Херсонисѣ Таврическомъ въ 1897 г. ... 268—278
Замѣтки по древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря:
IV. О мѣстоположеніи города Горгиппіи ... 279—283
V. Объ островѣ св. Ѳеерія ... 284—297
Къ исторіи Воспорскаго царства. II ... 298—302
Къ церковной археологіи Херсониса (съ табл. 2) ... 303—310
Новый гимнъ въ честь Гермеса (съ табл. 3) ... 311—313
Эпиграфическіе этюды[1]). IX. Херсонисскій почетный декретъ (съ табл. 4) ... 314—331

Отдѣлъ II. Критическія статьи.

К. Ганъ, Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ ... 335—357
Ю. Кулаковскій, Керченская христіанская катакомба 491 года ... 358—370
А. Бертье-Делагардъ, Раскопки Херсонеса ... 371—375
E. Bonnell, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands. II Band ... 376—399
Ю. Кулаковскій, Карта Европейской Сарматіи по Птолемею ... 400—409
По поводу отвѣта проф. Ю. А. Кулаковскаго ... 410—415
Указатели ... 416—430

1) Это первое заглавіе на стр. 314, къ сожалѣнію, по недосмотру пропущено.

Предисловіе.

Мои ученые друзья уже давно и многократно высказывали мысль о желательности объединенія въ одномъ сборникѣ многочисленныхъ статей по исторіи, географіи, археологіи и — главнымъ образомъ — эпиграфикѣ Скиѳіи, Кавказа и греческихъ колоній на Черномъ морѣ, написанныхъ мною съ начала моихъ занятій этими областями, т. е. съ 1884 г., и разбросанныхъ по разнымъ русскимъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ; но вопросъ о матеріальныхъ средствахъ, конечно, заставилъ бы меня надолго отсрочить исполненіе этого желанія, если бы Императорская Археологическая Коммиссія не изъявила любезной готовности включить сборникъ моихъ статей въ число юбилейныхъ изданій, предпринятыхъ ею по поводу исполнившагося 2-го февраля 1909 г. пятидесятилѣтія ея дѣятельности, за что и приношу Коммиссіи, въ лицѣ ея предсѣдателя графа Алексѣя Александровича Бобринскаго, мою глубочайшую благодарность.

Приступивъ къ обсужденію вопроса о томъ, въ какомъ видѣ могло бы быть осуществлено задуманное предпріятіе, я увидѣлъ, что придется дать лишь „изборникъ“ статей, а не полный ихъ сборникъ. Прежде всего я, хотя и съ искреннимъ прискорбіемъ, пришелъ къ убѣжденію въ невозможности перепечатать въ сборникѣ ту статью, которою было положено начало моимъ работамъ въ Понтійской области, именно „Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго“ (Журналъ М. Н. Пр., іюль 1884 г.), такъ какъ при систематическихъ раскопкахъ въ Херсонисѣ, производившихся Имп. Археологической Коммиссіею съ 1888 г. до конца 1907 г. подъ руководствомъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, а послѣ его кончины († 14 декабря 1907 г.) дѣятельно продолжаемыхъ Р. Х. Лепером, открыто множество новыхъ эпиграфическихъ

документовъ, пополняющихъ и исправляющихъ свѣдѣнія, собранныя мною въ названной статьѣ, такъ что она въ настоящее время представляется устарѣвшею и, въ случаѣ переизданія, должна была бы подвергнуться коренной переработкѣ, но для такой переработки, по моему мнѣнію, не настала еще пора, ибо при раскопкахъ въ Херсонисѣ и по настоящее время ежегодно открываются новые эпиграфическіе памятники, подчасъ дающіе весьма важныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ этого города. Въ видѣ примѣра укажу на найденный въ 1906 г. декретъ, переизданный на стр. 314—331 настоящаго изборника.

Затѣмъ я не призналъ нужнымъ перепечатывать въ сборникѣ статьи, посвященныя спеціально изданію вновь найденныхъ надписей или поправкамъ и дополненіямъ къ нимъ, такъ какъ такія статьи, во-первыхъ, носятъ характеръ временный, предварительный, и многіе изъ опубликованныхъ въ нихъ документовъ уже переизданы въ IV томѣ сборника „Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini“ и въ „Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи“, а другіе еще ждутъ своей очереди включенія въ проектируемый V-й томъ названнаго сборника, а во-вторыхъ, эти мелкія статьи о вновь найденныхъ надписяхъ помѣщены въ столь легко доступныхъ изданіяхъ, какъ „Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Коммиссіей“, „Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи“, „Записки Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей“ и т. п. Въ виду этихъ соображеній я рѣшилъ включить въ изборникъ только такія спеціально эпиграфическія статьи, которыя посвящены изданію или изслѣдованію особенно важныхъ документовъ, потребовавшихъ болѣе или менѣе обширныхъ историко-филологическихъ, археологическихъ и т. п. объясненій, которыя не воспроизведены или не будутъ воспроизведены полностью при переизданіи данныхъ документовъ въ „Inscriptiones“. Таковы, напр., надпись въ честь С. Октавія Фронтона, гражданская присяга Херсонисцевъ, Діонисопольскій декретъ въ честь Акорніона и др. Наконецъ, не включены въ изборникъ и такія статьи, которыя не принадлежатъ намъ лично, а посвящены изданію, объясненію или переводу чужихъ работъ, какъ, напр., „Къ исторіи археологическихъ изслѣдованій въ южной Россіи“, а также и мелкія эпиграфическія и библіографическія замѣтки.

Для удобства читателей мы прилагаемъ къ настоящему предисловію библіографическій списокъ нашихъ статей, не вошедшихъ въ предлагаемый изборникъ, за исключеніемъ крупныхъ изслѣдованій, вышедшихъ отдѣльными изданіями,

каковы: „Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи“, „Житія св. епископовъ Херсонскихъ“ и упомянутые сборники надписей.

Что касается до порядка размѣщенія статей въ изборникѣ, то намъ пришлось отказаться отъ первоначальнаго намѣренія размѣстить ихъ по содержанію (исторія, географія, археологія, эпиграфика, критика): оказалось болѣе удобнымъ раздѣлить статьи на два большихъ отдѣла (*а.* статьи научнаго содержанія и *б.* критическія статьи) и въ обоихъ размѣстить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ написанія, въ большинствѣ случаевъ совпадающемъ и съ порядкомъ появленія въ свѣтъ. При этомъ оказались въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыя статьи, объединенныя общимъ заглавіемъ (напр., „Къ исторіи Воспорскаго царства“, „Эпиграфическіе этюды“, „Замѣтки по древней географіи“), но за то получилась возможность дѣлать въ позднѣйшихъ по времени статьяхъ точныя ссылки на предшествующія. Хронологическое исключеніе представляетъ собою не изданная раньше рѣчь предъ защитою докторской диссертаціи (17 мая 1887 г.), по содержанію своему могущая служить „вмѣсто введенія“ ко всѣмъ послѣдующимъ статьямъ изборника и потому помѣщенная на первомъ мѣстѣ, хотя по времени произнесенія она позднѣе написанія трехъ слѣдующихъ за нею статей.

Статьи перепечатаны въ изборникѣ въ томъ видѣ, въ какомъ появились въ свѣтъ первоначально, со внесеніемъ лишь мелкихъ стилистическихъ поправокъ, гдѣ таковыя оказывались необходимыми, и, конечно, съ исправленіемъ опечатокъ. Поправки и дополненія *по существу* (напр. указанія на позднѣйшую литературу и т. п.) отмѣчены прямыми скобками. Признавъ принципіально желательнымъ сохранить первоначальный видъ статей, я не счелъ возможнымъ включить въ „Очеркъ исторіи Воспорскаго царства“ два позднѣйшихъ дополненія къ нему („Къ исторіи Воспорскаго царства“. I и II) и поставилъ ихъ отдѣльно на тѣхъ мѣстахъ, которыя приходились на ихъ долю въ общей хронологической послѣдовательности статей. Къ четыремъ статьямъ приложены таблицы, изъ которыхъ 2-я, 3-я и 4-я воспроизведены по клише, изготовленнымъ для первоначальнаго изданія. Что касается до табл. 1-й, то на ней предполагалось воспроизвести цинкографическій снимокъ діонисопольскаго камня съ декретомъ въ честь Акорніона, приложенный къ первому изданію (Журналъ М. Н. Пр., январь 1896 г.), но, къ сожалѣнію, не удалось отыскать ни клише, ни фотографическаго снимка, съ котораго оно было сдѣлано, такъ что пришлось замѣнить его текстомъ надписи, набраннымъ печатнымъ эпиграфическимъ шрифтомъ, — быть можетъ, къ

лучшему, такъ какъ текстъ на клише читался весьма неявственно. Читатели благоволятъ исправить въ этомъ смыслѣ упоминаніе о таблицѣ I на стр. 230, строки 23—24 сверху.

Во время печатанія изборника, предлагаемаго нынѣ благосклонному вниманію читателей, скончался послѣ продолжительной болѣзни нашъ дорогой учитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Соколовъ, которому мы всецѣло обязаны не только благожелательнымъ и любвеобильнымъ руководствомъ въ нашихъ первыхъ научныхъ шагахъ, но и направленіемъ нашихъ ученыхъ интересовъ на эпиграфику припонтійскихъ областей. Крайне сожалѣемъ, что онъ не будетъ уже имѣть въ рукахъ этого собранія статей, къ которымъ онъ всегда относился съ живымъ интересомъ. Посвященіе сборника дорогой памяти Ѳедора Ѳедоровича да послужитъ видимымъ знакомъ того глубокаго уваженія и искренней признательности, съ которыми мы навсегда сохранимъ въ своемъ сердцѣ образъ досточтимаго учителя.

В. Л.

Іюль 1909 г.

Библіографическій списокъ статей, не включенныхъ въ изборникъ.

1. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго. *Журналъ М. Н. Пр.*, іюнь 1884. (То же на французскомъ яз. въ Bulletin de correspondance Hellénique, т. IX, 1885).
2. Кавказскіе памятники въ Москвѣ. *Записки Имп. Русскаго Археолог. Общ.* н. с. т. II, вып. 1 (1886).
3. Библіографическая замѣтка о XIV томѣ „Записокъ Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей“. *Тамъ же*, вып. 3. (Подп. *В. Л.*).
4. Новая надпись изъ Цартенита. *Зап. Одесскаго Общ. ист. и др.* т. XIV.
5. Zu Mitth. X, S. 317, № 5 (замѣтка объ одной вновь изданной надписи изъ Варны). *Mittheilungen d. Deutschen Arch. Instituts in Athen*, т. XI (1886).
6. Къ исторіи археологическихъ изслѣдованій въ южной Россіи. Изъ переписки А. Н. Оленина. Неизданная рукопись Дюбрюкса. *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. XV (1889).
7. Загадочныя Ольвійскія надписи. *Тамъ же.*
8. Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Приложеніе къ „Отчету Имп. Арх. Комм. за 1881—1888 г.“ и отдѣльно. Petropoli 1890. 28 стр. 4°.
9. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. I. *Записки Имп. Р. Арх. Общ.* н. с. т. IV (1890).
10. Тоже, ст. II. *Тамъ же*, т. V (1891).
11. Тоже, ст. III. *Тамъ же*, т. VII (1893).

12. Греческія и латинскія надписи, найд. въ южной Россіи въ 1888—1891 годахъ. *Матеріалы по археологіи Россіи*, изд. Имп. Арх. Комм., № 9 (1892), 65 стр. 4°.
13. Къ надгробію Инаноы, дочери Главкія. *Журналъ М. Н. Пр.*, ноябрь 1892.
14. Къ надгробію Хрйсты, дочери Александра. *Тамъ же*, май 1893.
15. Библіограф. замѣтка о XVI томѣ „Записокъ Имп. Одесскаго Общ. ист. и древностей“. *Филолог. Обозрѣніе*, т. V, кн. 2 (1893). Подп. *В. Л.*
16. Inscriptiones Graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) musco Surutschaniano, quad est Kischinevi, inlatae. Edidd. I. Surutschan et B. Latyschew. Petropoli 1894. IV + 29 стр. 8°, съ табл.
17. Этюды по Византійской эпиграфикѣ. 1. *Византійскій Временникъ*, т. I (1894).
18. Греческія и латинскія надписи, найд. въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. *Матеріалы по археологіи Россіи*, изд. Имп. Арх. Комм., № 17. Спб. 1895. IV + 86 стр. 4°.
19. Inschriften aus dem Taurischen Chersonesos. *Sitzungsberichte d. Kön. Preuss. Akad. d. Wissenschaften* 1895, № XXVII.
20. Этюды по Византійской эпиграфикѣ. 3. *Виз. Врем.* т. II (1895).
21. Библіограф. замѣтка о XVIII т. „Записокъ Имп. Од. Общ. ист. и древн.“ *Филолог. Обозрѣніе*, т. IX (1895).
22. Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма. 1—4. *Зап. Имп. Од. Общ. ист. и древн.*, т. XX, XXI, XXIII.
23. Греческія и латинскія надписи, найд. въ южной Россіи въ 1895—1898 гг. *Мат. по арх. Россіи*, изд. Имп. Арх. Комм., № 23. Спб. 1899. 76 стр. 4°.
24. Этюды по Визант. эпиграфикѣ. 4. *Виз. Врем.* т. VI (1899).
25. Присяга гражданъ города Херсониса Таврическаго. Греч. текстъ съ русскимъ переводомъ и краткими объясненіями (популярное изданіе). Спб. 1900. 16 стр. 8°.
26. Эпиграфическая замѣтка. *Зап. Имп. Од. Общ. ист. и древн.*, т. XXII (1900).
27. Надпись о постройкѣ Херсонисской стѣны. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, в. 1 (1901).

28. Греческія и латинскія надписи, найд. въ южной Россіи въ 1900 г. *Тамъ же*, вып. 2 (1901).
29. Греч. и лат. надписи, найд. въ южной Россіи въ 1901 г. *Тамъ же*, вып. 3 (1902).
30. Къ вопросу объ античной посудѣ съ штемпелемъ KIPBEI. *Тамъ же*, вып. 4 (1902).
31. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1901—1903 гг.). *Тамъ же*, вып. 10 (1904).
32. Дополненія и поправки къ надписямъ, изданнымъ въ сборникѣ „Inscriptiones orae sept. Ponti Euxini". *Тамъ же.*
33. Замѣтки о Кавказскихъ надписяхъ. *Тамъ же.*
34. Inscriptions métriques de Panticapée. *Mélanges Nicole.* Genève. 1905.
35. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1903—1905 гг.). *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 14 (1905).
36. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1905 г.). *Тамъ же*, вып. 18.
37. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1906 г.). *Тамъ же*, вып. 23.
38. Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ изъ южной Россіи. *Тамъ же.*
39. Страданіе святыхъ священномучениковъ и епископовъ Херсонскихъ Василея, Капитона и иныхъ съ ними. Перев. съ греч. *Тамъ же.*
40. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1907 г.). *Тамъ же*, вып. 27.
41. Два барельефа съ надписями изъ села Знаменскаго-Губайлова. *Отчетъ Имп. Росс. Истор. музея за 1907 г.*
42. Замѣтки къ агіологическимъ текстамъ. II. Къ житіямъ св. епископовъ Херсонскихъ. *Извѣстія Отд. русскаго яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ*, т. XIII, кн. 3 (1908).
43. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1908 г.). *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 33.

ОТДѢЛЪ I.

СТАТЬИ НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Вмѣсто введенія.

Рѣчь предъ защитой докторской диссертаціи („Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи“) въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 17 мая 1887 г.

Мм. Гг. Въ первый разъ еще, насколько мнѣ извѣстно, въ русскомъ университетѣ представляется для соисканія высшей ученой степени трудъ, посвященный разработкѣ исторіи одного изъ эллинскихъ поселеній, нѣкогда процвѣтавшихъ на южной окраинѣ широкой равнины, которую мы называемъ нашимъ отечествомъ. На первый взглядъ выборъ такой темы легко можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Сѣверныя побережья Чернаго моря представлялись древнимъ народамъ чуть не краемъ свѣта, лежавшія здѣсь поселенія рисовались имъ, безъ сомнѣнія, приблизительно такъ, какъ намъ рисуются захолустные уголки дальнихъ краевъ Сибири, да и на дѣлѣ служили для римлянъ и византійцевъ мѣстомъ тягостной ссылки. Припомнимъ ссылку Овидія и его жалобу:

Heu loca felici non adeunda viro!
Ergo tam late pateat cum maximus orbis,
Haec est in poenam terra reperta meam! (Trist. III, 10).

Итакъ, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, что не для чего было намъ забираться въ столь далекія захолустья, что въ богатой сокровищницѣ, завѣщанной намъ Эллинами, можно было найти болѣе интересные предметы изслѣдованія. Но дѣйствительно ли избранная мною тема такъ мало интересна, какъ можетъ представиться при первомъ взглядѣ на заглавный листъ моей книги? Я смѣло отвѣчаю: нѣтъ! и думаю, что нужно всего нѣсколько словъ, чтобы разсѣять могущее возникнуть предубѣжденіе. Южно-русскія области, прилегающія къ Чер-

ному морю, представляютъ, напротивъ, весьма привлекательное поле для разысканій историка, географа и археолога. На сѣверныхъ берегахъ его нѣкогда процвѣтала чисто эллинская гражданственность, кипѣла бодрая, жизнерадостная дѣятельность эллинскаго духа, о которой даже теперь, по прошествіи долгаго ряда вѣковъ, послѣ многихъ опустошительныхъ урагановъ, проносившихся надъ этими областями, свидѣтельствуютъ многочисленные и разнообразные слѣды; здѣсь лежатъ развалины городовъ, описанныхъ и даже посѣщавшихся великими эллинскими писателями, здѣсь отыскиваются изящныя, художественныя произведенія эллинскаго искусства, открываются письменные памятники, объясняющіе и пополняющіе свидѣтельства древнихъ писателей объ этихъ странахъ. Всѣ сохранившіеся здѣсь остатки дороги и святы для всего образованнаго міра, для всякаго, кто не живетъ исключительно интересами настоящаго, а обращаетъ свой мысленный взоръ назадъ, въ глубь вѣковъ, стараясь познать и уяснить себѣ великую созидающую работу человѣческаго духа.

Если сѣверное побережье Чернаго моря представляется столь любопытнымъ на взглядъ всякаго образованнаго человѣка, то тѣмъ болѣе интересно оно для ученаго спеціалиста. Эллины повсюду оставались Эллинами, вездѣ, при самыхъ даже неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, умѣли отчетливо сохранять черты своей духовной физіономіи, повсюду, куда ни забрасывала ихъ любознательность или матеріальные интересы, въ Азіи ли или въ Африкѣ, въ Испаніи или на берегахъ Чернаго моря, умѣли устраивать тѣ формы гражданственности, къ которымъ привыкали на родинѣ, повсюду насаждали свои политіи съ ихъ типическими чертами. Поэтому тщательное знакомство съ формами ихъ гражданственности въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ земли необходимо для всякаго, кто желалъ бы по возможности всесторонне уяснить себѣ ходъ развитія ихъ государственнаго быта и тѣ формы, въ которыя онъ постепенно отливался. Археологу, изучающему ихъ индустрію и искусство, также необходимо заглядывать въ эти далекіе уголки, такъ какъ, благодаря живому обмѣну сношеній между Эллинами, въ нихъ попадаются, и весьма нерѣдко, настоящіе шедевры греческаго искусства. Одинъ изъ храмовъ или городскую площадь Ольвіи украшало произведеніе рѣзца великаго Праксителя. Кто изъ насъ, петербуржцевъ, не любовался въ Керченской залѣ Эрмитажа сокровищами греческаго искусства, добытыми изъ могилъ Керченскаго и Таманскаго полуострововъ? Эти статуи, рельефы, саркофаги, драгоцѣнныя золотыя украшенія, роскошныя вазы и терракотты, великолѣпныя камеи не могутъ не привлечь къ

себѣ самаго равнодушнаго взора, а любуясь ими, нельзя не изумляться могуществу эллинскаго генія, нельзя предъ нимъ не преклоняться. А ученые, углубляющіеся въ изслѣдованіе русской исторіи и жизни, развѣ не должны обращаться за свѣдѣніями къ этой же великой сокровищницѣ? Положимъ, эллинскія поселенія южной Россіи, за исключеніемъ Херсониса и Воспора, уже давно лежали въ развалинахъ, когда только-что начинала заниматься заря Русской исторіи; положимъ, что ихъ исторія есть только исторія нашей территоріи, а не наша собственная; но вѣдь Эллины здѣсь жили не въ пустомъ пространствѣ,—они были окружены туземными народами, съ которыми постоянно приходили то во враждебныя столкновенія, то въ мирныя, дружескія сношенія, при чемъ ихъ высокая культура не могла не дѣйствовать обаятельно на грубыхъ туземцевъ, не могла не восприниматься ими и производить свое облагораживающее вліяніе. Еще въ V в. до Р. Хр., до временъ Иродота, сосѣднее съ Ольвіею племя Каллипидовъ настолько восприняло черты эллинской культуры и настолько смѣшалось съ Эллинами, что носитъ у отца исторіи названіе эллино-скиѳовъ; царь Скилъ и Анахарсисъ также еще до временъ Иродота поплатились головою за свою приверженность къ эллинскому образу жизни, ихъ религіи и культурѣ. Находимые въ скиѳскихъ могилахъ вещественные памятники носятъ на себѣ нерѣдко яркіе признаки вліянія греческаго искусства. Это вліяніе продолжалось въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, переходило отъ народа къ народу и, безъ сомнѣнія, продолжало дѣйствовать даже послѣ того, какъ для многихъ эллинскихъ поселеній пробилъ смертный часъ, и въ большей или меньшей степени отразилось и на нашихъ предкахъ Славянахъ, которымъ суждено было стать здѣсь господами и владыками и которые именно здѣсь, въ странахъ черноморскихъ, впервые заявили міру о своемъ имени и призваніи. Знатоки славянской древности указываютъ даже нѣкоторыя славянскія племена между народами, жившими на югѣ Россіи еще до Р. Хр. Если это такъ, то они должны были находиться въ прямой сферѣ культурнаго вліянія Эллиновъ, хотя, конечно, степень этого вліянія еще не можетъ быть выяснена даже съ приблизительною точностью. Здѣсь мы напомнимъ только, что даже свѣтъ Христовъ озарилъ нашу родину изъ эллинскаго города въ Крыму — Корсуня, древняго Херсониса.

А историческая географія великой восточной Европейской равнины? Кто не знаетъ, что мы обязаны почти исключительно Эллинамъ знакомствомъ съ тѣмъ видомъ, какой представляла если не вся широкая матушка-Русь, то по крайней мѣрѣ южныя ея окраины за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова? Кто изъ

образованныхъ русскихъ людей не читалъ „Скиѳіи“ Иродота, къ которому если справедливо прилагается почетное имя „отца исторіи“, то съ такимъ же правомъ можетъ быть приложено и имя „отца русской географіи?“ Кто не интересовался географическими извѣстіями Стравона, Плинія, Птолемея, Арріана, Помпонія Мелы и многихъ другихъ? А вѣдь если бы Эллины уже съ раннихъ временъ не ввели Понта Евксинскаго въ раіонъ своихъ обычныхъ морскихъ сношеній, если бы не покрыли его береговъ цвѣтущею гирляндою своихъ поселеній, то ни Иродотъ, ни другіе названные авторы не могли бы сообщить намъ и десятой доли того, что мы на самомъ дѣлѣ у нихъ находимъ, такъ что и въ этомъ отношеніи эллинскія поселенія на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря сослужили намъ великую службу.

Послѣ всего, что я здѣсь припомнилъ и намѣтилъ въ краткихъ чертахъ, никто не скажетъ, надѣюсь, что эти захолустные уголки древняго міра не заслуживаютъ съ нашей стороны самаго серьезнаго вниманія, самаго тщательнаго изслѣдованія. „Было бы постыдно, сказалъ однажды присутствующій здѣсь достоуважаемый проф. В. Г. Васильевскій, было бы постыдно для русской науки и для русской образованности, еслибъ она осталась слѣпа къ тому, что находится предъ глазами, опустила бы возможность сдѣлать свой вкладъ въ общую сокровищницу, не сумѣла бы стать въ болѣе живыя и самостоятельныя отношенія къ изученію классическаго міра“ [1]).

Было бы, однако, грѣшно и несправедливо сказать, что русская наука игнорировала лежащую на ней важную задачу, что она, говоря опять словами Василія Григорьевича, „осталась глухою и невнимательною къ тѣмъ запросамъ, которые къ ней предъявлялись самымъ положеніемъ вещей“. Въ западныхъ литературахъ едва можно указать нѣсколько именъ ученыхъ (и между ними звѣздою первой величины сіяетъ имя знаменитаго Августа Бека), которые бы спеціально и самостоятельно работали надъ географіею, исторіею и древностями сѣвернаго Черноморья. Между тѣмъ въ родной наукѣ такія имена насчитываются десятками, хотя, конечно, весьма различны тѣ права на вниманіе и благодарность потомства, которыя заслужилъ каждый изъ бывшихъ отечественныхъ дѣятелей въ этой области. Я не буду утомлять Вашего вниманія, Мм. Гг., подробнымъ перечнемъ относящихся сюда трудовъ, которые и безъ того, конечно, Вамъ извѣстны; я

1) *Ж. М. Н. Пр.* ноябрь 1879, стр. 84.

только припомню вкратцѣ болѣе выдающіяся имена. По исторической географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря работали: знаменитый академикъ Палласъ, Броневскій, Муравьевъ-Апостолъ, Кёппенъ, Стемпковскій, Бларамбергъ, Дюбрюксъ, Надеждинъ, Беккеръ, весьма строгій и точный изслѣдователь вопросовъ, касавшихся топографіи сѣвернаго побережья Чернаго моря, проф. Брунъ, считавшійся въ свое время первымъ знатокомъ южно-русской географіи, графъ А. С. Уваровъ, Боннель и мн. др. По исторіи, древностямъ и эпиграфикѣ поселеній работали: Бларамбергъ, Кёппенъ, Кёне, Спасскій, Грефе, гр. Уваровъ, Мурзакевичъ, В. Н. Юргевичъ, по эпиграфикѣ Кавказа И. В. Помяловскій. По археологіи: Ваксель, Оленинъ, Беккеръ, Ашикъ, Стефани, Кондаковъ и др. По нумизматикѣ: Кёлеръ, Стемпковскій, Бларамбергъ, Кёне, гр. Уваровъ, Спасскій, Григорьевъ, Бурачковъ, въ послѣднее время Подшиваловъ, Орѣшниковъ, Гиль и др. Раскопки производили: Бларамбергъ, Ашикъ, Корейша, гр. Уваровъ, баронъ Тизенгаузенъ, Забѣлинъ, Люценко и мн. др.

Сравнительно болѣе посчастливилось исторической географіи и нумизматикѣ. Не буду останавливаться на причинахъ предпочтенія, которое видимо оказывалось учеными этимъ двумъ сторонамъ изученія эллинскихъ древностей сѣвернаго черноморскаго побережья, скажу только, что сравнительно большая интенсивность занятій въ этихъ областяхъ увѣнчалась и болѣе прочными результатами. По нумизматикѣ, напр., мы имѣемъ уже полный каталогъ Бурачкова, представляющій собою хорошій repertorium. Однако, говоря вообще, результаты, достигнутые усиліями ученыхъ, работавшихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія (если считать начало работы отъ присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 г.), не могутъ быть названы особенно блестящими; можно смѣло сказать, что сдѣлано далеко не все, что могло и должно было быть сдѣлано. Главными причинами этого прискорбнаго факта можно назвать 1) то, что большинство ученыхъ работало, такъ сказать, вразбродъ, безъ опредѣленныхъ систематическихъ плановъ, безъ желанія направить общія дружныя усилія на достиженіе заранѣе поставленныхъ наиболѣе важныхъ въ данное время цѣлей. Одесское Общество исторіи и древностей, основанное въ 1839 г., поставило такое объединеніе ученыхъ силъ одною изъ главныхъ своихъ задачъ, но нельзя сказать, чтобы оно вполнѣ достигло своей цѣли. Далѣе важнымъ тормазомъ служило отсутствіе серьезныхъ подготовительныхъ работъ; при такой разобщенности труда каждый изслѣдователь, изучая ту или другую область, долженъ былъ самъ начинать съизнова предварительную работу изученія

относящейся къ дѣлу древней литературы, при чемъ далеко не всѣ обладали настолько хорошей филологической подготовкой, чтобы могли совладать въ подлинникахъ даже съ древними писателями, не говоря уже о надписяхъ, и должны были довольствоваться переводами безъ возможности ихъ провѣрить или оцѣнить ихъ достоинство; вслѣдствіе этого начитанность многихъ изслѣдователей въ древней литературѣ оказывалась крайне поверхностною, а это не могло не вліять на достоинство ихъ работъ. Матеріалы, вновь открывавшіеся при раскопкахъ, публиковались также разбросанно, самыя раскопки не велись съ тою систематичностью, которая была бы желательна.

Поэтому систематическое изслѣдованіе мѣстъ древнихъ поселеній, затѣмъ собраніе существующихъ обильныхъ матеріаловъ и очищеніе ихъ путемъ строгой критики — таковы ближайшія задачи, которыя представляются современнымъ дѣятелямъ на южно-русской историко-археологической нивѣ и которыя составятъ фундаментъ будущаго зданія научной исторіи эллинскихъ поселеній сѣвернаго Черноморья. Необходимость такого изданія, въ которомъ были бы съ возможною полнотою собраны, критически провѣрены, снабжены точными переводами и необходимыми поясненіями всѣ относящіяся къ нынѣшней южной Россіи и Кавказу извѣстія древнихъ писателей, чувствовалась уже очень давно и неоднократно указывалась въ русской литературѣ (напр., покойнымъ П. М. Леонтьевымъ въ „Пропилеяхъ“), были даже попытки къ удовлетворенію этой потребности (Минцлова въ 50-хъ годахъ), но онѣ или остались не осуществившимися, или исполнены такъ, что не исключаютъ возможности или даже желательности новой обработки. Не менѣе, если еще не болѣе, ощутительна была потребность въ полномъ собраніи древнихъ надписей, найденныхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Надписи, опубликованныя до конца 20-хъ годовъ и даже въ 30-хъ, собраны во II томѣ капитальнаго изданія Бёка, снабжены пространнымъ введеніемъ и болѣе или менѣе подробными комментаріями; но съ тѣхъ поръ открыта масса новыхъ эпиграфическихъ памятниковъ, которые отчасти были разбросаны по разнымъ русскимъ и иностраннымъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ, иногда весьма трудно доступнымъ, отчасти оставались неизданными въ музеяхъ, коллекціяхъ частныхъ владѣльцевъ или на мѣстахъ находки. Императорское Русское Археологическое Общество во 2-й половинѣ 70-хъ годовъ рѣшило пойти навстрѣчу этой потребности новаго собранія надписей и въ 1882 г., послѣ моего возвращенія изъ заграничной командировки, по предложенію Ѳ. Ѳ. Соколова удостоило

меня въ высокой степени лестнымъ порученіемъ продолжать уже начатыя работы, вмѣнивъ въ обязанность вновь списать или сличить всѣ найденные эпиграфическіе памятники, которые мнѣ удастся отыскать въ музеяхъ и коллекціяхъ Петербурга, Москвы и южной Россіи. Первый томъ сборника надписей, вышедшій почти 2 года тому назадъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что я не отложилъ въ дальній ящикъ исполненіе лестнаго порученія Общества, а одобрительные отзывы о моей работѣ въ заграничной и русской печати позволили мнѣ имѣть радостную увѣренность, что мнѣ удалось хотя до нѣкоторой степени оправдать оказанное мнѣ высокое довѣріе. Я тѣмъ охотнѣе работалъ надъ этимъ дѣломъ, что оно открыло мнѣ цѣлую область занятій, увлекательную уже тѣмъ, что въ ней можно работать многіе годы и притомъ съ надеждою достигнуть болѣе или менѣе цѣнныхъ результатовъ, имѣть право сказать, что труды не пропадаютъ даромъ, наконецъ, область такую, которая самимъ положеніемъ вещей, такъ сказать, отмежевана преимущественно для русскихъ работниковъ.

Прямымъ слѣдствіемъ порученнаго мнѣ дѣла являются и мои „Изслѣдованія объ Ольвіи“, стоящія въ тѣсной связи съ первымъ томомъ собранія надписей и могущія служить введеніемъ къ самому значительному его отдѣлу. Фундаментомъ для этой книги послужили тѣ подготовительныя работы, которыя были сдѣланы мною для комментированія ольвійскихъ надписей въ Сборникѣ; но само собою разумѣется, что книга нисколько не теряетъ отъ этого своего самостоятельнаго значенія, такъ какъ результаты подготовительныхъ работъ включены въ сборникъ надписей, въ виду его характера, далеко не всѣ и притомъ въ самомъ сжатомъ видѣ; здѣсь они развиты, дополнены и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже исправлены, что вполнѣ естественно при новой переработкѣ однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Съ другой стороны, Сборникъ заключаетъ въ себѣ сводъ оправдательныхъ документовъ для книги, такъ что они служатъ необходимымъ дополненіемъ другъ для друга. Чѣмъ обусловливалась моя рѣшимость вновь обработать и издать отдѣльно собранные мною матеріалы, почему я принужденъ былъ отступить отъ первоначальнаго широко задуманнаго плана работы и какъ я относился къ источникамъ литературы, эпиграфики и нумизматики, — обо всемъ этомъ вкратцѣ сказано въ предисловіи къ моей книгѣ, такъ что я не буду теперь останавливаться на этихъ вопросахъ и развивать подробнѣе мысли, кратко выраженныя въ предисловіи. Позволю себѣ однако высказать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній съ цѣлью установить по возможности правильный взглядъ на свою работу. Перелистывая

ее послѣ окончанія печатанія, я, какъ безъ сомнѣнія и всякій авторъ, испытывалъ тихую радость вслѣдствіе достиженія поставленной себѣ цѣли, но это чувство не могло не отравляться тѣми недостатками, которыхъ я не могъ въ ней предотвратить. Много еще остается ничѣмъ не заполненныхъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ относительно исторіи и государственнаго строя Ольвіи, многое намѣчено лишь гадательно, построено если не на воздухѣ, то на пескѣ и доступно многимъ возраженіямъ; но здѣсь вина ложитъ главнымъ образомъ въ крайней недостаточности источниковъ: ἡ τοῦ πράγματος φύσις τἀκριβὲς πολλάκις οὐκ ἐπεδέχετο, можно сказать нѣсколько измѣненными словами Аристотеля. Я старался собрать по возможности все, что мнѣ давали существующіе источники, быть можетъ, иногда заходилъ даже дальше, чѣмъ бы слѣдовало; это было естественнымъ слѣдствіемъ невольнаго увлеченія предметомъ: мысль далеко уносилась за предѣлы наличнаго матеріала, создавала цѣлые образы и картины — и, несмотря на все желаніе держаться на почвѣ фактовъ, часто выливались на бумагу тѣ или другія соображенія, предположенія, которыя не покоятся на твердой фактической основѣ; но еще чаще приходилось бросать перо въ невольной досадѣ на то, что неумолимое время донесло до насъ лишь ничтожные обрывки той канвы, на которой сплотались событія, лишь глухіе отголоски той кипучей жизни, ареною которой служили окружающія Ольвію степи. Ольвіополиты не оставались, конечно, безучастными зрителями того, что ихъ окружало; они то вели дружескія торговыя сношенія съ своими сосѣдями, озаряя ихъ свѣтомъ своей культуры, то—еще чаще — страдали отъ набѣговъ дикихъ ордъ, вытѣснявшихъ ихъ дружественныхъ сосѣдей. То Скиѳы, то Галаты, то Геты грозили имъ своими нападеніями, заставляли придумывать всевозможныя средства для обороны и неоднократно даже разоряли. Это вліяніе сосѣдей на жизнь Ольвіополитовъ, конечно, не могло не обращать на себя моего вниманія; но я долженъ сказать, что, поставивъ себѣ главною задачею изслѣдованіе политической жизни только этого города, я *намѣренно* касался его сосѣдей лишь настолько, насколько это нужно было для выясненія ихъ отношеній къ Ольвіи. Касаться ихъ подробнѣе значило бы выходить за предѣлы предначертаннаго плана и притомъ безъ пользы для него. Я добровольно запирался въ стѣнахъ Ольвіи и только по временамъ дѣлалъ экскурсіи къ окружавшимъ ее народамъ, ὅπως θεάσωμαι τἀκεῖ πράγματα ὁποῖά ἐστιν. Поэтому ошиблись бы тѣ, которые стали бы искать въ моей книгѣ подробнаго изложенія всѣхъ свѣдѣній о народахъ, жившихъ въ степяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ,

полноты указаній на литературу объ этихъ народахъ и т. п., — это не требовалось самой задачей моего труда. Я отказался также и отъ изложенія вопроса о степени культурнаго вліянія Ольвіополитовъ на ихъ сосѣдей, такъ какъ этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, нельзя разсматривать отдѣльно по колоніямъ, а слѣдуетъ ставить въ болѣе общемъ и широкомъ видѣ—о вліяніи *эллинской* культуры вообще. Но въ такомъ видѣ онъ опять-таки выходилъ за опредѣленныя мною рамки моего труда. Затѣмъ, въ виду скудости источниковъ, приходилось, такъ сказать, выжимать изъ нихъ всѣ свѣдѣнія и потому неоднократно возвращаться къ одному и тому же документу. Отсюда неизбѣжныя повторенія въ разныхъ частяхъ книги.

Обращаясь къ результатамъ, достигнутымъ мною въ настоящемъ трудѣ, позволю себѣ здѣсь только отмѣтить, что, несмотря на крайнюю скудость источниковъ, оказалось возможнымъ при болѣе внимательномъ ихъ пересмотрѣ установить нѣкоторые пункты исторіи и государственнаго строя Ольвіи гораздо тверже, нежели то было сдѣлано въ трудахъ моихъ предшественниковъ. Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ выставлены мною въ видѣ „положеній“, такъ что я могу не утруждать вашего вниманія ихъ перечисленіемъ. Только въ видѣ примѣра укажу, что личное ознакомленіе съ большинствомъ епиграфическихъ памятниковъ Ольвіи, съ ихъ внѣшнимъ видомъ и характеромъ письма, сопоставленіе ихъ по содержанію и пр. позволили мнѣ съ достаточною прочностью опредѣлить время многихъ изъ нихъ и, стало быть, болѣе или менѣе прочно пріурочить къ опредѣленнымъ временамъ сообщаемые ими факты. Особенное вниманіе я обратилъ при этомъ на Протогеновскій декретъ, эту жемчужину черноморской епиграфики, и, надѣюсь, успѣлъ съ достаточною убѣдительностью поставить его въ III в. до Р. Хр. Важность же болѣе прочнаго опредѣленія его времени очевидна для всякаго, кто уже взялъ или еще возьметъ на себя трудъ перелистовать мою книгу: именемъ „Протогеновскаго декрета“ испещрены, можно сказать, всѣ ея страницы. Эпиграфическіе же памятники позволили намъ до нѣкоторой степени познакомиться съ положеніемъ Ольвіи въ IV в. до Р. Хр., о которомъ въ памятникахъ литературы нѣтъ ни одного слова.

Позволю себѣ еще одну оговорку. Всякій, кто знаетъ, что не прошло еще полныхъ 2-хъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я выпустилъ 1-й томъ сборника надписей, что за это же время я напечаталъ нѣсколько мелкихъ работъ и долженъ былъ посвящать не мало времени должностнымъ своимъ занятіямъ въ Ист.-Фил. Институтѣ и Университетѣ, легко можетъ подумать, что я слишкомъ поспѣшилъ

изданіемъ въ свѣтъ своей работы, забывъ золотое правило: nonum prematur in annum, и склоненъ будетъ искать въ ней признаковъ необдуманности, незрѣлости и опрометчивости выводовъ. Есть ли въ ней дѣйствительно такіе признаки, объ этомъ судить, конечно, не мнѣ; я могу сказать только, что матеріалы для этой работы собирались постепенно вмѣстѣ съ обработкою перваго тома надписей, начатою еще въ 1882 г., такъ что она подготовлялась въ теченіе 5 лѣтъ, и на послѣдніе два года приходится только *окончательная ея обработка.*

Мои работы въ той области, которую мнѣ открыло лестное порученіе Археологическаго Общества, далеко еще не кончены или, вѣрнѣе сказать, только еще начаты: я издалъ 1-й томъ сборника надписей, но за мною еще 2-й и 3-й; я собираю матеріалы для свода извѣстій древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, но когда онъ увидитъ свѣтъ, не могу сказать даже приблизительно; я представляю на судъ моихъ достоуважаемыхъ оппонентовъ „Изслѣдованія объ Ольвіи“, но и исторія другихъ эллинскихъ колоній юга Россіи нуждается въ новой обработкѣ. Насколько и какъ сумѣю я выполнить эти задачи, это покажетъ время и мои силы; но если даже та часть фундамента будущаго зданія исторіи эллинскихъ поселеній нашего юга, которая уже сложена мною, окажется сложенною прочно, если ее не размоютъ волны безпристрастной критики, то и тогда я буду считать себя въ правѣ сказать, что работалъ не даромъ, что мнѣ удалось кое-что сдѣлать для родной историко-филологической науки, служить которой по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ я поставилъ завѣтною цѣлью своей жизни.

Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря[1]).

Мм. Гг. Между вещественными памятниками, сохранившимися въ нѣдрахъ земли въ тѣхъ мѣстностяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, гдѣ въ давно минувшіе вѣка процвѣтали эллинскія поселенія, безспорно первое мѣсто по важности для изученія разныхъ сторонъ жизни этихъ поселеній занимаютъ *памятники эпиграфическіе*. Громадное значеніе ихъ для историко-филологической науки сознано уже давно, хотя лишь въ нашемъ вѣкѣ на нихъ обращено вполнѣ серьезное вниманіе и ихъ изученіе поставлено на строго-научную почву. Пока сѣверное Черноморское побережье находилось подъ игомъ турецкой власти, объ археологическомъ его изученіи, понятно, не могло быть и рѣчи; но послѣ того, какъ оно вошло въ составъ Россійскаго государства и сдѣлалось доступно мирнымъ дѣятелямъ на поприщѣ той или другой науки, стали мало-по-малу открываться и археологическія сокровища, хранившіяся въ нѣдрахъ его земли. Еще въ концѣ прошлаго вѣка и въ самомъ началѣ нынѣшняго путешественники по южной Россіи, хотя и не будучи археологами-спеціалистами, обращали между прочимъ вниманіе и на эпиграфическіе памятники, списывали и издавали ихъ въ описаніяхъ своихъ путешествій или спеціальныхъ трудахъ. Наша наука можетъ съ признательностью вспомнить имена академика Палласа, Вакселя, Клэрка, г-жи Гётри и др. лицъ, которымъ она обязана обнародованіемъ первыхъ памятниковъ древняго искусства и письменности въ Новороссійскомъ краѣ и пробужденіемъ къ нимъ интереса. Наибольшее вниманіе въ этомъ отношеніи

1) Прочитано въ одномъ изъ засѣданій VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ въ августѣ 1884 г. Напечатано въ *Трудахъ* съѣзда, т. II, стр. 44—55 (Одесса, 1887).

привлекали къ себѣ, само собою разумѣется, тѣ мѣстности этого края, въ которыхъ нѣкогда находились важнѣйшія изъ эллинскихъ поселеній: Тира, Ольвія, Херсонисъ Таврическій, Пантикапей, Фанагорія и др. Изученіе этихъ мѣстностей особенно оживилось въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нашего вѣка, когда археологическими изслѣдованіями въ южной Россіи усердно и ревностно занимался цѣлый рядъ спеціалистовъ или просвѣщенныхъ любителей старины. Имена Кёлера, Кёппена, Стемпковскаго, Бларамберга, Дюбрюкса, Рауль-Рошетта, Дюбуа-де-Монперё останутся незабвенными въ лѣтописяхъ историко-археологическаго изученія сѣвернаго Черноморскаго побережья. Благодаря ихъ трудамъ, которымъ съ своей стороны много содѣйствовали просвѣщенные правители края, административные въ немъ дѣятели и владѣльцы мѣстностей, въ которыхъ нѣкогда находились эллинскія поселенія (припомнимъ имена князя Воронцова, графовъ Безбородко и Потоцкихъ), значительное количество эпиграфическихъ памятниковъ было открыто, списано и сдѣлано доступнымъ ученому міру въ разныхъ сочиненіяхъ, сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ „Одесскій Вѣстникъ“, съ самаго своего основанія гостепріимно открывавшій свои страницы изслѣдователямъ мѣстной старины для ознакомленія читающей публики съ археологическими новинками. Такимъ образомъ, когда знаменитый Августъ Бёкъ приступилъ къ собранію эпиграфическихъ памятниковъ Черноморья для своего капитальнаго труда (Corpus inscriptionum Graecarum), ихъ количество дошло уже до сотни (кромѣ надписей керамическихъ, которыхъ у Бёка очень немного сравнительно съ громадной ихъ массой, извѣстной въ настоящее время), да кромѣ того въ „Прибавленіяхъ“ ко 2-му тому помѣщено до 40 надписей, сдѣлавшихся извѣстными издателю уже во время печатанія этого тома. Наибольшее количество памятниковъ доставили Ольвія и Воспорское царство, значительно меньшее—Херсонисъ; изъ Тиры и ея окрестностей въ собраніи Бёка есть только одна небольшая и плохо списанная надпись, заимствованная изъ сборника Вакселя. Вамъ извѣстны, Мм. Гг., многочисленныя и разностороннія достоинства классическаго труда Бёка, но не разъ, конечно, приходилось сожалѣть и объ одномъ изъ важныхъ его недостатковъ, именно о томъ, что самъ издатель не списывалъ вновь надписей — что впрочемъ было бы и невозможно для одного человѣка,—а помѣщалъ въ своемъ трудѣ такія ихъ копіи, какія существовали въ прежнихъ изданіяхъ или были ему доставляемы его учениками и знакомыми; многія изъ нихъ, какъ оказывалось впослѣдствіи, были

неполны или неудовлетворительны и тѣмъ давали иногда издателю поводъ къ толкованіямъ, оказывавшимся невѣрными; нерѣдко, впрочемъ, обширная эрудиція и критическій талантъ геніальнаго ученаго подсказывали ему такія объясненія и поправки, которыя впослѣдствіи совершенно оправдывались. Отъ указанныхъ недостатковъ не свободны и многія изъ помѣщенныхъ въ трудѣ Бёка копій надписей сѣвернаго Черноморскаго побережья.

Между тѣмъ здѣсь не прекращалась археологическая дѣятельность, центромъ которой всегда была и остается Одесса. На смѣну прежнимъ заслуженнымъ дѣятелямъ выступали новые, съ свѣжими силами, обогащенные плодами трудовъ своихъ предшественниковъ и ведшіе эти труды все далѣе и далѣе. Въ 1839 г. было основано Одесское Общество Исторіи и Древностей, сконцентрировавшее дѣятельность мѣстныхъ археологовъ и историковъ и оказавшее неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ изученія древностей края. Вновь открываемые то случайно, то при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ эпиграфическіе памятники находили себѣ между членами Общества компетентныхъ толкователей, а въ его „Запискахъ“ — удобное мѣсто изданія. Изъ 13-ти томовъ „Записокъ“ нѣтъ, кажется, ни одного, который бы не заключалъ въ себѣ бо́льшаго или меньшаго количества цѣнныхъ находокъ въ изданіяхъ и съ толкованіями членовъ Общества, изъ числа которыхъ наибольшее право на благодарность со стороны новыхъ научныхъ дѣятелей за свои труды и заслуги имѣютъ Н. Н. Мурзакевичъ, П. В. Беккеръ, Ф. К. Брунъ, Ѳ. А. Струве и въ особенности нынѣшній достоуважаемый вице-президентъ Общества, профессоръ В. Н. Юргевичъ, который вотъ уже четверть вѣка не перестаетъ неутомимо знакомить всѣхъ интересующихся съ вновь открываемыми эпиграфическими сокровищами Черноморья. Памятники Воспорскаго царства, которыхъ сравнительно очень немного издано въ „Запискахъ“, дѣлались извѣстными ученому міру другими путями. Въ 1848 г. бывшій директоръ Керченскаго музея А. Б. Ашикъ издалъ свое „Воспорское царство“, къ которому, при всѣхъ его недостаткахъ, до сихъ поръ приходится нерѣдко обращаться изслѣдователю, такъ какъ въ немъ отчасти перепечатаны изъ труда Бёка и другихъ изданій, отчасти вновь опубликованы многіе интересные эпиграфическіе документы. Въ 50-хъ годахъ почти всѣ бывшіе до того времени въ Керченскомъ музеѣ памятники были перевезены въ С.-Петербургскій Эрмитажъ и изданы хранителемъ его древностей, академикомъ Л. Э. Стефани, по своимъ новымъ копіямъ въ роскошномъ изданіи „Древностей Вос-

фора Киммерійскаго". Въ это изданіе вошли, между прочимъ, и тѣ надписи, которыя были открыты покойнымъ П. М. Леонтьевымъ на мѣстѣ древняго Танаида (близъ нынѣшней Недвиговки) при раскопкахъ, произведенныхъ имъ тамъ въ 1853 г., благодаря просвѣщенному содѣйствію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго. Затѣмъ, съ открытія дѣйствій Императорской Археологической Комиссіи, въ ея ежегодныхъ „Отчетахъ", начиная съ 1859 г. и до послѣдняго времени, вновь находимые воспорскіе памятники постоянно издавались и объяснялись тѣмъ же достопочтеннымъ академикомъ. Но указанными сейчасъ трудами, конечно, не ограничивается число изданій, въ которыхъ можно найти эпиграфическіе памятники Черноморья: значительное количество ихъ разсѣяно по отдѣльнымъ ученымъ трудамъ (въ видѣ примѣра укажемъ на „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря" графа А. С. Уварова), сборникамъ и періодическимъ изданіямъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, при чемъ въ числѣ послѣднихъ есть такія, которыя лишь немногимъ доступны въ Россіи, особенно въ провинціи, какъ напр. Bullettino di corrispondenza archeologica Римскаго Археологическаго Института, сборникъ Константинопольскаго Филологическаго Общества (ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), Ancient greek inscriptions in the British Museum Ньютона и т. п.

Изъ этого краткаго очерка Вы видите, Мм. Гг., что заниматься изученіемъ эпиграфическихъ памятниковъ сѣвернаго Черноморскаго побережья — дѣло чрезвычайно трудное: они разбросаны во множествѣ разноязычныхъ изданій, ознакомленіе съ которыми, особенно для лицъ, живущихъ внѣ большихъ умственныхъ центровъ съ хорошими спеціальными библіотеками, сопряжено съ огромными трудами, хлопотами и издержками, тѣмъ болѣе, что иногда надписи попадаются и въ такихъ трудахъ, въ которыхъ трудно было бы и ожидать встрѣтить ихъ, такъ что необходимо быть хорошо оріентированнымъ въ историко-филологической литературѣ русской и иностранной и всегда стоять au courant ея. Случается нерѣдко, что одна и та же надпись издается нѣсколько разъ по разнымъ независимымъ одна отъ другой копіямъ, и въ случаѣ ихъ разногласія изслѣдователь не знаетъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе[1]). Далѣе, многія изъ надписей,

1) Въ видѣ примѣра укажемъ на интересный ольвійскій декретъ въ честь Карзоаза, который въ періодъ времени отъ 1876 по 1882 годъ былъ изданъ четыре раза (гг. Генценомъ, Юргевичемъ, Уссингомъ и Суручаномъ; по изданію Уссинга перепечатанъ еще во французскомъ журналѣ *Revue de philologie*) по разнымъ спискамъ.

изданныхъ въ Россіи, за неимѣніемъ въ нашихъ типографіяхъ такъ называемыхъ эпиграфическихъ шрифтовъ, напечатаны обыкновенными печатными maiusculis, не передающими формы буквъ, знаніе которыхъ весьма важно для опредѣленія (хотя бы приблизительнаго) времени памятника, и вслѣдствіе этого время такихъ памятниковъ, въ которыхъ нѣтъ прочныхъ хронологическихъ данныхъ, часто опредѣляется невѣрно, а иногда изслѣдователь поставленъ и въ совершенную невозможность опредѣлить его. Еще замѣтимъ, что не вполнѣ достаточное знакомство издателей того или другого памятника со всѣмъ наличнымъ эпиграфическимъ матеріаломъ — впрочемъ и невозможное по его разбросанности — нерѣдко вызывало и вызываетъ невѣрныя или поверхностныя толкованія и такимъ образомъ приноситъ существенный вредъ. Всѣ эти обстоятельства очень тормазили прогрессъ изученія жизни эллинскихъ поселеній Черноморскаго края — такъ какъ надписи являются однимъ изъ важнѣйшихъ видовъ источниковъ для этого изученія — и вызвали давно уже сознанную настоятельную потребность собрать всѣ существующіе эпиграфическіе памятники сѣвернаго побережья Чернаго моря въ одномъ общемъ сборникѣ, который бы могъ удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ.

Такую задачу взяло на себя Императорское Русское Археологическое Общество по предложенію одного изъ своихъ членовъ, А. Я. Гаркави. Въ концѣ 70-хъ годовъ оно поручило двумъ своимъ членамъ, профессорамъ И. В. Помяловскому и Ѳ. Ѳ. Соколову, заняться собираніемъ матеріаловъ для такого изданія, и это дѣло было уже начато, когда въ 1882 г. Общество, по предложенію Ѳ. Ѳ. Соколова, удостоило меня приглашеніемъ принять на себя всѣ работы по изданію предположеннаго имъ сборника, вмѣняя при этомъ въ обязанность вновь списать или по крайней мѣрѣ сличить изданныя копіи всѣхъ памятниковъ, какіе окажутся существующими по настоящее время и къ какимъ будетъ возможенъ доступъ. Послѣднее условіе, хотя, конечно, самое трудное, было положительно необходимо въ виду завѣдомой неудовлетворительности нѣкоторыхъ изъ существующихъ копій. Предложеніе Общества было настолько почетно для меня, въ немъ выразилось такое лестное мнѣніе о моихъ первыхъ трудахъ по греческой эпиграфикѣ, а, съ другой стороны, я самъ настолько былъ убѣжденъ въ настоятельной необходимости и научной важности подобнаго изданія, что счелъ себя не въ правѣ отказаться. Я ясно представлялъ себѣ всѣ трудности такой работы, боялся, что онѣ превысятъ мои слабыя силы, но въ то же

время чувствовалъ себя нѣсколько подготовленнымъ къ такому труду и теоретически и практически, такъ какъ во время двухлѣтняго пребыванія въ Элладѣ (1880—82) посвящалъ свое вниманіе преимущественно занятіямъ эпиграфическимъ; вслѣдствіе этого я считалъ для себя возможнымъ надѣяться, что при живомъ интересѣ къ дѣлу оправдаю хотя малую долю тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на меня Общество, поручая мнѣ это изданіе. Вице-предсѣдатель Общества, г. министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Дѣляновъ, соизволилъ по ходатайству Общества командировать меня на одинъ годъ въ южныя губерніи Россіи для работъ по списыванію и сличенію копій памятниковъ, хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ; такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Его Высокопревосходительства къ предпріятію Общества, я имѣлъ возможность почти всецѣло посвятить этотъ годъ возложенному на меня труду, не будучи отвлекаемъ служебными занятіями. Комиссія, составленная изъ членовъ Общества: И. В. Помяловскаго, Ѳ. Ѳ. Соколова и меня, выработала общій планъ изданія и, такимъ образомъ, заранѣе предначертала ходъ моихъ занятій.

По этому плану въ сборникъ должны войти всѣ древнія (до византійскаго періода) греческія и латинскія надписи всего сѣвернаго побережья Чернаго моря отъ Дуная до Воспорскаго царства включительно. Надписи Кавказскія исключены изъ предположеннаго сборника, такъ какъ онѣ лишь недавно собраны воедино въ извѣстномъ трудѣ профессора И. В. Помяловскаго[1]); только надписи, найденныя въ Анапѣ, будутъ повторены въ будущемъ сборникѣ, какъ относящіяся къ Воспорскому царству. Далѣе, въ сборникъ не войдутъ легенды на монетахъ[2]) и такія надписи на вазахъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ сюжетамъ рисунковъ и поэтому не могутъ быть изданы отдѣльно отъ нихъ. Все изданіе предположено раздѣлить на три части, изъ которыхъ первая будетъ заключать въ себѣ лапидарные памятники Тиры, Ольвіи, Херсониса и другихъ мѣстностей отъ Дуная до Воспорскаго царства, вторая — исключительно памятники Воспорскаго царства, третья — надписи керамическія (т.-е. на амфорахъ и ихъ ручкахъ, другихъ глиняныхъ сосудахъ, черепицахъ, кирпичахъ и пр.) и над-

1) Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, составленный для V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. С.-Петербургъ. 1881.

2) По нумизматикѣ эллинскихъ поселеній сѣвернаго Черноморья уже есть нѣсколько цѣнныхъ изданій. Еще недавно этотъ отдѣлъ науки обогатился прекраснымъ трудомъ П. О. Бурачкова, посвященнымъ нашему съѣзду и носящимъ заглавіе: «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи».

писи на металлическихъ и др. вещахъ. При первой и второй частяхъ будутъ прибавлены въ appendices такія надписи изъ разныхъ областей извѣстнаго древнимъ міра, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ сѣверному Черноморскому побережью [1]). За образецъ при обработкѣ матеріала приняты существующіе въ западной литературѣ новые труды подобнаго же содержанія — Corpus inscriptionum Atticarum и Corpus inscr. Latinarum: главное вниманіе должно быть обращено на точность копій, которыя въ печати должны быть переданы эпиграфическимъ шрифтомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей начертаній буквъ, насколько это возможно по типографскимъ условіямъ (нѣкоторые памятники, наиболѣе интересные въ палеографическомъ отношеніи, будутъ воспроизведены литографіей); тексты не вполнѣ сохранившихся памятниковъ при ихъ транскрипціи должны быть возстановлены по мѣрѣ возможности; при объясненіи памятниковъ слѣдуетъ ограничиваться краткимъ изложеніемъ существенно-необходимаго для ихъ пониманія (особенно желательно возможно точное опредѣленіе времени каждаго изъ нихъ), но не вдаваться въ подробности относительно болѣе общихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть по поводу того или другого документа, но не имѣть ближайшаго, непосредственнаго отношенія къ ихъ объясненію.

Я началъ мои работы осенью 1882 г., само собою разумѣется, съ ознакомленія съ обширной литературой южно-русской эпиграфики и съ предварительныхъ изысканій (какія возможно было сдѣлать) относительно того, какіе памятники сохранились по настоящее время и гдѣ они должны находиться. При этомъ не могу не упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности о значительной помощи, которую мнѣ оказали матеріалы, уже собранные И. В. Помяловскимъ и любезно предоставленные имъ въ мое распоряженіе. Въ началѣ 1883 г. я приступилъ къ работамъ по списыванію и сличенію самыхъ памятниковъ, начавъ съ хранящихся въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, которой было подарено въ 1880 г. графинею Мусиною-Пушкиною нѣсколько ольвійскихъ памятниковъ, находившихся до того времени въ имѣніи Стольномъ (въ томъ числѣ знаменитый декретъ въ честь Протогена). Затѣмъ списываніе воспорскихъ, херсонесскихъ, танаидскихъ и ольвійскихъ памятниковъ богатой коллекціи Эрмитажа дало мнѣ на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца серьезную и усидчивую работу. Весною 1883 г. я предпринялъ поѣздку въ южныя губерніи Россіи. Первою рабочею станціею

1) [Эта подробность первоначальнаго плана осталась не осуществленной].

Научная библиотека Уральского Государственного университета г. Свердловск

для меня былъ Харьковъ, гдѣ должны были, по свидѣтельствамъ Кёппена и др., храниться 4 ольвійскихъ надписи, подаренныя мѣстному университету графомъ Потоцкимъ еще во 2-мъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка; къ сожалѣнію, изъ нихъ оказалась уцѣлѣвшею только одна, правда, наиболѣе интересная. Затѣмъ я работалъ въ Керчи надъ памятниками Воспорскаго царства, хранящимися въ мѣстномъ музеѣ, такъ называемомъ „Царскомъ курганѣ“ и другихъ мѣстахъ; оттуда проѣхалъ на Таманскій полуостровъ, гдѣ списалъ нѣсколько надписей, открытыхъ при послѣднихъ раскопкахъ; при этомъ оказалось, что памятники, которые нѣкогда Клэркъ, Кёлеръ и др. видѣли вдѣланными въ стѣны старой Таманской церкви, теперь уже тамъ не находятся или покрыты штукатуркой [1]); во всякомъ случаѣ ихъ исчезновеніе должно было случиться уже давно, такъ какъ ни отъ мѣстнаго священника, ни отъ другихъ лицъ я не могъ добиться никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Выѣхавъ изъ Керчи, я останавливался въ Ѳеодосіи для работъ въ мѣстномъ музеѣ, затѣмъ въ Херсонисскомъ монастырѣ близъ Севастополя списалъ памятники, найденные при послѣднихъ раскопкахъ, въ томъ числѣ надпись на пьедесталѣ статуи Діофанта, полководца Миерадата VI Евпатора, успѣвшую уже сдѣлаться знаменитою. Пріѣхавъ затѣмъ въ Одессу для работъ въ музеѣ Общества Исторіи и Древностей, я встрѣтилъ любезное сочувствіе и содѣйствіе со стороны вице-президента Общества Н. Н. Мурзакевича (нынѣ покойнаго) и секретаря (нынѣ вице-президента) В. Н. Юргевича, благодаря которымъ имѣлъ возможность провѣрить или скопировать большинство эпиграфическихъ памятниковъ музея, несмотря на то, что по случаю постройки для него новаго зданія камни были перенесены въ садъ и отчасти въ подвалъ и сложены тамъ въ безпорядкѣ. Эпиграфическіе документы музея Новороссійскаго университета предупредительно указаны мнѣ профессоромъ Л. Ф. Воеводскимъ. Не менѣе любезно подѣлились со мною своими эпиграфическими сокровищами, знаніями и указаніями владѣльцы замѣчательныхъ коллекцій древностей И. К. Суручанъ въ Кишиневѣ и Пл. О. Бурачковъ въ Херсонѣ. Великолѣпное и цѣнное собраніе Платона Осиповича въ то время уже составляло, впрочемъ, собственность Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, благодаря щедротамъ Его Величества Государя Императора и стараніямъ достопочтен-

1) Я списалъ тамъ только двѣ христіанскія надгробныя надписи, изъ которыхъ одна вдѣлана снаружи въ сѣверную стѣну алтаря, другая служитъ ступенькою у южной боковой двери.

наго предсѣдателя нашего съѣзда, графа А. С. Уварова, который съ величайшею обязательностью открылъ мнѣ доступъ къ эпиграфическимъ памятникамъ музея, лишь только они были разставлены тамъ на мѣста и еще не были открыты для публики. Поѣздка въ Москву была предпринята мною, отдѣльно отъ путешествія по южной Россіи, въ августѣ 1883 г. Обстоятельства не позволили мнѣ во время этого путешествія познакомиться съ коллекціею И. И. Курпса, хранившеюся въ его имѣніи, с. Покровскомъ; въ настоящее время эта коллекція принесена владѣльцемъ въ даръ музею Общества Исторіи и Древностей, и я воспользовался настоящимъ пребываніемъ въ Одессѣ, чтобы снять копіи съ ея памятниковъ, а также съ тѣхъ немногихъ надписей музея, которыя въ прошломъ году ускользнули отъ моего вниманія. Кромѣ того, Ю. А. Кулаковскій имѣлъ любезность доставить мнѣ эстампажи съ нѣсколькихъ ольвійскихъ памятниковъ, хранящихся въ музеѣ древностей Кіевскаго университета св. Владиміра.

Благодаря встрѣченному мною отовсюду сочувствію къ моей миссіи и обязательной готовности содѣйствовать ея успѣху [1]), научные результаты моихъ поѣздокъ, смѣю сказать, превзошли мои ожиданія: изъ числа извѣстныхъ мнѣ по разнымъ изданіямъ надписей черноморскихъ приблизительно $^3/_4$ оказались существующими по настоящее время, и я буду имѣть удовольствіе привести ихъ въ моемъ сборникѣ по собственнымъ копіямъ, въ большинствѣ случаевъ болѣе полнымъ и точнымъ, такъ какъ — считаю себя въ правѣ подчеркнуть это — многія изъ печатныхъ копій памятниковъ, не исключая даже изданныхъ въ послѣдніе годы, оказались ниже уровня современныхъ требованій. Но, кромѣ того, въ моей записной книжкѣ оказалось значительное количество копій такихъ памятниковъ, которые впервые сдѣлаются извѣстными ученому міру въ моемъ будущемъ сборникѣ, и между ними есть документы, обширные по объему и далеко не безынтересные со стороны сообщаемыхъ ими фактовъ изъ жизни эллинскихъ поселенцевъ Черноморскаго края. Насколько увеличилось количество эпиграфическихъ памятниковъ этого края со времени изданія 2-го тома Corporis inscriptionum Graecarum, можно судить по слѣдующимъ сопоставленіямъ: изъ Тиры и ея окрестностей

1) Считаю своимъ долгомъ съ глубокою признательностью назвать имена еще слѣдующихъ лицъ, оказавшихъ мнѣ существенную помощь словомъ или дѣломъ: профессора А. И. Кирпичникова въ Харьковѣ, директора Керченскаго музея (нынѣ уже покойнаго) С. И. Веребрюсова и его помощника (нынѣ директора) Ѳ. И. Гросса, преподавателей П. В. Фрейберга въ Керчи, О. Ф. Ретовскаго въ Ѳеодосіи, С. Ф. Орловскаго въ Одессѣ, профессора И. Д. Мансветова и В. И. Сизова въ Москвѣ.

у Бёка помѣщена *одна* надпись, въ моемъ сборникѣ ихъ будетъ 6; ольвійскихъ у Бёка 46, у меня (съ мелкими обломками)—до 160; херсонисскихъ Бёкъ далъ 7, мой сборникъ представитъ болѣе 50 и т. д. Еще значительнѣе приростъ надписей Воспорскаго царства, которыхъ Бёку было извѣстно всего 78 штукъ; сколько будетъ ихъ во второй части моего сборника, я пока не могу сказать даже съ приблизительною точностью, такъ какъ собранные мною матеріалы еще не приведены въ порядокъ, и кромѣ того я надѣюсь ко времени окончанія обработки этихъ матеріаловъ получить еще и новые; полагаю, однако, что ихъ будетъ болѣе 400. Наконецъ, надписи керамическія, которыхъ во 2-мъ томѣ Бёка помѣщено всего 25, теперь можно считать тысячами.

Закончивъ мои предварительныя, такъ сказать, черновыя работы, я съ сентября мѣсяца прошлаго (1883) года приступилъ, насколько мнѣ позволяли служебныя обязанности, къ окончательной обработкѣ и классификаціи надписей, предназначенныхъ въ первую часть сборника, — тирасскихъ и ольвійскихъ. Императорское Русское Археологическое Общество выразило съ своей стороны желаніе, чтобы часть моего труда могла появиться въ свѣтъ къ нынѣшнему съѣзду. Я тѣмъ охотнѣе принялъ всѣ мѣры къ исполненію этого желанія, что оно совпало и съ моимъ собственнымъ, и такимъ образомъ къ февралю мѣсяцу нынѣшняго года работа подвинулась настолько, что оказалось возможнымъ приступить къ ея печатанію. Но тутъ случились два обстоятельства, которыя значительно ее затормазили и такимъ образомъ лишили Общество и меня удовольствія внести и нашу лепту въ оживленную научную дѣятельность, возникшую по поводу съѣзда. Обстоятельства эти слѣдующія: 1) по первоначальному плану предполагалось издать сборникъ на русскомъ языкѣ въ силу § 66 устава Общества, по которому всѣ его изданія печатаются только по-русски. Однако въ виду того, что такое изданіе должно имѣть общенаучное значеніе и быть доступно не только отечественнымъ, но и иностраннымъ ученымъ, требованіе указаннаго § устава Общества не могло не казаться въ данномъ случаѣ стѣснительнымъ какъ многимъ изъ гг. членовъ Общества, такъ и мнѣ лично. Въ силу этого г. секретарь Общества И. В. Помяловскій внесъ предложеніе издать сборникъ на общенаучномъ языкѣ латинскомъ; предложеніе встрѣтило полное сочувствіе и было утверждено въ общемъ собраніи Общества 16 марта нынѣшняго (1884) года. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось ту часть труда, которая была уже приготовлена къ печати на русскомъ языкѣ, перевести на латинскій, что, конечно, заставило отложить на нѣ-

которое время начало его печатанія[1]). Второе обстоятельство, воспрепятствовавшее исполненію нашего желанія, выяснилось при ближайшемъ ознакомленіи съ наличными средствами типографіи Академіи Наукъ для печатанія труда, предпринятаго Обществомъ: оказалось, что эта единственная въ Петербургѣ типографія, имѣющая такъ называемый эпиграфическій шрифтъ и eo ipso единственная, въ которой могъ печататься нашъ сборникъ, не имѣла въ запасѣ многихъ формъ буквъ, встрѣчающихся на памятникахъ, и въ особенности лигатуръ, т.-е. вязи изъ двухъ или нѣсколькихъ буквъ; поэтому пришлось предварительно заказать вновь вырѣзать и отлить эти формы по даннымъ мною образцамъ, и исполненіе этого заказа также отняло не мало времени. Такимъ образомъ лишь съ начала іюня оказалось возможнымъ приступить къ систематическому продолженію печатанія, начатаго еще въ апрѣлѣ; но и послѣ того оно шло довольно медленно вслѣдствіе моего отсутствія изъ Петербурга (на пересылку каждой корректуры изъ типографіи въ мое лѣтнее мѣстопребываніе и обратно въ типографію требовалось не менѣе недѣли), такъ что вмѣсто цѣлаго перваго выпуска я, къ сожалѣнію, имѣю возможность представить благосклонному вниманію гг. членовъ съѣзда только шесть пробныхъ и корректурныхъ листовъ, которые находятся на устроенной распорядительнымъ комитетомъ съѣзда археологической выставкѣ.

Въ нихъ помѣщены: a) шесть обломковъ латинской надписи изъ кол. Карталъ (№ 1); b) надписи изъ Тиры и ея окрестностей (№№ 2—7); c) начало перваго отдѣленія перваго класса надписей ольвійскихъ, содержащаго въ себѣ *decreta senatus et populi* (№№ 8—17). Всего въ этомъ отдѣленіи будетъ помѣщено 38 документовъ, цѣлыхъ или въ обломкахъ. Во второмъ отдѣленіи займетъ мѣсто единственный въ своемъ родѣ памятникъ — *edictum septemvirum* о взиманіи пошлины въ священную казну съ жертвенныхъ животныхъ, а въ 3-мъ—три найденные въ Ольвіи декрета иностранныхъ государствъ (Византійцевъ, Тенедійцевъ и Косцевъ) въ честь Ольвіополитовъ. — Второй классъ составятъ *tituli dedicatorii*, III — *tituli honorarii*, IV — *catalogus civium*, V — *tituli memoriales et sepulcrales*, наконецъ въ VI классъ подъ названіемъ *varia* войдутъ тѣ надписи

1) Для удобства лицъ, которыя, не будучи близко знакомы со стилемъ эпиграфическихъ документовъ, тѣмъ не менѣе могутъ по тѣмъ или другимъ причинамъ интересоваться ихъ содержаніемъ, рѣшено и въ латинскомъ изданіи удержать русскіе переводы большинства памятниковъ.

(въ большинствѣ случаевъ мелкіе обломки), которыя по своему содержанію не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ предыдущихъ классовъ или содержаніе которыхъ не можетъ быть точно опредѣлено. Въ каждомъ классѣ и отдѣленіи надписи размѣщены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, а иногда, за невозможностью опредѣлить его, по какимъ-либо другимъ соображеніямъ. Такой же классификаціи въ общемъ я намѣренъ придерживаться и впослѣдствіи, при обработкѣ памятниковъ херсонисскихъ и воспорскихъ, но при этомъ само собою разумѣется, что она будетъ варіироваться сообразно съ ихъ содержаніемъ: съ одной стороны, между существующими памятниками Воспора и Херсониса нѣкоторые изъ названныхъ классовъ не имѣютъ представителей, а съ другой — есть значительное количество памятниковъ, относящихся къ такимъ отдѣламъ, которыхъ нѣтъ въ Ольвіи. Такъ, напр., между херсонисскими надписями отсутствуютъ tituli dedicatorii, а въ числѣ воспорскихъ весьма важные и интересные отдѣлы составятъ памятники царскіе и памятники религіозныхъ обществъ (θίασοι). Къ классификаціи надписей керамическихъ я еще не приступалъ, но въ общемъ, вѣроятно, придется придерживаться той, которая выработана для нихъ покойнымъ П. В. Беккеромъ.

Вы видѣли, Мм. Гг., что дѣло, возложенное на меня Археологическимъ Обществомъ, весьма важно и весьма нелегко. Я, конечно, болѣе всякаго другого заинтересованъ въ его успѣхѣ и потому употребляю и буду употреблять всѣ усилія, всю энергію для того, чтобы оправдать лестное довѣріе Общества, но боюсь, что эта задача превыситъ мои силы. Весьма вѣроятно, что въ моемъ сборникѣ не мало найдется промаховъ и недостатковъ, вслѣдствіе которыхъ онъ не удовлетворитъ требованіямъ даже снисходительной критики. Но тѣмъ не менѣе въ виду того количества матеріала, которое уже находится въ моемъ распоряженіи, въ виду множества новыхъ и интересныхъ научныхъ данныхъ, заключающихся въ документахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, я позволяю себѣ надѣяться, что за нимъ будетъ признано извѣстное научное значеніе, и это признаніе со стороны компетентныхъ судей будетъ для меня лучшей наградой за мой трудъ. Я не буду здѣсь утомлять вашего благосклоннаго вниманія указаніемъ этихъ новыхъ данныхъ, такъ какъ даже самое краткое ихъ изложеніе заняло бы не мало времени и такъ какъ я надѣюсь имѣть честь при другомъ случаѣ познакомить Васъ съ нѣкоторыми изъ этихъ данныхъ, именно, съ относящимися къ государственнымъ древностямъ Херсониса, въ сдѣланномъ мною посильномъ опытѣ ихъ

группировки[1]). Теперь скажу только, что въ памятникахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, историкъ найдетъ не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ политической исторіи и государственному устройству эллинскихъ поселеній Черноморья, миѳологъ и изслѣдователь религіозныхъ древностей почерпнетъ свѣдѣнія о новыхъ культахъ божествъ, ихъ праздникахъ и обрядахъ, археологъ — новыя данныя для болѣе разносторонняго изученія общественнаго и частнаго быта поселенцевъ, филологъ ближе познакомится съ языкомъ, которымъ они говорили и излагали свои письменные документы, лингвистъ узнаетъ массу новыхъ негреческихъ именъ, которыя послужатъ ему, какъ уже служили прежде извѣстныя, матеріаломъ для изслѣдованій о происхожденіи и языкахъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ жить и съ которыми сталкиваться приходилось эллинскимъ поселенцамъ сѣвернаго побережья Евксинскаго Понта.

Въ заключеніе этого сообщенія позволю себѣ обратиться къ почтенному собранію съ одной покорнѣйшей просьбой. И. В. Помяловскій въ предисловіи къ своему сборнику Кавказскихъ надписей замѣтилъ между прочимъ — и въ справедливости этого замѣчанія мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, — что такое дѣло, какое было уже прекрасно исполнено имъ по отношенію къ Кавказу и теперь поручено мнѣ по отношенію къ сѣверному Черноморью, представляетъ собою periculosae plenum opus aleae, что оно есть дѣло нѣсколькихъ лицъ, — одинъ въ полѣ не воинъ. Я считаю себя въ правѣ сказать, что старался по возможности добросовѣстно и тщательно ознакомиться со всей литературой южнорусской эпиграфики, какую только могли предоставить въ мое распоряженіе петербургскія библіотеки; во время моихъ поѣздокъ я списалъ или сличилъ много памятниковъ, какъ уже изданныхъ, такъ и остающихся еще неизвѣстными, и встрѣтилъ при этомъ отовсюду полное сочувствіе къ своей миссіи и самую любезную готовность такъ или иначе содѣйствовать возможно лучшему осуществленію ея задачъ. Но за всѣмъ тѣмъ—ultra posse nemo obligatur: очень можетъ быть, что тѣ или другія болѣе рѣдкія изданія памятниковъ остались еще неизвѣстными мнѣ, такъ же какъ и нѣкоторые подлинные памятники, въ особенности такіе, которые хранятся въ небольшихъ частныхъ коллекціяхъ. Вотъ поэтому-то я и считаю своимъ долгомъ обратиться здѣсь ко всѣмъ заинтересованнымъ въ предпріятіи Археологическаго Общества и желающимъ ему успѣха съ покорнѣйшею

1) См. «Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за іюнь 1884 г.

просьбою: подѣлиться съ г. секретаремъ Общества И. В. Помяловскимъ или со мною какими кто можетъ указаніями или сообщеніями самыхъ копій памятниковъ. Всякое сообщеніе или указаніе, которое будетъ содѣйствовать полнотѣ и тщательности предпринятаго Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ изданія, дастъ своему автору полное право на живѣйшую признательность со стороны какъ настоящихъ, такъ и будущихъ дѣятелей на южно-русской археологической нивѣ.

О календаряхъ Ольвіи, Тиры и Херсониса Таврическаго [1]).

Мм. Гг. Предметомъ моего настоящаго сообщенія будетъ разборъ извѣстныхъ по настоящее время данныхъ для ознакомленія съ календарями, употреблявшимися въ древности въ эллинскихъ поселеніяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Предметъ этотъ, быть можетъ, многимъ изъ Васъ покажется слишкомъ сухимъ и спеціальнымъ, но тѣмъ не менѣе я позволю себѣ обратить на него Ваше благосклонное вниманіе, въ виду его разносторонней важности для изученія общественной и частной жизни этихъ поселенцевъ. Я исключаю на этотъ разъ изъ моего обзора Воспорское царство, такъ какъ о древнѣйшемъ его календарѣ мы ровно ничего не знаемъ, а въ болѣе позднія времена [2]) тамъ былъ въ употребленіи календарь македонскій, который въ общихъ чертахъ достаточно извѣстенъ [3]). Обзоръ календарей другихъ эллинскихъ поселеній въ нынѣшней южной Россіи всего естественнѣе начать съ того, для котораго мы имѣемъ наиболѣе данныхъ, т.-е. съ ольвійскаго.

I. Ольвія.

Для ознакомленія съ календаремъ этого города, важнѣйшаго на всемъ побережьѣ отъ Дуная до Крыма, мы по настоящее время имѣемъ только полдюжины цѣлыхъ или обломанныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, въ заголовкахъ которыхъ сохранились опредѣленія мѣсяца и числа, въ которое состоялось народное

1) Прочитано въ одномъ изъ засѣданій VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ въ августѣ 1884 г. Напечатано въ *Трудахъ* съѣзда, т. II, стр. 56—71 (Одесса, 1887).

2) Быть можетъ, онъ былъ введенъ одновременно съ введеніемъ въ Воспорскомъ царствѣ новой эры, т. е. въ 297 г. до Р. Х.

3) См. напр. K. Fr. Hermann, Ueber Griechische Monatskunde (Gött. 1844), стр. 101 и сл.; Th. H. Martin, *Revue archéol.* т. X (1853), стр. 205 и сл.; Ch. Ruelle, ст. Calendarium въ Dictionnaire des antiquités gr. et rom. par Daremberg et Saglio.

собраніе, вотировавшее тотъ или другой декретъ [1]). Всѣ эти памятники, за исключеніемъ развѣ № 18 [2]), по характеру письма и разнымъ другимъ признакамъ принадлежатъ временамъ Римскихъ императоровъ. Названія мѣсяцевъ встрѣчаются въ нихъ слѣдующія [3]):

въ № 18: Ἀνθεστηρ[ιών]	въ № 28: [Ἀπα]τουρεών
„ 21: Πάνημος	„ 30: Καλαμαι[ών]
„ 22: Βοηδρομιών	„ 31: Ληνεών.

Въ указанныхъ надписяхъ нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія мѣста каждаго изъ названныхъ мѣсяцевъ въ году, порядка, въ которомъ они слѣдовали другъ за другомъ, и пр. Однако стоитъ лишь повнимательнѣе всмотрѣться въ эти названія, чтобы убѣдиться, что они говорятъ намъ значительно больше, чѣмъ могло бы показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что между ними нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что оно придумано самими Ольвіополитами; всякій, кто мало-мальски знакомъ съ календарями, бывшими въ употребленіи у народовъ іоническаго племени, сразу скажетъ, что извѣстныя намъ названія мѣсяцевъ ольвійскаго календаря—чисто іоническія, встрѣчающіяся во многихъ другихъ іоническихъ календаряхъ [4]); сразу также можно объяснить и причину этого явленія: названія мѣсяцевъ и вообще способъ счисленія времени, безъ сомнѣнія, были перенесены греческими поселенцами на берега Ипанида изъ

---

1) Объ ольвійскомъ календарѣ ср. замѣчанія Бёка въ C. I. Gr. II, стр. 87 и 139 (къ № 2082); Hermann, Monatsk. стр. 105. Двѣ вышедшія въ послѣднее время нѣмецкія диссертаціи о греческихъ календаряхъ, именно Arm. Clodius'a Fasti ionici (Halle 1882) и Ern. Bischoff'a De fastis Graecorum antiquioribus (Leipz. 1884), не даютъ для ольвійскаго календаря ничего новаго.

2) №№ надписей и цитаты изъ нихъ приводятся по IosPE. vol. I.

3) [Въ надписяхъ, найденныхъ впослѣдствіи, встрѣтились еще три названія мѣсяцевъ, именно Θα[ργηλιών] въ IosPE. IV, p. 268, № 42, Κυανεψιών въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 14, стр. 94, № 1 и [Μεταγειτ]νιών тамъ же, вып. 18, стр. 96, № 2. Эти названія вполнѣ подтверждаютъ соображенія, высказанныя въ настоящей статьѣ].

4) О раздѣленіи греческихъ календарей на группы ср. въ моей книгѣ «О нѣкот. эолич. и дорич. календаряхъ», стр. 6 сл. и 17. Изъ какихъ мѣстностей извѣстны по настоящее время мѣсяцы, встрѣченные въ Ольвіи, можно узнать по 2-му указателю, приложенному къ диссертаціи Бишофа. Названіе Πάνημος, ярко выдѣляющееся своею формою среди іоническихъ названій мѣсяцевъ съ окончаніемъ -ιών, прежде считалось несвойственнымъ іоническимъ календарямъ, но уже Аренсъ въ *Rhein. Mus.* т. XVII, стр. 336 сл. (ср. въ моей книгѣ стр. 34) старался доказать, что это названіе — очень древнее и общее всѣмъ эллинскимъ календарямъ. Тотъ фактъ, что оно встрѣтилось потомъ въ календаряхъ Ольвіи и Дилоса (см. *Bulletin de corr. hellén.* т. V, стр. 25 сл., Clodius стр. 16 сл., Bischoff стр. 390 сл.), служитъ важнымъ доводомъ въ пользу мнѣнія Аренса.

прежней ихъ родины — Милета. Такъ думалъ уже и Бёкъ[1]). Доказывать здѣсь фактъ заимствованія календарей колоніями изъ митрополій я, разумѣется, не стану, — онъ слишкомъ извѣстенъ и множество доказательствъ каждый можетъ легко найти, хотя бы перелистовавъ Griech. Monatskunde Германа или мою книгу „О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ“. Будь намъ вполнѣ извѣстенъ милетскій календарь, мы несомнѣнно нашли бы въ немъ всѣ тѣ названія мѣсяцевъ, которыя встрѣчаются до сихъ поръ въ ольвійскихъ декретахъ, и съ полнымъ правомъ могли бы заимствовать изъ него и недостающія 6 названій и принять для ольвійскаго календаря тотъ же порядокъ мѣсяцевъ и то же начало года, какъ и въ Милетѣ. Но, къ сожалѣнію, календарь этого города извѣстенъ еще гораздо меньше, чѣмъ ольвійскій, — мы знаемъ пока названіе только одного мѣсяца Каламэона[2]) (замѣтимъ, что оно встрѣтилось уже и въ Ольвіи и такимъ образомъ можетъ служить подтвержденіемъ — хотя и очень маленькимъ — мысли о тождествѣ ольвійскаго календаря съ милетскимъ). Однако, разъ признавъ, что календарь Ольвіополитовъ былъ заимствованъ изъ митрополіи, мы можемъ уже a priori предполагать такое же заимствованіе и въ другихъ колоніяхъ, т.-е., иначе говоря, полагать, что календари другихъ колоній были одинаковы или, по крайней мѣрѣ, сходны[3]) съ милетскимъ и ольвійскимъ и что, стало быть, ими можно пользоваться для возстановленія послѣднихъ. Наибольшую услугу въ этомъ отношеніи можетъ оказать намъ календарь г. Кизика, о которомъ мы имѣемъ порядочныя свѣдѣнія: изъ разныхъ надписей кизикскихъ мы знаемъ уже 10 названій мѣсяцевъ, и притомъ въ нѣсколькихъ документахъ поставлено по 2 мѣсяца рядомъ, чѣмъ, конечно, въ значительной степени облегчается опредѣленіе порядка слѣдованія мѣсяцевъ, хотя весь календарь еще не можетъ быть возстановленъ вполнѣ прочно,—остается еще нѣсколько вопросовъ, для окончательнаго разрѣшенія которыхъ необходимо ждать открытія новыхъ документовъ. Въ доказательство возможности пользоваться кизикскимъ календаремъ для возстановленія ольвійскаго можетъ быть приведенъ тотъ фактъ, что изъ числа 10 извѣстныхъ названій кизикскихъ мѣсяцевъ ровно половина встрѣчена

---

1) C. I. Gr. II, ук. стр.

2) *Arch. Zeitung* т. 34 (1876), стр. 128 № 16 = Dittenberger, Sylloge inscr. Gr. № 240 [= ed. 2, № 314].

3) Дѣлаю послѣднюю оговорку потому, что въ каждомъ колоніальномъ городѣ, при самостоятельномъ развитіи заимствованнаго изъ митрополіи календаря, могли быть вводимы въ немъ тѣ или другія видоизмѣненія.

уже и въ Ольвіи; недостаетъ пока только Воидроміона, который, впрочемъ, уже Бёкомъ внесенъ въ кизикскій календарь изъ ольвійскаго [1]).

Названія мѣсяцевъ попадаются въ двоякаго рода кизикскихъ документахъ: 1) въ декретахъ, время изданія которыхъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть опредѣлено съ точностью, 2) въ спискахъ притановъ, относящихся уже ко временамъ Римскихъ императоровъ; большинство этихъ списковъ было извѣстно уже Бёку, а нѣсколько вновь найденныхъ издано недавно Мордтманомъ въ *Mittheilungen d. D. Arch. Inst. in Athen* т. VI, стр. 42 сл. До сихъ поръ встрѣтились слѣдующія названія:

Ἀνθεστηριών (C. I. Gr. 3664).
Ἀπατουρεών (ibid. 3661).
Ἀρτεμισιών (ibid. 3657. Mordtm. № 2 II *b*).
Θαργηλιών (Monatsber. d. Berl. Ak. 1874, стр. 16. Mordtm. № 1 *b*).
Καλαμαιών (C. I. Gr. 3663. Mordtm. № 2 I. Bull. de c. h. VI, стр. 613).
Κυανοψιών (C. I. Gr. 3662, 3663).
Ληναιών (ibid. 3664).
Πάνημος (ibid. 3663. Mordtm. № 2 I).
Ποσειδεών (C. I. Gr. 3664).
Ταυρεών (ibid. 3657, 3658. Mordtm. № 2 II *b*).

Трудами западныхъ ученыхъ, занимавшихся кизикскимъ календаремъ, порядокъ, въ которомъ слѣдовали эти мѣсяцы одинъ за другимъ, и мѣста, которыя они занимали въ году, уже прочно опредѣлены для большинства мѣсяцевъ, такъ что намъ можно будетъ ограничиться, говоря объ этомъ, лишь краткими указаніями и ссылками. Но предварительно необходимо вкратцѣ коснуться вопроса о томъ, какой календарь, лунный или солнечный, былъ въ употребленіи въ Кизикѣ въ тѣ времена, къ которымъ относятся надписи, служащія намъ источниками, т.-е. во времена Римскихъ императоровъ. Бёкъ былъ вполнѣ увѣренъ, что въ эту эпоху жители М. Азіи уже пользовались такъ называемымъ „азіанскимъ“ солнечнымъ календаремъ, извѣстнымъ намъ изъ hemerologium Florentinum [2]), и

1) C. I. Gr. II, стр. 924 сл. Послѣ Бёка о кизикскомъ календарѣ писали: K. F. Hermann, Monatsk. стр. 91; Th. Bergk, Beiträge zur gr. Monatsk., стр. 29 сл.; H. L. Ahrens въ *Rhein. Mus.* XVII, стр. 329 сл.; Clodius, ук. соч. стр. 15 сл.; Bischoff, ук. соч. стр. 396 и др.

2) См. Hermann, Monatsk. стр. 85.

поэтому полагалъ, что и календарь Кизика былъ тогда солнечный, хотя единственно на томъ основаніи, что названія нѣсколькихъ кизикскихъ мѣсяцевъ оказались сходны съ азіанскими. Однако впослѣдствіи, на основаніи разныхъ фактовъ и соображеній, стало все болѣе и болѣе расти недовѣріе къ этому „азіанскому“ календарю, такъ что въ настоящее время позволительно даже высказать сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ былъ когда-нибудь въ употребленіи[1]), такъ какъ 1) въ извѣстныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ эпиграфическихъ памятникахъ изъ разныхъ мѣстностей М. Азіи ни разу еще не встрѣтился ни одинъ мѣсяцъ этого календаря изъ числа такихъ, которыхъ названія не были заимствованы изъ древнѣйшихъ лунныхъ календарей или были видоизмѣнены (какъ, напр., Ἱεροσέβαστος, Εὐαγγέλιος, Στρατόνικος, Ἄντεος, Λαοδίκιος и т. п.); 2) имѣются прочныя данныя, доказывающія, что еще въ II и III вв. по Р. Хр. въ малоазіатскихъ городахъ и ихъ колоніяхъ были въ употребленіи лунные календари. Не входя теперь въ ихъ разсмотрѣніе, такъ какъ намъ еще придется коснуться этого вопроса, когда мы поведемъ рѣчь о календарѣ Тиры, замѣтимъ просто, что у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ въ пользу того, что жители Кизика въ I и II вв. по Р. Хр. пользовались уже солнечнымъ календаремъ, и напротивъ, древне-іоническія названія всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцевъ и способы счета дней неоспоримо доказываютъ, что тогда въ Кизикѣ былъ еще въ употребленіи древній лунный календарь. Такъ думали, очевидно, всѣ ученые, писавшіе послѣ Бёка о кизикскомъ календарѣ, хотя и странно, что никто изъ нихъ (по крайней мѣрѣ, насколько намъ извѣстно) не высказался категорически противъ мнѣнія знаменитаго эпиграфиста.

Относительно времени начала года въ Кизикѣ Бёкъ говоритъ слѣдующее: „Asianos horum titulorum aetate constat anno solari usos esse (cf. Ideler. Enchir. chron. t. I p. 410 sq.); idemque ad Cyzicenorum fastos pertinet, qui Asianis similes sunt pluribus nominibus. Initium igitur Cyziceni anni consentaneum est fere idem fuisse, quod in Asiano calendario secundum hemerologium Florentinum et in calendario Ephesio, hoc est Macedonico Asiano in eodem hemerologio, hoc est die 24 Septembris anni Iuliani; vide Ideler Enchir. I p. 414 et 419“. Та-

1) Гансъ Дройзенъ въ *Hermes* т. XV, стр. 363, доказавъ, что въ Ефесѣ еще въ началѣ II в. по Р. Хр. былъ въ употребленіи древній лунный календарь, а не тотъ, который дается подъ именемъ ефесскаго въ hemerologia, замѣчаетъ, что «es muss weiteren Untersuchungen überlassen werden zu zeigen, ob die übrigen Kalender der Hemerologien in gleicher Weise werthlos sind, wie der «Ephesische».

кимъ образомъ первымъ мѣсяцемъ въ Кизикѣ, по Бёку, оказался Воидроміонъ. Хотя Бёкъ не привелъ никакихъ другихъ основаній въ пользу своего мнѣнія, однако всѣ послѣдующіе ученые, начиная съ Германа и кончая Бишофомъ, считали начало года въ Кизикѣ съ мѣсяца Воидроміона аксіомою, а между тѣмъ, лишь только мы примемъ, что кизикскій календарь былъ лунный, приведенное замѣчаніе Бёка теряетъ всю свою силу, а въ самыхъ надписяхъ кизикскихъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить, что годъ начинался тамъ именно съ этого мѣсяца. Заключенія по аналогіи съ другими календарями іонической группы въ данномъ случаѣ невозможны, такъ какъ именно въ этой группѣ замѣчается большое разнообразіе относительно времени начала года, какъ мнѣ уже пришлось замѣтить въ моей книгѣ о календаряхъ (стр. 53). Разъ мы признаемъ если не несомнѣннымъ, то по крайней мѣрѣ правдоподобнымъ, что годъ въ Милетѣ и всѣхъ его колоніяхъ начинался одновременно, мы должны будемъ согласиться, что принять въ нихъ за начало года именно тотъ пунктъ, съ котораго его до сихъ поръ принимаютъ ничтоже сумняся, менѣе всего вѣроятно: этому препятствуетъ ольвійскій декретъ въ честь Θеокла сына Сатирова (IosPE. I, № 22 = C. I. Gr. 2059). Θеоклъ, жившій, вѣроятно, около конца II в. по Р. Х., былъ весьма выдающимся государственнымъ дѣятелемъ въ своемъ родномъ городѣ и занималъ самыя высшія должности, въ томъ числѣ 3 раза должность перваго архонта. Избранный въ архонты въ 4-й разъ, онъ скончался до окончанія срока службы—и вотъ послѣ его смерти въ народномъ собраніи, состоявшемся 15-го числа Воидроміона, было постановлено увѣнчать его (вѣроятно, при выносѣ его тѣла для погребенія, какъ прямо говорится въ другихъ декретахъ) золотымъ вѣнцомъ и поставить его изображеніе въ построенномъ имъ самимъ гимнасіи. Имя Θеокла, хотя уже умершаго, поставлено въ заголовкѣ документа (ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Θεοκλέα Σατύρου τὸ δ'), стало быть, на его мѣсто не былъ избранъ новый архонтъ. Отмѣтить всѣ эти подробности было необходимо для слѣдующихъ соображеній. Должностныя лица въ Ольвіи, смѣнявшіяся ежегодно, вступали въ должность, по всей вѣроятности, съ начала гражданскаго года, какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ [1]); если бы Воидроміонъ былъ первымъ мѣсяцемъ въ году и вмѣстѣ съ тѣмъ въ должностной дѣятельности чиновниковъ, то мы должны

1) Для избранія чиновниковъ созывалось особое народное собраніе, носившее спеціальное названіе ἀρχαιρετικὴ ἐκκλησία; оно упоминается въ весьма интересномъ декретѣ въ честь Никирата с. Папія, изданномъ впервые въ моемъ сборникѣ подъ № 17.

были бы принять, что Θеоклъ скончался лишь нѣсколько дней спустя послѣ вступленія въ 4-й разъ въ должность архонта и притомъ скончался скоропостижно, такъ какъ если бы онъ былъ хоть сколько-нибудь боленъ передъ смертью, то уже не былъ бы выбранъ въ архонты, въ особенности, если бы его положеніе казалось уже безнадежнымъ. Между тѣмъ въ документѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека, который хотя отчасти оправдывалъ бы приведенныя предположенія, и напротивъ, выраженія, которыми характеризуется 4-е архонтство Θеокла, дѣлаютъ, на мой взглядъ, несомнѣннымъ, что онъ не только былъ выбранъ въ должность, но и исполнялъ ее довольно продолжительное время [1]). Тотъ фактъ, что Θеоклъ считался эпонимомъ и послѣ своей смерти и что, стало быть, на его мѣсто никто не былъ выбранъ въ первые архонты, также можно объяснить въ томъ смыслѣ, что Ольвіополиты сочли излишнимъ давать году новаго эпонима, такъ какъ до конца его оставалось уже немного времени (впрочемъ, я не придаю важнаго значенія этому факту, такъ какъ его можно объяснить и тѣмъ, что въ короткій промежутокъ времени отъ смерти Θеокла до собранія, вотировавшаго декретъ, граждане еще не успѣли выбрать новаго архонта-эпонима). Всѣ эти соображенія дѣлаютъ, мнѣ кажется, весьма мало вѣроятнымъ предположеніе, чтобы годъ въ Ольвіи начинался съ Воидроміона, и скорѣе заставляютъ думать, что этотъ мѣсяцъ былъ однимъ изъ послѣднихъ въ году. Но рѣшить окончательно, съ какого именно пункта начинался годъ въ разсматриваемыхъ календаряхъ, намъ представляется пока невозможнымъ. Впрочемъ, покончить съ этимъ вопросомъ удобнѣе будетъ нѣсколько позже, предварительно познакомившись съ распредѣленіемъ мѣсяцевъ.

Я уже замѣтилъ выше, что трудъ опредѣленія мѣстъ, которыя занимало большинство мѣсяцевъ въ календарѣ милетскихъ колоній, уже исполненъ разными учеными, такъ что мнѣ не придется особенно распространяться объ этомъ вопросѣ. Трудъ этотъ до нѣкоторой степени былъ облегченъ тѣмъ, что въ нѣсколькихъ спискахъ кизикскихъ притановъ отмѣчены рядомъ по два мѣсяца, именно:

C. I. Gr. 3664:	Ποσειδεών	C. I. Gr. 3663 и Mordtm. № 2 I	Καλαμαιών
	Ληναιών		Πάνημος

1) Строки 25—32: ἄρχων τε τὴν μεγίστην ἀρχὴν τὸ τετράκις — καθότι τοιούτων ἀνδρῶν χρεία ἦν ἄρχειν καὶ πλειστάκις — πᾶσαν ὁμόνοιαν πολειτευόμενος, τοῖς μὲν ἡλικιώταις προσφερόμενος ὡς ἀδελφός, τοῖς δὲ πρεσβυτέροις ὡς υἱός, τοῖς δὲ παισὶν ὡς πατήρ, πάσῃ ἀρετῇ κεκοσμημένος, ὑπὸ τοῦ βασκάνου δαίμονος ἀφῃρέθη μὴ διατελέσας τὴν ἀρχήν.

и далѣе въ той же надписи (3664):

Ληναιών Mordtm. № 2 II *b*. Ἀρτεμισιών
Ἀνθεστηριών Ταυρεών.

Обращаясь къ первой группѣ мѣсяцевъ, мнѣ не зачѣмъ, полагаю, доказывать, что мѣсяцъ Ποσειδεών во всѣхъ календаряхъ, гдѣ только онъ встрѣчается, занималъ мѣсто около зимняго солнцестоянія, что Ληναιών соотвѣтствовалъ по времени аттическому Гамиліону, а Анѳестиріонъ — своему аттическому тёзкѣ: всѣ эти сопоставленія давнымъ давно уже сдѣланы другими учеными, и мнѣ пришлось бы только повторять старое[1]). Слѣдующее за Анѳестиріономъ мѣсто въ кизикскомъ календарѣ уже Беллеемъ и Бёкомъ отведено Артемисіону, который дѣйствительно вездѣ, гдѣ ни встрѣчался (въ дорическихъ и македонскомъ календаряхъ въ формѣ Ἀρτεμίσιος), приходился на время около весенняго равноденствія[2]). За нимъ непосредственно слѣдовалъ, по вышеуказанной надписи Mordtm. № 2 II *b*, Ταυρεών. Такое мѣсто этого мѣсяца оказалось совершенно неожиданнымъ. Кромѣ кизикскаго календаря[3]), этотъ мѣсяцъ до сихъ поръ найденъ еще въ самосскомъ; извѣстный нѣмецкій филологъ Г. Л. Аренсъ въ своей попыткѣ возстановленія самосскаго календаря по агонистическимъ надписямъ, изданнымъ впервые Кирхгофомъ[4]), сопоставилъ Тавреонъ съ аттическимъ Метагитніономъ, находя, что это мѣсто aufs beste entspricht значенію Тавреона; но его доказательства въ пользу этого сопоставленія, которыя уже сразу можно было признать не имѣющими рѣшающаго значенія и несвободными отъ натяжекъ, были окончательно сведены къ нулю впослѣдствіи, когда оказалось, что въ составъ самосскаго календаря входилъ и мѣсяцъ Метагитніонъ[5]). Слѣдуя непосредственно за

1) См. въ книгѣ Германа Beilage II подъ именами мѣсяцевъ. Новыя доказательства въ пользу этихъ сопоставленій можно найти въ диссертаціяхъ Клодіуса и Бишофа.

2) См. мое соч. о календаряхъ, стр. 132 пр. 8, также Clodius ук. соч. стр. 14.

3) По словамъ Мордтмана въ *Mitth. d. D. Inst.* VI, стр. 50, этотъ-же мѣсяцъ извѣстенъ ему изъ одной неизданной надписи г. Синопы,—также милетской колоніи. (Изд. имъ-же въ Прилож. къ 15 тому сборника Константинопольскаго греч. литер. общества, стр. 46).

4) *Monatsber. d. Berl. Akad.* 1859, стр. 739 сл. Статья Аренса уже указана выше, стр. 26, прим. 4 и стр. 28, прим. 1.

5) W. Vischer въ *Rhein. Mus.* XXII (1867), стр. 315 = Kleine Schriften II, стр. 144. Вообще предложенному Аренсомъ возстановленію самосскаго и кизикскаго календаря не посчастливилось, несмотря на все его остроуміе и огромный ученый аппаратъ, которымъ оно было обставлено: въ документахъ, открытыхъ послѣ написанія его статьи, нашлись вѣскія опроверженія нѣкоторыхъ его положеній, послѣ которыхъ авторамъ новѣйшихъ минологическихъ трудовъ Клодіусу и Бишофу легко было критиковать его съ незаслуженною имъ строгостью.

Артемисіономъ, Тавреонъ соотвѣтствовалъ, значитъ, аттическому Мунихіону; въ такомъ случаѣ послѣ него долженъ былъ стоять Θаргиліонъ, за которымъ одно и то же мѣсто въ разныхъ календаряхъ обусловливалось какъ самымъ значеніемъ праздника Θαργήλια, такъ и тѣмъ, что іонійцы въ этомъ мѣсяцѣ праздновали день рожденія Аполлона. И дѣйствительно, въ тѣхъ календаряхъ, гдѣ мѣсто Θаргиліона опредѣлено или вполнѣ или приблизительно, онъ оказывается соотвѣтствующимъ аттическому мѣсяцу того же имени, какъ, напр., на оо. Дилосѣ и Тиносѣ [1]).

Обратимся теперь къ группѣ Καλαμαιών — Πάνημος, встрѣтившейся уже два раза въ кизикскихъ надписяхъ. Для опредѣленія мѣста Каламэона среди другихъ мѣсяцевъ у насъ нѣтъ пока никакихъ прочныхъ данныхъ, кромѣ этого показанія, что онъ стоялъ передъ Панимомъ, да еще предположенія, вытекающаго изъ самаго значенія его названія: если вѣрно предложенное нами [2]) производство его отъ посвященнаго Димитрѣ праздника καλαμαῖα, то онъ долженъ былъ приходиться лѣтомъ, во время жатвы. Что же касается до Панима, то Бёкъ и Германъ приняли Беллеево сопоставленіе его съ іюнемъ, а Аренсъ сопоставилъ его въ самосскомъ календарѣ (который, по его мнѣнію, оказавшемуся потомъ невѣрнымъ, былъ тождественъ съ кизикскимъ) съ аттическимъ Θаргиліономъ главнымъ образомъ потому, что слѣдовавшій за нимъ на Самосѣ мѣсяцъ Κρονιών соотвѣтствовалъ, по его мнѣнію, аттическому Скирофоріону, и кромѣ того потому, что, по его ученому объясненію, названіе Πάναμος или Πάνημος обозначало „ein Monat der Ernteopfer, in welchem dem Gotte allerlei zusammen dargebracht wird“. Невѣрность этого сопоставленія обнаружилась впослѣдствіи, когда изъ вновь открытыхъ документовъ оказалось, что въ кизикскомъ календарѣ былъ и мѣсяцъ Θаргиліонъ, помимо Панима; еще позднѣе сдѣлался извѣстенъ календарь дилосскій, въ которомъ также оказались и Θаргиліонъ и Панимъ, и притомъ стоящими рядомъ, такъ что послѣдній соотвѣтствовалъ аттическому Скирофоріону. Между дилосскимъ и кизикскимъ календарями оказывается, такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ мѣсяцамъ та разница, что въ послѣднемъ Θаргиліонъ и Панимъ были раздѣлены между собою Каламэономъ, и вслѣдствіе этого Панимъ кизикскій стоялъ ниже дилосскаго и соотвѣтствовалъ аттическому

1) См. Clodius, стр. 16 и 23; Bischoff, стр. 390. Этотъ мѣсяцъ встрѣтился еще въ календаряхъ Аморга, Накса, Пароса, Ефеса и Гамбрія.

2) О нѣк. эол. и дор. кал. стр. 34, пр. 62.

Екатомвэону. Примѣровъ подобной разницы въ положеніи одноименныхъ мѣсяцевъ въ разныхъ календаряхъ попадается не мало, такъ что она не должна особенно смущать насъ. Необходимо помнить, что отдѣльные календари внутри каждой группы, хотя и происходившіе отъ одного общаго прототипа, впослѣдствіи, въ историческія времена, развивались совершенно независимо другъ отъ друга и могли претерпѣвать не малыя видоизмѣненія, которыми и обусловливается замѣчаемая между ними разница. Обратный примѣръ представляютъ мѣсяцы Ἀπατουρεών и Ποσειδεών: въ Кизикѣ они стояли рядомъ, а на Дилосѣ между ними былъ еще Ἀρησιών; далѣе, между Линэономъ и Артемисіономъ въ Кизикѣ былъ одинъ мѣсяцъ Анѳестиріонъ, а на Дилосѣ — два (Ἱερός и Γαλαξιών).

Что касается, далѣе, до мѣсяцевъ Воидроміона, Кіанопсіона и Апатуреона, то я ничего не могу возразить противъ мнѣнія прежнихъ изслѣдователей кизикскаго календаря, которые единогласно ставятъ ихъ рядомъ на тѣ мѣста, которыя въ Аттикѣ были заняты Воидроміономъ, Піанопсіономъ и Мэмактріономъ; приводимыя ими основанія кажутся и мнѣ вполнѣ уважительными. Такимъ образомъ у насъ останется не занятымъ одно только мѣсто — именно то, на которомъ въ Аттикѣ стоялъ Метагитніонъ; кандидатъ на это мѣсто до сихъ поръ не встрѣчался въ документахъ Милета и его колоній, и назвать его предположительно очень трудно. Аренсъ съ увѣренностью вносилъ въ разсматриваемый нами календарь мѣсяцъ Кроніонъ, входившій въ составъ календаря самосскаго, но, по его распредѣленію, остававшееся свободнымъ мѣсто соотвѣтствовало аттическому Скирофоріону, тогда какъ по нашему оно приходится на два мѣсяца ниже и, стало быть, для Кроніона уже не подходитъ; скорѣе уже можно было бы предложить на это мѣсто Метагитніонъ, который кромѣ аттическаго календаря оказался по настоящее время еще въ дилосскомъ, самосскомъ и ефесскомъ, а также и въ нѣкоторыхъ дорическихъ въ формѣ Πεδαγείτνιος; но всетаки осторожный изслѣдователь долженъ предпочесть пока оставить это мѣсто пустымъ и утѣшать себя надеждою, что со временемъ, быть можетъ, найдется въ какомъ-нибудь документѣ и послѣднее недостающее названіе [1]).

Такимъ образомъ, изъ нашихъ разсужденій вытекаетъ слѣдующій порядокъ

---

1) [Оно дѣйствительно нашлось въ ольвійской надписи I в. до Р. Хр., открытой при раскопкахъ Б. В. Фармаковскаго въ 1905 г. См. *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 18, стр. 96, № 2. Названіе — именно то, которое мы предполагали, т. е. Μεταγειτνιών].

мѣсяцевъ въ календарѣ Милета и его колоній въ сопоставленіи съ календарями юліанскимъ и аттическимъ:

Юліанскій календарь.	*Аттическій.*	*Милетскій съ колоніями.*
іюль	1. Ἑκατομβαιών	Πάνημος
августъ	2. Μεταγειτνιών	[Μεταγειτνιών]
сентябрь	3. Βοηδρομιών	Βοηδρομιών
октябрь	4. Πυανοψιών	Κυανεψιών
ноябрь	5. Μαιμακτηριών	Ἀπατουρεών
декабрь	6. Ποσειδεών	Ποσειδεών
январь	7. Γαμηλιών	Ληναιών
февраль	8. Ἀνθεστηριών	Ἀνθεστηριών
мартъ	9. Ἐλαφηβολιών	Ἀρτεμισιών
апрѣль	10. Μουνιχιών	Ταυρεών
май	11. Θαργηλιών	Θαργηλιών
іюнь	12. Σκιροφοριών	Καλαμαιών

Едва ли нужно прибавлять, что каждый аттическій и милетскій мѣсяцъ соотвѣтствовалъ, вообще говоря, только второй половинѣ того юліанскаго, съ которымъ онъ сопоставленъ, и первой половинѣ слѣдующаго, но и то лишь приблизительно, насколько вообще можетъ идти рѣчь о соотвѣтствіи мѣсяцевъ лунаго календаря съ мѣсяцами солнечнаго [1]).

1) Въ пользу вѣрности предлагаемаго возстановленія календаря Милета и его колоній много свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Бишофъ, занимавшійся его возстановленіемъ одновременно со мною и на основаніи тѣхъ же документовъ, получилъ совершенно тождественные съ моими результаты, которые, впрочемъ, показались ему не вполнѣ удовлетворительными. Онъ замѣчаетъ: «...difficultates quasdam manere (in fastis Cyzicenis) confitemur. Neque enim Artemisionem neque Calamaeonem neque Panemum eis stare videmus locis, quae ceterorum fastorum Ionicorum exemplis commendantur, et Calamaeonem duobus locis abesse ab eo quem apud Milesios tenuit loco apparet. Tamen has discrepantias animadvertisse satis est, quoniam ut eas explicemus non potest fieri». Однако эти difficultates отчасти существуютъ только въ воображеніи автора. Относительно Артемисіона мы знаемъ, что онъ вездѣ приходился на время около весенняго равноденствія, но полагать, что онъ вездѣ и постоянно соотвѣтствовалъ аттическому Мунихіону (какъ это дѣлаетъ Бишофъ, очевидно, на основаніи дилосскаго календаря), мы не имѣемъ права; онъ могъ приходиться то раньше, то позже, смотря по времени начала года, способамъ интеркаляціи и др. причинамъ. Далѣе, слова Бишофа относительно несоотвѣтствія кизикскаго Каламэона съ милетскимъ основаны просто на недосмотрѣ: на стр. 396 въ прим. 4 онъ замѣчаетъ, что въ милетской надписи (указанной нами выше, стр. 27, прим. 2) этотъ мѣсяцъ сопоставленъ съ 4-мъ римскимъ (т.-е. апрѣлемъ); но этого сопоставленія на камнѣ *нѣтъ*, это нечто иное, какъ возстановленіе несохранившейся части текста, предложенное первымъ издателемъ надписи Нейбауеромъ, но отвергнутое Диттенбергеромъ,

Возвратимся теперь къ вопросу о началѣ года въ разбираемомъ календарѣ. Извѣстно, что въ лунныхъ календаряхъ грековъ годъ начинался обыкновенно съ перваго новолунія послѣ одного изъ 4-хъ главныхъ астрономическихъ пунктовъ года: лѣтняго или зимняго солнцестоянія, весенняго или осенняго равноденствія [1]). Стало быть, первыми мѣсяцами года по разсматриваемому календарю могли бы быть Панимъ, Воидроміонъ, Линэонъ или Артемисіонъ; соображенія противъ возможности начала года съ Воидроміона были уже приведены нами выше; что же касается до Линэона и Панима, то въ указанныхъ уже выше кизикскихъ надписяхъ C. I. Gr. 3663 и 3664 они сопоставлены съ предшествующими мѣсяцами Посидэономъ и Каламэономъ *подъ одними и тѣми же эпонимами*, изъ чего слѣдуетъ, что ни тотъ ни другой мѣсяцъ не былъ первымъ въ году. Стало быть, строго говоря, годъ въ разсматриваемыхъ календаряхъ могъ начинаться только съ перваго новолунія послѣ весенняго равноденствія, т.-е. съ мѣсяца Артемисіона. Однако я не считаю возможнымъ настаивать на этомъ выводѣ, пока онъ не подтвердится новыми данными: съ одной стороны, мои доводы противъ начала года съ осенняго равноденствія могутъ, пожалуй, показаться не вполнѣ убѣдительными, съ другой — мнѣ могутъ возразить, что при самостоятельномъ развитіи календарей въ Милетѣ и каждой его колоніи въ нихъ могли происходить тѣ или другія измѣненія, въ томъ числѣ и относительно начала года, такъ что данныя, почерпаемыя изъ ольвійскихъ документовъ, не могутъ быть съ полною увѣренностью примѣняемы къ кизикскому календарю и наоборотъ. Поэтому безопаснѣе будетъ пока ограничиться только тѣми выводами, которые прямо вытекаютъ изъ документовъ, именно, что считать Воидроміонъ первымъ мѣсяцемъ въ году ольвійскомъ — мало вѣроятно, а въ Кизикѣ годъ не могъ начинаться ни съ Линэона, ни съ Панима, т.-е. ни съ зимняго, ни съ лѣтняго солнцестоянія.

который, перепечатывая надпись въ своей Sylloge, съ свойственнымъ ему остроуміемъ замѣтилъ несообразность возстановленія Нейбауера и предложилъ свое, несравненно болѣе вѣроятное и совершенно мѣняющее смыслъ этого мѣста надписи (см. Syll. стр. 348, пр. 6). Другихъ же данныхъ о мѣстѣ Каламэона въ Милетѣ у насъ нѣтъ никакихъ. Стало быть, останется одинъ только Πάνημος не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ дилосскомъ календарѣ, — единственномъ изъ іоническихъ, въ которомъ мѣсто его опредѣлено вполнѣ точно.

1) Гораздо рѣже встрѣчаются случаи, въ которыхъ можно думать объ опредѣленіи начала года по восходу или заходу неподвижныхъ звѣздъ, напр., Плеядъ. См. мое соч. о календаряхъ, стр. 50 сл.

II. Тира.

Съ календаремъ Тиры мы знакомы пока еще менѣе, нежели съ ольвійскимъ: всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются двумя эпиграфическими показаніями, весьма однако важными, во-первыхъ, потому что оба они относятся къ опредѣленнымъ годамъ, во-вторыхъ, потому что въ обоихъ тиранскіе мѣсяцы и числа сопоставлены съ мѣсяцами и числами юліанскаго календаря. Одно изъ этихъ показаній заключается въ извѣстномъ двуязычномъ документѣ 201 года по Р. Хр. (№ 3 моего сборника), содержащемъ въ себѣ рескрипты Септимія Севера и Каракаллы, которыми была подтверждена immunitas Тирянъ, и письмо легата Овинія Тертулла къ властямъ, совѣту и народу Тирянъ съ извѣщеніемъ объ этой милости. Письмо это датировано слѣдующимъ образомъ: Ἀπεδόθη πρὸ ιγ′ καλανδῶν Μαρτίων, Ληνεῶνος η′. Ἀνεστάθη ἐπὶ Μουκιανοῦ καὶ Φαβιανοῦ ὑπάτων, ἐν τῷ εμρ′ ἔτει. Затѣмъ въ недавно найденномъ декретѣ 181 г. по Р. Хр. въ честь нѣкоего Ко[ккея], изданномъ впервые В. Н. Юргевичемъ, а затѣмъ въ моемъ сборникѣ подъ № 2, оказалась датировка такого рода: Ἐγένετο ἐν Τύρᾳ πρὸ ε′ καλ(ανδῶν) Μαΐων αὐτοκράτορι Κομόδῳ τὸ γ′ καὶ Ἀντιστίῳ Βούρρῳ ὑπάτοις, ὡς δὲ Τυρανοὶ ἄγουσιν, ἔτους εκρ′...μηνὸς Ἀρτεμεισιῶνος λ′. Первый издатель перваго документа, П. В. Беккеръ, при объясненіи его даты нашелъ, что „ничто не можетъ быть правдоподобнѣе“ того, что въ Тирѣ былъ въ употребленіи такъ называемый азіанскій календарь (*солнечный*), извѣстный изъ hemerologium Florentinum и hem. Leydense[1]). Тому же мнѣнію слѣдуетъ и В. Н. Юргевичъ при объясненіи декрета въ честь Коккея[2]). Однако примирить показанія обѣихъ надписей съ названными имерологіями и между собою не представляется никакой возможности, и оба почтенные ученые для этого примиренія должны были прибѣгнуть къ предположенію объ ошибкахъ или въ имерологіяхъ, или въ чтеніи надписей. Дѣло въ томъ, что по имерологіямъ солнечный годъ азіанскій начинался съ 24 юліанскаго сентября, 5-й его мѣсяцъ Λήναιος (а не Ληναιών) — съ 24 января, а 7-й Ἀρτεμίσιος (не Ἀρτεμισιών) — съ 24 марта; такимъ образомъ 8-е число Линэя соотвѣтствовало 31-му января, а 30-е число Артемисія — 22-му апрѣля, и, стало быть, разница съ показаніемъ документа 201 года вы-

1) *Записки Од. Общ. Исторіи и Древн.* т. II, стр. 468.
2) *Записки Од. Общ.* т. XIII, стр. 13 сл.

ходитъ на 17 дней, а съ документомъ 181 года — на 5. „Такую значительную разницу, говоритъ Беккеръ о первомъ документѣ, нечѣмъ другимъ устранить, какъ предположеніемъ, что хотя буква Н (обозначающая въ надписи число) довольно ясно обозначена, но въ ней можно видѣть и М и принять ее за сокращенное означеніе слова μηνός, т.-е. мѣсяца. Въ такомъ случаѣ полагаю, что Овиній, сравнивая римское и тиритское число, хотѣлъ только сблизить мѣсяцъ, а не день. Если это однакожъ покажется довольно невѣрнымъ, потому что ясное начертаніе буквы Н едва допускаетъ какую-либо перемѣну и что находящаяся надъ сею буквою горизонтальная черта указываетъ на число, то должно принять, что мѣсяцъ Линэонъ, хотя былъ изъ числа тиритскихъ мѣсяцевъ, однакожъ въ Тирасѣ не соотвѣтствовалъ, какъ сказано въ флорентинскомъ счисленіи, 24-му января, но начинался съ 10-го числа этого мѣсяца“. Послѣдняя фраза только констатируетъ фактъ, а не объясняетъ его; что же касается до перваго объясненія, то я положительно удивляюсь тому, что Беккеръ, самъ списавшій надпись и притомъ списавшій превосходно, рѣшился предложить его: еще теперь, спустя болѣе 30 лѣтъ, буква Н и черточка надъ нею видны совершенно явственно и не допускаютъ даже мысли о возможности смѣшенія съ М. Говорю какъ очевидецъ, внимательно свѣрившій копію Беккера съ камнемъ. Мнѣ кажется, что Беккеръ высказался такимъ образомъ не по недовѣрію къ собственнымъ глазамъ, а просто изъ желанія какъ-нибудь замаскировать свою безпомощность предъ фактомъ разногласія надписи съ имерологіемъ; однако эта безпомощность сквозитъ въ его словахъ очень ясно.— Обратимся теперь къ объясненію г. Юргевича. Почтенный профессоръ, выразивъ сожалѣніе о невозможности провѣрить чтеніе Беккера вслѣдствіе того, что принадлежащіе Одесскому Обществу Исторіи и Древностей камни съ надписями по случаю постройки новаго музея во время написанія его статьи были сложены въ одно мѣсто, продолжаетъ: „Мы имѣемъ возможность на основаніи новыхъ данныхъ составить тирасскій календарь, который убѣждаетъ насъ, что въ чтеніи прежней надписи произошла въ самомъ дѣлѣ ошибка. Основаніемъ при его составленіи я принимаю показанное на новой надписи 30 число Артемисіона, соотвѣтствующее римскому 27-му апрѣля, придерживаясь порядка азіатскихъ мѣсяцевъ съ ихъ названіями и числа дней въ каждомъ мѣсяцѣ, означеннаго въ Hemerologium. (Слѣдуетъ таблица). Изъ этой таблицы видно, что 19-е (читай: 17-е) февраля юліанскаго года не можетъ совпадать съ 8 числомъ Линэона (Н) и соотвѣтствуетъ 20-му, которое обозначается буквой К, и что ошибка произо-

шла отъ легкаго смѣшенія Н съ К. Весьма любопытно, найдется ли на камнѣ послѣдняя буква, но если окажется, то это будетъ доказательствомъ правильности настоящей таблицы". Повторяю, что буква Н въ надписи 201 г. совершенно ясна, — и это служитъ доказательствомъ неправильности таблицы г. Юргевича. И въ самомъ дѣлѣ, если г. Юргевичъ принимаетъ за основаніе при составленіи таблицы документъ 181 года, то съ такимъ же правомъ можно бы было принять за основаніе надпись 201 г. и предполагать ошибку въ чтеніи документа 181 г., а найдя какую-нибудь новую надпись, не согласующуюся съ прежними, составить по ней новую таблицу и предполагать ошибки въ прежнихъ, и т. д. до безконечности. Затѣмъ спрашивается, на какомъ основаніи почтенный авторъ, признавая тирасскій календарь тождественнымъ съ календаремъ имерологіевъ, считаетъ возможнымъ безъ всякой оговорки отвергнуть показаніе послѣднихъ относительно соотвѣтствія дней азіанскаго календаря съ юліанскимъ, а между тѣмъ удерживаетъ тотъ же порядокъ мѣсяцевъ, ихъ названія и число дней въ каждомъ мѣсяцѣ? Вѣдь разъ мы отвергаемъ вѣрность показаній имерологіевъ въ одномъ отношеніи, мы имѣемъ полное право отвергнуть или по крайней мѣрѣ заподозрить и остальныя показанія, и наоборотъ — вѣря остальнымъ, съ какой стати будемъ отвергать самое главное? Наконецъ, если даже оставить безъ вниманія разногласіе надписей съ имерологіями, то въ настоящее время, когда вѣрность чтенія обѣихъ надписей оказалась не подлежащею никакому сомнѣнію, нѣтъ никакой возможности объяснить ихъ разногласіе между собою [1]). Будь разница между ними на 1—2 дня, ее легко можно было бы отнести на счетъ несогласія 30 и 31-дневныхъ мѣсяцевъ азіанскаго календаря съ юліанскими, несогласія високосныхъ годовъ (если предположить, что этотъ воображаемый азіанскій календарь еще въ концѣ II и началѣ III в. по Р. Хр. не былъ урегулированъ по юліанскому, что, конечно, весьма мало вѣроятно) и т. п.; но чтобы одинъ

1) Замѣтимъ еще, что какъ Беккеръ, такъ и г. Юргевичъ полагаютъ, что этотъ солнечный календарь, бывшій, по ихъ мнѣнію, въ употребленіи въ Тирѣ, былъ принесенъ туда выходцами изъ Милета. Но спрашивается: когда же? Конечно, не при первомъ основаніи колоніи, такъ какъ тогда въ Милетѣ не могъ употребляться солнечный календарь, въ составъ котораго входили мѣсяцы Ἱεροσέβαστος, Καισάριος, Τιβέριος и т. п., самыми названіями указывающіе на эпоху римскихъ императоровъ. Въ эту же эпоху связь Тиры съ своею митрополіею врядъ ли была настолько тѣсна, чтобы Милетцы могли заставить Тирянъ отказаться отъ ихъ прежняго календаря и ввести солнечный (вдобавокъ о существованіи этого «азіанскаго» солнечнаго календаря въ самомъ Милетѣ мы ничего не знаемъ); это одно замѣчаніе, даже при неимѣніи другихъ доводовъ, могло бы заставить сильно сомнѣваться въ вѣрности мнѣнія гг. Беккера и Юргевича.

солнечный календарь въ теченіе 20 лѣтъ отступилъ отъ другого на 12 дней — это, какъ хотите, немыслимо. Остается, стало-быть, единственный выходъ изъ этого затрудненія — именно, принять, что въ 181 и 201 гг. въ Тирѣ былъ въ употребленіи не солнечный календарь, а еще древне-греческій *лунный*. Такъ думалъ еще Т. Моммзенъ при изданіи документа 201 года (C. I. Lat. III, № 780), совершенно справедливо замѣтившій относительно записанной въ немъ даты слѣдующее: „Qui in hanc rem inquisiverunt viri docti, Lenaeonem anni Milesiaci credunt respondere Atheniensium Gamelioni in universum comparando mensi anni Iuliani Ianuario, scilicet quatenus comparare licet annum lunarem cum anno solari. Cur autem Lenaeonis dies 8 a. 201 p. Chr. Tyranis inciderit in anni Iuliani Febr. 17 [1]), eius [rei] tum tantum ratio videtur reddi posse, cum de anni Tyrani natura principio intercalatione accuratius constiterit“ [2]). Названія тиранскихъ мѣсяцевъ Ληναιών и Ἀρτεμισιών, извѣстныя изъ календарей другихъ милетскихъ колоній, даютъ намъ полное право полагать, что употреблявшійся въ Тирѣ календарь былъ принесенъ туда еще первыми поселенцами изъ Милета и, стало быть, былъ тождественъ или по крайней мѣрѣ очень сходенъ (допуская, что въ немъ могли быть сдѣланы какія-нибудь измѣненія самими Тирянами) съ календарями другихъ милетскихъ колоній. Поэтому все то, что мы выше сказали объ ольвійскомъ календарѣ, можетъ быть примѣнено и къ тиранскому.

III. Херсонисъ Таврическій.

Относительно херсонисскаго календаря я могу представить здѣсь только одно замѣчаніе, въ сущности вполнѣ сходное съ тѣмъ, что только что сказано мною относительно календаря Тиры, и уже выраженное въ очень краткихъ сло-

---

1) Если бы Моммзену былъ извѣстенъ документъ 181 г. въ то время, когда онъ писалъ эти слова, то онъ прибавилъ бы: «et Artemisionis dies 30 a. 181 in eiusdem anni April. 27». Чтобы наглядно представить себѣ разницу въ счетѣ дней по лунному и солнечному календарямъ, достаточно бѣглаго взгляда на любую таблицу, въ которой бы они были сопоставлены, хотя бы напр. у Бёка Zur Geschichte d. Mondcyclen der Hellenen стр. 19 (для 439—405 гг. до Р. Хр.).

2) Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, что послѣ столь категорическаго объясненія Моммзена не слѣдовало и распространяться такъ подробно о тиранскомъ календарѣ, а достаточно было просто сослаться на слова знаменитаго историка. Но именно потому, что онъ высказался догматически и безъ опроверженія мнѣнія Беккера (котораго онъ, впрочемъ, вѣроятно и не зналъ), мнѣ казалось не лишнимъ подробно выяснить все неправдоподобіе мнѣнія гг. Беккера и Юргевича о солнечномъ календарѣ, якобы употреблявшемся въ Тирѣ во время изданія нашихъ документовъ.

вахъ въ моей книгѣ о календаряхъ (стр. 149, прим. 42). Дѣло въ томъ, что относительно времясчисленія въ этомъ городѣ мы имѣемъ пока лишь *одно* показаніе, находящееся въ недавно найденномъ драгоцѣнномъ памятникѣ, — декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго, полководца Миѳрадата VI Евпатора[1]). Опредѣленіе мѣсяца и числа выражено въ декретѣ слѣдующими словами: Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾶι καὶ δάμωι μηνὸς Διονυσίου ἐννεακαιδεκάται. Первый издатель этого документа В. Н. Юргевичъ, справившись по Идделеру, въ составъ какихъ календарей входилъ мѣсяцъ Διονύσιος, нашелъ его въ позднѣйшемъ солнечномъ календарѣ Виѳинскомъ, извѣстномъ изъ многихъ имерологіевъ (но не изъ эпиграфическихъ памятниковъ), и съ полною увѣренностію заключилъ, что Херсонисцы придерживались этого календаря, заимствовавъ его изъ своей митрополіи Иракліи Понтійской[2]). Заимствованіе календаря изъ митрополіи болѣе чѣмъ вѣроятно; но крайне невѣроятно, скажу даже немыслимо, чтобы это былъ солнечный календарь Виѳинскій: вѣрнѣе всего, конечно, полагать, что календарь принесли съ собою на берега Тавриды уже первые поселенцы изъ Иракліи, но въ тѣ времена о солнечномъ календарѣ у грековъ не было и помина; даже нѣсколько столѣтій спустя послѣ того времени, къ которому относится декретъ въ честь Діофанта, греки еще держались своихъ старыхъ лунныхъ календарей (въ Тирѣ напр., какъ мы только что видѣли, еще въ началѣ III в. по Р. Хр.). Спрашивается, какимъ же изъ лунныхъ календарей пользовались жители Иракліи, изъ которой онъ былъ перенесенъ въ Херсонисъ? Естественнѣе всего, конечно, думать, что они заимствовали его также изъ своей митрополіи—Мегаръ[3]). И дѣйствительно, мѣсяцъ Διονύσιος оказался и въ календаряхъ другихъ мегарскихъ колоній — Халкидона и Византіи, хотя въ документахъ собственно мегарскихъ онъ еще не встрѣчался. Впрочемъ я не буду здѣсь входить въ подробности относительно календаря Мегаръ и ихъ колоній, такъ какъ ему посвящена особая глава въ моей книгѣ о календаряхъ, къ которой и прошу обратиться желающихъ познакомиться

---

1) [Второе названіе мѣсяца — Λύκειος встрѣтилось въ надписи IosPE. IV, № 70, найденной въ 1888 г., а третье — Εὔ[κλειος] возстановлено нами въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 23 (1907), стр. 67, въ обломкѣ надписи, изданномъ въ IosPE. IV, № 95].

2) *Записки Од. Общ.* т. XII, стр. 42. Календарь самой Иракліи намъ совершенно неизвѣстенъ.

3) Въ томъ, что Ираклія была колонизована изъ Мегаръ (а не изъ Милета, какъ говоритъ Страбонъ XII, 3, 4), въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ср. нашу статью «Эпиграфическія данныя о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ *Журн. М. Н. Пр.*, іюнь 1884 г.

съ нимъ обстоятельнѣе [1]). Здѣсь я хотѣлъ только указать путь, по которому слѣдуетъ идти въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь вопросовъ относительно херсонисскаго календаря: ихъ разрѣшенія нужно искать не въ виѳинскомъ календарѣ, а въ мегарскомъ.

1) Въ одной изъ вновь найденныхъ халкидонскихъ надписей, о которыхъ сдѣлалъ сообщеніе на [VI археологическомъ] съѣздѣ представитель Константинопольскаго Литературнаго Общества, г. Пападопуло-Керамевсъ, и которыя онъ съ величайшею любезностью передалъ мнѣ для окончательной обработки, нашлись двѣ новыя данныя для этого календаря: 1) названіе мѣсяца, соотвѣтствовавшаго аттическому Мэмактріону, было не Μαχανεύς, а Μαχάνειος; 2) послѣдній мѣсяцъ, названіе котораго еще не было извѣстно, назывался Ἀπελλαῖος (въ своей книгѣ я предполагалъ для него названіе Δάλιος). [Надписи, сообщенныя намъ г. Пападопуло-Керамевсомъ, изданы въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, іюнь, отд. класс. филол.].

Еще о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса [1]).

(Отвѣтъ г. Бурачкову).

Помѣщенная въ отдѣлѣ классической филологіи апрѣльской книги *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г. (стр. 307—314) замѣтка П. О. Бурачкова по поводу нашего мнѣнія о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса [2]) удивила насъ тою смѣлостью, съ которою авторъ ея выступилъ на поприще полемики по вопросамъ, выходящимъ за предѣлы его компетентности. По существу своему эта „замѣтка" не заслуживаетъ возраженія; но такъ какъ г. Бурачковъ, вѣроятно, принялъ бы молчаніе съ нашей стороны за знакъ согласія съ его опроверженіемъ, то мы видимъ себя вынужденными взяться за перо для отвѣта нашему смѣлому оппоненту.

Прежде всего замѣтимъ, что въ возраженіи г. Бурачкова неоднократно нарушенъ коренной обычай литературной полемики: не приписывать своему противнику [3]) того, чего онъ не говорилъ, и не придавать его словамъ такого значенія, котораго они не имѣютъ и имѣть не могутъ. Въ самомъ началѣ замѣтки г. Бурачковъ говоритъ, что я, „на основаніи сопоставленія географическихъ описаній, сохранившихся у древнихъ писателей, усиливаюсь возстановить ихъ смыслъ [?!], предполагая, что для этого нѣтъ необходимости справляться съ топографіей", и

---

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1887, май, отд. кл. Фил. стр. 36—42.

2) [Въ «Изслѣдованіяхъ объ исторіи и госуд. строѣ города Ольвіи»].

3) Г. Бурачковъ почти съ первой же строки своей «замѣтки» величаетъ меня своимъ «противникомъ», но вовсе незаслуженно: развѣ высказать мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ другого изслѣдователя, или отнестись къ нему критически значитъ уже сдѣлаться его противникомъ? Въ такомъ случаѣ меня съ такимъ же правомъ можно назвать противникомъ Страбона, Арріана, Помпонія Мелы и др., коихъ показанія о мѣстоположеніи Ольвіи, по моему мнѣнію, неточны, а г. Бурачкова — противникомъ Иродота и Діона Хрисостома, такъ какъ его мнѣніе о мѣстоположеніи Ипполаева мыса прямо противорѣчитъ ихъ извѣстіямъ.

что это мой „избранный путь“. Я былъ бы очень благодаренъ г. Бурачкову, еслибъ онъ указалъ въ топографической части моего труда (стр. 23—28) слова, изъ которыхъ онъ вывелъ такое заключеніе. Мнѣ нечего было „усиливаться возстановлять смыслъ“ географическихъ описаній древнихъ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свой смыслъ; то или другое свидѣтельство можетъ быть неточно или невѣрно, но безсмыслица въ нихъ могла бы явиться развѣ вслѣдствіе порчи текста, которая навѣрное была бы уже замѣчена издателями и комментаторами. Писать же о географическихъ извѣстіяхъ древнихъ „безъ приложенія ихъ къ описываемой мѣстности“ рѣшительно невозможно, и приписывать мнѣ подобный абсурдъ г. Бурачковъ не имѣлъ основаній. Далѣе г. Бурачковъ говоритъ (стр. 308 вверху), что я „задавался желаніемъ исправить его мнимую ошибку“, и въ другомъ мѣстѣ (стр. 312)—что я „придаю огромное значеніе 36-й рѣчи Діона, съ цѣлью найти у него, г. Бурачкова, противорѣчіе съ показаніемъ Діона о мѣстоположеніи Ипполаева мыса“. Опять-таки не знаю, на какомъ основаніи г. Бурачковъ приписываетъ мнѣ такое желаніе и такую цѣль: на стр. 26 своего труда, въ примѣч. 7, я просто отмѣтилъ противорѣчіе его „Опыта“ (см. ниже мои слова) съ показаніями Иродота и Діона и затѣмъ вовсе его не касался. Приписывая мнѣ положительное убѣжденіе въ томъ, что Ипполаевъ мысъ есть нынѣшній Станиславскій (стр. 312), г. Бурачковъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто я основалъ свое мнѣніе исключительно на картѣ Чиркова (см. стр. 308 и въ концѣ замѣтки предъявленное ко мнѣ требованіе, чтобъ я „показалъ остатки [храма Димитры] на мысу Станиславскомъ помимо карты Чиркова“). Между тѣмъ у меня ссылка на карту Чиркова относится не къ словамъ о соотвѣтствіи Станиславскаго мыса Ипполаеву, а къ замѣчанію, что, слѣдуя одному Иродоту, пришлось бы искать Ольвію ниже ея дѣйствительнаго мѣстоположенія, около нынѣшняго Аджигёла. Такъ какъ мѣстоположеніе Аджигёла весьма легко можетъ быть неизвѣстно лицамъ, не обладающимъ подробнымъ знаніемъ топографіи мѣстностей, прилегающихъ къ Днѣпровскому лиману, то я и счелъ нужнымъ указать имъ на одно изъ пособій, при помощи которыхъ можно было бы ориентироваться въ этихъ мѣстностяхъ. Что же касается до меня лично, то тотъ самый фактъ, что я, коснувшись вопроса о мѣстоположеніи Ипполаева мыса, указалъ читателямъ даже на „Опытъ“ г. Бурачкова, — этотъ самый фактъ доказываетъ, что я отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ новой литературѣ объ этомъ вопросѣ и, стало быть, могъ знать о мѣстонахожденіи Станиславскаго мыса и

безъ карты Чиркова, тѣмъ болѣе, что въ 1883 году самъ посѣтилъ мѣстность Ольвіи, о чемъ моему почтенному оппоненту не безызвѣстно.

Можно было бы указать еще случаи, гдѣ мнѣ приписывается то, чего я не говорилъ; но, не желая слишкомъ раздвигать рамки нашей отповѣди, мы переходимъ прямо къ дѣлу.

Коснувшись „Опыта“ г. Бурачкова въ указанномъ уже мѣстѣ моихъ изслѣдованій объ Ольвіи, я сказалъ буквально слѣдующее: „П. О. Бурачковъ.... высказалъ предположеніе, что за Ипполаевъ мысъ слѣдуетъ признать не Станиславскій, а такъ называемую Воложскую косу, въ 2-хъ верстахъ выше Ольвіи, на той же сторонѣ Буга. Но чтобы показать, насколько заслуживаетъ довѣрія „Опытъ“ г. Бурачкова, достаточно упомянуть, что онъ прямо противорѣчитъ и Иродоту и Діону Хрисостому: оба писателя положительно говорятъ, что Ольвія лежала не на той же сторонѣ рѣки Ипанида, гдѣ святилище, а на противоположной (ἐν τῷ πέρην, ἐν τῷ κατ᾽ ἀντικρύ), и притомъ, по словамъ Діона, немного выше (οὐ πολὺ ἄνωθεν) мыса“. Въ своей замѣткѣ г. Бурачковъ приводитъ множество „доказательствъ“ того, что его мнѣніе названнымъ писателямъ не противорѣчитъ, и что Ипполаевъ мысъ есть дѣйствительно нынѣшняя Воложская коса; тутъ есть и указаніе начала Днѣпровско-Бугскаго лимана, и ольвіополиты-борисѳениты, и ошибка Діона Хрисостома, и соотношеніе Эксампая съ храмомъ Димитры, и нагрузка судовъ, и находки въ Волошанской могилѣ, и монеты, и патеры и пр., нѣтъ только самаго главнаго, именно доказательства того, что выраженіе ἐν τῷ πέρην можетъ быть прилагаемо къ мѣстностямъ, лежащимъ на разстояніи 2-хъ верстъ одна отъ другой на одномъ и томъ же берегу рѣки, представляющемъ почти прямую линію, безъ всякихъ заливовъ и бухтъ, а нарѣчіе ἄνωθεν — къ мѣстностямъ, лежащимъ ниже по теченію рѣки. Представивъ эти два доказательства, г. Бурачковъ могъ бы еще надѣяться, что ему кто-нибудь повѣритъ; но ему и въ голову не пришло доказывать это, потому что онъ не знаетъ точнаго значенія этихъ выраженій[1]). Если бъ онъ ихъ зналъ, то не только не выступилъ бы теперь съ возраженіемъ противъ нашего замѣчанія, но и прежде никогда не подумалъ бы о возможности отожествить Ипполаевъ мысъ съ Воложской косой. Итакъ, мы считаемъ нужнымъ категорически заявить г. Бурачкову:

1) Доказательство своего незнанія значенія выраженія τὸ πέραν г. Бурачковъ представилъ и въ своемъ «Опытѣ соглашенія открытой въ Херсонисѣ надписи съ природою мѣстности» и пр., *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. XII, стр. 222 сл.

1) что слово πέραν (одного корня съ περάω, πόρος, πορεύομαι, = лат. trans), заключая въ себѣ понятіе переправы, переѣзда, никогда не прилагалось къ мѣстностямъ, находящимся на одномъ и томъ же прямомъ берегу рѣки или моря, и что, стало быть, по точному смыслу словъ Иродота, Ипполаевъ мысъ находился на противоположной отъ Ольвіи, то-есть, лѣвой сторонѣ Ипанида; 2) что нарѣчія ἄνω, ἄνωθεν и предлогъ ἀνά употреблялись для обозначенія направленія отъ моря внутрь страны или отъ устья рѣки вверхъ по теченію, а не наоборотъ, и что, слѣдовательно, ставить Ипполаевъ мысъ сѣвернѣе [1]) Ольвіи, то-есть, выше ея по теченію Буга, значитъ прямо противорѣчить Діону Хрисостому. Если г. Бурачковъ не повѣритъ мнѣ на слово, то можетъ справиться въ любомъ греческомъ словарѣ. Я согласенъ съ г. Бурачковымъ, что, слѣдуя Иродоту и Діону, нужно было бы искать Ипполаевъ мысъ нѣсколько ближе къ Ольвіи, на пространствѣ лѣваго берега приблизительно отъ Павлютиной балки до Александровки; но такъ какъ на этомъ пространствѣ мысовъ нѣтъ, то поневолѣ приходится идти дальше и остановиться на мысу Станиславскомъ.

Этимъ мы могли бы и закончить нашъ отвѣтъ г. Бурачкову. Но для того, чтобы кто-нибудь не упрекнулъ насъ въ излишней строгости приговора относительно его компетентности въ данномъ вопросѣ, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе еще на нѣкоторые пункты его замѣтки. Такъ, г. Бурачковъ совѣтуетъ (стр. 308) „принять въ соображеніе, что теперешнее мѣстечко Парутино, гдѣ была Ольвія, находится не на Бугѣ, а на Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ, такъ какъ, прошедши Воложскую косу, Бугъ смѣшивается съ днѣпровскою водой и составляетъ одинъ общій лиманъ вплоть до моря“. Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ ссылается на новыя сочиненія, которыя однако не только не подтверждаютъ его мнѣнія, а даже прямо ему противорѣчатъ: въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи“ сказано, что впаденіе Буга въ лиманъ ничѣмъ рѣзко не обозначено, а въ „Лоціи Чернаго моря“ начало Днѣпровскаго лимана показано отъ мысовъ Семенова и Сарыкамыша, находящихся гораздо ниже Воложской косы. Тѣмъ не менѣе, г. Бурачковъ вполнѣ увѣренъ не только въ томъ, что лиманъ начинается отъ Воложской косы, но также въ томъ, что и „древніе писатели видѣли соединеніе Буга съ Днѣпромъ не у Станиславскаго мыса, а у Воложской

1) По словамъ г. Бурачкова, Воложская коса находится къ *западу* отъ Ольвіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она лежитъ прямо къ *сѣверу*. См. карты генеральнаго штаба, Чиркова и др.

косы, такъ какъ они показывали, что Ольвія находится при Днѣпрѣ“ (стр. 311, ср. тамъ же внизу: „Само собою разумѣется, что Воложская коса, по понятію древнихъ, дѣйствительно образуется сліяніемъ рѣкъ Буга и Борисѳена“). Противъ такого убѣжденія могли бы, казалось, сильно говорить прямыя свидѣтельства Иродота и Діона, что Ольвія находилась при Ипанидѣ; но г. Бурачкова эти свидѣтельства не смущаютъ: Иродотъ, по его мнѣнію (стр. 309 вверху), „не говоритъ положительно, чтобы Ольвія или Торжище Борисѳенитовъ находилось при Ипанидѣ“, а Діонъ „хотя и говоритъ, что Ольвія лежала на Ипанидѣ, но поясненіе причины, почему Ольвія и жители ея получили названіе отъ Борисѳена, подаетъ полный поводъ предполагать, что и во времена Діона существовали различныя названія рѣки, при которой въ дѣйствительности находилась Ольвія, по понятію жителей ея“, и кромѣ того, Діонъ просто ошибся. Изъ словъ г. Бурачкова относительно Иродота скорѣе всего можно было бы заключить, что онъ не читалъ ни Иродота, ни моего труда, въ которомъ приведены (стр. 21, пр. 9 и стр. 25, пр. 6) оба положительныя свидѣтельства отца исторіи (IV, 18 и 53), что ольвіополиты жили на Ипанидѣ; но такое заключеніе было бы невѣрно: г. Бурачковъ знаетъ эти мѣста, но толкуетъ ихъ весьма своеобразно[1]). Изъ его объясненій выходитъ, что онъ отличаетъ борисѳенитовъ-ольвіополитовъ отъ жителей города Ольвіи и помѣщаетъ ихъ на Ипанидѣ выше города, стоявшаго, по его мнѣнію, уже на лиманѣ, но при этомъ признаетъ ихъ за одну народность съ горожанами. На чемъ основанъ такой взглядъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ не на словахъ Иродота, который въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ говоритъ, безъ всякаго сомнѣнія, именно о жителяхъ города Ольвіи. Обратимся теперь къ Діону; мы уже замѣтили, что г. Бурачковъ обвиняетъ его въ ошибкѣ или, въ другомъ мѣстѣ, въ неточности, а меня упрекаетъ въ томъ, что я этой ошибки не замѣтилъ. Въ чемъ же заключается ошибка Діона? А вотъ въ чемъ (стр. 312): „Въ

1) Въ одномъ мѣстѣ (стр. 309) онъ говоритъ, что у Иродота въ IV. 18 «идетъ рѣчь о борисѳенитахъ, называвшихъ себя ольвіополитами, жившими въ городѣ и окрестностяхъ его на западъ [?] отъ святилища» и т. д.; въ другомъ мѣстѣ: «Подъ Ипанидомъ, на которомъ жили ольвіополиты-борисѳениты, Иродотъ разумѣлъ ту часть его, которая находилась выше лимана и соединяется съ Днѣпромъ не у Станислава, а у Воложской косы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ»; далѣе (стр. 312): «Воложская коса находится насупротивъ, или на противоположной сторонѣ отъ Ольвіи также на Ипанидѣ, гдѣ жили борисѳениты, называвшіе себя ольвіополитами»; еще далѣе: «при первомъ взглядѣ на карту замѣтно, что Иродотъ смотрѣлъ на храмъ изъ Ольвіи на западъ [!] и видѣлъ, что насупротивъ или позади его на Ипанидѣ жили борисѳениты-ольвіополиты, составлявшіе одну народность съ горожанами».

началѣ онъ говоритъ, что онѣ [то-есть, рѣки Днѣпръ и Бугъ], соединившись у мыса Ипполаева, составляютъ одинъ лиманъ вплоть до моря, а далѣе показано, что рѣки Днѣпръ и Бугъ впадаютъ въ море у крѣпости Алектора". Признаюсь, что я здѣсь никакой неточности не замѣтилъ, да и теперь не замѣчаю, а г. Бурачковъ, къ сожалѣнію, не потрудился точнѣе обозначить, въ чемъ она состоитъ. Діонъ ясно говоритъ, что рѣки, соединившись у Ипполаева мыса, образуютъ лиманъ до моря на протяженіи около 200 стадій (τὸ δὲ ἐντεῦθεν ἤδη λιμνάζουσι μέχρι θαλάττης ἐπὶ σταδίους σχεδόν τι διακοσίους) и затѣмъ впадаютъ въ море у Алектора. Всякому очевидно, что Діонъ строго отличаетъ мѣсто, начиная отъ котораго рѣки λιμνάζουσι, отъ впаденія ихъ въ море, такъ что смѣшать одно съ другимъ невозможно. Напротивъ, было бы неточно, еслибъ онъ сказалъ ἐκδίδωσι δὲ ἡ λίμνη εἰς θάλατταν, такъ какъ тогда пришлось бы принимать λίμνη за нѣчто отдѣльное отъ рѣкъ. Если же у Діона нѣтъ неточности, то пропадаетъ и вся соль поставленнаго далѣе г. Бурачковымъ вопроса: „Можно ли поручиться за то, что кто-нибудь изъ будущихъ изслѣдователей, основываясь на буквѣ древнихъ текстовъ, не станетъ утверждать, что Ипполаевъ мысъ есть теперешній Очаковъ?" Мнѣ кажется, что всякій знающій по-гречески не станетъ, основываясь на словахъ Діона, искать Ипполаева мыса у Очакова; но поручиться за это, конечно, нельзя[1]); и до 3-го археологическаго съѣзда никто, я думаю, не воображалъ, что найдется изслѣдователь, который будетъ отожествлять Ипполаевъ мысъ съ Воложской косой, и всякій готовъ былъ поручиться въ противномъ. А вѣдь нашелся же такой изслѣдователь въ лицѣ г. Бурачкова! И во всякомъ случаѣ отожествленіе Ипполаева мыса съ Очаковымъ было бы нѣсколько извинительнѣе, чѣмъ мнѣніе, защищаемое г. Бурачковымъ: противорѣча Иродотову ἐν τῷ πέρην и Діонову ἐν τῷ καταντικρύ, оно по крайней мѣрѣ не противорѣчило бы Діонову же οὐ πολὺ ἄνωθεν.

Можно было бы еще указать на то, какъ г. Бурачковъ вертитъ Иродотомъ и Діономъ словно пѣшками, заставляя перваго смотрѣть изъ Ольвіи на западъ, а второго съ Воложской косы на востокъ, и увѣряя, что это такъ и дѣйствительно должно быть (стр. 312), на то важное значеніе, которое онъ придастъ сравненію Ипполаева мыса съ корабельнымъ носомъ, не понимая, какъ слѣдуетъ,

1) [Впослѣдствіи я нашелъ, что такое мнѣніе дѣйствительно было высказано Н. И. Надеждинымъ въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. I, стр. 44].

и этого сравненія (ни Иродотъ, ни Діонъ не говорятъ, что этотъ мысъ видомъ походилъ на корабельный носъ), на мнимое соотношеніе скиѳскаго Эксампая съ греческимъ храмомъ Димитры и т. д., но нашъ отвѣтъ и такъ уже вышелъ черезчуръ великъ. Поэтому въ заключеніе позволимъ себѣ напомнить г. Бурачкову его собственныя вполнѣ справедливыя слова о разницѣ между древними и новыми писателями (*Ж. М. Н. Пр.* 1877 г., августъ, стр. 200) и затѣмъ кладемъ перо съ тѣмъ, чтобы болѣе не поднимать его для отвѣта на подобныя возраженія.

Новая надпись изъ Херсониса Таврическаго [1]).

Всѣмъ, занимающимся изученіемъ вещественныхъ памятниковъ древности, извѣстно „счастливое неудобство“, которое они испытываютъ при своихъ работахъ вслѣдствіе постояннаго прилива новаго матеріала; въ эпиграфикѣ и нумизматикѣ это неудобство сказывается скорѣе и яснѣе, чѣмъ въ какой-либо другой дисциплинѣ: какъ бы ни старались ученые о полнотѣ общихъ эпиграфическихъ сборниковъ и нумизматическихъ каталоговъ, они немедленно послѣ выхода въ свѣтъ оказываются неполными вслѣдствіе новыхъ открытій. Этой общей участи не избѣгъ и изданный мною полтора года тому назадъ, по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, первый томъ сборника: „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini“: въ моемъ портфелѣ уже начинаютъ собираться для него „addenda et corrigenda“, которыя предполагается отъ времени до времени издавать отдѣльными выпусками, совокупность которыхъ составитъ 4-й томъ сборника; но эти выпуски, само собою разумѣется, могутъ выходить только чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, по мѣрѣ накопленія матеріала на нѣсколько печатныхъ листовъ, а между тѣмъ въ этомъ матеріалѣ могутъ попадаться такіе памятники, которые по интересу своего содержанія заслуживаютъ того, чтобы по возможности скорѣе дѣлаться достояніемъ науки и которые, поэтому, придется издавать отдѣльно. Одному изъ такихъ памятниковъ посвящается и настоящая замѣтка.

Въ августѣ нынѣшняго [1886] года почтенный секретарь Московскаго Археологическаго Общества А. В. Орѣшниковъ имѣлъ любезность сообщить мнѣ рукописную копію надписи, полученную имъ отъ другаго лица незадолго передъ

1) Древности. Труды Имп. Моск. Археологич. Общ., т. II, вып. 3 (1887), стр. 65—69.

тѣмъ, въ бытность его въ Севастополѣ; по словамъ этого лица, камень съ надписью найденъ въ Балаклавѣ, но принадлежитъ онъ, очевидно, Херсонису Таврическому и, вѣроятно, былъ перевезенъ въ Балаклаву только въ позднѣйшія времена. Г. Орѣшниковъ принялъ всѣ мѣры къ пріобрѣтенію памятника, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ, такъ что пока остается даже неизвѣстнымъ, гдѣ камень находится въ настоящее время. Поэтому для ознакомленія съ надписью приходится пока довольствоваться упомянутою копіею, полученною г. Орѣшниковымъ въ Севастополѣ; она сдѣлана, очевидно, лицомъ неопытнымъ въ списываніи надписей (кажется, даже не знающимъ греческаго языка); но такъ какъ надпись, по всей вѣроятности, ясно читается на камнѣ, то въ копіи оказались всего четыре ничтожныя ошибки, нисколько не искажающія смысла[1]).

Надпись въ транскрипціи читается такъ:

Σέξστον 'Οκτάουιον Φρόντωνα, πρεσβευτὴν καὶ ἀντιστράτηγον Αὐτοκράτορος Δομετιανοῦ Καίσαρος θεοῦ Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ ὁ δᾶμος.

По формѣ изложенія новый документъ представляетъ почти дословное повтореніе помѣщенной въ нашемъ сборникѣ подъ № 197 надписи на пьедесталѣ статуи, поставленной херсонисскимъ народомъ въ честь Секста Веттулена Церіалиса, бывшаго легатомъ Мезіи при Веспасіанѣ[2]).

Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что и новая надпись также вырѣзана на пьедесталѣ статуи Секста Октавія Фронтона, воздвигнутой Херсонисцами въ благодарность за какія-либо услуги или благодѣянія, оказанныя имъ Фронтономъ въ бытность его правителемъ Нижней Мезіи[3]). Греческій титулъ πρεσβευτὴς καὶ ἀντιστράτηγος представляетъ, какъ извѣстно, переводъ латинскаго legatus pro

1) [Камень вскорѣ пріобрѣлъ покойный французскій вице-консулъ въ Севастополѣ П. П. Вакье и весною 1887 г. прислалъ въ Московскій Исторический музей, гдѣ онъ и хранится понынѣ. А. В. Орѣшниковъ по полученіи камня прислалъ мнѣ описаніе его и эстампажъ надписи, по которому я далъ исправную копію надписи въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. IV, стр. 140, № 197 и затѣмъ въ IosPE. IV, № 93. Отсылая читателей къ этой копіи, здѣсь я считаю достаточнымъ дать только транскрипцію].

2) Разница только въ томъ, что слова πρεσβευτὴν καὶ ἀντιστράτηγον поставлены въ ней послѣ императорскаго титула, а этотъ послѣдній на два слова короче.

3) [Заключеніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Описаніе пьедестала см. въ IosPE. IV, l. c.].

praetore. Титулъ этотъ носили лица, посылавшіяся Римскими императорами въ принадлежавшія имъ (т. е. не сенатскія) провинціи въ качествѣ главныхъ ихъ правителей. Они были избираемы изъ бывшихъ преторовъ или, для важнѣйшихъ провинцій (въ томъ числѣ и для Мезіи), изъ бывшихъ консуловъ, и притомъ не на опредѣленный срокъ, такъ что оставались въ должности до тѣхъ поръ, пока это было угодно пославшему ихъ императору. Такъ какъ они были назначаемы лично императорами и зависѣли прямо отъ нихъ, то къ ихъ титулу нерѣдко прибавлялся полный титулъ императора, какъ мы это видимъ въ обѣихъ херсонисскихъ надписяхъ [1]).

Секстъ Октавій Фронтонъ былъ уже давно извѣстенъ изъ нѣсколькихъ памятниковъ латинской эпиграфики, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей высшей римской администраціи въ царствованіе Домиціана. Онъ былъ, по всей вѣроятности, сынъ того Октавія Фронтона, который упоминается у Тацита подъ 16 г. по Р. Х., какъ противникъ роскоши [2]). Изъ государственной дѣятельности Секста до сихъ поръ были извѣстны два факта: 1) консульство, которое онъ занималъ вмѣстѣ съ Т. Юніемъ Кандидомъ Маріемъ Цельсомъ, 2) начальство надъ Мезійскимъ флотомъ. Первый фактъ былъ засвидѣтельствованъ уже очень давно двумя найденными въ Римѣ надписями [3]), изъ которыхъ однако годъ консульства не могъ быть опредѣленъ; онъ сдѣлался извѣстенъ только лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ найденнаго въ Клаузенбургѣ военнаго диплома, впервые изданнаго Генценомъ [4]), а потомъ Т. Моммзеномъ въ C. I. Lat. III, 2, стр. 857, № XIV: оказалось, что Фронтонъ и Кандидъ были consules suffecti во 2-й трети 86 г. по Р. Хр. [5]). Фактъ начальствованія Фронтона надъ Мезійскимъ флотомъ извѣстенъ изъ другого военнаго диплома, найденнаго еще въ XVI ст. въ Берецкѣ, въ Венгріи, и послѣ многихъ предшествовавшихъ изданій помѣщеннаго въ C. I. Lat. III, 2, стр. 858, № XV. Дипломъ этотъ данъ 14-го іюня 92-го года прослужившимъ 26 лѣтъ солдатамъ

---

1) Ср. объ этомъ J. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung, I (1873), стр. 408 сл.; W. H. Waddington, Fastes des prov. Asiat. chap. I.

2) Tac. Ann. II, 33: Proximo senatus die multa in luxum civitatis dicta a Q. Haterio consulari, Octavio Frontone praetura functo.

3) C. I. Lat. VI, 227: Sex. Octavio Front. Ti. Iulio Candido cos. — Gruter, Inscr. ant. tot. orbis Rom. (v. III) p. 968, № 13: Non. Maias Frontone et Candido cos.

4) *Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande*, т. XIII (1848), стр. 26 сл.; *Bull. dell' Inst. arch.* 1848, стр. 24 сл.; Inscr. Lat. coll. III, № 5433.

5) Ср. Ios. Klein, Fasti consulares inde a Caesaris morte usque ad imp. Dioclet. (Lips. (1881), стр. 48. О срокахъ исполненія консульской должности въ императорскую эпоху ср. Henzen, De nundinis consularibus aetatis imperatoriae въ *Ephemeris epigr.* I, стр. 187—199.

Флавіева Мезійскаго флота, бывшаго подъ начальствомъ С. Октавія Фронтона (iis qui militant in classe Flavia Moesica, quae est sub Sex. Octavio Frontone, qui sena [et] vicena stipendia meruerunt). По вопросу о томъ, въ какомъ званіи Фронтонъ командовалъ Мезійскимъ флотомъ, были высказаны разныя мнѣнія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Генценъ въ своемъ комментаріи къ Клаузенбургскому диплому[1]): „Уже въ 1-мъ выпускѣ мемуаровъ Археолог. Института (стр. 47)[2]) Боргези высказалъ мнѣніе, что этотъ командиръ долженъ быть признанъ за одно лицо съ соименнымъ ему консуломъ и что его консульство должно быть поставлено раньше 845 г. (отъ осн. Рима = 92 по Р. Х.), такъ какъ тогда онъ былъ легатомъ въ Мезіи, провинціи, которая давалась только консулярамъ. Мнѣніе Кардинали (Dipl. p. 112), что еще не доказано, что онъ былъ императорскимъ легатомъ, а не префектомъ Мезійскаго флота, опровергалось уже аналогіею всѣхъ военныхъ дипломовъ, и теперь окончательно устраняется нашимъ новымъ дипломомъ. Префектуры флотовъ, даже такъ называемыя преторскія, во флотахъ Мизенскомъ и Равеннскомъ никогда не были занимаемы сенаторами, а тѣмъ менѣе консулярами, и если Фронтонъ былъ консуломъ въ 839 г. [= 86], то въ 845 г. можно встрѣтить его въ Мезіи только въ качествѣ легата“[3]). Однако, несмотря на это доказательство Генцена, Моммзенъ при новомъ изданіи диплома 92 г. въ C. I. Lat. всетаки допускаетъ возможность мнѣнія Кардинали, хотя склоняется гораздо болѣе на сторону Боргези и Генцена: это очевидно изъ того, что на стр. 909 въ спискѣ правителей провинціи, упоминаемыхъ въ военныхъ дипломахъ, имя С. Октавія Фронтона поставлено съ оговоркою „nisi est praefectus classis“, а въ спискѣ правителей Нижней Мезіи въ указателѣ (стр. 1129)—съ знакомъ вопроса. Новая херсонисская надпись окончательно подтверждаетъ справедливость мнѣнія Боргези и Генцена, что Фронтонъ въ 92 г. былъ правителемъ Нижней Мезіи[4]), а не просто префектомъ флота,—и въ этомъ заключается ея главное историческое

1) *Rheinl. Jahrb.* стр. 34.

2) Теперь въ Oeuvres compl. de B. Borghesi, т. III, стр. 384.

3) Далѣе Генценъ замѣчаетъ, что изданный имъ дипломъ усиливаетъ вѣроятность и другого предположенія Боргези, что именно къ этому Фронтону обращенъ стихъ Марціала (I, 55, 2): «Clarum militiae, Fronto, togaeque decus».

4) Что Херсонисъ со времени подчиненія власти Рима былъ подвѣдомственъ именно правителю Нижней Мезіи, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: въ надписи Тиб. Плавція Сильвана (Orelli, № 750) упоминается о помощи, которую онъ оказалъ Херсонису именно въ бытность легатомъ Мезіи, а въ надписи въ честь неизвѣстнаго херсонисскаго гражданина, изданной въ нашемъ сборникѣ подъ № 196, въ числѣ прочихъ его заслугъ упоминается посольство ποτὶ τὸν τᾶς Μυσίας ἀγεμόνα.

значеніе. Относительно же исторіи Херсониса мы узнаемъ изъ нея только тотъ фактъ, что при Домиціанѣ этотъ городъ находился въ такой же зависимости отъ Римскихъ правителей Мезіи, какъ и при Веспасіанѣ.

Когда именно Фронтонъ былъ назначенъ легатомъ въ Мезію и сколько времени стоялъ во главѣ управленія ею, эти два вопроса должны пока остаться безъ отвѣта, равно какъ и связанный съ ними третій,—относится ли наша надпись именно къ 92-му году, или къ одному изъ предшествовавшихъ или послѣдовавшихъ годовъ. Списки правителей Мезіи далеки отъ желанной полноты [1]), а новый документъ не даетъ для отвѣта на эти вопросы никакихъ указаній [2]).

1) Списокъ, данный Марквардтомъ (ук. соч. стр. 148), теперь уже очень не полонъ. Изъ извѣстныхъ намъ правителей ближайшими по времени къ Фронтону являются: C. Vettulenus Civica Cerialis, правившій Мезіею въ 82 году (см. военный дипломъ, изд. И. В. Помяловскимъ въ майской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 г. и Моммзеномъ въ *Ephem. epigr.* т. IV, стр. 496) и Q. Pomponius Rufus, правившій въ 99 году (C. I. Lat. III, 2, стр. 863, № XX).

2) Изъ прибавленія слова θεός къ императорскому титулу нельзя заключать, что надпись сдѣлана послѣ смерти Домиціана. Ср. объ этомъ замѣчанія Диттенбергера въ *Hermes* т. VII (1873), стр. 214 сл.

Къ исторіи города Ольвіи[1]).

Въ „Изслѣдованіяхъ объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи", помѣщенныхъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія три года тому назадъ (1887, январь — апрѣль, отдѣлъ класс. филологіи) и затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мною былъ подвергнутъ (на стр. 66 сл.), между прочимъ, всестороннему разбору знаменитый декретъ Ольвіополитовъ въ честь гражданина Протогена, сына Иросонтова, яркими красками рисующій намъ политическій и экономическій упадокъ Ольвіи и ея безпомощность предъ грозившимъ нашествіемъ Галатовъ. Вопросъ о томъ, какіе это были Галаты, занималъ многихъ ученыхъ, начиная отъ Мальтъ Брена и Рауль Рошетта и кончая Диттенбергеромъ, и рѣшался ими различно. Разсмотрѣвъ взгляды, существующіе въ наукѣ по этому вопросу, я присоединился къ мнѣнію Шмидта, что въ документѣ упоминаются Галаты Комонторія, основавшаго во Ѳракіи могущественное царство, существовавшее отъ 280 до 213 г. до Р. Хр., и что, стало быть, документъ относится къ III в. до Р. Хр. При этомъ я (на стр. 83 сл.) обратилъ вниманіе на рядъ ольвійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, по большей части впервые изданныхъ мною въ I томѣ Inscr. orae sept. Ponti Euxini и стоящихъ въ болѣе или менѣе близкой хронологической связи съ документомъ, касающимся Протогена. Указавъ на эту связь и на тѣ основанія, по которымъ можно было отнести эти документы къ III в. до Р. Х., я тѣмъ не менѣе долженъ былъ оговориться, что „къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы прямо и ясно указывали на время его происхожденія". Въ настоящее время я съ особеннымъ удовольствіемъ могу указать на одинъ, такъ сказать, хронологи-

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1890, февраль, отд. кл. фил. стр. 68—71.

ческій гвоздикъ, къ которому можно прищѣпить одинъ изъ этихъ ольвійскихъ документовъ, и вмѣстѣ съ нимъ декретъ въ честь Протогена. Этотъ гвоздикъ нашелся не въ Ольвіи, а на островѣ Дилосѣ, гдѣ, конечно, трудно было предполагать его существованіе.

Въ числѣ находокъ, сдѣланныхъ на Дилосѣ въ 1886 году при раскопкахъ, произведенныхъ членомъ французской археологической школы въ Аѳинахъ, г. Фужеромъ (Gustave Fougères), оказался декретъ о проксеніи, дарованной дилосцами Ольвіополиту Посидею Діонисіеву, изданный тѣмъ же ученымъ въ мартовской книжкѣ журнала Bulletin de correspondance Hellénique за 1889 годъ, стр. 236, строчными буквами. Небольшая бѣломраморная плита (выс. 0,56 м., шир. 0,26, толщ. 0,065), на которой вырѣзанъ декретъ, найдена разбитою на три куска, но отъ этого разбитія пострадалъ лишь другой декретъ, вырѣзанный на нижней части плиты, тогда какъ вырѣзанный сверху декретъ въ честь Посидея сохранился цѣликомъ и безъ всякой порчи. Въ виду интереса этого декрета для исторіи Ольвіи, я нахожу нужнымъ перепечатать здѣсь полную его копію по эстампажу, съ величайшею любезностью присланному мнѣ г. Фужеромъ по просьбѣ, обращенной къ нему чрезъ посредство А. Н. Щукарева.

ΕΔΟΞΕΝΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΑΙΔΗΜΩΙΑΝΤΙΓΟΝΟΣ
ΧΑΡΙΣΤΙΟΥΕΙΠΕΝΕΠΕΙΔΗΠΟΣΙΔΕΟΣΔΙΟΝΥΣΙ
ΟΥΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΗΣΑΝΗΡΑΓΑΘΟΣΩΝΔΙΑΤΕΛΕΙ
ΠΕΡΙΤΕΤΟΙΕΡΟΝΚΑΙΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΔΗΛΙ
ΩΝΚΑΙΧΡΕΙΑΣΓΑΡΕΧΕΤΑΙΚΑΠΟΙΝΕΙΤΕΙ
ΠΟΛΕΙΚΑΙΙΔΙΑΙΤΟΙΣΕΝΤΥΓΧΑΝΟΥΣΙΝΑΥ
ΤΩΙΤΩΜΠΟΛΙΤΩΝΞΙΣΑΝΤΙΣΑΥΤΟΝΠΑ
ΡΑΚΑΛΕΙΔΕΔΟΧΘΑΙΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΩΙΔΗ
ΜΩΙΕΠΑΙΝΕΣΑΙΠΟΣΙΔΕΟΝΔΙΟΝΥΣΙΟΥΟΛΒΙ
ΟΠΟΛΙΤΗΝΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΝΠΡΟΞΕΝΟΝΤΟΥ
ΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΚΑΙΑΥΤΟΝΚΑΙΕΚΓΟ
ΝΟΥΣΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΙΣΓΗΣΚΑΙΟΙΚΙΑΣΕΓΚΤΗΣΙ
ΚΑΙΠΡΟΣΟΔΟΝΠΡΟΣΟΔΟΝΠΡΟΣΤΗΝΒΟΥΛΗΝΚΑΙ
ΤΟΝΔΗΜΟΝΠΡΩΤΟΙΣΜΕΤΑΙΣΡΑΥΤΑ
ΧΕΙΝΔΕΑΥΤΟΙΣΚΑΙΤΑΛΛΑΤΑΝΤΑΟΣΑΔΕΔΟ
ΤΑΙΤΟΙΣΑΛΛΟΙΣΠΡΟΞΕΝΟΙΣΚΑΙΕΥΕΡΓΕ
ΤΑΙΣΤΟΥΤΕΙΣΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΑΝΑΓΡΑΨΑΙΔΕ
ΤΟΔΕΤΟΨΗΦΙΣΜΑΤΗΜΜΕΝΒΟΥΛΗΝΕΙΣΤΟΒΟΥ
ΛΕΥΤΗΡΙΟΝΤΟΥΣΔΕΙΣΡΟΠΟΙΟΥΣΕΙΣΤΟΙΣΡΟΝ
ΕΙΣΣΤΗΛΗΝΝΙΚΑΝΩΡΝΙΚΑΝΟΡΟΣΕΠΕΨΗΦΙΣΕΝ

Особенности письма декрета отмѣчены г. Фужеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Les lettres sont petites, grasses et un peu ornées; la gravure rappelle

celle des comptes des hiéropes. Les E ne portent pas la barre mediane". Изъ варіантовъ его коніи, кромѣ двухъ неважныхъ описокъ или корректурныхъ недосмотровъ, слѣдуетъ отмѣтить, что имъ даны цѣликомъ послѣднія буквы строкъ 12-й и 14-й и буква Т слова μετά въ той же (14-й) строкѣ, совершенно незамѣтныя на эстампажѣ.

1. Ἔδοξεν τεῖ βουλεῖ καὶ τῶι δήμωι. Ἀντίγονος
Χαριστίου εἶπεν· Ἐπειδὴ Ποσίδεος Διονυσί-
ου Ὀλβιοπολίτης ἀνὴρ ἀγα(θ)ὸς ὢν διατελεῖ
περί τε τὸ ἱερὸν καὶ τὸν δῆμον τὸν Δηλί-
5. ων καὶ χρείας παρέχεται καὶ κοινεῖ τεῖ
πόλει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντυγχάνουσιν αὐ-
τῶι τῶμ πολιτῶν εἰς ἃ ἄν τις αὐτὸν πα-
ρακαλεῖ, δεδόχ(θ)αι τεῖ βουλεῖ καὶ τῶι δή-
μωι ἐπαινέσαι Ποσίδεον Διονυσίου Ὀλβι-
10. οπολίτην καὶ εἶναι αὐτὸν πρόξενον τοῦ
ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγό-
νους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησι[ν]
καὶ πρόσοδον <πρόσοδον> πρὸς τὴν βουλὴν καὶ
τὸν δῆμον πρώτοις με[τ]ὰ τὰ ἱερά, ὑπά[ρ]-
15. χειν δὲ αὐτοῖς καὶ τἆλλα πάντα ὅσα δέδο-
ται τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέ-
ταις τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλίων· ἀναγράψαι δὲ
τόδε τὸ ψήφισμα τὴμ μὲμ βουλὴν εἰς τὸ βου-
λευτήριον, τοὺς δὲ ἱεροποιοὺς εἰς τὸ ἱερὸν
20. εἰς στήλην. Νικάνωρ Νικάνορος ἐπεψήφισεν.

Итакъ, читатели видятъ предъ собою самый обыкновенный декретъ о проксеніи, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ массы другихъ подобныхъ декретовъ, много разъ и на разные лады разбиравшихся учеными[1]). Но для исторіи Ольвіи онъ представляетъ значительный интересъ 1) тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о мирныхъ сношеніяхъ Ольвіи съ Дилосомъ и притомъ на столько оживленныхъ,

1) Новѣйшее сочиненіе о проксеніи — Paul Monceaux, Les proxénies Grecques. Paris. 1886.

что дилосцы сочли нужнымъ имѣть въ Ольвіи своего проксена[1]), 2) своими хронологическими указаніями. Дѣло въ томъ, что время этого декрета можетъ быть опредѣлено довольно точно. Какъ уже замѣтилъ г. Фужеръ въ своемъ краткомъ комментаріи къ надписи, авторъ предложенія Антигонъ Христіевъ — навѣрное то самое лицо, которое дважды упоминается въ изданномъ г. Омоллемъ[2]) огромномъ отчетѣ дилосскихъ іерополевъ года архонта Димара, котораго издатель отчета, на основаніи весьма вѣскихъ данныхъ, ставитъ около 180 г. до Р. Хр.[3]). Стало быть, Антигонъ и Посидей Ольвіополитъ жили приблизительно въ 1-й четверти II в. до Р. Хр. Съ другой стороны, этотъ Посидей съ неменьшею вѣроятностью можетъ быть отожествленъ съ тѣмъ, который вмѣстѣ съ братомъ Агротомъ поставилъ въ честь отца своего Діонисія статую, пьедесталъ которой сохранился до нашего времени съ надписью, изданною впервые въ моемъ сборникѣ подъ № 106:

Ἀγρότας καὶ Ποσίδεος οἱ ἀδελφοὶ
τὸμ πατέρα Διονύσιον [Ἀπ]όλλωνι
Δελφινίωι ἱερησάμενον.

При изданіи надписи въ сборникѣ я замѣтилъ, что характеръ ея письма указываетъ на время не позднѣе III в. до Р. Хр.; и дѣйствительно, этотъ памятникъ несомнѣнно древнѣе дилосскаго декрета, такъ какъ онъ поставленъ Агротомъ и Посидеемъ еще въ молодости, при жизни ихъ отца, тогда какъ въ дилосскомъ декретѣ мы видимъ Посидея уже самостоятельнымъ гражданиномъ, неоднократно оказывавшимъ услуги дилосцамъ и обладающимъ потомствомъ, къ которому должно было перейдти дарованное ему дилосцами право проксеніи.

Такимъ образомъ наше мнѣніе о времени надписи № 106 вполнѣ подтвер-

---

1) О сношеніяхъ Ольвіополитовъ съ другими эллинскими городами см. въ нашихъ «Изслѣдованіяхъ», стр. 221 сл.

2) *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 20, строка 155: Καὶ τὸδε ἄλλο ἀργύριον εἰσήκει τῶι θεῶι τελῶν.... τοῦ [λιμένος πα]ρὰ Ἀντιγόνου τοῦ Χαριστίου ΔF. Стр. 28, tranche, строка 20 сл.: Ἐγγράφομεν... καὶ Ἀντίγονον Χαριστίου καὶ τοὺς ἐγγύους ὧι ἔλασσον ἀπέδωκεν τοῦ τέλους τοῦ λιμένος ΔF||||. Безъ сомнѣнія, этотъ же Антигонъ поставилъ статую своего отца, на сохранившемся пьедесталѣ которой читается слѣдующая надпись, изданная Омоллемъ въ *Bull. de corr. hell.* V, стр. 465, и затѣмъ Лёви, Inschr. Griech. Bildhauer, № 209: Ἀντίγονος τὸν πατέρα | Χαρίστιον τοῖς θεοῖς. | Θέων Θέωνος ἐπόησεν. Письмо этой надписи, судя по факсимиле, данному въ изданіи Лёви, очень сходно съ письмомъ нашего декрета, которое въ свою очередь, по вышеприведеннымъ словамъ г. Фужера, напоминаетъ письмо отчетовъ іерополевъ.

3) *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 56. Ср. Homolle, Les archives de l'intendance sacrée à Délos.

дилось дилосскимъ декретомъ. Далѣе, въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ, изданномъ въ нашемъ сборникѣ подъ № 114, записаны Διονύσιος Ἀγρότου и Ἡροσῶν Πρωτογένους, изъ коихъ первый, можно сказать почти навѣрное, былъ именно тѣмъ лицомъ, въ честь котораго была поставлена сыновьями статуя, а второй, по всей вѣроятности, — отецъ знаменитаго Протогена (ср. Изсл., стр. 84 сл.). Стало быть, Посидей Діонисіевъ и Протогенъ были современниками и жили приблизительно во второй половинѣ III и первой четверти II в. до Р. Хр.; а такъ какъ Галатское царство во Ѳракіи существовало только до 213 г., то декретъ въ честь Протогена не можетъ быть позднѣе этого термина. Такимъ образомъ дилосскій декретъ въ честь Посидея вполнѣ подтверждаетъ тѣ соображенія, которыя высказаны въ нашихъ „Изслѣдованіяхъ“ относительно времени декрета въ честь Протогена и ряда документовъ, приблизительно одновременныхъ съ нимъ.

Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства.

Введеніе къ „Надписямъ Воспорскаго царства", изданнымъ В. В. Латышевымъ.

Переводъ съ латинскаго В. А. Михалевскаго, просмотрѣнный авторомъ[1]).

Издавая во 2-мъ томѣ сборника „Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini" всѣ извѣстныя по настоящее время надписи Воспорскаго царства, я счелъ полезнымъ предпослать имъ введеніе, въ которомъ излагаю то, что особенно необходимо для болѣе правильнаго пониманія и объясненія ихъ: сперва я буду говорить о народахъ, которые въ древности населяли страны, ближайшія къ Киммерійскому Воспору, потомъ предложу краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства, наконецъ сдѣлаю нѣсколько замѣчаній объ общественномъ строѣ его и особенно о должностныхъ лицахъ. Хотя знаменитый Августъ Бекъ и обработалъ все это весьма старательно въ введеніи, предпосланномъ надписямъ Сарматіи, изданнымъ во второмъ томѣ „Corporis inscriptionum Graecarum", но въ настоящее время исторія Воспорскаго царства и общественный его строй могутъ быть изложены съ большею точностью, благодаря большому количеству найденныхъ въ послѣднія 50 лѣтъ эпиграфическихъ памятниковъ и многимъ изслѣдованіямъ и раскопкамъ на обоихъ берегахъ Воспора.

ГЛАВА 1-я.

О народахъ, жившихъ въ древности вблизи Воспора Киммерійскаго.

Извѣстно, что Греки считали Киммеріянъ (οἱ Κιμμέριοι) первымъ народомъ, населявшимъ полуостровъ, носящій теперь названіе Крыма; Киммеріяне же

---

1) *Извѣстія Таврической уч. архивной Комм.*, № 17 (1893), стр. 1—66, и отдѣльно, Симферополь 1893.

дали свое имя проливу, соединяющему Понтъ Евксинскій съ Мэотидой[1]). Когда они въ VII в. до Р. Хр., по словамъ преданія, были изгнаны отсюда, то оставленныя ими мѣста заняли Скиѳы; сосѣдями Скиѳовъ на этомъ полуостровѣ были Тавры (Ταῦροι), отъ которыхъ полуостровъ и получилъ названіе Херсониса Таврическаго.

Тавры—народъ неизвѣстнаго происхожденія, но во всякомъ случаѣ отличный отъ Скиѳовъ[2]). Такъ какъ разсказы писателей о Таврахъ общеизвѣстны, то я и не останавливаюсь на нихъ подробнѣе. Точно такъ же я не намѣренъ говорить подробно о колоніяхъ, которыя были основаны Греками на восточномъ берегу Херсониса и подчинялись власти Воспорскихъ архонтовъ или царей: всѣ относящіяся къ нимъ свидѣтельства писателей въ наше время уже собирались и объяснялись многими учеными, а въ Воспорскихъ надписяхъ не встрѣчаются даже и имена этихъ колоній, кромѣ Пантикапея и Ѳеодосіи. Первый процвѣталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Керчь, вторая—на мѣстѣ нынѣшней Ѳеодосіи. Между Пантикапеемъ и Ѳеодосіей писателями называются слѣдующіе города[3]): Тиритака (находилась, какъ предполагаютъ, у озера Чурубашъ), Дія (быть можетъ у Камышъ-Буруна), Нимфей или Нимфея (въ мѣстности нынѣшняго Эльтегена), Ермисій (можетъ быть къ югу отъ оз. Тобечикъ), Зефирій, Акра (какъ предполагаютъ, къ югу отъ мыса Такиль-Бурунъ), Киты или Китея, Киммерикъ (у горы Опукъ), Казека (у мыса Ташъ-Качикъ). По другую сторону

---

1) Ирод. IV, 11 сл.

2) Ирод. IV, 99—103. Ср. надпись [IosPE. II], 36. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что уже во время Страбона не было никакого различія между Скиѳами и Таврами, такъ какъ онъ называетъ Тавровъ скиѳскимъ народомъ (p. 311). Обо всѣхъ народахъ, о которыхъ мы будемъ упоминать, кромѣ Бёка вообще ср. F. A. Ukert, Geographie der Griechen und Römer, 3. Theils 2 Abtheilung: Skythien. Weimar 1846.

3) Объ этихъ городахъ кромѣ Бёка ср. Ukert, Skythien, стр. 472 сл.; K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande (Berl. 1855), стр. 464 сл.; A. Forbiger, Handbuch der alten Geographie von Europa, 2 Aufl. Hamb. 1877, стр. 772 сл.; M. Thirion, De civitatibus, quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, Nanceii 1884; L. Bürchner, Die Besiedelung der Küsten des Pontos Euxeinos durch die Milesier, I Th. Kempten 1885. О мѣстахъ, гдѣ находились эти города, см. преимущественно Pallas, Bemerk. auf einer Reise in die südl. Statthalterschaften d. Russ. Reichs, т. II; Blaramberg, Observations sur quelques points relatifs à la géographie anc. de la Tauride (русскій переводъ въ *Зап. Одесск. Общ.* т. II, 1848 г.; рецензіи Кёлера и Грефе см. тамъ-же, т. V, стр. 957 сл.); П. Дюбрюксъ, Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, въ *Зап. Одесск. Общ.* т. IV (1858 г.), стр. 1—84 (написано въ 1828—1833 г.); Fr. Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., т. V (Paris. 1843), стр. 244 сл.; А. Ашикъ, Воспорское царство etc., Одесса 1848; (Gilles), Antiquités Grecques du Bosphore Cimm. Петерб. 1854, т. I, стр. XCVII—CXV, съ прекрасными картами.

Пантикапея, ближе къ Мэотидѣ, находились города: Мирмикій (слѣды сохранились у Керченскаго карантина), Ираклій, Парѳеній (какъ предполагаютъ, находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Еникольскій маякъ).

На азіатскомъ берегу Воспора уже во время Иродота (см. IV, 28) прежде всего обитали Синды (οἱ Σινδοί)[1]), которые, по правдоподобному предположенію Бёка, переселились изъ Мидіи или Персіи. О нихъ кромѣ Иродота упоминаютъ: Елланикъ, Периплъ Скилака, Аполлоній Родосскій и его схоліастъ, Страбонъ, Помпоній Мела, Плиній, Стефанъ Византійскій и многіе другіе[2]). Почти всѣ писатели согласно утверждаютъ, что Синды занимали полуостровъ, который теперь называется Таманскимъ, и ближайшія къ нему мѣстности (въ древнія времена этотъ полуостровъ, какъ передаютъ писатели и какъ подтвердили изслѣдованія, произведенныя въ новѣйшее время, былъ островомъ; Плиній говоритъ, что онъ назывался Eon: N. h. VI, 6). Границы страны Синдовъ (ἡ Σινδική), вѣроятно, въ разныя времена были неодинаковы. Во времена Страбона страна ихъ простиралась отъ рѣки Ипанида (нынѣшней Кубани) къ югу до земли Ахеянъ, которые, по свидѣтельству писателей, обитали у подошвы Кавказа. Большею частью Синды находились въ подчиненіи у Воспорскихъ царей; Поліэнъ (VIII, 55; ср. ниже гл. 2) упоминаетъ и о собственномъ царѣ Синдовъ Екатеѣ, современникѣ Воспорскаго тиранна Сатира. Монеты съ греческимъ именемъ ΣΙΝΔΩΝ доказываютъ, что они были причастны греческой культурѣ[3]).

На Таманскомъ полуостровѣ и на ближайшемъ къ нему берегу Понта писатели знаютъ многія города и селенія[4]). Изъ нихъ самой знаменитой была Фана-

---

1) Большинство новыхъ издателей, которымъ слѣдуемъ и мы, ставитъ ударѳніе на послѣднемъ слогѣ; но ср. схол. Аполл. Род. IV, 321: τὸ δὲ Σίνδοι Ἡρωδιανὸς ἐν τῷ ἕκτῳ τῆς καθόλου βαρυτονεῖν φησι δεῖν. τινὲς δὲ ὀξύνουσιν, οὐκ εὖ. У Поліэна VIII, 55 они называются Σιντοί, у Лукіана Tox. 55—Σινδιανοί, у Мелы I, 119—Sindones (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Syndones).

2) Елл. Фр. 92 (у схол. Аполл. Род. IV, 321); Скил. Пер. 71 (Geogr. Gr. min. изд. К. Мюллера, т. I, стр. 59); Аполл. Род., Argon. IV, 321 (онъ невѣрно указываетъ мѣсто жительства Синдовъ); Страв. XI, p. 492, 495; Помпонія Мелы Chorogr. ed. Parthey, I, 110; Плин. N. h. VI, 5, 17 (ed. Detlefsen); Appiana Per. 28 (ed. Müller); Діонисія Perieg. (ed. Müller), ст. 680 сл.; Присціана Perieg. ст. 661 сл.; Анонима Per. Ponti Eux., средняя часть, изд. К. Мюллеромъ въ Fragm. hist. Graec. т. V, стр. 174 сл., § 24; Стеф. Визант. подъ сл. Σινδοί etc. Я не привожу здѣсь цитатъ изъ писателей потому, что [ихъ легко найдти въ моемъ сборникѣ извѣстій древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ].

3) Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ принадл. элл. кол. на сѣв. бер. Чернаго м. Одесса, 1884, стр. 175 сл. — Chr. Giel, Kleine Beiträge zur ant. Numismatik Südrusslands (Петерб. 1886), стр. 6 сл.

4) О мѣстоположеніи этихъ городовъ, кромѣ названныхъ нами трудовъ, ср. преимущественно К. Герцъ, Археологическая топографія Таманскаго полуострова въ «*Древностяхъ*»

горія, теосская колонія, главный городъ азіатской части Воспорскаго царства. Большинство ученыхъ согласно въ томъ, что эта колонія находилась на берегу Таманскаго залива, недалеко отъ нынѣшней станціи Сѣнной, гдѣ теперь хутора Шапыря и Семеняки; весьма правдоподобно предположеніе, что въ римскую эпоху она называлась Agrippia Caesarea (см. ниже гл. 2, § 2). Кипъ или Кипы (Κῆπος, Κῆποι), милетская колонія, встрѣчается у многихъ писателей; мѣстоположеніе ея еще не опредѣлено съ точностью: Дюбуа помѣщаетъ ее у нынѣшней станицы Ахтанизовки, Герцъ и Брунъ—между хуторами Артюхова и Пивнева. Стратоклею упоминаетъ Плиній между Фанагоріей и Кипами (VI, 6); почти такое же названіе (Stratoclis) даетъ карта Певтинг. IX в. Апатуръ (Ἀπάτουρον)—святилище Афродиты, довольно часто упоминаемое писателями, находилось, по мнѣнію Дюбуа[1]), возлѣ Ахтанизовскаго озера на мысу, носящемъ названіе „Дубовый рынокъ“. Мѣстоположеніе Ермонассы еще не извѣстно. Корокондама, какъ сообщаютъ писатели, находилась въ концѣ Киммерійскаго Воспора, гдѣ берегъ Понта Евксинскаго поворачиваетъ къ востоку; безъименный авторъ Перипла П. Евкс. (§ 23) прибавляетъ, что она лежала на узкомъ перешейкѣ между моремъ и Корокондамскимъ озеромъ; на основаніи этихъ указаній Брунъ сдѣлалъ весьма правдоподобное, по моему мнѣнію, заключеніе, что Корокондама находилась у нынѣшней Тузлы. На полуостровѣ, называемомъ нынѣ Фонтаномъ, былъ городъ Киммерій; въ 20 стадіяхъ отъ него былъ расположенъ Ахиллій какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Воспоръ наиболѣе съуживается, такъ что Мирмикій, лежавшій на европейскомъ берегу пролива, отстоялъ отъ него только на 20 стадій; въ 90 стадіяхъ отъ Ахиллія, на мысу, находился памятникъ Сатира, а вблизи послѣдняго Патраей, въ 130 стадіяхъ отъ Корокондамы. О мѣстоположеніи этихъ поселеній ср. преимущественно вышеназванное весьма тщательное изслѣдованіе Герца, стр. 296 сл. Упоминаемая Страбономъ и Птолемеемъ Тирамба, по догадкамъ, находилась почти на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лежитъ „Темрюкскій отселокъ“, въ 8 верстахъ отъ города Темрюка[2]). На берегу Понта Евксинскаго, къ югу отъ Таманскаго полуострова, также въ странѣ Синдовъ, кромѣ городовъ и

Московск. археолог. Общ. т. II. (1870 г.), стр. 191—318 [изд. 2 Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1898]; Ф. К. Брунъ, Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплamъ и по компасовымъ картамъ въ *Зап. Од. Общ.* т. IX, стр. 410 сл. (1875 г.)=Черноморье т. II, стр. 242—270.

1) Voyage autour du Caucase, т. V, стр. 38. Ср. (Gilles), Lettres sur le Caucase et la Crimée (Par. 1859), стр. 415; Герцъ, назв. соч. стр. 317.

2) Ср. Герцъ, стр. 307. Брунъ, Черном. т. II, стр. 267.

деревень менѣе замѣчательныхъ, находился, по свидѣтельству древнихъ писателей, еще городъ Горгиппія или Горгиппа; положеніе его весьма правдоподобно опредѣлили Бекъ (C. I. Gr. II къ nº 2130) и Брунъ (назв. соч. стр. 269) на мѣстѣ нынѣшней Анапы[1]).

Сосѣдями Синдовъ были Маиты или Мэоты (форму Μαῖται обыкновенно употребляли туземцы; Иродотъ называетъ ихъ Μαιῆται, прочіе писатели—Μαιῶται). Со времени Иродота (см. IV, 123) этимъ именемъ, какъ собирательнымъ, обозначались варварскіе народы, жившіе вблизи Мэотиды; безъ всякаго сомнѣнія народы эти большею частью имѣли одинаковые обычаи и говорили однимъ языкомъ, какъ полагаетъ Бекъ (стр. 101). Страна Мэотовъ простиралась отъ области Яксаматовъ, жившихъ у самой рѣки Танаида (нѣкоторые писатели[2]) и Яксаматовъ считаютъ Мэотійскимъ народомъ), до Синдовъ. Имена Мэотійскихъ народцевъ можно найти у Стравона, Мелы, Плинія, Птолемея[3]) и другихъ, но неизвѣстно, жили ли они уже въ IV в. до Р. Хр. на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ знаютъ ихъ эти писатели; кромѣ того нужно замѣтить, что нѣкоторые народы, причисляемые писателями къ Мэотамъ, въ надписяхъ ставятся отдѣльно. Самихъ Синдовъ нѣкоторые авторы (Стравонъ) считаютъ Мэотійскимъ народомъ, или отдѣлившеюся частью Мэотовъ (Стеф. Визант. подъ сл. Σινδοί); другіе же писатели (Елланикъ, Периплъ Скилака), а также и надписи ясно отличаютъ тѣхъ и другихъ (см. IosPE. II, nnº 10, 11, 15, 36, 345, 346). Этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, довольно удачно разрѣшенъ Бёкомъ, который говоритъ (стр. 101), что Синды, по самому положенію ихъ страны, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы Мэотами, да и по словамъ Стефана Византійскаго были одного съ ними происхожденія; но долговременное владычество Воспорянъ, въ то время какъ другіе Мэотійскіе народы не были еще покорены ими, повидимому произвело то, что они подъ именемъ Синдовъ были выдѣлены въ особый народъ.

Въ числѣ Мэотійскихъ народовъ въ нѣсколькихъ надписяхъ (nnº 36, 344) упоминаются Тореты (Τορέται). Ихъ знаютъ Скилакъ, Аполлодоръ, Стравонъ (который называетъ ихъ Τορεάται), Плиній, Діонисій Періигитъ, Присціанъ (у котораго они названы Oretae) и безъименный авторъ Перипла[4]). Птолемей упо-

1) [Ср. ниже статью «О мѣстоположеніи г. Горгиппіи»].

2) (Скимна) Orbis descr. ст. 878, изд. Мюллера; ср. Анон. Perieg. 45.

3) Страв. XI, р. 495; Мелы Chor. 114, изд. Партея; Плинія N. h. IV, 26, 88, VI, 7, 19; Птолем. Geogr. V, 9, 17.

4) (Скил.) Perieg. 74, изд. Мюллера; Аполлод. у Стеф. Виз. подъ сл. Τορέται; Страв.

минаетъ ἄκραν Τορετικήν между Керкетами и Иніохами. О мѣстѣ ихъ жительства говорятъ одинаково почти всѣ писатели. По Скилаку за гаванью Синдовъ жили Керкеты, а сосѣдями послѣднихъ были Тореты. Плиній говоритъ, что они занимали горную окраину отъ мыса Criuoe, находившагося между городомъ Святымъ (Hieron) и областью Синдовъ. Діонисій и Присціанъ помѣщаютъ Торетовъ между Керкетами и Ахеянами; Безъименный передаетъ, что Ториты (какъ онъ ихъ называетъ) и Керкеты были одинъ и тотъ же народъ и жили раньше отъ гавани Синдовъ до гавани Пагры, гдѣ въ его время обитали Евдусіаны, говорившіе на готскомъ и таврскомъ языкѣ. Изъ всего этого видно, что Тореты жили къ югу отъ Синдовъ и къ востоку отъ берега Понта, почему Аполлодоръ и называетъ ихъ Понтійскимъ народомъ. Надпись n° 36, гдѣ они названы отдѣльно, указываетъ на то, что во время царя Аспурга они выдѣлились въ особый отъ Мэотовъ народъ. Что касается до Керкетовъ (Κερκέται), о которыхъ мы упомянули выше, то ихъ знаютъ многіе авторы и притомъ на самомъ берегу Понта, въ сосѣдствѣ съ Синдами; тѣмъ болѣе удивительно, что имя ихъ не встрѣчается въ надписяхъ. Быть можетъ, это можно объяснить тѣмъ, что въ IV в. до Р. Хр. они еще не жили тамъ, а во II или I в. до Р. Хр., какъ думаетъ Бекъ, они были прогнаны съ этого берега; и въ самомъ дѣлѣ историки Миѳридата, которымъ слѣдовалъ Стравонъ, помѣщаютъ ихъ между Иніохами, Мосхами и Колхами (Страв. p. 497), или между Иніохами и Макропогонами (p. 492). Въ другомъ мѣстѣ помѣщаетъ ихъ Безъименный (ср. 3 § 24), именно между Синдами и Ахеянами, но также не на самомъ берегу моря. Ту область, въ которой раньше жили Керкеты, во время Стравона занимали Аспургіаны (οἱ Ἀσπουργιανοί), о которыхъ мы скажемъ ниже (гл. 2, § 2).

Послѣ Торетовъ въ двухъ надписяхъ (nn° 6 и 344) упоминаются Дандаріи (Δανδάριοι), которыхъ Стравонъ также причисляетъ къ Мэотамъ (p. 495). Кромѣ Стравона такую же форму имени ихъ даютъ Екатей (у Стеф. Виз. п. сл.) и Плутархъ (*Лукуллъ*, 16); Тацитъ называетъ ихъ Dandaridae (Ann. XII, 15 сл.), Плиній—Tindari (VI, 7, 19). Гдѣ они жили, объ этомъ можно только догадываться. Стравонъ называетъ ихъ сейчасъ же за Синдами, изъ чего легко заключить, что они были сосѣдями послѣднихъ; что они жили недалеко отъ рѣки Кубани, но не у самой рѣки, на это указываетъ разсказъ того же Стравона о хит-

XI, p. 495; Плин. VI, 5, 17; Діон. Perieg. ст. 682; Присц. Perieg. ст. 661—669 изд. Мюллера; Anon. Perieg. въ Fragm. hist. gr. V, ст. 174 сл. § 24.

рости Фарнака: Φαρνάκης δέ ποτε καὶ τὸν Ὕπανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διά τινος παλαιᾶς διώρυγος ἀνακαθάρας αὐτὴν [καὶ] κατακλύσαι τὴν χώραν. Также и Тацитъ помѣщаетъ своихъ Дандаридовъ въ сосѣдствѣ съ Воспорскимъ царствомъ; изъ его разсказа вполнѣ ясно, что Дандариды въ его время не были подчинены царямъ Воспора. Плутархъ мимоходомъ говоритъ, что они были однимъ изъ варварскихъ народовъ, жившихъ около Мэотиды, между тѣмъ какъ Екатей придвигаетъ ихъ къ Кавказу, а Плиній называетъ въ числѣ тѣхъ народовъ, которые жили между Танаидомъ и пустынями, простиравшимися до горъ Рипейскихъ. Если обсудить всѣ эти свидѣтельства, то окажется весьма правдоподобнымъ предположеніе, что Дандаріи были Мэотійскій народъ, жившій у Мэотиды къ сѣверу отъ Синдовъ. Ихъ городъ Созу упоминаетъ одинъ только Тацитъ. Стравонъ къ Мэотамъ причисляетъ также и Тарпитовъ, которые въ надписи n° 36 стоятъ отдѣльно; греческая форма имени ихъ въ надписи—Τάρπειτες, у Стравона Τάρπητες; кромѣ этого писателя о нихъ никто не упоминаетъ, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить точнѣе, гдѣ они жили. То же самое нужно сказать и о Досхахъ (Δόσχοι въ надп. n° 347, Δόσκοι у Страв. p. 495).

О Псиссахъ (Ψησσοί), которые упоминаются въ надп. 6 и 36 (въ послѣдней имя ихъ написано черезъ одну σ), подробно говоритъ Бёкъ на стр. 1010 къ n° 2134a. Впервые упоминаетъ о нихъ Аполлодоръ (у Стеф. Виз. подъ словомъ Ψησσοί), изъ словъ котораго можно заключить, что они жили не очень далеко отъ Воспора; упоминаетъ о нихъ также и Птолемей (V, 9, 17), который прямо указываетъ, что они жили за Сиракинами между Мэотидой и Ипійскими горами. Бёкъ замѣчаетъ, что изъ народовъ, названныхъ Птолемеемъ, Яксаматы на географической картѣ у Берта помѣщаются недалеко къ югу отъ Эксополя, за ними къ югу Сиракины, а ближе къ Мэотидѣ, чѣмъ Сиракины и Яксаматы, между рѣками Танаидомъ и Марувіемъ, на рукописной картѣ Птолемея, хранящейся въ Парижской библіотекѣ, помѣщается народъ ΨΗΣΙΟΙ. Стравонъ о Псиссахъ не упоминаетъ; у Плинія (VI, 7, 19) въ числѣ мэотійскихъ народовъ упоминаются Gnissi, вмѣсто которыхъ Зиллигъ въ *Neue Jahrb. f. Philol.* т. 36, стр. 224 подставилъ Псиссовъ.

Переходимъ къ Θατеямъ (Θατεῖς), упоминаніе о которыхъ до настоящаго времени найдено въ трехъ надписяхъ (nn° 8, 15, 346). Петербургскій академикъ Кёлеръ, издавая впервые въ 1805 году надпись, которая у насъ поставлена подъ n° 346, не разобралъ въ ней имени народа Θατεεвъ, такъ какъ онъ нигдѣ

не встрѣчается у писателей. Рошеттъ[1]), исправляя эту ошибку, полагалъ, что на основаніи этой надписи нужно исправить имя Thali, встрѣчающееся у Плинія (VI, 5, 17); но такъ какъ, по словамъ Плинія, Θалы были сосѣдями Савроматовъ и область ихъ на востокѣ простиралась до узкой части Каспійскаго моря, то Бекъ съ полнымъ основаніемъ отвергъ (C. I. Gr. II, стр. 102) конъектуру Рошетта, указывая на то, что Воспорское царство никогда не доходило до Каспійскаго моря и что сами Θалы, судя по разсказу Плинія, не были извѣстны раньше императора Клавдія. Самъ Бекъ по весьма остроумной догадкѣ нашелъ упоминаніе о Θатеяхъ у Діодора (XX, 22), гдѣ прежде читали Θρᾳκῶν. Жили они вблизи Мэотиды у рѣки Θάτης, отъ которой, какъ кажется, и получили свое названіе. Бекъ заявилъ, что онъ не знаетъ, какой нынѣшней рѣкѣ соотвѣтствуетъ Θάτης, такъ какъ въ этой странѣ, кромѣ многочисленныхъ рукавовъ Кубани, есть также и другія рѣки. Но что Θатеи жили не далеко отъ Воспорскаго царства, это подтверждается съ одной стороны разсказомъ Діодора, съ другой стороны тѣмъ, что во время Перисадовъ I и II они, безъ сомнѣнія, были подчинены власти Воспоряпъ. Бекъ предполагаетъ, что упоминаніе объ этомъ народѣ скрывается и у Птолемея (Geogr. V, 9, 17), гдѣ нѣкоторыя рукописи даютъ чтеніе Θατμεῶται, другія Θετμῶνται; правильное чтеніе, по мнѣнію Бека, была Θατμαιῶται, т.-е. Θατεῖς Μαιῶται. Но эта конъектура невѣрна уже потому, что въ надписяхъ Θатеи всегда отличаются отъ Мэотовъ; попытка Бека, утверждавшаго, что Θатеи должны быть причислены къ Мэотійскимъ народамъ, объяснить это различіе (стр. 105) скорѣе остроумна, чѣмъ правдоподобна. Объ этомъ-же народѣ, какъ намъ кажется, говоритъ Мела Chor. I, 114: имя народа, очевидно испорченное, во многихъ рукописяхъ читается Thaetaës, а въ другихъ Thetaes или Thaethaes или Thetes и т. п. (см. разночтенія, отмѣченныя Партеемъ на стр. 132). Всѣ эти разночтенія гораздо ближе подходятъ къ греческой формѣ имени Θατεῖς, чѣмъ къ имени Toreatae или Toretae, подставленному Цшуке и Фоссомъ[2]). Если наша догадка справедлива, то Θатеи, очевидно, были особымъ отъ Мэотовъ народомъ и жили къ сѣверу отъ нихъ, въ сосѣдствѣ съ Ерахами[3]); а эти послѣдніе, повидимому,

1) Raul-Rochette, Antiquités Grecques du Bosphore Cimmérien (Par. 1822), стр. 85.

2) Я не наводилъ справокъ о томъ, предложена-ли эта поправка кѣмъ-либо изъ ученыхъ раньше меня.

3) Вмѣсто этого чтенія рукописей Tzschucke едва ли правильно ставитъ Arrechos, названіе народа, упоминаемаго Страбономъ въ числѣ народовъ Мэотійскихъ р. 495 (изъ Страбона выписалъ о нихъ замѣтку Стефанъ Византійскій). Ерахи Мелы отличаются отъ Мэотовъ

были тожественны съ Сирахами (Σιραχοί), упомянутыми въ Танаидской надписи n° 423. Они называются Σιρακοί у Стравона p. 492, Σίρακες—у него же p. 506; страна ихъ называлась Σιρακηνή (ibid. p. 504). Во время Стравона Сирахи были народомъ весьма сильнымъ и могущественнымъ и жили внутри страны, у рѣки Ахардея, недалеко отъ рѣки Танаида[1]). О нихъ же упоминаетъ Тацитъ *Ann.* XII, 15, сл. Во время императора Клавдія они находились подъ властью царя Зорсины; городъ ихъ назывался Uspe и лежалъ за рѣкою Пандою, на разстояніи трехъ дней пути отъ Танаида. Впрочемъ объ этомъ городѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Тацита, который подробно описываетъ его въ гл. 16. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ же самый народъ называется у Птолемея Σιρακηνοί (Geogr. V, 9, 17).

Теперь, возвращаясь къ берегу Понта, ближайшему къ Киммерійскому Воспору, мы должны сказать нѣсколько словъ объ Ахеянахъ (Ἀχαιοί). Въ периплѣ, приписываемомъ Скилаку, этотъ народъ упоминается между Торетами и Иніохами (§ 75). Неоднократно упоминающій о нихъ Стравонъ (XI, pp. 492, 495, 496) подробно описываетъ мѣста ихъ жительства и обычаи: жили они на самомъ берегу моря за Синдикой и Горгиппіей по сосѣдству съ Зигами и Иніохами; по Артемидору, страна ихъ простиралась на 500 стадій. Почти тамъ же помѣщаютъ ихъ: Мела (ук. м.), Плиній (N. h. VI, 5, 16 и 11,30), Амміанъ Марцеллинъ (22, 8, 25) и Діонисій Періигитъ вмѣстѣ съ Присціаномъ и Авіеномъ. Изъ недавно найденной средней части Перипла безъименнаго автора можно заключить (см. ук. м.), что въ болѣе позднее время они жили ближе къ Мэотидѣ, выше Керкетовъ. Обитая въ странѣ дикой, гористой и лишенной гаваней, Ахеяне обыкновенно добывали себѣ средства къ жизни грабежомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Стравонъ и Амміанъ. Изъ Аристотеля мы знаемъ, что по отношенію къ иностранцамъ они отличались такой свирѣпостью, что существовало даже мнѣніе, будто они питаются человѣческимъ мясомъ (*Pol.* VIII, 4, p. 1338b); многіе авторы передаютъ, что этотъ народъ былъ чрезвычайно дикъ[2]).

и помѣщаются за Θατεями, недалеко отъ Танаида. Ошибку же переписчиковъ, вслѣдствіе которой изъ формы Sirachi получились Erachi, объяснить весьма легко: вмѣсто THAETAESSIRACHI, вслѣдствіе пропуска одного S явилось THAETAESIRACHI, а отсюда THAETAESERACHI.

1) Страв. XI, 5, 3 (p. 506). Иначе говоритъ Стравонъ ibid § 2 (p. 504); это различіе, мнѣ кажется, можно объяснить тѣмъ, что онъ свои свѣдѣнія почерпнулъ изъ разныхъ источниковъ. Ср. объ этомъ K. J. Neumann, Strabons Landeskunde von Kaukasien въ *Jahrbb. f. cl. Philolog., 13 Suppl.-Bd.* (1883), стр. 349.

2) Салл. Hist. fr. III, 48 (у схол. Ювен. XV, 115). Овид. Epist. ex Ponto IV, 10, 27. Апп. Mithr. 102. Діон. Гал. Ant. Rom. I, 89. Амм. Марц. l. c. etc.

Относительно происхожденія ихъ названія существуютъ разныя мнѣнія: нѣкоторые думали, что тамъ поселились Ахейцы изъ Ѳеіотиды, пришедшіе съ Іасономъ (Страв. p. 495), другіе, что это—Ахейцы, занесенные въ Понтъ вѣтрами на возвратномъ пути домой по окончаніи Троянской войны (Апп. *Mithr.* 67 и 102. Діон. Періег. I, 1), третьи, что это—Віотійцы изъ Орхомена, пришедшіе туда по взятіи Трои подъ предводительствомъ Ялмена (Страв. p. 416; Anon. Per. I, 1). Амміанъ Марцеллинъ передаетъ, что эти Ахейцы были занесены въ Понтъ противными вѣтрами по окончаніи какой-то болѣе древней Троянской войны, а не той, которая возгорѣлась изъ-за Елены. Были, безъ сомнѣнія, и такіе, которые говорили, что эти Ахейцы были потомками Аргивянъ, занесенныхъ туда послѣ Троянской войны. Это ясно изъ того, что говоритъ Евстаѳій въ комментаріи къ землеописанію Діонисія, а именно, что царь Аретіадъ, подъ предводительствомъ котораго, какъ передаетъ Діонисій, прибыли Ахейцы, былъ никто иной, какъ Агамемнонъ. А въ такомъ случаѣ Ахейцы легко могли быть названы въ поэтической рѣчи Εἰνάχιοι, т. е. Ἰνάχιοι, отъ Аргивской рѣки Инаха; такое выраженіе мы имѣемъ въ надп. n° 37.

Кромѣ народовъ, о которыхъ мы говорили, были также весьма многіе другіе, жившіе по сосѣдству съ Воспоромъ Киммерійскимъ и Мэотидой; о нихъ упоминаютъ Страбонъ, Мела, Плиній, Птолемей и другіе писатели; но мы не говоримъ о нихъ подробно, потому что они нигдѣ не встрѣчаются въ надписяхъ [1]).

ГЛАВА 2-я.

Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства.

§ 1. Владычество Археанактидовъ и Спартокидовъ.

Именемъ Воспора (Βόσπορος) остальные Греки обозначали городъ Пантикапей, а сами жители этой страны подъ этимъ именемъ разумѣли всѣ греческія общины на обоихъ берегахъ пролива, за исключеніемъ Ѳеодосіи, такъ какъ она находилась дальше отъ пролива и позже прочихъ (Левкономъ I, см. ниже) была присоединена къ Воспорскому царству [2]). Жители этихъ общинъ вообще назывались

1) [Напомнимъ, что въ надгробной надписи IosPE. IV, 297, найденной въ Керчи въ 1896 г., упоминается στρατηγὸς Τυκανδειτῶν; но кто были эти Τυκανδεῖται, неизвѣстно].

2) Изученіемъ исторіи Воспорскаго царства занимались многіе ученые съ начала 18 ст. по Р. Хр. до настоящаго времени. Изъ длиннаго ряда книгъ и статей мы назовемъ только тѣ, въ которыхъ излагается или вся исторія царства, или главныя ея части: Vaillant, Achae-

Βοσπορανοί (ср. объ этомъ замѣчанія Бека въ C. I. Gr. II, стр. 106). Самымъ извѣстнымъ изъ всѣхъ греческихъ городовъ этой страны былъ Пантикапей[1]); онъ считался метрополіей не только европейскихъ Воспорянъ, но и всѣхъ вообще[2]), и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ резиденціей царей[3]). Амміанъ Марцеллинъ говоритъ, что Пантикапей былъ матерью всѣхъ милетскихъ общинъ на Воспорѣ Киммерійскомъ (XXII, 8, 26). Достовѣрно извѣстно, что его основали Миле-

---

menidarum imperium, seu regum Ponti, Bospori et Bithyniae historia, ad fidem numismatum accommodata. Paris. 1729; De Boze, Des rois du Bospore Cimmérien въ *Mém. de l'Acad. Royale des inscr. et belles lettres.* т. VI, стр. 549 сл. (1729 г. Русскій переводъ этого сочиненія издалъ Гр. Спасскій въ книгѣ подъ заглавіемъ «Археологическій сборникъ». Москва 1850 г.); P. St. Souciet, Histoire chronolog. des rois du Bosphore Cimm., Par. 1736; Cary, Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimm., éclaircie par les médailles, Par. 1752; P. Er. Frölich, Regum veterum numismata anecdota aut perrara notis illustrata, Vindob. 1752; Jos. Eckhel, Doctrina numorum veterum, v. II (Vind. 1794), стр. 360 сл.; Visconti, Iconographie Grecque, т. II, Par. 1811; H. K. E. Koehler, Serapis, т. I и II (=Gesammelte Schriften... herausgegeben v. L. Stephani. St. Petersb. 1850); Raoul-Rochette, Antiquités Grecques du Bosphore Cimmérien, Par. 1822; Boeckh, C. I. Gr. т. II, стр. 90—107 (введеніе къ надп. Сарматіи, гл. I, §§ 12—19); А. Ашикъ, Воспорское царство etc., Одесса 1847; Гр. Спасскій, Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями, М. 1846; П. П. Сабатье, Керчь и Воспоръ, замѣчанія о Керченскихъ древностяхъ и опытъ хронологіи царства Воспорскаго, Петерб. 1851; В. В. Григорьевъ, Цари Воспора Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ надписямъ и монетамъ. *Журн. М. Вн. Дѣлъ* 1851 = Россія и Азія, сборникъ статей В. В. Григорьева (Спб. 1876), стр. 322—417; B. de Kochne, Description du musée de feu le prince B. Kotschubey, etc., т. I и II, St. Pétersb. 1857 (есть русское изданіе); M. Thirion, De civitatibus, quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, Par. 1884. [E. Bonnell, Beiträge zum Alterthumskunde Russlands, т. 2 (Спб. 1897), стр. 619—785 (ср. нашу рецензію ниже); Brandis, s. v. Bosporos. 3 въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. d. class. Alt. т. III, ст. 758—789 (1899)]. — О Спартокидахъ только писали: Clinton, Fasti hellenici, app. гл. 13, стр. 281 сл.; G. Grote, Geschichte Griechenlands übers. v. Meissner, т. 6, стр. 802 сл.; А. В. Орѣшниковъ, Босфоръ Киммер. въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ, М. 1884 (=*Тр. VI археолог. съѣзда.* Одесса 1888, т. II, стр 80—103). [Konr. Ortmann, De regno Bosporano Spartocidarum. Diss. Halis Sax. 1894; С. Ѳ. Мельниковъ-Разведенковъ, Воспоръ Киммер. въ эпоху Спартокидовъ. *Сборникъ мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа*, вып. 21 (1896), стр. 1—78]. Описанія монетъ, изданныя въ свѣтъ въ послѣднее время, будутъ указаны ниже.

1) Относительно утотребленія имени «Пантикапея» Бекъ говоритъ слѣдующее (стр. 98): «De nomine urbis quum lis mota sit, paucis verbis verum doceo. Domi, hoc est in Bosporo, vocatur Panticapaeum... a peregrinis, eodem nomine utentibus et ipsis, videmus Panticapaeum, ut Olbia ab his Borysthenes dicta est, frequentius Bosporum appellatum: quo nomine domi universum imperium comprehensum est (слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ). Denique inde a Procopio Panticapaeum Bospori nomine vocatur. Ср. также стр. 106. Форма имени у большинства писателей и въ надписяхъ — Παντικάπαιον, но Птолемей (Geogr. 3, 6, 4 и 8, 10, 4) даетъ Παντικαπαία; Евстохій (у Стеф. Виз. подъ сл.) и Exc. Strab. VII, 27—Παντικάπη; τὸ ἐθνικὸν употреблялось въ формѣ Παντικαπαῖτης, а также Παντικαπαιεύς и Παντικάπαιος (см. Слов. греч. собств. именъ Пане-Бензелера подъ сл.).

2) Страв. XI, p. 495 и VII, p. 309. Амм. Марцелл. XXII, 8, 26. Стеф. Виз. подъ словомъ Παντικάπαιον, отсюда Евстаѳій къ Діон. Періиг. 311.

3) Діод. XX, 24; (Скимнъ), ст. 837 изд. Мюллера, отсюда Anon. Per. P. Eux. 49.

тяне[1]); менѣе извѣстно время его возникновенія. По разсказу Стефана Византійскаго[2]) основателемъ его былъ сынъ Эита, получившій мѣсто для города отъ Скиѳскаго царя Агаита. Но такъ какъ трудно допустить, чтобы Стефанъ разумѣлъ здѣсь сына царя Колховъ Эита, брата Мидіи, то мы изъ этой басни ничего не можемъ извлечь для опредѣленія времени возникновенія города. По мнѣнію нѣкоторыхъ, основаніе городу было положено около Ол. 75,1 или 480 г. до Р. Хр.[3]). Это мнѣніе вполнѣ опровергъ уже Бекъ (стр. 91a и 98b); онъ указалъ на то, что совершенно невѣроятно, чтобы европейская столица царства и мать (какъ говоритъ Амміанъ) всѣхъ милетскихъ общинъ на Воспорѣ была болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Фанагорія и Ермонасса, изъ коихъ первая, по словамъ Арріана[4]), была основана Теосцемъ Фенагоромъ, который бѣжалъ отъ насилій Персовъ въ эти отдаленныя страны, изъ чего слѣдуетъ, что Фанагорія вмѣстѣ съ Авдирами была основана около Ол. 59,4 (540 г. до Р. Хр.), въ каковое время Теосцы покинули свой городъ. Большинство новѣйшихъ авторовъ держится мнѣнія, что Пантикапей былъ основанъ около середины VI в. до Р. Хр.[5]). Положеніе города Стравонъ (p. 309) описываетъ слѣдующими словами: τὸ δέ Παντικάπαιον λόφος ἐστὶ πάντῃ περιοικούμενος ἐν κύκλῳ σταδίων εἴκοσι· πρὸς ἕω δ' ἔχει λιμένα καὶ νεώρια ὅσον τριάκοντα νεῶν, ἔχει δὲ καὶ ἀκρόπολιν.

Каковъ былъ гражданскій строй греческихъ колоній въ первое время по ихъ основаніи, въ точности неизвѣстно; но, какъ кажется, Воспоряне скоро поняли, на сколько важно для нихъ, чтобы всѣ города были соединены между собою союзомъ и вручали власть общимъ магистратамъ, чтобы тѣмъ легче могли сохранять миръ между собою и защищать себя отъ варварскихъ народовъ — Скиѳовъ и Тавровъ на европейскомъ берегу, Синдовъ и Мэотовъ на азіатскомъ[6]). Изъ Діодора мы знаемъ (XII, 31), что первыми правителями Воспора въ теченіе 42 лѣтъ до

---

1) Страв. VII, p. 310. Плин. Н. n. IV, 26. Амм. I, 1.

2) Стеф. подъ сл. Παντικάπαιον, πόλις μεγίστη, τῶν κατὰ Βόσπορον μητρόπολις. ᾠκίσθη δὲ παρὰ Λίήτου παιδὸς λαβόντος τὸν τόπον παρὰ Ἀγαήτου τοῦ Σκυθῶν βασιλέως κτλ.

3) Niebuhr, Kleine hist. und philol. Schriften, т. I (Bonn. 1828), стр. 373.

4) У Евстаоія къ Діон. Періиг. ст. 549.

5) Нѣкоторые, однако, полагаютъ иначе, напр., K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, стр. 480.

6) Ср. объ этомъ и о владычествѣ Археанактидовъ замѣчанія G. Perrot въ *Revue historique* dir. par. Monod et Fagniez, т. IV (1877 г.), стр. 31. сл. Ср. также Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 329 (онъ однако невѣрно, на основаніи Діодора, утверждаетъ, что Археанактиды первоначально господствовали на азіатскомъ берегу Воспора: объ этомъ ничего нѣтъ у Діодора).

Ол. 85,3 были Археанактиды; слѣдовательно власть они получили въ Ол. 75,1 ($4^{80}/_{79}$—$43^{8}/_{7}$ до Р. Хр.). О происхожденіи ихъ говоритъ Бекъ на стр. 91; онъ весьма справедливо замѣтилъ, что названіе „Археанактиды“ не есть имя нарицательное для обозначенія начальниковъ и не означаетъ начальниковъ царскаго происхожденія, но есть собственно имя рода, названнаго по имени какого-то Археанакта, который или могъ быть баснословнымъ, какъ родоначальники большей части родовъ, или жилъ на самомъ дѣлѣ. Само имя указываетъ, что этотъ родъ былъ греческій. Далѣе, такъ какъ намъ извѣстенъ митиленянинъ Археанактъ, основатель Сигея, поэтъ Алкей упоминаетъ о митиленянинѣ Археанактидѣ, и по свидѣтельству Арріана (у Евст. и Діон. Періиг. ст. 549) митиленянинъ Скамандръ вывелъ на Киммерійскій Воспоръ эолійскую колонію и умеръ при основаніи Ермонассы, то Бекъ сдѣлалъ довольно правдоподобное предположеніе, что Воспорскіе Археанактиды были по происхожденію митиленяне (стр. 99). Также и о формѣ власти Археанактидовъ онъ высказалъ мнѣніе до такой степени правдоподобное, что нахожу нужнымъ повторить здѣсь его слова: „Archeanactidas Diodorus appellat βασιλεύσαντας; sed eos fuisse reges Bospori non probabile est, quum ne successores quidem, quorum tamen firmior videtur et maior potentia fuisse, Spartocidae reges Bospori fuerint publice appellati, sed archontes. Neque ea aetate, qua imperarunt Archeanactidae, in ulla civitate Ionica legitimi erant reges, immo ne ea quidem, qua conditum Panticapaeum: quare non potuit tum Panticapaei legitimum a conditoribus regnum institui... Nihil igitur probabilius, quam ante Spartocidas libertate quidem gavisos esse Bosporanos Graecos, sed habuisse tamen archontes ex certa optimatium gente sive lectos sive hereditario iure sibi succedentes, qui minus accurate loquenti potuerunt reges dici: quales Athenis fuere Medontidae s. Codridae s. Nelidae, Corinthi Bacchiadae: Archeanactidarum autem illa gens fuit. Quae si ab Ol. 75,1 demum imperavit, quaeras qui ante illam in imperio fuerint. Ego non dubito, quin ante illud tempus optimates imperarint ut postea“ [1]).

Въ Ол. 85,3 по прекращеніи или изгнаніи рода Археанактидовъ получилъ власть нѣкто Спартокъ [2]), преемники котораго, извѣстные подъ именемъ Спар-

1) [Ср. ст. С. А. Жебелева, Воспорскіе Археанактиды. *Журн. М. Н. Пр.* 1902, мартъ, отд. кл. фил. стр. 130—138. Разсмотрѣвъ весь вопросъ объ А., авторъ склоненъ отвергнуть ихъ историческое существованіе на Воспорѣ].

2) Діодоръ называетъ его Σπάρτακος; но на монетахъ и въ надписяхъ позднѣйшихъ архонтовъ имя постоянно пишется въ формѣ Σπάρτοκος.

токидовъ, удерживали власть до времени Миѳридата VI. Ученые уже давно предположили, что Спартокъ былъ не Грекъ, а варваръ, какъ кажется, ѳракійскаго происхожденія; это предположеніе недавно постарался подтвердить болѣе вѣскими аргументами французскій ученый George Perrot[1]); само имя Σπάρτοκος — варварское, равно какъ и имена Παιρισάδης, Κομοσαρύη или Καμασαρύη и т. п.; но такъ какъ большинство именъ Спартокидовъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, были чисто греческія, то слѣдуетъ заключить, что Спартокиды рано приняли греческую культуру. Этотъ Спартокъ, по свидѣтельству Діодора (XII, 31 и 36), правилъ 7 лѣтъ (Ол. 85,3 — 86, 4; $43^8/_7$ — $43^3/_2$ г. до Р. Хр.); ему наслѣдовалъ Селевкъ—неизвѣстно, братъ его, или сынъ, или родственникъ,—который правилъ 4 года до Ол. 87,4 ($42^9/_8$ г. до Р. Хр.). Кто былъ преемникомъ Селевка, съ достовѣрностью неизвѣстно; ибо Діодоръ, который одинъ сохранилъ намъ имена первыхъ Спартокидовъ, возвращается къ воспорскимъ событіямъ только въ кн. XIV, гл. 93, гдѣ говоритъ, что въ 393 году умеръ Воспорскій царь Сатиръ, сынъ Спартока, послѣ того какъ правилъ 14 лѣтъ, т. е. съ 407 года. Конечно отцомъ Сатира могъ быть Спартокъ I; но гораздо правдоподобнѣе предположеніе Де-Боза, что въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ 429—407) властвовалъ Спартокъ II, сыномъ котораго и былъ Сатиръ; того же мнѣнія держится Бекъ, а за нимъ и большинство другихъ ученыхъ[2]). Кажется, около этого времени Аѳиняне, владычествовавшіе въ то время на морѣ, завязали дружескія торговыя сношенія съ Воспорянами; по крайней мѣрѣ уже Сатиръ считался величайшимъ ихъ другомъ.

Этотъ Сатиръ I, какъ кажется, правилъ не 14 лѣтъ, а 19 ($40^7/_6$—$38^8/_7$ до Р. Хр.): ибо Лисія pro Mant. § 4 указываетъ на то, что Сатиръ принялъ царство не позже $40^7/_6$ года: ἡμᾶς γὰρ ὁ πατὴρ πρὸ τῆς ἐν Ἑλλησπόντῳ συμφορᾶς ὡς Σάτυρον τὸν ἐν τῷ Πόντῳ διαιτησομένους ἐξέπεμψε, гдѣ συμφορά есть пораженіе, которое потерпѣли Аѳиняне при Эгосъ-потамахъ; а умеръ онъ, по весьма правдоподобному заключенію Шефера (см. ниже), не раньше 387 года. Объ этомъ же Сатирѣ неоднократно упоминаетъ Исократъ въ рѣчи Τραπεζιτικός, написанной противъ Пасіона около 393 года (§ 3 слл. и 57). Изъ свидѣтельствъ этихъ ораторовъ мы узнаемъ, что Сатиръ былъ величайшимъ другомъ Аѳинянъ

1) *Revue historique*, т. IV, стр. 33 (ср. стр. 35: «Spartocos doit être un condottiere thrace que ses talents de général, son prestige et sa confiance de troupes auront désigné, dans un moment de péril, comme seul capable de sauver l'état»). Ср. A. Schäfer, Demosthenes u. seine Zeit, т. 1^2, стр. 268.

2) [Ср. ниже статью «Къ исторіи Воспорскаго царства. I»].

(см. Исокр. § 57). Изъ декрета ихъ въ честь Спартока и Перисада, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, стало извѣстно, что какъ Сатиръ, такъ и сынъ его Левконъ давали Аѳинянамъ дары и получали отъ нихъ взаимно. Изъ всего этого ясно, что Аѳиняне имѣли на Воспорѣ большое вліяніе и вели обширные торговые обороты, пока владычество ихъ на морѣ не было сокрушено пораженіемъ при Эгосъ-потамахъ. Нѣкоторые города Воспора, какъ это видно изъ авторовъ и надписей, уже въ древнѣйшія времена были даже включены въ число аѳинскихъ данниковъ. Такъ Гарпократіонъ [1]), на основаніи девятой книги македонянина Кратера, сообщаетъ, что Нимфей ежегодно платилъ имъ по таланту. Кромѣ того Ульрихъ Кёлеръ довольно правдоподобно дополнилъ имена нѣсколькихъ понтійскихъ городовъ въ фрагментахъ извѣстнаго декрета о суммѣ дани, предложеннаго Ѳудиппомъ въ 4 г. 88 Ол. (42⅝ до Р. Хр.), а именно: Νύ[μφαιον], Κιμ[μέριον], Πατ[ραεύς] [2]). Впрочемъ Нимфей, по словамъ Эсхина, былъ переданъ правителю Воспора Аѳинянином Гилономъ, дѣдомъ оратора Димосѳена [3]); осужденный за это своими согражданами на смерть, Гилонъ бѣжалъ въ Воспоръ и тамъ получилъ отъ правителя въ награду городъ Кипы. Эсхинъ не опредѣляетъ точно, когда это случилось, но безъ всякаго сомнѣнія это было раньше конца Пелопоннисской войны, быть можетъ, раньше даже сраженія при Эгосъ-потамахъ [4]). Почти всѣ ученые нашего времени согласны въ томъ, что Гилонъ не совершилъ столь тяжкаго преступленія противъ отечества, какъ объ этомъ говоритъ Эсхинъ изъ ненависти къ его внуку. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Гилонъ, видѣвшій, что Аѳиняне по уничтоженіи своего могущества не въ силахъ удерживать подъ своею властью обязанную данью общину въ столь отдаленной странѣ, передалъ ее дружественному правителю Воспора.

Равенскія схоліи къ Димосѳену (c. Lept. 33, p. 467,9) и Гарпократіонъ (подъ словомъ Θευδοσία) говорятъ, что Сатиръ умеръ во время осады Ѳеодосіи. Такъ какъ извѣстно, что сынъ Сатира Левконъ былъ архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи, то, повидимому, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь должно ра-

1) Гарпокр. подъ словомъ Νύμφαιον. Ср. P. Krech, De Crateri ψηφισμάτων συναγωγῆ etc. (diss. Gryphisw. 1888), стр. 12 и 95.

2) U. Köhler, Urkunden und Untersuch. zur Geschichte d. delisch-attischen Bundes (въ *Abhandl. d. Berl. Akad.* 1869), стр. 75, 116 сл.—C. I. Att. I. 37.

3) Эсх. *противъ Ктесиф.* § 171 сл.

4) Grote, Gesch. Griech., т. 6, стр. 804; Boeckh, Staatshaushaltung d. Athener, II³, стр. 333 и 413; Schäfer, Dem. u seine Zeit, т. I², стр. 264; Köhler, ук. соч. стр. 116; Perrot, ук. соч. стр. 47.

зумѣть Сатира I. Можетъ быть на причину этой же осады указываетъ анонимный авторъ перипла Понта Евксинскаго [1]), говоря, что въ этомъ городѣ жили Воспорскіе изгнанники: быть можетъ, Сатиръ, недовольный на жителей этого города за принятіе изгнанниковъ, объявилъ имъ войну. Изъ разсказа Поліэна о хитрости, посредствомъ которой гражданинъ г. Иракліи Тиннихъ освободилъ Ѳеодосію, осажденную „сосѣдними тиранами“ (V, 23), и изъ разсказа о войнѣ Левкона противъ Ираклійцевъ (VI, 9, 3 и 4) можно, пожалуй, вывести заключеніе, что Ѳеодосійцамъ подали помощь Понтійскіе Ираклійцы.

Могильный курганъ Сатира (μνῆμα χωστόν) Стравонъ (XI, p. 494) помѣщаетъ на мысу азіатскаго берега Воспора, между Патрасемъ и Ахиллеемъ; такъ какъ Стравонъ называетъ его ἄνδρα τῶν ἐπιφανῶς δυναστευσάντων τοῦ Βοσπόρου, то я согласенъ съ большинствомъ ученыхъ, что тамъ былъ погребенъ Сатиръ I, хотя Бекъ думаетъ иначе.

Поліэнъ въ кн. VIII, гл. 55 подробно разсказываетъ о Мэотіянкѣ Тиргатао, женѣ царя Синдовъ Екатея. Екатей, изгнанный своими, былъ возстановленъ на царствѣ Воспорскимъ тиранномъ Сатиромъ, который далъ ему въ замужество свою дочь, приказавъ убить первую жену. Но Екатей только заточилъ ее въ крѣпость; убѣжавъ изъ нея, Тиргатао подняла Яксаматовъ, надъ которыми царствовалъ ея отецъ, и другихъ Мэотовъ; когда Яксаматы и Мэоты стали опустошать Синдику Екатея и землю Сатира, послѣдніе выпросили миръ, давъ въ заложники Сатирова сына Митродора. Но скоро Сатиръ сталъ строить царицѣ козни; узнавъ объ этомъ, Тиргатао велѣла убить заложника и возобновила войну, во время которой подвергла страну страшному разоренію, пока послѣ смерти Сатира, умершаго отъ печали, его сынъ и наслѣдникъ Горгиппъ не купилъ мира дарами и просьбами. Одни ученые полагаютъ, что этотъ тиранъ Воспора былъ Сатиръ I, другіе это отрицаютъ. Бёкъ думаетъ, что этотъ тиранъ не былъ тожественъ съ Сатиромъ I, по той причинѣ, что Сатиръ I умеръ не отъ печали, а при осадѣ Ѳеодосіи, и что преемникомъ его былъ не Горгиппъ, а Левконъ. Что касается до рода смерти, то, по моему мнѣнію, на немъ не должно слишкомъ настаивать, потому что легко могло случиться, что о родѣ смерти царя такой отдаленной страны разные писатели передавали разныя извѣстія, и Поліэнъ избралъ изъ нихъ то, которое наиболѣе подходило къ его разсказу. (Чтобъ объяснить это примѣромъ, достаточно

1) Geogr. Gr. min. изд. К. Мюллера, т. I, стр. 415, § 51.

будетъ напомнить, что о смерти Кира I существуютъ различные разсказы). Извѣстно, что въ числѣ Воспорскихъ царьковъ дѣйствительно былъ Горгиппъ: мы знаемъ, что Комосарія, жена Перисада I (сына Левкона), была дочерью Горгиппа (см. надпись n° 346); извѣстно также мѣсто изъ рѣчи Динарха противъ Димосѳена, гдѣ онъ говоритъ, что Димосѳенъ χαλκοῦς ἐν ἀγορᾷ στῆσαι Παιρισάδην καὶ Σάτυρον[1]) καὶ Γόργιππον, τοὺς ἐκ τοῦ Πόντου τυράννους, παρ' ὧν αὐτῷ χίλιοι μέδιμνοι τοῦ ἐνιαυτοῦ πυρῶν ἀποστέλλονται (Дин. c. Dem. § 43); мы знаемъ, наконецъ, что въ азіатской части Воспорскаго царства былъ городъ Горгиппія, получившій это имя, безъ всякаго сомнѣнія, отъ своего основателя. Далѣе, я не вижу достаточной причины для утвержденія Бека, что преемникомъ Сатира былъ одинъ Левконъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, есть весьма вѣскій аргументъ, который доказываетъ совершенно противное: само по себѣ весьма вѣроятно, что азіатскій берегъ Воспора находился подъ властью Сатира; это подтверждается и тѣмъ, что онъ далъ въ даръ Гилону Кипы и самъ, какъ кажется, былъ похороненъ на азіатскомъ берегу, вблизи Ахиллія; но между надписями, относящимися ко времени Левкона I, мы имѣемъ одну (n° 343), въ которой Левконъ называется *архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи*, безъ упоминанія объ азіатской части царства. Конечно, можно предполагать, что эту часть, потерянную отцомъ или имъ самимъ, Левконъ потомъ опять покорилъ; но надпись можетъ быть объяснена и иначе — и по моему мнѣнію правдоподобнѣе,—а именно, что Сатиру I наслѣдовалъ въ азіатской части царства сынъ Горгиппъ, а въ европейской—Левконъ, который потомъ, по смерти брата, подчинилъ себѣ и азіатскую часть; я не вижу никакой причины думать вмѣстѣ съ Бекомъ, что Горгиппъ былъ живъ еще въ 324 году, когда Динархъ держалъ свою рѣчь противъ Димосѳена. Что же касается отсутствія упоминанія о Горгиппѣ у Діодора, то этому нечего удивляться, такъ какъ Діодоръ только мимоходомъ упоминаетъ и о Левконѣ, самомъ извѣстномъ изъ Спартокидовъ.

Сынъ Сатира Левконъ I, по Діодору (XIV, 93 и XVI, 31), съ величайшей славой правилъ въ теченіе 40 лѣтъ, но не между 393 и 353 годами, какъ полагали ученые, слѣдуя показаніямъ Діодора, а между 387 и 347 (см. ниже). Онъ подчинилъ своей власти Ѳеодосію, которую не удалось покорить его отцу

1) Бёкъ высказываетъ вѣроятное предположеніе, что этотъ Сатиръ былъ сынъ Перисада I.

Сатиру. Относительно этого приводимъ слова Бека, который весьма основательно разсуждаетъ такъ: „Nam quum a Demosthene (Lept. 33) Leuco dicatur προσκατασκευάσας ἐμπόριον Θευδοσίαν, ὅ φασιν οἱ πλέοντες οὐδ' ὁτιοῦν χεῖρον εἶναι τοῦ Βοσπόρου, patet Leuconem Bosporanorum primum Theudosiae constituisse emporium; quum autem incredibile sit Milesios conditores ibi nullum constituisse emporium, id ita debet intellegi, ut emporium quidem ibi dudum fuerit, non tamen illud Bosporanum. Bosporanumque quum instituerit primus Leuco, vix neges Leuconem demum cepisse Theudosiam et nova ratione adornasse et instruxisse: quod quum faceret, videtur simul oppidi nomen mutasse. Ulpianus certe ad Demosthenem: τὸ μὲν ὄνομα, inquit, τῷ ἐμπορίῳ ἢ ἀπο τῆς ἀδελφῆς ἢ ἀπο τῆς γαμετῆς· διαφωνεῖται γάρ. De Leucone agit Demosthenes; igitur Leuconis soror vel uxor intellegenda: nec video cur res non putetur verisimilis esse[1]), quae non Ulpiani nitatur auctoritate satis futili, sed meliore diversorum auctorum, ad quos ille provocat verbis διαφωνεῖται γάρ. Nec mirum prius nomen non esse nobis notum, quum de Theudosiae rebus tantum non nihil sciamus“. Далѣе, такъ какъ мы уже видѣли, что Θеодосійцамъ помогли жители Иракліи, то становится правдоподобнымъ предположеніе, что Левконъ велъ съ ними войну, къ которой можетъ быть отнесено то, что разсказываетъ Полiэнъ (VI, 9, 3 и 4) о хитрости Левкона, быть можетъ также и разсказъ Аристотеля Oecon. II, 2, 8. На азіатскомъ берегу Воспора Левконъ царствовалъ (можетъ быть, только послѣ смерти брата Горгиппа) надъ Синдами, Торетами, Дандаріями и Псиссами (надп. n° 6). Изъ Полiэна мы знаемъ (V, 44, 1), что Левконъ велъ также войну съ Мемпономъ Родосскимъ, полководцемъ Персидскаго царя (безъ сомнѣнія, въ послѣдніе годы жизни).

Какъ другіе авторы, такъ и Димосѳенъ въ своей рѣчи противъ Лептина, произнесенной въ 354 г. (§§ 29—40), свидѣтельствуютъ, что Левконъ, подобно своему отцу Сатиру, выказывалъ величайшую благосклонность къ Аѳинянамъ. Въ эти времена торговля Аѳинянъ съ Воспорянами процвѣтала до такой степени, что Аѳиняне изъ Воспора получали почти половину всего количества хлѣба, привозимаго изъ чужихъ странъ, а именно около 400,000 медимновъ, какъ это можно

1) Бёкъ ссылается на Маннерта (Geogr. т. IV, стр. 303) и Келера (adv. Roch. стр. 22 сл.). Недавно то же самое высказалъ Диттенбергеръ, Syll. inscr. Gr. стр. 172, пр. 11 [=изд. 2, стр. 205, пр. 15]. Цитируемое мѣсто Ульпіана находится на стр. 129 изд. Вольфа или на стр. 477, 24 изд. Диндорфа.

было видѣть изъ отчетовъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ доставкою хлѣба [1]). Для большаго развитія торговли, выгодной обѣимъ сторонамъ, Левконъ не только разрѣшилъ отплывающимъ въ Аѳины нагружать корабли раньше прочихъ, но даже далъ всѣмъ Аѳинянамъ свободу отъ пошлинъ, по словамъ Димосѳена имѣвшую такое же значеніе, какъ если бы онъ ежегодно посылалъ въ даръ болѣе 13 тысячъ медимновъ (§ 31 и 32). Стравонъ (VII, 4, 6) повѣствуетъ, что Левконъ однажды послалъ Аѳинянамъ 210,000 медимновъ. За эти благодѣянія Аѳиняне наградили Левкона особыми почестями, а именно дали права аѳинскаго гражданства и свободу отъ пошлинъ ему и его сыновьямъ [2]). Когда Лептинъ предложилъ, чтобы никто не былъ свободенъ отъ пошлинъ, кромѣ потомковъ Армодія и Аристогитона, то Димосѳенъ горячо отсовѣтовалъ этотъ законъ. Изъ надписи № 4, содержащей начало декрета Аркадянъ въ честь Левкона, можно вывести заключеніе, что онъ оказывалъ услуги не только Аѳинянамъ, но и другимъ греческимъ государствамъ. Довольно правдоподобна догадка Бека, одобряемая и Диттенбергеромъ [3]), что Левконъ имѣлъ наемниковъ изъ Аркадянъ, подобно тому какъ сыну его Перисаду служили греческіе наемники (Діод. XX, 22).

Левкона восхваляютъ Хрисиппъ [4]) и Стравонъ; первый говоритъ, что Левконъ могъ служить примѣромъ царямъ, а второй (p. 310) передаетъ, что хотя владыки Воспора назывались тиранами, но многіе изъ нихъ, начиная съ Перисада и Левкона, были достойны уваженія (ἐπιεικεῖς) и что Перисадъ даже причисленъ къ богамъ. Діонъ Хрисостомъ (or. II, p. 101 R.) называетъ Левкона въ числѣ царей, отличавшихся своими добродѣтелями. Разсказъ Энея (Comm. poliorc. гл. 5,2, ed. Hercher) также подтверждаетъ, что Левконъ былъ человѣкъ достойный уваженія. Менѣе похвальныя дѣянія разсказываютъ Поліэнъ Strat.

---

1) Ср. о торговлѣ Аѳинянъ съ Воспорянами G. Perrot, Le commerce des céréales en Attique au IV siècle av. notre ère. Athenes et le royaume du Bosphore Cimmérien (*Revue historique* т. IV, 1877 г., стр. 1—73); Ѳ. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Воспора (*Кіевскія Унив. Изв.* 1878 г.); Schäfer, Demosth. u. seine Zeit, I², стр. 265.

2) Декреты объ этомъ, начертанные на трехъ каменныхъ плитахъ, были выставлены въ Воспорѣ, Пиреѣ и святилищѣ Зевса Урія (на азіатскомъ берегу Ѳракійскаго Воспора). Экземпляръ, выставленный въ Пиреѣ, упоминается и въ декретѣ Аѳинянъ въ честь сыновей Левкона, о которомъ см. ниже.

3) Syll. inscr. Gr. въ прим. къ № 99 [=изд. 2, № 126]. Въ настоящее время мы знаемъ изъ декрета Аѳинянъ 346 г. (см. ниже), что Спартокъ III и Перисадъ I просили Аѳинянъ дозволить имъ набирать въ Аѳинахъ моряковъ, что̀ Аѳиняне и разрѣшили (δοῦναι δ[ὲ τὰ]ς ὑπη[ρεσία]ς, ἃς αἰτοῦσι Σπάρτοκος καὶ Παιρισ[άδης]).

4) У Плут. de Stoic. rep. XX, 3.

VI, 9, 1, 2 и Аѳиней кн. VI, p. 257. Нѣкоторые ученые[1]) относятъ эти разсказы къ другому, позднѣйшему Левкону, но на это нѣтъ никакихъ вѣрныхъ указаній. Къ позднѣйшему Левкону съ увѣренностью можно отнести только то, что говоритъ схол. Овид. *Ib.* къ ст. 310, какъ это мы увидимъ ниже. Ниже также скажемъ о монетахъ съ именемъ βασιλέως Λεύκωνος. Преемниковъ его Эліанъ *V. hist.* VI, 13 называетъ Левконидами.

Діодоръ въ кн. XIV, гл. 31, изложивъ событія 3-го года 106-й Ол. ($35^4/_3$ до Р. Хр.), подъ конецъ говоритъ слѣдующее: Κατὰ δὲ τὸν Πόντον Λεύκων ὁ τοῦ Βοσπόρου βασιλεὺς ἐτελεύτησεν ἄρξας ἔτη τετταράκοντα, τὴν δὲ ἀρχὴν διαδεξάμενος Σπάρτακος ὁ υἱὸς ἐβασίλευσεν ἔτη πέντε. Потомъ, разсказавъ въ гл. 52 о событіяхъ 4-го года 107-й Ол. ($34^9/_8$ до Р. Хр.), прибавляетъ: ἅμα δὲ τούτοις πραττομένοις ἐν τῷ Πόντῳ Σπάρτακος ὁ τοῦ Πόντου βασιλεὺς ἐτελεύτησεν ἄρξας ἔτη πέντε, τὴν δ' ἡγεμονίαν διαδεξάμενος ὁ ἀδελφὸς Παιρισάδης ἐβασίλευσεν ἔτη τριάκοντα ὀκτώ. Наконецъ, въ кн. XX, гл. 22, онъ передаетъ, что въ Ол. 117,3 ($3^{10}/_{09}$ г. до Р. Хр.) умеръ Перисадъ. Такъ какъ не было никакого основанія сомнѣваться въ истинѣ показаній Діодора, то всѣ ученые, слѣдуя ему, полагали, что Перисадъ правилъ въ 348—310 гг., Спартокъ въ 353—348, Левконъ въ 393 — 353, Сатиръ въ 407 — 393. Но найденная въ Пиреѣ въ 1877 году весьма цѣнная надпись доказала, что въ счетѣ Діодора заключается крупная ошибка; эту надпись первый издалъ строчными буквами Куманудисъ въ журналѣ Ἀθήναιον т. VI, стр. 152 сл., послѣ него по снимку У. Кёлера издалъ А. Шеферъ въ *Rhein. Mus.* т. 33, стр. 418 сл. и перепечаталъ Диттенбергеръ, Syll. i. Gr. n° 101 [=ed. 2, n° 129]. Надпись представляетъ декретъ Аѳинянъ въ честь Левконовыхъ сыновей Спартока, Перисада и Аполлонія, изданный въ архонтство Ѳемистокла (Ол. 108,2; $34^7/_6$ г. до Р. Хр.), въ восьмую пританію, т. е. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 346 года по разсчету Шефера. Изъ декрета видно, что по смерти Левкона царствовали его сыновья Спартокъ и Перисадъ; они отправили пословъ въ Аѳины для скрѣпленія дружбы, которую поддерживали съ Аѳинянами ихъ отецъ и дѣдъ. Очевидно, что это не могло произойти спустя семь лѣтъ послѣ смерти Левкона; стало быть, нужно согласиться съ Шеферомъ, что Левконъ умеръ не въ 353 году, а незадолго до весны 346 года, приблизительно

1) Ср. въ особенности Koehler, Description d'une médaille de Spartocus etc. (St. Pétersb. 1824), стр. 44 сл.=Gesamm. Schriften, herausg. von Stephani, т. II, стр. 60.

въ 1-мъ году 108-й Ол. ($34^{8}/_{7}$ до Р. Хр.): ибо легко могло случиться, что извѣщеніе о событіи, совершившемся въ этомъ году, было отложено до весны слѣдующаго года ($34^{7}/_{6}$). Далѣе, Шеферъ весьма правдоподобно объяснилъ разницу, которая произошла между показаніемъ декрета и разсчетами Діодора, признавая справедливость преданія о томъ, что Левконъ царствовалъ 40 лѣтъ, Спартокъ—5 и Перисадъ — 18 л. и умеръ въ 3-мъ году 177-й Ол. ($3^{10}/_{09}$ до Р. Хр.), какъ говоритъ Діодоръ XX, 22. Отъ этого-то года Діодоръ и разсчиталъ годы начала царствованія Левкона, Спартока и Перисада, но при этомъ допустилъ ошибку вслѣдствіе незнанія того, что намъ стало извѣстно изъ этой надписи, именно, что Спартокъ царствовалъ 5 лѣтъ не *раньше* брата, а *вмѣстѣ* съ нимъ. Итакъ слѣдуетъ полагать, что Левконъ царствовалъ отъ 387 до 347 г., Спартокъ и Перисадъ отъ 347 до 342 и одинъ Перисадъ отъ 342 до 309 до Р. Хр.[1]) Отсюда слѣдуетъ, что отецъ Левкона Сатиръ I царствовалъ 19 лѣтъ, а не 14, со 2-го года 93-й Ол. ($40^{7}/_{6}$ до Р. Хр.); это подтверждается и словами Лисіи pro Mant. § 4 (см. выше), изъ которыхъ видно, что Сатиръ началъ царствовать не позже этого года. Что Левконъ умеръ послѣ 353 года, это подтверждается до нѣкоторой степени разсказомъ Поліэна (V, 44, 1) о войнѣ его съ Мемноном Родосскимъ: послѣдняго вмѣстѣ съ братомъ его Ментором Димосѳенъ въ своей рѣчи противъ Аристократа (§ 157), произнесенной въ 352 г., называетъ ἀνθρώπους νέους[2]).

Итакъ, Левкону наслѣдовали Спартокъ III и Перисадъ I[3]). Шеферъ (*Rhein. Mus.* т. 38, стр. 310), основываясь на той надписи, которая у насъ [IosPE. II] поставлена подъ n° 8, вывелъ заключеніе, что они раздѣлили между собою царство такимъ образомъ, что Спартокъ владѣлъ Пантикапеемъ съ частью страны, а Перисадъ управлялъ какъ ἄρχων Ѳеодосіей и какъ βασιλεύς — народами, живущими на азіатскомъ берегу Воспора. Они, какъ мы уже видѣли, въ 346 году отправили посольство въ Аѳины для скрѣпленія дружбы, при чемъ обѣщали заботиться о посылкѣ въ Аѳины хлѣба, какъ это дѣлалъ и ихъ отецъ,

---

1) Объясненіе Шефера я привожу въ изложеніи Диттенбергера (Syll. i. gr. стр. 171, пр. 1=изд. 2, стр. 204). Ср. Орѣшниковъ, Босф. Кимм., стр. 10 сл.

2) Впрочемъ, ученые эту войну относили обыкновенно ко времени Перисада I, полагая, что Поліэнъ ошибся въ имени; но въ настоящее время ничто уже не мѣшаетъ относить разсказъ Поліэна къ Левкону.

3) Изъ всего содержанія декрета явствуетъ, что третій сынъ Левкона, Аполлоній, о которомъ нѣтъ нигдѣ упоминанія, кромѣ декрета Аѳинянъ, не былъ соправителемъ Спартока и Перисада.

доставлять все, въ чемъ будетъ нуждаться Аѳинскій народъ, и кромѣ того послали дары, подобные тѣмъ, какіе посылались Аѳинянамъ Левкономъ и Сатиромъ. За эту щедрость Аѳиняне по предложенію Андротіона изъ Гаргитта постановили восхвалить Спартока и Перисада, какъ добрыхъ людей, дать имъ тѣ же привилегіи, какія были дарованы Сатиру и Левкону[1]), увѣнчать каждаго изъ нихъ въ день праздника великихъ Панаѳиней золотымъ вѣнкомъ въ тысячу драхмъ (эти вѣнки царьки посвятили Аѳинѣ Поліадѣ); постановлено было также, чтобы этотъ декретъ, начертанный на камнѣ, былъ выставленъ возлѣ плиты въ честь Сатира и Левкона. Кромѣ того, въ декретѣ есть нѣкоторыя другія постановленія, менѣе важныя. Нѣкто Поліевктъ сдѣлалъ прибавку къ декрету Андротіона, чтобы и третьему сыну Левкона Аполлонію былъ данъ золотой вѣнокъ. О Спартокѣ III мы болѣе ничего не знаемъ.

Перисадъ I[2]), который по смерти брата своего Спартока одинъ управлялъ Воспорскимъ царствомъ отъ 342 до 309 г. до Р. Хр., настолько отличался своими добродѣтелями, что, если вѣрить словамъ Стравона (см. выше), былъ сопричисленъ къ богамъ. Слѣдуя примѣру предковъ, онъ очень благоволилъ къ Аѳинянамъ, которые, по предложенію Димосѳена, поставили ему, его сыну Сатиру и тестю Горгиппу на площади мѣдныя статуи (Дин. *in Dem.* § 43, см. выше). Димосѳенъ *пр. Форм.* § 36 ясно свидѣтельствуетъ, что Перисадъ сохранилъ за Аѳинянами предоставленную имъ Левкономъ свободу отъ пошлинъ. Надписи nn° 1 и 2 доказываютъ, что онъ былъ расположенъ и къ другимъ Грекамъ.

Изъ другихъ надписей мы видимъ, что Перисадъ счастливо правилъ Воспоромъ, побѣдилъ много варварскихъ народовъ и распространилъ свое владычество

---

1) О привилегіяхъ, данныхъ Сатиру, мы болѣе ничего не знаемъ; изъ рѣчи Димосѳена противъ Лептина мы видѣли, что Левкону и его сыновьямъ были опредѣлены права гражданства и безпошлинность; теперь эти привилегіи торжественно подтверждаются за ними. Ср. то, что говорится въ декретѣ Аѳинянъ C. I. Att. II, 311 о почестяхъ, дарованныхъ предкамъ царя Спартока IV: ἐπειδὴ [πρότερόν τε οἱ πρόγονοι οἱ] Σπαρτόκου χρείας [παρέσχηνται τῶι δήμωι]... ἀνθ' [ὧν καὶ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων αὐτοὺς] πολίτας ἐποιή[σατο καὶ ἐτίμησ]εν [εἰκόσιν χαλ]καῖς ἔν τε τῆι [ἀγορᾶι καὶ] ἐν τῶι ἐμπορίωι [καὶ] ἄλλαις δωρεα[ῖς, αἷς προσή]κει τιμᾶσθαι τοὺ[ς] ἀγαθοὺς ἄνδρ[ας] κτλ.

2) Не безполезно будетъ повторить здѣсь то, что говоритъ Бёкъ на стр. 92 о формѣ этого имени: «Apud scriptores diversa scriptura exaratum videmus Βηρισάδης, Βιρισάδης, Παρυσάδης, Παρεισάδης, Παρισάδης (cf. Wess. ad. Diod. XVI, 52); in nummis et inscriptionibus constanti usu habetur Παιρισάδης. Genitivus in ου formatur a scriptoribus plerisque, Demosthene, Diodoro, Strabone, sine discrimine regum, qui hoc usi nomine sunt; sed analogia fert etiam terminationem ους et constanti usu, quem primus observavit Koehlerus a ceteris non satis auditus, in Bosporanis titulis de Paerisade I est Παιρισάδους s. Παιρισάδεος, de posterioribus regibus in moneta et titulis Παιρισάδου.»

отъ области Тавровъ до Кавказа. Надпись n° 8, если ее правильно объяснилъ Шеферъ, доказываетъ, что Перисадъ еще при жизни брата Спартока имѣлъ подъ своей властью Синдовъ, какъ кажется, Мэотовъ (имя Мэотовъ на камнѣ повреждено) и Θатеевъ. Но впослѣдствіи, вѣроятно, Θатеи и нѣкоторые изъ Мэотовъ отпали, такъ какъ въ надп. 344 онъ называется царемъ только Синдовъ, Торетовъ и Дандаріевъ. Потомъ, когда опять были покорены отпавшіе Мэоты, онъ называется царемъ Синдовъ и всѣхъ Мэотовъ (nn° 10, 11, 345 [и т. IV, n° 418]); къ нимъ прибавлены опять Θатеи въ надписи Комосаріи (n° 346); надпись же Кассаліи (n° 347) свидѣтельствуетъ, что кромѣ этихъ народовъ Перисадъ покорилъ еще и Досховъ. Поэтому Фаномахъ въ своей эпиграммѣ (n° 9) съ полнымъ правомъ возглашаетъ, что онъ поставилъ статую своего отца тогда, когда архонтъ Перисадъ властвовалъ „надъ всею землею, какую заключаютъ въ себѣ крайніе предѣлы Тавровъ и границы земли Кавказской“. Димосѳенъ *пр. Форм.* § 8 упоминаетъ о войнѣ Перисада со Скиѳами. Изъ разсказа Поліэна *(Strat.* VII, 37) можно заключить, что онъ былъ искусный и осторожный вождь, конечно, если этотъ разсказъ относится къ Перисаду I.

Перисадъ былъ женатъ на Комосаріи, дочери Горгиппа, которая, какъ кажется, приходилась ему двоюродной сестрой; ея надпись у насъ поставлена подъ n° 346. О монетахъ съ именемъ βασιλέως Παιρισάδου см. ниже.

По смерти Перисада въ 3 г. 117 Ол. получилъ власть старшій изъ его сыновей Сатиръ II (Diod. XX, 22); но братъ его Евмилъ немедленно поднялъ противъ него войну, въ которой и погибъ отъ раны Сатиръ черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ. Ему наслѣдовалъ братъ его Пританъ; но и онъ вскорѣ былъ побѣжденъ и убитъ Евмиломъ, который умертвилъ и всѣхъ дѣтей своихъ братьевъ, за исключеніемъ юнаго Перисада, сына Сатира, который убѣжалъ къ Скиѳскому царю Агару. Обо всемъ этомъ довольно подробно разсказываетъ Діодоръ въ кн. XX, гл. 22—26. Овладѣвъ царствомъ, Евмилъ правилъ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ (съ 3 или 4 г. 117 Ол. по 1 г. 119 Ол., 309—303 до Р. Хр.)[1]). Власть, пріобрѣтенную злодѣяніями, онъ охранялъ доблестями: за жителями Пантикапея онъ сохранилъ безпошлинность, которою они пользовались въ

1) Большинство ученыхъ думаетъ, что Евмилъ умеръ въ 304 г.; но если мы со времени смерти Перисада возьмемъ 9 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ царствовалъ Сатиръ II, и прибавимъ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ царствованія Евмила, то получится 6 лѣтъ и 2 мѣсяца, и такимъ образомъ окажется невѣроятнымъ, чтобы Евмилъ умеръ въ 304 году. Діодоръ, впрочемъ, дастъ намъ 1-ый годъ 119 Ол. (кн. XX, гл. 100).

правленіе его предковъ; освободилъ всѣхъ отъ податей; облагодѣтельствовалъ Грековъ, жившихъ по берегамъ Понта (т. е. жителей Византіи, Синопы, Каллатіи и другихъ), предпринялъ войну противъ разбойничавшихъ на морѣ варваровъ—Иніоховъ, Тавровъ и Ахеянъ, и тѣмъ сдѣлалъ море безопаснымъ для плаванія. Этимъ онъ пріобрѣлъ славу не только въ собственномъ царствѣ, но почти во всемъ эллинскомъ мірѣ. Онъ покорилъ уже многія сосѣднія страны и намѣревался подчинить своей власти всѣ варварскіе народы, жившіе у береговъ Понта, какъ вдругъ былъ сраженъ преждевременною смертью вслѣдствіе несчастнаго случая (Diod. XX, 25).

Евмилу наслѣдовалъ сынъ его Спартокъ IV, который правилъ 20 лѣтъ (Ол. 119,1—124,1; 303—$28^4/_3$ до Р. Хр. Діод. XX, 100). Объ этомъ царѣ писатели не упоминаютъ, и намъ о немъ извѣстно только то, что сообщается въ нѣсколькихъ надписяхъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ декретъ Аѳинянъ C. I. Att. II, n⁰ 311 [1]), изданный въ архонтство Діотима,—который, какъ доказали Узенеръ и Щукаревъ [2]), занималъ эту должность въ 2 г. 123 Ол. ($28^7/_6$ до Р. Хр.),—въ послѣдній день мѣсяца Гамиліона, т. е. въ февралѣ 286 г. Въ этомъ декретѣ царь Спартокъ восхваляется за то, что, оставаясь вѣренъ наслѣдственной дружбѣ со всѣми Аѳинянами вообще и въ частности съ тѣми, которые пріѣзжаютъ въ его владѣнія, когда услышалъ, что Аѳиняне „пріобрѣли себѣ городъ“, т. е. освободились отъ власти Димитрія Поліоркита, поздравилъ Аѳинскій народъ съ этимъ событіемъ, прислалъ ему въ даръ 10,500 медимновъ хлѣба и обѣщалъ и впредь не оставлять своею благосклонностью. За это Аѳиняне, по предложенію Агиррія Коллитейца, опредѣлили дать Спартоку золотой вѣнокъ и поставить двѣ мѣдныя статуи его — одну на агорѣ, подлѣ статуй предковъ, другую на акрополѣ. Въ концѣ декрета, гдѣ говорится о вырѣзкѣ его на камнѣ, есть указанія на то, что Спартокъ уже раньше получилъ отъ Аѳинянъ другія почести. Итакъ, изъ декрета явствуетъ, что Аѳиняне, даже при тогдашнемъ ослабленіи своего могущества, все еще были связаны съ царями Воспора тѣсными узами дружбы.

---

1) Отсюда перепечаталъ надпись Диттенбергеръ Syll. i Gr. № 140 [=ed. 2, № 194], который перечислилъ также и другія изданія.

2) Usener, *Rhein. Mus.* т. 34, стр. 414 сл.; А. Щукаревъ, Изслѣдованія въ области каталога Аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Хр. (Спб. 1889), стр. 119. [Впрочемъ, по позднѣйшимъ вычисленіямъ оказалось болѣе вѣроятнымъ, что Діотимъ занималъ должность архонта годомъ позже, т. е. въ 286/5 г. См. Dittenberger, Syll², стр. 313, прим. 2].

Изъ воспорскихъ надписей ко времени этого Спартока относятся четыре (nn° 13, 14, 348 и 349), но изъ нихъ о самомъ царѣ мы не узнаемъ ровно ничего, кромѣ его имени и рода власти, о чемъ мы сейчасъ будемъ говорить подробно.

Со смерти Спартока IV, говоря словами Бека (стр. 93), „доселѣ извѣстныя лѣтописи пусты, и исторія ничего не говоритъ о послѣдующихъ царяхъ до послѣдняго Перисада“, который уступилъ свое царство Миоридату VI. Однако изъ надписей и изъ монетъ, тщательно изданныхъ въ послѣднее время русскими нумизматами, мы знаемъ нѣсколько именъ правителей Воспора, относящихся къ этому промежутку времени. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣдующихъ царяхъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какія были въ древнѣйшее время учрежденія въ Воспорѣ, какую власть имѣли Спартокиды, которыхъ мы безъ разбора называли то царями, то правителями, то архонтами. Говорить объ этомъ подробно нѣтъ надобности послѣ прекрасныхъ замѣчаній Бёка (стр. 105 сл., § 19).

Мы видѣли выше, что Археанактиды не могутъ быть названы прямо царями Воспора; то же самое можно сказать и о первыхъ Спартокидахъ, хотя Діодоръ всѣхъ ихъ, начиная съ Спартока I, называетъ царями, и тотъ же титулъ Хрисипп (у Страв. VII, p. 301) далъ Левкону, а Полiэнъ (VII, 37) — Перисаду; другіе писатели называютъ ихъ то δυνάσται, то τύραννοι, а иногда даже ἡγεμόνες (см. мѣста у Бёка). Однако Бёкъ весьма справедливо замѣтилъ, что никто никогда и нигдѣ оффиціально не назывался δυνάστης или τύραννος. Спартокиды, захвативъ въ свои руки власть въ греческихъ общинахъ Воспора, уничтожили, конечно, ихъ прежнюю вольность (а что эта вольность нѣкогда существовала, это можно видѣть изъ того, что сынъ Перисада Евмилъ, послѣ убіенія братьевъ, созвалъ жителей Пантикапея на вѣче и возвратилъ имъ τὴν πάτριον πολιτείαν: см. Diod. XX, 24). Однако Спартокиды сохраняли имя и, такъ сказать, призракъ или тѣнь этой свободы и, избѣгая ненависти, не принимали царскаго титула, а называли себя ἄρχοντες Воспора и Θеодосіи, т. е. греческихъ городовъ. Когда же они покорили варварскіе народы, то стали называться βασιλεῖς ихъ, потому что и раньше эти варвары управлялись царями (какъ напр. Синды Екатеемъ и пр.) и, быть можетъ, совершенно не знали самаго имени архонта. Такое оффиціальное обозначеніе власти Спартокидовъ постоянно встрѣчается въ надписяхъ до конца IV в. до Р. Хр. На первомъ мѣстѣ, какъ замѣтилъ Бёкъ, ставится титулъ архонта, какъ бы показывая, что архонты Воспора пріобрѣли себѣ царскую власть надъ варварами, а не варварскіе цари управляютъ Греками. Подобнымъ образомъ и

Димосѳенъ *пр. Лепт.* § 29 называетъ Левкона его обычнымъ именемъ ἄρχων Βοσπόρου, а не βασιλεὺς Βοσπόρου, потому что онъ оффиціально не назывался царемъ Воспора; также и Аркадяне въ надп. n° 4, безъ всякаго сомнѣнія, не назвали его царемъ. Но что власть Спартокидовъ-архонтовъ была очень сильна и подобна царской, это можно видѣть хотя бы изъ того, что Аѳиняне всю свою благодарность за получаемыя ими благодѣянія относили къ однимъ только архонтамъ Воспора, а не къ гражданамъ, о которыхъ даже совершенно не упоминаютъ ни ораторы, ни декреты. Изъ надписей 1—3 мы видимъ, что Перисадъ вмѣстѣ съ своими сыновьями давалъ иностранцамъ проксенію, права давать которую въ свободныхъ государствахъ не имѣлъ никто, кромѣ совѣта и народа [1]). Иногда граждане греческихъ городовъ платили Спартокидамъ подати, какъ это можно видѣть изъ разсказа Діодора (XX, 24) объ обѣщаніи Евмила жителямъ Пантикапея освободить ихъ отъ податей (προσεπηγγείλατο δὲ καὶ τῶν εἰσφορῶν ἅπαντας ἀφήσειν). Наконецъ Страбонъ называетъ Спартокидовъ монархами греческихъ колоній въ этой странѣ [2]). Какова была власть Спартокидовъ въ отношеніи варварскихъ народовъ, царями которыхъ они назывались, это показалъ уже вкратцѣ Бёкъ, стр. 107 [3]).

Обычное наименованіе Спартокидовъ ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θευδοσίας καὶ βασιλεύων Σινδῶν κτλ., которымъ точно различается родъ власти ихъ надъ Греками и надъ варварами, удерживалось до Спартока IV. Спартокъ IV первый въ надписяхъ (nn° 348 и 349) короче именуется ἄρχων καὶ βασιλεύων, безъ тѣхъ родительныхъ падежей, которые прежде прибавлялись постоянно; онъ же въ надписи n° 13 называется только ἄρχων, а въ надп. n° 14 — только βασιλεύς. Это различіе, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснять не тѣмъ, что Спартокъ сперва былъ архонтомъ, а потомъ принялъ царскій титулъ, а скорѣе тѣмъ, что въ то время уже исчезло всякое различіе между титулами архонта и царя, и царь безразлично назывался то однимъ именемъ, то другимъ, то обоими; но, конечно, въ употребленіи получилъ преобладаніе царскій титулъ, въ особенности потому, что около того же времени приняли этотъ титулъ полководцы Александра Великаго

---

1) Ср. P. Monceaux, Les proxénies Grecques (Par. 1886), стр. 12 сл. и 211.

2) Страв. VII, p. 310: Ἐμοναρχεῖτο δὲ πολὺν χρόνον ὑπὸ δυναστῶν τῶν περὶ Λεύκωνα καὶ Σάτυρον καὶ Παιρισάδην αὕτη τε καὶ αἱ πλησιόχωροι κατοικίαι πᾶσαι αἱ περὶ τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος ἑκατέρωθεν μέχρι Παιρισάδου τοῦ Μιθριδάτῃ παραδόντος τὴν ἀρχήν.

3) Ср. вообще о власти Спартокидовъ слова Григорьева, ук. соч. стр. 347; Perrot, ук. соч. стр. 35 сл.; Орѣшниковъ, Босф. Кимм. стр. 13 сл.

и ихъ преемники; примѣру ихъ могли послѣдовать и правители Воспора. Отсюда весьма легко объясняется, почему Аѳиняне въ вышеупомянутомъ декретѣ оффиціально назвали Спартока IV царемъ. Подобнымъ образомъ и Родосцы (въ надп. 35), посвящая статую Перисаду II, сыну Спартока IV, назвали его царемъ и сыномъ царя, въ надписи же 15-й, болѣе древней, онъ названъ только архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи и царемъ Синдовъ и пр., а въ надписяхъ 16 и 17 — опять царемъ [1]). Другой Перисадъ въ надп. 17 называется архонтомъ и царемъ, сыномъ царя. Если мы все это сопоставимъ, то, по моему мнѣнію, будетъ достаточно доказано, что со времени Спартока IV царскій титулъ сталъ преобладать на Воспорѣ [2]).

Посмотримъ теперь, какія встрѣчаются имена царей въ надписяхъ, относящихся къ длинному промежутку времени между Спартокомъ IV и послѣднимъ Перисадомъ. Прежде всего нужно упомянуть Перисада сына Спартока, который въ одной надписи (n° 15) называется ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σινδῶν καὶ Μαϊτῶν πάντων καὶ Θατέων, въ трехъ (nn° 16, 17, 350) — βασιλεύων и въ одной (n° 35), начертанной въ честь его, съ большею пышностью величается βασιλεὺς Παιρισάδης βασιλέως Σπαρτόκου. Это разнообразіе титуловъ, а также и форма буквъ указываютъ на время, близкое къ Спартоку IV. Поэтому мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ мнѣніе ученыхъ, что этотъ Перисадъ былъ сыномъ Спартока IV и долженъ быть названъ Перисадомъ II.

Сыномъ этого Перисада, быть можетъ, былъ тотъ Спартокъ, имя котораго читаемъ въ надп. 18, стало быть пятый царь съ этимъ именемъ, царствовавшій около середины III в. до Р. Хр. Кромѣ того, изъ надписи n° 15 сталъ извѣстенъ сынъ Перисада II, по имени Левконъ, исполнявшій еще при жизни отца обязанности жреца. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что объ этомъ именно Левконѣ говоритъ мимоходомъ Овидій *Ibid.* v. 309 [3]), хотя Бекъ и сомнѣвается въ этомъ. Это мѣсто Овидія объяснено въ старинныхъ схоліяхъ, текстъ которыхъ въ раз-

---

1) Въ надписи 350, которая относится къ этому же царю, я дополнилъ [ἄρχοντος] прибавивъ въ примѣчаніи и другое дополненіе [βασιλεύοντος]; теперь нахожу второе дополненіе болѣе правдоподобнымъ.

2) Къ этому же Спартоку, судя по формѣ буквъ, можетъ быть отнесена надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ на кирпичѣ, рисунокъ котораго издалъ Орѣшниковъ въ соч. Гиля, Kleine Beiträge zur ant. Numismatik Südrusslands (S.-Petersb. 1886), стр. 41.

3) Aut pia te caeso dicatur adultera, sicut
Qua cecidit Leucon vindice, dicta pia est.

ныхъ рукописяхъ, однако, передается не одинаково [1]). На мой взглядъ, наиболѣе вѣрно слѣдующее чтеніе codicis Askeviani: „Leucon unus ex Ponticis regibus Spartacon fratrem suum interfecit, qui cum Alcathoe uxore sua solebat adulterari. Postea idem Leucon interfectus est ab uxore sua". Это никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Левкону I: онъ не имѣлъ брата Спартока и наслѣдовалъ не брату, а отцу своему Сатиру; наконецъ, онъ умеръ въ старости и передалъ власть своимъ дѣтямъ. Напротивъ, всѣ противорѣчія исчезаютъ, если мы примемъ, что Спартокъ V былъ сыномъ Перисада II. Что Спартокъ V царствовалъ не долго, объ этомъ можно заключить изъ того даже, что сохранилась одна только надпись съ его именемъ. Монеты съ именемъ βασιλέως Λεύκωνος, о которыхъ мы скажемъ ниже, доказываютъ, что около этого времени въ числѣ воспорскихъ царей былъ Левконъ.

Новыя имена воспорскихъ царей доставила намъ недавно надпись 19, которую по формѣ буквъ нужно отнести къ тому же промежутку времени. Покойный академикъ Стефани въ комментаріи къ этой надписи весьма правдоподобно предположилъ, что упомянутая въ ней царица Камасарія была матерью царя Перисада, сына Перисада; по смерти перваго мужа она вышла замужъ во второй разъ за нѣкоего Аргота (см. ниже родословную). Мало вѣроятно, чтобы Перисадъ, супругъ Камасаріи, былъ тожественъ съ Перисадомъ II, потому что формы буквъ надписи, какъ кажется, не древнѣе начала II вѣка. Итакъ Перисадъ, супругъ Камасаріи, былъ по меньшей мѣрѣ *третьимъ* царемъ этого имени, а Перисадъ φιλομήτωρ— *четвертымъ*. Былъ ли царемъ отецъ Камасаріи Спартокъ, или нѣтъ, — неизвѣстно; послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому что въ надписи онъ не имѣетъ царскаго титула; но судя по, его имени, онъ принадлежалъ къ царской фамиліи [2]).

---

1) См. чтеніе четырехъ рукописей въ новѣйшемъ изданіи «Ибиса», сдѣланномъ Р. Эллисомъ, Оксф. 1881. Впрочемъ, самъ Эллисъ, отрицая, что эти слова Овидія могутъ быть отнесены къ Левкону I, относитъ ихъ къ Левкону, сыну Лоаманта (стр. 112), или къ Критянину Левку, сыну Тала (стр. 174). Но согласіе рукописей препятствуетъ принять мнѣніе Эллиса.

2) Въ надписи C. I. Gr. II, № 2855, найденной въ Бранхидахъ и содержащей списокъ приношеній Аполлону Дидимейскому, стр. 29—31, читаемъ слѣдующее: Βασιλ[ίσσ]ης Καμασαρ[ύ]ης ..ρεπις χρυσοῦς ὁλκὴν ἄγων χρυσοῦς ἑκατὸν ὀγδοήκοντα ἑπτὰ ἡμίχρυσον. Такъ какъ это начертано послѣ приношеній Виѳинскаго царя Прусіи II, то Бёкъ и заключилъ, что эта Камасарія, нигдѣ больше не упоминаемая, была женой Прусіи II. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Диттенбергеръ (Syll. i. Gr. стр. 174 къ № 104 пр. 1 [=ed. 2, № 133, стр. 208] прибавилъ, что она, повидимому, происходила изъ воспорской царской династіи. Но такъ какъ въ томъ же спискѣ перечислены приношенія и другихъ лицъ (Кизикенцевъ и Кратера), то, по моему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія связывать имя Камасаріи съ именемъ Прусіи,

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ Перисадъ φιλομήτωρ тожественъ съ послѣднимъ Перисадомъ, по свидѣтельству Страбона добровольно передавшимъ свое царство Миѳридату VI[1]). Но принятію этого мнѣнія также препятствуютъ формы буквъ надписи. Итакъ, этотъ Перисадъ былъ по меньшей мѣрѣ *пятымъ*. Какимъ образомъ онъ уступилъ свое царство Миѳридату, объ этомъ вкратцѣ разсказываетъ Страбонъ (VII, p. 309, 310); больше подробностей мы недавно узнали изъ декрета Херсонисцевъ въ честь Миѳридатова полководца Діофанта (IosPE. т. I, n° 185). Когда Херсонисцы, страну которыхъ опустошали своими набѣгами сосѣдніе Скиѳы, отчаявшись въ возможности справиться съ ними, просили помощи у Миѳридата, то послѣдній прислалъ на полуостровъ свое войско подъ начальствомъ Діофанта. Послѣдній побѣдилъ скиѳскаго царя Палака, сына Скилура, и, отправившись въ Воспоръ, совершилъ тамъ, какъ читаемъ въ декретѣ, въ короткое время много славныхъ дѣяній. Если сопоставить это извѣстіе со словами Страбона, то будетъ ясно, что какъ разъ въ это время Діофантъ овладѣлъ Воспорскимъ царствомъ, которое Перисадъ добровольно передалъ ему, не будучи въ состояніи платить варварамъ болѣе тяжкую дань, чѣмъ прежде (οὐχ οἷός τε ὢν ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους φόρον πραττομένους μείζω τοῦ πρότερον Μιθριδάτῃ τῷ Εὐπάτορι παρέδωκε τὴν ἀρχήν). Однако Перисадъ, какъ кажется, сохранилъ за собою царскій титулъ и остался въ Пантикапеѣ. Въ декретѣ Херсонисцевъ говорится, что когда, вслѣдствіе возмущенія Скиѳовъ, Діофантъ во второй разъ прибылъ на полуостровъ, то одержалъ блестящую побѣду надъ Палакомъ и потомъ отправился въ Воспоръ, гдѣ устроилъ дѣла наивыгоднѣйшимъ для Миѳридата образомъ. Въ Воспорѣ въ это время также возмутились Скиѳы подъ предводительствомъ Савмака, воспитанника Перисада, убили Перисада и составили заговоръ противъ Діофанта, но послѣдній благополучно избѣжалъ опасности. Ближайшею весной Діофантъ прибылъ опять въ Воспоръ изъ Херсониса съ сухопутными и морскими силами, взялъ Ѳеодосію и Пантикапей и наказалъ виновниковъ возмущенія, при чемъ убійца Перисада Савмакъ былъ взятъ въ плѣнъ живымъ и отосланъ въ царство Миѳридата, и такимъ образомъ власть послѣдняго въ Воспорѣ была

и ничто не мѣшаетъ считать эту Камасарію той самой царицей Воспора, которая упоминается въ надп. 19. Если эта наша догадка справедлива, то мы отсюда можемъ получить важныя данныя для опредѣленія времени надписи № 19: въ такомъ случаѣ Камасарія будетъ современницей Прусіи II, который наслѣдовалъ своему отцу около 180 г. до Р. Хр. и былъ убитъ въ 149 году. [Ср. ниже ст. «Къ исторіи Воспорскаго царства. II»].

1) Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, стр. 218.

возстановлена[1]). Произошло это, безъ всякаго сомнѣнія, раньше первой войны Миѳридата съ Римлянами (ср. Страв. p. 309: ταῦτα δ' ἦν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή), между 115 и 106 годами до Р. Хр. по соображеніямъ Мейера[2]). Такимъ образомъ владычество Спартокидовъ въ Воспорѣ смѣнилось владычествомъ Ахеменидовъ. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднемъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о монетахъ царей изъ рода Спартокидовъ.

Изъ множества дошедшихъ до насъ монетъ Воспорскихъ царей слѣдующія даютъ намъ имена царей изъ рода Спартокидовъ:

1) Три вида мѣдныхъ монетъ царя Левкона (ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ); ихъ, послѣ многихъ другихъ, описалъ А. М. Подшиваловъ, Monnaies des rois du Bosphore Cimmérien (Москва 1887), стр. 7—9[3]), приложивъ къ описанію прекрасные снимки монетъ.

2) Единственная серебряная монета царя Спартока (ΒΑΣΙΛΕΩΣ [Σ]ΠΑΡΤΟΚΟΥ), хранящаяся въ настоящее время въ Москвѣ въ Румянцевскомъ музеѣ. Первый издалъ ее Кёлеръ въ 1824 году[4]); въ послѣднее время г. Подшиваловъ представилъ лучшее ея описаніе и снимокъ (ук. кн., стр. 6)[5]).

3) Четыре вида золотыхъ монетъ царя Перисада (ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ); всѣ онѣ имѣютъ на лицевой сторонѣ голову царя, а на оборотной изображеніе Аѳины, сидящей въ креслѣ, но отличаются буквами и монограммами на оборотной сторонѣ, и притомъ однѣ монеты—болѣе грубой работы, другія—болѣе тонкой. Послѣ многихъ другихъ эти монеты описали и объяснили А. В. Орѣшниковъ, Zur Münzkunde des Cimmer. Bosporus (Москва 1883) и Подшиваловъ въ ук. соч., стр. 5 сл.[6])

---

1) Изъ этого видно, что Савмакъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ царемъ Воспора. Поэтому Вейль весьма правдоподобно предположилъ (*Zeischr. für Numism.* т. VIII, стр. 329 сл., ср. Бурачковъ, Общій катал. мон. стр. 220), что къ нему должна быть отнесена одна серебряная монета съ надписью: ΒΑΣ... ΣΑΥ...

2) E. Meyer, Gesch. d. Königreichs Pontos, стр. 91. Кромѣ другихъ издателей, которые названы въ I т., декретъ Херсонисцевъ объяснилъ недавно B. Niese въ *Rhein. Mus.* т. 42 (1887), стр. 559 сл. Онъ относитъ изложенныя нами событія къ 113—110 г. до Р. Хр.

3) Это же описаніе вышло въ русскомъ переводѣ въ *Зап. Одесск. Общ.* т. XV (1889), стр. 13—36. Ср. Бурачковъ, Общ. катал. мон., стр. 212 и 216.

4) Description d'une médaille de Spartocus, roi du Bosphore Cimm., du cabinet du Chancelier de l'Empire comte de Romanzoff etc.=Ges. Schr. herausgeg. von Stephani, т. II, стр. 45—70. Русскій переводъ этого сочиненія издалъ Гр. Спасскій въ 1850 г. (*Археолого-нумизм. сборникъ*).

5) Ср. его же книжку подъ заглавіемъ: «*Московскій публичный и Румянцевскій музеи. Нумизматическій кабинетъ. Выпускъ I*» (1884 г.), стр. 31.—Бурачковъ, Каталогъ, стр. 216.

6) Ср. Бурачковъ, стр. 214 сл.

О монетахъ Левкона мнѣнія ученыхъ различны. Нѣкоторые относятъ всѣ виды монетъ къ Левкону I, другіе—къ болѣе позднему Левкону II, третьи думаютъ, что каждый видъ монетъ долженъ быть пріуроченъ къ особому царю; впрочемъ, въ настоящее время лишь очень немногіе держатся мнѣнія, что эти монеты относятся ко времени Левкона I; большинство, на основаніи различныхъ аргументовъ, приписываетъ ихъ Левкону II, нѣкоторые даже Левкону III. Самое вѣрное мнѣніе о нихъ, на мой взглядъ, высказалъ извѣстный нумизматъ Alfred von Sallet[1]) въ слѣдующихъ словахъ: „Alle diese Münzen mit dem Namen eines Königs Leuco zeigen denselben dürftigen, flachen Styl, dieselbe Form der Buchstaben, und wir müssen in solchen Fällen eher nach Vereinfachung, als nach immer sehr zweifelhafter Vertheilung an mehrere Herrscher und demnach Vergrösserung der Münzreihe streben; wo wir nichts bestimmtes wissen, muss uns der Styl und Charakter der Münzen aushelfen; ich glaube also, dass alle drei Sorten: die grösseren mit Heracleskopf und Bogen mit Keule, sowie die kleineren mit Pallaskopf und Blitz, und mit Schild und Köcher einem einzigen und zwar späten Leuco, der ziemlich lange nach Alexander dem Grossen gelebt haben mag, angehören“.

Что касается до серебряной монеты Спартока, то въ настоящее время почти всѣ знатоки монетъ согласны съ Кёлеромъ, который относитъ ее не къ Спартоку IV, а къ другому Спартоку, болѣе позднему[2]). И въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, не мѣшаетъ привести мнѣніе Заллета (цит. соч. стр. 231): „Auch hier scheint mir Koehler das richtige getroffen zu haben. Wenn auch Königsbilder in der Zeit, in welcher jener „Spartocus IV“ regierte, auf Diadochenmünzen erscheinen, sind wir doch nicht berechtigt, die schlechte, flache Münze mit dem runden E in eine so frühe Zeit zu setzen; sie muss, wie Styl und Inschrift beweisen, später, lange nach Alexander geprägt sein. Ob, wie Koehler meint, nach den Leuco-Münzen mit Heracleskopf, möchte ich nicht behaupten“.

Монетъ съ именемъ царя Перисада до 1882 года было извѣстно только два экземпляра; ихъ первые представители нумизматики, вплоть до Эккеля,

---

5) *Zeitschrift für Numismatik*, т. VI (1877), стр. 229 сл. О монетахъ Левкона и Спартока ср. Imhoof-Blumer, Porträtk. auf ant. Münzen (Leipz. 1885), стр. 36: «Auch die Münzen des Spartocos und Leucon sind den Spartokiden des 4 und 3 Jahrhunderts zu entziehen und geschichtlich unbekannten Fürsten zuzuteilen, welche vor dem letzten Paerisades geherrscht haben».

2) Одинъ только Кёне, насколько мы знаемъ, приписалъ ее Спартоку IV, который царствовалъ въ 304—284 г. до Р. Хр. (Опис. муз. кн. В. В. Кочубея, II, стр. 31).

слѣдуя Де-Бозу, приписывали Перисаду I; это мнѣніе принялъ и Рошеттъ. Но уже Висконти предпочелъ отнести ихъ къ Перисаду II; точно такъ же Кёлеръ, Бёкъ[1]) и Кёне, отрицая принадлежность этихъ монетъ Перисаду I, приписывали ихъ то Перисаду II, то Перисаду III. Равнымъ образомъ и Заллетъ въ ук. соч. замѣтилъ слѣдующее: „Styl und Schriftcharakter zwingen uns, diese Münzen, welche sich den rohen, wohl nach Lysimachus Tode in Byzanz geprägten Lysimachus-Stateren anschliessen, einer späteren Zeit zuzuweisen“ etc.[2])

Въ 1883 году г. Орѣшниковъ въ своей вышеназванной книжкѣ, тщательно описавъ всѣ извѣстныя до настоящаго времени монеты Перисада, первый замѣтилъ, что онѣ должны быть распредѣлены между *тремя* царями, жившими не раньше Лисимаха (монетамъ котораго онѣ представляютъ подражанія), но что хронологическій порядокъ монетъ не можетъ быть опредѣленъ точно; двѣ монеты, повидимому, могутъ быть отнесены къ тому Перисаду, которому принадлежитъ надпись n° 19, двѣ другія—къ послѣднему Перисаду, уступившему свое царство Миѳридиту VI. Въ другомъ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1884 году[3]), г. Орѣшниковъ распредѣляетъ эти монеты даже между четырьмя царями (отъ Перисада III до VI), точно такъ же, какъ и г. Подшиваловъ въ вышеупомянутой книгѣ о монетахъ Воспорскихъ царей[4]). Бурачковъ также пріурочиваетъ эти монеты къ четыремъ царямъ, но начиная съ Перисада I, сына Левконова, до Перисада IV.

Столь рѣзкое разногласіе ученыхъ нумизматовъ ясно доказываетъ, что у насъ нѣтъ никакихъ прочныхъ аргументовъ, на основаніи которыхъ можно было бы каждый видъ монетъ пріурочить къ извѣстному царю; въ этомъ открыто сознаются нѣкоторые изъ нумизматовъ[5]). Одно только, по моему мнѣнію, вполнѣ

---

1) По справедливому замѣчанію Бека, не только сомнительно, чтобы Перисадъ I называлъ себя на монетахъ царемъ, но даже сама форма Παιρισάδου указываетъ на то, что эта монета не принадлежитъ Перисаду I, имя котораго въ род. п. употреблялось въ формѣ Παιρισάδους.

2) Ср. Imhoof-Blumer, ук. м.: «Die Stater des Paerisades, in der Mehrzahl von sehr roher Fabrik, sind schwerlich, wie ziemlich allgemein angenommen wird, dem zweiten Könige dieses Namens, dessen Regierung in den Beginn des 3. Jahrhunderts fallen soll [sic], zu geben. Ihre Prägung datiert augenscheinlich aus späterer Zeit, und wird einem oder verschiedenen Pairisades zuzuschreiben sein, welche während des 2 Jahrh. regierten und für uns verschollen sind».

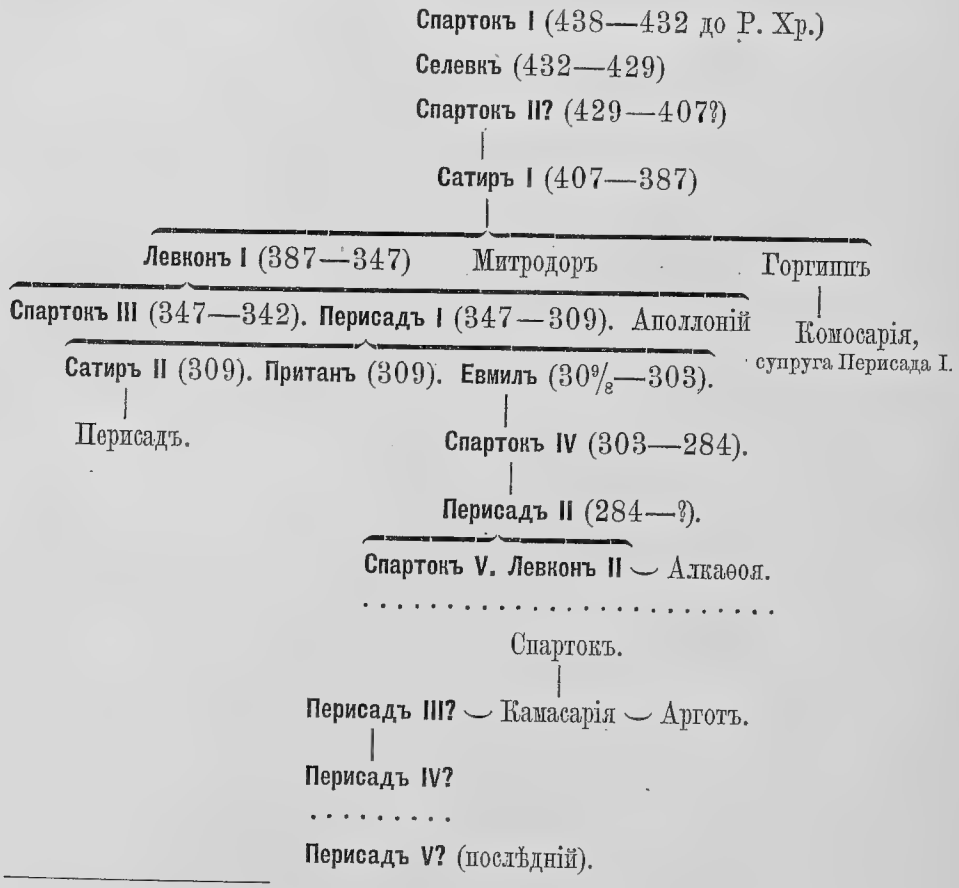
3) Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ.

4) Ср. стр. 3: «Personne ne doute plus que les monnaies au nom de *Paerisade* ne proviennent, non pas d'une seule personne, *mais de plusieurs ayant vecu pendant l'espace de 170 ans* et nous ayant laissé, outre les monnaies, des inscriptions».

5) Ср. Sallet, ук. соч. стр. 231: «Es ist bei der steten Wiederholung der Namen Leuco, Spartocus, Paerisades schwer, die oben besprochenen Münzen irgend wie sicher zuzu-

доказали Кёлеръ, Заллетъ, Орѣшниковъ, Подшиваловъ и др., а именно, что ни одна изъ этихъ монетъ не можетъ быть отнесена къ IV вѣку до Р. Хр. и приписана Левкону I или Перисаду I. Но было ли послѣ Левкона I два царя съ этимъ именемъ, отъ которыхъ монеты сохранились, или одинъ? Монета съ именемъ Спартока должна-ли быть отнесена къ Спартоку IV, V или VI? Сколько было царей съ именемъ Перисада, отъ которыхъ сохранились монеты? Эти и подобные этимъ вопросы въ настоящее время еще не могутъ быть разрѣшены. По этой причинѣ мы предпочли коснуться этихъ монетъ отдѣльно, чѣмъ приписывать извѣстныя монеты извѣстнымъ царямъ.

Для поясненія того, что мы вкратцѣ изложили о воспорскихъ Спартокидахъ, на основаніи извѣстій писателей и надписей, прилагаемъ генеалогическую таблицу.



theilen; nur das scheint mir gewiss, dass keine derselben auch nur annähernd an Alexanders des Grossen Zeit hinanreicht». Орѣшниковъ, Zur Münzk. стр. 11: «Eine chronologische Ordnung unter ihnen [den Münzen] herzustellen, ist bis jetzt unmöglich gewesen» etc. Ср. также Th. Reinach въ *Revue numism.* т. VI (1888), стр. 594.

Извѣстно, что Лукіанъ Самосатскій въ *Токсаридѣ* (§§ 44—54) разсказываетъ о двухъ Воспорскихъ царькахъ, Левканорѣ и Эвіотѣ. Нѣкоторые ученые причисляли этихъ царьковъ къ Спартокидамъ; но Бекъ основательно указалъ на то, что упоминаніе въ разсказѣ Лукіана объ Аланахъ заставляетъ относить ихъ ко времени болѣе позднему, и, слѣдуя Кари и Состини, помѣстилъ ихъ около времени М. Аврелія Антонина, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, имъ нѣтъ мѣста. Такъ какъ, кромѣ Лукіана, о нихъ не упоминаютъ ни писатели, ни надписи, и такъ какъ нѣтъ монетъ съ полными ихъ именами [1]), то мы скорѣе согласны съ тѣми учеными, которые считаютъ этихъ царьковъ вымышленными Лукіаномъ [2]).

§ 2. Отъ Миѳридата VI до Рискупорида I.

Миѳридатъ VI Евпаторъ сперва, повидимому, управлялъ Херсонисомъ Таврическимъ посредствомъ намѣстниковъ [3]). Жители полуострова вмѣстѣ съ жителями Синдики, по свидѣтельству Страбона (VII, p. 311), въ видѣ дани ежегодно давали ему 180,000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра. Но когда могущество Миѳридата подъ конецъ первой его войны съ Римлянами было поколеблено, Воспоряне отъ него отложились (Апп. *Mithr.* 64). Усмиривъ это возстаніе уже послѣ второй войны съ Римлянами, онъ приблизительно въ 79 г. до Р. Хр. передалъ управленіе Воспоромъ своему сыну Махару (Апп. ibid. 67).

---

1) Монеты съ монограммой ΒΑΕ, которыя приписывались Эвіоту, Орѣшниковъ въ соч. Zur Münzk. des Cimm. Bosporus, стр. 12 сл., весьма правдоподобно отнесъ къ Миѳридату VI Евпатору. (Ср. его же статью въ *Annuaire de la société de numismatique* 1889 г. Кромѣ того, A. von Sallet въ *Zeitschr. f. Numism.* т. XI, стр. 349, и Chr. Giel, Ueber die Bospor. Münzen mit den Monogrammen ΒΑΕ etc., St.-Petersb. 1884 г. = *Труды VI археолог. съѣзда*, т. II, стр. 104 сл.).

2) A. Chabouillet издалъ въ *Mém. de la société des antiquaires de France* 3 сер. т. IX (1866 г.) золотую монету съ именемъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ, который, по его мнѣнію, былъ какой-то ѳракійскій или скиѳскій династъ. Imhoof-Blumer, Porträtk., стр. 35, помѣщая его между воспорскими царями II вѣка до Р. Хр., замѣтилъ слѣдующее: «Der Kopf dieses bis jetzt einzigen Staters scheint nicht Porträt, sondern eine Nachbildung des Alexanderkopfes der Lysimachosmünzen zu sein. Bild und Symbol der Kehrseite und die Fabrik sind beinahe identisch mit denjenigen der Stater des Pairisades besseren Styls, so dass die Annahme, Akas sei ein Vorgänger oder Nachfolger dieses Pairisades gewesen, mehr Wahrscheinlichkeit für sich hat, als Chabouillets Vorschlag, die Münze einem thrakischen oder skythischen Dynasten zuzuschreiben». Блюмеру слѣдуетъ и Barclay V. Head, Historia numorum (Lond. 1887), стр. 430. Я не рѣшаюсь разбирать, насколько вѣрно ихъ мнѣніе.

3) Подобно тому какъ и въ Колхидѣ, ср. Страв. XI, p. 498: Αὐξηθέντος δὲ ἐπὶ πολὺ Μιθριδάτου τοῦ Εὐπάτορος εἰς ἐκεῖνον ἡ χώρα [sc. Κολχίς] περιέστη. ἐπέμπετο δ' ἀεί τις τῶν φίλων ὕπαρχος καὶ διοικητὴς τῆς χώρας.

Трудно рѣшить, какой титулъ носилъ Махаръ; Аппіанъ однажды (гл. 78) называетъ его архонтомъ и два раза—царемъ (гл. 67 и 83). Плутархъ (*Сулла*, гл. 11) говоритъ, что Махаръ спокойно удерживалъ старинную власть въ Понтѣ и Воспорѣ вплоть до пустынныхъ странъ за Меотидой. Однако онъ, какъ кажется, до третьей войны Миѳридата съ Римлянами подчинялся власти отца. Когда же Миѳридатъ былъ побѣжденъ Лукулломъ и обратился за помощью къ Махару, то послѣдній, опасаясь могущества Римлянъ, заключилъ дружбу съ Лукулломъ[1]). Потомъ, при приближеніи Миѳридата къ Воспору, Махаръ отправилъ къ отцу пословъ, чтобы вымолить у него прощеніе; но вскорѣ, потерявъ на это всякую надежду, онъ убѣжалъ въ Херсонисъ и тамъ или кончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ разсказываетъ Аппіанъ, или былъ умерщвленъ по приказу отца, какъ свидѣтельствуютъ Діонъ Кассій и Оросій[2]), въ 65 г. до Р. Хр. Спустя два года и самъ Миѳридатъ въ Пантикапеѣ, когда Фанагорія и другіе Воспорскіе города, да и самъ Фарнакъ, любимѣйшій изъ его сыновей, отложились отъ него, наложилъ на себя руки изъ боязни быть выданнымъ Римлянамъ[3]).

Сохранилось весьма много монетъ отчасти съ полнымъ именемъ Миѳридата, отчасти съ монограммами; ихъ послѣ многихъ другихъ ученыхъ собрали и описали Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, стр. 220—228, Подшиваловъ ук. соч. стр. 12, сл., Th. Reinach, Essai sur la numismatique des rois de Pont (Dynastie des Mithridate), Paris. 1888[4]). Большая часть монетъ помѣчена годами Понтійской эры, которую приняли позднѣйшіе цари Воспора, начиная съ Миѳридатова сына Фарнака. Для выясненія вопроса, откуда беретъ свое начало понтійское лѣтосчисленіе, наибольшія услуги оказали Кари и Фрёлихъ, соображенія которыхъ изложилъ Іосифъ Эккель[5]) въ слѣдующихъ словахъ: „[Caryus et Frölichius] in eo consensere, epocham Bosporanam ducendam ab autumno U. C. 457. Sententiam suam stabilivere consensu numorum plurium, qui Vaillantio

---

1) Мемн. XVI, 54; Апп. *Mithr.* 78 и 83; Плут. *Luc.* 24.

2) Апп. ibid. 102; Діонъ Касс. 36, 50; Орос. VI, 5.

3) Апп. ibid. 107—111; Діонъ Касс. 37, 11—13; Орос. ibid. Вообще о Миѳридатѣ см. P. S. Frandsen, Mithridates VI Eupator, König von Pontus, 1 Buch. Altona 1847; Hertzberg, Geschichte Griechenlands unter d. Herrschaft d. Römer, т. I, стр. 340 сл.; E. Meyer, Gesch. d. Königreichs Pontos. [Th. Reinach, Mithridate Eupator roi de Pont, Par. 1890; ins deutsche übertragen von A. Goetz. Leipzig 1895; М. И. Ростовцевъ, Миорадатъ Понтійскій и Ольвія. *Изв. И. Арх. Комм.* в. 23 (1907), стр. 21—27].

4) Отд. оттискъ изъ *Revue numismatique*, т. VI (1888 г.).

5) Doctrina numorum veterum, т. II (Вѣна 1794), стр. 381.

aliisque ignoti fuere, et quorum denique indicio exordium illud revocari amplius in dubium non potest. Numi post horum conatus detecti tantum abest, ut oraculi veritatem elevent, ut eam etiam praeclare confirment. Exordium illud ab anno U. C. 457 invicte stabilit annus ΓΙϒ. 413, qui idem est in numo pridem cognito Sauromatae II cum capite Hadriani, et idem in numo eiusdem Sauromatae II cum capite Trajani recens reperto a Pellerinio. Ex utriusque huius numi testimonio liquet annum Bosporanum 413 fuisse eum ipsum, quo mortuus est Trajanus et successit Hadrianus. Factum ilud circa medium Augustum U. C. 870. P. X. 117. Ab hoc si auferamus annos 413, remanebit pro aerae exordio annus U. C. 457... Iidem viri praestantes Caryus et Frölichius in eo etiam conspiravere, quod verisimile iis visum eandem esse aeram Bosporanam cum Pontica, seu ea, quam reges Ponti Mithridates V. et VI. numis suis incripsere... Horum virorum iudicio si stare lubet, quaeri rursum potest, utrum Bosporani a Ponto, an Pontici a Bospоro aeram sint mutuati? Verisimilius censet Caryus a Mithridate VI. Ponti rege in Borporum recens acquisitum aeram Ponticam illatam et a magno hoc rege ibi stabilitam a successoribus retentam fuisse. Quae fuerit causa constitutae in Ponto U. C. 457 epochae, deficientibus eius aetatis monumentis non constat. Varia coniecerunt Frölichius et Caryus, quin tamen ipsi suis coniecturis satisfacerent".

Этому мнѣнію Фрёлиха и Кари, одобренному Эккелемъ, слѣдуютъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи, такъ какъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ причинъ сомнѣваться въ его вѣрности. Лишь недавно Теодоръ Ренакъ обратился къ вопросу, уже затронутому Эккелемъ, а именно, что легло въ основу Понтійскаго лѣтоисчисленія[1]). Онъ, такъ какъ въ самомъ Понтѣ въ 297 году до Р. Хр. не произошло ничего столь важнаго, чтобы съ этого года вести новое лѣтоисчисленіе, по моему мнѣнію, довольно правдоподобно рѣшилъ, что Понтійскіе цари заимствовали свою эру изъ сосѣдней Виѳиніи, гдѣ въ этомъ году Зипитъ принялъ царскій титулъ. Названія мѣсяцевъ въ этомъ лѣтосчисленіи были македонскія.

Въ сохранившихся до настоящаго времени Воспорскихъ надписяхъ это лѣтосчисленіе впервые появляется при Полемонѣ II (n° 400). Что касается до Махара, то имя его до сихъ поръ не найдено ни въ надписяхъ, ни на монетахъ.

---

1) Essai sur la numismatique des rois de Bithynie (extrait de la *Revue numism.* 1887), Par. 1888, стр. 44 сл.—Ср. его же Essai sur la numism. des rois de Pont, стр. 38.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ современныхъ нумизматовъ думаютъ, что къ нему могутъ быть пріурочены нѣкоторыя монеты съ монограммами [1]), но такое мнѣніе не имѣетъ за себя прочныхъ данныхъ.

По смерти Миѳридата сынъ его Фарнакъ просилъ Помпея дозволить ему владѣть всѣмъ отцовскимъ царствомъ или, по крайней мѣрѣ, Воспоромъ. Помпей, хотя и далъ ему названіе друга и союзника Римскаго народа, однако предоставилъ ему одинъ только Воспоръ, исключивъ даже Фанагорійцевъ, которымъ онъ даровалъ свободу, такъ какъ они первые отложились отъ Миѳридата и, подавъ этимъ примѣръ другимъ, были виновниками гибели царя [2]). Воспорское царство въ то время было, повидимому, гораздо обширнѣе, чѣмъ во время Спартокидовъ: на европейскомъ берегу оно обнимало всю Таврику съ городомъ Херсонисомъ включительно (Страв. VII, p. 309), а въ Азіи предѣлы его, повидимому, раздвинулись до города Танаида (Страв. XI, p. 493). Не долго, однако, Фарнакъ довольствовался Воспорскимъ царствомъ. Во время междоусобій между Цезаремъ и Помпеемъ онъ, находя, что ему представился удобный случай возвратить себѣ все отцовское царство, сперва подчинилъ своей власти жителей Фанагоріи [3]), а потомъ, поручивъ власть надъ Воспоромъ нѣкоему Асандру, самъ черезъ Колхиду вторгся въ Понтъ, подчинилъ его своей власти, отнялъ у Римлянъ городъ Амисъ и вступилъ въ Виѳинію. Между тѣмъ оставленный въ Воспорѣ Асандръ поднялъ возстаніе, надѣясь черезъ это пріобрѣсти благосклонность Римлянъ и получить Воспорское царство. Фарнакъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, двинулся обратно въ Воспоръ, но послѣ пораженія, нанесеннаго ему Цезаремъ у города Зелы 2 августа 707 года отъ осн. Рима, бѣжалъ въ Синопу. Вымоливъ тамъ у Римлянъ миръ, онъ возвратился моремъ въ Таврику. Собравъ здѣсь полчища Скиѳовъ и Савроматовъ, онъ овладѣлъ Ѳеодосіею и Пантикапеемъ, но скоро въ сраженіи, даннымъ ему Асандромъ, былъ убитъ пятидесяти лѣтъ отъ роду (въ 47 г. до Р. Хр.), послѣ 15-лѣтняго царствованія [4]).

---

1) См. объ этомъ Орѣшниковъ, Zur Münzk. стр. 11 и Каталогъ собранія древностей гр. Уварова, вып. VII (М. 1887), стр. 60 и 76; Бурачковъ, Общій катал. мон. стр. 230; Chr. Giel, *Труды VI археолог. съѣзда* т. II, стр. 108 и Kleine Beiträge zur ant. Numismatik Südrusslands, стр. 27; A. von Sallet въ *Zeitschr. f. Numism.* т. XI, стр. 349.

2) Апп. *Mithr.* 113. Діонъ Кассій 37, 14.

3) Въ это время, быть можетъ, онъ сдѣлалъ то, о чемъ разсказываетъ Страбонъ XI, p. 495 (см. выше, стр. 66).

4) Апп. *Mithr.* 120, *de b. civ.* II, 91; Плут. *Caes.* 50; А. Гирц. *de b. Alex.* 69—76; Діонъ Кассій 52, 46 и 47. О монетахъ Фарнака (Βασιλέως βασιλέων μεγάλου Φαρνάκου) см. Koehler,

По смерти Фарнака Цезарь поручилъ веденіе войны въ Воспорѣ противъ Асандра Миѳридату Пергамскому. Стравонъ передаетъ (XIII, p. 625), что этотъ Миѳридатъ былъ сыномъ нѣкоего Минодота и Адовогіониды, происходившей изъ рода Галатскихъ тетрарховъ и, какъ гласила молва, бывшей наложницей царя Миѳридата, почему ея родственники и дали ребенку имя Миѳридата, какъ бы сыну царя. Впрочемъ, А. Гирцій (*b. Alex.* 78) прямо говоритъ, что Миѳридатъ Пергамскій происходилъ изъ царскаго рода и былъ воспитанъ по-царски. Цезарь за важныя услуги, оказанныя въ Александрійской войнѣ (объ этомъ см. А. Гирція *b. Alex.* гл. 26), далъ ему тетрархію въ Галатіи, а потомъ поставилъ его царемъ въ Воспорѣ, бывшемъ подъ властью Фарнака, и приказалъ начать войну съ Асандромъ за то, что послѣдній поступилъ вѣроломно съ своимъ другомъ (т. е. Фарнакомъ). Но Асандръ легко его побѣдилъ и самъ овладѣлъ Воспорскимъ царствомъ [1]). У древнихъ писателей мы находимъ очень мало извѣстій объ Асандрѣ. У Діона Кассія (LIV, 24) читаемъ, что онъ былъ женатъ на Динаміи (Δύναμις), дочери Фарнака, которой Асандръ передъ смертью и передалъ царство [2]). Дѣйствительно, Асандръ вмѣстѣ съ Динаміей упоминаются въ надп. n° 25. Въ сочиненіи Μακρόβιοι, приписываемомъ Лукіану Самосатскому, въ гл. 17 разсказывается, что Асандръ императоромъ Августомъ былъ изъ этнарха (ἐθνάρχης) объявленъ царемъ Воспора и что онъ до глубокой старости никому не уступалъ въ пѣшемъ и конномъ бою. Стравонъ (VII, p. 311) со словъ писателя Ипсикрата передаетъ, что Асандръ, желая положить предѣлъ набѣгамъ

Ges. Schr. т. II, стр. 218 сл.; Кене, Опис. муз. кн. Кочубея, т. II, стр. 138; Бурачковъ Общій катал. монетъ, стр. 228 сл.; Head, Hist. numorum, стр. 429.

Примѣчаніе. Въ 1882 году E. Muret въ *Bull. de corr. hell.* т. VI стр. 211 издалъ серебряную монету съ именемъ архонта Игіэнонта (ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ). Muret старается доказать, что этотъ Игіэнонтъ, о которомъ болѣе нѣтъ нигдѣ упоминанія, былъ воспорскимъ династомъ, современникомъ Миѳридата Евпатора. Въ число преемниковъ Миѳридата его приняли Imhoof-Blumer, Porträtk. стр. 36, и Head, Hist. num. стр. 429. Орѣшниковъ, издавъ кирпичъ съ такою же надписью (у Гиля, Kl. Beitr. стр. 41), также утверждаетъ, что Игіэнонтъ былъ воспорскимъ архонтомъ. Но такъ какъ еще неизвѣстно, когда жилъ и кому наслѣдовалъ Игіэнонтъ, то я считаю достаточнымъ упомянуть о немъ только здѣсь. [Ср. ниже замѣчаніе въ концѣ статьи «Къ исторіи Воспорскаго царства. II»].

1) Страв. XIII, p. 625; Діонъ Касс. 42, 48. О происхожденіи Асандра писатели ничего не говорятъ. Нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ думаютъ, что онъ происходилъ изъ Спартокидовъ: см. кн. Сибирскій, *Зап. Одесск. Общ.* т. X, стр. 56 сл.; Бурачковъ, Общій кат. мон. стр. 230.

2) О времени вступленія въ бракъ Асандра съ Динаміей см. замѣчанія Заллета въ соч. указ. ниже (стр. 98, прим. 2), стр. 6, прим. 8.

Скиѳовъ на полуостровъ, на перешейкѣ со стороны Мэотиды построилъ стѣну длиною въ 360 стадій, укрѣпивъ ее башнями черезъ каждый стадій; въ другомъ мѣстѣ Страбонъ (XI, p. 495) замѣчаетъ, что царство Асандра, подобно царству Фарнака и Полемона, простиралось до Танаида. Послѣ долгаго царствованія нѣкто Скрибоній, выдававшій себя за внука Миѳридата VI, началъ съ нимъ войну; когда Асандръ увидѣлъ, что въ сраженіи его воины перебѣгаютъ къ Скрибонію, то уморилъ себя голодомъ на 93 году отъ рожденія (Лук. *Macr.* ук. м.). Скрибоній женился на вдовѣ его Динаміи и овладѣлъ царствомъ, утверждая, что получилъ его отъ Августа. Случилось это, по свидѣтельству Діона Кассія, въ 740 году отъ основанія Рима.

Извѣстія писателей объ Асандрѣ пополняются длиннымъ рядомъ золотыхъ и мѣдныхъ монетъ съ именемъ Асандра. Послѣ Келера и Кёне[1]) о нихъ писали Заллетъ, Ваддингтонъ, Бурачковъ, Гиль, Орѣшниковъ и другіе[2]). Изъ монетъ видно, что Асандръ нѣкоторое время былъ въ Воспорѣ архонтомъ, а потомъ царемъ; этимъ подтверждается свидѣтельство Лукіана, ибо титулъ ἐθνάρχης по значенію почти тожественъ съ титуломъ ἄρχων (т. е. τῶν ἐθνῶν). Кромѣ имени Асандра, на монетахъ отмѣчены годы, начиная съ перваго (А) до двадцать девятаго (ΘΚ). Ученые давно уже убѣдились, что на монетахъ ведется счетъ годовъ правленія Асандра; но только Заллетъ первый подтвердилъ надежными аргументами, что годы *царствованія* Асандра считаются не съ перваго, а съ четвертаго, на монетахъ же съ годами А, В, Г, Δ начертано имя *архонта* Асандра; отсюда слѣдуетъ, что Асандръ былъ провозглашенъ царемъ на четвертомъ году послѣ того, какъ получилъ власть. Спрашивается теперь, съ котораго же года началъ править Воспоромъ Асандръ? Для опредѣленія этого года весьма важна единственная, извѣстная намъ, золотая монета[3]), выпущенная въ 281 году Восп. эры

---

1) Koehler, Gesamm. Schriften, т. II, стр. 71 сл.; Кене, Опис. муз. кн. Кочубея, II, стр. 160 сл.

2) A. von Sallet, Beiträge zur Geschichte und Numism. der Könige des Cimmer. Bosporus und des Pontus etc., Berl. 1866. — Waddington въ *Revue numism.* т. XI (1866), стр. 417 сл.—Бурачковъ, Общій кат. мон. стр. 230 сл.—Giel, Kleine Beiträge zur ant. Numism. Südrusslands, стр. 10 сл.—Орѣшниковъ, *Annuaire de la soc. de numism.* 1888 г. и Катал. древн. Уварова, VII, стр. 62 сл. [W. Voigtius, Symbolae ad regum sociorum populi Romani cognitionem cognoscendam. Fasc. I. De Asandro Bospori rege. Кіевъ. 1894].

3) Longpérier, Médaille d'or inédite de Dynamis, reine de Pont, Par. 1843; Кене, Опис. муз. кн. Кочубея, II, стр. 156; Sallet, Beitr. стр. 15; Бурачковъ, Общій кат. мон. стр. 235; Орѣшниковъ, Катал. древн. Ув. стр. 68. Монета находится въ собраніи графа Уварова.

царицей Динаміей (ΒΑΣΙΛΙΣΣΗς ΔΥΝΑΜΕΩΣ ΑΠΣ). Такъ какъ весьма мало вѣроятно, чтобы Динамія при жизни мужа отдѣльно чеканила монеты, то должно признать вмѣстѣ съ Заллетомъ, что въ 281 году Восп. эры (= 737/8 осн. Р., 17—16 до Р. Хр.) Асандра уже не было въ живыхъ. Правда, до Заллета всѣ ученые, основываясь на свидѣтельствѣ Діона Кассія (54, 24), полагали, что Асандръ умеръ въ 740 году отъ осн. Р.; но Заллетъ остроумно доказалъ, что это свидѣтельство Діона Кассія нисколько не мѣшаетъ намъ принять за годъ смерти Асандра 737-й[1]). Если же мы изъ 737/8 года вычтемъ 29 лѣтъ, то получимъ 708/9 годъ, въ которомъ Асандръ принялъ титулъ архонта, и приблизительно 712-й, какъ годъ провозглашенія его царемъ. Таковы вычисленія Заллета, (Beitr. стр. 32 сл.), которыя, однако, никому не показались убѣдительными, кромѣ г. Гиля. Ваддингтонъ полагаетъ, что Асандръ уже въ 707 году, тотчасъ по смерти Фарнака, сдѣлался архонтомъ, въ 710 году, по смерти Цезаря, принялъ царскій титулъ, а въ 737/8 г. умеръ. Съ Ваддингтономъ почти согласенъ Т. Моммзенъ[2]), исключая того, что, по его мнѣнію, Асандръ провозгласилъ себя царемъ съ согласія Цезаря въ 709/10 году. Иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Орѣшниковъ, основываясь главнымъ образомъ на слѣдующихъ трехъ аргументахъ: 1) Лукіанъ прямо говоритъ, что Октавіанъ, а не Цезарь, далъ Асандру царскій титулъ[3]); 2) при жизни Цезаря, побѣдивъ его друга Миѳридата Пергамскаго, Асандръ едва-ли бы дерзнулъ открыто называть себя архонтомъ; 3) наконецъ, на монетахъ Асандра, помѣченныхъ годомъ Г, находится изображеніе М. Антонія, помѣщеніе котораго на монетахъ раньше прибытія Антонія въ Азію въ концѣ 712 года мало вѣроятно. Итакъ, по мнѣнію г. Орѣшникова, Асандръ въ исходѣ 710 (или въ началѣ 711) года принялъ имя архонта, утвержденное за нимъ Октавіаномъ, въ исходѣ 713 (или въ началѣ 714) года М. Антоній

1) Beitr. стр. 17: «Aus diesen Worten des Dio haben Eckhel, Visconti und ihre Nachfolger sämmtlich herausgelesen, dass Asander im Jahr 740 gestorben sei und dass der Aufstand des Scribonius, Asanders Tod und die Einsetzung Polemo's durch Agrippa zusammen in dasselbe Jahr fielen. Bei Dio steht aber nur, dass die Ernennung Polemo's zum Könige des Bosporus in diesem Jahre stattfand, Scribonius' Aufstand und Asanders Tod berichtet er als etwas früher Geschehenes ohne Angabe der Zeit. Ja aus dem Zusatze: ἐπειδήπερ ὁ Ἄσανδρος ἐτεθνήκει... τὴν Δύναμιν... τὴν ἀρχὴν παρὰ τοῦ ἀνδρὸς ἐπιτετραμμένην scheint sogar hervorzugehen, dass Dynamis bereits einige, wenn auch noch so kurze Zeit selbständig geherrscht habe, ehe sie den Empörer Scribonius heirathete».

2) Röm. Geschichte, т. V, стр. 287.

3) Надпись 25, гдѣ Асандръ называется φιλορώμαιος, доказываетъ, что царскій титулъ за нимъ былъ утвержденъ Римлянами.

утвердилъ за нимъ царскій титулъ, а въ $738/_9$ г. Асандръ умеръ. Съ этими соображеніями, при всемъ ихъ остроуміи, нельзя вполнѣ согласиться: отъ вниманія почтеннаго изслѣдователя ускользнуло, во-первыхъ, то обстоятельство, что 281 годъ Восп. эры, въ которомъ Динамія отчеканила свою монету, безъ всякаго сомнѣнія, уже послѣ смерти своего мужа, соотвѣтствуетъ не $738/_9$ г. осн. Р., а $737/_8$; во-вторыхъ, Лукіанъ ясно свидѣтельствуетъ, что Августъ (т.-е. Октавіанъ) провозгласилъ Асандра уже царемъ, а не архонтомъ. Все это мы изложили съ такой подробностью главнымъ образомъ для того, чтобы читатели видѣли, что годы правленія Асандра учеными опредѣляются не одинаково и что доселѣ нѣтъ возможности опредѣлить ихъ съ полной точностью, ибо мы не знаемъ навѣрное, въ томъ ли самомъ году умеръ Асандръ, въ которомъ выпустила свою монету Динамія, или въ предыдущемъ, да притомъ и монеты не указываютъ, полныхъ ли 29 лѣтъ онъ правилъ, или меньше. Достовѣрно одно, что правленіе Асандра заключается между $707/_8$ — $737/_8$ годами отъ осн. Р., $47/_{46}$ — $17/_{16}$ до Р. Хр.

По смерти Асандра нѣсколько времени царствовала одна его вдова Динамія, какъ доказываетъ ея монета, выбитая въ 281 году Восп. эры, о которой мы сказали выше. Но скоро Скрибоній, ложно прикрываясь авторитетомъ Августа, овладѣлъ Воспорскимъ царствомъ и женился на Динаміи[1]). Въ 740 году Р. (14 до Р. Хр.) М. Випсаній Агриппа, стоявшій въ то время во главѣ римскихъ легіоновъ въ Сиріи, послалъ воевать съ Скрибоніемъ Полемона, сына ритора Зинона изъ Лаодикіи, правившаго одной частью Понта, которая потомъ по его имени была названа Понтомъ Полемоновскимъ[2]). Полемонъ однако не засталъ уже Скрибонія въ живыхъ, такъ какъ Воспоряне, получивъ извѣстіе объ его походѣ и узнавъ объ обманѣ Скрибонія, убили послѣдняго. Но они не захотѣли подчиниться и Полемону и хотя потерпѣли пораженіе, но всетаки только тогда признали его царемъ, когда Агриппа прибылъ въ Синопу съ намѣреніемъ открыть противъ нихъ войну[3]). Овладѣвъ царствомъ, Полемонъ по желанію Августа также

1) Такъ какъ извѣстно, что Динамія нѣкоторое время правила одна, то, на нашъ взглядъ, вѣрнѣе разсказъ Діона Кассія, что Скрибоній прибылъ въ Воспоръ уже послѣ смерти Асандра, чѣмъ разсказъ Лукіана, по словамъ котораго Скрибоній велъ войну съ самимъ Асандромъ.

2) [Къ 15 году до Р. Х. относитъ этотъ фактъ W. Voigtius, Quo anno Agrippa expeditionem Bosporanam fecerit, въ *Griech. Studien für H. Lipsius*, Leipz. 1894, стр. 134].

3) Страв. XII, p. 578. Діонъ Кассій LIV, 24. Орос. VI, 21. О Полемонѣ вообще см. Sallet, Beitr. стр. 34 сл. и Mommsen въ Ephem. epigr. I, стр. 270 сл., II, стр. 259.

женился на Динаміи. Тогда-то, вѣроятно, Динамія посвятила въ Фанагоріи статую (на пьедесталѣ которой начертана надпись n° 354) Августу, какъ своему спасителю, потому что бракъ съ Полемономъ сохранилъ за нею царство [1]).

Сколько лѣтъ царствовалъ въ Воспорѣ Полемонъ I, навѣрное неизвѣстно [2]). Изъ Страбона мы знаемъ, что второй его женой (на которой онъ женился, вѣроятно, послѣ смерти Динаміи) была Пиѳодорида, дочь Пиѳодора изъ Траллъ, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей и дочь и которая наслѣдовала ему въ Понтѣ (Страв. XII, p. 556). Онъ же (XI, p. 499) разсказываетъ, что Полемонъ покорилъ Колховъ, по присоединеніи которыхъ его царство простиралось отъ Трапезунта до устья Танаида. Не желалъ подчиниться его власти городъ Танаидъ, который, какъ разсказываетъ Страбонъ (XI, p. 493), былъ „ἐμπόριον κοινὸν τῶν τε Ἀσιανῶν καὶ τῶν Εὐρωπαίων νομάδων καὶ τῶν ἐκ τοῦ Βοσπόρου τὴν λίμνην πλεόντων; τῶν μὲν ἀνδράποδα ἀγόντων καὶ δέρματα καὶ εἴ τι ἄλλω τῶν νομαδικῶν, τῶν δ'ἐσθῆτα καὶ οἶνον καὶ τἆλλα ὅσα τῆς ἡμέρου διαίτης οἰκεῖα ἀντιφορτιζομένων. Полемонъ взялъ городъ и разрушилъ его до основанія. Еще во время Плинія Танаидъ лежалъ въ развалинахъ (N. h. VI, 7); но изъ надписей видно (см. ниже), что онъ былъ потомъ возстановленъ во II и III в. по Р. Хр. и процвѣталъ въ теченіе нѣкотораго времени.

Ко времени этого же Полемона, какъ кажется, относится появленіе въ Воспорѣ новаго имени города — „*Агриппія Кесарія*“. У писателей нигдѣ не упоминается такое названіе, но оно встрѣчается въ трехъ надписяхъ, найденныхъ на Таманскомъ полуостровѣ (nn° 356, 360, 363), и на мѣдныхъ монетахъ, которыя довольно часто встрѣчаются на обоихъ берегахъ Воспора и давно уже извѣстны [3]). Одинъ видъ монетъ даетъ имя ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ, другой — ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ. Первыя монеты прежде пріурочивались обыкновенно къ Аѳидону или Агриппіадѣ

---

1) [Другая подобная надпись найдена въ 1895 г. въ Керчи и издана нами въ IosPE. IV, № 201. Въ 1896 г. въ мѣстности древней Фанагоріи найденъ пьедесталъ съ подобною же надписью въ честь Ливіи, супруги Августа. См. ibid. № 420].

2) Изъ новыхъ писателей Кёне (Оп. муз. кн. Коч. II, стр. 169 сл.) относитъ смерть Полемона къ 1-му году до Р. Хр., Григорьевъ (Россія и Азія, стр. 366) — скорѣе ко 2-му, Sallet (Beitr. стр. 67 и 78)—къ 8 году по Р. Хр., Waddington (*Revue num.* 1866, стр. 423)— къ 8 году до Р. Хр., также и Imhoof-Blumer (Porträtk. стр. 35 сл.); Бурачковъ — ко 2 г. до Р. Хр. (*Тр. Московск. археолог. общ.* X, стр. 64) или къ 9 (Общій кат. мон. стр. 235). Моммзенъ сперва (Gesch. d. Röm. Münzw. стр. 702) относилъ смерть Полемона къ 8 г. по Р. Хр., потомъ (Eph. epigr. II, стр. 259) къ 8-му г. до Р. Хр.

3) Описаніе ихъ въ наше время дали: J. Friedlaender въ *Numism. Zeitschrift*, herausgeg. von Huber und Karabacek, т. II (Wien 1870), стр. 280 сл., Бурачковъ, Кат. мон. стр. 178, Орѣшниковъ, Кат. древн. Ув. стр. 71.

Іудейской, вторыя—къ Кесаріи Виѳинской или Траллamъ Лидійскимъ. Но когда въ 1830 году на Таманскомъ полуостровѣ былъ найденъ камень, поставленный властями Ἀγριππέων Καισαρέων въ честь М. Аврелія Андроника и его сына Александра (n° 363), то уже Стемпковскій, первый издавшій эту надпись, высказался, что монеты эти должны принадлежать Фанагоріи; этому мнѣнію послѣдовалъ и Бёкъ въ C. I. Gr. II, стр. 163. Въ 1859 году на мѣстѣ древней Фанагоріи была найдена другая надпись (n° 356) на памятникѣ, поставленномъ въ честь Динаміи гражданами города, отъ имени котораго сохранились только три буквы ΠΕΩ. Стефани при изданіи этой надписи допустилъ возможность возстановить имя [Γοργιπ]πέω[ν]; но въ такомъ случаѣ трудно было бы объяснить, почему жители Горгиппіи поставили памятникъ царицѣ не въ своемъ городѣ, и поэтому ему казалось болѣе вѣроятнымъ, что надпись принадлежитъ Агриппейцамъ. Мнѣніе это принялъ и подтвердилъ новыми аргументами Гёрцъ [1]). Въ 1870 году Фридлендеръ, вновь изслѣдовавъ монеты Агриппейцевъ и Кесарійцевъ, пріурочилъ ихъ къ Фанагоріи. Наконецъ, я самъ въ 1883 году нашелъ вблизи древней Фанагоріи камень съ надписью, поставленною въ моемъ собраніи подъ n° 360, гдѣ въ 6 строкѣ хорошо читается ΟΔΗΜΟ·ΟΑΓΡΙΠ. Если сопоставить всѣ эти данныя, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ существованіи на Таманскомъ полуостровѣ города съ именемъ Агриппіи или Агриппіи Кесаріи. Но такъ какъ его имя впервые встрѣчается въ надписи въ честь Динаміи, то весьма легко возникаетъ предположеніе, высказанное впервые Бёкомъ, что городъ сталъ называться этимъ именемъ въ то время, когда М. Агриппа поставилъ Полемона царемъ Воспора, въ честь самого Агриппы и Цезаря Октавіана. А такъ какъ камни съ именемъ Агриппейцевъ были найдены на Таманскомъ полуостровѣ и притомъ въ сосѣдствѣ съ древней Фанагоріей, то, на мой взглядъ, вполнѣ вѣроятно мнѣніе Стемпковскаго и Бёка, что имя „Агриппія Кесарія“ дано было не новому какому-нибудь городу, а Фанагоріи. Надпись М. Аврелія Андроника доказываетъ, что это имя было въ употребленіи до IV в. по Р. Хр. [2]).

О смерти Полемона у Страбона (XI, p. 495) читаемъ слѣдующее: «Τῶν Μαϊτῶν... δ'εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοὶ μεταξὺ Φαναγορείας οἰκοῦντες καὶ Γοργιπίας

1) Сочиненія Стефани и Герца указаны въ заголовкѣ къ № 356.

2) [Неизвѣстно, къ этому-ли Полемону, или къ Полемону II относится найденная въ 1898 г. въ Херсонисѣ надпись IosPE. IV, 91, свидѣтельствующая о посылкѣ Херсонисцами вспомогательнаго отряда къ царю Полемону].

ἐν πεντακοσίοις σταδίοις, οἷς ἐπιθέμενος Πολέμων ὁ βασιλεὺς ἐπὶ προσποιήσει φιλίας οὐ λαθὼν ἀντεστρατηγήθη καὶ ζωγρίᾳ ληφθεὶς ἀπέθανε». То же самое болѣе кратко разсказывается въ кн. XII, p. 556: «Πυθοδωρὶς... γυνὴ ἐγένετο Πολέμωνος καὶ συνεβασίλευσεν ἐκείνῳ χρόνον τινά, εἶτα διεδέξατο τὴν ἀρχήν, τελευτήσαντος ἐν τοῖς Ἀσπουργιανοῖς καλουμένοις τῶν περὶ τὴν Σινδικὴν βαρβάρων». Быть можетъ удастся выяснить по догадкамъ, кто такіе были эти Аспургіаны. До времени Полемона они нигдѣ не упоминаются; потомъ встрѣчаются въ надписяхъ III вѣка по Р. Хр. (nn° 29, 430, 431) и, быть можетъ, у Птолемея (Geogr. V, 9, 17: Ἀστουρικανοί). Изъ Стравона приводитъ имя ихъ Стефанъ Византійскій (подъ сл.). Обитали они, очевидно, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Синдами, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ раньше жили Керкеты (см. выше стр. 65), среди тѣхъ народовъ, которые, по свидѣтельству самого Стравона (p. 495), подчинялись власти Воспорскихъ царей. Тѣмъ труднѣе объяснить, почему Полемонъ долженъ былъ дѣйствовать хитростью противъ Аспургіанъ и почему этотъ народъ не упоминается въ надписи 36 въ честь царя Аспурга, который, по свидѣтельству надписей и монетъ, царствовалъ въ первыя десятилѣтія I в. по Р. Хр. По этой надписи царь Аспургъ былъ сыномъ царя Асандроха, имя котораго, по согласному мнѣнію всѣхъ занимавшихся этой надписью, тожественно съ именемъ Асандра[1]). Замѣчательное соотвѣтствіе именъ Аспурга и народа Аспургіанъ заставляетъ насъ предполагать, что Аспургіаны не составляли особаго народа, отличнаго отъ Мэотовъ и пришедшаго извнѣ, а *были частью Мэотовъ и получили это имя оттого, что помогали царю Аспургу въ войнѣ его противъ Полемона.* Мнѣ кажется, дѣло слѣдуетъ объяснять такъ. По смерти Асандра Аспургъ, бывшій тогда еще мальчикомъ, не могъ наслѣдовать престолъ отца, и по этой причинѣ начала царствовать мать его Динамія. Потомъ прибылъ Скрибоній, котораго Воспоряне приняли, какъ внука Миѳридата, но вскорѣ, открывъ обманъ, убили; а такъ какъ у нихъ былъ законный наслѣдникъ престола (Аспургъ), то они не пожелали, какъ объ этомъ ясно говоритъ Діонъ Кассій, признавать своимъ царемъ и Полемона и не признали бы, если бы Агриппа не угрожалъ имъ войной. Тогда сама Динамія поневолѣ вышла замужъ за Полемона, такъ какъ видѣла, что ему помогаютъ Римляне, значеніе которыхъ на Востокѣ въ то время было весьма велико. Былъ ли

1) Монеты Аспурга имѣютъ Понтійскую эру, которою не пользовался Полемонъ; отсюда ученые выводятъ заключеніе, что Аспургъ происходилъ изъ рода Ахеменидовъ. Послѣ Аспурга уже всѣ Воспорскіе цари пользовались этой эрой.

Полемонъ по достиженіи власти расположенъ къ Аспургу, или нѣтъ, мы не знаемъ; но легко могло случиться, что по смерти матери уже взрослый Аспургъ, стремясь возвратить себѣ отцовское царство, сталъ искать помощи у сосѣднихъ народовъ, изъ коихъ тотъ, который жилъ между Фанагоріей и Горгиппіей, болѣе всего помогъ ему и потому получилъ названіе Аспургіанъ. Узнавъ объ этомъ возстаніи, Полемонъ изъ опасенія, чтобы и другіе народы не стали на сторону Аспурга, легко могъ принять личину дружбы, чтобы тѣмъ безопаснѣе одолѣть Аспурга; но враги разгадали его планы, взяли въ плѣнъ и лишили жизни. Такъ, по моему мнѣнію, легче всего объясняется разсказъ Страбона и Діона Кассія [1]), а также и то, что супруга Полемона Пиѳодорида была преемницей его только въ Понтѣ и Колхидѣ (Страб. XII p. 555), а не на Воспорѣ.

Итакъ, непосредственно за Полемономъ въ Воспорѣ царствовалъ, какъ кажется, Аспургъ. Такъ какъ въ надписи n° 36 онъ названъ φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, то отсюда можно заключить, что, достигнувъ власти силою оружія, онъ былъ утвержденъ на царствѣ однимъ изъ Римскихъ императоровъ. Изъ той же надписи мы узнаемъ, что Аспургъ властвовалъ надъ многими сосѣдними народами (въ числѣ ихъ не упоминаются Аспургіаны, безъ сомнѣнія по той причинѣ, что имя ихъ еще не вошло тогда во всеобщее употребленіе) и, покоривъ Скиѳовъ и Тавровъ, расширилъ предѣлы государства. Сколько времени онъ царствовалъ, еще не извѣстно навѣрное; недавно открытая надпись (n° 364) сообщаетъ намъ только то, что онъ былъ царемъ въ 313 г. Воспор. эры (16—17 по Р. Хр.). Всѣмъ, занимавшимся изученіемъ исторіи Воспорскаго царства, извѣстно, что, начиная съ Полемона I, древніе писатели очень рѣдко и притомъ весьма кратко касаются событій въ Воспорѣ; они не даютъ намъ даже именъ многихъ Воспорскихъ царей (какъ, напримѣръ, и нашего Аспурга), и мы не знали бы о нихъ ровно ничего, если бы намъ не помогали надписи и монеты, дающія намъ имена царей и годы ихъ царствованія [2]). Въ нихъ заключается богатый источникъ для ознакомленія съ исторіей Воспорскаго царства, до сихъ поръ не вполнѣ еще исчерпанный, ибо нумизматы иногда неправильно понимали надписи на монетахъ, изображенныя на нихъ монограммы объясняли то такъ, то иначе, человѣческія изображенія относили то къ

---

1) Подобное же предположеніе высказалъ Юргевичъ, *Зап. Од. Общ.* т. XII, стр. 216 сл., издавая надпись, которая у насъ поставлена подъ № 364.

2) [Имя царя Аспурга читается еще, повидимому, въ херсонисской надписи IosPE. IV, 147, начертанной на мраморномъ пьедесталѣ статуи].

одному, то къ другому Римскому императору или Воспорскому царю [1]); но тѣмъ не менѣе можно съ удовольствіемъ признать, что, благодаря общимъ усиліямъ ученыхъ, факты, относящіеся къ исторіи Воспорскаго царства, все болѣе и болѣе выходятъ изъ мрака на свѣтъ.

Что касается монетъ того времени, въ которое, какъ мы узнали, царствовалъ Аспургъ, то приходится отмѣтить, что прежніе нумизматы (Висконти, Кёлеръ, Міоннэ, Ашикъ, Спасскій и другіе) вплоть до Кёне относили сюда весьма много монетъ, которыя при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказались принадлежащими къ болѣе позднему времени, и притомъ объясняли ихъ весьма различно. Вообще полагали — говоря кратко [2]), — что между Полемономъ I и Полемономъ II (о которомъ скажемъ ниже) было два, три или даже четыре царя съ именами Рискупорида и Савромата. Но въ настоящее время, послѣ болѣе тщательнаго, какъ мы уже сказали, изслѣдованія и описанія монетъ, доказано, что послѣ монеты съ именемъ Полемона I при Августѣ и Тиберіи чеканились въ Воспорѣ монеты съ монограммами, а не съ полными именами царей, и съ годами Воспорской эры, начиная съ 289 г. (8 до Р. Хр.) до 335 (38 по Р. Хр.), въ которомъ Воспорское царство было отдано императоромъ Гаемъ Полемону II. Монеты, выпущенныя между 289 и 304 годами Восп. эры, имѣютъ монограмму , въ 305 и 306 годахъ , въ 307—309 г. [3]), въ 310—332 г. , въ 334 и 335 г. [4]). Изображенія на трехъ первыхъ видахъ монетъ, какъ говорятъ, до такой степени сходны между собою, что легко могутъ быть приписаны одному царю [5]). А такъ какъ въ

---

1) Ср. объ этомъ Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 368 сл.

2) Мнѣнія каждаго изъ нихъ порознь изложилъ Григорьевъ, стр. 377 сл. Ср. Бёкъ, стр. 95.

3) Монету съ этой монограммой раньше всѣхъ приписалъ Аспургу Подшиваловъ, Beschr. d. uned. M. стр. 12.

4) Орѣшниковъ, Кат. древн. Ув. стр. 85. Онъ же письмомъ увѣдомилъ меня, что неизданныя монеты 309 и 310 годовъ имѣются въ коллекціи г. Гиля [см. его статью «Новыя пріобрѣтенія моего собранія» въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. V, 1892, стр. 353]. Описанія и изображенія монетъ см. въ Каталогѣ Бурачкова, стр. 240—243 и табл. XXVI, №№ 63—83. Мѣдныя монеты 335 года имѣютъ монограмму (см. Бур. Кат. табл. XXVI, №№ 87, 88), изъ чего слѣдуетъ, что эта монограмма и имѣютъ одно и то же значеніе.

5) Ср. Giel, Kl. Beitr. стр. 31: «Die Stater mit den Monogrammen und haben dieselben Köpfe auf der Vorder- wie Rückseite; sogar der Avers der Münze mit stimmt so genau mit dem der Münze mit überein, dass ich annehme, beide seien mit demselben Stempel geschlagen. Ich schreibe also die drei Monogramme demselben Könige zu». Ср. стр. 29.—Бурачковъ даже утверждаетъ, что на всѣхъ этихъ монетахъ изображено одно и то же лицо (*Тр. Моск. арх. общ.* т. X, ст. 63): «При сличеніи золотыхъ монетъ отъ 289 года до 313 и далѣе при Рискупорисѣ I, мы видимъ, что на нихъ представлено одно и то же лицо, только съ

монограммѣ , по весьма правдоподобному мнѣнію Бурачкова и Гиля[1]), скрываются буквы АСПР, принадлежащія имени Аспурга (по моему мнѣнію даже все имя АСПОУРГОУ), и такъ какъ извѣстно, что въ 313 году дѣйствительно царствовалъ Аспургъ, то Бурачковъ и заключилъ (Кат. стр. 238), что весь промежутокъ времени между Полемонами I и II былъ занятъ царствованіемъ Аспурга. Думая, что въ монограммѣ буква Р есть первая буква имени царя, онъ пытался доказать, что Аспургъ принялъ другое имя и назывался Рискупоридомъ I[2]). Гиль же, отвергая мнѣніе Бурачкова, считаетъ (стр. 29 сл.), что Рискупоридъ I былъ сынъ Аспурга и по смерти отца царствовалъ 22 года, отъ 313 до 335 г. Но я не могу согласиться съ Гилемъ, главнымъ образомъ на основаніи мѣста у Тацита *Ann.* XII, 15, которое оставили безъ вниманія оба ученые: Тацитъ говоритъ, что въ 50 году по Р. Хр. сынъ Аспурга Котисъ былъ inventa rudis. Если мы на основаніи этихъ словъ признаемъ, что Котису въ то время было около 20 лѣтъ, то выйдетъ, что онъ родился около 30 года по Р. Хр., а слѣдовательно въ это время Аспургъ былъ еще живъ. Итакъ, монеты съ монограммой относятся ко времени Аспурга; но такъ какъ, кромѣ этой монограммы, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, изъ коихъ можно было бы заключить, что Аспургъ носилъ имя Рискупорида I, то, на мой взглядъ, нѣтъ никакихъ основаній слѣдовать мнѣнію Бурачкова: быть можетъ эта монограмма содержитъ также имя Аспурга[3]).

Итакъ, мнѣ представляется довольно правдоподобнымъ, что между Полемономъ I и Полемономъ II спокойно царствовалъ Аспургъ. Въ это время въ Воспорскомъ царствѣ, вѣроятно, не произошло ничего достопамятнаго; такъ можно заключать изъ того, что писатели совершенно умалчиваютъ объ Аспургѣ и о Воспорскомъ царствѣ въ его правленіе[4]). Если слѣдовать вполнѣ даннымъ, представляемымъ монетами, то можно предполагать, что Полемонъ умеръ уже въ

оттѣнками разницы относительно возраста и умѣнія со стороны рѣзчика—схватить желаемое сходство». Ср. также Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 87.

1) Бурачковъ, *Труды Моск. арх. общ.* т. X, стр. 63, и Общій кат. мон. стр. 238. Гиль, ук. м.

2) См. Общій кат. мон. ук. м. и въ особенности *Тр. Моск. арх. общ.* т. X, стр. 62 сл.

3) Ср. Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 123: «Я не рѣшился называть царя (или царей), бившаго монеты съ монограммами и , Рискупоридомъ I, не имѣя въ подтвержденіе никакихъ другихъ данныхъ кромѣ монограммъ» [Гиль въ статьѣ «Новыя пріобр. моего собр.», стр. 354, залвилъ, что онъ отказывается отъ высказанныхъ въ Kl. Beiträge предположеній о монетахъ этой эпохи и присоединяется къ взглядамъ А. В. Орѣшникова].

4) Это замѣтили уже Бурачковъ и Гиль. Быть можетъ, однако, какія-нибудь свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Воспора, содержались въ потерянныхъ книгахъ писателей, какъ напр. въ XI книгѣ Анналъ Тацита пропало начало разсказа о Миридатѣ Воспорскомъ.

289 году (8/7 до Р. Хр.), такъ какъ съ этого года начинаются монеты съ монограммой , которыя могутъ быть пріурочены къ Аспургу[1]); но такъ какъ монограммы монетъ, битыхъ между 289 и 309 годами, не заключаютъ въ себѣ царскаго титула (βασιλεύς), а съ 310 года начинаются монеты, въ монограммахъ которыхъ онъ содержится, то ученые нумизматы заключаютъ, что Аспургъ первое время не имѣлъ царскаго титула (быть можетъ онъ назывался ἄρχων, какъ и отецъ его Асандръ)[2]), а получилъ его только около 310 г. (13/14 по Р. Хр.). Г. Орѣшниковъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что монеты съ монограммой начинаются съ 310 года, ср. выше стр. 105 пр. 4. Но всѣ эти догадки еще не могутъ быть названы вѣрными[3]).

Діонъ Кассій въ кн. LIX гл. 12 свидѣтельствуетъ, что въ 38 году по Р. Хр.[4]) императоръ Гай Калигула, по постановленію сената, отдалъ Полемону, сыну Полемона, отцовское царство. У него же читаемъ въ кн. LX гл. 8, что въ 41 году императоръ Клавдій отдалъ Воспоръ нѣкоему Миѳридату, ведшему свой родъ отъ Миѳридата VI, а Полемону вмѣсто Воспора далъ часть Киликіи. Отсюда ясно, что Полемонъ получилъ отъ Гая не только Понтъ, но и Воспоръ. Этотъ Полемонъ, какъ ясно доказалъ Моммзенъ, былъ не сынъ Полемона I, а внукъ его отъ дочери Антоніи Трифэны, супруги ѳракійскаго царя Котиса, сына Римиталка[5]). Относительно свидѣтельства Діона Кассія Ваддингтонъ въ 1866 году замѣтилъ слѣдующее[6]): „Ce qui est certain, c'est qu'en 794 Claude enleva le Bosphore à Polémon pour le donner à Mithridate, et lui donna en place un district de la Cilicie (Dion LX, 8). L'échange semble assez désavantageux pour

---

1) Всѣ эти монограммы послѣ другихъ ученыхъ попытался объяснить г. Гиль, стр. 30 сл. Объясненіе монограммы мнѣ кажется не вполнѣ правдоподобнымъ.

2) По мнѣнію Бурачкова, Аспургъ оффиціально назывался δήμαρχος, каковое слово онъ видитъ въ монограммѣ ; мнѣніе это намъ кажется совершенно невѣроятнымъ, потому что и раньше никогда не было въ Воспорѣ титула δήμαρχος, и въ монограммѣ нѣтъ буквы Н.

3) [Гиль въ ст. «Новыя пріобр. моего собранія», стр. 354, издалъ золотой статеръ съ указанною монограммою и годомъ 311, замѣтивъ, что «этотъ неизданный статеръ представляетъ большой интересъ, такъ какъ точно опредѣляетъ годъ принятія Аспургомъ царскаго титула»].

4) Что это случилось не въ 37, а въ 38 году, замѣтилъ г. Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 79, указавъ на то, что есть монеты съ монограммой и изображеніемъ императора Гая (см. ibid. стр. 88, №№ 540 и 541).

5) *Ephem. epigr.* II, стр. 259 сл. Ср. брошюру г. Орѣшникова «Объ эрѣ на монетахъ Пиѳодориды царицы Понта», М. 1885.

6) *Revue numism.* т. XI, стр. 427.

Polémon; mais l'absence complète de monnaies des Zénonides frappées dans le Bosphore montre que ces princes ne purent s'y établir solidement, et il est probable que depuis la mort de Polémon I ils n'en occupèrent jamais qu'une portion fort restreinte. Les populations voulaient un prince du sang de Mithridate; aussi le choix de Claude fut-il facilement accepté". А. В. Орѣшниковъ любезно сообщилъ мнѣ, что эта догадка почтеннаго ученаго недавно вполнѣ подтвердилась: найдена золотая монета, безъ сомнѣнія подлинная, на одной сторонѣ которой изображеніе головы императора Гая, а на другой — изображеніе Побѣды съ надписью ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤ○V и съ обозначеніемъ года ϛΛΤ (336 Восп.); въ коллекціи г. Гиля хранится другая монета, вполнѣ подобная этой, ΗΛΤ года (338)[1]). Отсюда ясно, что этотъ Миѳридатъ, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый, которому въ 31 году по Р. Хр. Клавдій отдалъ все Воспорское царство, царствовалъ одновременно съ Полемономъ, быть можетъ такъ, что одинъ владѣлъ европейской частью царства, а другой—азіатской. Что европейскимъ берегомъ владѣлъ Миѳридатъ, я заключаю изъ того, что въ найденной въ Анапѣ надписи № 400-й, 338 года Восп. эры (41—42 по Р. Хр.), выскоблено имя царя (кажется Полемона).

Этотъ Миѳридатъ, котораго называютъ то вторымъ, то третьимъ (если включать въ число Воспорскихъ царей и Миѳридата Пергамскаго), то восьмымъ (ибо Миѳридатъ Евпаторъ въ Понтѣ былъ шестымъ царемъ съ этимъ именемъ), былъ братомъ Котиса (Тац. *Ann.* XII, 18), а послѣдній, какъ мы узнали изъ надписей и монетъ, былъ сынъ Аспурга; стало быть, Миѳридатъ также былъ сынъ Аспурга. Итакъ, Діонъ Кассій вѣрно сказалъ, что этотъ Миѳридатъ велъ свой родъ отъ знаменитаго Миѳридата Евпатора (у Тацита въ уп. м. Миѳридатъ самъ называетъ себя потомкомъ великаго Ахемена). Однако онъ царствовалъ недолго: спустя нѣсколько лѣтъ онъ задумалъ освободиться отъ ига Римлянъ; считая нужнымъ скрывать свои планы, онъ отправилъ брата Котиса въ Римъ къ императору Клавдію для скрѣпленія дружбы; но Котисъ открылъ императору замыслы брата и самъ былъ назначенъ вмѣсто него царемъ Воспора[2]). Римское войско, посланное вмѣстѣ съ Котисомъ подъ предводительствомъ А. Дидія Галла, изгнало Миѳри-

1) [Издана Гилемъ въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* V, стр. 355].

2) Это сообщаетъ Петръ Патрицій (Fr. hist. Gr. т. IV, стр. 185, fr. 3), который однако смѣшиваетъ нашего воспорскаго Миѳридата съ Миѳридатомъ, царемъ Иверовъ; что послѣдній былъ совершенно другое лицо, объ этомъ ясно говоритъ Діонъ Кассій кн. LX, гл. 8. Плиній N. h. VI, 5, 17 сообщаетъ, что изгнанный изъ Воспора Миѳридатъ бѣжалъ къ Савроматамъ.

дата. Однако, когда послѣдній узналъ, какъ сообщаетъ Тацитъ (*Ann.* XII, 15 сл.), „что Дидій съ главными силами арміи удалился и въ новомъ царствѣ оставлены Котисъ, по молодости несвѣдущій въ дѣлахъ, и нѣсколько когортъ съ римскимъ всадникомъ Юліемъ Аквилой, то, отнесшись съ презрѣніемъ къ тому и другому, сталъ созывать племена и приманивать перебѣжчиковъ, а затѣмъ, составивъ армію, изгналъ царя Дандаридовъ и овладѣлъ его царствомъ. Узнавъ объ этомъ и съ часу на часъ ожидая вторженія Миѳридата въ предѣлы Воспора, Аквила и Котисъ нашли свои силы недостаточными въ виду того, что царь Сираковъ Зорсинъ возобновилъ враждебныя дѣйствія, и также стали искать дружеской поддержки извнѣ, отправивъ пословъ къ Евнону, стоявшему во главѣ народа Аорсовъ; указывая на римское могущество въ противоположность бунтовщику Миѳридату, они безъ труда достигли заключенія союза. Такимъ образомъ они условились, чтобы Евнонъ вступалъ въ кавалерійскія сраженія, а Римляне занялись осадой городовъ“. Послѣ этого, приведши войско въ порядокъ, они выступили въ походъ и заняли покинутый Миѳридатомъ городъ Дандаріевъ Созу, а затѣмъ, оставивъ въ немъ гарнизонъ, вторглись въ земли Сираковъ и завоевали городъ Успу, отстоявшій на три дня пути отъ р. Танаида. Тогда Зорсинъ, давши заложниковъ, вымолилъ у Римлянъ прощеніе, а Миѳридатъ убѣжалъ къ Евнону; послѣдній, „тронутый большою знатностью мужа, перемѣной судьбы и не лишенною достоинства просьбой“ (слова Тацита *Ann.* XII, 19), отправилъ пословъ и письмо къ Клавдію съ просьбою, чтобъ Миѳридата не вели въ тріумфѣ и не казнили смертью. Когда Клавдій обѣщалъ это, Миѳридатъ былъ переданъ прокуратору Понта Юнію Цилону и отвезенъ въ Римъ, гдѣ, по преданію, „держалъ рѣчь передъ Кесаремъ съ бо́льшею гордостью, чѣмъ это соотвѣтствовало его положенію“, и „сохранилъ неустрашимый видъ и тогда, когда былъ поставленъ на зрѣлище народу подлѣ ростръ, окруженный стражей“ (Тацитъ, *Ann.* XII, 21). Случилось это, какъ передаетъ Тацитъ, въ 49 году по Р. Хр.; но если вѣрить монетамъ, Миѳридатъ былъ лишенъ царства уже въ 45 году, такъ какъ съ этого года (= 342 г. Восп. эры) начинаются монеты съ монограммой Котиса (см. Бур. Кат. стр. 246). Жилъ Миѳридатъ въ Римѣ до времени императора Гальбы; послѣдній приказалъ убить его за участіе въ заговорѣ Нимфидія (Плут. *Гальба*, 13 и 15).

Этому Миѳридату приписываются мѣдныя монеты съ именемъ ΒΑCΙ-ΛΕΩCΜΙΘΡΑΔΑΤΟV, но безъ указанія годовъ; есть также монеты, имѣющія на одной сторонѣ голову царя съ тою же надписью, а на другой сторонѣ голову

царицы, окруженную надписью ΒΑCΙΛΙCCΗC ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC; есть также монеты съ именемъ одной этой царицы [1]). Навѣрное не извѣстно, была ли эта Ипепирія матерью, или женою Миеридата; послѣднее, кажется, правдоподобнѣе.

О братѣ Миеридата Котисѣ I мы не находимъ у писателей ничего, кромѣ вышеизложеннаго [2]). Мы имѣемъ двѣ надписи его времени: № 32 есть подпись подъ статуей, поставленной имъ, какъ кажется, въ честь Нерона, въ которой Котисъ (если вѣрны дополненія) называется βασιλεὺς φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου, откуда видно, что онъ остался вѣренъ дружбѣ съ Римлянами. Въ надписи № 37 Котисъ прославляется за то, что „его доблесть открыла обильный источникъ воды", и далѣе говорится, что онъ возвысилъ славу предковъ и владѣлъ скипетрами всѣхъ Инахійцевъ [3]). Монеты свидѣтельствуютъ также, что Котисъ пользовался большою благосклонностью Римлянъ; на нихъ изображены курульное кресло, золотая корона, скипетръ и оружіе съ слѣдующими словами вокругъ: τειμαὶ βασιλέως Κότυος τοῦ Ἀσπούργου [4]). Извѣстно, что словомъ τιμαί обозначались почетные дары, которые сенатъ посылалъ чужеземнымъ царямъ — союзникамъ и друзьямъ Римскаго народа [5]). Монеты свидѣтельствуютъ, что подобные же дары посылались императорами и Римскимъ сенатомъ и послѣдующимъ Воспорскимъ царямъ. На другихъ монетахъ Котиса дѣлалось изображеніе Нерона и Британника или Агриппины; эти монеты еще яснѣе выставляютъ на видъ вѣрность Котиса Римлянамъ; одна только монограмма его ВΑΚ и годы Воспорской эры показываютъ, что эти монеты чеканены Воспорскимъ царемъ. Монеты съ монограммой Котиса продолжаются до 357 года Восп. эры (60 по Р. Хр.); съ 359 года (62/3) начинаются монеты безъ вся-

---

1) Кене, Опис. муз. кн. Кочубея, II, стр. 215. Бурачковъ, Общій катал. мон. стр. 247. Ср. Imhoof-Blumer, Porträtk. стр. 36; W. Wroth, A catalogue of the greek coins in the Brit. Museum. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus (Lond. 1889), стр. 51.

2) [Двѣ вновь найденныя надписи съ именемъ Котиса I изданы нами въ IosPE. IV, 204 и *Изв. И. Арх. Комм.* в. 27, стр. 39. Объ онѣ заключаютъ въ себѣ записи объ освобожденіи рабовъ и относятся первая къ 57, а вторая къ 59 г.].

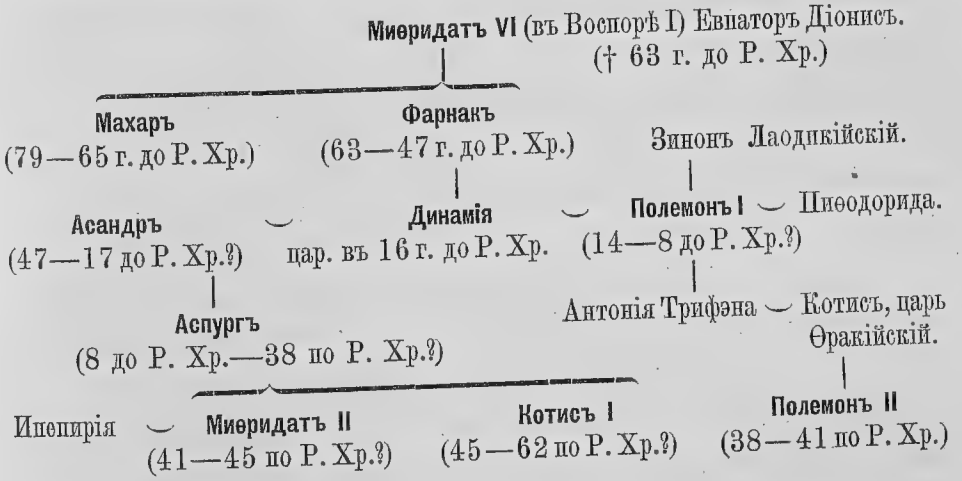
3) Объ имени царя Моммзенъ, Röm. Gesch. т. V, стр. 288 пр. 1, замѣтилъ слѣдующее: «Die thrakischen Königsnamen, wie Kotys und Rhaskuporis, die in dem bosporanischen Königshaus gewöhnlich sind, knüpfen wohl an den Schwiegersohn des Polemon, den thrakischen König Kotys an». Безъ всякаго сомнѣнія, эти имена заимствованы изъ Ѳракіи; но такъ какъ между Полемонидами и Аспургомъ съ его сыновьями не было никакого родства, а напротивъ скорѣе были отношенія враждебныя, то едва-ли слова Моммзена справедливы. Въ воспорскихъ надписяхъ довольно часты ѳракійскія имена и у частныхъ лицъ.

4) Кене, ibid. стр. 218; Бурачковъ, Кат. стр. 250, № 116; Орѣшниковъ, Кат. древн. Ув. стр. 88; Wroth, стр. 53.

5) Ср. объ этомъ Kochler, Ges. Schr. I, стр. 195—199.

кой монограммы царя и съ изображеніемъ головы Нерона съ его же монограммой или съ надписью NEPΩNOCKAICAPOC. Отсюда выводятъ заключеніе, что Неронъ, обративъ въ 63 году Понтъ въ провинцію, сдѣлалъ то же самое и съ Воспоромъ или уменьшилъ, по крайней мѣрѣ, царскую власть, отнявъ у царя право чеканить монету[1]). Монеты съ полнымъ именемъ царя начинаются не раньше Домиціана. По этой причинѣ мы ничего не знаемъ о концѣ царствованія Котиса I и о началѣ царствованія Рискупорида I.

Изложивъ вкратцѣ все, что мы знаемъ объ исторіи Воспора отъ Миѳридата VI до конца царствованія Котиса I, считаемъ нужнымъ присоединить родословную таблицу царей изъ рода Ахеменидовъ и Зенонидовъ (за исключеніемъ Миѳридата Пергамскаго и Скрибонія).



1) Ср. что объ этомъ говоритъ A. von Sallet, *Zeitschr. f. Numism.* IV (1877), стр. 304 сл. «Es ist nicht zu bezweifeln, dass das völlige Wegbleiben des königl. Bildes und Monogramms oder Namens politische Bedeutung hat. Es ist wohl zu beachten, dass grade in dem Jahre (63 n. Chr.) eine rein kaiserliche Münze des Bosporus auftritt, in welchem Nero den König von Pontus, Polemo II absetzte und das Land zur Provinz machte [Mommsen, reges Thraciae etc. (p. 163), Suet. Nero 18. Eckhel D. N. II. 356. Vgl. meine Beiträge zur Geschichte u. s. w. der Könige des Bosporus u. s. w. S. 76]. Wir wissen, soweit mir die Geschichte jener Gegenden bekannt ist, nichts genaueres über die Schicksale des Königs Cotys I, des Bruders und Verräthers des Mithradates. Er wurde von Claudius an Stelle des Mithradat zum Könige des Bosporus eingesetzt, aber alle seine Münzen mit Nero's Kopf zeigen in ziemlich fortlaufender Reihe niedrigere Daten..., als die Goldmünze Nero's ohne Cotys' Monogramm vom Jahre ONT; es ist also sehr wahrscheinlich, dass ihn Nero ebenfalls im Jahre 63, wie seinen pontischen Collegen Polemo II, beseitigt oder wie auch Köhne vermuthet, beschränkt hat. Erst unter einem späteren Kaiser, nach Nero's Tode, tritt wieder Cotys' königliches Monogramm auf, und zwar ganz sporadisch auf einem Stater des Jahres ΕΞΤ (365=69 n. Chr.), wie man meint mit den Köpfen des Vitellius und seines Vaters, des Censors. [Эта монета нѣкоторыми относится скорѣе къ Рискупориду I, ср. Бур., Кат. стр. 250 № 115; Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 90]. Dann kommt wieder eine grosse Lücke, der kräftigen Regierung Vespasianus entsprechend, welcher mehrfach asiatischen Städten und Königen die Autonomie nahm [Suet. Vesp. 8]».

§ 3. Отъ Рискупорида I до IV вѣка по Р. Хр.

Послѣ Котиса I Воспорскимъ царствомъ владѣлъ Тиберій Юлій Рискупоридъ I (обыкновенно называемый II), котораго мы знаемъ только изъ надписей и монетъ; писатели о немъ не упоминаютъ. Часто говорятъ, что онъ былъ сынъ Котиса I[1]); но найденная въ Аѳинахъ надпись[2]), на основаніи которой ученые держатся этого мнѣнія, какъ доказалъ Моммзенъ, относится не къ нашему Рискупориду, а къ царю Ѳракійскому (*Ephem. epigr.* II, стр. 253). Изъ надписи, найденной въ городѣ Тамани (n° 353), извѣстно, что нашъ Рискупоридъ былъ сынъ *царя Юлія...*; но кто былъ этотъ царь Юлій, еще неизвѣстно[3]). Та же надпись, если я правильно дополнилъ ее, доказываетъ, что Рискупоридъ уже до 71 года по Р. Хр. былъ утвержденъ на царствѣ Римскимъ императоромъ, такъ какъ онъ названъ φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος и ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου (ср. n° 52). Что царство ему было дано Веспасіаномъ, это можно заключить изъ того, что статуя, подъ которой была начертана надпись, поставлена въ честь Веспасіана и что онъ въ надписи названъ κύριος τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου. Монеты также доказываютъ, что Рискупоридъ I былъ вѣрнымъ союзникомъ и другомъ Римлянъ: на одной сторонѣ монетъ мы видимъ сидящаго въ курульномъ креслѣ съ скипетромъ въ рукѣ царя, а на другой сторонѣ—щитъ, копье, шлемъ съ султаномъ, мечъ и лошадиную голову, при чемъ на лицевой сторонѣ начертано имя царя (Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεὺς Ῥησκούπορις), а на оборотной слова: τειμαὶ βασιλέως Ῥησκουπόριδος[4]). Другія золотыя монеты съ именемъ этого царя помѣчены годами съ 374 по 388 г. Восп. эры ($77/_8$—$91/_2$ по Р. Хр.)[5]). Имя этого же царя начертано въ началѣ надписи n° 52, относящейся къ 377 году Восп. эры (80/81 по Р. Хр.) и свидѣтельствующей, что по взятіи императоромъ Ти-

1) Изъ новѣйшихъ ср. Thirion, De civ. Chers. Taur. стр. 83; Бурачковъ, Общій кат. мон. стр. 252; Imhoof-Blumer, Porträtk. стр. 37 сл.

2) C. I. Att. III, 1, № 552=Loewy, Griech. Bildhauerinschr. № 314.

3) Быть можетъ, отъ этого Юлія ведутъ свое происхожденіе praenomen и nomen Tib. Iulius, принятыя Рискупоридомъ и послѣдующими царями.

4) Кене, Опис. муз. кн. Кочубея II, стр. 230; Бурачковъ, Кат. стр. 252, № 125; Орѣшниковъ, Кат. др. Ув., стр. 91. На оборотной сторонѣ монеты видна монограмма Ⓐ, которая, по мнѣнію Бурачкова, обозначаетъ 371 годъ=74 г. по Р. Хр.; это мнѣніе довольно правдоподобно, хотя г. Орѣшниковъ и не согласенъ съ нимъ. Должно замѣтить, что на мѣдныхъ монетахъ этого и послѣдующихъ царей годы не обозначались.

5) [Гиль въ ук. ст. въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* V, стр. 355 сл., издалъ два золотые статира съ годами 335=68/9 и 369=72/3 и съ монограммами, въ которыхъ онъ видитъ имя Рискупорида].

томъ Іерусалима нѣкоторые Іудеи бѣжали въ воспорскіе города и въ Пантикапеѣ, безъ сомнѣнія съ позволенія царя, посвятили храмъ своему Богу, названный προσευχή. Итакъ, изъ свидѣтельствъ монетъ и надписей слѣдуетъ, что между 71 (быть можетъ, уже 69, ср. выше стр. 112 пр. 5) и 92 годами царствовалъ Рискупоридъ I.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Тиберій Юлій Савроматъ I, который въ надписи n° 39 (117 г. по Р. Хр.) почтительно именуется ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας Τιβέριος Ἰούλιος Σαυρομάτης, υἱὸς βασιλέως Ῥησκουπόριδος, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτης τῆς πατρίδος καὶ κτίστης, а въ надписи n° 358—ὁ ἀπὸ Ποσειδῶνος καὶ ἀφ' Ἡρακλέους βασιλεὺς βασιλέων μέγας τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου κτλ[1]). Золотыя монеты показываютъ, что Савроматъ I царствовалъ 30 лѣтъ, съ 390 по 420 г. Восп. эры (94/5—123/4 по Р. Хр.)[2]). Онъ также былъ утвержденъ на царствѣ Римлянами, что доказывается обычными эпитетами, которые въ надписяхъ присоединяются къ его имени, а также монетами съ надписью τειμαὶ βασιλέως Σαυρομάτου[3]). Въ надписи n° 40 онъ называется даже „amicus Imperatoris populique Romani praestantissimus". Кромѣ уже упомянутыхъ надписей, къ его времени относятся nn° 38 (97/8 г. по Р. Хр.), 352 (105/6 г.) и можетъ быть 26

---

1) Почему цари Воспора вели свой родъ отъ Посидона или сына его Евмолпа и Иракла, пытался объяснить Стефани въ Compte rendu de la comm. arch. pour l'a. 1862, стр. 25, при изданіи надписи, которая у насъ поставлена подъ № 41. Ср. что говоритъ Моммзенъ, Röm. Gesch. т. V, стр. 291: «Als Griechenfürsten haben die des bosporanischen Hauses, trotz ihres achaemenidischen Stammbaues und ihrer achaemenidischen Jahreszählung, sich durchaus empfunden und ihren Ursprung nach gut hellenischer Art auf Herakles und die Eumolpiden zurückgeführt». Воспорская царская фамилія, кажется, какъ это правильно замѣтилъ самъ Моммзенъ (см. выше), была связана узами родства съ царями Ѳракіи; поэтому, быть можетъ, мы мало отступимъ отъ истины, предположивъ, что цари Воспора заимствовали свою генеалогію изъ Ѳракіи: древніе передаютъ, что Евмолпъ былъ Ѳракіецъ. Въ настоящее время всѣ нумизматы согласны, что трезубецъ Посидона и палица Иракла, весьма часто изображавшіеся на монетахъ воспорскихъ царей, служатъ символами происхожденія ихъ отъ Посидона и Иракла.—О самомъ имени «Савроматъ» Моммзенъ говоритъ слѣдующее, стр. 288 пр. 1: «Die Benennung Sauromates, welche seit dem Ende des 1. Jahrh. häufig auftritt, ist ohne Zweifel durch Verschwägerung mit sarmatischen Fürstenhäusern aufgenommen, beweist aber natürlich nicht, dass ihre Träger selber Sarmaten waren».

2) Кёне, Опис. муз. Кочубея, II, стр. 239; Бурачковъ, Кат. стр. 255 сл., №№ 143—152; Wroth, Cat. стр. 57. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, въ теченіе этого промежутка времени царствовали два Савромата (см. Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 393). Мнѣніе это, однако, въ настоящее время отвергнуто.

3) Бурачковъ, Кат. стр. 257 № 159; Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 94, № 581. У Евтропія (VIII, 3) и Феста (Breviar. гл. 20) читаемъ, что Траянъ подчинилъ царей Иверовъ, Савроматовъ, Воспорянъ, Арабовъ, Оздроенцевъ и Колховъ.

и 401[1]). Изъ двухъ надписей (nn° 39 и 40) видно, что слава его была велика и въ городахъ Малой Азіи. Изъ писателей о немъ упоминаетъ одинъ Плиній младшій, который въ 111 году и слѣд. управлялъ въ качествѣ легата провинціей Виѳиніей: онъ въ трехъ письмахъ къ императору Траяну (13—15) доноситъ, какъ онъ заботился, чтобы гонецъ Савромата прибылъ какъ можно скорѣе въ Римъ, и почему онъ не удержалъ посла его въ Никеѣ.

Савромату наслѣдовалъ Тиберій Юлій Котисъ II, который въ надп. 27 провозглашается βασιλεὺς βασιλέων φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος. Былъ ли онъ сынъ Савромата I или нѣтъ, неизвѣстно[2]). Царствовалъ онъ девять лѣтъ по свидѣтельству золотыхъ монетъ[3]), на лицевой сторонѣ которыхъ видно изображеніе императора Адріана, окруженное надписью ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC, а на оборотной—изображеніе Котиса и годы отъ 420 до 429 Восп. эры (123/4—131/2 по Р. Хр.). Упоминаетъ о Котисѣ II Флегонтъ Траллійскій, сообщающій въ XV кн. объ Олимпіадахъ, что императоръ далъ Котису діадиму и присоединилъ города, къ которымъ онъ причисляетъ и Херсонисъ Таврическій[4]). По смерти Котиса Флавій Арріанъ Никомидійскій, бывшій въ то время намѣстникомъ Каппадокіи, позаботился объ ознакомленіи императора Адріана съ морскимъ путемъ въ Воспоръ на случай, если бы онъ захотѣлъ сдѣлать какія-либо распоряженія относительно Воспорскаго царства, для чего и написалъ извѣстный „Периплъ Понта Евксинскаго“, сохранившійся до нашего времени[5]). Изъ этихъ словъ Арріана справедливо заключаютъ[6]), что Котисъ умеръ безъ прямыхъ, законныхъ наслѣдниковъ и что самъ Адріанъ назначилъ въ Воспоръ новаго царя. Тотъ же Арріанъ въ небольшомъ сочиненіи „Ἔκταξις κατ' Ἀλανῶν“ говоритъ, что въ его войскѣ служили пѣшіе Воспоряне подъ начальствомъ нѣкоего Лампрокла[7]).

Преемникомъ Котиса былъ Тиберій Юлій Римиталкъ, получившій діа-

---

1) [Въ послѣднее время найдены еще 4 надписи, несомнѣнно или вѣроятно относящіяся ко времени Савромата I, именно пантикапейская IosPE. IV, 202, горгиппійская *Изв. И. Арх. К.* в. 23, стр. 46, № 32 (110 г. по Р. Х.), танаидская IosPE. IV, 446 и найденная въ Партенитѣ *Изв. И. А. К.* в. 27, стр. 37, № 33].

2) [Это доказано найденною въ 1893 г. въ Тамани надписью IosPE. IV, № 421. Этотъ же Котисъ упоминается, вѣроятно, и въ надписи ibid. 203].

3) Бур., Кат. стр. 260, №№ 178—182. Wroth, Cat. стр. 61.

4) Конст. Порфир. *De themat.* II, 12=Fr. h. Gr. III, стр. 607, fr. 20.

5) App. *Per. P. Eux.* 26 (Geogr. Gr. min. изд. Мюллера, т. I, стр. 392).

6) Ср. Стемпковскій, *Одесскій Вистн.* 1830 г. № 93; C. I. Gr. II, стр. 162. Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 395 etc.

7) Ἔκτ. κατ' Ἀλ. 3 (Arriani scr. min. ed. Hercher-Eberhard, p. 80).

диму отъ императора Адріана, какъ показываетъ подпись подъ статуей, которую благодарный царь въ 133/4 г. поставилъ въ честь императора, какъ [Βοσπόρου?] εὐεργέτην καὶ ἴδιον κτίστην (n° 33), и обычные эпитеты φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος. Чей былъ сынъ Римиталкъ, еще неизвѣстно. Золотыя монеты съ указаніемъ годовъ показываютъ, что онъ царствовалъ 22 года, отъ 428 по 450 г. Восп. эры ($131/_2$—$153/_4$ по Р. Хр.)[1]). Относящихся къ его времени воспорскихъ надписей мы имѣемъ три, изъ коихъ одна, уже упомянутая (n° 33), относится къ началу его царствованія, другая (n° 353)—къ концу, а въ третьей (n° 437) обозначеніе года не сохранилось. Кромѣ того въ надписи, найденной въ Херсонисѣ, есть упоминаніе о двухъ посольствахъ изъ этого города къ Римиталку для заключенія союза; во главѣ посольствъ стоялъ Аристонъ, сынъ Аттина[2]). Изъ писателей имя Римиталка сохранилъ одинъ только Юлій Капитолинъ, который говоритъ слѣдующее: [Antoninus] Rhoemetalcen in regnum Bosporanum audito inter ipsum et curatorem negotio remisit (v. Ant 9). Изъ этихъ словъ видно, что Римиталкъ былъ призванъ въ Римъ императоромъ для защиты своего дѣла. Неизвѣстно, кто былъ этотъ кураторъ и въ чемъ было дѣло. Кари[3]) предполагалъ, что вмѣсто curatorem слѣдуетъ читать Eupatorem, т.-е. имя Воспорскаго царя, наслѣдовавшаго Римиталку; эту конъектуру кромѣ другихъ приняли Эккель и Бекъ[4]). Но по моему мнѣнію Капитолинъ употребилъ здѣсь слово „кураторъ“ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ въ жизнеописаніи Ант. Фил. гл. 11 говоритъ: „curatores multis civitatibus quo latius senatorias tenderet dignitates a senatu dedit“; и въ самомъ дѣлѣ легаты Виѳиніи и Каппадокіи имѣли сношенія съ царями Воспора, какъ доказываютъ приведенныя нами выше слова Плинія и Арріана; если бы Капитолинъ дѣйствительно написалъ „Eupatorem“, то онъ непремѣнно долженъ былъ бы прибавить, кто былъ этотъ Евпаторъ, чтобъ читатели могли правильно понять его слова.

Во время правленія Римиталка или Котиса, какъ кажется, былъ возстановленъ городъ Танаидъ, лежавшій въ развалинахъ со времени Полемона I; древнѣйшая изъ всѣхъ Танаидскихъ надписей, найденныхъ до настоящаго времени,

---

1) Кёне, Оп. муз. кн. Коч. II, стр. 263. Бур., Кат. стр. 262. Wroth, Cat. стр. 63.

2) IosPE. I, № 199. Впрочемъ, Моммзенъ и Леви (Inschr. Griech. Bildh. № 337) думаютъ (врядъ ли справедливо), что въ этой надписи говорится объ Августѣ и ѳракійскомъ царѣ Римиталкѣ I. (О ѳракійскихъ царяхъ см. *Ephem. epigr.* II, стр. 250 сл.).

3) Cary, Hist. des rois du Bosphore, стр. 64.

4) Eckhel, D. N. II, стр. 379; Boeckh, C. I. Gr. II, стр. 152. Ср. Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 396. Плохо понялъ Капитолина Thirion, De civ. Cherson. Taur. стр. 88.

помѣчена 430 годомъ Восп. эры=133/4 г. по Р. Хр. (№ 421). О состояніи города мы скажемъ вкратцѣ въ 3-й главѣ.

Преемникомъ Римиталка былъ Тиберій Юлій Евпаторъ, полный титулъ котораго былъ слѣдующій (въ надп. 422, 438, 439): βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Εὐπάτωρ φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής[1]). На монетахъ не упоминается имя его отца (Бурачковъ, *Кат.* стр. 264, предполагаетъ, что Евпаторъ былъ братъ Римиталка). Помѣты годовъ на золотыхъ монетахъ[2]) указываютъ, что царствовалъ онъ съ 451 по 467 годъ Восп. эры (154/5—170/1 по Р. Хр.), а быть можетъ и долѣе, ибо первая монета его преемника отмѣчена 471 годомъ Восп. эры, такъ что неизвѣстно навѣрное, кто царствовалъ въ теченіе промежуточныхъ трехъ лѣтъ (468—470)[3]). Изъ писателей объ Евпаторѣ упоминаетъ одинъ Лукіанъ, разсказывающій (Alex. гл. 57), что въ Понтійскомъ городѣ Эгіалахъ онъ встрѣтилъ пословъ Евпатора, которые везли въ Виѳинію (безъ сомнѣнія, къ намѣстнику императора) годичную дань.

Послѣ Евпатора Тиберій Юлій Савроматъ II царствовалъ по меньшей мѣрѣ 36 лѣтъ (471—507 г. Восп. эры, 174/5—210/11 по Р. Хр.), какъ видно изъ монетъ[4]). У писателей имя его не встрѣчается. Мы имѣемъ пять надписей съ полнымъ именемъ этого царя, а именно пп№: 34 (498 г.), 57, 357 (здѣсь онъ именуется ὁ ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας Τιβέριος Ἰούλιος Σαυρομάτης, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής), 427 и 428 (въ этихъ двухъ онъ называется сыномъ великаго царя Римиталка; первая надпись относится къ 485 году, вторая—къ 489). Кромѣ того, къ его времени относятся пп№ 309 (489 г.) и 423 (490 г.). Послѣдняя надпись (№ 423), найденная въ мѣстности Танаида, весьма важна для исторіи Савромата II: она сообщаетъ о побѣдѣ, одержанной надъ Сирахами и Скиѳами, о присоединеніи по договору Таврики, а также о томъ, что была сдѣлана свободною для мореплавателей часть моря, прилегающая къ Понту и Виѳиніи. Отсюда можно видѣть, какъ широко простиралась власть Сав-

---

1) [Съ такимъ же титуломъ названъ онъ въ танаидской надписи 163 г. по Р. Хр., изданной нами въ IosPE. IV, 447].

2) Бур., Кат. стр. 264; Wroth, Cat. стр. 65. О монетахъ этого царя, которыя Сабатье и Кёне приписали Евпатору II, см. Sallet въ *Zeitschr. f. Numism.* т. IV, стр. 309.

3) Кари, Сестини и даже Бёкъ предполагали, что въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ царствовали Левканоръ и Эввіотъ, о которыхъ говоритъ Лукіанъ въ «Токсаридѣ». Но такъ какъ нѣтъ ни надписей, ни монетъ этихъ царей, то они, какъ мы выше видѣли (стр. 93), не могутъ быть включены въ рядъ воспорскихъ царей.

4) Бур., Кат. стр. 267 сл.; Wroth, Cat. стр. 67.

ромата II, который не только наложилъ иго на сосѣднихъ варваровъ, но даже освободилъ отъ пиратовъ отдаленнѣйшую часть Евксинскаго Понта. Онъ былъ вѣренъ и послушенъ Римлянамъ, на что указываютъ какъ обычные эпитеты и монеты съ изображеніями Римскихъ императоровъ, такъ и надпись nº 34 на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой въ честь Каракаллы, котораго царь называетъ τὸν ἴδιον καὶ τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας εὐεργέτην.

Савромату II наслѣдовалъ сынъ его Тиберій Юлій Рискупоридъ II (обыкновенно называемый III), имя котораго даютъ намъ монеты[1]), начиная съ 508 года Восп. эры по 525 ($211/_{12}$—$228/_{9}$ по Р. Хр.). О немъ мы также ничего не находимъ у писателей, но къ его времени относится довольно много надписей, изъ которыхъ восемь сохранили имя царя (nnº 41, 42, 43, 48, 430, 431, 449, 450), въ томъ числѣ три съ именемъ его отца (nnº 41, 430, 431)[2]). Въ подписи подъ статуей, поставленной нѣкіимъ Ульпіемъ Антисѳеномъ (nº 41), онъ гордо величается ὁ ἀφ' Ἡρακλέους καὶ Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησκούπορις, υἱὸς μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου. Эти надписи доказываютъ, что Рискупоридъ II не только былъ могущественъ въ своемъ царствѣ, но и среди чужихъ народовъ пріобрѣлъ большую славу. Изъ надписей nnº 42 и 43 мы видимъ, что граждане Амастриды и Прусіады черезъ своихъ пословъ почтили его за благодѣянія статуями. Эпитеты и монеты доказываютъ, что Рискупоридъ II такъ же, какъ и его отецъ, былъ вѣрнымъ союзникомъ Римлянъ.

Послѣ этого Рискупорида II, по свидѣтельству монетъ, нѣсколько разъ Воспорскимъ царствомъ правили по два царя вмѣстѣ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Воспорское царство иногда дѣлилось на двѣ части, быть можетъ, европейскую и азіатскую. Но осталась ли въ одной части царства прежняя царская династія, а другая часть досталась какому-нибудь варварскому народу (какъ предполагаютъ въ наше время нѣкоторые писатели), или цари одной и той же фамиліи добровольно дѣлили между собою царство, это опредѣлить еще невозможно.

Сынъ Рискупорида II, Тиберій Юлій Котисъ III, какъ кажется, еще при

---

1) Бур., стр. 278 сл. Wroth, стр. 70.

2) [Имя Рискупорида II съ именемъ отца его съ полною увѣренностью возстановляется еще въ надписи 222 г., найденной Ю. А. Кулаковскимъ въ Старомъ Крыму въ 1897 г. и изданной нами въ IosPE. IV, 194].

жизни отца принялъ участіе въ правленіи, ибо первая монета ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC выбита въ 524 году Восп. эры[1]), а послѣдняя Рискупорида II относится къ 525 году. Начиная съ 524 года, монеты даютъ имя Котиса до 530 г., изъ чего видно, что онъ царствовалъ только семь лѣтъ ($227/_8$—$233/_4$ по Р. Хр.). Имя его не встрѣчается ни у писателей, ни въ надписяхъ Пантикапейскихъ и Фанагорійскихъ; но три надписи Танаидскія (nn° 432, 452, 453) даютъ намъ полное его имя, а въ четвертой (n° 455) оно возстановляется съ большимъ правдоподобіемъ. Полное имя Котиса III въ надписи 432 читается такъ: βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Κότυς, υἱὸς μεγάλου βασιλέως Ῥησκουπόριδος, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής (имя отца прибавлено также и въ надп. 453). Обычные эпитеты и голова императора Александра Севера, изображенная на монетахъ, доказываютъ, что онъ подчинялся власти Римлянъ.

Вмѣстѣ съ Котисомъ III въ теченіе четырехъ лѣтъ (525 — 529 г. Восп. эры, $229/_{30}$—$232/_3$) царствовалъ Савроматъ III, имя котораго (ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ) читается на монетахъ[2]). Къ его времени Ньютонъ отнесъ надпись n° 54. Кромѣ этой надписи имя его нигдѣ болѣе не встрѣчается — ни у писателей, ни на камняхъ[3]).

Преемникомъ Савромата III былъ, кажется, Рискупоридъ III (обыкновенно называемый IV), имя котораго (ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC) находится на монетахъ[4]) 530 и 531 годовъ Восп. эры ($233/_4$—$234/_5$ по Р. Хр.). Отсюда приходится заключить, что нѣсколько времени онъ царствовалъ вмѣстѣ съ Котисомъ III, а потомъ одинъ. Надписей, которыя съ полною достовѣрностью могли бы быть отнесены ко времени этого Рискупорида, мы не имѣемъ.

Съ 531 года Восп. эры ($234/_5$ по Р. Хр.) начинаются монеты ΒΑCΙΛΕΩC ΙΝΙΝΘΙΜΗΟΥ (или—ΜΗΥΟΥ), которыя продолжаются до 536 г. ($239/_{40}$ по Р. Хр.)[5]). Царь этотъ былъ Тиберій Юлій Ининѳимей, какъ указываютъ двѣ танаидскія надписи 533 года Восп. эры (nn° 433 и 434; ср. также 435), сообщающія полное его имя: βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ἰνινθιμαῖος φιλόκαισαρ

---

1) Бур., Кат. стр. 284, № 300 (табл. XXXII, № 288). Ср. объ этомъ царѣ Кёне, Опис. муз. кн. Кочуб. II, стр. 315.

2) Бур., *Кат.* стр. 285.

3) [Повидимому, имена Котиса III и Савромата III читаются въ Горгиппійской надписи IosPE. IV, 433].

4) Бур. *Кат.*, стр. 287.

5) Ibid. стр. 288. О монетѣ съ надписью ΒΑCΙΔΕΩC ΙΝΗΕΟΥ ср. A. von Sallet, *Zeitschr. f. Numism.* т. IV, стр. 311.

καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής. Трудно сказать, былъ ли онъ законнымъ наслѣдникомъ Котиса или Рискупорида, или же силою оружія овладѣлъ царствомъ, изгнавъ Рискупорида.

Съ 536 года Восп. эры ($239/_{40}$ по Р. Хр.) опять является длинный рядъ монетъ съ именемъ ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC или ΡΗCΚΟΠΟΡΙΔΟC, оканчивающійся только 572 годомъ Восп. эры ($275/_{6}$ по Р. Хр.). Относительно этихъ монетъ нумизматами высказаны разныя мнѣнія. Кёне[1]) полагалъ, что вся серія монетъ принадлежитъ одному царю, и именно тому, который у насъ названъ Рискупоридомъ III; по мнѣнію Кёне этотъ Рискупоридъ, изгнанный въ 531 году Ининеимеемъ, черезъ четыре года опять овладѣлъ отцовскимъ царствомъ. Мнѣніе Кёне раздѣляетъ Бурачковъ[2]). Но уже раньше Кёне Mionnet и Sabatier раздѣлили серію монетъ 536—572 гг. между двумя царями, носившими имя Рискупорида, и это мнѣніе недавно подтвердили гг. Подшиваловъ и Орѣшниковъ[3]), указывая на то, что на монетахъ съ 559 г. Восп. эры изображено совершенно иное, чѣмъ прежде, лицо царя, да и сами монеты гораздо лучше приписываемыхъ Рискупориду III. Такъ какъ это мнѣніе, на мой взглядъ, правдоподобнѣе, то я также различаю двухъ Рискупоридовъ, занимавшихъ послѣ Ининеимея престолъ одинъ за другимъ.

Итакъ, съ 536 по 558 г. Восп. эры ($239/_{40}$—$261/_{2}$ по Р. Хр.) царствовалъ Тиберій Юлій Рискупоридъ IV (обыкновенно называемый V). Къ его времени относятся три надписи (nn° 44—46), въ которыхъ полное имя царя читается такъ: ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησκούπορις φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής. Отсюда видно, что Рискупоридъ IV происходилъ изъ древней царской фамиліи, получилъ царство по праву наслѣдства и былъ вѣренъ Римлянамъ. По этой причинѣ я сомнѣваюсь, можно ли во всемъ довѣрять Зосиму, который, разсказывая о набѣгѣ Борановъ на Азію въ 255 году по Р. Хр. (I, 31), передастъ, что царскій родъ въ Воспорѣ въ то время уже угасъ. Такъ какъ этотъ разсказъ весьма важенъ для знакомства съ исторіей Воспора, то мы воспроизводимъ его здѣсь въ точномъ переводѣ[4]): „Бораны, Готеы,

---

1) Опис. муз. кн. Кочубея, II, стр. 332.

2) Кат. стр. 287, къ № 322.

3) Подшиваловъ, Beschreib. d. uned. Münzen, стр. 23, къ № 73; Орѣшниковъ, Кат. др. Ув. стр. 113.

4) Zosimus ex rec. I. Bekkeri in corpore scr. hist. Byz. (Bonnae 1837), p. 30. [Ср. наши Scythica et Caucas. т. I, стр. 790].

Карпы и Уругунды (племена, живущія по Истру) не оставили не опустошенною ни одной части Италіи и Иллирика, всѣмъ завладѣвая безъ всякаго противодѣйствія. Бораны попытались даже переправиться въ Азію и легко устроили это при посредствѣ жителей Воспора, скорѣе изъ страха, чѣмъ изъ расположенія давшихъ имъ суда и показавшихъ путь при переправѣ. Пока у нихъ были цари, получавшіе власть по праву наслѣдства отъ отца къ сыну, то вслѣдствіе дружбы съ Римлянами, правильно организованныхъ торговыхъ сношеній и ежегодно посылаемыхъ имъ императорами даровъ они постоянно удерживали Скиѳовъ, желавшихъ переправиться въ Азію. Когда же по исчезновеніи царскаго рода во главѣ правленія стали люди недостойные и потерянные, то они, боясь за себя, предоставили Скиѳамъ проходъ чрезъ Воспоръ въ Азію, переправивъ ихъ на собственныхъ судахъ, которыя они взяли обратно и возвратились домой".

Вмѣстѣ съ Рискупоридомъ IV въ теченіе двухъ лѣтъ царствовалъ Фарсанзъ, имя котораго (ΒΑCΙΛΕΩC ΦΑΡCΑΝΖΟΥ) даютъ намъ монеты, выбитыя въ 550 и 551 годахъ Восп. эры ($253/_4$—$254/_5$ по Р. Хр.)[1]). Болѣе нигдѣ имя этого царя не встрѣчается. (Къ нему Моммзенъ относитъ разсказъ Зосима, Röm. Gesch. V, стр. 288).

Между 559—572 годами Восп. эры ($262/_3$—$275/_6$ по Р. Хр.), какъ мы уже видѣли, царствовалъ Рискупоридъ V (обыкновенно называемый VI), котораго, подобно Фарсанзу, мы знаемъ только по монетамъ[2]).

Мѣдныя монеты[3]) того же 572 года ($275/_6$ по Р. Хр.) даютъ имя ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, о которомъ мы ничего ни откуда не знаемъ. Можетъ быть, это былъ Савроматъ IV. Такъ какъ съ 572 же года начинаются

---

1) Кёне, Оп. муз. кн. Кочубея, II, стр. 355; Орѣшниковъ, ibid., стр. 115. Имя этого царя сперва читалось ΑΡΕΑΝΖΟΥ, потомъ ΦΑΡΕΑΝΖΟΥ. Вѣрное чтеніе далъ A. von Sallet, *Zeitschr. f. Numism.* т. IX (1882), стр. 154.

2) Орѣшниковъ, ibid. стр. 116.—Кене *(въ Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. V, приложеніе къ перечню засѣданій за 1852 г., и Опис. муз. кн. Кочуб. II, стр. 354) издалъ мѣдную монету очень плохого чекана съ надписью [ΒΑCΙ]ΛΕΩC CΥΓΓΗC. Imhoof-Blumer (Porträtk. стр. 38) и Head (Hist. num. стр. 431), слѣдуя Кёне, думаютъ, что этотъ царь Сингъ царствовалъ между 239 и 254 или 258 и 276 годами по Р. Хр. Но такъ какъ эта монета, какъ мы сказали, очень плохого чекана и извѣстна въ одномъ экземплярѣ, то Синга, на нашъ взглядъ, еще нельзя принять въ число Воспорскихъ царей и достаточно будетъ упомянуть о немъ здѣсь. А. В. Орѣшниковъ, котораго мы спрашивали объ этой монетѣ, отвѣтилъ, что надпись на ней такъ плохо читается, что объ ней ничего нельзя сказать навѣрное; быть можетъ, на монетѣ стоитъ неправильно написанное имя Рискупорида. [Гиль въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* V, стр. 359, увѣренно приписываетъ ее Рискупориду III].

3) Кёне, Оп. муз. кн. Кочуб. II, стр. 342. Орѣшниковъ, ibid. стр. 117.

монеты царя Тирана, то слѣдуетъ предположить, что Савроматъ или умеръ въ годъ вступленія на престолъ, или былъ изгнанъ Тираномъ, или раздѣлилъ съ нимъ царство.

Полное имя этого царя было Тиберій Юлій Тиранъ (βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Τειράνης φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής); оно сохранилось въ надписи n° 29, начертанной на τελαμών, который царедворцы посвятили Зевсу и Ирѣ за побѣду и долгоденствіе царя и царицы Эліи. Монеты съ именемъ ΒΑCΙΛΕΩC ΤΕΙΡΑΝΟΥ помѣчены 572—575 гг. ($275/_6$—$278/_9$ по Р. Хр.)[1]). Изъ надписи видно, что его власти подчинялись оба берега Воспора: между должностными лицами упоминаются намѣстникъ Θеодосіи и начальникъ Аспургіанъ.

Преемникомъ Тирана былъ Θοθορсъ, извѣстный только по мѣднымъ монетамъ, на которыхъ начертано имя ΒΑCΙΛΕΩC ΘΟΘΟΡCΟΥ или ΘΟΘΩΡCΟΥ[4]); онѣ начинаются съ 575 года Восп. эры и продолжаются до 604 ($278/_9$—$307/_8$ по Р. Хр.). Отсюда видно, что Θοθορсъ получилъ царство тотчасъ послѣ Тирана и правилъ 29 лѣтъ[2]).

Послѣ Θοθορса царствовалъ Радамсадій или Радампсадій[3]), имя котораго, кромѣ монетъ, находится въ двухъ надписяхъ (nn° 49 и 312)[4]). Довольно многія монеты указываютъ, что Радамсадій царствовалъ съ 605 г. Восп. эры по 619 ($308/_9$—$322/_3$ по Р. Хр.), во время правленія императора Константина, голова котораго, по утвержденію Кёне, изображена на всѣхъ монетахъ. Вмѣстѣ съ Радамсадіемъ царствовалъ

Рискупоридъ VI (или VII), имя котораго, какъ кажется, вмѣстѣ съ именемъ Радамсадія начертано въ надписи 312[1]. Кёне (стр. 344 сл.) зналъ плохо

---

1) Кёне, ibid. стр. 356. Орѣшниковъ, ibid.

2) Кене, стр. 357. Орѣшниковъ, стр. 118.

3) [О положеніи Воспора въ началѣ IV в. по Р. Хр. см. нашъ комментарій къ надписи Авр. Валерія Сога, изданной въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 26 сл., № 21].

4) Имя царя на монетахъ является иногда въ формѣ родительнаго падежа ΒΑCΙΛΕΩC ΡΑΔΑΜCΑΔ или ΡΑΔΑΜC, иногда въ формѣ именительнаго ΒΑCΙΛΕΥC ΡΑΔΑΜC или ΡΑΔΑΜΨ или даже полнѣе ΡΑΔΑΜCΑΔΙC и ΡΑΔΑΜCΑΔΙΠC (см. Кёне, Опис. муз. кн. Кочубея, II, стр. 363 сл.). Отсюда ученые заключили, что имя царя было Ῥαδαμσάδης; но такъ какъ надпись 49 даетъ родительный падежъ Ῥαδαμσαδίου, а не Ῥαδαμσάδου, то, какъ кажется, настоящая форма именительнаго п. была Ῥαδαμσάδιος, вмѣсто которой обыкновенно употребляли Ῥαδαμσάδις, по извѣстному обычаю римскихъ временъ. Примѣровъ такого употребленія можно найти весьма много въ воспорскихъ надписяхъ (см. indices нашего сборника и ср. Fr. G. Benseler, De nominibus propriis... in ις ιν pro ιος ιον terminatis, Lips. 1870). Ῥαδαμσάδης, быть можетъ, написано ошибочно вмѣсто Ῥαδαμσάδις согласно произношенію.

отчеканенныя мѣдныя монеты Рискупорида VI отъ всѣхъ почти годовъ Воспорской эры съ 608 до 631. Въ 1882 году г. Подшиваловъ, впервые издавъ двѣ монеты, одну 600 года, другую 638 г.[1]), вывелъ заключеніе, что Рискупоридъ VI царствовалъ между этими годами, т.-е. съ $303/_4$ г. до $341/_2$ г. по Р. Хр. Того же мнѣнія держится Imhoof-Blumer[2]); но г. Орѣшниковъ[3]) сомнѣвается въ правильности чтенія годовъ на этихъ монетахъ. Итакъ, еще неизвѣстно навѣрное, сколько лѣтъ царствовалъ Рискупоридъ VI.

Здѣсь кончается исторія Воспорскаго царства. Монетъ съ именами позднѣйшихъ царей еще не найдено, и мы не знаемъ ничего достовѣрнаго о Воспорскомъ царствѣ вплоть до времени Юстиніана, когда, по всей видимости, прежнее царство было возстановлено подъ властью Византійскихъ императоровъ. Объ этомъ мы говоримъ вкратцѣ въ прибавленіи къ надписямъ, по поводу надписи n° 49[1]); ср. кромѣ того Моммзенъ, Röm. Gesch. т. V, стр. 289, прим. 1 и 2[4]).

Кромѣ того, что мы извлекли выше изъ монетъ и надписей, довольно многое сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный, De adm. imp. гл. 53, о состояніи Воспорскаго царства при Діоклетіанѣ и его преемникахъ и о войнахъ противъ Херсонисцевъ, но ученые съ полнымъ правомъ сомнѣваются въ истинности его разсказа. Я относительно этого вопроса вполнѣ согласенъ съ Моммзеномъ, который въ своей Röm. Gesch. т. V, стр. 291, пр. 1 говоритъ слѣдующее: „Die chersonesitischen Märchen bei dem späten Constantinus Porphyrogenitus de adm. imp. c. 53 kommen natürlich nicht in Betracht. Der böse Bosporanische König Sauromates Κρισκωνόρου (nicht Ῥησκουπόρου) υἱός, der mit den Sarmaten gegen Kaiser Diocletianus und Constantius so wie gegen das reichstreue Cherson Krieg führt, ist offenbar hervorgegangen aus einer Verwirrung des bosporanischen Königs- und des Volksnamens und gerade so historisch wie die Variation auf die Geschichte von David und Goliath, die Erlegung des gewaltigen Königs der Bosporaner Sauromates durch den kleinen Chersonesiten Pharnacos. Die Königsnamen allein, zum Beispiel ausser den genannten der nach dem Erlöschen des Geschlechts der Sauromaten eintretende Asandros, genügen“. Моммзенъ

---

1) Beschreibung d. uned. Münzen, стр. 24, №№ 75 и 79.
2) Porträtk., стр. 38.
3) Кат. др. Ув., стр. 119.
4) [Ю. А. Кулаковскій, Керченская христ. катакомба 491 г. *Мат. по археологіи Россіи*, № 6. Спб. 1891].

(стр. 289 сл.) сдѣлалъ также нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній о состояніи Воспорскаго царства въ эпоху римскихъ императоровъ. (Ср. также Григорьевъ, Р. и Аз. стр. 410 сл.).

Въ заключеніе прилагаемъ списокъ Воспорскихъ царей, начиная съ Рискупорида I[1]):

	Годы по Р. Хр.
Тиб. Юлій Рискупоридъ I	71 (69?)—92.
Тиб. Юлій Савроматъ I, сынъ Рискупорида	$93/_4$—$123/_4$.
Тиб. Юлій Котисъ II [сынъ Савромата I]	$123/_4$—$131/_2$.
Тиб. Юлій Римиталкъ	$131/_2$—$153/_4$.
Тиб. Юлій Евпаторъ	$154/_5$—$170/_1$.
Тиб. Юлій Савроматъ II, сынъ Римиталка	$174/_5$—$210/_{11}$.
Тиб. Юлій Рискупоридъ II, сынъ Савромата II	$211/_2$—$228/_9$.
Тиб. Юлій Котисъ III, сынъ Рискупорида	$227/_8$—$233/_4$.
Савроматъ III	$229/_{30}$—$232/_3$.
Рискупоридъ III	$233/_4$—$234/_5$.
Тиб. Юлій Ининѳимей	$234/_5$—$239/_{40}$.
Тиб. Юлій Рискупоридъ IV	$239/_{40}$—$261/_2$.
Фарсанзъ	$253/_4$—$254/_5$.
Рискупоридъ V	$262/_3$—$275/_6$.
Савроматъ IV	$275/_6$.
Тиб. Юлій Тиранъ	$275/_6$—$278/_9$.
Ѳѳорсъ	$278/_9$—$307/_8$.
Радамсадій	$308/_9$—$322/_3$.
Рискупоридъ VI	$303/_4^?$—$341/_2^?$

1) [Х. Х. Гиль въ заключеніи своей статьи «Новыя пріобрѣтенія моего собранія» (*Зап. И. Р. Арх. Общ.* V, стр. 360) также далъ «хронологическую таблицу царей Воспора на основаніи годовъ, находящихся на ихъ монетахъ». Эта таблица представляетъ слѣдующія отступленія отъ нашей: Рискупоридъ I показанъ царствовавшимъ съ 68/69 по 91/92 г. по Р. Хр.; Евпаторъ—съ 154/5 по 173/4; Рискупориды III и IV объединены въ Рискупорида III съ годами 233/4—256/7; Ининѳимей—съ 234/5 по 238/9; Рискупоридъ IV (у насъ V) съ 261/2 по 275/6; Ѳѳорсъ съ 286/7 по 308/9; Радамсадъ съ 309/310 по 318/9; Рискупоридъ V (у насъ VI)—съ 318/9 по 341/2].— А. Х Стевенъ въ описаніи найденнаго въ 1908 г. Таракташскаго клада (*Изв. Таврич. уч. арх. комм.* № 43, 1909 г., стр. 99—101) указываетъ, между прочимъ, что въ этомъ кладѣ нашлась одна монета Рискупорида II (III) отъ 507 г. Восп. эры и одна Тирана отъ 576 г.; монеты Ѳѳорса въ этомъ кладѣ встрѣтились съ годами 583—600, Радамсадія—съ годами 607—619, Рискупорида VI—съ годами 615—623].

ГЛАВА 3-я.

О должностныхъ лицахъ Воспорскаго царства.

О гражданскомъ строѣ Воспорскаго царства во времена Спартокидовъ мы кое-что сказали выше на стр. 84. Государственный строй царства въ эпоху римскихъ императоровъ въ общемъ правильно объяснилъ Моммзенъ въ м. ук. выше на стр. 123. Итакъ, сообразно съ планомъ этого введенія, намъ остается только сказать нѣсколько словъ о должностныхъ лицахъ, которыя довольно часто встрѣчаются въ надписяхъ императорскаго періода. Названія нѣкоторыхъ должностей возникли въ самомъ Воспорѣ, названія другихъ, какъ кажется, заимствованы извнѣ. Изъ надписей, сообщающихъ намъ названія должностныхъ лицъ, особенно важна изданная подъ n° 29, относящаяся ко времени царя Тирана, такъ какъ въ ней прописаны если не всѣ должностныя лица, то навѣрное большинство ихъ. Высшія власти и вообще всѣ придворные, повидимому, назывались ἀριστοπυλεῖται; значеніе этого названія, встрѣчающагося только однажды, въ надп. n° 29, я попытался объяснить въ комментаріи къ этой надписи[1]). Эти ἀριστοπυλεῖται, какъ и вездѣ, были частью военные, частью гражданскіе.

Между должностными лицами первое мѣсто, какъ кажется, занимали ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας и ὁ ἐπὶ τῆς νήσου. Первое названіе встрѣтилось до сихъ поръ шесть разъ, второе—три раза (см. indices). Бёкъ, издавая въ C. I. Gr. надписи, которыя у насъ поставлены подъ nn° 363 и 423, еще не былъ въ состояніи точно опредѣлить, кто былъ ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας[2]); позже, при объясненіи надписи n° 29, онъ сказалъ, что по его мнѣнію это было лицо, которому царь ввѣрялъ управленіе всѣмъ государствомъ[3]). По мнѣнію Стефани, ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας былъ намѣстникомъ азіатской части царства, которою владыки Воспора управляли съ титуломъ царей[4]). Позже Стефани, когда ему впервые попалось названіе τοῦ ἐπὶ

---

1) [Придворные вообще назывались также, повидимому, οἱ βασιλικοί: см. IosPE. IV, 359].

2) C. I. Gr. II, p. 163: «Tum ἐπὶ τῆς βασιλείας fuerit sub regno ita ut ille apud regem Bospori principis officium sive ordinem obtinuerit». Стр. 1010: «Videntur ἐπὶ τῆς βασιλείας dici certi quidam regis ministri».

3) Ges. Schr. VI, стр. 464: «Es scheint dies ein Beamter zu sein, der in der Nähe des Königs mit der Verwaltung des ganzen Reiches betraut war».

4) Antt. du Bosph. Cimm. т. II, стр. 219 (къ № XVIII): «Le préfet du pays Royal, ce que l'on doit rapporter probablement aux parties asiatiques de l'Empire, où les princes du Bosphore régnaient avec le titre de roi, et non d'archonte comme à Panticapée». Мнѣнію Стефани слѣдуетъ Беккеръ, *Jahrb. f. cl. Phil.* 83, стр. 528 сл.—*Зап. Од. Общ.* т. V, стр. 13 сл.

τῆς νήσου, уже не сомнѣвался въ вѣрности своего объясненія и потому предположилъ, что ὁ ἐπὶ τῆς νήσου управлялъ Таврическимъ полуостровомъ[1]). Намъ однако объясненія, представленныя Стефани, кажутся мало вѣроятными. Во-первыхъ, нигдѣ у древнихъ писателей мы не находимъ, что весь Таврическій полуостровъ назывался νῆσος, да притомъ онъ и не весь былъ подчиненъ Воспорскимъ царямъ. Напротивъ, полуостровъ, который нынѣ называется Таманскимъ, въ древности на самомъ дѣлѣ назывался островомъ и былъ имъ[2]). Во-вторыхъ, въ надписи n° 29 намѣстникъ царства называется вмѣстѣ съ тѣмъ и намѣстникомъ Θеодосіи (ὁ ἐπὶ βασιλείας καὶ ἐπὶ Θεοδοσίας); а если бы „царство“ находилось на азіатскомъ берегу Воспора, то весьма трудно было бы объяснить, какимъ образомъ одно и то же лицо управляло и царствомъ и Θеодосіей; если же мы рѣшимъ, что „царствомъ“ была часть Воспора на европейскомъ берегу пролива, то дѣло объясняется весьма легко, хотя мы и не можемъ еще сказать, почему Θеодосія въ то время была отдѣлена отъ остальной европейской части царства[3]).

Ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας въ первый разъ встрѣчается въ 193 году по Р. Хр. (n° 423); но такъ какъ должность τοῦ ἐπὶ τῆς νήσου упоминается уже во время Аспурга (n° 36) и дважды (nn° 257, 359) въ первыя десятилѣтія II вѣка по Р. Хр., то отсюда легко заключить, что и должность намѣстника царства установлена была тѣмъ же Аспургомъ или даже въ болѣе раннее время. Изъ надписей 363 и 423, гдѣ упоминаются лица, бывшія раньше намѣстниками царства (οἱ πρὶν ἐπὶ τ. β.), видно, что эта должность не была пожизненна. Изъ надписей 46 и 433 явствуетъ, что она могла соединяться съ другими должностями.

Въ надписи n° 29 намѣстникъ острова не упомянутъ, но является ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, котораго кромѣ того мы имѣемъ въ надп. 431, относящейся ко времени Рискупорида II. Ученые правильно объясняютъ, что этимъ именемъ обозначенъ начальникъ народа Аспургіанъ, извѣстнаго уже Страбону[4]). Про-

---

1) Compte rendu de la Comm. Imp. archéol. pour l'année 1861, стр. 174.

2) Страв. XI, 2, 9 (p. 494): ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην (т. е. Κορακονδαμῖτιν) ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ, καὶ ποιεῖ νῆσον περίκλυστόν τινα ταύτῃ τε τῇ λίμνῃ καὶ τῇ Μαιώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ. Ср. § 10 (p. 495): ἡ Φαναγόρεια καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἵδρυνται κτλ.

3) [Намѣстникъ Θеодосіи упоминается еще въ надписи 306 г., изданной нами въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 26 сл., № 21. Горгиппіею также управлялъ въ римскую эпоху особый намѣстникъ или губернаторъ, носившій названіе ὁ ἐπὶ Γοργιππίας. См. IosPE. IV, 434].

4) Ср. Boeckh, Ges. Schr. VI, стр. 464: «Er war also Präfect oder Verwaltungsvorsteher des Mäotischen Volkes der Aspurgianer, welche wir aus Strabo kennen, dessen Stelle Stephanus von Byzanz ausgeschrieben hat».

исхожденіе названія „Аспургіаны“ мы уже пытались объяснить выше на стр. 103. Въ болѣе позднее время этимъ именемъ называлось, какъ кажется, мэотійское племя, отдѣльное отъ другихъ. Такъ какъ Аспургіаны жили вблизи „острова“, то, быть можетъ, въ древнѣйшее время они были подчинены намѣстнику острова, но въ третьемъ вѣкѣ по Р. Хр. почему-то имѣли собственнаго начальника. Выше указанныя надписи доказываютъ, что эта должность также могла соединяться съ другими общественными должностями.

Изъ чиновниковъ собственно придворныхъ въ надписяхъ упоминаются слѣдующіе: 1) ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς, *управляющій царскимъ дворомъ*, названіе котораго до сихъ поръ встрѣтилось два раза, а именно въ надп. 48 (225 г. по Р. Хр.) и 65; 2) ἀρχικοιτωνείτης, *главный спальникъ*; изъ танаидской надписи nº 428, относящейся къ 192 году по Р. Хр., мы видимъ, что Юлій Менестратъ былъ главнымъ спальникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посланникомъ царя, отправленнымъ для управленія городомъ Танаидомъ; 3) κραβατάριος, о которомъ см. примѣчаніе къ nº 297 [и *Изв. И. Арх. Ком.* в. 10, стр. 66, nº 68]. 4) Къ придворнымъ чиновникамъ, какъ кажется, долженъ быть отнесенъ также и ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, упомянутый въ трехъ надписяхъ поздняго времени (nnº 29, 131, прибавл. 49[1]). Такъ какъ слово πινακίς иногда означаетъ дощечку для письма[1]), то названіе этого чиновника, какъ кажется, имѣетъ то же значеніе, какъ и латинское a codicillis, которое иногда передается по-гречески ὁ ἐπὶ τῶν κωδικίλλων[2]). Но такъ какъ въ той же надписи nº 29 упоминаются 5) ἀρχιγραμματεύς и 6) γραμματεύς, то, быть можетъ, обязанности всѣхъ этихъ чиновниковъ должно различать такимъ образомъ, что ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος былъ личный секретарь царя, γραμματεῖς были государственные писцы, а ἀρχιγραμματεύς — ихъ начальникъ (главный секретарь). 7) Ὁ ἐπὶ τῶν λόγων, упомянутый тамъ же (nº 29); нельзя сказать навѣрно, былъ ли этотъ магистратъ начальникомъ государственныхъ отчетовъ, или же начальникомъ частныхъ отчетовъ царя[3]).

Военныя власти встрѣчаются слѣдующія: στρατηγὸς πολειτῶν (въ танаидской надписи nº 423, 193 года по Р. Хр.), ναύαρχος (nnº 25 и 27, при

---

1) Плутархъ, Tib. Gr. 6: Ἐν δὲ τούτοις καὶ πινακίδες ἦσαν τοῦ Τιβερίου, γράμματα καὶ λόγους ἔχουσαι τῆς ταμιευτικῆς ἀρχῆς. Позже вмѣсто πινακίδες употребляется слово αἱ δέλτοι. См. H. Stephani Thesaurus l. Graecae, s. v.

2) C. I. Gr. 6666.

3) Объ этой должности ср. C. I. Gr. 4957, 6627. [Въ надписи IosPE. IV, 202 упоминается еще, быть можетъ, хранитель дворцовой казны, ὁ περὶ αὐλὴν γα[ζοφύλαξ?].

Асандрѣ и Котисѣ II), χειλιάρχης или χειλίαρχος (nn° 29, 41, 46, 357; послѣдняя надпись относится къ концу II вѣка по Р. Хр., всѣ остальныя — къ III вѣку), наконецъ, λοχαγός (nn° 29 и 363). Изъ нихъ χειλίαρχος по значенію соотвѣтствуетъ латинскому tribunus militum[1]); должность его, какъ свидѣтельствуютъ надписи 29 и 46, могла соединяться съ другими гражданскими и придворными должностями. Названіе λοχαγός, какъ кажется, употреблялось не въ собственномъ значеніи, но обозначало одного изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ.

Дѣлами, относящимися къ религіи, въ Римскую эпоху завѣдываль ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν; названіе его мы имѣемъ въ надписяхъ 352 и 353, а можетъ быть и въ 50[2]).

Во главѣ гражданъ Пантикапея, какъ кажется, стоялъ πολειτάρχης, названіе котораго до сихъ поръ встрѣтилось одинъ только разъ, въ надп. n° 29[3]). Подобные же магистраты были и въ Агриппіи, какъ видно изъ надписи n° 363 (Ἀγριππέων Καισαρέων ἄρχοντες). Въ надписяхъ Горгиппіи упоминаются только στρατηγός (nn° 402, 405), λοχαγός (n° 402 [и IV, 436 a]) и γυμνασίαρχος (n° 404), кромѣ того ἱερεύς (nn° 405 и 410), [ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν, IosPE. IV, 434 и, быть можетъ, ταγματάρχης ibid. 431].

Больше мы знаемъ объ устройствѣ Танаида[4]). Этотъ городъ, какъ мы видѣли выше, былъ разрушенъ Полемономъ I и возстановленъ, какъ кажется, въ началѣ II вѣка по Р. Хр. (ср. выше стр. 54); впрочемъ, стѣны и строенія города, какъ доказываютъ многія сохранившіяся надписи (см. nn° 427—435), были возобновлены не тотчасъ, но главнымъ образомъ въ концѣ того же вѣка и въ началѣ третьяго. Самъ городъ назывался то ἐμπόριον, то πόλις. Въ то время онъ былъ подчиненъ власти Воспорскихъ царей, которые управляли имъ черезъ *посланниковъ*. Этотъ „посланникъ“, очень часто встрѣчающійся въ Танаидскихъ надписяхъ, большею частью называется πρεσβευτής (nn° 422, 430, 431, 433—

1) Ср. S. Reinach, Traité d'épigraphie Grecque, стр. 537.

2) Подобная должность (ὁ ἐπὶ τὰ ἱερά) была на островѣ Дилосѣ: ср. *Bull. de corr. hellén.* VI стр. 476, VII стр. 377, VIII стр. 126 и V. de Schoeffer, De Deli insulae rebus (Berol. 1889), стр. 203. [Должностное лицо юридическаго характера πράκτωρ δικῶν упоминается въ IosPE. IV, 342].

3) Названіе это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ: ср. Act. Apost. 17, 6; C. I. Gr. 1967; *Bull. de corr. hell.* II, стр. 405.

4) Его изслѣдовалъ И. В. Помяловскій въ статьѣ «о Танаитскихъ коллегіяхъ», помѣщенной въ *Трудахъ VI археолог. сьезда въ Одессѣ*, т. II, стр. 24 сл.

435, [IV, 447]), однажды ὁ ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον (n° 423, 193 года по Р. Хр.) и однажды ὁ πρεσβεύσας (n° 428, см. прим.). Посланники, безъ сомнѣнія, выбирались самими царями, иногда изъ высшихъ пантикапейскихъ чиновниковъ: такъ, напр., въ надписи n° 428 посланникомъ является главный спальникъ Юлій Менестратъ, въ надп. n° 431 посланникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ Аспургіанъ является Зинонъ Фаннеевъ, въ надп. n° 433 обязанности посланника исполняетъ намѣстникъ царской области; но встрѣчаются также посланники, избранные царями изъ самихъ Танаитовъ: таковъ часто упоминаемый въ Танаидскихъ надписяхъ Хофрасмъ Форгаваковъ, являющійся посланникомъ въ nn° 434 и 435.

Въ торжищѣ жили Греки и варвары; послѣдніе собственно и назывались Танаитами: Ἕλληνες καὶ Ταναεῖται ясно различаются въ надписи n° 428; быть можетъ, то же самое значеніе имѣетъ формула ἡ πόλις καὶ οἱ ἔμποροι, встрѣчающаяся во многихъ надписяхъ: οἱ ἔμποροι, можетъ быть, греческіе купцы [1]), а выраженіе ἡ πόλις тожественно съ выраженіемъ οἱ πολῖται или οἱ Ταναεῖται. Греки составляли отдѣльную общину, начальникомъ которой былъ Ἑλληνάρχης (см. indices). Начальникомъ Танаитовъ былъ ἄρχων Τανάεως (n° 425) или Ταναειτῶν (n° 427). Въ надписи n° 430 въ должности архонтовъ (ἄρχοντες Ταναειτῶν) являются четыре лица; когда и почему произошла такая перемѣна, конечно, съ точностью неизвѣстно [2]). Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, упоминается однажды откупщикъ (προσοδικός, n° 432) и однажды ὁ διάδοχος (n° 434); о послѣднемъ нельзя сказать ничего положительнаго [3]).

Кромѣ должностныхъ лицъ, во многихъ Танаидскихъ надписяхъ встрѣчаются избранные изъ гражданъ попечители (ἐπιμεληταί). О должностныхъ лицахъ Танаидскихъ коллегій мы говоримъ въ особомъ введеніи, предпосланномъ надписямъ, относящимся къ коллегіямъ [4]).

1) Г. Помяловскій сравниваетъ съ ними τοὺς πραγματευομένους Ῥωμαίους, жившихъ на о. Дилосѣ; о послѣднихъ подробно говоритъ Homolle, *Bull. de corr. hell.* VIII, стр. 75 сл.

2) По мнѣнію г. Помяловскаго, упомянутый въ одиночку архонтъ былъ архонтомъ-эпонимомъ.

3) Г. Помяловскій предполагаетъ, что ὁ διάδοχος былъ кандидатомъ еллинарха.

4) IosPE. II, p. 246.

Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточнаго побережья Чернаго моря.

I.

Къ Страв. VII, 4, 2[1]).

Слѣдуя въ 3-й главѣ VII книги, въ описаніи сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго отъ Истра до Таврическаго полуострова, по направленію отъ запада къ востоку и описавъ въ заключительномъ параграфѣ (19) этой главы Ахилловъ бѣгъ (нын. Тендру) и Каркинитскій заливъ, Страбонъ въ главѣ 4-й переходитъ къ описанію Таврическаго полуострова. Первый § этой главы посвященъ описанію Перекопскаго перешейка и Гнилого озера, а затѣмъ въ § 2 говорится слѣдующее (по изд. Крамера):

Ἐκπλέοντι δ' ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη καὶ ἄλλος λιμὴν Χερρονησιτῶν. ἔκκειται γὰρ ἐπὶ τὴν μεσημβρίαν ἄκρα μεγάλη κατὰ τὸν παράπλουν ἐφεξῆς, μέρος οὖσα τῆς ὅλης Χερρονήσου, ἐφ' ᾗ ἵδρυται πόλις Ἡρακλεωτῶν, ἄποικος τῶν ἐν τῷ Πόντῳ, αὐτὸ τοῦτο καλουμένη Χερρόνησος, διέχουσα τοῦ Τύρα παράπλουν σταδίων τετρακισχιλίων τετρακοσίων· ἐν ᾗ τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονός τινος, ἧς ἐπώνυμος καὶ ἡ ἄκρα ἡ πρὸ τῆς πόλεώς ἐστιν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλουμένη Παρθένιον, ἔχον νεὼν τῆς δαίμονος καὶ ξόανον. μεταξὺ δὲ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἄκρας λιμένες τρεῖς κτλ.

Разсмотрѣніе приведенныхъ словъ древняго географа и составитъ предметъ настоящей замѣтки. Прежде всего нужно замѣтить, что первое слово ἐκπλέοντι по смыслу несомнѣнно относится къ описанному въ § 19 предыдущей главы Каркинитскому или Тамиракскому заливу, названіе котораго и дополняется во всѣхъ

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1892, апрѣль, отд. классич. филол. стр. 1—9.

переводахъ и объясненіяхъ этого мѣста, но такъ какъ въ предыдущемъ § (IV, 1) описывается Гнилое озеро, то по контексту ἐκπλέοντι можно относить только къ нему. Не признавая возможнымъ, чтобы авторъ намѣренно допустилъ такую неясность, мы вмѣстѣ съ Гроскурдомъ [1]) полагаемъ, что въ первоначальномъ текстѣ непремѣнно должно было стоять ἐκπλέοντι δ'[ἐκ τοῦ Καρκινίτου κόλπου] ἐν ἀριστερᾷ κτλ. Замѣтимъ еще, что запятая послѣ Ἡρακλεωτῶν въ изданіи Крамера неправильна; въ изданіи Мейнеке ея нѣтъ.

Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе слова καὶ ἄλλος λιμὴν Χερρονησιτῶν. Такъ какъ раньше авторъ не только не упоминаетъ ни о какой херсонисской гавани, но и самое имя Херсонисцевъ поставлено у него здѣсь впервые, то эти слова возбуждаютъ сильное сомнѣніе, и потому уже Казобонъ предложилъ читать πολίχνη Καλὸς λιμὴν Χερσονησιτῶν. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно ближайшимъ образомъ, чѣмъ онъ мотивировалъ свою конъектуру, такъ какъ мы не могли имѣть подъ руками его изданія. Конъектура Казобона, при всей ея привлекательности, не стала, однако, общепризнанною. Правда, нѣкоторые издатели (напр. Корайсъ) и переводчики (Гроскурдъ, Мищенко) принимаютъ ее въ текстъ, а нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря вполнѣ увѣрены, что названіе Прекраснаго порта находилось въ первоначальномъ текстѣ Страбона, но новѣйшіе издатели Крамеръ и Мейнеке отказываютъ ей въ правдоподобіи. Первый удерживаетъ чтеніе рукописей, хотя приводимыя имъ основанія доказываютъ только то, что онъ небрежно отнесся къ обсужденію этого мѣста [2]), а второй отмѣчаетъ данное мѣсто звѣздочкою, какъ испорченное, а въ предисловіи вмѣсто ἄλλος предлагаетъ ἅμα [3]). Третій

---

1) Strabons Erdbeschreibung in siebenzehn Büchern... verdeutscht von Chr. G. Groskurd, I Th. (Berl. u. Stettin, 1831), S. 543: «Ich lese, um den richtigen Zusammenhang herzustellen, Ἐκπλέοντι δ'[ἐκ Καρκινίτου] ἐν. Dieser Zusatz durfte nicht fehlen, weil man sonst den Satz auf den Sumpf Sapra beziehen würde. Schon Kas. gab wenigstens richtige Erklärung».

2) Strabonis Geographica rec. G. Kramer, vol. II (Berol. 1847), p. 35 in adn. ad v. 13: «καὶ Καλὸς λιμὴν Cor. ex coni. Cas., coll. Ptol. III, 5 et Mela II, 1, 25, qui portum quidem habent ita nominatum, sed locis et inter se et ab hoc, de quo agit Strabo, valde diversis: neque cur vox ἄλλος, quae ansam praebuit illi coniecturae respuatur ulla est causa». Относительно замѣчанія о Птолемеѣ и Мелѣ ср. возраженіе К. Мюллера, приведенное ниже, стр. 131, прим. 1. Замѣчаніе же о томъ, что нѣтъ причины отвергать ἄλλος, ничѣмъ не подтверждено и доказываетъ только, что Крамеръ не обратилъ вниманія на предыдущій текстъ Страбона, въ которомъ не упоминается ни о какой Херсонисской гавани, которой можно было бы противопоставить данную.

3) Strabonis Geographica rec. Aug. Meineke, vol. II (Lips. 1853), praef. p. III ad p. 423, 16.

изъ новыхъ издателей, К. Мюллеръ, сначала одобрилъ конъектуру Казобона, хотя и не принялъ ее въ текстъ, а только въ переводъ [1]), а впослѣдствіи, вновь обсудивъ это мѣсто въ примѣчаніяхъ къ Птолемею, предположилъ здѣсь пропускъ и предложилъ восполнить его слѣдующимъ образомъ: ἐκπλέοντι δ' ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη [καὶ Καλὸς λιμὴν, εἶτα δὲ] ἄλλος λιμὴν Χερσονησιτῶν [2]).

Намъ кажется, что предположеніе Мюллера о пропускѣ вполнѣ справедливо, но что пропускъ былъ значительнѣе, чѣмъ предположенный почтеннымъ издателемъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на непосредственно слѣдующія слова Стравона: ἔκκειται γὰρ ἐπὶ τὴν μεσημβρίαν ἄκρα μεγάλη κατὰ τὸν παράπλουν ἐφεξῆς κτλ. Частица γὰρ показываетъ, что эта фраза содержитъ объясненіе къ предыдущей и именно къ слову Χερσονησιτῶν (такъ что смыслъ ихъ будетъ слѣдующій: ...гавань Херсонисцевъ: дѣло въ томъ, что на находящемся вслѣдъ за нею мысу лежитъ городъ Херсонисъ и т. д.), и

---

1) Strabonis Geogr. curantibus C. Müllero et F. Dübnero (Paris. Firmin Didot, 1853), p. 256: «Enaviganti *(e sinu Carcinite)* ad laevam oppidum est, et alius (l. καὶ Καλὸς, et Calus *i. e. Pulcher*) portus Chersonesitarum». Ср. обсужденіе этого мѣста въ «Index variae lectionis», p. 983, гдѣ послѣ воспроизведенія вышеприведенной (стр. 130) замѣтки Крамера издатели продолжаютъ: «Nullus in antecc. memoratur portus; quare in verbo ἄλλος recte offenderunt Cas., Grosk., Cor., Mein[eke]... Pro ἄλλος fort. leg. esse ἅμα suspicatur Meinekius, qui iis, quae de geographicis monet Kramerus, acquievisse videtur. At dubium non est, quin recte Καλὸς λιμήν priores interpretes reponi jusserint. De situ portus e Melae compendio accuratioris aliquid erui nequit. Ptolemaeus a Strabone eatenus recedit, quod Calum portum in Carcinite quidem sinu et in ora ejus boreali collocat, dum Strabonis narratio portum flagitat in objecto litore meridionali positum; ibi vero cum Strabone hunc portum ponit Arrianus, Ponticae orae descriptor omnium accuratissimus (V. Geogr. min. t. I p. 396 sq.)».

2) Cl. Ptolemaei Geographia, rec. C. Müllerus (Paris. Firmin Didot, 1883), v. I, p. 415. Говоря о Каркинитидѣ и Прекрасномъ портѣ, издатель заключаетъ: «Nescio an hic portus intelligendus sit apud Strabonem..., ubi interpretes ἄλλος vocem in κλὸς mutarunt, fortassis vero verba in hunc modum redintegranda sunt (см. въ текстѣ). Videlicet ὁ Καλὸς λιμήν longius a Chersoneso dissitus est quam ut ad ditionem urbis eum pertinuisse probabite sit». Послѣднее замѣчаніе опровергается вновь найденною херсонисскою присягою, которая вскорѣ будетъ издана нами въ одномъ изъ выпусковъ «Матеріаловъ по археологіи Россіи, изд. Императорскою Археологическою Коммиссіею» [см. ниже стр. 142 слл.]. Нужно замѣтить, впрочемъ, что предположеніе о пропускѣ высказывалъ уже К. Нейманъ (Die Hell. im Skythenl. p. 384), но на его справедливое замѣчаніе не было обращено должное вниманіе. Давъ переводъ начала разсматриваемаго §, онъ продолжаетъ: «Da er vorher von dem faulen Meere gesprochen hat, so ist einleuchtend, dass vor dem angeführten Satz ein Abschnitt fehlt, in welchem die Südküste des Karkinites und die Westküste der Krim beschrieben waren; über diesen ganzen Landstrich finden wir bei Strabon kein Wort, und die absolute Zusammenhangslosigkeit des Folgenden mit den vortrefflichen Bemerkungen über das faule Meer lehrt überzeugend, dass die Abschreiber hier einen Abschnitt übersahen oder, als weniger interessant, wissentlich übergingen». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ авторъ даетъ греческій текстъ разсматриваемаго отрывка и затѣмъ продолжаетъ: «Das γαρ ist unlogisch. Es stand vor ἔκκειται γὰρ vermuthlich ein Satz, welcher besagte, dass nun die Fahrt eine Strecke weit nach *Westen* gehe». Мы не видимъ въ γὰρ никакой нелогичности и объясняемъ его ниже въ текстѣ.

по содержанію ея видно, что выступъ, на которомъ лежалъ городъ Херсонисъ, находился *непосредственно* (ἐφεξῆς) за этой „другой гаванью“. Спрашивается, могъ ли Страбонъ сказать, что большой выступъ, на которомъ расположенъ былъ Херсонисъ, находился непосредственно за гаванью, бывшею при выходѣ изъ Каркинитскаго залива, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между этими мѣстностями тянется очень длинное побережье? Если мы обратимъ вниманіе на то, что Страбонъ въ своемъ описаніи сѣвернаго побережья Чернаго моря обнаруживаетъ вообще очень основательное знакомство съ его географіею, то на этотъ вопросъ придется дать отрицательный отвѣтъ. „Большой выступъ“ начинается вслѣдъ за *Севастопольской бухтой*, и мнѣ кажется, что подъ ἄλλος λιμήν у Страбона слѣдуетъ разумѣть именно ее[1]). Если же она названа „другою гаванью Херсонисцевъ“, то, значитъ, впереди было упоминаніе о какой-то первой по счету гавани ихъ, которою скорѣе всего могъ быть именно „Прекрасный портъ“. Изъ извѣстной херсонисской присяги и изъ декрета въ честь Діофанта[2]) мы знаемъ, что поселеніе, носившее это названіе, дѣйствительно принадлежало сначала Херсонисцамъ, но потомъ было отнято у нихъ Скиѳами, такъ что Діофанту пришлось его осаждать. Удалось ли ему отнять „Прекрасный портъ“ у Скиѳовъ и возвратить Херсонисцамъ, въ надписи прямо не сказано, но во всякомъ случаѣ при засвидѣтельствованныхъ надписью блестящихъ успѣхахъ Діофанта это предста-

---

1) Уже покойный П. В. Беккеръ (Die Herakleotische Halbinsel in archäol. Beziehung behandelt v. Dr. Paul Becker, Leipz. 1856, стр. 6—9) полагалъ, что подъ ἄλλος λιμήν можно разумѣть только Севастопольскій рейдъ, но при этомъ далъ словамъ Страбона натянутое и неточное толкованіе. Подробно разобравши все это мѣсто географа, онъ въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 9 говоритъ: «Der Gedankengang Strabon's ist etwa folgender: «aus dem karkinitischen Busen kommt man, sich zur Linken haltend, zu einem Städtchen und *einem anderen Hafen* (einem Nebenhafen) der Cherronesiten. Ich sage zu *einem anderen Hafen* (einem Nebenhafen), weil die Stadt und die eigentlichen Häfen der Cherronesiten etwas südlicher liegen». Относительно его мнѣнія, что ἄλλος λιμήν обозначаетъ «einen Nebenhafen», уже К. Мюллеръ (Strab. Geogr. ed. Firmin Didot, p. 983) справедливо замѣтилъ: «id ferri non posse nemo graece doctus non intelligit». Кромѣ того, неточенъ и данный Беккеромъ переводъ словъ ἐκπλέοντι δ ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη: они не значатъ «изъ Каркинитскаго залива пріѣзжающаго, держась влѣво, къ городку» и т. д., а значатъ: при выходѣ [собств. для выплывающаго] изъ Каркинитскаго залива влѣво [лежитъ] городокъ» и т. д. Противъ предложеннаго Беккеромъ отожествленія «другой гавани» съ Севастопольскимъ рейдомъ возражалъ Брунъ (Черноморье, т. I, стр. 69), разумѣя подъ πολίχνη Прекрасный портъ, подъ ἄλλος λιμήν — Акмечетскую бухту. Наконецъ, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ («*Крымскій Вѣстн.*» 1891 г., №№ 91 и 92), пользуясь Страбономъ въ переводѣ Мищенка, гдѣ принята конъектура Казобона, отожествляетъ Прекрасный портъ съ Севастопольской бухтой, что положительно невозможно въ виду показаннаго Арріаномъ и Безъименнымъ разстоянія Прекраснаго порта отъ Херсониса.

2) [IosPE. IV, № 79 и I, № 185].

вляется вполнѣ возможнымъ [1]). Возможно, впрочемъ, и то, что Страбонъ отмѣтилъ принадлежность Херсонисцамъ только второй гавани, а первая могла не принадлежать имъ.

Такимъ образомъ мы предполагаемъ въ разсматриваемой фразѣ между словами πολίχνη и ἄλλος λιμὴν значительный пропускъ, въ которомъ пропало болѣе или менѣе подробное описаніе побережья отъ выхода изъ Каркинитскаго залива до Севастопольскаго рейда, при чемъ было упомянуто о Прекрасномъ портѣ, а можетъ быть и о городкѣ Каркинитидѣ, находившемся, по свидѣтельству периплововъ Арріана и Безъименнаго, между Прекраснымъ портомъ и Херсонисомъ, въ 700 стадіяхъ отъ перваго и 600 отъ второго. Кто знакомъ съ состояніемъ Страбоновскаго текста, особенно въ VII-й книгѣ, тому предположеніе о пропускѣ не можетъ показаться невѣроятнымъ. Къ сожалѣнію, и „Страбоновская христоматія“ не можетъ оказать помощи восполненію пропуска, такъ какъ въ ней почему-то пропущено содержаніе всего разсматриваемаго параграфа.

Слѣдующую далѣе фразу Страбона, въ которой говорится о святилищахъ Дѣвы, всѣ извѣстные мнѣ изслѣдователи и переводчики понимаютъ такъ, что въ городѣ Херсонисѣ находилось одно святилище Дѣвы, а на получившемъ отъ нея свое названіе мысѣ Парѳеніи, находившемся въ 100 стадіяхъ впереди города,—другой храмъ со статуею. Отысканіе этого послѣдняго храма составляло и продолжаетъ составлять предметъ горячихъ стремленій археологовъ, но до сихъ поръ не увѣнчалось прочнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что донынѣ не рѣшено окончательно, слѣдуетъ ли отождествлять мысъ Парѳеній съ нынѣшнимъ мысомъ Фанаромъ, или съ Фіолентомъ. Перваго мнѣнія держались, напримѣръ, Муравьевъ, Аркасъ, Беккеръ [2]) и другіе, а въ настоящее время держится г. Косцюшко-Валюжиничъ [3]), тогда какъ второе мнѣніе высказывали Палласъ, Дюбуа де Монперё, Нейманъ, Брунъ [4]) и другіе. Много было споровъ о томъ, принадлежатъ ли упомянутому Страбономъ храму Дѣвы развалины близъ м. Фіолента, подробно

---

1) [Изъ найденной въ 1898 г. херсонисской надписи IosPE. IV, 67, стало извѣстно, что Прекрасный портъ дѣйствительно былъ взятъ, но не самимъ Діофантомъ. Ср. комментарій къ этой надписи въ *Мат. по Арх. Россіи*, № 23, стр. 4 сл.].

2) См. Брунъ, Черноморье, т. I, стр. 61; Becker, Her. Halbinsel стр. 19 сл.

3) *Извѣстія Таврич. ученой архивной комм.* № 13 (1891), стр. 55 сл. и прилож. карты.

4) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Statthalt. Russlands II, стр. 63; Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., v. VI, p. 194 etc.; Neumann, Die Hellenen im Skythenl. p. 427 sq.; Брунъ, Черноморье, т. I, стр. 60 сл.

описанныя Палласомъ, или ихъ слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но мнѣ кажется, что всѣ эти споры, равно какъ и вообще стремленіе отыскать развалины храма на Фанарѣ или Фіолентѣ, совершенно напрасны, такъ какъ, по моему крайнему разумѣнію, *Стравонъ вовсе не говоритъ о существованіи храма Дѣвы на мысѣ Парѳеніи*. Я предвижу, что такой парадоксъ, противорѣчащій всѣми раздѣляемому толкованію фразы Страбона, вызоветъ прежде всего удивленіе, недоумѣніе и затѣмъ — сомнѣніе въ правильности моего пониманія разсматриваемой фразы, и потому приглашаю читателей повнимательнѣе разобрать ее вмѣстѣ со мною. Я лишь мимоходомъ упомяну о томъ, что Помпоній Мела и Плиній[1]), называя мысъ Парѳеній, ни слова не говорятъ о существованіи на немъ храма Дѣвы и что вообще никто изъ древнихъ о такомъ храмѣ не упоминаетъ, — такъ какъ этотъ argumentum ex silentio никому не покажется убѣдительнымъ. Если мы обратимъ вниманіе на грамматическое построеніе фразы, то замѣтимъ, что слово ἡ ἄκρα составляетъ въ ней подлежащее (при сказуемомъ ἐπώνυμός ἐστιν), къ которому относятся слова καλουμένη Παρθένιον, составляющія составное сказуемое сокращеннаго опредѣлительнаго предложенія (= ἣ καλεῖται Παρθένιον); далѣе, по обыкновенному толкованію этого мѣста, къ существительному Παρθένιον, входящему въ составъ сказуемаго, относится приложеніе ἔχον νεὼν καὶ ξόανον, также представляющее собою сокращенное опредѣлительное предложеніе. Такимъ образомъ, точный переводъ разсматриваемыхъ частей фразы на русскій языкъ будетъ слѣдующій: „мысъ, называемый Парѳеніемъ, имѣющимъ храмъ и статую“. Мы парочно дали русскій переводъ для того, чтобы при помощи свойственной русскому синтаксису постановки именного сказуемаго въ творительномъ падежѣ нагляднѣе показать несообразность такого толкованія: очевидно, что указанное приложеніе относится къ подлежащему, а не къ именному сказуемому, и потому должно было бы стоять не въ среднемъ родѣ, а въ

1) Pomp. Melae Chorogr. II, 3 (ed. Parthey): ... sinus portuosus et ideo Calos limen appellatus promunturiis duobus includitur. alterum Criu metopon vocant, Carambico, quod in Asia diximus par et adversum, Parthenion alterum. oppidum adiacet Cerrhone, a Diana, sic creditur, conditum, et numphaeo specu quod in arce eius nymphis sacratum est maxime inlustre. — Plin. Nat. h. IV, 26: In ora a Carcinite oppida Taphrae..., mox Heraclea Chersonesus libertate a Romanis donatum... Inde Parthenium promontorium, Taurorum civitas Placia etc. У Стефана Византійскаго (п. сл. Παρθένου ἱερόν) слова Страбона толкуются такъ же, какъ ихъ понимаютъ новые ученые и переводчики, но это толкованіе не можетъ служить опроверженіемъ нашего мнѣнія, тѣмъ болѣе, что дошло до насъ въ самомъ хаотическомъ видѣ: Παρθένου ἱερὸν τοπος καὶ ἄκρα πρὸ τῆς Χερρονήσου πόλεως Βοσπόρου, ὡς Στράβων· ἔστι δὲ δαίμονός τινος ἐπώνυμον, καὶ ὁ νεὼς καὶ τὸ ξόανον Παρθένιον, ἔχον σταδίους ἑκατόν κτλ.

женскомъ (ἔχουσα); средній же родъ ἔχον долженъ относиться не къ Παρθένιον, а къ какому-нибудь другому существительному, каковымъ въ данной фразѣ является только ἱερόν.

Просмотрѣвъ значительную часть текста Страбона съ цѣлью опредѣлить способы его выраженія въ случаяхъ, подобныхъ разбираемому, мы нашли, что почти всегда приложенія и относительныя мѣстоименія въ болѣе или менѣе аналогичныхъ случаяхъ согласованы съ подлежащими [1]), но въ одномъ совершенно аналогичномъ случаѣ [2]) нашли и согласованіе со сказуемымъ. Правда, тамъ такое согласованіе гораздо легче объяснимо и допустимо, нежели въ разбираемомъ мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе существованіе аналогіи является сильнымъ аргументомъ въ пользу возможности общепринятаго пониманія этого мѣста, и потому необходимо подкрѣпить наше мнѣніе и другими соображеніями. Если нашъ географъ при описаніи какого-нибудь города, селенія или вообще мѣстности считаетъ нужнымъ упомянуть о существованіи въ ней святилища какого-нибудь божества, то онъ обыкновенно употребляетъ существительное ἱερόν, а не νεώς [3]); поэтому и въ нашемъ мѣстѣ мы скорѣе могли бы ожидать этого существительнаго, и притомъ, въ отличіе отъ городского святилища, съ опредѣленіемъ ἄλλο. Далѣе страннымъ кажется, что о существованіи ξόανον во второмъ святилищѣ почему-то упомянуто, а въ первомъ — нѣтъ. Наконецъ, можно замѣтить, что въ декретѣ въ честь Діофанта [4]) упоминаніе о святилищѣ Дѣвы сдѣлано въ такихъ выраже-

---

1) Ср. VII, 4, 2 (extr.): οὗτος δ ἐστὶν ὁ ἰσθμὸς ὁ κλείων τὴν μικρὰν Χερρόνησον, ἣν ἔφαμεν τῆς μεγάλης Χερρονήσου μέρος, ἔχουσαν [не ἔχον] ἐν αὐτῇ τὴν ὁμωνύμως λεγομένην πολιν Χερρόνησον. — VII, 4, 5: ... κώμη Παρθένιον, καθ' ἣν [не καθ'ὃ] στενώτατος ὁ εἴσπλους ἐστίν. — VII, 5, 8: Ἀπολλωνία πολις εὐνομωτάτη, κτίσμα Κορινθίων καὶ Κερκυραίων, τοῦ ποταμοῦ μὲν ἀπέχουσα [не ἀπέχον] σταδίους δέκα κτλ.—IX, 2, 6:... ὁ ἱερὸς λιμὴν ὃν καλοῦσι Δελφίνιον, καθ'ὃν [не καθ'ὃ] ἡ παλαιὰ Ἐρέτρια κτλ.—IX, 3, 13: ἄκρα Φαρύγιον ἔχουσα [не ἔχον] ὕφορμον. — X, 4, 14: Λύττου δὲ ... ἐπίνειόν ἐστιν ἡ λεγομένη Χερρόνησος, ἐν ᾗ [не ἐν ᾧ] τὸ τῆς Βριτομάρτεως ἱερόν.—XI, 2, 8: ... κωμίον ... ὄνομα Ἄκρα ἑβδομήκοντα σταδίων διειργόμενον [не διειργομένη] πορθμῷ.—XI, 2, 17: ... πόλις, ἐμπόριον τῶν Κόλχων, τῇ μὲν προβεβλημένη τὸν ποταμόν κτλ.— XI, 8, 1:... δεξιὰ μέν ἐστι τὰ ὄρη..., ἅπερ οἱ Ἕλληνες ὀνομάζουσι Ταῦρον, ἀρξάμενα [не ἀρξάμενον] ἀπὸ τῆς Παμφυλίας κτλ.

2) XI, 12, 4: τὰ μὲν δὴ πρόσβορρα ὄρη οὕτω καλοῦσι, τὰ δὲ νότια τὰ πέραν τοῦ Εὐφράτου τῆς Καππαδοκίας καὶ τῆς Κομμαγηνῆς πρὸς ἕω τείνοντα κατ' ἀρχὰς μὲν αὐτὸ τοῦτο καλεῖται Ταῦρος, διορίζων [не διορίζοντα] τὴν Σωφηνὴν καὶ τὴν ἄλλην Ἀρμενίαν ἀπὸ τῆς Μεσοποταμίας. Здѣсь, очевидно, собственное имя Ταῦρος въ связи съ сказуемымъ въ единственномъ числѣ (καλεῖται) переслало нарицательное имя ὄρη, стоящее далеко впереди, и повлекло за собою особенность согласованія, которую можно разсматривать просто какъ легкое ἀνακόλουθον.

3) Считаемъ излишнимъ приводить примѣры въ подтвержденіе этого наблюденія, такъ какъ ихъ можно найти чуть не на каждой страницѣ Страбоновой «Географіи».

4) IosPE. I, № 185, v. 23 sq.: ... ἃ διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα [Παρ]θένος, καὶ

ніяхъ, которыя заставляютъ предполагать, что святилище было *одно* и притомъ всѣмъ извѣстно; при существованіи двухъ святилищъ въ надписи, во избѣжаніе недоразумѣнія, по всей вѣроятности было бы прибавлено, о какомъ именно святилищѣ идетъ рѣчь, — городскомъ или загородномъ.

Мы вполнѣ согласимся, если намъ скажутъ, что ни одно изъ приведенныхъ нами соображеній само по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія; но, будучи взяты вмѣстѣ, они, какъ намъ кажется, достаточно убѣдительны для того, чтобы оправдать нашу мысль. Быть можетъ, кто-нибудь возразитъ, что выраженіе ἱερὸν ἔχον νεὼν καὶ ξόανον будетъ страдать тавтологіею. На такое возраженіе мы отвѣтимъ, что въ языкѣ Стравона понятія, выражаемыя словами τὸ ἱερὸν и ὁ νεώς, далеко не тожественны: первое слово нашъ авторъ употребляетъ для общаго обозначенія *святилища*, *мѣста культа*, независимо отъ того, имѣется ли въ этомъ мѣстѣ храмъ, или нѣтъ; существованіе храмовъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ культа онъ иногда обозначаетъ особо. Изъ множества мѣстъ, которыя можно было бы привести въ подтвержденіе такого значенія существительнаго ἱερόν у Стравона, мы ограничимся лишь нѣкоторыми такими, въ которыхъ разница между понятіями ἱερόν и νεώς замѣтна особенно ясно. VII, 7, 6: καὶ ἱερὸν τοῦ Ἀκτίου Ἀπόλλωνος ἐνταῦθά ἐστι πλησίον τοῦ στόματος, λόφος τις ἐφ' ᾧ ὁ νεὼς, καὶ ὑπ' αὐτῷ πεδίον ἄλσος ἔχον καὶ νεώρια. . . . — VIII, 3, 13: τὸ Σαμικὸν μετὰ ταῦτα, ὅπου τὸ μάλιστα τιμώμενον τοῦ Σαμίου Ποσειδῶνος ἱερόν· ἔστι δ' ἄλσος ἀγριελαιῶν πλέων. — IX, 1, 15: . . . τὸ ἱερὸν τοῦ Διὸς τοῦ σωτῆρος· τοῦ δὲ ἱεροῦ τὰ μὲν στοίδια ἔχει πίνακας θαυμαστούς, . . . τὸ δ' ὕπαιθρον ἀνδριάντας. — ibid. 16: ἐπὶ τῇ πέτρᾳ τὸ τῆς Ἀθηνᾶς ἱερὸν, ὅ τε ἀρχαῖος νεὼς ὁ τῆς Πολιάδος... καὶ ὁ Παρθενών. — X, 5, 11: τὸ ἱερὸν τοῦ Ποσειδῶνος μέγα ἐν ἄλσει τῆς πόλεως ἔξω θέας ἄξιον, ἐν ᾧ καὶ ἑστιατόρια πεποίηται μεγάλα. — XII, 5, 3: Πεσσινοῦς δ' ἐστὶν ἐμπόριον τῶν ταύτῃ μέγιστον, ἱερὸν ἔχον τῆς Μητρὸς τῶν θεῶν σεβασμοῦ μεγάλου τυγχάνον. . . κατεσκεύασται δ' ὑπὸ τῶν Ἀτταλιδῶν βασιλέων ἱεροπρεπῶς τὸ τέμενος νεῷ τε καὶ στοαῖς λευκολίθοις.

Приведенныхъ выраженій, надѣемся, вполнѣ достаточно для того, чтобы показать, что выраженіе ἱερὸν ἔχον νεὼν καὶ ξόανον (святилище съ храмомъ и статуею) въ языкѣ Стравона вполнѣ возможно.

τότε συμπαροῦσα Διοφάντωι, προεσάμανε μὲν τὰν μέλλουσαν γίνεσθαι πρᾶξιν [διὰ τ]ῶν ἐν τῶι ἱερῶι γενομένων σαμείων κτλ.—Въ v. 52 отдѣльно упоминается алтарь Дѣвы въ акрополѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы позволимъ себѣ предложить читать разобранное мѣсто Стравона слѣдующимъ образомъ: Ἐκπλέοντι δ'[ἐκ τοῦ Καρκινίτου κόλπου] ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη..... καὶ ἄλλος λιμὴν Χερρονησιτῶν. ἔκκειται γὰρ ἐπὶ τὴν μεσημβρίαν ἄκρα μεγάλη κατὰ τὸν παράπλουν ἐφεξῆς, μέρος οὖσα τῆς ὅλης Χερρονήσου, ἐφ' ᾗ ἵδρυται πόλις Ἡρακλεωτῶν ἄποικος τῶν ἐν τῷ Πόντῳ, αὐτὸ τοῦτο καλουμένη Χερρόνησος, διέχουσα τοῦ Τύρα παράπλουν σταδίων τετρακισχιλίων τετρακοσίων· ἐν ᾗ τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονός τινος (ἧς ἐπώνυμος καὶ ἡ ἄκρα ἡ πρὸ τῆς πόλεώς ἐστιν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλουμένη Παρθένιον), ἔχον νεὼν τῆς δαίμονος καὶ ξόανον [1]).

II.

Къ Стефану Византійскому [2]).

Текстъ дошедшаго до насъ сокращенія географическаго лексикона Стефана Византійскаго, какъ извѣстно, до крайности изуродованъ переписчиками, и дѣло его возстановленія и исправленія подвигается впередъ очень медленно, такъ что и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ статьяхъ лексикона остаются еще очевидныя нелѣпости или безсмыслицы. Въ настоящей замѣткѣ мы укажемъ нѣсколько мѣстъ съ очевидно испорченнымъ текстомъ, случайно отмѣченныхъ нами въ статьяхъ лексикона, относящихся къ древней географіи и этнографіи Скиѳіи и Кавказа; но предварительно считаемъ нужнымъ оговориться, что, имѣя подъ руками только изданія Вестермана и Мейнеке, да критическую диссертацію грека Кондогониса [3]), мы не имѣли возможности навести нужныя справки относительно того, были ли уже кѣмъ-либо предложены поправки къ отмѣчаемымъ нами мѣстамъ, и если были, то какія именно. Текстъ Стефана мы будемъ цитовать по изданію Мейнеке.

---

1) [Противъ высказаннаго здѣсь толкованія даннаго мѣста Стравона и въ защиту прежняго пониманія его ополчился В. Петръ въ статьѣ «О мѣстоположеніи Дѣвина мыса (Παρθένιον) и храма въ Тавридѣ» въ *Отчетъ о состояніи Кіево-Печерской гимн. за 1894 — 95 уч. годъ*, стр. 257—279. Краткую оцѣнку мнѣнія Петра мы дали въ работѣ о житіяхъ св. епископовъ Херсонскихъ (*Зап. Имп. Ак. Наукъ* по ист.-филолог. отд., т. VIII, № 3 (1906), стр. 52, прим. 2].

2) *Журналъ М. Н. Пр.* 1892, августъ, отд. кл. Фил. стр. 65—68.

3) Σπυρίδωνος Δ. Κοντογόνου Κριτικαὶ παρατηρήσεις καὶ διορθώσεις εἰς τὰ Ἐθνικὰ Στεφάνου τοῦ Βυζαντίου κτλ. Ἀθήνησιν 1891.

1. Κορακονδάμη, πλησίον Σινώπης. Ἀρτεμίδωρος ἐνδεκάτῳ γεωγραφουμένων. τὸ ἐθνικὸν Κορακονδαμίτης, καὶ λίμνη Κορακονδαμῖτις.

Корокондама упоминается нѣсколькими древними авторами, какъ мѣстечко или деревня (κώμη), лежавшая на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ; названное по ея имени озеро — не что иное, какъ нынѣшній Таманскій заливъ; другой Корокондамы, вблизи Синопы, не знаетъ никто изъ авторовъ, кромѣ Артемидора, на котораго ссылается Стефанъ. Но можно сказать навѣрное, что и у Артемидора упоминалась та же самая Корокондама и что Σινώπης испорчено переписчиками изъ Σιν[δικ]ῆς, то-есть области народа Синдовъ (Σινδοί), начинавшейся съ Таманскаго полуострова и простиравшейся за Кубань. Эта Σινδική для переписчиковъ Стефана была terra incognita, и они обыкновенно замѣняли ее словомъ Ἰνδική (напр. п. сл. Ἀστερουσία, Γοργίππεια, Ἰξιβάται); но если въ какой-нибудь рукописи ясно читались начало и конецъ этого слова и менѣе ясно середина, то оно легко могло быть замѣнено другимъ, извѣстнымъ словомъ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что у Стефана обыкновенно послѣ имени собственнаго, стоящаго въ заголовкѣ статьи, непосредственно ставится нарицательное, обозначающее географическій терминъ, характеризующій это имя собственное (πόλις, τόπος, χωρίον, ἔθνος и т. п.). Такой терминъ въ видѣ слова κώμη, по всей вѣроятности, стоялъ и въ разсматриваемой статьѣ; его пропускъ переписчиками легко можетъ быть объясненъ вліяніемъ одинаковаго окончанія предыдущаго имени собственнаго. Поэтому мы предлагаемъ читать: Κορακονδά[μη, κώ]μη πλησίον Σιν[δικ]ῆς κτλ. [1])

2. Κύτα, πόλις Κολχικὴ, πατρὶς Μηδείας. ἔστι καὶ ἄλλη Σκυθίας. ὁ πολίτης Κυταῖος, ἐξ οὗ καὶ Κυταιεὺς. «πύργους εἰσόψεσθε Κυταιέος Αἰήταο». τὸ θηλυκὸν Κυταιάς, καὶ Κυταία, Λυκόφρων «ὃς εἰς Κυταίαν τὴν Λιβυστίνην μολών». [οἱ Λιβυστῖνοι γὰρ ἔθνος παρακείμενον Κόλχοις.] λέγεται καὶ Κυταιὶς ἀπὸ τοῦ Κυταῖος. οἱ δὲ ὅτι δύο εἰσὶ Κύτα, ταῦτα καὶ τῆς Εὐρώπης. ἔστι καὶ Κύταιον πόλις Κρήτης.

Относительно словъ, поставленныхъ въ скобкахъ, уже Мейнеке замѣтилъ,

---

1) Вставку κώμη послѣ Κορακονδάμη считаетъ необходимою и К. Мюллеръ, Fragm. hist. Gr. V, стр. 182 (прим. къ Anon. Peripli pars media, § 24). Относительно же чтенія Σινώπης онъ говоритъ: «Conicceris τοῦ στενωποῦ (sc. τοῦ Βοσπόρου, ut ap. Strabon., aut τῆς λίμνης τῆς Κορ., ut ap. Anonym.). At e Strabone p. 426, ubi litus a Corocondame ad Bata pertinens ex adverso Sinopes situm esse dicitur, liquet eodem modo verba Stephani intelligenda esse». Натянутость этого объясненія очевидна: «находиться противъ чего-нибудь» и «вблизи чего-нибудь»—понятія вовсе не тожественныя.

что они перенесены сюда изъ статьи Λιβυστῖνοι, но причины перенесенія не указалъ, хотя она, какъ намъ кажется, очень проста. Дѣло въ томъ, что у Ликофрона въ цитованномъ стихѣ (Alex. v. 1312) читается не Λιβυστίνην, а Λιγυστικήν. Какой-нибудь переписчикъ, не зная о происхожденіи послѣдняго эпитета, но зная о существованіи народа Λιβυστῖνοι, могъ сознательно исправить Λιγυστικήν въ Λιβυστίνην и сбоку или въ текстѣ приписать объясненіе своей поправки.

Кромѣ этого мѣста въ выписанной статьѣ требуютъ объясненія или поправки и нѣкоторыя другія: 1) замѣчаніе о существованіи другого города Κύτα въ Скиѳіи совершенно справедливо, такъ какъ нѣкоторые авторы, дѣйствительно, называютъ такой городъ на европейской сторонѣ Воспора Киммерійскаго [1]); но *двукратное* упоминаніе о существованіи двухъ одноименныхъ городовъ въ одной и той же статьѣ представляется совершенно излишнимъ; поэтому можно думать, что слова οἱ δὲ ὅτι — Εὐρώπης въ концѣ статьи прибавлены какимъ-нибудь невнимательнымъ читателемъ, знавшимъ о существованіи двухъ городовъ съ именемъ Κύτα, но упустившимъ изъ виду, что о немъ было уже упомянуто въ началѣ статьи; 2) цитата πύργους εἰσόψεσθε Κυταιέος Αἰήταο взята, какъ отмѣчено издателями, изъ Аполлонія Родосскаго (Argon. 2, 403); но такъ какъ у Стефана въ огромномъ большинствѣ случаевъ поименовываются тѣ авторы, изъ которыхъ заимствуются дословныя цитаты, то вполнѣ вѣроятно, что и въ данномъ мѣстѣ въ первоначальномъ текстѣ стояло имя Аполлонія, которое потомъ пропущено переписчиками; 3) слово Κυταία, въ подтвержденіе существованія котораго приводится цитата изъ Ликофрона, представляетъ собою не вторую форму женскаго рода τοῦ ἐθνικοῦ, а вторую форму названія самого города; поэтому его слѣдуетъ, вмѣстѣ съ подтвердительной цитатой, поставить раньше начала перечисленія формъ τοῦ ἐθνικοῦ. Въ виду высказанныхъ соображеній мы представляемъ себѣ первоначальный текстъ разсмотрѣнной статьи въ epitome въ слѣдующемъ видѣ [2]):

Κύτα, πόλις Κολχικὴ, πατρὶς Μηδείας. ἔστι καὶ ἄλλη Σκυθίας. καὶ Κυταία, Λυκόφρων «ὃς εἰς Κυταίαν τὴν Λιγυστικὴν μολών.» [οἱ Λιβυστῖνοι γὰρ ἔθνος παρακείμενον Κόλχοις.] ὁ πολίτης Κυταῖος, ἐξ οὗ καὶ Κυταιεύς, (ὡς Ἀπολλώ-

1) [Scyl.] Per. 68; Plin. N. H. IV, 86; Ptol. Geogr. III, 6, 6; Suid. s. v. Κύτη; Geogr. Rav. p. 172, 16.

2) Въ круглыя скобки заключены addenda, въ угловатыя—omittenda.

νιος.) «πύργους εἰσόψεσθε Κυταιέος Αἰήταο». τὸ θηλυκὸν Κυταιιάς. λέγεται καὶ Κυταιίς ἀπὸ Κυταῖος. [οἱ δὲ ὅτι δύο εἰσὶ Κύτα, ταῦτα καὶ τῆς Εὐρώπης.] ἔστι καὶ Κύταιον πόλις Κρήτης.

3. Σαρμάται, ἔθνος Σκυθικὸν, ἡ χώρα αὐτῶν Σαρματία καὶ Σαρματικὸν ὄρος.

Такъ какъ вся страна Сарматовъ никогда не называлась и не могла называться „Сарматскою горою“, то послѣднія два слова слѣдуетъ считать самостоятельнымъ географическимъ терминомъ и послѣ слова Σαρματία поставить точку. Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что послѣ слова Σαρματία была указана форма τοῦ κτητικοῦ, къ которой было дано нѣсколько примѣровъ, изъ коихъ послѣднимъ были сохранившіяся слова καὶ Σαρματικὸν ὄρος, такъ что первоначальный текстъ, быть можетъ, имѣлъ слѣдующій видъ: ἡ χώρα αὐτῶν Σαρματία. (τὸ κτητικὸν Σαρματικός, ὡς...) καὶ Σαρματικὸν ὄρος.

4. Συρμάται, οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὔδοξος πρώτῳ «ποταμὸν τοῦ Τανάιδος Συρμάτας κατοικεῖν». (Var. l. ποταμός codd. Rehdigeranus et Vossianus).

Въ этой коротенькой статьѣ обращаютъ на себя вниманіе два синтаксическія неудобства: 1) κατοικεῖν ποταμόν, 2) ποταμὸς τοῦ Τανάιδος вм. ὁ Τάναϊς ποταμός. Оба они уничтожаются, если будемъ читать: πλησίον τοῦ Τανάιδος Συρμάτας κατοικεῖν.

5. Τύρας, πόλις καὶ ποταμὸς ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ. καὶ ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν. ἔστι καὶ Τυρίτης, ἀπὸ τοῦ Τύρις. ὁ δὲ Πολυίστωρ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν πόλιν Τύραν, τοὺς δὲ πολίτας Τυρανούς. ἐκαλεῖτο δ' Ὀφιοῦσσα.

Здѣсь послѣ обозначенія формы, которую *должно было бы* (ἔδει) имѣть τὸ ἐθνικόν, по обычной манерѣ Стефана слѣдуетъ ожидать указанія формы, *дѣйствительно* употребляемой [1]), а затѣмъ уже обозначеніе побочной формы; поэтому слова ἔστι καὶ — Τύρις слѣдуетъ поставить послѣ Τυρανούς. Кромѣ того, такъ какъ форма Τύρις—не употреблявшаяся въ дѣйствительности, а придуманная для объясненія образованія формы Τυρίτης, то передъ ἀπὸ должно было стоять ὡς; 2) къ подлежащему Πολυίστωρ слѣдуетъ прибавить сказуемое, наконецъ, 3) такъ

1) Ср., напримѣръ, п. сл. Αἰγόσθενα: τὸ ἐθνικὸν ὤφειλεν Αἰγοσθενεύς, ὡς Μεγαρεύς. Πολύβιος δ' Αἰγοσθενίτην φησίν κτλ.

какъ второе названіе Ὀφιοῦσσα носилъ только городъ, а не рѣка, то послѣ сказуемаго ἐκαλεῖτο необходимо для ясности вставить подлежащее ἡ πόλις. Поэтому мы полагаемъ, что первоначальный видъ выписанной статьи былъ слѣдующій:

Τύρας, πόλις καὶ ποταμὸς ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ. καὶ ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν· ὁ δὲ Πολυίστωρ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν πόλιν Τύραν (λέγει), τοὺς δὲ πολίτας Τυρανούς. ἔστι καὶ Τυρίτης, (ὡς) ἀπὸ τοῦ Τύρις. ἐκαλεῖτο δ'(ἡ πόλις καὶ) Ὀφιοῦσσα.

Гражданская присяга Херсонисцевъ [1]).

Раскопки, производимыя съ 1888 года К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи въ мѣстности древняго Херсониса Таврическаго и византійскаго Херсона, ежегодно увѣнчиваются болѣе или менѣе важными археологическими открытіями, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ древне-греческія, латинскія и византійскія надписи, понемногу расширяющія наши свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ быта обитателей этого города въ разныя времена. Пять обломковъ надписей, найденныхъ въ 1888 г., были уже изданы мною по лестному порученію Коммиссіи въ приложеніи къ ея отчету за 1882—88 годы [2]).

Первое мѣсто между надписями, найденными въ 1889—1892 гг., и второе между всѣми до сихъ поръ извѣстными эпиграфическими памятниками Херсониса по своей важности занимаетъ надпись, содержаніе которой обозначено въ заглавіи. Она вырѣзана на большой мраморной плитѣ, украшенной вверху фронтономъ; къ низу плита постепенно расширяется и утолщается. Она найдена разбитою на двѣ части немного ниже середины; оба куска совершенно сходятся, такъ что отъ разбитія, къ счастью, пропала только одна строка. Нижняя часть найдена въ октябрѣ 1890 г., а верхняя — 4 марта 1891 г. въ мѣстности Херсониса (къ западу отъ новаго собора св. Владиміра) въ одномъ изъ вновь раскопанныхъ христіанскихъ храмовъ византійской эпохи, гдѣ она была употреблена въ качествѣ матеріала для настилки пола. По сообщенію А. В. Орѣш-

1) Матеріалы по археологіи Россіи, издав. Имп. Археолог. Комиссіей. № 9. Греческія и латинскія надписи, найд. въ южной Россіи въ 1889—92 годахъ (Спб. 1892), стр. 1—13, № 1.

2) Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Petropoli 1890.

никова[1]), размѣры плиты слѣдующіе: вышина съ фронтономъ 1,39 м., ширина вверху подъ фронтономъ 0,38 м., внизу 0,42 м., толщина 0,11—0,13 м. Буквы надписи, вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ сантим. (о меньше другихъ буквъ), вырѣзаны очень тщательно и красиво и въ верхней части превосходно сохранились, въ нижней же мѣстами попорчены, особенно по краямъ плиты. Характеръ письма довольно близко напоминаетъ ольвійскій декретъ въ честь Протогена, но нѣкоторыя буквы имѣютъ болѣе древнія формы. Для установленія текста у меня были подъ руками: 1) рукописная копія, любезно присланная мнѣ графомъ А. А. Бобринскимъ, 2) два превосходныхъ эстампажа и 3) отличная фотографія, по которой и сдѣлано facsimile на таблицѣ, приложенной къ указанному изданію.

Возстановленіе несохранившихся частей текста въ нижней части не представляетъ никакихъ затрудненій; сомнительно только возстановленіе несохранившейся строки въ мѣстѣ разбитія, да не удалось подобрать вполнѣ подходящаго глагола въ концѣ предпослѣдней строки и возстановить конецъ послѣдней, гдѣ было окончаніе заклятія. Къ нижеслѣдующей транскрипціи текста[2]) мы сочли не лишнимъ присоединить точный русскій переводъ.

1 Ὀμνύω Δία, Γᾶν, Ἅλιον, Παρθένον,
[θ]εοὺς Ὀλυμπίους καὶ Ὀλυμπίας
[κ]αὶ ἥρωας ὅσοι πόλιν καὶ χώραν
καὶ τείχη ἔχοντι τὰ Χερσονασι-
5 τᾶν· ὁμονοήσω ὑπὲρ σωτηρίας
καὶ ἐλευθερίας πόλεος καὶ πολι-
τᾶν καὶ οὐ προδωτῶ Χερσόνασον
οὐδὲ Κερκινῖτιν οὐδὲ Καλὸν λιμέ-
να οὐδὲ τἄλλα τείχη οὐδὲ τᾶς ἄλ-
10 λας χώρας ἃν Χερσονασῖται νέμον-
ται ἢ ἐνέμοντο[3]) οὐθενὶ οὐθὲν οὔτε Ἕλ-
λανι οὔτε βαρβάρωι, ἀλλὰ διαφυλα-
ξῶ τῶι δάμωι τῶι Χερσονασιτᾶν, οὐ-

1) Въ письмѣ отъ 1 мая 1891 г. Оттуда-же заимствовано указаніе, что плита служила матеріаломъ для пола въ христіанскомъ храмѣ. [См. ниже «дополненія и поправки»].

2) [Транскрипція дана въ томъ видѣ, какъ она окончательно установлена для изданія въ IosPE. IV, № 79. Тамъ же данъ вполнѣ исправный эпиграфическій текстъ].

3) [Къ этому мѣсту см. ниже въ «дополненіяхъ и поправкахъ» исправленіе В. К. Ернштедта].

δὲ καταλυσῶ τὰν δαμοκρατίαν οὐ-
δὲ τῶι προδιδόντι καὶ καταλύοντι ἐ-
πιτρεψῶ οὐδὲ συγκρυψῶ, ἀλλὰ ἐ-
ξαγγελῶ τοῖς δαμιοργοῖς τοῖς κα-
τὰ πόλιν· καὶ πολέμιος ἐσσοῦμαι τῶ[ι]
ἐπιβουλεύοντι καὶ προδιδόντι ἢ ἀφι-
στάντι Χερσόνασον ἢ Κερκινῖτιν ἢ
Καλὸν λιμένα ἢ τὰ τείχη καὶ χώραν
τὰν Χερσονασιτᾶν· καὶ δαμιοργησῶ
καὶ βουλευσῶ τὰ ἄριστα καὶ δικαιότα-
τα πολει καὶ πολίταις καὶ τὸν ΣΑΣΤΗ-
ΡΑ τῶι δάμωι διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐ-
χφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐ-
θὲν οὔτε ποτὶ Ἕλλανα οὔτε ποτὶ βά[ρ]-
βαρον, ὃ μέλλει τὰμ πόλιν βλάπτε(ι)ν·
οὐδὲ δωρεὰν δωσῶ οὐδὲ δεξοῦμα[ι]
ἐπὶ βλάβαι πόλεος καὶ πολιτᾶν· οὐδὲ
ἐπιβουλευσῶ ἄδικον πρᾶγμα οὐθε-
νὶ οὐθὲν τῶμ πολιτᾶν τῶμ μὴ ἀφε-
στακότων, οὐδὲ τῶι ἐπιβουλεύο[ντι
ἐπιτρεψῶ οὐδὲ συγκρυψῶ οὐθὲν οὐθε]-
νί, ἀλλ' εἰσαγγελ[ῶ] καὶ κρινῶ ψά[φωι]
κατὰ τοὺς νόμους· οὐδὲ συνωμο[σί]-
αν συνομοῦμαι οὔτε κατὰ τοῦ κοιν[οῦ]
τοῦ Χερσονασιτᾶν οὔτε κατὰ τῶμ [πο]-
λιτᾶν οὐδενός, ὃς μὴ ἀποδέδεικτ[αι
π]ολέμιος τῶι δάμωι· εἰ δέ τινι συνώ-
[μο]σα καὶ εἴ τινι καταλέλαμμαι ὅρ[κωι ἢ
ἐ]πευχᾶι, δι[α]λυσαμένωι μὲν ἄ[μει-
ν]ον εἴη καὶ ἐμοὶ καὶ τοῖς ἐμοῖς, ἐμμ[έ-
ν]οντι δὲ τὰ ἐναντία· καὶ εἴ τινά κ[α
σ]υνωμοσίαν αἴσ[θ]ωμα[ι] ἐοῦσαν [ἢ γιγ]-
νομέναν, ἐ[ξα]γγελῶ τοῖς δαμ[ιορ-
γ]οῖς· οὐδὲ σῖτον ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀ[πα]-

γώγιμον ἀποδωσοῦμαι οὐδὲ ἐξ[α]-
ξῶ ἄλλαι ἀπὸ τοῦ πεδίου, ἀλλ' [ἢ εἰς
Χ]ερσόνασον. Ζεῦ καὶ Γᾶ καὶ Ἅλιε [καὶ]
Παρθένε καὶ θεοὶ Ὀλύμπιοι, ἐμμένο[ν]-
τι μέμ μοι εὖ εἴη ἐν τούτοις καὶ αὐ[τῶι]
καὶ γένει καὶ τοῖς ἐμοῖς[1]), μὴ ἐμμέν[ον]-
τι δὲ κακῶς καὶ αὐτῶι καὶ γένει καὶ [τοῖς]
ἐμοῖς, καὶ μήτε γᾶ μοι μήτε θά[λασ]-
σα καρπὸν φέροι μήτε γυν[αῖκες εὐτε-
κ]νοῖεν[2]) μήτε.....θανα...

Переводъ. Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями Херсонаситовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ [ни] Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочихъ укрѣпленій, ни изъ прочей земли, коею Херсонаситы владѣютъ или владѣли, ничего никому, ни Еллину, ни варвару, но сохраню народу Херсонаситовъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ [съ нимъ], но заявлю городскимъ даміургамъ; и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонасъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и область Херсонаситовъ; и буду служить даміургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ; и..... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни Еллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслю никакого неправеднаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ не отпавшихъ и замышляющему [не дозволю и не утаю ничего ни съ кѣмъ], но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ; и въ заговоръ не вступлю ни противъ общины Херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ и если связанъ какою-либо клятвою или обѣтомъ, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребываю-

1) Здѣсь, какъ и въ стр. 55, мѣстоименіе вѣроятно стоитъ въ среднемъ родѣ (τὰ ἐμά) и обозначаетъ имущество.

2) [Къ этому возстановленію ср. ниже «дополненія и поправки»].

щему — обратное; и если я узна́ю какой-либо заговоръ существующій или составляющійся, то заявлю даміургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но [только] въ Херсонасъ. Зевсъ и Земля и Солнце и Дѣва и боги Олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ [1]) да будетъ благо и самому и роду и моимъ, а не пребывающему — зло и самому и роду и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины да не [благорождаютъ]...

Изъ текста сразу видно громадное значеніе этого документа не только для пополненія нашихъ свѣдѣній о древнемъ Херсонисѣ, но и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Для правильной оцѣнки этого значенія и сообщаемыхъ документомъ свѣдѣній прежде всего, конечно, нужно знать, къ какому времени онъ относится. Къ сожалѣнію, въ содержаніи документа нѣтъ рѣшительно никакихъ прямыхъ данныхъ для пріуроченія его къ опредѣленному времени. Приходится ограничиться тѣми выводами, которые можно извлечь изъ наблюденій надъ характеромъ письма и особенностями языка и орѳографіи документа. Выше было уже замѣчено, что характеромъ письма нашъ документъ напоминаетъ извѣстный ольвійскій декретъ въ честь Протогена, но нѣкоторыя буквы имѣютъ болѣе древнія формы (именно Γ, Μ, Ξ, Π, Σ и Ω). Протогеновскій декретъ, какъ намъ удалось показать, надѣемся, съ достаточною вѣроятностью [2]), относится ко 2-й половинѣ III в. до Р. Хр.; стало быть, Херсонисскую присягу можно будетъ съ такою же вѣроятностью пріурочить приблизительно къ 1-й половинѣ того же вѣка или даже къ концу IV-го (хотя послѣднее, сознаемся, нѣсколько рискованно). И дѣйствительно, формы буквъ присяги близко подходятъ къ типу письма этихъ временъ въ другихъ греческихъ городахъ. Орѳографія надписи также свидѣтельствуетъ въ пользу такого опредѣленія времени: въ ней нѣтъ ни одной особенности, которая бы обусловливалась позднѣйшимъ произношеніемъ дифтонговъ или отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ; приписная іота вездѣ стоитъ на мѣстѣ, за исключеніемъ одного сомнительнаго случая: въ концѣ строки 18-й она, быть можетъ, пропущена по недостатку мѣста. Далѣе мы замѣ-

---

1) Т.-е. соблюдающему эту клятву во всѣхъ ея пунктахъ.

2) См. наши «Изслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи» (Спб. 1887), стр. 66 сл. и замѣтку «Къ исторіи города Ольвіи» выше, стр. 55.

чаемъ въ надписи существованіе ассимиляціи конечнаго ν въ μ передъ губными и носовыми, — явленіе, свойственное преимущественно надписямъ V—III вѣковъ до Р. Хр., хотя встрѣчающееся и позднѣе[1]). Аспирація κ передъ φ (ἐχφερομυθησῶ въ стр. 26) въ аттическихъ надписяхъ наблюдается только въ V и IV вв., а послѣ 292 г. форма ἐχ не встрѣчается[2]). Формы οὐθείς и μηθείς вм. οὐδείς и μηδείς, постоянно встрѣчающіяся въ нашей надписи, по наблюденіямъ Мейстерганса[3]), входятъ въ употребленіе въ Аттикѣ съ 378 г., становятся господствующими около 330 г. до Р. Хр. и продолжаютъ существовать до временъ римскихъ императоровъ. Съ другой стороны, въ надписи нѣтъ уже случаевъ написанія простого ο вмѣсто „нечистаго“ дифтонга ου, каковое явленіе было господствующимъ въ орѳографіи надписей какъ изъ Аттики, такъ и изъ другихъ городовъ, въ первой половинѣ IV в., а затѣмъ встрѣчалось все рѣже и рѣже и къ концу этого вѣка исчезло почти совершенно[4]). Такимъ образомъ, всѣ внѣшніе признаки говорятъ въ пользу предложеннаго опредѣленія времени нашего документа.

Съ перваго же взгляда очевидно, что этотъ документъ представляетъ собою текстъ клятвы или присяги. Клятва, какъ гарантія вѣрности извѣстнаго обѣщанія, утвержденія или отрицанія, имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. Аѳинскій ораторъ Ликургъ въ своей извѣстной рѣчи противъ Леократа (§ 79) называетъ клятву „τὸ συνέχον τὴν δημοκρατίαν“ и, выясняя ея значеніе, говоритъ, что клятвопреступникъ не можетъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія, но если не самъ онъ, то по крайней мѣрѣ дѣти и весь родъ клятвопреступника подвергаются великимъ несчастіямъ. Въ числѣ актовъ государственной жизни вступленіе въ ряды полноправныхъ гражданъ молодыхъ людей по достиженіи ими гражданскаго совершеннолѣтія повсюду въ еллинскомъ мірѣ считалось такимъ, при которомъ необходимо было требовать отъ этихъ новыхъ гражданъ клятвеннаго обѣщанія повиноваться отечественнымъ законамъ и единодушно печись о благѣ и преуспѣяніи отече-

1) Max Hecht въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи «Orthographisch-dialektische Forschungen auf Grund att. Inschriften» (Königsb. 1885), стр. 35, относитъ «Blütezeit» этого явленія въ Аттикѣ ко времени между 430 и 350 годами. Ср. Meisterhans, Gramm. der att. Inschr.[2] (1888), стр. 85 сл.

2) Meisterhans ук. соч., стр. 82.

3) Тамъ же, стр. 216.

4) Впрочемъ въ Аттикѣ оно встрѣчается до 270 годовъ, ср. Meisterhans стр. 5 и 21.

ства. Ксенофонтъ [1]) говоритъ о повсемѣстности этого обычая въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія или отрицанія: „καὶ πανταχοῦ ἐν τῇ Ἑλλάδι νόμος κεῖται τοὺς πολίτας ὀμνύναι ὁμονοήσειν καὶ πανταχοῦ ὀμνύουσι τὸν ὅρκον τοῦτον“. Извѣстно, что въ Аѳинахъ такую присягу давали всѣ молодые граждане по достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія, послѣ записи въ общинную книгу дима, къ которому каждый юноша принадлежалъ по рожденію [2]).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вновь найденный въ Херсонисѣ документъ содержитъ текстъ такой же общегражданской присяги, а не клятвы высшаго государственнаго сановника [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ содержанію текста, то замѣтимъ, что во всѣхъ пунктахъ его подтверждается клятвою именно то, что входитъ въ кругъ обязанностей всякаго благомыслящаго гражданина, а не отдѣльнаго какого-нибудь магистрата: пещись единодушно о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не измѣнять отечеству и не предавать въ руки враговъ ни одного изъ его владѣній, не нарушать существующей формы государственнаго устройства и не дозволять другимъ измѣны или нарушенія формы правленія, но своевременно доводить о подобныхъ замыслахъ до свѣдѣнія государственной власти; въ случаѣ выбора въ число даміурговъ или членовъ совѣта исполнять эти должности какъ можно лучше и справедливѣе; никому не выдавать государственныхъ тайнъ во вредъ городу, не брать и не давать съ подобною цѣлью взятокъ, не злоумышлять противъ отдѣльныхъ честныхъ гражданъ и не давать другимъ злоумышлять, но доводить о злоумышленникахъ до свѣдѣнія государственной власти и судить ихъ по законамъ; не вступать въ заговоры противъ отечества или отдѣльныхъ честныхъ согражданъ, а о существующихъ заговорахъ доводить до свѣдѣнія даміурговъ, наконецъ, не нарушать существующихъ правилъ о хлѣбной торговлѣ.

Это краткое резюме содержанія присяги, мнѣ кажется, совершенно ясно показываетъ, что въ ней вездѣ идетъ рѣчь объ общегражданскихъ обязанностяхъ, а не о спеціальныхъ обязанностяхъ отдѣльныхъ государственныхъ властей; если

---

1) Восп. о Сокр. IV, 4, 16.

2) Содержаніе клятвы приводитъ Ликургъ въ р. *пр. Леокр.* § 76. Текстъ присяги сохранился у Іоанна Стов. *Floril.* XLVII, 48 и въ нѣсколько иной редакціи у Полид. VIII, 105. Переводъ первой редакціи см. въ нашемъ «Очеркѣ греч. древностей», I², стр. 202 [изд. 3, стр. 210].

3) Такое предположеніе высказалъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ въ письмѣ къ предсѣдателю Таврической ученой арх. комиссіи, напечатанномъ въ № 13 «Извѣстій» комиссіи, стр. 82.

въ ней и упоминается объ исполненіи должностей даміурговъ, членовъ совѣта и судей, то лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ — съ точки зрѣнія обязанности каждаго гражданина исполнять какъ можно лучше и честнѣе каждую государственную должность, къ которой онъ можетъ быть призванъ. Цѣль записи на камнѣ такого текста присяги совершенно ясна: это былъ оффиціальный текстъ присяги, по которому ее прочитывали присягавшіе, подобно тому какъ мы присягаемъ въ разныхъ случаяхъ по печатнымъ текстамъ. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, молодые граждане присягали въ святилищѣ Аглавры[1]); весьма вѣроятно, что и въ Херсонисѣ мѣстомъ приведенія къ присягѣ служило какое-нибудь святилище, въ которомъ и былъ выставленъ для прочтенія присягавшими сохранившійся до насъ текстъ. Вполнѣ возможно, что и въ Аѳинахъ и въ другихъ городахъ существовали подобные же тексты присяги, вырѣзанные на камняхъ. Что нашъ текстъ сохранился отъ III в. до Р. Хр., а не отъ болѣе древнихъ временъ, это вполнѣ возможно объяснить тѣмъ, что съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ условій жизни, формъ правленія, объема владѣній и т. п. измѣнялись и самые тексты.

Если мы сравнимъ текстъ Херсонисской присяги съ текстомъ Аѳинской, то замѣтимъ, что въ первомъ обязанности честнаго гражданина по отношенію къ отечеству и отдѣльнымъ согражданамъ перечислены гораздо полнѣе и разностороннѣе, нежели во второмъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что Херсонисскій текстъ если не всецѣло, то въ главнѣйшихъ чертахъ, отражаетъ въ себѣ практическіе (а, конечно, не философско-теоретическіе) взгляды на обязанности гражданина къ государству, съ теченіемъ времени выработавшіеся въ греческихъ политіяхъ и вылившіеся въ опредѣленныя формулы къ III в. до Р. Хр., — и въ этомъ заключается главная цѣна нашего документа и главное значеніе его, какъ интереснаго дополненія къ длинному ряду документальныхъ источниковъ для изученія греческой государственной жизни.

Переходя теперь къ выясненію его значенія въ частности, какъ источника для исторіи и государственнаго устройства Херсониса, мы можемъ замѣтить, что въ немъ заключается нѣсколько интересныхъ дополненій къ нашимъ свѣдѣніямъ по этимъ вопросамъ. Мы видимъ, что въ III в. до Р. Хр. Херсонисъ представлялъ собою свободную и вполнѣ благоустроенную политію съ опредѣленной

1) Плут. *Алкив.* 15; Полид. VIII, 105.

демократической формой правленія, съ правильно устроенными органами совѣщательной, судебной и исполнительной власти. Владѣнія ея не ограничивались однимъ городомъ съ ближайшими его окрестностями, но простирались на цѣлую область (χώρα), въ составъ которой входили: Κερκινῖτις, Καλὸς λιμήν, ἄλλα τείχη и πεδίον. Объ этихъ мѣстностяхъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Древнѣйшее извѣстіе о городѣ Керкинитидѣ встрѣчаемъ мы у Екатэя Милитскаго въ „описаніи Европы“ [1]), а слѣдующее по времени — у отца южнорусской географіи Иродота, который въ одномъ мѣстѣ своего описанія Скиѳіи говоритъ, что рѣка Ипакирь впадаетъ въ море около этого города, оставляя вправо Полѣсье и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ [2]), а въ другомъ — что „отъ рѣки Истра уже начинается собственная (старая) Скиѳія, обращенная къ полудню и вѣтру Ноту до города, называемаго Каркинитидою; отсюда страну, прилегающую къ этому же морю, гористую и выступающую въ Понтъ, населяетъ племя Тавровъ до такъ называемаго Скалистаго Полуострова“ [3]). Въ периплѣ, извѣстномъ подъ именемъ Скилака, въ стихотворномъ землеописаніи, приписывавшемся Скимну Хіосскому, и у Стравона нѣтъ упоминанія объ этомъ городѣ, хотя послѣдній авторъ неоднократно упоминаетъ о Каркинитскомъ заливѣ (Καρκινίτης κόλπος). Такимъ образомъ, слѣдующее по времени послѣ Иродота упоминаніе о Керкинитидѣ, а также и о Прекрасномъ портѣ оказывается въ знаменитомъ декретѣ Херсонисцевъ въ честь Діофанта Синопскаго, воеводы Миѳридата Евпатора [4]), гдѣ мы читаемъ (стр. 18—21), что во время второго похода противъ Скиѳовъ „καίπερ τοῦ καιροῦ συγκλείοντος εἰς χειμῶνα, Διό[φα]ντος ἀναλαβὼν τοὺς ἰδίους καὶ τῶν πολιτᾶν τοὺς δυνατωτάτους ὥρμασε μὲν ἐπ’αὐτὰ [τὰ β]ασίλεια τῶν Σκυθᾶν, κωλυθεὶς δὲ διὰ χειμῶνας, ἐπιστρέψας ἐπὶ τὰ παραθαλάσσια Κερκινῖτιν [μὲν] ἐλάβετο καὶ τὰ τείχη, τοὺς δὲ τὸν Καλὸν λιμένα κατοικοῦντας πολιορκεῖν ἐπεβάλετο“. Затѣмъ Арріанъ въ своемъ „Периплѣ Понта Евксинскаго“, сообщая разстояніе между главными мѣстностями Крыма по направленію съ востока, говоритъ (§ 19 и 20), что отъ Херсониса до Каркинитиды 600 стадій, отъ

---

1) Стеф. Визант. п. сл. Καρκινῖτις· πολις Σκυθική· Ἑκαταῖος Εὐρώπῃ. οἱ κατοικοῦντες Καρκινῖται.

2) IV, 55: ἔκτὸς δὲ Ὑπάκυρις ποταμός, ὃς ὁρμᾶται μὲν ἐκ λίμνης, διὰ μέσων δὲ τῶν νομάδων Σκυθέων ῥέων ἐκβιδοῖ κατὰ Καρκινῖτιν πόλιν, ἐς δεξιὴν ἀπέργων τήν τε Ὑλαίην καὶ τὸν Ἀχιλλήιον δρόμον καλεόμενον.

3) IV, 99.

4) IosPE. I, № 185.

Каркинитиды до Прекраснаго порта, тоже скиѳскаго, — 700 ст. и отъ Прекраснаго порта до Тамираки — 300 ст. Плиній ставитъ города Navarum и Carcine при томъ же Каркинитскомъ заливѣ [1]). Помпоній Мела, указывая мѣстоположеніе Carcine согласно съ Плиніемъ, подъ Прекраснымъ портомъ разумѣетъ „обильный гаванями“ заливъ между мысами Бараньимъ лбомъ и Парѳеніемъ, на самомъ дѣлѣ не существующій [2]). Птолемей называетъ городъ Κάρκινα первымъ въ числѣ „материковыхъ городовъ въ рѣчныхъ долинахъ у рѣки Каркинита“ и ставитъ его подъ 59°30′ и 48°45′, а Прекрасный портъ помѣщаетъ подъ 59°30′ и 47°45′ между Кефалонисомъ и Тамиракою, западнѣе устьевъ рѣки Каркинита [3]). Безыменный авторъ „Перипла Понта Евксинскаго“, заимствуя разстоянія безъ сомнѣнія у Арріана [4]), говоритъ, что отъ Херсона до Коронитиды или Каркинитиды 600 стадій или 80 миль, а отсюда до скиѳскаго Прекраснаго порта Херсонисской земли (εἰς Καλὸν λιμένα Σκυθικὸν Χερσωνίτιδος) 700 ст. или $93^1/_3$ мили, и что отъ Прекраснаго порта начинается такъ называемый Каркинитскій заливъ, простирающійся до Тамираки и имѣющій въ длину 2250 ст. или 300 миль, а въ ширину 300 ст. или 40 миль. Если къ этимъ извѣстіямъ прибавить нѣсколько несомнѣнно принадлежащихъ городу Керкинитидѣ монетъ, по типамъ сходныхъ съ Херсонисскими и имѣющихъ легенду ΚΕΡΚΙ или ΚΕΡ [5]), то этимъ будутъ исчерпаны, кажется, всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся отъ древнихъ временъ о Керкинитидѣ.

Что касается до Καλὸς λιμήν'а, то какъ изъ нашей надписи, такъ и изъ декрета въ честь Діофанта видно, что это былъ не только портъ, но и укрѣпленный городокъ, который Діофанту пришлось осаждать. Нѣкоторые ученые думаютъ, что упоминаніе объ этомъ портѣ, кромѣ вышеназванныхъ писателей, было еще у Страбона въ VII, 4, 2. Описавъ въ предыдущемъ § такъ называемое Гнилое

1) Plin. *Nat. h.* IV, 84: Mare subit magno recessu, donec V milium passuum intervallo absit a Maeotide, vasta ambiens spatia multasque gentis. sinus Carcinites appellatur. Flumen Pacyris. oppida Navarum, Carcine... (§ 85) a Carcinite Taurica incipit.

2) P. Melae *Chorogr.* (ed. Parthey) II, 1, 3: In Paludem vergentia Satarchae tenent... in Euxinum mare Taurici. super eos sinus portuosus et ideo Calos limen appellatus promunturiis duobus includitur. Alterum Criumetopon vocant... Parthenium alterum. § 4. Quod inter Paludem et sinum est Thaterae nominantur, sinus Carcinites. in eo urbs est Carcine, quam duo flumina Gerrhos et Ypacares uno ostio effluentia adtingunt...

3) Ptol. *Geogr.* (ed. C. Müllerus) III, 5, 2 и 13.

4) Anon. *Per.* § 57 (Geogr. Gr. min. ed. C. Müllerus, v. I, p. 416).

5) См. П. О. Бурачкова Общій каталогъ монетъ элл. колоній сѣв. побережья Чернаго моря (Од. 1884), стр. 97 сл. [Н. Ф. Романченко, Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи. *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 25 (1907), стр. 172—187].

озеро, Стравонъ въ началѣ § 2 говоритъ: «Ἐκπλέοντι δ'ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη καὶ ἄλλος λιμὴν Χερσονησιτῶν», а затѣмъ прямо переходитъ къ описанію полуострова, на которомъ лежалъ городъ Херсонисъ. Если обратить вниманіе на послѣдній § предыдущей главы, то будетъ очевидно, что въ приведенной фразѣ слѣдуетъ разумѣть выходъ изъ Тамиракскаго или Каркинитскаго залива. Такъ какъ раньше авторъ не упоминалъ ни о какой Херсонисской гавани, то выраженіе καὶ ἄλλος λιμὴν возбуждаетъ сильное сомнѣніе, и потому уже Казобонъ предложилъ читать πολίχνη Καλὸς λιμὴν Χερσονησιτῶν, основываясь, по всей вѣроятности [1]), на томъ, что по Безъименному Прекрасный портъ находился именно при началѣ Каркинитскаго залива. Эта конъектура Казобона, при всей ея кажущейся привлекательности, не стала, однако, общепризнанною; правда, нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ и издателей (напр. Кораисъ) и изъ русскихъ изслѣдователей древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря принимаютъ ее на вѣру или даже полагаютъ, что Καλὸς λιμὴν несомнѣнно находился въ первоначальномъ текстѣ Стравона, но новѣйшіе издатели Крамеръ и Мейнеке отказываютъ ей въ правдоподобіи. Первый удерживаетъ чтеніе рукописей [2]), а второй въ текстѣ отмѣчаетъ данное мѣсто звѣздочкой, какъ испорченное, въ предисловіи же вмѣсто ἄλλος предполагаетъ ἅμα. Позднѣе К. Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемэя предположилъ въ этомъ мѣстѣ Стравона пропускъ, который предложилъ восполнить слѣдующимъ образомъ: ἐκπλέοντι δ'ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη [καὶ Καλὸς λιμήν, εἶτα δὲ] ἄλλος λιμὴν Χερσονησιτῶν [3]). Намъ кажется, что это предположеніе о пропускѣ совершенно вѣрно, но что онъ былъ значительнѣе, нежели думаетъ Мюллеръ, и заключалъ въ себѣ болѣе или менѣе подробное описаніе побережья отъ нынѣшняго мыса Тарханкута до Севастопольскаго рейда, который, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть подъ ἄλλος λιμήν; возможно, что въ пропавшемъ мѣстѣ было упоминаніе и о Прекрасномъ портѣ и о Керкинитидѣ. Кто знакомъ съ состояніемъ Стравоновскаго текста, особенно въ VII книгѣ, тому предположеніе о значительномъ пропускѣ не можетъ показаться невѣроятнымъ. Основанія нашего предположенія мы подробнѣе изложили въ особой замѣткѣ [4]).

---

1) Не имѣя, къ сожалѣнію, подъ руками изданія Казобона, я не могу сказать, какъ онъ мотивировалъ свою конъектуру.

2) Strabonis Geographica rec. G. Kramer, v. II (Berol. 1847), p. 35. Мотивы, по которымъ Крамеръ отвергаетъ конъектуру Казобона, не могутъ быть признаны достаточными.

3) Cl. Ptolemaei Geographia, rec. C. Müllerus, v. I (Paris, ed. Firmin Didot, 1883), p. 415.

4) [См. выше стр. 129—133].

Во всякомъ случаѣ изъ вышеизложеннаго, надѣемся, ясно, что конъектура Казобона болѣе чѣмъ сомнительна, и что ссылаться на Стравона при опредѣленіи мѣстоположенія Прекраснаго порта нельзя. Показанія же другихъ писателей о мѣстоположеніи города Керкинитиды и этого порта весьма разнорѣчивы. Наибольшаго вѣроятія заслуживаетъ, конечно, свидѣтельство Арріана (повторенное съ дополненіями Безъименнымъ), что Керкинитида находилась въ 600 стадіяхъ за Херсонисомъ (если плыть вдоль берега Крыма съ востока), а Прекрасный портъ—въ 700 стадіяхъ отъ нея. Надпись въ честь Діофанта подтверждаетъ это показаніе, свидѣтельствуя, что это были приморскія мѣстности и находились несомнѣнно въ Крыму. Основываясь на свидѣтельствахъ Арріана и Безъименнаго, новые изслѣдователи неоднократно пытались точно опредѣлить мѣстоположеніе Керкинитиды и Прекраснаго порта, но далеко еще не пришли къ соглашенію. Не говоря объ опредѣленіяхъ завѣдомо невѣрныхъ или не основанныхъ на близкомъ знакомствѣ съ мѣстностью, мы укажемъ только на наиболѣе авторитетныя. Относительно Прекраснаго порта мнѣнія дѣлятся между Акмечетскою бухтою на южномъ берегу Каркинитскаго (или Перекопскаго) залива, недалеко отъ выхода изъ него, и Сары-булатскою косою на той же сторонѣ залива къ сѣверо-востоку отъ бухты Акмечетской. На Акмечетскую бухту указалъ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія академикъ Кёлеръ[1]); съ нимъ соглашаются такіе авторитетные знатоки древней географіи сѣвернаго Черноморскаго побережья, какъ покойный Ф. К. Брунъ[2]) и В. Н. Юргевичъ[3]); послѣдній указываетъ, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ въ этой самой мѣстности находится имя Calolimena. За Сары-булатъ высказался, кромѣ Геля и Тетбу-де-Мариньи, К. Нейманъ[4]), приведшій довольно основательныя соображенія въ пользу нахожденія здѣсь Прекраснаго порта, а за нимъ весьма настойчиво указывалъ на эту мѣстность П. О. Бурачковъ[5]). Что касается до Керкинитиды, то Брунъ сначала[6]) помѣщалъ ее въ урочищѣ Юртлукѣ, въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ

1) H. K. E. Köhler, Mém. sur les îles et la course cons. à Achille dans le Pont Euxin въ *Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb.* v. X, p. 616.

2) Опытъ соглашенія противопол. мнѣній о Герод. Скиѳіи, стр. XXIII (Древности Герод. Скиѳіи, изд. Импер. Археол. Комм., Спб. 1872)=Черноморье, т. II (1880), стр. 7.

3) *Записки Имп. Од. Общ.* т. XII, стр. 35.

4) K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande (Berl. 1855), стр. 377.

5) «О мѣстоположеніи древняго г. Каркинитеса и монетахъ ему принадлежащихъ» въ *Зап. Од. Общ.* т. IX (1875 г.), стр. 1—133. См. особенно стр. 122 сл.

6) Опытъ соглашенія, ук. стр.

Евпаторіи, основываясь на итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій, на которыхъ мѣстность вблизи нынѣшней Евпаторіи отмѣчена именами Chrichiniri, Chirechiniti, Saline de Crichiniri и т. под., очевидно, исковерканными изъ Cercinitis. Впослѣдствіи, однако, Брунъ присоединился[1]) къ мнѣнію П. О. Бурачкова, который помѣстилъ Керкинитиду въ 25 верстахъ къ с.-з. отъ Евпаторіи у Донгузлавскаго озера, на той сторонѣ, которая обращена къ Акмечетской бухтѣ, при Бельаузскомъ трактирѣ близъ селенія Ойбуръ[2]). На эту мѣстность, впрочемъ, и раньше Бурачкова приблизительно указывали Нейманъ[3]) и Десимони[4]). Юргевичъ при комментированіи надписи Діофанта[5]) ограничился приведеніемъ этихъ мнѣній, предоставляя читателямъ самимъ избрать изъ нихъ самое правдоподобное, но прибавивъ отъ себя два вопроса, клонившіеся къ тому, чтобы нѣсколько подорвать вѣроятность мнѣнія Бурачкова. Послѣдній не остался въ долгу и написалъ большую статью[6]), въ которой отстаиваетъ вѣрность своихъ мнѣній при помощи всевозможныхъ доводовъ, изъ коихъ добрая доля является лишнимъ балластомъ. Въ недавнее время совершенно самостоятельно высказался за пріурочніе Керкинитиды къ Донгузлавскому озеру П. Н. Кречетовъ[7]). Согласіе большинства изслѣдователей заставляетъ считать мѣстонахожденіе Керкинитиды въ этой мѣстности вполнѣ вѣроятнымъ[8]); что же касается до Прекраснаго порта, то мы оставляемъ вопросъ объ его мѣстонахожденіи открытымъ, не будучи лично знакомы съ мѣстностями, къ которымъ онъ пріурочивается, и не желая черезчуръ раздвигать рамки нашего комментарія подробнымъ разсмотрѣніемъ доказательствъ, приводимыхъ изслѣдователями въ пользу того или другого пріуроченія. По тѣмъ же причинамъ мы не будемъ касаться вопроса

---

1) Черноморье, т. II, стр. 7.

2) *Зап. Од. Общ.* т. IX, стр. 122 и т. XII, стр. 233.

3) Die Hell. im Skythenl. стр. 378: «zwischen den Tatarendörfern Adschi Baschi und Sultan Ali». По словамъ Бурачкова (*Зап. Од. Общ.* XII, стр. 233) деревни эти находятся «недоходя Дунгузлавскаго озера» со стороны Евпаторіи.

4) «Въ примѣчаніяхъ къ гидрографическому средневѣковому атласу Luxoro. Генуя, 1869, при объясненіи слова Creniса» (указаніе В. Н. Юргевича въ *Зап. Од. Общ.* XII, стр. 32).

5) *Зап. Од. Общ.* XII, стр. 32.

6) Тамъ же, стр. 222—248.

7) *Зап. Од. Общ.* т. XV (1889 г.), стр. 472 сл. [Ср. теперь статью Н. Ф. Романченка, указанную выше на стр. 151, прим. 5].

8) На картѣ сѣвернаго побережья Чернаго моря, приложенной ко 2-му тому «Inscriptionum o. s. Ponti Euxini», я поставилъ Керкинитиду близъ Евпаторіи согласно съ прежнимъ мнѣніемъ Бруна и «Картой древнихъ поселеній на югѣ Россіи», составленной проф. Л. Ф. Воеводскимъ къ VI археолог. съѣзду въ Одессѣ въ 1884 году.

о томъ, тожественна ли иродотовская Каркинитида, называемая Каркиною у Плинія, Мелы и Птолемэя, съ крымской Керкинитидой, или это были два разные города, и ограничиваемся замѣчаніемъ, что мы рѣшительно присоединяемся къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ эти названія принадлежащими одному и тому же городу [1]).

Кромѣ Керкинитиды и Прекраснаго порта, въ текстѣ присяги упоминаются еще „другія укрѣпленія", принадлежавшія Херсонису (строки 9 и 21). Въ декретѣ въ честь Діофанта также упоминаются τὰ τείχη, которыя тогда принадлежали Скиѳамъ и были взяты Діофантомъ. Въ комментаріи къ этому декрету [2]) В. Н. Юргевичъ, основываясь на томъ, что τὰ τείχη названы между Керкинитидою и Прекраснымъ портомъ, высказалъ предположеніе, что „вѣроятнѣе всего мы должны искать этого замка въ урочищѣ, находящемся въ 13 верстахъ на ЮЗ. отъ Акмечетской бухты, на пути къ мысу, называемому на Черноморской картѣ Манганари (1828—1836 г.) Карамрунъ, и къ Тарханкуту, тамъ, гдѣ на военной картѣ Мухина (1817) показаны два поселенія, принадлежащія одному обществу Костель и Кастель". Нужно замѣтить, однако, что упоминаніе объ укрѣпленіи послѣ Керкинитиды еще не служитъ доказательствомъ его нахожденія за этимъ городомъ: мѣстности эти могли быть названы въ декретѣ и не въ топографическомъ порядкѣ, а въ хронологическомъ — по времени ихъ взятія Діофантомъ, или просто по степени важности. Въ настоящее время изъ текста присяги мы узнаемъ, что такихъ безыменныхъ укрѣпленій было нѣсколько. Построены они были, конечно, для защиты отъ набѣговъ Скиѳовъ и Тавровъ, но гдѣ каждое изъ нихъ находилось, опредѣлись невозможно.

Сравнивая свидѣтельство присяги съ показаніемъ декрета въ честь Діофанта, мы видимъ, что въ III в. до Р. Хр. Керкинитида, Прекрасный портъ и „другія укрѣпленія" принадлежали жителямъ Херсониса, но впослѣдствіи были отняты у нихъ Скиѳами, во владѣніи которыхъ находились и во время войнъ Діофанта въ Крыму, такъ что Діофантъ во вторую кампанію двинулся противъ нихъ, взялъ

1) Спасскій (*Зап. Од. Общ.* II, стр. 20 сл., и Археолого-нумизм. сборникъ, стр. 163 сл.), Кёне (Музей Коч. I, стр. 105 сл.), Боннель (Beitr. zur Alterthumsk. Russlands, т. I, стр. 102), Брунъ (Черном. II, стр. 8), Юргевичъ (*Зап. Од. Общ.* XII, стр. 30), Кречетовъ (ibid. XV, стр. 473) и др. За существованіе двухъ городовъ высказывались: Фридлендеръ (*Annali dell' Inst. di corr. arch.* XIV, 1845 г., стр. 232 сл.), Нейманъ (Hell. im Skythenl., стр. 375 сл. и 443), Бурачковъ (ук. статьи въ *Зап. Од. Общ.*), К. Мюллеръ (Cl. Ptolemaei Geogr. v. I, p. 415) и др.

2) *Зап. Од. Общ.* XII, стр. 32.

Керкинитиду и „стѣны“ и приступилъ къ осадѣ Прекраснаго порта, отъ котораго былъ отвлеченъ приближеніемъ Палака съ соединенными полчищами Скиѳовъ и Ревксиналовъ; взялъ ли онъ Прекрасный портъ послѣ „прекрасной и достопамятной на всѣ времена“ побѣды надъ этими полчищами, въ надписи прямо не говорится, хотя это и нужно считать вполнѣ вѣроятнымъ при блестящемъ успѣхѣ, которымъ сопровождалась вторая кампанія [1]). Какъ бы то ни было, во времена Арріана онъ снова находился во власти Скиѳовъ [2]). Сопоставленіе свидѣтельствъ надписей прекрасно подтверждаетъ слова Стравона (VII, 4, 3), что Херсонисъ первоначально былъ независимъ, но потомъ, будучи одолѣваемъ варварами, былъ вынужденъ взять себѣ въ покровители Миѳридата Евпатора.

Если въ III в. и Керкинитида и Прекрасный портъ были подвластны Херсонису, то, значитъ, область (χώρα) этого города простиралась почти на всю западную часть Крыма. Въ нее входила, между прочимъ, упоминаемая въ стр. 47 и 49 равнина (πεδίον), на которой находились хлѣбныя поля Херсонисцевъ. Безъ сомнѣнія эта же самая равнина упоминается въ херсонисской надписи въ честь Агасикла, сына Кти[сіева], относящейся, по всей вѣроятности, также къ III вѣку: изъ нея видно, что на равнинѣ находились также виноградники, которые размежевалъ Агасиклъ [3]). Эти упоминанія о равнинѣ невольно приводятъ на память слѣдующее описаніе Крымской равнины у Стравона (VII, 4, 6): „Въ Херсонисѣ, за исключеніемъ горной области на морскомъ берегу до Ѳеодосіи, вся остальная часть представляетъ равнину съ хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлѣбомъ: земля, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, дастъ урожай самъ-тридцать. Жители давали въ дань Миѳридату 180000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра вмѣстѣ съ азіатскими мѣсточками возлѣ Синдики, и въ прежнія времена отсюда вывозился хлѣбъ къ Эллинамъ, подобно тому, какъ соленая рыба изъ Мэотиды“ [4]). При такомъ богатствѣ Крымской равнины хлѣбомъ

---

1) [Изъ надписи IosPE. IV, № 67, видно что Прекрасный портъ дѣйствительно былъ взятъ, но не Діофантомъ, а другими лицами].

2) Arr. *Per.* § 30:... ἀπὸ Κερκινίτιδος ἐς Καλὸν λιμένα, Σκυθικὸν καὶ τοῦτον, ἄλλοι [στάδιοι] ἑπτακόσιοι. Мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, полагающихъ, что прил. Σκυθικός обозначаетъ только мѣстонахожденіе Прекраснаго порта въ Скиѳіи, ни на чемъ не основано.

3) IosPE. I, № 195. [Это мнѣніе наше опровергаетъ А. Л. Бертье-Делагардъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 21 (1907), стр. 192, прим. 1].

4) О торговомъ значеніи Чернаго моря и въ частности Крыма въ древности ср. L. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt (въ *Ausgew. Aufsätze*, стр. 441 сл.); G. Perrot въ *Revue historique*, т. IV (1877 г.), стр. 1—73; Ѳ. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Боспора

нѣсколько страннымъ кажется тотъ фактъ, что херсонисскіе граждане должны были клятвенно обязываться не продавать и не вывозить своего хлѣба никуда, кромѣ Херсониса: приходится заключить, что собираемаго на равнинѣ хлѣба было едва достаточно для прокормленія города. Это было, очевидно, явленіе постоянное, а не временное, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ не было бы внесено въ присягу; стало быть, его нельзя объяснять временными причинами, напр., неурожаями. Приходится думать, что Херсонису принадлежала лишь небольшая часть Крымской равнины (вѣроятно, вдоль западнаго берега), которая удовлетворяла лишь потребностямъ самого города въ хлѣбѣ, а для экспорта его не оставалось. Возможно, впрочемъ, и другое предположеніе — что городское управленіе Херсониса въ видахъ увеличенія доходовъ города установило, чтобы Херсонисъ былъ единственнымъ хлѣбнымъ рынкомъ для своихъ гражданъ, и воспретило вывозъ хлѣба чрезъ другіе торговые пункты. Какъ бы то ни было, мы встрѣчаемся здѣсь съ такимъ же явленіемъ заботливости о хлѣбной торговлѣ и строгаго ея регулированія, какое намъ извѣстно, напр., въ Аттикѣ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ текстѣ присяги относительно государственнаго устройства Херсониса, мы должны напомнить, что встрѣчающіяся въ херсонисскихъ надписяхъ данныя о конституціи этого города были собраны и по возможности объяснены нами уже въ 1884 г. въ статьѣ „Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго“ [1]). Новый документъ представляетъ лишь немногія дополненія къ матеріаламъ, собраннымъ въ этой статьѣ. Мы высказали тамъ предположеніе, что въ Херсонисѣ, повидимому, съ самаго его основанія установился демократическій образъ правленія; и дѣйствительно мы видимъ въ присягѣ, что демократія представляетъ собою вполнѣ установившуюся форму правленія. Относительно неизвѣстнаго до сихъ поръ состава совѣта мы получаемъ свѣдѣніе, что въ члены его могъ быть избираемъ всякій полноправный гражданинъ, такъ какъ всякій заранѣе клянется βουλεύειν τὰ ἄριστα καὶ δικαιότατα τῇ πόλει (строка 23).

Упоминаніе о должности даміурговъ уже встрѣчалось въ херсонисскихъ надписяхъ [2]), но безъ всякихъ указаній на должностныя функціи этихъ маги-

---

(въ *Кіевскихъ Унив. Изв.* 1878 г.); Латышевъ, Изслѣд. объ ист. и госуд. строѣ г. Ольвіи, введеніе, стр. 3 сл.

1) *Журн. М. Нар. Просв.*, іюнь 1884, отд. класс. фил. Французскій переводъ въ *Bulletin de corr. hellén.* т. IX, стр. 265—300 (1885 г.).

2) IosPE. I, №№ 196 и 199.

стратовъ, такъ что я въ вышеуказанной статьѣ, сопоставивъ имѣющіяся свѣдѣнія объ этой должности въ другихъ греческихъ (преимущественно дорическихъ) городахъ и констатировавъ вѣроятность ея заимствованія Херсонисцами изъ Мегаръ[1]), принужденъ былъ ограничиться указаніемъ, что должность даміурговъ должна была имѣть политическій характеръ, а не религіозный, какъ думалъ В. Н. Юргевичъ[2]). Нашъ новый документъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе: мы видимъ, что даміурги были верховные магистраты, обязанные пещись о демократіи и преслѣдовать лицъ, стремящихся къ ея ниспроверженію, и вообще государственныхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ (стр. 17 и 46). Должность эта была коллегіальная, но изъ сколькихъ лицъ состояла коллегія, остается неизвѣстнымъ; въ должность даміурга, какъ въ совѣтъ, имѣлъ право быть избраннымъ всякій полноправный гражданинъ (стр. 22).

Изъ строки 35 мы получаемъ свѣдѣніе, что въ Херсонисѣ существовалъ народный судъ, въ которомъ голоса подавались „камешками по законамъ“ и въ члены котораго также могъ быть избранъ всякій гражданинъ. Всѣ эти данныя, случайно встрѣчающіяся въ текстѣ присяги, ведутъ насъ къ заключенію о существованіи въ Херсонисѣ въ III в. до Р. Хр. вполнѣ благоустроенной демократіи.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ Херсонисцевъ новый документъ сообщаетъ намъ, что въ ряду почитавшихся у нихъ божествъ на первомъ планѣ офиціально ставился Зевсъ, затѣмъ Земля, Солнце и Дѣва, а за нею уже слѣдовали прочіе Олимпійскіе боги и богини и мѣстные герои, считавшіеся покровителями города, области и укрѣпленій Херсониса. Извѣстно, что въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Эллиновъ было очень много разнообразія въ частностяхъ, что относительно каждаго божества, его положенія среди другихъ, значенія и дѣятельности, способовъ почитанія и пр. въ разныхъ мѣстахъ существовали разные взгляды[3]). Земля и Солнце въ историческія времена не имѣли особенно выдающагося значенія среди эллинскихъ божествъ, хотя и пользовались особеннымъ почетомъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ, какъ, напр., Земля—въ Аѳинахъ, Дельфахъ, Додонѣ, Патрахъ, Эгахъ и др.[4]), а Солнце — больше всего на о. Родосѣ, за-

1) О даміургахъ въ Мегарахъ ср. M. Thamm, De re publica ac magistratibus Megarensium (diss. Hal. 1885), стр. 17.

2) *Зап. Од. Общ.* т. XIII, стр. 5.

3) См. объ этомъ нашъ «Очеркъ греч. древностей» ч. II, стр. 4 сл.

4) Ср. Drexler въ Roscher's Ausf. Lexikon d. Griech. und Röm. Mythol. I, 2, ст. 1573 сл. (п. сл. Gaia).

тѣмъ въ Коринѳѣ, во многихъ другихъ пелопоннисскихъ городахъ, на о. Критѣ и въ разныхъ малоазіатскихъ городахъ[1]). Какія причины повліяли на возведеніе Земли и Солнца въ Херсонисѣ на степень важнѣйшихъ божествъ, опредѣлить, конечно, очень трудно. Возможно, что культъ Солнца перенесенъ еще изъ Мегаръ въ Ираклію Понтійскую, а оттуда въ Херсонисъ, на причисленіе же Земли къ важнѣйшимъ божествамъ оказали нѣкоторое вліяніе сосѣдніе Скиѳы, у которыхъ, по словамъ Иродота (IV, 59), Земля, признававшаяся супругою Зевса, вмѣстѣ съ нимъ почиталась больше всѣхъ другихъ божествъ кромѣ Естіи, занимавшей первое мѣсто[2]). — Культъ Дѣвы (Παρθένος) въ Херсонисѣ извѣстенъ изъ Страбона и другихъ писателей. Богиня эта — несомнѣнно мѣстная. Еще Иродотъ, описывая обычаи Тавровъ, говорилъ (IV, 103), что они приносятъ въ жертву Дѣвѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и всѣхъ Эллиновъ, кого захватятъ въ открытомъ морѣ. Страбонъ (VII, 4, 2) также называетъ херсонисскую Дѣву „нѣкіимъ особымъ божествомъ“ (δαίμων τις). Но вообще Эллины отождествляли въ своемъ представленіи эту богиню съ Артемидою подъ именемъ Таврической или Ταυροπόλος[3]). Въ Херсонисѣ, впрочемъ, эта богиня, повидимому, всегда называлась просто Дѣвою, а не Артемидою. По словамъ Страбона (въ ук. м.), въ городѣ находилось ея святилище съ храмомъ и статуею (ξόανον); именемъ богини былъ названъ и мысъ Παρθένιον въ 100 стадіяхъ передъ городомъ[4]). Изъ декрета въ честь Діофанта мы узнали, что Дѣва считалась постоянною покровительницею Херсонисцевъ (ἀ διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα Παρθένος), что алтарь ея находился на городскомъ акрополѣ рядомъ съ алтаремъ Херсониса (обоготвореніе города) и что въ честь ея совершался праздникъ Παρθένεια съ торжественной процессіей (πομπή), во время которой дѣлались провозглашенія о наградахъ, дарованныхъ заслуженнымъ лицамъ[5]).

Въ заключеніе остается отмѣтить, что дорическій діалектъ, на которомъ

---

1) Ср. Rapp, ibid. ст. 2024 (и. сл. Helios).

2) [По мнѣнію Диттенбергера, Syll. inscr. Gr.², II, № 461, прим. 2, «Non quia templa et sacerdotes Chersonesi habebant, sed quia terra omnium sedes est, sol omnia videt, hi iurisiurandi testes et periurii vindices advocantur»].

3) Объ этомъ отождествленіи и о характерѣ культа Артемиды Таврической ср. Preller, Griech. Mythol. I,³ стр. 251; Stoll въ Roscher's Lexicon d. Mythol. II, ст. 304 (и. сл. Iphigeneia). Ср. также замѣчанія В. Н. Юргевича въ *Зап. Од. Общ.* XII, стр. 37.

4) Это мѣсто Страбона разсмотрѣно нами въ особой замѣткѣ въ *Журн. М. Н. Пр.*, апр. 1892 г. [см. выше стр. 133—137].

5) [Новыя свѣдѣнія о культѣ Дѣвы см. ниже въ статьѣ «Эпиграфическіе этюды. IX»].

изложенъ текстъ присяги, не представляетъ такихъ словъ и формъ, которыя не были бы уже извѣстны изъ авторовъ или надписей[1]), за исключеніемъ новаго слова ὁ σαστήρ, значеніе котораго не поддается опредѣленію.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ[2]).

По сообщенію К. К. Косцюшко-Валюжинича, оба камня съ текстомъ присяги найдены съ *сѣверной* стороны новаго храма на мѣстѣ, гдѣ обнаружены остатки совершенно разрушенной базилики, но не были употреблены для настилки ея пола; нижняя часть найдена надписью вверхъ (почему она и пострадала болѣе другой), а верхняя—надписью внизъ и значительно глубже. Относительно текста мы при личной провѣркѣ [въ іюлѣ 1892 г.] констатировали слѣдующее: въ концѣ стр. 18-й приписная іота навѣрное не была вырѣзана по недостатку мѣста; въ концѣ стр. 27-й буквы BA стоятъ такъ близко къ краю, что для слѣдующей буквы P, повидимому, не было мѣста, такъ же какъ и въ концѣ стр. 29 для послѣдней буквы I; въ концѣ стр. 28-й на камнѣ ясно видно EN, такъ что слѣдуетъ читать βλάπτεν, E = EI по древнему употребленію; въ концѣ стр. 39 на камнѣ читается TN; въ стр. 42: ΔΙΛΛΥ⁻AMENΩI и т. д.; въ нач. стр. 43-й видно ΛON и въ концѣ EMML.

Въ виду выдающагося интереса и значенія херсонисской присяги я сообщилъ свою статью о ней въ нѣмецкомъ переводѣ Берлинской академіи наукъ, которая и помѣстила ее въ своихъ *Sitzungsberichte* 1892, № XXVII. Отсюда перепечаталъ текстъ надписи минускулами, съ нѣсколькими пояснительными замѣчаніями, г. Théodore Reinach въ *Revue des études Grecques* t. V (1892), pp. 403—408[3]). Изъ замѣчаній издателя имѣютъ нѣкоторый интересъ указы-

---

1) Рѣдкій глаголъ ἐκφερομυθεῖν, по любезному сообщенію академика А. К. Наука, встрѣчается у слѣдующихъ писателей: Aeneas Tact. c. 22, 5; Cornut. c. 30, p. 61, 13 Lang; Suidas v. ὥτα κατεαγότων; Gregor. Pal. Prosopopoeia ed. Alb. Jahn, p. II; Psellus ed. Boisson., p. 154.

2) Матеріалы по археологіи Россіи, издав. Имп. Арх. Комм., № 17 (Спб. 1895), стр. 72—77.

3) Отмѣтимъ здѣсь, что еще раньше нашего изданія нижняя половина присяги была издана въ томъ же журналѣ (т. IV, стр. 388 сл.) г. Кондолеонтомъ по копіи какого-то Саккелларія, вѣроятно тайкомъ списавшаго надпись въ Херсонисѣ.

ваемыя имъ аналогіи содержанія документа или отдѣльныхъ мѣстъ его съ крптскими клятвами и нѣкоторыми другими надписями.

Кромѣ г. Ренака, перепечаталъ нашу надпись (минускулами, съ нѣмецкимъ переводомъ en regard) г. A. Semenoff въ своей статьѣ „Zum Bürgereid der Chersonesiten“ въ *Blätter f. d. Gymnasialschulwesen*, B. XXX (1894), стр. 199—204[1]). Разсмотрѣвъ вопросъ о времени надписи (при чемъ серьезно опровергается мнѣніе г. Кондолеонта, въ сущности не заслуживающее вниманія), авторъ заявляетъ, что „едва ли можно принять, что мы имѣемъ передъ собою *ежегодно* примѣняемый текстъ присяги“, и старается доказать, что это была *единовременная* присяга демократовъ послѣ побѣды надъ олигархами („Unsere Formel scheint einen Sieg des Demos anzudeuten, wobei die gesammte Bürgerschaft neu vereidigt wurde“). Мысль безспорно интересная, но приводимыя въ подкрѣпленіе ея доказательства настолько слабы (отчасти даже наивны), что нисколько не поколебали моего взгляда на эту присягу, въ пользу котораго общій тонъ ея и отдѣльные пункты, по моему убѣжденію, свидѣтельствуютъ гораздо больше, нежели въ пользу предположенія, высказываемаго г. Семеновымъ. Поэтому я не вижу необходимости вдаваться въ подробный разборъ немногочисленныхъ доказательствъ г. Семенова, такъ какъ всякій понимающій дѣло читатель, познакомившись съ ними (буде пожелаетъ), безъ труда оцѣнитъ ихъ по достоинству. Къ замѣчаніямъ г. Семенова объ отдѣльныхъ пунктахъ надписи мы будемъ обращаться при разсмотрѣніи по порядку тѣхъ частей ея текста, на которыя было обращено вниманіе въ извѣстныхъ намъ статьяхъ и замѣткахъ разныхъ ученыхъ.

Проф. В. К. Ернштедтъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за октябрь 1892 г., отд. кл. фил. стр. 28, предложилъ въ стр. 9—10 документа читать οὐδὲ τᾶς ἄλλας χώρας, ἂν Χερσονασῖται νέμονται ἢ ἐνέμοντο οὐθενὶ οὐθὲν κτλ. Съ этой поправкой нельзя не согласиться, такъ какъ при ней значительно упрощается конструкція (род. падежъ τᾶς ἄλλας χώρας зависитъ отъ οὐθέν). Наше чтеніе οὐδὲ τὰς ἄλλας χώρας ἂν κτλ. возникло подъ вліяніемъ предшествующихъ винительныхъ падежей, при чемъ ἂν мы принимали за gen. partitivus. На значеніе формы ἐνέμοντο обратилъ вниманіе г. Семеновъ: „Das Imperfectum ἐνέμοντο, говоритъ онъ, ist schwerlich anders zu erklären als durch die Anname, dass die

1) Статья представляетъ собою, вѣроятно, переводъ реферата, прочитаннаго авторомъ въ засѣданіи классическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археолог. Общества 26 февраля 1893 г. См. *Новое Время* № 6107 и *Археолог. изв. и замѣтки* (изд. Моск. Арх. Общ.) 1893, стр. 148.

Chersonesiten im Begriffe standen, ein Land (wohl jene Ebene), das sie besessen (ἐνέμοντο), dann aber verloren hatten, wieder zu erobern". Такое объясненіе можетъ быть допущено только въ такомъ случаѣ, если принимать вмѣстѣ съ г. Семеновымъ, что наша присяга была дана только однажды; что касается до насъ, то, оставаясь при своемъ взглядѣ на присягу, мы понимаемъ ἐνέμοντο въ томъ смыслѣ, что Херсонисцы не теряли надежды *когда-нибудь*, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить отнятую у нихъ (безъ сомнѣнія Скиѳами, какъ говоритъ и г. Семеновъ) часть области, и потому присяга требуетъ, чтобы граждане относились къ ней такъ же, какъ и къ дѣйствительнымъ владѣніямъ Херсониса, не допуская дѣйствій, которыя были бы противны интересамъ города.

Далѣе г. Семеновъ говоритъ: „In den Zeilen 16—18 verspricht der Eidleistende etwaige Verschwörungen gegen den Staat anzuzeigen τοῖς δαμιοργοῖς τοῖς κατὰ πόλιν. Der Ausdruck: κατὰ πόλιν wird von Latyschew mit „städtisch" übersetzt: er nimmt an, dass es städtische Damiurgen zu Chersonesos gab, welche durch dieses Epitheton den ländlichen entgegengesetzt werden". Затѣмъ на основаніи одного весьма сомнительнаго мѣста въ надписи изъ критскаго города Дрира[1]) онъ считаетъ за лучшее понимать выраженіе κατὰ πόλιν въ смыслѣ „in der Stadt befindlichen = anwesenden". По поводу приведенной цитаты считаю нужнымъ замѣтить, что напрасно г. Семеновъ въ такомъ увѣренномъ тонѣ приписываетъ мнѣ то, чего я не только не говорилъ, но даже и не думалъ: о какихъ-то „ländliche Damiurgen" въ Херсонисѣ я впервые узналъ только изъ его статьи. Стараясь буквально держаться греческаго текста, я перевелъ выраженіе «δαμιοργοῖς τοῖς κατὰ πόλιν» посредствомъ „городскимъ даміургамъ", но при этомъ понималъ и понимаю πόλις въ смыслѣ *городской общины* (= государство), такъ что δαμιοργοὶ οἱ κατὰ πόλιν, по моему мнѣнію, значитъ „существующіе въ нашей городской общинѣ даміурги". Разъ опредѣливъ такимъ образомъ вполнѣ точно понятіе δαμιοργοί, составитель текста присяги въ другомъ мѣстѣ (стр. 46) уже не прибавляетъ этого опредѣленія за ненадобностью. Принимая же объясненіе г. Семенова, мы должны были бы допустить совершенно ненужный плеоназмъ, такъ какъ само собою вполнѣ понятно, что заявленіе можно дѣлать только присутствующимъ даміургамъ, а никакъ не отсутствующимъ. — Этихъ же злополучныхъ даміурговъ задѣлъ и г. Th. Reinach въ упомянутой статьѣ (стр. 406):

1) Cauer, Delectus², № 121.

„M. Latyschew incline à y voir un collège spécial de magistrats supérieurs; mais le témoignage d'Hésychius, cité dans l'article de M. Contoléon, semble plutôt indiquer que δαμιοργοί est synonyme de ἄρχοντες *lato sensu*". Такое объясненіе дѣйствительно допускается смысломъ (особенно въ стр. 20: δαμιοργησῶ); но принимая во вниманіе, что существованіе въ Херсонисѣ даміурговъ, какъ спеціальныхъ магистратовъ, несомнѣнно доказывается нѣсколькими епиграфическими документами и поэтому Херсонисцы, безъ сомнѣнія, обыкновенно соединяли съ словомъ δαμιοργός понятіе объ опредѣленномъ типѣ должностныхъ лицъ, я считаю возможнымъ остаться при своемъ прежнемъ объясненіи, тѣмъ болѣе, что доносы о заговорахъ (стр. 17 и 46) врядъ ли можно было дѣлать какимъ угодно магистратамъ, а не призваннымъ спеціально пещись объ общественной безопасности.

Загадочное слово ΣΑΣΤΗΡΑ очень заинтриговало собою ученыхъ, обратившихъ вниманіе на херсонисскую присягу, и вызвало уже нѣсколько попытокъ объясненій. Первая по времени попытка принадлежитъ извѣстному французскому ученому г. Бреалю и приведена въ статьѣ г. Ренака въ слѣдующихъ словахъ: „M. Bréal, que j'ai consulté, veut bien me répondre que l'étymologie ne saurait être douteuse. „L' adjectif σάος, qui s'est habituellement contracté en σῶς, a fait ici la contraction en sens contraire, σᾶς. Comme σῶς a donné σώζω, σᾶς a donné σάζω dont σαστήρ est le substantif verbal; le σ se trouve pareillement dans σῶστρα, substantif pluriel neutre". D'après cela σαστήρ serait synonyme de σωτήρ et pourrait désigner un magistrat populaire, le „conservateur" des privilèges du peuple, sorte de *tribunus plebis* ou de *defensor civitatis*". Въ подстрочномъ примѣчаніи г. Ренакъ приводитъ и свое собственное объясненіе, но изъ его словъ очевидно, что онъ самъ не придаетъ ему серьезнаго значенія. И дѣйствительно, оно такъ странно, что было бы лучше, если бы авторъ сохранилъ его про себя, не сообщая urbi et orbi. Третье объясненіе сообщаетъ греческій ученый Ἀνδρέας Ν. Σκιᾶς въ Ἐφημ. ἀρχαιολογ. 1892, σ. 256: „По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, смыслъ этого мѣста слѣдующій: и я самъ буду добросовѣстно служить городу въ качествѣ должностного лица (ὡς ἄρχων) и всякаго другого начальника, дѣйствующаго во благо народу, буду поддерживать и т. д. Итакъ, впервые явившееся слово σαστῆρα должно обозначать вообще должностное лицо или попечителя какой-либо должности (τὸν ἄρχοντα ἢ τὸν ἐπιμελητὴν ἀρχῆς τινος); это значеніе мы можемъ подтвердить, производя это слово отъ σάττω, которое прекрасно можетъ значить „пещись о какой-либо должности",

подобно его синониму κοσμεῖν. Глаголъ σάττω имѣетъ и позднѣйшую (ὑστερογενῆ) форму σάζω, которую мы встрѣчаемъ въ словѣ συνε(σ)σάδδῃ Гортинскихъ XII таблицъ; ср. также διαφυλάδει, πραδδάϑαι, ἀνάζω = ἀνάσσω и т. п. [слѣдуютъ ссылки на Аренса, Мейстера, Мейера и Бругмана]. Отъ σάζω произведено σαστήρ по аналогіи съ φράζω — φραστήρ, κλύζω — κλυστήρ, δαμάζω — Δαμάστης, ὑβρίζω — ὑβριστής (позднѣе ὑβριστήρ), ἁρμόζω — ἁρμοστήρ (Ксен. Ἑλλην. IV, 8, 39), ἀσπίζω — ἀσπιστήρ и т. п." Такимъ образомъ выведенное г. Скіасомъ значеніе загадочнаго слова близко подходитъ къ предлагаемому г. Бреалемъ, съ тою лишь разницею, что по мнѣнію перваго оно обозначаетъ должностное лицо вообще, а предлагаемое вторымъ производство заставляетъ предполагать, что слово σαστήρ обозначало какого-то спеціальнаго магистрата. Г. Salomon Reinach въ своей „Chronique d'Orient" въ *Revue archéolog.* 1893, т. XXII, стр. 266, отмѣтивъ объясненіе г. Скіаса, замѣтилъ: „Le malheur, c'est que le sens d'ἄρχων ne convient pas du tout au passage visé". На это замѣчаніе г. Скіасъ въ Ἐφημ. ἀρχ. 1894, σ. 127 возразилъ слѣдующимъ образомъ: „Надѣясь переубѣдить и его (т. е. Ренака) и другихъ, быть можетъ, противомыслящихъ, мы замѣчаемъ, что вообще древность признавала величайшею изъ политическихъ доблестей *умѣніе хорошо править и повиноваться* [слѣдуютъ ссылки на Плат. *Зак.* 12, 942 c, Соф. *Антиг.* 669, Солона у Стов. *Анѳол.* 46, 22 и Ксен. *Анав.* I, 3, 15], и вполнѣ цѣлесообразно, чтобы молодые граждане клялись, что будутъ стремиться къ этой доблести. Итакъ, если σαστήρ можетъ быть прекрасно произведено отъ σάττω (σάζω) и имѣть значеніе ἄρχων или ἐπιμιλητής, какъ и производное отъ синонимическаго глагола κοσμῶ сущ. κοσμήτης (κόσμος), а сверхъ того въ данномъ мѣстѣ клятвы Херсонисцевъ имѣется утвержденіе о хорошемъ правленіи (δαμιοργησῶ καὶ βουλευσῶ τὰ ἄριστα πόλει καὶ πολίταις), то мы полагаемъ, что не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ правильности даннаго нами объясненія". Эта самоувѣренность г. Скіаса нисколько не мѣшаетъ, однако, намъ лично вполнѣ раздѣлять мнѣніе г. Сал. Ренака о неумѣстности въ данномъ случаѣ понятія ἄρχων или ἐπιμελητής и, стало быть, о непримѣнимости объясненій гг. Бреаля и Скіаса. Дѣло въ томъ, что въ Херсонисѣ, какъ и въ другихъ греческихъ общинахъ, было много должностныхъ лицъ, носившихъ разныя названія[1]); поэтому, если допустить, что

1) Ср. нашу статью «Эпиграф. данныя о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ *Журн. М. Н. Пр.* 1884, іюнь, отд. кл. фил., стр. 48 сл.

одинъ изъ пунктовъ клятвы заключалъ въ себѣ обѣщаніе охранять существующую администрацію, то скорѣе всего слѣдовало бы ожидать, что это обѣщаніе должно распространяться на *всѣ* органы административной власти, т.-е. на все существующее правительство, такъ что слово ὁ σαστήρ имѣло бы собирательное значеніе, приблизительно равное выраженію οἱ ἀεὶ ἄρχοντες; но такое равенство едва-ли допустимо. Предполагать же вмѣстѣ съ гг. Бреалемъ и Скіасомъ, что названіе σαστήρ носилъ какой-либо отдѣльный органъ административной власти, невозможно потому, что нельзя представить причины, почему онъ въ клятвѣ выдѣленъ изъ среды другихъ, т. е., иначе говоря, почему граждане клянутся оберегать только одного этого неизвѣстнаго магистрата, а не всѣхъ существующихъ; это можно было бы допустить только въ такомъ случаѣ, если бы σαστήρ былъ облеченъ *верховною* властью въ государствѣ, — но такому предположенію противорѣчатъ 1) ярко демократическій колоритъ всей присяги, 2) то обстоятельство, что такой представитель верховной власти нигдѣ не упоминается въ херсонисскихъ документахъ, тогда какъ названія другихъ магистратовъ встрѣчались уже неоднократно. Далѣе, нельзя не замѣтить, что второе объясненіе г. Скіаса (въ отвѣтъ на замѣчаніе г. Ренака) совершенно не подходитъ къ данному мѣсту документа, такъ какъ въ послѣднемъ рѣчь идетъ не о *повиновеніи* предполагаемому магистрату, а объ его охраненіи. Наконецъ, оба объясненія, какъ г. Бреаля, такъ и г. Скіаса, весьма непрочно обоснованы въ этимологическомъ отношеніи, такъ какъ въ первомъ форма σαστήρ выводится изъ несуществующихъ въ греческомъ языкѣ формъ σᾶς = σῶς и σάζω = σῴζω [1]), а г. Скіасъ въ своемъ объясненіи забываетъ, что глаголъ σάττω производится отъ корня σαγ и что поэтому правильная форма производнаго существительнаго была бы σακτήρ, и не представляетъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что форма σάζω, отъ которой можно произвести σαστήρ, дѣйствительно употреблялась въ дорическомъ діалектѣ [2]). Мейстеръ, на котораго онъ ссылается [3]), прямо говоритъ, что по свидѣтельству грамматиковъ ζ заступала общегреческую группу σσ въ *эолическомъ* діалектѣ, и прибавляетъ: „An eine lautliche Entstehung von ζ aus σσ ist selbstverständlich nicht zu denken“. Во всякомъ случаѣ, въ діалектѣ Мегаръ

1) Отмѣтимъ, что въ 5-й строкѣ присяги приведено слово σωτήρια въ обычной формѣ.

2) Кромѣ Гортинскихъ законовъ (III, 13 συνεσάδδει и III, 16 συνεσσάξαι) она встрѣчается въ глоссѣ Исихія: ὄκκα σάξει· ὅταν τύχῃ.

3) Die griech. Dialekte I, стр. 132.

и ихъ колоній, на который прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе, подобныя явленія до сихъ поръ не наблюдались [1]).

Подводя итогъ всему сказанному, приходится, къ сожалѣнію, признать, что гг. Бреаль и Скіасъ почти совсѣмъ не подвинули впередъ рѣшеніе вопроса о значеніи и происхожденіи загадочнаго σαστήρ [2]).

Къ строкамъ 25—28. Въ *Revue des études Gr.* 1893, стр. 132, приведена (въ addenda et corrigenda) замѣтка Отто Шультеса съ указаніемъ на слѣдующее мѣсто рѣчи Лисія пр. Филона (XXXI, 31): Ἔτι δὲ ἐνθυμήθητε ποίων ἂν ὑμῖν δοκεῖ οὗτος ὅρκων φροντίσαι... ἢ ποῖα ἂν ἀπόρρητα τηρῆσαι, ὃς οὐδὲ τὰ προειρημένα ποιῆσαι ἠξίωσε. „M. Schulthess (говорится въ замѣткѣ) conclut avec raison du contexte que les mots soulignés faisaient partie du serment des *bouleutes* (sur les autres fragments de ce serment cf. Gilbert, *Griech. Staatsalt.*, 2-e éd., I, p. 297) et leur compare les l. 25—27 de l'inscription de Chersonèse: καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν κτλ.»

Въ стр. 56—57 нами не было возстановлено сказуемое къ подлежащему γυναῖκες (μήτε γυν[αῖκες...|.]νοιεν μήτε...) вслѣдствіе того, что, несмотря на ясность смысла, не удалось подобрать вполнѣ подходящаго глагола, но къ сожалѣнію не было сдѣлано и соотвѣтствующей оговорки въ комментаріи. На это мѣсто обратили вниманіе гг. Т. Ренакъ, Семеновъ и Скіасъ. Первый замѣчаетъ: „il me semble qu'il y a place pour μήτε γυν[αῖκές μοι τεκ]νοῖεν ou en supprimant μοι“, и приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ клятвенныхъ формулъ Дрирской и Итанской. Г. Семеновъ также указываетъ на Дрирскую клятву и, приведя предложенное къ ней шведскимъ ученымъ Даніельсономъ возстановленіе μήτε γυναῖκας

---

1) Ср. Fr. Köppner, Der Dialekt Megaras und der Megar. Colonien въ *18 Supplementband d. Jahrb. f. class. Philologie* (1891), стр. 531—563.

2) [Впослѣдствіи были предложены еще два толкованія этого слова. Покойный С. А. Селивановъ въ рефератѣ, прочитанномъ въ засѣданіи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ унив. 17 ноября 1898 г. (см. «Лѣтопись» Общества, т. VII, Од. 1899, проток. стр. 18) находилъ, что «самымъ простымъ и ближайшимъ къ тексту толкованіемъ является «σαστήρ» въ смыслѣ «σωτήρ»... Склоняясь къ этимологическому толкованію Бреаля, онъ однако понимаетъ это слово не въ смыслѣ какого-либо магистрата, какъ другіе, но приписываетъ ему значеніе «спаситель» въ самомъ обычномъ смыслѣ этого слова. Тогда затрудняющее ученыхъ мѣсто надписи будетъ имѣть слѣдующій смыслъ: «я буду охранять для пользы народа всякаго гражданина—*спасителя* государственнаго порядка, который отвратитъ отъ города опасность, ему угрожающую со стороны внутреннихъ или внѣшнихъ враговъ».— Ѳ. Ѳ. Соколовъ въ рецензіи на IV томъ IosPE въ *Журн. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, стр. 227, находитъ возможнымъ, «что для успокоенія смутъ Херсонисцы постановили избирать или единовременно избрали новаго гражданскаго чиновника, котораго назвали σαστήρ», и находитъ аналогію въ договорѣ аѳинянъ съ ѳессалійцами при архонтѣ Никофимѣ, 361—360 г.].

τίκτειν κατὰ φύσιν, (ἀλλὰ θαύματα), заключаетъ: „Sehr zu bedauern ist, dass die erhaltenen Buchstabenreste unserer Inschrift eine solche Lesart nicht zulassen[1])“. Наконецъ, г. Скіасъ (Ἐφ. ἀρχ. 1892, σ. 257) предлагаетъ читать μήτε γυν[αῖκες εὐτε|κ]νοῖεν. Оба глагола (τεκνόω и εὐτεκνέω) по смыслу одинаково подходятъ къ данному мѣсту, но первый можно принять, конечно, только безъ мѣстоименія μοι, прибавка котораго, во-первыхъ, была бы плеоназмомъ, такъ какъ оно уже имѣется въ предыдущей фразѣ, а во-вторыхъ, вносила бы въ формулу нѣкоторую двусмысленность, такъ какъ могла бы подать поводъ думать, что у Херсонисцевъ существовало многоженство.

1) Почему собственно сожалѣетъ объ этомъ г. Семеновъ, для меня остается непонятнымъ.

По поводу замѣтки проф. А. И. Сонни [1]).

Въ предыдущей книжкѣ „Филолог. Обозрѣнія“ (т. V, отд. 1, стр. 53 сл.) проф. А. И. Сонни помѣстилъ замѣтку подъ заглавіемъ „Къ вопросу о культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря“, въ которой, между прочимъ, разсматриваетъ найденную въ г. Аккерманѣ греческую надпись, изданную мною въ 9-мъ выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Россіи“, издаваемыхъ Имп. Археологическою Коммиссіею [2]), и нынѣ находящуюся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ. Я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу двухъ пунктовъ замѣтки почтеннаго профессора.

1) Я не рѣшился возстановить въ началѣ 2-й строки имя Анувида или Арпократа (или ихъ обоихъ) отчасти по той причинѣ, которая повторена въ замѣткѣ г. Сонни (стр. 53, прим. 1), а отчасти потому, что по эстампажу, которымъ я пользовался для изданія надписи, часть лѣваго края пьедестала внизу казалась сохранившеюся. Теперь А. В. Орѣшниковъ, со своею обычною любезностью осмотрѣвшій по моей просьбѣ камень и приславшій мнѣ фотографію его, констатировалъ, что вся лѣвая сторона пьедестала отломана; такимъ образомъ нѣтъ возможности опредѣлить, сколько именно буквъ пропало въ обѣихъ строкахъ, и нѣтъ препятствія предполагать во 2-й строкѣ одно изъ указанныхъ именъ или даже оба; въ послѣднемъ случаѣ въ 1-й строкѣ передъ личнымъ именемъ можно предположить обычное Ἀγαθῇ τύχῃ [3]).

---

1) Филолог. Обозрѣніе, т. V, кн. 2 (М. 1893), стр. 140—142.

2) [Переиздана въ IosPE. IV, № 1, съ указаніемъ литературы].

3) Предположеніе г. Сонни, что въ 1-ой строкѣ «могло передъ именемъ стоять указаніе на званіе лица, подносящаго приношеніе», со ссылкой на CIG. 6841, не вполнѣ вѣроятно потому, что подобныя указанія рѣдко выражаются посредствомъ существительныхъ, а гораздо чаще посредствомъ причастій, которыя ставятся *позади* имени жертвователя.

2) Коснувшись вопроса о времени, къ которому относится существованіе культа египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, г. Сонни голословно утверждаетъ, что всѣ данныя, собранныя Дрекслеромъ о существованіи этого культа не только на сѣверномъ, но и на западномъ побережьѣ Чернаго моря, относятся ко второму и третьему вѣкамъ по Р. Хр., и затѣмъ продолжаетъ: „Второй и третій вѣка по Р. Хр. — эпоха наибольшаго распространенія египетскаго культа въ Римѣ, и, очевидно, примѣръ столицы повліялъ даже на эти столь отдаленныя страны. Хронологическое исключеніе составляетъ только аккерманская надпись, которую г. Латышевъ, основываясь, повидимому, только на общемъ впечатлѣніи, производимомъ характеромъ ея письма, относитъ ко II столѣтію до Р. Хр.“ [1]). Въ рефератѣ, прочитанномъ по этому же вопросу въ одномъ изъ засѣданій Общества лѣтописца Нестора въ Кіевѣ въ началѣ 1892 года (до выхода въ свѣтъ моего изданія) и подробно изложенномъ въ „Чтеніяхъ“ этого Общества (кн. 6-ая, 1892 г., стр. 17), г. Сонни прямо относилъ интересующую насъ надпись къ концу II или первой половинѣ III в. по Р. Хр. [2]). Если сопоставить этотъ фактъ съ приведенной тирадой, то нельзя будетъ не замѣтить, что въ ней ясно сквозитъ недовѣріе къ моему опредѣленію времени надписи. Конечно, errare humanum est, но для человѣка, изслѣдовавшаго и списавшаго многія сотни надписей разныхъ временъ, ошибиться на 3—4 вѣка въ датировкѣ ясно читающейся надписи было бы слишкомъ странно, чтобы не сказать — позорно. Поэтому я считаю своимъ долгомъ заявить, что я продолжаю настаивать на своемъ (конечно, приблизительномъ) опредѣленіи времени надписи, руководствуясь какъ общимъ характеромъ письма и способомъ вырѣзки, такъ и формою нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ (напр. Κ и Γ); можно еще добавить, что въ надписи II—III в. по Р. Х. имя Κρατίνου по всей вѣроятности было бы написано чрезъ ΕΙ, а можетъ быть и вмѣсто Ἴσιδι стояло бы Εἶσιδι или Εἶσι, такъ какъ написаніе

---

1) Опредѣленіе времени надписи выражено у меня въ слѣдующей фразѣ: «Надпись весьма интересна, какъ первое документальное, не подлежащее никакому сомнѣнію свидѣтельство о существованіи культа названныхъ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Евксинскаго Понта приблизительно во II в. до Р. Хр., къ которому можно отнести надпись по характеру письма».

2) «На основаніи монетъ, принадлежащихъ городамъ на западномъ берегу Чернаго моря, можно заключить, что культъ египетскихъ божествъ въ этихъ мѣстахъ наиболѣе процвѣталъ въ ту же самую эпоху, какъ и въ Римѣ, въ концѣ II и въ половинѣ III ст. по Р. Хр. Къ этому самому времени, по мнѣнію референта, относится пріобрѣтенная г. Кнауеромъ надпись, съ чѣмъ вполнѣ согласуется форма ея буквъ».

долгаго звука ι чрезъ ει довольно послѣдовательно проводилось на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ римскую эпоху[1]). Въ настоящее время почтенному профессору кажется очевиднымъ, что культъ египетскихъ божествъ проникъ въ эти отдаленныя страны черезъ Римъ; но мы не представляемъ себѣ основаній, побудившихъ его отказаться отъ высказаннаго имъ въ указанномъ рефератѣ предположенія, представляющагося столько же, если не болѣе, правдоподобнымъ: „На берегахъ Чернаго моря — читаемъ мы въ изложеніи реферата — египетскій культъ, по мнѣнію докладчика, распространился инымъ образомъ — путемъ торговыхъ сношеній съ Александріей, о существованіи которыхъ уже въ сравнительно раннее время (III и II ст. до Р. Хр.) свидѣтельствуютъ частыя находки птоломейскихъ монетъ въ южной Россіи“. Наша надпись кажется намъ не „хронологическимъ исключеніемъ“, а подтвержденіемъ этого вполнѣ вѣроятнаго предположенія.

1) Въ видѣ примѣра укажемъ только формы, встрѣчающіяся въ тирасскихъ надписяхъ: IosPE. I, № 2 (181 г. по Р. Хр.): τετειμῆσθαι, Σατορνείλου, Ἀρτεμεισιῶνος (рядомъ съ Ἀρτεμιδώρου); ibid. № 3 (201 г. по Р. Хр.): ἀνεικήτων.

Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточнаго побережья Чернаго моря[1]).

III.

Къ Діод. XX, 25.

Говоря въ указанной главѣ о благосклонномъ отношеніи воспорскаго царя Евмила, сына Пэрисада I, къ жившимъ по берегамъ Понта Евксинскаго Эллинамъ, Діодоръ упоминаетъ между прочимъ о помощи, оказанной Евмиломъ каллатійцамъ, покинувшимъ свой родной городъ вслѣдствіе осады его Лисимахомъ. Это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ:

Καλλατιανῶν δὲ πολιορκουμένων ὑπὸ Λυσιμάχου καὶ πιεζομένων τῇ σπάνει τῶν ἀναγκαίων, χιλίους ὑπεδέξατο [sc. ὁ Εὔμηλος] τοὺς διὰ τὴν σιτοδείαν ἐκχωρήσαντας· οἷς οὐ μόνον τῆς καταφυγῆς παρέσχετο τὴν ἀσφάλειαν, ἀλλὰ καὶ πόλιν ἔδωκε κατοικεῖν, ἐπὶ δὲ τούτοις τὴν ὀνομαζομένην Ψόαν καὶ τὴν χώραν κατεκληρούχησεν.

Отмѣченныя разрядкой слова, насколько намъ извѣстно, читаются въ рукописяхъ безъ варіантовъ, и правильность ихъ чтенія, кажется, не была заподозрѣна новыми изслѣдователями. А между тѣмъ при внимательномъ ихъ обсужденіи сомнѣніе въ правильности рукописнаго преданія невольно возникаетъ. Начнемъ съ того, что Ψόα, какъ названіе мѣстности на Воспорѣ, нигдѣ не встрѣчается, кромѣ даннаго мѣста Діодора, и потому нельзя сразу сказать, что разумѣлъ подъ этимъ именемъ сицилійскій историкъ (или его источникъ): городъ, деревню или область? По контексту же выходитъ, что Ψόα не могла обозначать ни города или деревни, ни области: въ текстѣ сказано, что Евмилъ далъ каллатійцамъ для жительства одинъ изъ городовъ своего царства[2]) и раздѣлилъ между ними на участки Псою и область (τὴν χώραν). Стало быть, Псоя съ одной сто-

1) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, апрѣль 1894 г., отд. класс. фил., стр. 6—9.

2) Такъ надо понимать слово πόλιν, употребленное *безъ члена*: авторъ или не хотѣлъ назвать по имени данный каллатійцамъ городъ, или, быть можетъ, не зналъ его имени.

роны не могла обозначать города а) потому, что онъ упомянутъ выше, б) потому, что на участки дѣлится не городъ, а годная для обработки земля, а съ другой стороны, раздѣленная на участки земля также упомянута отдѣльно отъ Псои. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что членъ при χώραν указываетъ на *опредѣленную* область и именно скорѣе всего на относящуюся къ предыдущему имени Ψόαν, ибо понимать τὴν χώραν въ томъ смыслѣ, что Евмилъ раздѣлилъ каллатійцамъ *свою* область, то-есть все Воспорское царство, очевидно, невозможно. Значитъ, приходится опять предполагать, что Ψόα было названіемъ города или деревни, къ которымъ принадлежала ἡ χώρα; но возможность такого предположенія уже опровергнута выше.

Единственнымъ выходомъ изъ указаннаго затрудненія является предположеніе, что между словами ὀνομαζομένην и χώραν стояло *одно* только слово, обозначающее *собственное имя области*, раздѣленной на участки между каллатійцами. Слѣдуетъ замѣтить, что въ другихъ мѣстахъ своего разсказа о событіяхъ на Воспорѣ послѣ смерти Пэрисада I Діодоръ обыкновенно опредѣляетъ каждое собственное имя его географическимъ терминомъ или, по крайней мѣрѣ, прибавляетъ къ имени опредѣленіе ὁ καλούμενος [1]); стало быть, выраженіе „называемую такъ-то область“ будетъ вполнѣ въ его духѣ. Если же поставленное въ данномъ мѣстѣ названіе области было неизвѣстно переписчикамъ, то весьма возможно, что оно уже рано подверглось порчѣ, а затѣмъ какой-либо читатель или переписчикъ, желая осмыслить непонятное, вывелъ изъ сохранившихся буквъ тѣ три слова, которыя теперь читаются въ текстѣ (Ψόαν καὶ τὴν), и это чтеніе, какъ представлявшееся на первый взглядъ вполнѣ понятнымъ, перешло во всѣ послѣдующіе списки и до сихъ поръ не возбуждало сомнѣній [2]).

---

1) Ср. XX, 23, 1: παρὰ τὸν Θάτην ποταμόν; ibid. § 8: εἰς Γάργαζαν πόλιν; 24, 2: πλησίον τῆς Μαιώτιδος λίμνης; ibid. φυγὼν εἰς τοὺς καλουμένους Κήπους ἀνηρέθη.

2) О томъ, какъ часто подвергались порчѣ имена собственныя у Діодора, ср. L. O. Bröcker, Untersuchungen über Diodor (Gütersloh, 1879), стр. 9: «Gestützt auf die mit Lesarten und Anmerkungen reich versehene Ausgabe der Bibliothek von Dindorf 1828 (bei Hartmann) und auf eine Collation des B. XI — XVI enthaltenden sehr wichtigen... Codex Patmensis, glaube ich mit Sicherheit behaupten zu können, dass es in allen unsern Handschriften der Bibliothek heisst: XI, 29 Mardonius kehrte von Athen zurück nach Ἀθήνας (statt Θήβας); XI, 55 Ἀργείων (st. ἀριστείων); XII, 27 die Samier führten mit den Milesiern Krieg περὶ εἰρήνης (st. περὶ Πριήνης); XII, 71 Pylos liegt in Messenien, 400 Stadien entfernt von Μεσσηνίας (st. Σπάρτης); XX, 80 die Römer führten 305 v. Chr. Krieg mit den Αἰγινήταις—Variante αἰγινιταις—(st. Ἀναγνίταις). Wir haben also hier einige der unsinnigsten Namensverwechslungen vor uns; *und sobald man weiter in dieser Richtung forscht, findet man in allen Handschriften Diodors eine unendlich grosse Anzahl ebenso unsinniger Irrthümer über Namen*» [курсивъ нашъ].

Какое же можно предположить здѣсь названіе? Въ текстѣ Діодора нѣтъ никакихъ указаній или намековъ для рѣшенія вопроса, на которой сторонѣ Воспора—европейской или азіатской—находилась данная каллатійцамъ область. Поэтому мы имѣемъ право искать подходящаго названія на обѣихъ сторонахъ. Изъ всѣхъ топографическихъ названій, относящихся къ этимъ мѣстностямъ у авторовъ и въ надписяхъ, насколько мы знаемъ, нѣтъ ни одного, въ составъ котораго входили бы звуки, *вполнѣ* подходящіе къ указаннымъ тремъ словамъ. Можно воспользоваться только названіемъ Θιάννεα, которое встрѣчается въ надписи 151 г. по Р. Хр.[1]), найденной покойнымъ К. К. Гёрцемъ въ 1859 г. въ предполагаемой мѣстности древней Фанагоріи (близъ хутора Семеняки на берегу Таманскаго залива), и обозначаетъ собою, безъ сомнѣнія, цѣлую область, такъ какъ въ надписи упоминаются „посвященныя Литодоромъ земли въ Θіаннеяхъ“ (αἱ ὑπὸ Λητοδώρου ἀνατεθεῖσαι γέαι ἐν Θιαννέοις). Такъ называемыя ἐθνικά отъ именъ собственныхъ средняго рода множественнаго числа обыкновенно образуются посредствомъ суффикса -ίτης[2]); стало быть, для Θιάννεα можетъ быть предположена форма Θιαννείτης или Θιαννίτης[3]), а названіе области могло быть Θιαννῖτις. Эту именно форму мы и предполагаемъ въ первоначальномъ текстѣ Діодора[4]). Возможность порчи названія ΘΙΑΝΝΙΤΙΝ и затѣмъ осмысленія его въ ΨΟΑΝΚΑΙΤΗΝ настолько ясна, что почти не требуетъ доказательствъ: первая буква Θ легко могла перейти въ Φ, а эта послѣдняя — въ Ψ; Η вмѣсто Ι (предпослѣдняя буква) можетъ быть объяснена вліяніемъ произношенія; Κ и Ν смѣшиваются весьма легко, а разъ явилась Κ, то переписчикамъ скорѣе всего было предполагать въ ней сокращенно написанный союзъ καὶ, слѣдствіемъ чего и явилась лишняя буква Α; такимъ образомъ, менѣе наглядным остается только переходъ 2-й буквы Ι въ Ο. Во всякомъ случаѣ мы смѣемъ думать, что предлагаемое нами чтеніе τὴν ὀνομαζομένην Θιαννῖτιν χώραν κατεκληρούχησεν, устраняя изъ текста излишнее и необъяснимое слово Ψόαν и пріурочивая поселеніе каллатійцевъ къ опредѣленной мѣстности, имѣетъ право на вниманіе.

---

1) IosPE. v. II, № 353.

2) Изъ множества примѣровъ достаточно припомнить: Ἄβδηρα—Ἀβδηρίτης, Αἰγόσθενα—Αἰγοσθενίτης, Ἀλάβαστρα—Ἀλαβαστρίτης и т. д.

3) Ср. Ἀλεξάνδρεια—Ἀλεξανδρίτης, Βουφάλεια—Βουφαλίτης, Λάεια—Λαΐτης (Стеф. Виз.) и т. п. См. G. Bühler, Das Griechische Secundärsuffix ΤΙΠΣ (diss. Götting. 1858), p. 13: «Wenn suffix ι+της an wörter auf ιος, εος, η, ον tritt, verschwindet das o des stammes stets und es kann dann noch ι+ι, ε+ι in ι zusammengezogen werden».

4) [Аналогичное названіе Θιαννικὴ χώρα въ Трапезунтской области упоминается у Арріана *Пер.* 8 и Безыменнаго, *Пер.* 38. См. наши Scythica et Caucas. т. I, стр. 219 и 272].

Къ исторіи Воспорскаго царства.

I [1]).

Выходящее въ настоящее время новое изданіе „Исторической библіотеки“ Діодора въ рецензіи Фр. Фогеля [2]) принесло съ собою весьма важную новость для исторіи Воспорскаго царства или, говоря точнѣе, для хронологіи и генеалогіи первыхъ Спартокидовъ, заимствованную изъ Патмійской рукописи (P). Этотъ кодексъ, хранящійся въ библіотекѣ монастыря св. Іоанна Богослова на о. Патмѣ, относится къ X или XI вѣку и заключаетъ въ себѣ 6 книгъ „Библіотеки“ Діодора, именно XI—XVI. Онъ извѣстенъ въ наукѣ со временъ Л. Росса, но подробно описанъ и тщательно сличенъ только въ 1866 г. Рихардомъ Бергманомъ, который сообщилъ описаніе рукописи и часть текста (lib. XI cc. 1—12) въ отчетѣ Бранденбургской гимназіи за 1867 годъ [3]). Люд. Диндорфъ, какъ разъ въ то время выпускавшій свое изданіе Діодора въ Тейбнеровской коллекціи [4]), отнесся къ Патмійскому кодексу съ пренебреженіемъ [5]), которое впослѣдствіи

---

1) *Журн. М. Н. Пр.*, іюнь 1894, отд. кл. фил., стр. 81—85.

2) Diodori Bibliotheca historica... recogn. Fridericus Vogel (Lips. in aed. Teubneri), v. I—1888, v. II—1890, v. III—1893.

3) Diodori Sic. Bibl. hist. lib. XI cap. 1—12 e cod. Patmio edid. Rich. Bergmann. Berol. 1867 (прилож. къ отч. Бранденбургской гимназіи за 1866—1867 гг.). Описаніе Бергмана повторено Фогелемъ въ vol. II praef. pp. XI—XIV.

4) Diodori Bibl. hist. ex recens. et cum annot. Lud. Dindorfii (Lips. in aed. Teubneri), 5 voll. 1866—1868.

5) См. vol. III praef. p. III: «Spem certe quam propter versus nonnullos ab eo uno servatos... excitaverat codex librorum undecimi usque ad sextum decimum nunc in insulae Patmi monasterii S. Ioannis bibliotheca servatus... fore ut et plura de hoc genere praeberet et gravioribus vitiis mederetur, ita destituit ut non solum nihil amplius eiusmodi suppeditet, sed etiam integris saepe membris, quae in ceteris sunt servata, propter homoeoteleuta omissis sit defectus aliisque quibus illi carent vitiis in nominibus maxime deformatus»... Cf. v. V praef. p. VII.

оказалось совершенно незаслуженнымъ. Л. О. Брёкеръ въ 1879 г.[1]) призналъ этотъ кодексъ „весьма важнымъ“ и указалъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ даетъ болѣе вѣрныя чтенія, нежели другіе, а Фогель рѣшительно отдаетъ ему пальму первенства предъ всѣми прочими рукописями, содержащими XI—XVI книги[2]), и называетъ Диндорфа „неблагодарнымъ“ за его суровый отзывъ о рукописи и о заслугахъ Бергмана.

Извѣстно, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ 12—20 книгъ Діодоръ даетъ краткія извѣстія о смерти Воспорскихъ царей изъ дома Спартокидовъ и о вступленіи на престолъ ихъ преемниковъ, съ указаніемъ, сколько лѣтъ царствовалъ каждый изъ послѣднихъ[3]). Въ XII, 31, 1 сказано, что въ годъ архонта Θеодора въ Аѳинахъ (Ол. 85,3 = 438/7 до Р. Хр.) исполнилось 42 года царствованія на Воспорѣ Археанактидовъ и что царскую власть получилъ Спартакъ[4]), царствовавшій 7 лѣтъ[5]); въ XII, 36,1 по обычному чтенію сообщается, что при архонтѣ Апсевдѣ (Ол. 86,4 = 433/2 до Р. Хр.) умеръ Спартокъ, и ему наслѣдовалъ Селевкъ, царствовавшій 4 года; въ XIV, 93,1 — что при архонтѣ Димостратѣ въ Аѳинахъ (Ол. 96,4 = 393/2 до Р. Хр.) умеръ воспорскій царь Сатиръ, сынъ Спартока, царствовавшій 14 лѣтъ, и ему наслѣдовалъ Левконъ, царствованіе котораго продолжалось 40 лѣтъ.

На основаніи этихъ сообщеній принимается, что царствованіе Селевка продолжалось съ 433 до 429 г., а царствованіе Сатира — съ 407 до 393 или, когда найденный въ 1877 г. въ Пирэѣ декретъ въ честь сыновей Левкона[6])

---

1) L. O. Bröcker, Untersuchungen über Diodor, Gütersloh 1879. Изъ примѣчанія на стр. 9 можно заключить, что полное сличеніе кодекса P, сдѣланное Бергманомъ, уже тогда находилось въ рукахъ Тейбнеровской фирмы. Затѣмъ въ 1886 г. оно было передано Фогелю. См. Diod. ed. Vogel vol. I, p. III. Ср. Herm. Bezzel, Coniecturae Diodoreae (Diss. Erlang. 1888), p. 6.

2) Vol. II praef. p. XV: «Praestat ergo singulari virtute codex P omnibus ceteris libris ab editoribus adhibitis». Cf. v. III praef. p. V sq.

3) Согласно съ манерой Діодора, мы называемъ здѣсь Спартокидовъ царями, хотя извѣстно, что въ греческихъ городахъ Воспора они считались только архонтами.

4) Надписи, въ которыхъ упоминаются позднѣйшіе Спартокиды, носившіе то же имя, даютъ его въ формѣ Σπάρτοκος; эту форму мы и будемъ употреблять въ дальнѣйшемъ изложеніи.

5) Это показаніе ошибочно: между Θеодоромъ и Апсевдомъ было только 4 архонта, стало быть отъ начала архонтства Θеодора до конца архонтства Апсевда прошло 6 лѣтъ, и Спартокъ царствовалъ 5 лѣтъ слишкомъ, а не 7.

6) Изд. Куманудисъ, Ἀθήν. VI стр. 152 сл. = A. Schäfer, *Rhein. Mus.* т. 33 стр. 418 сл. = Dittenberger, Syll. inscr. Gr. n. 104 [= ed. 2, № 133]. Ср. Latyschev, IosPE. v. II, praef. p. XXII [см. выше стр. 79].

показалъ, что годы царствованія Левкона надо передвинуть на 5 лѣтъ ниже, — съ 407 до 388. Стало быть, между царствованіемъ Селевка и Сатира остается свободный промежутокъ въ 22 года (429—407); онъ обыкновенно предоставляется царствованію Спартока II, котораго считаютъ отцомъ Сатира, но безъ всякаго прочнаго основанія, такъ какъ его имя рѣшительно нигдѣ не встрѣчается.

Патмійская рукопись въ XII, 36,1 вмѣсто τέσσαρα даетъ чтеніе τεσσαράκοντα, а въ XIV, 93,1 вмѣсто δεκατέσσαρα (или τεσσαρακαίδεκα)—τετταράκοντα τέτταρα. Второе чтеніе невѣрно, такъ какъ отъ года смерти Спартока до смерти Сатира по счету Діодора прошло ровно 40 лѣтъ; потому Фогель исключаетъ τέτταρα изъ текста. Такимъ образомъ, если принять чтеніе τετταράκοντα въ обоихъ мѣстахъ, то выйдетъ, что по XII, 36 Селевкъ царствовалъ 40 лѣтъ съ 433 г., а по XIV, 93—Сатиръ правилъ 40 лѣтъ до 393. Такъ какъ эти годы совпадаютъ, то очевидно, что или Селевкъ и Сатиръ царствовали одновременно, или одно изъ именъ невѣрно; отсутствіе у Діодора всякой оговорки объ одновременномъ царствованіи заставляетъ склониться въ пользу второго вывода и признать вмѣстѣ съ Фогелемъ, что въ XII, 36 имя Σέλευκος по ошибкѣ поставлено вмѣсто Σάτυρος (а не наоборотъ, такъ какъ имя Сатира извѣстно изъ многихъ источниковъ, а имя Селевка нигдѣ не встрѣчается, кромѣ этого мѣста Діодора). По исправленіи такимъ образомъ очевидныхъ погрѣшностей Патмійскаго кодекса получается выводъ, что *весь 40-лѣтній періодъ времени отъ смерти Спартока (I) до вступленія на престолъ Левкона I (433—393) занятъ былъ царствованіемъ Сатира (I)*, сына Спартока и отца Левкона, и что, стало быть, *въ числѣ первыхъ Спартокидовъ не было ни Селевка, ни Спартока II.* Если же, согласно требованію декрета въ честь сыновей Левкона, отодвинуть начало царствованія Левкона на 5 лѣтъ ниже, то окажется, что *Сатиръ I царствовалъ на самомъ дѣлѣ 45 лѣтъ* (433/2 — 388/7). Читатели согласятся, что эта новость съ полнымъ правомъ можетъ быть названа весьма важною.

Невольно возникаетъ теперь вопросъ, слѣдуетъ ли принять въ указанныхъ двухъ мѣстахъ чтеніе Патмійской рукописи τετταράκοντα, или держаться стараго счета? Трудно дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ; однако мы позволимъ себѣ привести нѣсколько соображеній, побуждающихъ насъ лично склоняться въ пользу кодекса P. Не говоря о томъ, что принятіемъ чтенія τετταράκοντα заполняется непріятный и надѣлавшій не мало хлопотъ ученымъ пробѣлъ въ ряду Спартокидовъ, и мы получаемъ непрерывную ихъ генеалогію и хронологію отъ

основателя династіи Спартока I вплоть до Перисада II, вступившаго на престолъ въ 284/3 г. до Р. Хр.,—это принятіе устраняетъ и недоумѣніе о причинахъ молчанія Діодора о началѣ и концѣ царствованія предполагаемаго Спартока II или вообще лицъ, бывшихъ правителями Воспора съ 429 по 407 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что во второй декадѣ (начиная съ 480 г.) Діодоръ излагаетъ исторію въ строго хронологическомъ порядкѣ, обозначая каждый годъ именами аѳинскаго архонта-эпонима и римскихъ консуловъ, и неукоснительно сообщаетъ подъ требуемыми годами о перемѣнахъ царей на Воспорѣ, притомъ внѣ всякой связи съ описываемыми историческими событіями; поэтому отсутствіе упоминаній о перемѣнахъ царей подъ 429 и 407 годами можно было объяснять только предположеніемъ о забывчивости историка или о неимѣніи у него подъ руками данныхъ о происшедшихъ въ эти годы перемѣнахъ,—но эти предположенія ни на чемъ не основаны и трудно объяснимы; теперь же дѣло объясняется очень просто: нѣтъ упоминаній о перемѣнахъ потому, что не было перемѣнъ. Затѣмъ можно указать на нѣкоторыя мѣста въ рѣчахъ современныхъ Сатиру аттическихъ ораторовъ Лисія и Исократа. Первый въ рѣчи за Мантиѳея § 4 говоритъ отъ лица своего кліента: ἡμᾶς ὁ πατὴρ πρὸ τῆς ἐν Ἑλλησπόντῳ συμφορᾶς ὡς Σάτυρον τὸν ἐν τῷ Πόντῳ διαιτησομένους ἐξέπεμψε κτλ. Здѣсь подъ именемъ „пораженія на Геллеспонтѣ“ разумѣется битва при Эгосъ-потамахъ, происшедшая приблизительно въ августѣ 405 г. Если бы Сатиръ сдѣлался царемъ въ 407/6 г., то отъ начала его царствованія до битвы прошло бы всего года полтора или два,—срокъ слишкомъ короткій для того, чтобы аѳиняне могли хорошо узнать новаго царя и его расположеніе къ нимъ; между тѣмъ въ приведенныхъ словахъ онъ представляется всякому извѣстнымъ и дружески расположеннымъ къ Аѳинамъ, что и заставляетъ предполагать объ его вступленіи на престолъ ранѣе 407 года[1]). Изъ многихъ мѣстъ „Банкирской рѣчи“ Исократа, составленной около 393 г., особенно же изъ § 57 (а также изъ вышеупомянутаго декрета въ честь сыновей Левкона), также видно, что Сатиръ находился въ давнишней и тѣсной дружбѣ съ аѳинянами, а § 11 той же рѣчи свидѣтельствуетъ, что передъ 393 годомъ Сатиръ имѣлъ женатаго сына, стало быть, самъ былъ уже весьма по-

1) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить странную ошибку Бузольта въ его Griech. Geschichte т. II (1888), стр. 541: по его словамъ Сатиръ правилъ отъ 401 до 387 г. Происхожденіе ошибки очевидно: историкъ помнилъ, что по Діодору Сатиръ царствовалъ 14 лѣтъ и что по разсчету Шефера годомъ его смерти слѣдуетъ признать 387-й, но забылъ приведенное нами свидѣтельство Лисія.

жилымъ человѣкомъ; все это вполнѣ согласуется съ предположеніемъ о долговременномъ царствованіи. А что оно могло продолжаться 45 лѣтъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если предположить, что послѣ короткаго царствованія своего отца Спартока Сатиръ принялъ бразды правленія въ юномъ возрастѣ. Мы знаемъ, что сынъ его Левконъ I царствовалъ 40 лѣтъ, а внукъ Пэрисадъ I—38; значитъ можно думать, что Спартокиды были, такъ сказать, наслѣдственно долговѣчны. Изъ другихъ упоминаній о Сатирѣ у древнихъ авторовъ [1]) нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о продолжительности его царствованія; но нѣкоторыя изъ нихъ ясно свидѣтельствуютъ, что его имя пользовалось такою же извѣстностью въ Элладѣ, какъ и имена Левкона I и Пэрисада I, а для пріобрѣтенія этой извѣстности потребно было не малое время.

1) Свидѣтельства указаны нами въ IosPE. II, praef. XVIII sq. [ср. выше стр. 73 слл.].

Населеніе Херсонской губерніи за 2400 лѣтъ до нашего времени[1]).

Въ настоящій торжественный день, когда „южная красавица“ празднуетъ столѣтіе своего существованія, мысль историка невольно переносится въ давно минувшія времена; въ его воображеніи длинною чередою проходятъ картины прошлаго той территоріи, на которой нынѣ пышно разцвѣла эта красавица, начиная съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ отецъ исторіи и южно-русской географіи и этнографіи — Геродотъ. Нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ нынѣшнюю южную Россію, встрѣчаются, впрочемъ, и у писателей, жившихъ раньше Геродота. Еще у Гомера, въ началѣ 13-й пѣсни Иліады, упоминаются „дивные мужи Гиппомолги“, т. е., по буквальному переводу, Доители кобылицъ, жившіе сѣвернѣе Ѳракіи:

„Зевсъ, и Троянъ и Гектора къ стану Ахеянъ приблизивъ,
„Ихъ предъ судами оставилъ, бѣды и труды боевые
„Несть безпрерывно; а самъ отвратилъ свѣтозарныя очи
„Вдаль, созерцающій землю Ѳракіянъ, наѣздниковъ конныхъ,
„Мизянъ, бойцовъ рукопашныхъ, и дивныхъ мужей Гиппомолговъ,
„Бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ“[2]).

У писателей, живших между Гомеромъ и Геродотомъ, встрѣчаются лишь отрывочныя и случайныя упоминанія о Скиѳіи и обитавшихъ въ ней племенахъ. Такъ, въ сохранившихся отрывкахъ изъ сочиненій логографа Гекатея Милет-

1) *Одесскія Новости* 22 августа 1894 г., № 3047. (Фельетонъ, написанный по просьбѣ тогдашняго редактора-издателя газеты А. П. Старкова, нынѣ уже покойнаго, ко дню столѣтняго юбилея г. Одессы).

2) Переводъ Н. И. Гнѣдича.

скаго, современника персидскаго царя Дарія I, упоминаются два города въ Скиѳіи—Каркинитида и Кардисъ и нѣсколько племенъ: Меланхлэны, Миргеты, Матикеты, Эды и др. Трагикъ Эсхилъ въ „Прикованномъ Промееѣ“ говоритъ устами хора, что страданіямъ Промеея соболѣзнуютъ, между прочимъ, „многолюдныя племена Скиѳовъ, обитающія на краю земли вокругъ Меотійскаго озера“, а въ другомъ мѣстѣ влагаетъ въ уста Промеея упоминаніе о „кочевникахъ Скиѳахъ, которые живутъ на высокихъ повозкахъ съ прекрасными колесами, подъ плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками“. Послѣ этихъ краткихъ извѣстій подробное описаніе Скиѳіи, данное Геродотомъ, является поистинѣ драгоцѣннымъ. Поводомъ къ этому описанію послужилъ „отцу исторіи“, какъ извѣстно, походъ въ Скиѳію, предпринятый персидскимъ царемъ Даріемъ I; изложеніе извѣстныхъ автору географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и описаніе похода занимаетъ болѣе половины 4-й книги исторіи Геродота. Не имѣя возможности, въ виду узкихъ рамокъ газетной замѣтки, заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ сообщаемыхъ Геродотомъ географическихъ данныхъ, мы обратимся прямо къ обозрѣнію населенія Скиѳіи и преимущественно той части ея, которая входитъ въ предѣлы нынѣшней Херсонской губерніи.

Всѣ народы, жившіе въ древности на побережьяхъ Евксинскаго Понта (Чернаго моря), пользовались у Эллиновъ весьма дурною славой за свою грубость и дикость; только о Скиѳахъ имѣли они нѣсколько лучшее мнѣніе. Геродотъ прямо говоритъ, что по берегамъ Понта живутъ народы несравненно болѣе грубые, нежели въ другихъ странахъ, и что между ними нельзя указать ни одного племени, выдающагося по уму, и ни одного знаменитаго человѣка, кромѣ Скиѳовъ и Анахарсиса; впрочемъ, и у Скиѳовъ нашъ авторъ не находитъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ способа ихъ жизни, дѣлающаго ихъ непобѣдимыми, а подробно описанные имъ нравы и обычаи ихъ доказываютъ, что въ V в. до Р. Хр. они стояли на очень невысокой степени культуры.

Наука до сихъ поръ не сказала еще послѣдняго слова относительно происхожденія Скиѳовъ и времени ихъ переселенія въ степи нынѣшней южной Россіи. По первому вопросу въ новой наукѣ существуютъ три главныя воззрѣнія: одни ученые считаютъ Скиѳовъ арійцами, другіе—туранцами, третьи принимаютъ, что подъ Геродотовыми Скиѳами слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей различнаго происхожденія и разныхъ степеней культуры, и это послѣднее мнѣніе представляется намъ болѣе вѣроятнымъ. У древнихъ Грековъ, конечно, могли

существовать относительно происхожденія Скиѳовъ только легенды, изъ коихъ Геродотъ передаетъ три. Сами Скиѳы, по его словамъ, признавали себя самымъ младшимъ народомъ среди другихъ, насчитывая себѣ не болѣе тысячи лѣтъ существованія до похода Дарія, и разсказывали о своемъ происхожденіи слѣдующее: въ ихъ землѣ, бывшей безлюдной пустыней, родился отъ Зевса и дочери рѣки Борисѳена первый человѣкъ, по имени Таргитай; у него родились три сына: Липоксай, Аріоксай и Колаксай. При нихъ упали съ неба золотые: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Старшій и средній сыновья Таргитая хотѣли взять эти предметы, но при ихъ приближеніи золото воспламенялось; съ приближеніемъ же младшаго пламя погасло и онъ взялъ себѣ эти предметы, вслѣдствіе чего старшіе братья признали его царемъ. Отъ этихъ трехъ братьевъ произошли отдѣльныя племена, которыя всѣ вмѣстѣ назывались Сколотами по имени одного изъ своихъ царей, тогда какъ Эллины называли ихъ Скиѳами. Такъ какъ страна была весьма обширна, то Колаксай раздѣлилъ ее на три области между своими сыновьями. Такова легенда, выдаваемая Геродотомъ за скиѳскую; по своему смыслу она, однако, не можетъ быть признана обще-скиѳской, а могла родиться только среди одного изъ тѣхъ племенъ, которыя во времена Геродота вели уже осѣдлый и земледѣльческій образъ жизни. По другой легендѣ, по словамъ Геродота, обязанной своимъ происхожденіемъ жившимъ на Понтѣ греческимъ колонистамъ, Скиѳы произошли отъ Скиѳа, младшаго изъ трехъ сыновей греческаго героя Геракла и какой-то миѳической полудѣвицы-полуэхидны, съ которою Гераклъ вступилъ въ связь, зайдя въ Скиѳію при совершеніи одного изъ своихъ подвиговъ. Наконецъ, по третьему преданію, одинаково распространенному, по словамъ Геродота, среди Эллиновъ и варваровъ, Скиѳы первоначально кочевали въ Азіи; будучи тѣснимы Массагетами, они перешли рѣку Араксъ, вторглись въ землю Киммерійцевъ, вытѣснили ихъ и навсегда поселились въ странѣ, получившей отъ нихъ названіе Скиѳіи.

Численности населенія Скиѳіи Геродоту не удалось узнать въ точности, такъ какъ мнѣнія о ней были весьма различны. Но онъ говоритъ, что во время его пребыванія на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря ему удалось видѣть въ мѣстности „Гексампэй“ между рѣками Борисѳеномъ (Днѣпромъ) и Гипанидомъ (Бугомъ) мѣдный сосудъ толщиною въ 6 пальцевъ и вмѣстимостью въ 600 амфоръ; по словамъ туземцевъ, сдѣланный изъ наконечниковъ стрѣлъ по повелѣнію нѣкоего царя Аріанта: желая узнать численность Скиѳовъ, этотъ царь приказалъ;

чтобы каждый Скиѳъ, подъ страхомъ казни, принесъ одинъ наконечникъ стрѣлы, и когда это было исполнено, онъ велѣлъ сдѣлать изъ нихъ этотъ мѣдный сосудъ, чтобы оставить по себѣ памятникъ.

Обратимся теперь къ извѣстіямъ „отца исторіи“ объ отдѣльныхъ скиѳскихъ племенахъ. Греческая колонія Ольвія (близъ нынѣшняго села Парутина, на правомъ берегу Бугскаго лимана), которую Геродотъ называетъ „торжищемъ Борисѳенитовъ“, представлялась ему срединнымъ пунктомъ всей приморской Скиѳіи. Ближайшія окрестности ея по рѣкѣ Гипаниду, къ западу отъ Борисѳена, занимали *Каллипиды*, а выше ихъ жили *Алазоны*; это были племена осѣдлыя и земледѣльческія; во всемъ образѣ жизни они, по словамъ Геродота, были сходны съ другими Скиѳами кромѣ того, что сѣяли хлѣбъ не на продажу только, но и для употребленія въ пищу, а кромѣ того лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо; Каллипиды, впрочемъ, не были уже чистыми Скиѳами, а „Эллино-скиѳами“, т.-е. представляли собою племя метисовъ, происшедшее отъ брачныхъ связей греческихъ колонистовъ съ туземцами и принявшее эллинскую культуру. Владѣнія Алазоновъ простирались до горькаго ключа, который впадалъ въ Гипанидъ на разстояніи четырехъ дней пути отъ моря и дѣлалъ его воду въ нижнемъ теченіи негодною для питья. Ключъ этотъ и самая мѣстность, изъ которой онъ вытекалъ, назывались по-скиѳски „Гексампэй“, а по-гречески „Святые пути“. Ключъ составлялъ границу между землями Алазоновъ и *Скиѳовъ-пахарей*, которые также сѣяли хлѣбъ, но не для собственнаго употребленія, а только на продажу. Выше ихъ жили *Невры*, а страна, лежащая къ сѣверу отъ нихъ, по сообщеннымъ Геродоту свѣдѣніямъ, совсѣмъ не имѣла населенія. Геродотъ замѣчаетъ, что въ странѣ Алазоновъ рѣки Тирасъ (нын. Днѣстръ) и Гипанидъ наиболѣе сближаются между собою, а потомъ снова расходятся, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ (какъ уже замѣчено выше), что область Гексампэй находится между Борисѳеномъ и Гипанидомъ, откуда очевидно, что горькій ключъ долженъ былъ составлять лѣвый притокъ послѣдняго. Эти топографическія указанія были-бы совершенно достаточны для опредѣленія области разселенія Алазоновъ, если бы можно было съ точностью указать, гдѣ именно находился Гексампэй; но новые изслѣдователи еще не пришли къ соглашенію въ этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что соленый вкусъ воды въ нижнемъ теченіи Буга объясняется другими причинами. Покойный одесскій профессоръ Ф. К. Брунъ принималъ за Гексампэй рѣчку Мертвоводъ, впадающую въ Бугъ слѣва при Вознесенскѣ и имѣющую негодную для питья

воду, а графъ Потоцкій — другой лѣвый притокъ Буга, называемый Синюхою и отличающійся такимъ же свойствомъ воды. Однако оба эти отождествленія не вполнѣ согласны съ Геродотомъ, такъ какъ мѣсто наибольшаго сближенія Днѣстра съ Бугомъ находится выше устьевъ этихъ притоковъ, приблизительно между Ямполемъ и Брацлавомъ. Но какъ бы то ни было, область Каллипидовъ и Алазоновъ должна была приходиться главнымъ образомъ на нынѣшнюю Херсонскую губернію, а Скиѳовъ-пахарей — на губерніи Подольскую, Кіевскую и сѣверо-восточную часть Херсонской.

Если переправиться чрезъ Борисѳенъ, говоритъ далѣе Геродотъ, то первою отъ моря будетъ Гилэя (Полѣсье), а вверхъ отъ нея живутъ *Скивы-земледѣльцы*, которыхъ Эллины, живущіе на рѣкѣ Гипанидѣ (т. е. жители Ольвіи), называютъ Борисѳенитами. Они занимаютъ къ востоку пространство на три дня пути до рѣки Пантикапа, а къ сѣверу на 11 дней плаванія по Борисѳену. Выше ихъ простирается на большое пространство пустыня, а за пустынею живутъ людоѣды... Къ востоку отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, за рѣкою Пантикапомъ, живутъ уже *кочевые Скивы*, не воздѣлывающіе земли и ничего не сѣющіе; они занимаютъ область на 14 дней пути до рѣки Герра. Рѣка Пантикапъ, по словамъ нашего автора, течетъ съ сѣвера, входитъ въ Полѣсье и, протекши чрезъ него, сливается съ Борисѳеномъ. Границею Полѣсья и Ахиллова бѣга (нын. Тендра) съ правой стороны служитъ рѣка Гипакирь, протекающая посрединѣ области Скиѳовъ-кочевниковъ и впадающая въ море у города Каркинитиды. Рѣка Герръ, одноименная съ орошаемою ея теченіемъ областью, отдѣляется отъ Борисѳена въ томъ мѣстѣ, съ котораго послѣдній становится извѣстнымъ, и изливается въ Гипакирь, составляя границу между областями кочевыхъ и царскихъ Скиѳовъ.

Какъ извѣстно, рѣки Пантикапъ, Гипакирь и Герръ, по справедливому замѣчанію покойнаго Н. И. Надеждина, „составляютъ донынѣ неотвратимый камень претыканія, истинный Гордіевъ узелъ для изслѣдователей и толковниковъ“. Не находя возможнымъ здѣсь углубляться въ темную область догадокъ и споровъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что, по мнѣнію большинства изслѣдователей, Пантикапъ есть не что иное, какъ нынѣшняя Конка (по нѣкоторымъ — Ингулецъ), а Гипакирь — нынѣшній Каланчакъ; что же касается до Герра, то изслѣдователи отожествляютъ его то съ р. Самарой, то съ Молочной, то съ Бѣлозеркой и др., но всего вѣроятнѣе подъ этимъ именемъ смѣшано нѣсколько рѣкъ. „Полѣсье“ древнихъ писателей большинство новыхъ изслѣдователей помѣ-

щаетъ на лѣвой сторонѣ Днѣпровскаго лимана, начиная отъ Кинбурна до Алешекъ или до Голой пристани при впаденіи р. Конки въ Днѣпръ; здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи и даже въ нынѣшнемъ находились густые, хотя и не сплошные лѣса. Такимъ образомъ, Скиѳы-земледѣльцы или Борисѳениты должны были занимать острова между главнымъ теченіемъ Днѣпра и Конкою, но, безъ сомнѣнія, также и правую сторону Днѣпра до Ингульца, т. е. восточную часть Херсонской губ. и части губерній Екатеринославской и Таврической, а область Скиѳовъ-кочевниковъ приходилась главнымъ образомъ на Днѣпровскій уѣздъ Таврической губерніи.

На берегахъ Чернаго моря и при устьяхъ впадающихъ въ него рѣкъ въ разсмотрѣнномъ нами районѣ уже во времена Геродота находилось нѣсколько цвѣтущихъ греческихъ поселеній. Но ознакомленіе съ развитіемъ греческой колонизаціи въ этихъ сѣверныхъ водахъ приходится отложить до другого раза.

О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ южной Россіи[1]).

I.

Въ XVII томѣ „Записокъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древн.“ на стр. 1—28 профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ издалъ съ подробнымъ комментаріемъ двѣ „вновь найденныя ольвійскія надписи“, пожертвованныя музею Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1893 года. Первая изъ этихъ надписей, принадлежащая къ разряду посвятительныхъ, не возбуждала въ издателѣ никакихъ сомнѣній въ своей подлинности и, по его мнѣнію, „заслуживаетъ по разнымъ обстоятельствамъ серьезнаго вниманія“, что же касается до второй, содержащей въ себѣ письмо Ольвіополитовъ къ царю Саитафарну, то г. фонъ-Штернъ сознается, что при первомъ чтеніи считалъ ее поддѣльной, и приводитъ нѣсколько весьма серьезныхъ основаній для такого предположенія, но затѣмъ говоритъ, что при болѣе тщательномъ изученіи декрета дошелъ до убѣжденія, что не слѣдуетъ рѣшать вопросъ объ его подлинности по первому впечатлѣнію, указываетъ данныя, говорящія противъ поддѣлки, и разсматриваетъ историческое значеніе документа какъ подлиннаго[2]); но въ напечатанныхъ вслѣдъ за статьею „поправкахъ и дополненіяхъ“ къ ней (стр. 29—30), составленныхъ послѣ доклада В. Н. Юргевича о поддѣльной Тирасской надписи (напечатанной въ томъ же томѣ „Записокъ“ на стр. 33—36), авторъ отказывается рѣшить вопросъ о подлинности изданнаго имъ документа даже въ условномъ видѣ и считаетъ болѣе

1) *Записки Имп. Одесскаго Общ. ист. и древн.*, т. XVIII (1895), стр. 1—18.

2) Объ этихъ же надписяхъ г. фонъ-Штернъ дѣлалъ докладъ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ въ августѣ 1893 года, при чемъ не высказалъ, повидимому, никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. См. изложеніе реферата въ «*Археолог. изв. и зам., изд. Моск. Археол. Общ.*» т. I (1893), стр. 363. [Объ эти надписи въ 1901 г. перепзданы нами въ Appendix къ IV тому нашего сборника надписей (стр. 315—324), №№ XXIV и XXV. Тамъ же помѣщены и всѣ другія поддѣльныя надписи, упоминаемыя въ дальнѣйшемъ изложеніи].

вѣрнымъ оставить этотъ вопросъ „открытымъ до тѣхъ поръ, пока новыя находки или вновь появившіяся на рынкѣ надписи дадутъ возможность такъ или иначе дойти до прочнаго результата“.

Лично ознакомившись съ двумя надписями, изданными г. фонъ-Штерномъ, въ бытность мою въ Одессѣ весною 1894 г., я пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ объ ихъ подлинности можетъ быть рѣшенъ и въ настоящее время и притомъ въ смыслѣ безусловно отрицательномъ. По моему мнѣнію, онѣ представляютъ собою лучшія произведенія той фабрики поддѣльныхъ надписей, которая возникла гдѣ-то на югѣ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе пробужденія болѣе живого интереса къ эпиграфическимъ документамъ греческихъ поселеній, нѣкогда процвѣтавшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, и которой, къ моему глубочайшему прискорбію, сослужилъ не малую службу изданный мною сборникъ этихъ документовъ. Обращаюсь къ разсмотрѣнію признаковъ поддѣльности этихъ двухъ надписей.

Какъ уже упомянуто, самъ Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ (стр. 19—22) нѣсколько весьма вѣскихъ основаній для предположенія о поддѣльности письма Ольвіополитовъ къ Саитафарну, которыя мы вполнѣ раздѣляемъ и потому не будемъ разсматривать подробно. Съ своей стороны прибавимъ еще слѣдующіе подозрительные признаки въ редакціи документа: 1) формула ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα ставилась въ заголовкахъ ольвійскихъ декретовъ, насколько можно судить по сохранившимся образцамъ, только въ Римскія времена, а въ болѣе древнія даже въ столь важныхъ декретахъ, какъ Протогеновскій, дата въ заголовкахъ не обозначалась; тѣмъ менѣе можно ожидать ее въ письмѣ. 2) Г. фонъ-Штернъ уже обратилъ вниманіе на дорическую фразу «φίλος μὲν καὶ εὐεργέτας ἁμῶν ἐών“ и совершенно вѣрно указалъ, что она могла быть заимствована изъ IosPE. I, № 185; но при этомъ слѣдуетъ добавить, что въ возстановленномъ мною въ указанной надписи оборотѣ частица μὲν имѣетъ соотвѣтствующую частицу δέ, а въ разсматриваемомъ письмѣ не имѣетъ и по смыслу является совершенно излишнею. 3) „Лестный эпитетъ по адресу царя (βασιλεὺς σωτήρ)“ совершенно противорѣчитъ тѣмъ отношеніямъ между Ольвіополитами и Саитафарномъ, которыя намъ извѣстны изъ Протогеновскаго декрета, и, на нашъ взглядъ, рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. 4) Фразу «οἱ ἄρχοντες καὶ ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος στεφανοῦσι χρυσῷ στεφάνῳ» фальсификаторъ легко могъ заимствовать въ готовомъ видѣ изъ декрета IosPE. I, № 27, но при этомъ не

обратилъ вниманія на то, что по смыслу здѣсь требовался аор. ἐστεφάνωσαν и что фраза эта является совершенно неумѣстною въ письмѣ, такъ какъ Саитафарну не было ровно никакого дѣла до того, чѣмъ вознаградили Ольвіополиты Протогена за его услугу (это было бы ихъ домашнее дѣло, не имѣвшее никакого отношенія къ „внѣшней политикѣ"), а кромѣ того фраза эта могла быть и опасною для Ольвіополитовъ, ибо могла внушить Саитафарну преувеличенное понятіе о средствахъ города: если у нихъ были деньги на золотые вѣнки, то могли быть и на увеличеніе дани царю. 5) Значки, подобные тѣмъ, какіе видны въ концѣ строкъ 2 и 8, въ подлинныхъ ольвійскихъ документахъ нигдѣ не встрѣчаются. Наконецъ, 6) эпитеты σωτὴρ по отношенію къ царю и φιλόπατρις по отношенію къ Протогену взаимно исключаютъ другъ друга: Протогенъ оказывается „патріотомъ" за то, что даетъ деньги на спасеніе родины отъ ея „спасителя". Такимъ образомъ мы видимъ, что разсматриваемое письмо, независимо отъ внѣшнихъ подозрительныхъ признаковъ, и по внутреннему содержанію и по изложенію не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. фонъ-Штерна (стр. 22), „несмотря на всѣ вышеуказанныя ошибки, странности и особенности нашего документа, при ближайшемъ его разсмотрѣніи являются разные моменты, говорящіе противъ предположенія, что мы имѣемъ дѣло съ новѣйшей поддѣлкой". Обратимся къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ этихъ моментовъ. 1) „Прежде всего надо замѣтить, говоритъ почтенный авторъ, что въ нашемъ документѣ характеръ письма строго выдержанный—нѣтъ въ немъ буквъ, которыя по своему начертанію могли бы принадлежать разнымъ періодамъ; это составляетъ весьма важный фактъ, потому что въ до сихъ поръ мнѣ извѣстныхъ поддѣльныхъ ольвійскихъ надписяхъ рука фальсификатора между прочимъ обличается всегда и такими буквами, которыя по характеру начертанія не могутъ быть одновременными". На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что 1) въ новѣйшихъ образчикахъ поддѣлки, именно въ „Тирасской" надписи, изданной В. Н. Юргевичемъ въ томъ же томѣ „Записокъ" [= IosPE, IV, app. n° XXVII], въ надписи, изданной имъ же въ XVI томѣ „Записокъ", стр. 11 подъ № 1[1]), и въ первой изъ надписей, изданныхъ самимъ

1) Вопроса о подлинности этой надписи я коснулся въ 3-й серіи «Поправокъ и дополненій» къ моему сборнику надписей въ *Зап. Имп. Русскаго Арх. Общ.* п. с. т. VII, стр. 84. Осмотрѣвъ ее лично въ Одесскомъ музеѣ, я пришелъ къ твердому убѣжденію въ ея поддѣльности. [См. IosPE. IV, app. № XXI].

г. ф.-Штерномъ (о ней рѣчь будетъ ниже), характеръ буквъ (Римской эпохи) выдержанъ не менѣе строго и 2) что причина этой выдержанности, а равно и тщательности вырѣзки и красоты буквъ въ письмѣ къ Саитафарну объясняется очень просто: рѣзчикъ имѣлъ передъ глазами *печатный* текстъ Протогеновскаго декрета по моему изданію въ сборникѣ и подражалъ ему такъ тщательно, что даже букву C дѣлалъ поменьше и потоньше остальныхъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, можно убѣдиться при самомъ бѣгломъ сличеніи текста письма (по приложенной къ „Запискамъ“ фототипической таблицѣ) съ печатнымъ текстомъ Протогеновской надписи; при сравненіи же формъ буквъ письма съ *дѣйствительнымъ* характеромъ ихъ въ Протогеновскомъ декретѣ и современныхъ ему документахъ (напр. IosPE. I, №№ 100, 114 и др.) замѣчается довольно значительная разница. 2) Далѣе, по мнѣнію Э. Р. фонъ-Штерна, „тщательное разсмотрѣніе камней не даетъ ни малѣйшаго повода предполагать, что надпись изсѣчена въ новѣйшее время на древнемъ матеріалѣ: углубленія, образованныя рѣзьбой буквъ, показываютъ тѣ же признаки ветхости, какъ вся поверхность камня“. Мнѣ, при личномъ осмотрѣ плиты, по ея свѣжести и бѣлому цвѣту показалось, напротивъ, что она не древняго происхожденія и только на передней поверхности затерта и слегка закопчена для приданія ей стариннаго вида, а въ самомъ способѣ вырѣзки буквъ я замѣтилъ тѣ, трудно выражаемыя словами, но легко уловимыя привычнымъ глазомъ особенности, которыя отличаютъ и другія поддѣльныя надписи отъ настоящихъ. 3) Отъ третьяго довода (именно, что надпись содержитъ связный и совершенно толковый текстъ) самъ авторъ отказался въ своихъ „поправкахъ и дополненіяхъ“, а потому и мы не будемъ на немъ останавливаться. 4) Г. фонъ-Штернъ высказываетъ предположеніе, что составитель документа „не только хорошій эпиграфистъ, сознательно выдерживающій шрифтъ, но что онъ и весьма основательно изучилъ эпиграфическій матеріалъ въ сборникѣ Латышева и для этого воспользовался написаннымъ на латинскомъ языкѣ комментаріемъ издателя“. Въ подтвержденіе этого предположенія авторъ указываетъ на то, что президентомъ коллегіи архонтовъ въ документѣ является Аристократъ, сынъ Θеокла; лицо съ этимъ именемъ и отчествомъ записано въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ № 114, и кромѣ того имя Аристократа упоминается въ Протогеновскомъ декретѣ; отсюда является выводъ, что фальсификаторъ долженъ былъ знать, что этотъ списокъ ольвійскихъ гражданъ относится къ одному періоду времени съ Протогеновскимъ декретомъ. По поводу этого можно замѣтить, что въ извѣстныхъ

намъ произведеніяхъ „южно-русской эпиграфической фабрики“, представляющихъ связные тексты, до сихъ поръ не встрѣчалось личныхъ именъ, которыя бы не были извѣстны изъ перваго тома нашего сборника надписей; при этомъ иногда имена съ отчествами берутся цѣликомъ изъ тѣхъ или другихъ надписей, какъ напр. Καλλισθένης Δάδου и Θρασύβουλος Φλεμνάγου въ первой изъ надписей, изданныхъ г. Штерномъ, Νεικήρατος Παπίου въ одной изъ надписей, находящихся у И. К. Суручана [1]); иногда vice versa: такъ, напр., другая изъ находящихся у г. Суручана надписей [2]) представляетъ собою декретъ въ честь Ἡροσῶν Πρωτογένους, котораго фальсификаторъ хотѣлъ выдать, безъ сомнѣнія, за отца знаменитаго Протогена; иногда, наконецъ, имена съ отчествами комбинируются изъ разныхъ документовъ, какъ напр. въ томъ же декретѣ въ честь Протогенова отца архонтъ-эпонимъ носитъ имя Δημοκῶν Παντηκλέους (sic), въ первой изъ изданныхъ г. Штерномъ надписей являются Κόνων Παντακλέους, Ἡροσῶν Κλεομβρότου, Δάδος Εὐρησιβίου, въ „Зап. Од. Общ.“ XVI, стр. 11—Διονύσιος Τιμοθέου и Ἀχιλλεὺς Ἀριστοκρίτου, въ Тирасской надписи „Зап. Од. Общ.“ XVII, стр. 24—Οὐάλης Φιλοκάλου (комбинація изъ двухъ именъ, встрѣчающихся въ подлинной Тирасской надписи IosPE. I, № 2) и Θεοκλῆς Ἱεροσῶντος. Всматриваясь внимательнѣе въ эти имена, мы замѣчаемъ, что они за немногими исключеніями встрѣчаются въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ № 114, и такимъ образомъ получаемъ право признать этотъ каталогъ главнымъ источникомъ, изъ котораго фальсификаторъ черпалъ нужныя ему имена. Отсюда является вполнѣ вѣроятное предположеніе, что имя Ἀριστοκράτης Θεοκλέους случайно попалось ему на глаза въ этомъ каталогѣ, при чемъ онъ вовсе и не думалъ о томъ, что оно послужитъ основаніемъ лестнаго мнѣнія объ его эпиграфической эрудиціи. 5) Предположеніе, что фальсификаторъ „знакомъ съ гипотезами новыхъ ученыхъ насчетъ древней топографіи прибережья Буга“ и въ частности съ гипотезой графа Уварова о мѣстонахожденіи Канкита, по нашему мнѣнію, нисколько не удивительно, такъ какъ эта гипотеза, несмотря на полное отсутствіе подкрѣпляющихъ ее данныхъ, пользуется на югѣ широкою извѣстностью и легко могла дойти до фальсификатора отъ какого-либо мѣстнаго археолога. Кромѣ того, слѣдуетъ признать, дѣйствительно, что обманщикъ обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ древней исторіи нашего юга: одна изъ находящихся у И. К. Суручана надписей

1) [IosPE. IV, app. № XIX].
2) [Ibid. № XVIII].

доказываетъ, что ему извѣстно упоминаемое у одного только Поліэна имя Сарматской царицы Амаги, которую онъ, впрочемъ, почему-то заблагоразсудилъ передѣлать въ царя. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ доводовъ въ пользу подлинности письма къ Саитафарну мы находимъ болѣе или менѣе основательнымъ только слѣдующій (стр. 24—25): „Трудно допустить мысль, чтобы фальсификатору вздумалось сочинить надпись въ формѣ письма, для которой онъ въ сборникѣ Латышева, напр., могъ найти такъ мало образцовъ“. Дѣйствительно, всѣ другія извѣстныя намъ поддѣльныя надписи новѣйшей фабрикаціи, т. е. представляющія связные тексты, составлены прямо по образцу того или другого изъ подлинныхъ документовъ и въ большинствѣ случаевъ изъ готовыхъ, имѣющихся въ документахъ фразъ, кое-какъ связанныхъ между собою. Но при этомъ нельзя отказать фальсификатору въ достаточно развитой фантазіи, благодаря которой онъ комбинировалъ вырванныя изъ разныхъ документовъ фразы въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности, и такимъ образомъ получалъ для каждаго изъ своихъ издѣлій опредѣленное содержаніе. Почему же не допустить, что онъ, узнавъ откуда-нибудь, что въ числѣ древнихъ эпиграфическихъ памятниковъ встрѣчаются и письма, вздумалъ составить въ этой формѣ надпись, которая должна была привлечь покупателей новизною и интересомъ своего содержанія, и что, не зная формъ древнихъ писемъ, онъ придумалъ отъ себя первую фразу „съ адресомъ“, сбоку прибавивъ на новый ладъ «ἀντίγραφον»[1]), а затѣмъ, по своему обыкновенію, состряпалъ текстъ изъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, надерганныхъ изъ разныхъ документовъ моего сборника. А что они дѣйствительно надерганы, это можно наглядно доказать слѣдующимъ сопоставленіемъ:

IosPE. I, №№	21, 22 etc.	Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ
» »	185, v. 2:	φίλος μὲν καὶ εὐεργέτας ἀμῶν ἐών
» »	16, v. 88:	ἔδωκε χρυσοῦς ἐναχοσίους
» »	91 etc.	ἐκ τῶν ἰδίων
» »	27:	οἱ ἄρχοντες — χρυσῷ στεφάνῳ
» »	199:	τὸν φιλόπατριν.

Отсюда видно, что кромѣ собственныхъ именъ и двухъ словъ βασιλεῖ σωτῆρι все остальное въ этомъ письмѣ заимствовано *безъ всякихъ измѣненій*

1) Это слово, быть можетъ, заимствовано изъ IosPE. I, № 3.

изъ подлинныхъ документовъ. Въ виду этого врядъ ли случайнымъ является тотъ фактъ, что *именно въ собственныхъ именахъ* оказались тѣ ошибки въ падежахъ, которыя г. фонъ-Штернъ справедливо призналъ „весьма странными“: можно было бы привести множество доказательствъ того, что авторъ поддѣльныхъ надписей, при своей живой фантазіи и умѣньѣ склеивать фразы изъ разныхъ документовъ, весьма слабъ въ элементарной грамматикѣ.

Обратимся теперь къ первой изъ изданныхъ проф. фонъ-Штерномъ надписей. Мы уже замѣтили, что издатель вовсе не заподозрилъ ея подлинности; и дѣйствительно, при первомъ взглядѣ она не представляетъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ поддѣлки, и какъ внѣшній видъ ея, такъ и содержаніе легко могутъ ввести въ заблужденіе. Поэтому мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть ее по возможности внимательно и для облегченія читателей повторить здѣсь ея транскрипцію.

1 Τύχηι ἀγαθῆι. Διὶ Σωτ-
ῆρι καὶ Διὶ Βασιλεῖ ἄρ-
χοντες οἱ περὶ Καλλ-
ισθένηΣ Δάδου τὸ
5 β′. Κόνων Παντακλέ-
ους, Θρασύβουλος
Φλεμνάγου, Ἡροσῶν
Κλεομβρότου, Δά-
δος Εὐρησιβίου ἀνέ-
10 θηκαν χαριστήρι-
ον ὑπὲρ Συσταθία-
ς τῆς πόλεος καὶ ε-
ἰρήνης καὶ εὐνοίας ε-
ἰς τὸν δῆμον τὸν Ὀ-
15 λβιοπολειτῶν.
Καλλισθένης Δάδου ἀνε-
σκεύασεν ἐκ τῶν ἰδίων το-
ὺς πύργους κακῶς διακ-
ειμένους τοῦ Διὸς ναοῦ ὑ-
20 πὲρ τῆς πόλεος καὶ τῆς
ἑαυτΩN ὑγείας

Камень, на которомъ вырѣзана эта надпись, показался намъ при личномъ осмотрѣ древнимъ. Письмо документа весьма тщательное, строго выдержано въ стилѣ II—III в. по Р. Хр. и не представляетъ ничего подозрительнаго, кромѣ своей превосходной сохранности и слѣдующихъ двухъ мелкихъ признаковъ: 1) трехъ ошибокъ, отмѣченныхъ въ нашей транскрипціи крупными буквами (стр. 4, 11 и 21), и 2) плющеваго листка въ концѣ строки 8. Ошибки эти, отмѣченныя уже г. фонъ-Штерномъ, вполнѣ возможны, конечно, и въ подлинныхъ документахъ, но первая подозрительна потому, что именно падежи собственныхъ

именъ представляютъ собою камень преткновенія для нашего фальсификатора [1]); относительно слова συσταθία я никакъ не могъ убѣдиться искусственнымъ объясненіемъ г. фонъ-Штерна, что „слово συσταθία, образованное совершенно правильно по аналогіи съ εὐσταθία отъ корня στα (санскр. sthâ) можетъ обозначать то положеніе или состояніе, которое вызвано окончаніемъ междуусобной войны“ (стр. 13), а съ другой стороны, по его же справедливому замѣчанію, „противорѣчитъ всѣмъ правиламъ критики предполагать, что рѣзчикъ замѣнилъ весьма обычное и хорошо извѣстное ему слово εὐσταθία не существующимъ или во всякомъ случаѣ весьма рѣдкимъ словомъ συσταθία“. Для третьей ошибки г. фонъ-Штернъ далъ не менѣе искусственное объясненіе (стр. 11 внизу); если раздѣлять его, то слѣдовало бы ожидать на камнѣ περὶ τῆς ἑαυτοῦ καὶ τῶν συναρχόντων ὑγείας. Впрочемъ мы не настаиваемъ на этой ошибкѣ, какъ на признакѣ поддѣльности, ибо она встрѣчается еще въ одной извѣстной намъ ольвійской надписи, для признанія которой безусловно поддѣльною мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Зато плющевый листочекъ въ концѣ стр. 8-й намъ кажется весьма подозрительнымъ: извѣстно, что hederae distinguentes въ Римскія времена довольно часто встрѣчаются въ греческихъ и особенно въ латинскихъ надписяхъ, но чаще всего въ концѣ ихъ или по крайней мѣрѣ между словами, а между буквами одного и того же слова хотя бы въ концѣ строки (какъ здѣсь) встрѣчаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ ольвійскихъ надписяхъ употребленіе ихъ вообще не особенно широко распространено [2]), и до сихъ поръ извѣстенъ одинъ только примѣръ постановки листка въ концѣ строки послѣ нѣсколькихъ буквъ собственнаго имени, конецъ котораго перенесенъ на слѣдующую строку (IosPE. I, № 24 v. 3); тамъ постановка листка объясняется желаніемъ рѣзчика замаскировать пустое пространство, которое оставалось въ концѣ строки въ случаѣ переноса, но на которомъ нельзя было уписать остающейся части слова; между тѣмъ въ нашемъ случаѣ пустого пространства почти не оставалось, и листокъ оказывается совершенно лишнимъ. Между тѣмъ рѣзчикъ поддѣльныхъ

1) Ср. οἱ περὶ ’ΑριστοκράτηΣ и ΠρωτογένΟΥΣ (вм.—νη) въ письмѣ къ Саитафарну, ἐπὶ ἄρχοντος ΘεοκλέΑ ’Ιεροσῶντος въ *Зап. Одесск. Общ.* XVII, p. 34, ’Αχιλλεῖ ’ΑριστόκριτοΣ *ibid.* XVI, p. 11, ’Αναξιμένην ΠτωλομαΥΣ *ibid.* p. 12; ’Ηροσῶνι ΠρωτογένΟς, ἐπὶ ἄρχοντος Δημοκῶν Παντηκλέους, στεφανῶσα: ’ΗροσῶντΟΣ Πρωτογέν(ους), ’Αχιλλέος ΠοντάρΧΕΟΣ и т. п. въ двухъ надписяхъ, хранящихся у И. К. Суручана. Подобная же ошибка въ *подлинномъ* документѣ IosPE. I, 75: οἱ περὶ ΔιογένηΣ Μακεδόνος ἀγορανόμοι.

2) Встрѣчаются въ IosPE. I, №№ 22, 23, 24, 57, 74, 75, 96.

надписей питаетъ особенное пристрастіе къ разнымъ украшеніямъ и ставитъ ихъ гдѣ попало. Чтобы покончить съ внѣшними признаками, слѣдуетъ еще замѣтить, что ольвійскіе рѣзчики Римскихъ временъ при переносѣ словъ изъ одной строки въ другую обыкновенно поступали (хотя, быть можетъ, безсознательно) такъ же, какъ поступаемъ и мы, т. е. раздѣляли ихъ на слоги или старались окончить слово въ одной строкѣ, тогда какъ рѣзчикъ конца XIX вѣка дѣлаетъ переносы какъ попало; такіе переносы, какъ Σωτ-ῆρι, Καλλ-ισθένης, συσταθία-ς, ε-ἰρήνης, ε-ἰς, Ὀ-λβιοπολειτῶν, το-ὺς, διαχ-ειμένους, ὑ-πέρ и т. п. въ подлинныхъ ольвійскихъ документахъ встрѣчаются рѣдко, и нѣтъ случая, чтобы они встрѣчались въ такомъ изобиліи *въ одномъ и томъ же* документѣ.

Содержаніе документа на первый взглядъ также не представляетъ особенно подозрительныхъ признаковъ. Подобныхъ записей о посвященіяхъ божествъ отъ имени той или другой коллегіи магистратовъ (преимущественно архонтовъ и стратиговъ) найдено въ Ольвіи уже нѣсколько десятковъ. Двѣ изъ нихъ (IosPE. I, №№ 58, 61) содержатъ и записи о починкѣ обветшавшихъ или попорченныхъ частей храма даннаго божества, произведенной на средства самой коллегіи или на казенный счетъ. При № 61 запись о починкѣ вырѣзана болѣе мелкими буквами, какъ и при разсматриваемомъ теперь документѣ. Однако, если вникнуть хорошенько въ подробности его содержанія, то нѣкоторыя изъ нихъ окажутся весьма странными и трудно объяснимыми. 1) Почтенный издатель надписи уже обратилъ вниманіе на то, что посвященіе сдѣлано *двумъ Зевсамъ*—Спасителю и Царю, „между тѣмъ какъ на дошедшихъ до насъ *ольвійскихъ* посвятительныхъ надписяхъ одно только какое-нибудь божество является предметомъ почитанія“. Эту странность г. фонъ-Штернъ объясняетъ предположеніемъ, что Зевсъ Царь и Зевсъ Спаситель почитались въ одномъ храмѣ какъ θεοὶ σύνναοι; но подъ именемъ θεοὶ σύνναοι или σύμβωμοι обыкновенно разумѣются *разныя* божества, почитавшіяся въ одномъ храмѣ или при одномъ алтарѣ [1]), а не *одно* божество съ разными эпитетами; кромѣ того, самъ издатель находитъ страннымъ повтореніе

1) Ср. C. Maurer, De aris Graecorum pluribus deis in commune positis (diss. Argent. Darmst. 1885). Въ приложенномъ къ диссертаціи спискѣ всѣхъ извѣстныхъ автору случаевъ κοινοβωμίας (стр. 135—138) встрѣчается только *одинъ* примѣръ совмѣстнаго почитанія одного и того же божества съ двумя эпитетами, именно въ Афродисіадской надписи C. I. Gr. 2750: Διὸς Λαβραύν(δου) καὶ Διὸς Μεγίστου. Но этотъ случай легко объясняется тѣмъ, что названныя божества въ сущности были различны (ср. Maurer, p. 71 sq.), и не можетъ служить аналогіею къ нашему документу.

слова Διί при посвященіи. 2) Посвященіе сдѣлано архонтами ὑπὲρ (ε)ὐσταθίας τῆς πόλεος καὶ εἰρήνης καὶ εὐνοίας εἰς τὸν δῆμον τὸν Ὀλβιοπολειτῶν. Первые два мотива, то вмѣстѣ, то порознь, въ соединеніи съ другими, очень часто являются въ ольвійскихъ посвященіяхъ [1]), но третій встрѣчается здѣсь въ первый разъ и представляется страннымъ а) потому, что слово εὔνοια вообще рѣдко употребляется для обозначенія благосклоннаго отношенія *боговъ къ людямъ*, а обыкновенно обозначаетъ такое отношеніе между людьми [2]), и въ надписяхъ употребляется въ точномъ и опредѣленномъ смыслѣ, б) потому что благодарственныя приношенія богамъ дѣлались греками не за неопредѣленную „благосклонность“ ихъ, а за тѣ или другія опредѣленныя, такъ сказать, осязательныя проявленія этой благосклонности, каковыми являются напр. εὐσταθία или εὐποσία τῆς πόλεως, εἰρήνη, ἀνδραγαθία или ὑγίεια τῶν πολιτῶν и т. п. Такимъ образомъ, соединеніе указанныхъ трехъ мотивовъ просто поражаетъ своей необычностью [3]).

Не менѣе, если не болѣе странною является фраза: Καλλισθένης Δάδου ἀνεσκεύασεν ἐκ τῶν ἰδίων τοὺς πύργους κακῶς διακειμένους τοῦ Διὸς ναοῦ κτλ. Лишь мимоходомъ отмѣтивъ неудачную разстановку словъ въ подчеркнутой части фразы, мы переходимъ прямо къ вопросу: что это за „башни Зевсова храма?“ Подойдя къ этому вопросу, почтенный издатель надписи прежде всего предупреждаетъ читателя, что эти слова „конечно не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто эти башни выстроены были на самомъ храмѣ и составляли необходимыя части храма, какъ теперь у насъ соборовъ и церквей“. Дѣйствительно, намъ неизвѣстны случаи, чтобы древніе храмы имѣли видъ Кельнскаго собора или Notre Dame de Paris; но приведенную фразу, кажется намъ, нельзя понимать иначе, какъ въ этомъ смыслѣ. Думать вмѣстѣ съ г. фонъ-Штерномъ, что эти башни только посвящены были Зевсу и называются „башнями храма Зевса“ потому, что „онѣ, какъ посвященныя Зевсу, становились достояніемъ его храма и предметомъ заботы управленія его святилища“, предполагая вдобавокъ для извиненія брахилогіи, „что эти башни были построены на

1) Вмѣстѣ: IosPE. I, 57. Порознь, но въ соединеніи съ другими мотивами: εὐσταθία—*ibid.* 52, 54, 59, 62, 63, 75, 79, 80; εἰρήνη—64, 77, 82, 91(?).

2) Такъ напр. и у насъ не употребляются по отношенію къ Богу слова: «благосклонность», «доброжелательство» и т. п.

3) Прибавимъ еще, что по обычному словоупотребленію послѣ εὐνοίας требовался бы членъ τῆς.

прилегающей близко къ храму части городской стѣны", — не позволяютъ ни точный грамматическій смыслъ фразы, ни наши свѣдѣнія о состояніи городскихъ укрѣпленій Ольвіи въ Римскія времена. Выраженіе „πύργοι τοῦ Διὸς ναοῦ", повторяемъ, можетъ обозначать только „башни Зевсова храма", т. е. принадлежащія къ храму или на немъ находящіяся; башни, посвященныя Зевсу, были бы названы несомнѣнно Διὸς πύργοι, а предположеніе, что онѣ въ такомъ случаѣ „становились достояніемъ его храма и предметомъ заботы управленія его святилища", ничѣмъ не можетъ быть подтверждено. Далѣе позволимъ себѣ напомнить, что при посѣщеніи Ольвіи Діономъ Хрисостомомъ, какъ извѣстно изъ 36-й его рѣчи, городъ „былъ пристроенъ лишь къ небольшой части прежней городской черты, гдѣ остается еще нѣсколько башенъ, не соотвѣтствующихъ ни величинѣ, ни силѣ нынѣшняго города; находящееся между ними пространство тѣсно застроено домишками почти безъ промежутковъ и обнесено очень низенькою и непрочною стѣнкою. Нѣкоторыя башни стоятъ такъ далеко отъ заселенной нынѣ мѣстности, что нельзя даже представить себѣ, чтобы онѣ принадлежали одному городу". Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вскорѣ послѣ Діона Ольвія такъ разбогатѣла, что вмѣсто „низенькой и непрочной стѣнки" была построена массивная стѣна, столь густо усаженная башнями, что даже на прилегающей близко къ храму Зевса части ея было ихъ нѣсколько, и чтобы къ концу II в. по Р. Хр.[1]) эти башни пришли уже въ ветхость; наконецъ, г. фонъ-Штернъ лишь ad hoc приставилъ храмъ Зевса близко къ городской стѣнѣ и притомъ безъ всякихъ подкрѣпленій. Изъ того же Діона можно скорѣе заключить, что храмъ Зевса находился въ центрѣ города.

Впрочемъ почтенный издатель, очевидно, самъ чувствовалъ, что съ этими „башнями Зевсова храма" дѣло обстоитъ не совсѣмъ ладно, и счелъ нужнымъ посовѣтоваться о нихъ съ своимъ коллегою А. В. Никитскимъ, ученое объясненіе котораго и приводитъ въ своей статьѣ (стр. 16, примѣч.). Но и это объясненіе, на нашъ взглядъ, никакъ не можетъ претендовать на бо́льшую вѣроятность, чѣмъ предположеніе самого г. Штерна: изъ того обстоятельства, что πύργοι были въ периболѣ богатаго елевсинскаго храма (гдѣ, притомъ, ихъ присутствіе, по словамъ самого г. Никитскаго, могло быть объясняемо какими-либо мѣстными условіями), никакъ нельзя заключать, чтобы и въ бѣдномъ, захолустномъ городишкѣ

1) Къ этому времени относитъ надпись г. фонъ-Штернъ.

храмы окружались стѣнами съ башнями. Не проще ли будетъ думать, что эти интересные πύργοι κακῶς διακείμενοι перенесены въ нашу надпись въ готовомъ видѣ изъ Протогеновскаго документа, гдѣ въ B v. 44 — 45 они стоятъ en toutes lettres?

Что касается, наконецъ, личныхъ именъ архонтовъ, изъ которыхъ г. фонъ-Штернъ вывелъ такія широкія заключенія, то они намъ кажутся состряпанными по обычному рецепту, уже указанному выше.

II.

Разсмотрѣвъ въ предыдущихъ строкахъ двѣ надписи, заинтересовавшія насъ съ точки зрѣнія ихъ подлинности, мы считаемъ не лишнимъ теперь изложить наши наблюденія надъ исторіей развитія и постепеннаго усовершенствованія дѣятельности „южно-русской эпиграфической фабрики“. Наблюденія эти въ настоящее время могутъ быть произведены надъ цѣлымъ рядомъ ея произведеній и потому, надѣюсь, будутъ хотя до нѣкоторой степени согласны съ дѣйствительностью и, можетъ статься, будутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе.

До появленія въ свѣтъ 1-го тома нашего сборника надписей въ 1885 г. существовалъ, насколько намъ извѣстно, лишь одинъ *достовѣрный* образчикъ подлога, именно надпись на цилиндрическомъ каменномъ сосудѣ изъ Керчи въ коллекціи И. К. Суручана, изданная нами въ IosPE. II, № 236, какъ несомнѣнно списанная съ надписи античной[1]); *сомнительными* представляются намъ два камня изъ коллекціи П. О. Бурачкова, изданные въ IosPE. I, №№ 168 и 169[2]).

Затѣмъ, начиная съ 1885 года, въ общественные и частные музеи время отъ времени попадаютъ надписи, которыя въ настоящее время могутъ быть признаны *безусловно* поддѣльными. Первая изъ такихъ надписей попала въ музей

---

1) [Подлинная надпись найдена въ Керчи въ 1901 г. и издана нами въ *Изв. И. Арх. Ком.* в. 3, стр. 46, № 13].

2) Что касается до загадочныхъ надписей, изданныхъ нами въ IosPE. I, №№ 166 и 167 и въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* н. с. т. IV, стр. 132—138 подъ №№ 166[1]—[6], то хотя нѣкоторые ученые и склонны видѣть въ нихъ также произведенія современнаго фальсификатора, но я пока не считаю себя въ правѣ открыто становиться на ихъ сторону 1) въ виду того, что онѣ по внѣшнему виду и по формамъ своихъ письменныхъ знаковъ стоятъ совершенно особняко̀мъ, и мы не можемъ указать несомнѣннаго источника, изъ котораго всѣ эти знаки могли бы быть заимствованы, 2) потому, что я не имѣю поводовъ сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства И. К. Суручана, что одна изъ этихъ плитокъ найдена въ ольвійской гробницѣ подъ головою покойника. Вопросъ о происхожденіи этихъ плитокъ приходится пока оставить открытымъ. [Позднѣе я окончательно убѣдился въ ихъ поддѣльности].

И. К. Суручана и была издана мною въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* IV, стр. 139, № 168, и затѣмъ вмѣстѣ съ тремя другими, поступившими въ музей Одесскаго Общества исторіи и древностей, въ *Зап. Од. Общ.* т. XV, стр. 498—502, подъ заглавіемъ „Загадочныя ольвійскія надписи“ [1]). Способъ фабрикаціи этихъ четырехъ надписей одинъ и тотъ же: онѣ вырѣзаны на осколкахъ древнихъ мраморныхъ плитъ рѣзчикомъ, хорошо знакомымъ съ техникою своего ремесла, но совершенно не умѣвшимъ различать характеристическія особенности начертаній буквъ различныхъ эпохъ и потому ставившимъ буквы Римской эпохи рядомъ съ болѣе древними; тексты этихъ надписей составлялись людьми, умѣвшими только *читать* по-гречески, и состояли изъ набора отдѣльныхъ буквъ вперемежку съ словами, выхваченными наудачу изъ подлинныхъ документовъ [2]). Кромѣ указанныхъ надписей, къ этому періоду дѣятельности фабрики относятся еще слѣдующія: 1) надпись на мраморной четыреугольной колоннѣ, купленной у Очаковскаго еврея и найденной, по его словамъ, въ Аккерманѣ, изданная В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* XVI, стр. 12, № 3 [=IosPE. IV, app. n° XXII]. 2) надпись на мраморной плитѣ, находящаяся у профессора Ѳ. И. Успенскаго и изданная, какъ поддѣльная, проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ въ *Зап. Од. Общ.* XVII, стр. 22, прим. 2 [3]); 3 и 4) двѣ надписи на обломкахъ, находящіяся въ музеѣ И. К. Суручана [IosPE. IV, app. nn° XVI и XVII].

---

1) При изданіи ихъ я пользовался полученными отъ В. Н. Юргевича копіями и эстампажами, но *лично* камней не видѣлъ. Отмѣчаю это въ подтвержденіе предположенія, высказаннаго Э. Р. фонъ-Штерномъ въ *Зап. Од. Общ.* XVII, стр. 22, прим. 2.

2) Уже при первомъ изданіи надписи, принадлежащей г. Суручану (въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* l. c.), нами было отмѣчено, что она съ перваго же взгляда напоминаетъ надгробіе, помѣщенное въ нашемъ сборникѣ подъ № 121. Въ наибольшемъ изъ обломковъ, изданныхъ нами въ *Зап. Од. Общ.* (№ 1), кромѣ отдѣльныхъ греческихъ словъ, уже отмѣченныхъ нами при изданіи, нашлась слѣдующая весьма любопытная подробность: въ началѣ строкъ 4 и 5 этого обломка читаются буквы

ΤΟΜΒΩ ▨ ΚΑΡΟΝ
ΚΑΙΤΟ ▨

Эти самыя буквы оказались въ присланной И. К. Суручану въ 1887 году его корреспондентомъ-евреемъ невѣрной копіи надписи на посвященномъ Ахиллу жертвенникѣ, находящемся нынѣ въ музеѣ г. Суручана [IosPE. IV, № 63]. Замѣтивъ это совпаденіе, я вполнѣ убѣдился въ поддѣльности изданныхъ мною «загадочныхъ надписей», но не рѣшался заявлять объ этомъ печатно до тѣхъ поръ, пока не увижу ихъ собственными глазами, что удалось мнѣ только весною 1894 года.

3) Эта надпись представляетъ собою наиболѣе усовершенствованный образчикъ поддѣлокъ разсматриваемой категоріи, такъ какъ въ ней уже ясно замѣтно стремленіе составить связный греческій текстъ. Если исправить ошибки, сдѣланныя несомнѣнно рѣзчикомъ, по-

Въ началѣ 1890-хъ годовъ организаторы этой новой отрасли промышленности, быть можетъ замѣтивъ, что ихъ неумѣлыя поддѣлки возбуждаютъ сильное недоумѣніе, стали заботиться объ ихъ усовершенствованіи. Къ ихъ услугамъ для составленія текстовъ (рѣзчикъ остался тотъ же) явилось лицо, которое настолько мараковало по-гречески, что умѣло ловко выхватывать изъ подлинныхъ документовъ, изданныхъ въ нашемъ сборникѣ, цѣлыя фразы и склеивать ихъ между собою такъ, что получалось подобіе связнаго текста, подчасъ имѣвшаго вполнѣ ясный смыслъ; но при этомъ сочинитель текстовъ, какъ уже замѣчено выше, былъ до нельзя слабъ въ элементарной грамматикѣ (какъ въ этимологіи, такъ и въ синтаксисѣ) и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о различныхъ греческихъ діалектахъ, вслѣдствіе чего преспокойно уснащалъ quasi-ольвійскіе или тирасскіе документы дорическими фразами, а кромѣ того не имѣлъ понятія и о стилѣ документовъ разныхъ эпохъ. Наиболѣе типичными образчиками этого болѣе усовершенствованнаго способа фабрикаціи являются двѣ надписи, пріобрѣтенныя въ 1892 году И. К. Суручаномъ у очаковскаго еврея Гохмана и осмотрѣнныя мною въ маѣ 1893 года[1]). Обѣ онѣ весьма значительнаго объема (въ одной 30 строкъ, въ другой слишкомъ 25), одна вырѣзана, повидимому, на новой мраморной плитѣ, а другая на древней, нарочито пріобрѣтенной (какъ потомъ оказалось по произведенному г. Суручаномъ разслѣдованію) въ Керчи. Первая содержитъ декретъ въ честь Иросонта Протогенова, цѣликомъ склеенный (съ грубѣйшими грамматическими ошибками) изъ фразъ, встрѣчающихся въ подлинныхъ документахъ (IosPE. I, №№ 47, 24, 22, 25, 195, 199, 16, 26 и др.), и заключающій въ себѣ, между прочимъ, упоминаніе о Сарматскомъ царѣ Амагѣ, а вторая—составленный по образцу IosPE. I, № 22, съ подобнымъ же перечнемъ городовъ въ заголовкѣ, декретъ въ честь Никирата Папіева; въ немъ рука составителя разгулялась еще больше и нанизала фразы болѣе чѣмъ изъ десятка подлинныхъ ольвійскихъ и херсонисскихъ документовъ. Среди множества ошибокъ въ немъ есть одна особенность, весьма любопытная для характеристики фальси-

---

полнить пропущенныя буквы и возстановить недописанныя окончанія словъ, то текстъ получится въ слѣдующемъ видѣ: Πόλεως Ὀλβιοπ(ολιτῶν) ἐφιλοτειμησάμ(ην) ἐκ τῆς ἐξόδου πόλεως [ΑΙ] στρατηγ(όν) Παπίαν Πραξιάνακτος χρυσοῦς ἑκατ(όν) Θεόδωρος Τουμβάγ(ου) [ΞΕ] Τρύφ(ων) ΡΗΦΩΝΝΕ Ἰσταῖος Σαδαί(ου) ΛΕΙΟΦΑ[ν|]ΗΔΕΥ. Β | ΜΡ. Ἄβραγ(ος) Δημητρ(ίου) ΕΙ χρυσοῦς στρατηγήσαντ(ι) καλῶς καὶ ἀντίγραφον ἀποτεθῆναι εἰς τὰ δημόσια. Ἐγένετο ἐν Ὀλβιο μηνὸς Βοηδρομιῶνος γ'. Текстъ весьма любопытный для характеристики познаній фальсификатора. [Упомянута въ IosPE. IV, app. № XXVI].

1) [IosPE. IV, app. №№ XVIII и XIX].

фикатора: вмѣсто Θ вездѣ поставлено Φ[1]); отсюда мы имѣемъ право заключить, что составитель текста учился въ такой школѣ, гдѣ Θ и Φ не различались въ произношеніи, но учился такъ мало или такъ давно (а можетъ быть и такъ плохо), что совсѣмъ забылъ о существованіи Θ въ греческой азбукѣ. Что касается до характера письма этихъ образчиковъ, то въ первомъ еще наблюдается смѣшеніе формъ буквъ разныхъ эпохъ и замѣчается весьма близкое сходство съ почеркомъ письма вышеуказанныхъ надписей первой категоріи (такъ что ихъ можно съ полною увѣренностью считать произведеніями одного и того же рѣзчика), тогда какъ во второмъ стиль буквъ уже недурно выдержанъ въ духѣ римской эпохи. То же можно сказать и про третій образчикъ этой же категоріи—надпись на мраморной плитѣ, якобы найденной въ колоніи Шабо и купленной А. Л. Бертье-Делагардомъ въ маѣ 1893 г. у того же Гохмана для музея Одесскаго Общества исторіи и древностей. Она издана, какъ поддѣльная, В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* т. XVII, стр. 33[2]). Надпись вырѣзана, кажется, на древней мраморной плитѣ, характеръ буквъ хорошо выдержанъ, и хотя ошибки встрѣчаются еще въ изобиліи, но текстъ представляетъ уже не механическую склейку фразъ изъ подлинныхъ документовъ, а, такъ сказать, свободную композицію, хотя еще очень близко примыкающую къ образцамъ[3]).

Къ этой же категоріи можно отнести маленькую надпись, купленную для музея Од. Общества въ 1892 году и изданную В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* т. XVI, стр. 11, № 1[4]): она цѣликомъ списана съ № 118 нашего сборника, только съ перемѣною личныхъ именъ, при которой фальсификаторъ не обошелся безъ ошибки (Ἀχιλλεῖ ἈριστοκριτοϹ), но вырѣзана безукоризненно и характеръ буквъ вполнѣ выдержанъ. Сюда же можно было бы присоединить надписи на двухъ гранитныхъ лодочкахъ, пріобрѣтенныхъ въ 1891 году для Московскаго Историческаго музея изъ сел. Бейкушъ близъ Очакова, изданныя мною

---

1) Напр. φιλαφρωπία = φιλανθρωπία, ὕφεσι = ὕθεσι, πάφος = πάθος, Σκυφῶν = Σκυθῶν, μαφεῖν = μαθεῖν и т. п.

2) [= IosPE. IV, app. № XXVII].

3) Вотъ составъ надписи: формула Τυραν[οὶ] ἔδωκαν πολιτείαν составлена по образцу IosPE. I, № 8; форма Βοσπορεανῶι взята изъ № 115; имя съ отчествомъ Οὐάλεντι Φιλοκάλου составлено изъ двухъ именъ, встрѣчающихся въ тѣхъ же падежахъ въ № 2; πρεσβεύσαντα τὸ δεύτερον взято (съ ошибкой въ падежѣ) изъ № 199; титулъ императора составленъ по № 109; ὑπὲρ τῶν συμφερόντων τῆς πατρίδος—изъ № 200; καλῶς καὶ δημωφελῶς—изъ № 21; ταῦτ' ἔδοξε βουλῆ—изъ херсонесскихъ декретовъ и т. д.

4) [= IosPE IV, app. № XXI].

въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. V, стр. 363—4 [1]). В. Н. Юргевичъ еще ранѣе ихъ пріобрѣтенія въ Москву выразилъ сомнѣніе въ ихъ древнемъ происхожденіи [2]), а въ настоящее время я и самъ имѣю нѣкоторыя подозрѣнія на этотъ счетъ [3]), но, не видѣвъ лично этихъ камней, не рѣшаюсь высказаться окончательно [4]).

Наконецъ, къ третьей категоріи могутъ быть отнесены двѣ надписи, разсмотрѣнныя нами въ первой главѣ настоящей статьи: онѣ представляютъ собою наиболѣе совершенные образчики произведеній эпиграфической фабрики, являясь еще болѣе свободной композиціей, хотя и на „заимствованные сюжеты“ [5]). Остается выразить надежду, что эти два продукта высокаго качества будутъ и послѣдними произведеніями мошеннической шайки и что теперь, когда ея тайны раскрыты, заведенная ею фабрика должна будетъ поневолѣ прекратить свою дѣятельность за неимѣніемъ сбыта.

Октябрь 1894 г.

---

1) [= ibid. №№ XIII и XIV].

2) См. Протоколъ 258 засѣд. И. Од. Общ. ист. и древн., 5 апрѣля 1891 года.

3) См. *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. VII, стр. 78.

4) [Лично видѣлъ эти надписи въ 1896 г. и признаю поддѣльными].

5) У меня есть нѣкоторое невольно закравшееся подозрѣніе, что мы обладаемъ еще однимъ, вполнѣ безукоризненнымъ образчикомъ поддѣлки, но я не рѣшаюсь указывать на него, не будучи въ состояніи привести *вполнѣ убѣдительныхъ* доказательствъ своей мысли. [Нынѣ признаю и эту надпись поддѣльною. См. о ней IosPE. IV, app. № XX]. Замѣчу еще, что дѣятельность фабрики простирается не только на лапидарные памятники, но и на драгоцѣнныя вещи: извѣстно нѣсколько примѣровъ поддѣльныхъ надписей на золотыхъ вещахъ, повидимому, древняго происхожденія. [Вообще объ этихъ поддѣлкахъ см. статьи Э. Р. Фонъ-Штерна въ *Зап. Од. Общ.* т. XVIII, стр. 65—86 и въ *Журн. М. Н. Пр.*, декабрь 1896, отд. кл. фил. стр. 129—159; А. Л. Бертье-Делагарда въ *Зап. Од. Общ.* XIX, стр. 27—68].

Къ надписи Евпатерія.

1. Вопросъ о времени надписи[1]).

Въ числѣ эпиграфическихъ памятниковъ византійской эпохи, найденныхъ въ южной Россіи, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ, благодаря своему историческому значенію, давно извѣстная надпись, свидѣтельствующая о возобновленіи дворца (καισάριον) на Воспорѣ стратилатомъ и дукомъ херсонскимъ Евпатеріемъ по порученію одного изъ византійскихъ императоровъ. Отъ имени императора ясно сохранились только три буквы KIC, подавшія поводъ нѣкоторымъ изъ изслѣдователей, занимавшихся этой надписью, относить ее ко времени императора Маврикія, а другимъ — ко времени Исаака II Ангела. Само собою разумѣется, что, пока не опредѣлено съ точностью время документа, и онъ можетъ пріурочиваться то къ концу VI, то къ концу XII вѣка, имъ нельзя пользоваться при изученіи средневѣковой исторіи Воспора или Херсониса и ихъ отношеній къ Византіи. Поэтому, считая вопросъ о времени этого документа заслуживающимъ серьезнаго вниманія, мы рѣшаемся подвергнуть его разсмотрѣнію въ настоящей замѣткѣ; но предварительно, имѣя въ виду малую доступность большинства изданій, въ которыхъ онъ опубликованъ, считаемъ не лишнимъ дать подробное его описаніе съ точнымъ текстомъ и съ указаніемъ литературы.

Памятникъ представляетъ собою плиту изъ бѣлаго мрамора выш. 1 арш. 1 в. и шир. 2 арш. $5^1/_2$ в., украшенную съ обѣихъ сторонъ барельефными изображеніями крылатыхъ Побѣдъ, изъ коихъ каждая стоитъ одной ногой на шарѣ и держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, а въ лѣвой — пальмовую вѣтвь. Между барельефными

1) *Византійскій Временникъ*, т. I (1894), стр. 662—672 (подъ заглавіемъ: «Этюды по Византійской эпиграфикѣ. 2. Вопросъ о времени надписи Евпатерія»).

фами начертана довольно крупными буквами надпись, до сихъ поръ хорошо сохранившаяся, а подъ нею—два большихъ рельефныхъ знака, значеніе которыхъ опредѣлить трудно. Камень найденъ въ Тамани въ 1803 г. путешествовавшимъ тогда по Крыму П. И. Сумароковымъ, и надпись издана имъ въ соч. „Досуги Крымскаго судьи“, ч. II (Спб. 1805), стр. 127 и рис. 19. При описаніи Таманской земляной крѣпости авторъ говоритъ: „Проходя заросшіе тутъ бугры мы примѣтили нѣчто бѣлѣющееся въ густотѣ крапивы и бурьяна: то былъ мраморной камень съ Еллинскою надписью. Мы вырываемъ растѣнія, рисуемъ его, списываемъ слова, которые вѣдающій тотъ языкъ перевелъ намъ слѣдующимъ образомъ [слѣдуетъ довольно точный переводъ]. Отломленный уголъ скрываетъ годъ; но сей камень увѣряя содержаніемъ своимъ о бывшемъ великомъ зданіи подкрѣпляетъ мысль о существованіи важнаго здѣсь града“ и пр. На рисункѣ буквы надписи похожи на курсивныя, слова отдѣлены одно отъ другого и не вездѣ переданы точно.

Въ 1822 г. надпись вновь издалъ по копіи Стемпковскаго (обыкновенными печатными буквами, съ раздѣленіемъ словъ) Raoul-Rochette, Antiquités Grecques du Bosph. Cimm., pl. IX n° 5, а затѣмъ описалъ ее Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc. v. V (1843), p. 74, съ рисункомъ въ атласѣ, IV série, pl. XXVI a, fig. 6. Во время путешествія Дюбуа камень попрежнему лежалъ около Таманской церкви. Въ 1836 году онъ былъ уже въ Керченскомъ музеѣ, какъ видно изъ свидѣтельства Мурзакевича, помѣстившаго копію надписи въ своей статьѣ: „Поѣздка въ Крымъ въ 1836 г.“ въ *Журн. М. Н. Пр.* 1837 г., мартъ, стр. 679, № 6. Затѣмъ Ашикъ въ своей книгѣ „Воспорское царство“, ч. I, стр. 115 подъ № 43 сообщилъ текстъ и переводъ надписи съ краткими объясненіями и на табл. XII—рисунокъ рельефныхъ изображеній на камнѣ (безъ текста надписи). По рукописной копіи Дюбуа надпись издана (эпиграфическимъ шрифтомъ) Кирхгофомъ въ C. I. Gr. IV, № 8740.

Въ началѣ 50-хъ годовъ камень перевезенъ въ С.-Петербургъ въ Императорскій Эрмитажъ, гдѣ находится и понынѣ, и въ числѣ другихъ хранящихся тамъ памятниковъ изданъ Л. Э. Стефани въ Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854), т. II, № XXI. Тамъ же списалъ его Б. В. Кене и издалъ въ соч. „Музей покойнаго князя В. В. Кочубея“, т. I (Спб. 1856), стр. 207. Изъ трудовъ, въ которыхъ встрѣчаются упоминанія объ этомъ документѣ или объясненія къ нему, слѣдуетъ отмѣтить статью А. Л. Бертье-Делагарда о надписи импе-

ратора Зинона въ „*Запискахъ Одесскаго Общ. ист. и древн.*“, т. XVI (1893), стр. 45—88, въ которой на стр. 82 слѣд. разсмотрѣнъ вопросъ о времени памятника. Въ 1883 г. нами снята слѣдующая копія надписи[1]):

1 ✝ΠΡΟCΤΟΙCΛΟΙΠΟΙC
ΜΕΓΑΛΟΙCϏΘΑΥΜΑCΤΟΙC
ΚΑΤΟΡΘΟΜΑCΙϏΤΟΔΕΤΟ
ΛΑΜΠΡΟΝΕΝΒΟΟCΠΟΡΩ
5 ΚΕCΑΡΙΟΝΑΝΕΝΕΩCΕΝ N
[illegible]ΚΙCΟΘΥΕΒSϏΘΕΟΦΥΛΑΚΤΗΜΩ
ΔΕCΠΟΤΗCΔΙΑΤΟΥΓΝΗCΙΟΥΑΥΤΟΥ
ΔΟΥΛΟΕΥΠΑΤΕΡΙΟΤΟΕΝΔΟΞΟΤΑΤΟΥ
ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΟΥΚΑΙΔΟΥΚΟCΧΕΡCΩΝΟCΪΝΔΗ

Хотя надпись, какъ уже упомянуто, до сихъ поръ хорошо сохранилась, но всетаки ни одному изъ прежнихъ издателей, кромѣ Стефани, при передачѣ ея текста не удалось избѣжать нѣкоторыхъ неточностей. Мы отмѣтимъ только, что Сумароковъ, Дюбуа и Кене въ концѣ стр. 3 поставили букву Δ (у Ашика вмѣсто нея три точки), которую послѣдній объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „послѣдняя буква третьей строчки, похожая на Δ, можетъ есть буква Λ; неискусный рѣщикъ хотѣлъ можетъ быть начать въ третьей строчкѣ слово ΛΑΜΠΡΟΝ, но не найдя довольно мѣста, онъ оставилъ и даже немного стеръ букву Λ, чтобы помѣстить оную въ началѣ четвертой строчки“. Мы думаемъ, что здѣсь скорѣе неровность мрамора, которую по формѣ можно было принять за букву. Напротивъ, въ стр. 9 между буквами Τ и Ο слова ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΟΥ рѣзчикъ, дѣйствительно, сначала вырѣзалъ Υ, а затѣмъ, замѣтивъ свою ошибку, слегка сгладилъ эту букву и вслѣдъ за нею вырѣзалъ ΟΥ. Эта ошибка отмѣчена у Дюбуа, Кене и Стефани (изъ коихъ послѣдній, впрочемъ, оставилъ въ копіи только пустой промежутокъ между Τ и Ο).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, какое слово могло стоять въ началѣ 6-й строки. Изъ содержанія надписи ясно, что здѣсь несомнѣнно находилось имя

1) [Надпись переиздана нами въ *Сборникѣ христ. надписей изъ южной Россіи* (Спб. 1896), стр. 105—109, № 99, съ фототипическимъ снимкомъ на табл. XI. Ср. статью Ю. А. Кулаковскаго «Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка. (По поводу изъясненія надписи Евпатерія)» въ *Виз. Врем.* т. III, стр. 1 слѣд.].

императора, но оно *нарочно*, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, повреждено настолько, что отъ него остались только три послѣднія буквы KIC, а отъ предыдущихъ лишь кое-гдѣ замѣтны весьма слабые слѣды. Въ копіи Сумарокова читается въ этомъ мѣстѣ Н ⁞KIЄ, у Ашика ...KIЄ, у Дюбуа ⁞KIC послѣ пустого пространства, а у Стемпковскаго и Стефани—только KIC. Кене даетъ въ текстѣ надписи полное имя MAYPIKIC, но затѣмъ замѣчаетъ, что „имя лица, воздвигнувшаго этотъ памятникъ, искажено рукою, враждебною его памяти", и что „ясно видны только послѣднія четыре буквы: IKIC". Наконецъ, А. Л. Бертье-Делагардъ въ ук. ст. (стр. 83) говоритъ: „Эта надпись издана раньше знаменитыхъ ученыхъ простыми, не компетентными путешественниками, Сумароковымъ и Дюбуа; оба они, даже и не пробуя объяснять надпись, показали, однако, въ концѣ имени императора ...IKIC, что съ достаточною ясностью видно на мраморѣ и по сей часъ; кромѣ того, Сумароковъ показалъ, хотя и полустертымъ, но все же виднымъ M - - - ⁞KIC; тщательно присматриваясь къ надписи, я въ ней вижу MA - - ⁞KIC". Слѣдуетъ замѣтить, что г. Бертье-Делагардъ не вполнѣ точно воспроизвелъ чтеніе Сумарокова; относительно же его собственнаго чтенія приходится предположить, что авторъ, увлеченный желаніемъ рѣшить вопросъ о времени надписи въ извѣстномъ смыслѣ, видѣлъ на камнѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ и чѣмъ видѣли другія лица, списывавшія надпись за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше. Буквы, сохранившіяся отъ имени императора, безъ сомнѣнія останавливали на себѣ особенное вниманіе всѣхъ изслѣдователей, но *никто* изъ нихъ (даже Кене, который, подобно г. Бертье-Делагарду, былъ убѣжденъ въ принадлежности надписи времени Маврикія) не видалъ въ началѣ строки буквъ MA. Что касается до насъ лично, то мы, при внимательномъ и неоднократномъ разсмотрѣніи даннаго мѣста надписи, замѣтили въ началѣ строки чуть видную вертикальную черту, затѣмъ, немного отступя, половину косой, идущей справа налѣво, и передъ ясно видными буквами KIC — также чуть замѣтную черту, повидимому вертикальную. Такимъ образомъ изъ сопоставленія всѣхъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что отъ намѣренно изглаженнаго имени императора ясно сохранились послѣднія три буквы KIC, передъ ними слабо замѣтна ⁞ и въ началѣ чуть видны остатки, *могущіе* принадлежать буквѣ M. Этихъ данныхъ, очевидно, не достаточно для того, чтобы съ полной увѣренностью рѣшить вопросъ о возстановленіи имени императора. Необходимо для подкрѣпленія обратиться къ другимъ соображеніямъ.

Въ числѣ византійскихъ императоровъ не было ни одного съ именемъ, оканчивающимся на -κις. Извѣстно, однако, 1) что въ римскія и византійскія времена личныя имена съ окончаніемъ -ιος нерѣдко употреблялись въ сокращенной формѣ на ις[1]), и 2) что окончаніе -κις легко могло быть употреблено, согласно тогдашнему произношенію, вмѣсто -κης. Примѣняя одно изъ этихъ соображеній, мы получаемъ подходящія имена: 1) Μαυρίκιος, т. е. императора Маврикія, царствовавшаго съ 582 по 602 г., 2) Ἰσαάκης или Ἰσαάκιος[2]), т. е. Исаака II Ангела, царствовавшаго въ 1185—1195 и 1203—1204[3]). Къ одному изъ этихъ двухъ императоровъ и пріурочивали надпись ученые, занимавшіеся вопросомъ объ ея времени. Такъ, Кирхгофъ (въ C. I. Gr.), возстановивъ въ текстѣ [Ἰσαά]κις, замѣчаетъ: „Quodsi vs. 6. recte a Franzio [Ἰσαά]κις restitutum est in schedis et vera est v. 9. lectio Duboisiana ΙΝΔΗ, annus tituli est p. Chr. 1190, sextus Isaacii Angeli imperatoris“[4]). Напротивъ, Кено и А. Л. Бертье-Делагардъ рѣшительно относятъ памятникъ ко времени Маврикія, при чемъ первый, собственно говоря, не приводитъ никакихъ существенныхъ данныхъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія[5]), а второй, кромѣ собственной провѣрки чтенія даннаго мѣста на камнѣ, представляетъ нѣсколько основательныхъ соображеній, съ которыми нельзя не согласиться[6]). Справедливо поставивъ вопросъ: „Неужели же эта надпись ни въ своемъ начертаніи, ни въ существѣ не даетъ возможности болѣе близкаго пріуроченія ея по времени, а можетъ быть относима учеными и

---

1) Cp. F. G. Benseler, De nominibus propriis... in ις ιν pro ιος ιον terminatis. Diss. Lips. 1870.

2) Имя Ἰσαάκ употреблялось также въ формахъ Ἰσαάκης и Ἰσαάκιος. См. цитаты въ Pape-Benseler's Wörterb. d. Griech. Eigennamen s. v.

3) Ставракій (811) и Исаакъ I Комнинъ (1057—1059) должны быть исключены уже потому, что при нихъ не было годовъ 8-го индикта.

4) Этому мнѣнію слѣдуютъ, между прочимъ, В. Г. Васильевскій, Русско-Визант. изслѣд. вып. II, Спб. 1893, стр. CLXXVII («Житіе св. Стефана Сурожскаго») и Толстой-Кондаковъ, Русскія древности въ пам. искусства, вып. IV (1891), отр. 14.

5) Разсужденіе его о словѣ δεσπότης совершенно ошибочно.

6) Стефани въ вопросѣ о времени надписи ограничился замѣчаніемъ: «Жаль, что имя Византійскаго Императора, которое здѣсь должно предполагать, уничтожено съ намѣреніемъ. Изъ того, что Евпатерій въ надписи называется στρατηλάτης καὶ δοὺξ Χερσῶνος, а не πρωτεύων, очевидно, что памятникъ не могъ быть сооруженъ ранѣе царствованія императора Θеофила [ссылка: Muralt, Essai de Chronographie Byzantine, стр. 415]. Но ближе невозможно опредѣлить эпоху, къ которой принадлежитъ эта занимательная надпись». Изъ этого замѣчанія очевидно, что авторъ съ одной стороны не обратилъ должнаго вниманія на сохранившіяся отъ имени императора буквы ΚΙϹ, а съ другой—безусловно вѣрилъ свидѣтельству Константина Багрянороднаго, что Херсонисъ до Θеофила управлялся своими собственными магистратами (πρωτεύοντες).

къ концу VI, и къ концу XII вѣковъ, т. е. на 6 вѣковъ разницы"?—г. Бертье-Делагардъ отклоняетъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса „по признакамъ палеографо-лингвистическимъ", но указываетъ нѣкоторые другіе. Во-первыхъ, по изображенію и стилю двухъ крылатыхъ геніевъ съ вѣнками, находящихся по сторонамъ надписи, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ невозможность отнести надпись къ концу XII вѣка, находя въ нихъ „не что иное, какъ переживаніе распространенныхъ изображеній языческаго времени", и утверждая, что этотъ типъ изображеній совершенно, навсегда прекращается съ царствованіемъ Ираклія I, т. е. съ началомъ VII вѣка. Опуская слѣдующую далѣе попытку объясненія находящихся внизу надписи знаковъ, какъ весьма сомнительную, укажемъ на замѣчаніе г. Бертье-Делагарда, „что и по сущности надпись вяжется несравненно лучше съ царствованіемъ Маврикія (пораженіе турецкихъ ордъ, при Тиверіи II еще осаждавшихъ Херсонесъ), чѣмъ съ царствованіемъ Исаака II Ангела, едва ли имѣвшаго возможность совершить великіе и чудесные подвиги на Босфорѣ, да еще и строить тамъ блистательные памятники, какъ о томъ говоритъ наша надпись; онъ все время воевалъ (надпись VIII индикта, который былъ при Исаакѣ въ 1190 году) съ сицилійцами, турками, сербами, болгарами и крестоносцами, гдѣ уже ему было думать о Крымѣ, на что впрочемъ никакого указанія и не сохранилось".

Къ этимъ доводамъ можно прибавить нѣсколько соображеній изъ той области, отъ которой уклонился г. Бертье-Делагардъ. 1) Хотя форма буквъ эпиграфическихъ памятниковъ въ римскія и византійскія времена не можетъ служить столь надежнымъ хронологическимъ указателемъ, какъ во времена, предшествующія нашей эрѣ, но тѣмъ не менѣе между характеромъ письма на камняхъ въ VI и въ XII вѣкахъ есть большая разница, и письмо нашего памятника гораздо скорѣе можетъ быть отнесено къ первому, нежели къ послѣднему, представляя, въ сущности, весьма небольшія отличія отъ формъ буквъ, употреблявшихся на Воспорѣ даже въ первые вѣка по Р. Хр., и имѣя близкое сходство съ письмомъ воспорскихъ памятниковъ IV — VI вѣковъ [1]). 2) Прекрасно выдержанная ореографія

1) Укажемъ для примѣра на слѣдующіе воспорскіе памятники: 1) надпись Стораны средины IV в. по Р. Хр., IosPE. II, № 182²; 2) надпись времени царя Диптуна, V в. по Р. Хр., *ibid.* № 49¹; 3) надпись Сорака въ катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1890 г., изд. Х. П. Ящуржинскимъ въ *Изв. Таврич. уч. арх. комиссіи*, № 10 (1890 г.), стр. 111 сл. [=IosPE. IV, № 342]; 4) надписи въ Керченской христіанской катакомбѣ 491 г., изд. Ю. А. Кулаковскимъ въ *Мат. по арх. Россіи, изд. Имп. Археолог. Комм.*, № 6 (1891 г.); 5) най-

также свидѣтельствуетъ въ пользу такого времени, когда еще не былъ утраченъ навыкъ къ правильному письму, и въ XII вѣкѣ была бы просто удивительною: во всемъ текстѣ, не считая описокъ (ЄVЄBS и ΘЄΟΦΥΛΑΚΠ вм. ΘЄΟΦΥΛΑΚΤS), имѣются только двѣ незначительныя и вполнѣ извинительныя ошибки (ΚΑΤΟΡΘΟΜΑCΙ и ΚЄCΑΡΙΟΝ), объясняющіяся тогдашнимъ произношеніемъ; даже извѣстная надпись имп. Зинона[1]), которая цѣлымъ столѣтіемъ древнѣе нашей, написана гораздо менѣе грамотно. 3) Съ этой же надписью Зинона и вообще съ памятниками V—VI вѣковъ сближаютъ нашу надпись такіе внѣшніе признаки, какъ крестикъ предъ началомъ надписи и знакъ S для обозначенія сокращенія словъ, тогда какъ позднѣе сокращенія обыкновенно обозначались титлами. 4) Гораздо болѣе важный признакъ представляетъ императорскій титулъ εὐσεβέστατος καὶ θεοφύλακτος δεσπότης: эпиграфическій матеріалъ, собранный въ IV томѣ Corporis inscript. Graec., свидѣтельствуетъ, что эпитетъ εὐσεβής или εὐσεβέστατος былъ въ употребленіи почти при всѣхъ византійскихъ императорахъ, начиная отъ Льва I и кончая Іоанномъ VI[2]); но эпитетъ θεοφύλακτος появляется только при Тиберіи II (578—582; C. I. Gr. 8646) и не встрѣчается, повидимому, послѣ Льва III и Константина V[3]); соединеніе же обоихъ прилагательныхъ въ титулѣ въ тожественной съ нашей надписью формѣ является только въ смирнской надписи № 8659, относимой издателемъ „Корпуса“ предположительно къ 641 году[4]), стало быть, гораздо болѣе близкой по времени къ императору Маврикію, нежели къ Исааку Ангелу. Императорамъ XI и XII вѣковъ усваиваются въ надписяхъ совершенно иные титулы: φιλόχρι-

---

денная въ 1893 г. на Таманскомъ полуостровѣ надпись времени импер. Юстиніана [Сборн. христ. надп., № 98]. Надписи 1, 3, 4 [и 5] изданы въ точныхъ снимкахъ. Съ другой стороны, въ качествѣ образчиковъ письма XII в. можно указать изданныя также facsimile: 1) херсонисскую надпись 1183 г. (*Мат. по арх. Россіи*, вып. 9, стр. 38, № 32 [= Сборн. христ. надп., № 27]), 2) надпись изъ Драмы 1145 г. (ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλλ. φιλ. σύλλογος. Παράρτημα τοῦ ιζ' τόμου, σ. 109 ἀρ. 4) и др.

1) C. I. Gr. 8621 [= Сборн. христ. надп., № 7].

2) При Львѣ I—C. I. Gr. 8619; при Іоаннѣ VI—*ibid.* 8780 и 8781.

3) C. I. Gr. 9543. О надписи № 8789 (Νικᾷ ἡ τύχη Κωνσταντίνου τοῦ θεοφυλάκτου ἡμῶν δεσπότου) трудно сказать съ достовѣрностью, къ которому Константину она относится.

4) Въ надписи сохранились только имена и титулъ:... Κωνσταντίνων τῶν νέων, Ἡρακλήου καὶ Ἡρακλήου, τῶν εὐσεβεστάτων καὶ θεοφυλάκτων ἡμῶν δεσπ(οτῶν). Издатель замѣчаетъ: «Pertinere videtur fragmentum ad Heraclium II, cognomento novi Constantini vulgo insignitum, qui cum fratre Heraclio, quem Heracleonam vulgo dicunt, paucos menses imperavit a. 641..., aut ad filium eius Fl. Heraclium, Constantinum et ipsum appellatum sive Constantem, quem mortuo patre Heraclio in regni consortium adoptare coactus est Heracleonas patruus».

στος δεσπότης[1]), εὐσεβὴς αὐτοκράτωρ[2]), φιλόχριστος βασιλεὺς Ῥωμαίων[3]), μέγας βασιλεὺς πορφυρογέννητος[4]), εὐσεβέστατος καὶ φιλόχριστος βασιλεύς[5]) и пр. Съ исторической точки зрѣнія возобновленіе дворца на Воспорѣ по повелѣнію византійскаго императора, а равно и существованіе византійскихъ правителей въ Херсонисѣ во времена Маврикія не представляютъ ровно ничего страннаго: относительно Воспора извѣстно, что онъ подчинился верховной власти Византіи при императорѣ Юстинѣ[6]), а затѣмъ при Юстиніанѣ, послѣ возмущенія Гунновъ, посланныя императоромъ войска возстановили и утвердили его господство, и Воспоръ, по словамъ Малалы, „сталъ жить въ мирѣ подъ Римскою властью“[7]); что же касается до Херсониса, то г. Бертье-Делагардъ въ указанной статьѣ (стр. 85 сл.) собралъ цѣлый рядъ данныхъ въ подтвержденіе того, что этотъ городъ въ интересующее насъ время находился подъ верховною властью Византіи и, стало быть, могъ быть ввѣренъ управленію византійскаго „стратилата и дука“.

Остается вопросъ: не могутъ ли самые титулы, только что нами упомянутые, служить препятствіемъ къ пріуроченію надписи ко времени Маврикія? Существующія свѣдѣнія объ этихъ названіяхъ даютъ право сразу отвѣтить, что ихъ упоминаніе въ надписи скорѣе благопріятствуетъ этому пріуроченію, нежели препятствуетъ ему. Терминъ στρατηλάτης соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, латинскому *magister militum*. Это названіе впервые является при Константинѣ Великомъ, который учредилъ двухъ стратилатовъ: одного для командованія конницею и другого для пѣхоты, съ предоставленіемъ имъ власти „строить воиновъ и наказывать провинившихся“[8]). Ко времени Θеодосія число ихъ увеличилось до пяти, при чемъ двое были при дворѣ (in praesenti), а трое командовали войсками

---

1) Никифоръ III Вотаніатъ, C. I. Gr. 8715.

2—4) Мануилъ I, *ibid.* 8790, 8734, 8736.

5) Михаилъ VIII, *ibid.* 8755.

6) Proc. *De b. Pers.* I, 12.

7) Malalae *Chron.* p. 431 (ed. Bonn.). Cf. Proc. *De aedif.* III, 7, p. 271 ed. Bonn. Ср. зам. В. Г. Васильевскаго въ *Журн. М. Н. Пр.* 1878, янв., стр. 114 сл.—F. Braun, Die letzten Schicksale d. Krimgoten въ *Jahresber. d. Reform. Kirchenschule für 1889—90* (S.-Petersb. 1890), p. 7. sq.

8) Zosim. II, 33: ... [Κωνσταντῖνος] ταύτῃ διελόμενος τὴν τῶν ὑπάρχων ἀρχὴν καὶ ἄλλοις τρόποις ἐλαττῶσαι ταύτην ἐσπούδασεν· ἐφεστώτων γὰρ τοῖς ἁπανταχοῦ στρατιώταις οὐ μόνον ἑκατοντάρχων καὶ χιλιάρχων, ἀλλὰ καὶ τῶν λεγομένων δουκῶν, οἳ στρατηγῶν ἐν ἑκάστῳ τόπῳ τάξιν ἐπεῖχον, στρατηλάτας καταστήσας, τὸν μὲν τῆς ἵππου, τὸν δὲ τῶν πεζῶν, εἰς τούτους τε τὴν ἐξουσίαν τοῦ τάττειν στρατιώτας καὶ τιμωρεῖσθαι τοὺς ἁμαρτάνοντας μεταθείς, παρείλετο καὶ ταύτης τοὺς ὑπάρχους τῆς αὐθεντίας.

въ провинціяхъ: одинъ *per Orientem*, другой *per Thracias* и третій *per Illyricum*[1]). Затѣмъ императоры назначали ихъ и по другимъ провинціямъ. Такъ, Ѳеофанъ говоритъ, что императоръ Юстиніанъ въ первый годъ своего царствованія впервые назначилъ стратилата въ Арменію[2]). Съ теченіемъ времени въ каждой провинціи явились стратилаты въ качествѣ главныхъ военныхъ начальниковъ[3]), но затѣмъ мало-по-малу ихъ титулъ сталъ замѣняться титуломъ стратига, и со временъ Константина Порфиророднаго положеніе стратилата въ служебной іерархіи стало ниже положенія стратига[4]).

Терминъ δούξ, представляющій собою транскрипцію латинскаго *dux*, весьма часто встрѣчается въ византійской администраціи. Уже въ III в. по Р. Хр. этотъ терминъ сталъ обозначать опредѣленныхъ должностныхъ лицъ[5]). При Константинѣ Великомъ *duces* были введены въ новую систему военной организаціи въ качествѣ непосредственныхъ начальниковъ военныхъ корпусовъ, подчиненныхъ главному начальству magistrorum militum[6]). Кромѣ того, подъ начальствомъ *дуковъ* находились военныя силы, расквартированныя по границамъ имперіи для ихъ охраны (riparienses или limitanei)[7]). Во время составленія Notitiae dignitatum (411—413 по Р. Хр.) въ Восточной имперіи было 13 duces, именно 2 per Aegyptum, 6 per Orientem, 1 per Ponticam, 2 per Thracias (Moesiae Secundae и Scythiae) и 2 per Illyricum[8]). Позднѣе число ихъ постепенно возрастало, и они весьма нерѣдко встрѣчаются у византійскихъ писателей въ качествѣ самостоятельныхъ военныхъ начальниковъ провинцій и отдѣльныхъ городовъ[9]), преиму-

1) *Notitia dign. Orientis* (ed. Böcking), p. 3. Ср. H. Schiller, Geschichte d. Röm. Kaiserzeit, II (Gotha 1887), p. 90.

2) Theoph. *Chron.* I p. 175 (ed. de Boor): προεβάλετο δὲ ὁ βασιλεὺς στρατηλάτην Ἀρμενίας Τζίταν, ἄνδρα πολεμικὸν καὶ ἱκανώτατον· οὐ γὰρ εἶχεν ἡ Ἀρμενία στρατηλάτην, ἀλλὰ δοῦκας καὶ κόμητας.

3) *Schol. Basilic.* ad l. 60, tit. 35.

4) G. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin (Par. 1884), стр. 366: «C'était un titre plutôt ancien qui fut peu à peu remplacé par celui de stratège. On ne le retrouve plus dans les énumérations de Codinus. Dès l'époque de Constantin Porphyrogénète la dignité de *stratilate* était inférieure à celle de stratège, puisque nous voyons qu'un *stratège* commandait à de nombreux *stratilates*, chefs eux mêmes de la garnison d'une ville ou d'une forteresse».

5) Schiller, ук. соч. стр. 44: «Das 3. Jahrhundert hatte nun den praesides in den Provinzen, welche an der Grenze von Feinden bedroht waren, eigene Commandeure (duces) zur Seite gegeben, welche für alle militärischen Bedürfnisse kompetent sind, während der praeses auf die Zivilverwaltung beschränkt bleibt».

6) Schiller, ук. соч. стр. 92.

7) *Ibid.* стр. 93.

8) *Not. dign. Orientis* p. 4—5 Böcking.

9) Множество цитатъ указано у Дюканжа, Glossar. graecit. s. vv. δούξ и δουκάτον.

щественно пограничныхъ или удаленныхъ отъ столицы, тогда какъ старыя провинціи находились обыкновенно подъ управленіемъ стратилатовъ или стратиговъ [1]). Такимъ образомъ нахожденіе византійскаго дука на такой окраинѣ имперіи, какую представлялъ собою Херсонъ, при императорѣ Маврикіи было совершенно въ порядкѣ вещей. При императорѣ Θеофилѣ (829—842), по предложенію Петроны Каматира, была образована особая Херсонская область (θέμα) и для управленія ею сталъ посылаться особый стратигъ. Такой порядокъ продолжался еще при Константинѣ Порфирородномъ [2]) и даже въ XI в., какъ можно судить по сохранившимся печатямъ византійскихъ правителей Херсона [3]). Кромѣ стратиговъ, на печатяхъ упоминаются еще κομερκιάριοι Χερσῶνος, но ни разу не встрѣчаются δοῦκες, такъ что появленіе византійскаго дука въ Херсонѣ при Исаакѣ II было бы совершенно неожиданно.

Сопоставленіе двухъ степеней служебной іерархіи (στρατηλάτης καὶ δοὺξ Χερσῶνος) при имени Евпатерія слѣдуетъ, мнѣ кажется, понимать въ томъ смыслѣ, что Евпатерій, состоя въ рангѣ стратилата, занималъ должность дука въ Херсонѣ, т. е., иначе говоря, что слово Χερσῶνος служитъ опредѣленіемъ только къ δουκός, а не къ обоимъ существительнымъ вмѣстѣ. Подобнымъ образомъ читается на упомянутыхъ печатяхъ: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος и т. п.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній важнымъ доводомъ въ пользу чтенія [Μαυρί]κις въ нашей надписи можетъ служить и буква I предъ окончаніемъ KIC, замѣченная почти всѣми изслѣдователями надписи, и мнѣ кажется, что мы имѣемъ *несомнѣнное* право возстановить въ ней имя Маврикія и отнести ее къ 590 г. по Р. Хр., на который падаетъ единственный годъ 8-го индикта въ царствованіе этого императора.

Въ заключеніе представляемъ транскрипцію и точный переводъ надписи:

† Πρὸς τοῖς λοιποῖς
μεγάλοις κ(αὶ) θαυμαστοῖς

---

1) Schlumberger, ук. соч. стр. 341.

2) *De admin. imp.* c. VI (ed. Bonn. p. 71). Краткую исторію Херсонской осмы см. у Schlumberger'а въ ук. соч. стр. 235—6. Ср. гр. И. И. Толстой, О византт. печатяхъ Херсонской осмы въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. II, стр. 28—43; Ѳ. И. Успенскій, Византт. владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв., *Кіевская Стар.* 1889, май—іюнь, стр. 253—294; В. Г. Васильевскій, О построеніи крѣп. Саркела (полем. замѣтка по поводу пред. статьи) въ *Журн. М. Н. Пр.* 1889, окт., стр. 273—289.

3) Schlumberger, ук. с. стр. 237 сл.

κατορθ(ώ)μασι κ(αὶ) τόδε τὸ
λαμπρὸν ἐν Βοσπόρῳ
κ(αι)σάριον ἀνενέωσεν
[Μαυρί]κις ὁ εὐ[σ]εβ(έστατος) κ(αὶ) θεοφύλακ(τος) ἡμῶν
δεσπότης διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ
δούλου Εὐπατερίου, τοῦ ἐνδοξοτάτου
στρατηλάτου καὶ δουκὸς Χερσῶνος. Ἰνδ(ικτιῶνος) η΄.

„Сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и сіе славное на Воспорѣ кесарское зданіе возобновилъ Маврикій, благочестивѣйшій и богохранимый нашъ владыка чрезъ собственнаго своего раба Евпатерія, славнѣйшаго стратилата и дука Херсонскаго. Индикта 8-го".

---

2. О выраженіи γνήσιος δοῦλος въ надписи Евпатерія[1]).

Въ 1894 году въ I томѣ журнала „Византійскій Временникъ" на стр. 662—672 [= выше, стр. 201—211] нами помѣщена замѣтка о времени надписи Евпатерія, открытой въ 1803 г. Сумароковымъ въ Тамани и гласящей о возобновленіи на Воспорѣ царскаго дворца лицомъ, имя котораго не вполнѣ сохранилось на камнѣ, но которое названо „благочестивѣйшимъ и богохранимымъ владыкою", при чемъ возобновленіе совершено черезъ посредство „славнѣйшаго стратилата и дука Херсонскаго" Евпатерія, назвавшаго себя природнымъ рабомъ (γνήσιος δοῦλος) этого лица. Вопреки мнѣнію ученыхъ, относившихъ эту надпись ко времени византійскаго императора Исаака II Ангела, мы, согласно съ Б. В. Кёне и А. Л. Бертье-Делагардомъ, полагали, что надпись относится къ царствованію императора Маврикія и именно къ 590 году, и старались обосновать эту датировку данными, опирающимися на характеръ письма и содержаніе памятника. По поводу нашей замѣтки проф. Ю. А. Кулаковскій помѣстилъ въ III томѣ „Виз. Временника" (стр. 1—17) статью подъ заглавіемъ: „Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка", въ которой доказывалъ положительную невозможность пріурочить надпись ко времени императора Маврикія. Основанія своего разногласія самъ г. Кулаковскій въ другомъ мѣстѣ[2]) резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: „Что

1) *Записки Имп. Одесскаго Общества исторіи и древн.*, т. XXI (1898), стр. 245—250.
2) *Виз. Врем.* т. IV, стр. 235.

касается до насъ, то, принимая свидѣтельство палеографіи въ томъ смыслѣ, какъ отстаиваетъ его г. Латышевъ, мы доказывали, что *при Маврикіи* Византія не могла имѣть никакого отношенія къ Боспору; а отсюда предположеніе: если надпись относится къ VI вѣку, то „нашъ владыка“ не есть императоръ, а какой-нибудь варваръ, временно утвердившій свою власть надъ Крымомъ и Таманскимъ полуостровомъ, который [т. е. варваръ] остался намъ неизвѣстенъ изъ историческихъ источниковъ, сохранившихъ вообще довольно скудныя свѣдѣнія объ этой далекой окраинѣ культурнаго міра“. Въ числѣ доводовъ, направленныхъ противъ отнесенія надписи къ византійскому императору Маврикію, г. Кулаковскій указалъ и на то, что я „оставилъ безъ объясненія обстоятельство, не лишенное также значенія, а именно: можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ военнымъ званіемъ въ имперіи, назвалъ себя на официальномъ документѣ „собственнымъ рабомъ“ своего государя?“.

Вскорѣ затѣмъ, издавая надпись Евпатерія въ „Сборникѣ греческихъ надписей христ. временъ изъ южной Россіи“, вышедшемъ въ свѣтъ въ концѣ 1896 г. (подъ № 99), я замѣтилъ слѣдующее (стр. 108): „Не считая развитыя г. Кулаковскимъ въ указанной статьѣ соображенія настолько убѣдительными, чтобы они заставили насъ отказаться отъ мнѣнія о принадлежности надписи ко времени византійскаго императора Маврикія, мы, однако, къ сожалѣнію, вынуждены отложить подробное разсмотрѣніе этихъ соображеній до болѣе свободнаго времени“ (Этотъ недостатокъ свободнаго времени, не говоря о другихъ причинахъ, объяснялся тѣмъ, что нашъ сборникъ долженъ былъ явиться въ свѣтъ къ опредѣленному сроку, именно къ 50-лѣтнему юбилею Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества). Такимъ образомъ я остался въ долгу предъ своимъ уважаемымъ противникомъ и до сихъ поръ не имѣлъ еще случая разсмотрѣть его соображенія.

Между тѣмъ уже вскорѣ послѣ появленія статьи г. Кулаковскаго, въ томъ же III томѣ „Виз. Временника“, П. В. Безобразовъ въ рецензіи на книгу Schlumberger'a „Mélanges d'archéologie Byzantine“ при случаѣ коснулся (на стр. 675) вопроса г. Кулаковскаго, можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы высшіе византійскіе сановники называли себя рабами своего государя, и заявилъ, что „вообще подобныхъ примѣровъ можно привести не одинъ, а сколько угодно“; подтвердивъ это положеніе нѣсколькими примѣрами изъ 6-го тома Acta graeca Миклошича, г. Безобразовъ въ заключеніе замѣтилъ, что византійскій терминъ

„рабъ царя“ вполнѣ соотвѣтствуетъ „холопу“ Московскаго государства и нашему слову „вѣрноподданный“. Это замѣчаніе г. Безобразова не удовлетворило, однако, г. Кулаковскаго: въ своей лестной рецензіи на нашъ „Сборникъ греч. надписей христ. временъ“, помѣщенной въ „Виз. Временникѣ“ т. IV, стр. 232 — 238, почтенный профессоръ заявилъ, что въ указанныхъ г. Безобразовымъ документахъ XII и послѣдующихъ вѣковъ онъ не можетъ признать возраженія себѣ по существу вопроса и продолжаетъ думать, что *для VI вѣка* такой эпитетъ стратилата является болѣе чѣмъ сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ нуждается въ подтвержденіи прямымъ свидѣтельствомъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ разныхъ областяхъ средневѣковой жизни Крыма привели Ю. А. Кулаковскаго къ иному взгляду на періодъ, къ которому относится надпись Евпатерія: въ недавней статьѣ своей „Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ“ [1]) онъ признаетъ, хотя и условно, возможность читать имя императора Маврикія въ этой надписи. „Если въ извѣстной надписи стратилата Евпатерія“, говоритъ почтенный авторъ на стр. 179, „слѣдуетъ читать имя императора Маврикія, то она даетъ намъ прямое свидѣтельство, что въ 590 году, т. е. вскорѣ послѣ появленія турокъ въ Крыму, въ Херсонѣ былъ византійскій *дуксъ*, который самостоятельно распоряжался отъ имени императора и на азіатскомъ берегу Боспора Киммерійскаго. При такомъ толкованіи этой надписи мы получаемъ изъ нея свидѣтельство о томъ, что завоевательное движеніе Турксанеа было явленіемъ преходящимъ и не только не отторгло греческихъ городовъ черноморскаго побережья отъ Византіи, но, быть можетъ, повело къ установленію болѣе тѣсной зависимости ихъ отъ культурнаго центра восточнаго міра. Какъ бы ни обстоялъ вопросъ объ этой надписи, можно сказать съ полною увѣренностью, что Херсонъ не былъ взятъ „турками“, такъ какъ въ теченіе всего VII вѣка онъ оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Византіи“, и т. д.

Этими словами Ю. А. Кулаковскій, собственно говоря, снимаетъ съ насъ обязанность разсматривать и опровергать соображенія, высказанныя имъ въ первой статьѣ о надписи Евпатерія. Но такъ какъ изъ возраженія почтеннаго профессора П. В. Безобразову видно, что онъ продолжаетъ сомнѣваться въ возможности употребленія выраженія γνήσιος δοῦλος сановникомъ по отношенію къ императору въ документѣ VI вѣка, то мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь нѣсколько

1) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1898, февраль, стр. 173—202.

данныхъ по этому спеціальному вопросу, въ дополненіе къ указаніямъ г. Безобразова, въ надеждѣ при помощи ихъ вполнѣ уладить остающіяся еще сомнѣнія въ вопросѣ о времени надписи Евпатерія. Но прежде чѣмъ приступить къ указанію документальныхъ данныхъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма ко мнѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ византинистовъ, Д. Ѳ. Бѣляева, авторитета котораго въ разныхъ вопросахъ византиновѣдѣнія, конечно, не станетъ отрицать Ю. А. Кулаковскій. Письмо написано 22 октября 1896 г., т. е. вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ того выпуска III тома „Виз. Временника“, въ которомъ помѣщено возраженіе г. Кулаковскаго. „Что касается до γνήσιος δοῦλος — писалъ Д. Ѳ. Бѣляевъ, — то это выраженіе очень обычно и всѣ подданные византійскаго царя относительно его мнили себя рабами и величали какъ себя, такъ и другихъ, даже сановниковъ при ихъ производствѣ, покорнѣйшими и нижайшими рабами царя... Это величаніе такъ обычно, что всѣ безъ различія ранговъ при всякомъ случаѣ заявляли объ этомъ, гдѣ только возможно. Протопроедръ синклита Михаилъ Пселлъ письмо къ царицѣ заканчиваетъ, называя себя εὐγνωμονέστατος δοῦλος καὶ γνησιώτατος (Bibl. gr. med. aevi, v. V, p. 337), и нигдѣ не задумался бы назвать себя рабомъ царя и царицы, такъ какъ этотъ титулъ для всякаго подданнаго былъ обязателенъ и нисколько не унизителенъ. Вѣдь падали же всѣ сановники ницъ и распростирались на землѣ со временъ Юстиніана, какъ свидѣтельствуетъ Прокопій, и величали царя δεσπότης, dominus, какъ рабы своего хозяина. Не удивительно поэтому, что и въ надписи губернаторъ (т. е. Евпатерій) назвалъ себя рабомъ царя. . „Γνήσιος δοῦλος“ даже не заключаетъ въ себѣ ни особенной лести, ни особеннаго униженія, а представляетъ собою обычное у византійцевъ выраженіе преданности и покорности“.

Мы видимъ, что Д. Ѳ. Бѣляевъ высказываетъ въ сущности то же самое, что иными словами и короче сказалъ г. Безобразовъ [1]). Само собою разумѣется, что производить въ византійской литературѣ и эпиграфикѣ обширные спеціальные поиски, чтобы указать, кто и гдѣ называлъ себя рабомъ императора, было бы и хлопотливо и скучно. Но пополнить нѣсколькими примѣрами указанія г. Безобразова весьма не трудно.

Обращаясь къ эпиграфикѣ, мы находимъ у Паспати [2]) примѣръ, лучше кото-

1) Любезности г. Бѣляева мы обязаны и нѣкоторыми изъ приводимыхъ далѣе цитатъ.
2) А. Г. Παςπάτη Βυζαντιναὶ μελέται τοπογρ. καὶ ἱστορ. (Ἐν Κ/πόλει 1877), σελ. 49.

раго трудно и желать и который одинъ стоитъ десятка. На стѣнѣ Константинополя у Меландисскихъ воротъ читается слѣдующая надпись:

+ Ἀνενεώθη τὸ προτείχισμα τοῦ Θεοδοσιακοῦ τείχους ἐπὶ | Ἰουστ(ί)νου καὶ Σοφίας τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν δεσποτῶν | διὰ Ναρσοῦ τοῦ ἐνδοξοτάτου σπαθαρίου καὶ Σακ(ε)λαρίου | καὶ Στεφάνου ἀνήκοντος εἰς ὑπουργίαν, δούλ(ω)ν τ(ῶ)ν | σεβαστοτάτ(ω)ν δεσποτ(ῶ)ν +

Надпись относится къ царствованію Юстина II (565—578), стало быть, древнѣе Евпатеріевой на 12 — 25 лѣтъ. Нарсъ извѣстенъ изъ Кодина, какъ архитекторъ и щедрый жертвователь, воздвигшій на свой счетъ нѣсколько церквей. Если столичный сановникъ, состоявшій въ высокомъ чинѣ спаѳарія, и его сотрудники въ надписи на построенной имъ стѣнѣ называются рабами царя и царицы, то тѣмъ болѣе могъ назвать себя такъ правитель захолустной области. Самый стиль очень сходенъ въ обѣихъ надписяхъ.

Весьма интересный также примѣръ изъ времени Юстиніана (по всей вѣроятности—I) представляютъ слѣдующія надписи изъ Коринѳа, принадлежащія одному и тому же лицу.

1) Φῶς ἐκ φωτὸς Θεὸς ἀληθινὸς ἐκ Θεοῦ ἀληθινοῦ φυλάξ(ει) τὸν αὐτοκράτορα Ἰουστινιανὸν καὶ τὸν πιστὸν αὐτοῦ δοῦλον Βικτωρῖνον ἅμα τοῖς οἰκοῦσ(ι)ν ἐν Ἑλ[λ]άδι τοὺς κατὰ Θε(ὸν) ζῶντας. Φυλάξ(ει)[1]).

2) Ἁγ(ία) Μαρία Θεοτόκε, φύλαξον τὴν βασιλείαν τοῦ φιλοχ[ρ]ίστου Ἰουστινιανοῦ καὶ τὸν γνησίως δουλεύοντα αὐτῷ Βικτωρῖνον σὺν τοῖς οἰκοῦσιν ἐν Κορίνθῳ κ(ατὰ) Θε(ὸν) ζῶντας[2]).

Еще два эпиграфическіе примѣра, правда, значительно болѣе поздніе, можно указать изъ Трапезунта. Оба они относятся къ царствованію въ Трапезунтѣ Алексѣя II Комнина (1297—1330). Въ одной надписи на городскихъ воротахъ[3]) строитель Константинъ называетъ себя „δοῦλος τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ“; въ другой, гласящей о построеніи храма св. Іоанна Предтечи[4]), точно такъ же называетъ себя цѣлая группа именитыхъ трапезунтцевъ.

---

1) Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1893, σ. 123, № 13.
2) C. I. Gr. IV, № 8640.
3) Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλλ. φιλολ. σύλλογος, παράρτ. τοῦ ιε′ τόμου (1884), σ. 75, № 62.
4) Тамъ же, παράρτ. τοῦ ιζ′ τ. (1886), σ. 114=*Bull. de corr. hell.* v. XX (1896), p. 496.

Что касается до памятниковъ литературныхъ, то, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно перелистовать одинъ „Придворный уставъ“ императора Константина Багрянороднаго [1]), чтобы убѣдиться, что называть себя „рабами царя“ было вполнѣ обычно какъ у парода, такъ и у начальствующихъ лицъ, и что названіе это встрѣчается очень часто и въ весьма различныхъ случаяхъ государственной жизни почти съ самаго начала существованія Восточной имперіи. Оно раздавалось при восшествіи императоровъ на престолъ, при торжественныхъ пріемахъ и выходахъ, при встрѣчахъ императоровъ въ провинціи и во многихъ другихъ случаяхъ. Правда, записанные царственнымъ авторомъ обряды относятся къ IX и X вв., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе изъ болѣе древнихъ временъ [2]), а кромѣ того въ „уставѣ“ неоднократно встрѣчаются случаи названія подданныхъ „рабами царя“ при историческихъ обстоятельствахъ, точно опредѣленныхъ хронологически. Такъ, при провозглашеніи императоромъ Анастасія въ 491 г. народъ кричалъ императрицѣ Аріаднѣ: „ἡμεῖς δοῦλοι τῆς αὐγούστης“ [3]); при провозглашеніи Юстина I въ 518 г. раздавался тотъ же крикъ: „ἡμεῖς δοῦλοι τοῦ βασιλέως“ [4]). При одномъ изъ праздничныхъ выходовъ пѣвчіе Венетовъ пѣли царю „καὶ Βενέτων τῶν γνησίων ὑμῶν δούλων“ [5]); въ другомъ случаѣ партіи ипподрома (δῆμοι) провозглашаютъ императорамъ „ἐκλάμψατε ἐπὶ δούλους γνησίους, εὐφραίνοντες, δεσπόται, τὸν λαὸν ὑμῶν“ [6]) и т. п. Въ церемоніалѣ провозглашенія кесаря есть весьма интересная формула, въ которой димы нѣсколько разъ подъ рядъ, такъ сказать, подчеркиваютъ свое „рабство“ при обращеніи къ владыкамъ: Δεσπόται τῆς οἰκουμένης, δέξασθε τοὺς δούλους ὑμῶν παρακαλοῦντας, ὡς δοῦλοι τόλμῶμεν παρακαλέσαι, μετὰ φόβου δυσωποῦμεν τοὺς δεσπότας, καὶ ἀνεξικάκως παρακλήθητε, ὦ εὐεργέται, εἰς τὴν δέησιν λαοῦ ὑμῶν, δεσπόται, ὑπὲρ εὐφροσύνης τῆς πόλεως ὑμῶν δυσωποῦμεν ἐπιφανείσθω τοῖς δούλοις ὑμῶν ὁ καῖσαρ, παρακαλοῦμεν οἱ δοῦλοι ὑμῶν, δεσπόται, εἰς δόξαν μεγίστην τῆς συγκλήτου, εἰς εὐτυχίαν μεγίστην τῶν στρατοπέδων, εἰς χαρμοσύνην

---

1) Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo e rec. Io. Iac. Reiskii, ed. Bonn. 1829.

2) По вопросу о происхожденіи Придворнаго Устава см. Д. Ѳ. Бѣлясева Byzantina, кн. II (Спб. 1893), предисл., стр. XXVI сл.

3) De cerim. I, 92, p. 419.

4) Ibid. I, 93, p. 430.

5) Ibid. I, 5, p. 47.

6) Ibid. I, 69, p. 316.

τῶν [δούλων] ὑμῶν, εὐεργέται“ [1]). При встрѣчѣ императора въ провинціи мѣстныя власти на вопросъ его о здоровьѣ ихъ самихъ, ихъ женъ и дѣтей отвѣчали: „Ἐν τῇ ζωῇ τῆς βασιλείας σου καὶ ἡμεῖς οἱ δοῦλοί σου ὑγιαίνομεν“ [2]).

Количество подобныхъ примѣровъ могло бы быть увеличено, конечно, безъ всякаго труда; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и приведенныхъ (между которыми еще разъ напомнимъ надписи Нарса и Викторина) вполнѣ достаточно для нашей цѣли: для всякаго непредубѣжденнаго читателя, думаемъ, теперь ясно, что Евпатерій, называя себя γνήσιος δοῦλος [3]) императора, употребилъ, говоря словами Д. Ѳ. Бѣляева, вполнѣ обычное у византійцевъ выраженіе преданности и покорности, и что мы при разсмотрѣніи его надписи имѣли полное право оставить безъ объясненія эту подробность, какъ всѣмъ извѣстную. Мы никакъ не предполагали, что она можетъ послужить однимъ изъ аргументовъ противъ мнѣнія о принадлежности надписи Евпатерія ко временамъ императора Маврикія.

Сентябрь 1898 г.

ДОПОЛНЕНІЕ [4]).

Обозначеніе вѣрноподданнической преданности посредствомъ слова δοῦλος встрѣчается даже на печатяхъ. Такъ, напр., на печати кандидата Евстаѳія, относимой Schlumberger'омъ [5]) къ эпохѣ Комниновъ, читается: Θ(εοτό)κε, βοήθ(ει) Εὐστάθιον τὸν κανδιδάτον, δοῦλον τοῦ βασιλέως, а на печати епопта Никиты изъ эпохи Ангеловъ [6])— Θ(εοτό)κε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Νικήτᾳ ἐπόπτῃ πάσης τῆς δύσεως, δ(ού)λῳ τοῦ κρατ(αι)οῦ καὶ ἁγ(ίου) ἡμῶν βασιλέως.

---

1) Ibid. I, 43, p. 223.

2) Ibid. I, app. 5, p. 483.

3) Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что предложенный нами переводъ «собственный рабъ» не вполнѣ точенъ: скорѣе подходили бы прилагательныя *настоящій*, *истинный*, *природный* и т. п.; но каждое изъ нихъ безъ особаго объясненія могло бы вызвать недоразумѣніе. Выраженіе γνήσιος δοῦλος, очевидно, было стереотипнымъ, въ родѣ нашего «покорнѣйшій слуга» и т. п. Въ этомъ мы видимъ, въ противность Ю. А. Кулаковскому, лишнее доказательство того, что надпись Евпатерія принадлежитъ византійцу, а не варвару.

4) *Зап. Имп. Одесскаго Общ. ист. и др.*, т. XXI, стр. 253—4.

5) G. Schlumberger, Sigillographie de l'empire Byzantin (Par. 1884), стр. 458, № 2.

6) Ibid. стр. 513, № 1.

Эпиграфическіе этюды [1]).

VI [2]).

Херсонисскій декретъ въ честь Евтихіана Синопскаго.

Въ изданномъ нами недавно, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, собраніи греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ [3]), помѣщенъ въ числѣ херсонисскихъ надписей (стр. 7—8, № 2) найденный въ 1893 г. въ развалинахъ Херсониса отрывокъ почетнаго декрета о дарованіи проксеніи, права гражданства и разныхъ привилегій, нѣкоему Г. Каію Евтихіану навклару [4]), гражданину г. Синопы, за разныя услуги, оказанныя имъ херсонисцамъ. Бо́льшій изъ двухъ найденныхъ обломковъ содержитъ значительныя части 22-хъ строкъ съ лѣвой стороны камня, но по вполнѣ вѣроятнымъ дополненіямъ, которыя можно было сдѣлать къ нѣсколькимъ строкамъ, приходилось предполагать, что съ правой стороны отбита почти половина камня, и вслѣдствіе этого возстановленіе значительной части текста оказалось невозможнымъ.

Счастливый случай привелъ меня, къ сожалѣнію нѣсколько поздно, уже послѣ выхода въ свѣтъ указаннаго сборника, къ открытію правой половины декрета, который читатели увидятъ здѣсь почти цѣлымъ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ заключительныхъ строкъ. Для открытія недоставшей части декрета не понадобилось новыхъ раскопокъ: она оказалась въ „Корпусѣ“ Бёка!

Во 2-мъ томѣ „Корпуса“, на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ надписей Сарматіи, Херсониса Таврическаго и Воспора Киммерійскаго (стр. 169, № 2134 *b*), помѣ-

---

1) [Первыя пять статей подъ этимъ общимъ заглавіемъ, помѣщенныя въ *Журн. М. Н. Пр.* въ 1880—85 гг., не имѣютъ отношенія къ надписямъ изъ южной Россіи].

2) *Журн. М. Н. Пр. 1895*, ноябрь, отд. кл. фил. стр. 38—46.

3) Матеріалы по археологіи Россіи. № 17. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. С.-Пб. 1895. 4⁰.

4) [Въ Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Комм., в. 14, стр. 105, нами высказано предположеніе, что ναύκλαρος не есть одно изъ личныхъ именъ Евтихіана, какъ мы думали раньше, а имя нарицательное].

щенъ отрывокъ декрета, начертанный на камнѣ, найденномъ въ 1822 г. саратовскимъ колонистомъ Генр. Авг. Цвикомъ въ настилкѣ пола какого-то древняго зданія въ развалинахъ Сарая, былой столицы хановъ Золотой орды. Копія надписи была сообщена знаменитому оріенталисту Френу, а имъ передана академику Грефе, который и издалъ ее въ „Запискахъ Императорской академіи наукъ“ [1]). Оттуда надпись была перепечатана Бёкомъ въ C. I. Gr. Вопросъ о происхожденіи надписи очень интересовалъ обоихъ издателей, но не могъ быть рѣшенъ ими за отсутствіемъ въ текстѣ ея какихъ-либо ясныхъ указаній. Грефе изъ сохранившихся въ 1-й строкѣ надписи буквъ ΨANΠOTI возстановилъ [Ἔγρα]ψαν Ποτι[δαιᾶται], но при этомъ самъ указалъ, что такое возстановленіе можетъ казаться весьма сомнительнымъ [2]). Бёкъ, справедливо отвергнувъ это предположеніе перваго издателя [3]) и замѣтивъ, что декретъ долженъ принадлежать дорическому приморскому городу, остановился на мысли, что камень былъ перевезенъ татарами въ Сарай изъ упоминаемаго Птолемеемъ греческаго города Эксополя, лежавшаго на Дону въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ наиболѣе сближается съ Волгою [4]).

При собираніи и обработкѣ матеріаловъ для сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря я неоднократно задавался вопросомъ, слѣдуетъ ли включить въ него найденную въ Сараѣ надпись, и въ концѣ концовъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно въ виду полной загадочности ея происхожденія, такъ какъ предположеніе Бёка объ Эксополѣ казалось мнѣ мало обоснованнымъ и не исключало возможности думать вмѣстѣ съ Грефе, что камень былъ привезенъ откуда-нибудь изъ Греціи или Малой Азіи на берега Дона въ качествѣ балласта и оттуда попалъ въ Сарай [5]). Недавно, перелистывая „Корпусъ“ для другихъ цѣлей, я слу-

---

1) Vetus inscriptio Graeca inter rudera antiquae urbis Sarai, prope Zaritzyn ad Wolgam detecta. Edidit et illustravit Frid. Graefe. *Mémoires de l' Acad. Impér. des sciences de St.-Pétersbourg, 6 série: Sciences polit., histoire et philologie.* v. I (1830), p. 55 sq.

2) Vetus inscriptio etc., отд. отт., стр. 6: «Quo nomine maxime doleas ad incertissima pertinere id, quod natale decreti nostri solum concernit: nam Potidacatis illud revera tribuendum esse tantum abest ut mihi ipse persuadere possim, ut satis scntiam, quibus hacc opinio difficultatibus prae ceteris prematur» etc.

3) C. I. Gr. II p. 169 (комментарій къ надписи): «Ultimae litterae I alii apices adhaerere videntur Graefio notante: qui ipse vidit quibus difficultatibus ipsius supplementum ἔγρα]ψαν Ποτ[ειδαιᾶται prematur, quippe quum titulus Romanae aetatis sit et Potidaeae nomen tum pridem antiquatum fuerit, imposito urbi huic Cassandreae nomine. Quare quid vs. 1. scriptum fuerit omnino nescio, nec libet varias, quae proferri queant, coniecturas proponere».

4) Ibid. (lemma, вторая половина).

5) Отд. отт. стр. 13: «Finita explicatione inscriptionis, quoad illa aetatem tulit, expectabitur fortasse ut ostendam, qua tandem via marmor hoc, si minus Potidaeae, at in alia tamen Graecа urbe positum, ad ripas Wolgae inter media Tataricae urbis Sarai rudera delatum esse videri possit.

чайно вновь прочиталъ эту надпись и, пораженный именемъ Г. КАІОΣ [1]), сличилъ ее съ вновь найденнымъ отрывкомъ херсонисскаго декрета въ честь Г. Каія Евтихіана. Это сличеніе привело меня къ твердому убѣжденію, что Сарайская надпись представляетъ собою правую половину того же декрета, несмотря на то, что нѣкоторые внѣшніе признаки на первый взглядъ кажутся противорѣчащими такому убѣжденію. Для надлежащей оцѣнки этихъ признаковъ считаемъ нужнымъ привести изъ описанія Грефе слѣдующія данныя о внѣшнемъ видѣ камня.

Камень имѣетъ въ длину (resp. вышину) $52^1/_2$ англ. дюйма и въ ширину 14 д. и принадлежитъ къ породѣ „calx primitiva“. Онъ составлялъ часть каменной настилки пола какого-то зданія, при чемъ былъ положенъ надписью внизъ и замазанъ известью; при устройствѣ пола верхній, нижній и въ особенности правый край камня были стесаны острымъ инструментомъ, вслѣдствіе чего попорчены части надписи [2]). О лѣвомъ краѣ камня авторъ ничего не говоритъ, но, повидимому, считалъ его сохранившимся въ цѣлости и при возстановленіи надписи думалъ, что слѣва пропало только по одной или по двѣ буквы и справа по 6—10. Бёкъ, занявшись обработкою текста надписи, пришелъ къ заключенію, что ея строки были не такъ коротки, какъ полагалъ Грефе, и выразилъ предположеніе, что надпись была вырѣзана на двухъ рядомъ стоявшихъ плитахъ [3]). Для изданія надписи Грефе имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма тщательную, по его словамъ („ductibus accuratissime depictis“), копію Цвика и доставленный послѣд-

---

Novi στήλας ἀντιγράφους, ἀτέλειαν Leuconis apud Athenienses et eorum apud illum concernentes, in ejus et horum urbe patria et in medio quodam loco erectas, Demosth. adv. Lept § 29. sed agmen conjecturarum opus esset ei, qui hoc exemplo in hac causa abuti vellet. Fortasse lapis, cum diu eversus inter alios lapides in litore patrio jacuisset, seriore quodam tempore onerandae peregrini nautae navi cum alia mole inserviens, in viciniam ejus regionis coeco casu absportatus est, in qua aliam rursus sortem expertus, caemento terrae affixus, hucusque latuit».

1) Это имя обоимъ издателямъ казалось весьма сомнительнымъ, Грефе (отд. отт. стр. 7) замѣтилъ: «Nomen Καιον (Κάτον?) Graecum Romanumve praestat intactum relinquere». По замѣчанію Бёка, «nomen viri laudati esse Romanum certe ex parte, docet vs. 18. Γ foliolis interpositum: conieceris Γ(άϊον) Κάτον cum Graefio, vel Κᾶρον quod mihi probabilius; Καῖον non est probabile». Однако и на вновь найденномъ обломкѣ **ΚΑΙΟΣ** читается совершенно ясно.

2) Отд. отт. стр. 3: «Marginis praeterea inprimis dextrae mutilatio procul dubio et ipsa tribuenda est Tatarorum barbariei, qui ut lapidem loco suo angustiori aptum redderent, orae ambitum a tribus partibus ferro tentare coacti sunt, unde factum, ut praeter jacturam, in superiore et inferiore margine factam, fissa lapidis particula ad dextram, extrema singulorum versuum vocabula simul avellerentur, cum contra superficies dorsi integrior maneret».

3) Замѣтимъ кстати, что Бёкъ весьма старательно и остроумно возстановилъ вполнѣ текстъ декрета, но, какъ теперь оказывается, его возстановленія очень далеки отъ дѣйствительности. Новое и весьма поучительное доказательство того, что въ дѣлѣ возсозданія текстовъ надписей необходима крайняя осторожность.

нимъ, по нарочитой его просьбѣ, бумажный оттискъ съ камня, вымазаннаго черной краской[1]). По этимъ двумъ спискамъ Грефе издалъ текстъ надписи обыкновеннымъ типографскимъ шрифтомъ, замѣтивъ, что онъ не счелъ нужнымъ прибѣгать къ литографіи, „cum litterae eaedem essent, quae in plurimis Olbiae inscriptionibus deprehenduntur, typis nostris simillinae“. Маленькія неточности, явившіяся слѣдствіемъ примѣненія типографскаго шрифта, отмѣчены авторомъ на стр. 7 (отд. отт.): 1) въ строкѣ 18-й по сторонамъ буквы Γ вмѣсто имѣющихся на камнѣ листочковъ поставлены въ текстѣ звѣздочки, и 2) въ строкахъ 11-й и 18-й буквы NE на камнѣ образуютъ лигатуру. Добавимъ еще, что по словамъ Цвика, упоминающаго о найденной имъ надписи въ описаніи путешествія изъ Сарепты въ калмыцкія степи Астраханской губерніи[2]), камень погибъ во время бывшаго въ Сарептѣ пожара.

Сравнивая приведенныя данныя о внѣшнемъ видѣ найденнаго въ Сараѣ камня съ имѣющимися у насъ свѣдѣніями о внѣшности обломка, найденнаго въ 1893 г. въ Херсонисѣ, мы замѣчаемъ слѣдующее разногласіе: 1) Херсонисская надпись вырѣзана на мраморѣ, а Сарайская—на „calx primitiva“, и 2) первый камень имѣетъ въ вышину 0,54 м., а второй—$52^1/_2$ англ. дюйма $= 1{,}333$ м. Что касается до перваго пункта, то подъ calx primitiva Грефе и за нимъ Бёкъ, очевидно, разумѣли простой сортъ *мрамора*, такъ какъ оба они употребляютъ слово „мраморъ“ въ дальнѣйшемъ изложеніи[3]); что же касается до вышины сарайскаго камня, то показаніе Грефе представляется мало вѣроятнымъ по слѣдующему простому расчету: хотя въ римскія времена надписи, какъ извѣстно, вырѣзывались обыкновенно довольно крупными буквами, но все-таки въ надписяхъ *многострочныхъ* вышина буквъ рѣдко превосходила $1^1/_2$ — 2 сантиметра; предполагая вышину въ 2 сант., мы получимъ, что сохранившіяся 24 строки занимали 48 сантим.; для промежутковъ между строками можно предположить по 1—$1^1/_2$ сантим. на каждый, стало быть на 23 промежутка—отъ 23 до 35 сантим. Слѣ-

1) Несмотря на то, что Грефе, повидимому, былъ вполнѣ доволенъ сообщенными ему копіями, позволительно сомнѣваться въ *безусловной* ихъ точности, такъ какъ собственная копія Цвика едва ли была сдѣлана опытною рукою, а относительно бумажнаго оттиска Грефе, со словъ самого Цвика, замѣчаетъ: «res suam habebat difficultatem, cum excsa saxi superficies colorem partim difficilius reciperet, partim nimis celeriter absorberet».

2) Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken-Horden des Astrachanschen Gouvernements im Jahre 1823 etc. (Leipz. 1827), p. 88.

3) Грефе, отд. отт. стр. 3: «Caeterum ut marmoris ipsius adspectu facile carere possimus, id diligenti curae Cl. Zwick debetur» etc.—Бёкъ въ lemma: «quibus [sc. Tataris] marmor est res adeo rara et pretiosa, ut vel minutos lapides eius generis servasse Principem legerim».

довательно, покрытая надписью часть камня могла бы по нашему, довольно щедро сдѣланному, разсчету занимать maximum до 85 сантим., а остальные 48 сантиметровъ (изъ 1,33 м.) должны бы оставаться пустыми; между тѣмъ Грефе въ вышеприведенныхъ словахъ прямо отмѣчаетъ jacturam in superiore et inferiore margine factam. Отсюда можно съ большою вѣроятностью заключить, что показаніе Грефе относительно вышины камня ошибочно и что на самомъ дѣлѣ она была гораздо меньше. Далѣе можно еще замѣтить, что, по предположенію Грефе и Бёка, съ лѣвой стороны сохранился первоначальный край камня; но такъ какъ ни тотъ ни другой не видѣли камня въ натурѣ и не приводятъ никакихъ прочныхъ данныхъ въ пользу этого предположенія, то оно нисколько для насъ не обязательно. Что же касается характера письма вновь найденнаго въ Херсонисѣ обломка, то онъ вполнѣ подходитъ къ вышеприведеннымъ словамъ, которыми Грефе охарактеризовалъ письмо на камнѣ, найденномъ въ Сараѣ.

Такимъ образомъ внѣшніе признаки обоихъ камней не представляютъ ясныхъ доказательствъ противъ предположенія, что они суть обломки одной и той-же большой плиты. Между тѣмъ стоитъ только поставить ихъ рядомъ такъ, чтобы слѣва приходился вновь найденный херсонисскій обломокъ (*a*), а справа — сарайскій (*b*),—и это предположеніе сразу пріобрѣтаетъ полную вѣроятность.

a

ΠΡΟΕΔΡΟΙΧ - - ONA
ΤΑΙΤΑΥΡΙΚΑΙ
ΕΠΕΙΔΗ*Γ*ΚΑΙΟΣΕΥΤΥΧ
ΝΩΠΕΥΣΑΝΗΡΜΑΡΤΥΡ(
ΚΑΛΟΚΑΓΑΘΙΑΝΠΑΡΑΤΟΙΣ
ΣΕΜΝΟΝΑΘΟΣΚΑΙΔΙΑΤΗΝΙ
ΠΕΡΙΤΑΝΠΟΛΙΝΑΜΩΝΦΙΛΟΣ
ΜΕΣΚΑΛΩΣΕΤΙΔΑΜΗΣΑΣ
ΕΝΑΓΧ◦ΣΔΕΕΞΛΙΡΕΤΩΦΙ/
ΜΟΝΚ. (ΡΑΜΕΝΟΣΑΞΙΟΝ
ΠΑΡΑΜΕΣΓΕΙΝΟΜΕΝΩΝΕ
ΘΑΙΤΗΣΠΟΛΙΟΣΑΜΩΝΚ
ΠΑΙΝΕΣΑΝΤΩΝΤΩΝΠΡΟΥ
ΤΑΝΚΑΤΑΕΝΑΕΚΑ.ΤΟΝΤΩ
ΤΑΝΠΟΛΙΝΣΠΟΥ ////// ΝΤΕΚ
ΑΝΘΩΝΤΟΝΑΝΔ ////// ΦΙΛΟΦ
ΝΟΝΔΕΔΟΧΘΑΙΤΑΒΟΥΛΑΚ
ΕΠΙΤΟΥΤΟΙΣΠΡΟΤΕΡΟΝΤ
ΝΟΝΝΑΥΚΛΑΡΟΝΣΙΝΟ ///
ΑΣΠΟΛΕΙΤΕΙΑΝΕΣΠ
ΚΑΠΟΛΕΜΩΑΥ
ΝΟΙΥΥ

b

ΨΑΝΠΟΤΙ
Π
ΑΝΘΙ ΛΑΡΟΣΣ
ΟΜΕΝΟΣΜ ΑΤΡΟΠ
ΤΟΙΣΠΟΛΕΙΙΑ ΣΔΙΑΤΕ
ΣΠΑΝΤΑΣΕΞΑΙ Ξ ΩΣΔ
ΤΟΡΓΙΑΝΗΛΗΚΑ 'Α
ΚΑΙΑΛΛΟΤΕΠΑΕΙΣ
ΟΤΕΙΜΙΑΤΑΠΡΟΣΤΟΝΑ
ΓΑΣΑΤΟΚΑΙΑΥΤΟΣΤΩΝ
ΩΝΜΕΤΑΣΧΕΙΝΚΑΙΓΕΝΕ
ΥΤΟΣΦΙΛΟΤΕΙΜΟΣΚΑ
ΝΤΩΝΤΗΝΤΑΝΔΡΟΣΓ
ΠΟΛΕΙΤΑΝΚΑΙΤΑΝΠ(
ΕΥΝΟΟΝΦΙΛΟΣΤΟΡΓΙΑ
ΝΩΣΦΙΛΟΤΕΙΜΗΣΑΜ
ΙΤΩΔΑΜΩΕΠΑΙΝΕΣΑ
ΝΑΝΔΡΑ*Γ*ΚΑΙΟΝΕΥ
ΔΟΜΕΝΔΕΑΥΤΩΠΡΟ
ΥΚΑΙΕΚΠΛΟΥΝΕΝΕΤΕ
ΑΕΙΑΥΤΩΤΕΚΑΙΕΚΙ
ΝΕΤΟΧΟΝΤΕΠΑΝΤΩΝΩ
ΤΕΙΤΑΙΣΚΑΠΟΓΕΝΟΥΣ
ΤΟΑΝΑΓΡΑΦΑΜΕΝΑΕΥ

Мы видимъ, что 1) оба обломка представляютъ одинъ совершенно связный текстъ, безъ всякихъ перерывовъ при переходѣ отъ одного обломка къ другому; 2) въ нѣсколькихъ строкахъ изломъ приходится посрединѣ словъ, при чемъ вслѣдствіе излома не пропало ни одной буквы (стр. 4 μαρτυρό|μενος, стр. 7 φιλοσ|τοργίαν, стр. 9 φιλ|οτειμία), или пропало по 1 — 2 буквы, легко дополняемыхъ (стр. 3 Εὐτυχ[ι]αν[ός], стр. 13 τῶν πρου[χό]ντων, стр. 16 φιλοφ[ρό]νως, стр. 17 κ[α]ί и т. д.); точно такъ же при раздѣленіи словъ для переноса изъ одной строки въ другую принадлежность раздѣленныхъ частей одному и тому же слову въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ очевидна (напримѣръ, стр. 9 — 10 τὸν δ[ᾶ]|μον, стр. 11 — 12 γενέ[σ]|θαι, стр. 16 — 17 φιλοτειμησάμ.[ε]|νον и проч.). Есть, правда, въ самомъ текстѣ сопоставленныхъ обломковъ нѣкоторые признаки, какъ бы противорѣчащіе высказанному предположенію, но они слишкомъ незначительны для того, чтобы серьезно поколебать его, и легко поддаются объясненію. Именно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ копіи Грефе стоятъ не тѣ буквы или, еще чаще, остатки буквъ, которыя должны бы быть на самомъ дѣлѣ; но такихъ случаевъ всего семь [1]), всѣ они приходятся на концы строкъ или плохо сохранившіяся мѣста надписи и вполнѣ объясняются высказаннымъ уже предположеніемъ, что доставленная Грефе копія была сдѣлана неопытною рукою, а бумажный оттискъ былъ, повидимому, не вполнѣ удаченъ [2]).

Текстъ декрета можетъ быть возстановленъ по обоимъ обломкамъ въ слѣдующемъ видѣ:

1 Πρόεδροι Χ[ερσ]ονα[σειτᾶν τῶ]ν ποτὶ
τᾶι Ταυρικᾶι [ε]ἶ[παν].
Ἐπειδὴ Γ. Κάιος Εὐτυχ[ι]αν[ὸς ναύκλ]αρος Σ[ι]-
νωπεὺς ἀνὴρ μαρτυρόμενος μ[ὲν δ]ιὰ τρόπ[ων]
5 καλοκαγαθίαν παρὰ τοῖς [ἐ]οῖς πολεί[ται]ς διά τε [τὸ]

1) Именно, въ строкѣ 1-й Ψ вмѣсто Τ, въ строкѣ 3-й ΘΙ вмѣсто ΟΣ, въ строкѣ 7-й ΚΣ вмѣсто ΚΑ, въ концѣ строки 18-й остатокъ буквы Ν вмѣсто Τ, въ началѣ строки 20-й остатокъ Σ вмѣсто Ε, въ концѣ той же строки ENETE вмѣсто ENEIP (объ этомъ см. ниже) и въ началѣ строки 21-й остатокъ Α вмѣсто Δ. Неточность въ концѣ строки 13-й (Γ вмѣсто Α) мы не причисляемъ къ указаннымъ случаямъ, такъ какъ не вполнѣ убѣждены въ вѣрности возстановленія [ἀρε]τάν.

2) [Сопоставленные обломки переизданы нами въ IosPE. IV № 72 съ текстомъ, напечатаннымъ эпиграфическимъ шрифтомъ и съ присоединеніемъ небольшого обломка отъ нижней части плиты, исправленное чтеніе котораго дано въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 23 (1907), стр. 60].

σεμνὸν ἆθος καὶ διὰ τὴν [εἰ]ς πάντας, ἐξαι[ρ]έ[τ]ως δ[ὲ]
περὶ τὰν πόλιν ἁμῶν φιλοστοργίαν ἤ(δ)η κ[αὶ παρ']ά-
μὲς καλῶς ἐπιδαμήσας [κ]αὶ ἄλλοτε πλεισ[τάκις],
ἔναγχος δὲ ἐξ(α)ιρέτῳ φι[λο]τειμίᾳ τᾷ πρὸς τὸν δ[ᾶ]-
μον κ[εχ]ραμένος ἄξιον [ἀ]γάσατο καὶ αὐτὸς τῶν
παρ' ἁμὲς γεινομένων ἔ[ργ]ων(?) μετασχεῖν καὶ γενέ[σ]-
θαι τᾶς πόλιος ἁμῶν κ[αὶ α]ὐτὸς φιλότειμος, κα[ὶ ἐ]-
παινεσάντων τῶν πρου[χό]ντων τὰν τάνδρὸς [ἀρε]-
τὰν κατὰ ἕνα ἕκαστον τῶ[ν] πολειτᾶν καὶ τὰν π[ερὶ]
τὰν πόλιν σπουδάν τε κ[αὶ] εὔνοον φιλοστοργία[ν],
ἀνθ'ὧν τὸν ἄνδρα φιλοφ[ρό]νως φιλοτειμησάμ[ε]-
νον δεδόχθαι τᾷ βουλᾷ κ[α]ὶ τῷ δάμῳ ἐπαινέσα[ι μὲν]
ἐπὶ τούτοις πρότερον τ[ὸ]ν ἄνδρα Γ. Κάιον Εὐ[τυχια]-
νον ναύκλαρον Σινω[πέα], δόμεν δὲ αὐτῷ προ[ξενί]-
ας πολειτείαν, ἔσπ[λουν τε] καὶ ἔκπλουν ἐν ε[ἰράνᾳ]
καὶ πολέμῳ ἀσ[υλεὶ καὶ ἀσπονδ]εὶ (α)ὐτῷ τέ κ[α]ὶ ἐκ[γό]-
νοις κ[αὶ χράμασι τοῖς τούτων?], μέτοχόν τε πάντων ὤ[ν-
περ μέτεστι πᾶσι τοῖς Χερσονασ]είταις κἀπὸ γένους
[πολείταις· τὸ δὲ ψάφισμα τοῦ]το ἀναγραφᾶμεν λευ-
[κολίθῳ στάλᾳ κτλ.].

Предложенное нами чтеніе вызываетъ въ свое оправданіе еще слѣдующія замѣчанія. Въ 1-й строкѣ обломка *b* буква Ψ, безъ сомнѣнія, ошибочно прочитана покойнымъ Грефе вмѣсто Τ; но слѣдующую за нею букву Α вмѣсто Ω скорѣе слѣдуетъ приписать опискѣ рѣзчика, происшедшей подъ вліяніемъ окончанія TAN въ предыдущемъ словѣ. Совершенно такой же lapsus calami имѣется въ херсонисскомъ декретѣ въ честь Ираклеотовъ, изданномъ нами въ № 17 *Матеріаловъ по археологіи Россіи* подъ № 1 [= IosPE. IV, n° 71]. Эта характерная описка окончательно подтверждаетъ высказанное нами въ указанномъ сочиненіи на стр. 7-й мнѣніе, что декретъ въ честь Евтихіана принадлежитъ къ одному времени съ декретомъ въ честь Ираклеотовъ, то-есть, къ царствованію императора Антонина[1]). Въ стр. 5-й мы возстановили τοῖς [ἐ]οῖς, чтобы не при-

1) Кстати замѣтимъ, что въ числѣ признаковъ, свидѣтельствующихъ въ пользу этого мнѣнія, кромѣ указаннаго уже l. c. сходства діалектическихъ особенностей, можно отмѣтить

бѣгать къ предположенію о диттографіи τοῖς ⟨τοῖς⟩, хотя мѣстоименіе ἑός и не встрѣчалось еще въ извѣстныхъ доселѣ памятникахъ херсонисскаго говора. Въ концѣ стр. 20-й сохранившіяся въ копіи Грефе буквы ENETE невольно соблазняютъ послѣдовать предложенному Бёкомъ возстановленію ἐν ἔτε[σιν εἰράνας] καὶ πολέμω; но мы предпочли, однако, возстановленіе ἐν ε[ἰράνᾳ] καὶ πολέμῳ, во-первыхъ, потому что эта послѣдняя формула читается во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ херсонисскихъ декретахъ о проксеніи, во-вторыхъ, потому что первое выраженіе заставляло бы предполагать исчезновеніе въ концѣ строки слишкомъ большого количества буквъ и вообще эта строка вышла бы длиннѣе сосѣднихъ (при нашемъ возстановленіи въ ней оказалось 39 буквъ, то есть, совершенно одинаковое количество съ слѣдующей строкой, а при возстановленіи ἐν ἔτεσιν εἰράνας было бы 46 буквъ); наконецъ, и потому, что ΠΟΛΕΜΩ въ стр. 21-й слѣдуетъ считать формою дательнаго падежа, а не родительнаго, такъ какъ примѣры gen. sing. такъ называемаго 2-го склоненія съ окончаніемъ -ω до сихъ поръ еще не попадались въ херсонисскихъ памятникахъ. Формулы, подобныя читающейся въ стр. 22—24 (отъ μέτοχον до τὸ δὲ ψάφισμα), встрѣчались уже въ нѣсколькихъ отрывкахъ херсонисскихъ декретовъ [1]), но, къ сожалѣнію, вездѣ въ неполномъ видѣ, такъ что вполнѣ точное возстановленіе этой формулы еще не извѣстно.

Въ заключеніе замѣтимъ, что стилистическая сторона въ декретѣ далеко не безукоризненна, и что вновь найденная правая половина его вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами при изданіи лѣвой половины замѣчаніе, что въ декретѣ „не было никакихъ указаній или намековъ на историческія событія или политическое положеніе Херсониса въ данное время, а дана была только характеристика чествуемаго лица“; но тѣмъ не менѣе этотъ декретъ въ настоящемъ, почти цѣльномъ его видѣ нельзя не признать пріятнымъ пріобрѣтеніемъ въ сокровищницу херсонисской эпиграфики.

и сходство стилистическое и лексическое (напримѣръ, употребленіе словъ σπουδά, καλοκαγαθία, φιλοστοργία, κεχραμένος).

1) IosPE. v. I, №№ 187, 189, 190; [IV, 70, 73, 75 и др.]. Слова ΚΑΠΟΓΕΝΟΥΣ въ другихъ херсонисскихъ надписяхъ еще не встрѣчались, равно какъ и принятое Грефе и Бёкомъ въ стр. 23-й слово [ἀσ]τείταις, вмѣсто котораго мы поставили поэтому [Χερσονασ]είταις.

VII [1]).

Декретъ изъ г. Діонисополя, сообщенный К. В. Шкорпиломъ.

На западномъ берегу Чернаго моря, верстахъ въ 35 къ с.-в. отъ Варны, въ небольшой бухтѣ, ограниченной съ востока мысомъ Каліакра (др. Τίριζις или Τίριζα ἄκρα), пріютился болгарскій городокъ *Бальчикъ*. Извѣстный знатокъ исторіи и географіи Болгаріи Конст. Иречекъ описываетъ этотъ городокъ и окружающую его мѣстность слѣдующимъ образомъ [2]): „Дорога изъ Текке къ Бальчику въ продолженіе $^3/_4$ часа идетъ по лѣсистымъ болотамъ Батовской дельты и затѣмъ въ теченіе часа по пролестной узкой береговой полосѣ. Слѣва круто поднимаются бѣлыя береговыя скалы съ разнообразными выступами причудливыхъ очертаній, а справа разстилается спокойная зеркальная гладь моря до далекаго мыса Эминэ. Небольшая, хорошо защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ береговая кайма между ними покрыта прекрасными виноградниками съ густыми изгородями изъ роскошныхъ кустарниковъ и многочисленными источниками и прорѣзана нѣсколькими выбивающимися изъ скалъ ручьями, на которыхъ стучитъ нѣсколько мельницъ. Бальчикъ (680 домовъ съ 3,845 жит.) занимаетъ весьма оригинальное положеніе на крутомъ спускѣ не очень широкой долины, сбѣгающей отъ Добруджинскаго плато къ морскому берегу. Главная улица круто поднимается зигзагами отъ пристани къ открытымъ верхнимъ частямъ города. По преданію, городъ пострадалъ въ прежнее время отъ землетрясеній и обваловъ. Древность этого поселенія доказываютъ прочные фундаменты, которые были найдены въ верхнихъ и нижнихъ частяхъ города, и многіе обтесанные камни, виднѣющіеся въ переулкахъ; говорятъ, что въ самомъ Бальчикѣ была нѣкогда „Кале“ (крѣпость) и „монастырь“. Тожество Бальчика съ Карбоною итальянскихъ картъ 1318 и слѣ-

---

1) *Журн. М. Н. Пр.* 1896, январь, отд. кл. Фил. стр. 1—19.

2) *Archäol.-epigraphische Mittheil. aus Oesterreich*, X (1886), p. 183 (въ статьѣ: «Archäologische Fragmente aus Bulgarien»).

дующихъ годовъ (Καρβονᾶ Кантакузина, Καρβουνᾶ въ *Acta patr.*) несомнѣнно. Точно такъ же сообщаемыя писателями разстоянія[1]) древняго Діонисополя отъ Одисса и отъ мыса Тиризы или Акры согласуются съ промежутками между Бальчикомъ, Варною и мысомъ Каліакрою". Изъ другого сочиненія того же автора[2]) заимствуемъ слѣдующія соображенія и указанія относительно бывшаго здѣсь древняго поселенія: „Древнѣйшій городъ, который, по разсказамъ древнихъ писателей, находился въ этомъ мѣстѣ, назывался Κρουνοί отъ многочисленныхъ источниковъ (κρουνός = κρήνη), которые на западъ отъ города вытекаютъ изъ скалъ. Винодѣліе, которое возникло у этихъ источниковъ и до сихъ поръ тамъ процвѣтаетъ, было причиною того, что городъ отъ имени бога винодѣлія получилъ названіе Διονυσόπολις. Стравонъ знаетъ только древнее названіе[3]); въ стихотворной географіи, приписываемой Скимну Хіосскому, говорится[4]), что перемѣна названія произошла отъ того, что въ этихъ мѣстахъ море выбросило на берегъ статую Діониса; въ этомъ же сочиненіи говорится, что городъ былъ занятъ смѣшаннымъ греческимъ населеніемъ (μιγάδες Ἕλληνες) на границѣ Скиѳовъ и Кровизовъ. Овидій во время своего грустнаго путешествія въ далекое изгнаніе привѣтствовалъ здѣсь „arces dictas nomine, Bacche, tuo"[5]). Во времена импера-

---

1) «Разстоянія вдоль морского берега суть приблизительно слѣдующія: Варна—Бальчикъ 24—25 римскихъ миль (по $1^1/_2$ килом.), Бальчикъ—Каварна 10, Каварна—Каліакра около 8. Древнія свидѣтельства хорошо согласуются съ этими: отъ Одисса до Діонисополя $26^2/_3$ р. миль (200 стадій) греческихъ перипловъ Арріана и Безыменнаго, 24 It. Ant., 32(?) Tab. Peut.; отъ Діонисополя до Визоны $10^2/_3$ (80 стадій) перипловъ, 19 Tab. Peut.; отъ Визоны до м. Тиризы 8 (60 стадій) перипловъ, 12 (сухимъ путемъ) Tab. Peut.». *Иречекъ.*

2) Cesty po Bulharsku. Popisuje Konst. Jirecek. Praha 1888, стр. 615 (приводимый въ текстѣ переводъ съ чешскаго сообщенъ В. В. Шкорпиломъ). Ср. его же Das Fürstenthum Bulgarien (Wien 1891), стр. 534.

3) [Strab. VII p. 319: ἐν τῷ μεταξὺ δὲ διαστήματι τῷ ἀπὸ Καλλάτιδος εἰς Ἀπολλωνίαν Βιζώνη τέ ἐστιν... καὶ Κρουνοὶ καὶ Ὀδησσός κτλ. *В. Л.*].

4) [v. 751.
Διονυσόπολις δ', ἣ πρῶτον ὠνομάζετο
Κρουνοὶ διὰ τὰς τῶν ἐγγὺς ὑδάτων ἐκρύσεις
Διονυσιακοῦ δὲ προσπεσόντος ὕστερον
ἐκ τῆς θαλάττης τοῖς τόποις ἀγάλματος
Διονυσόπολιν λέγουσι κληθῆναι πάλιν.
Ἐν μεθορίοις δὲ τῆς Κροβύζων καὶ Σκυθῶν
χώρα μιγάδας Ἕλληνας οἰκητὰς ἔχει.

Упоминаніе о выброшенной на берегъ статуѣ Діониса и о тожествѣ Κρουνοί и Διονυσόπολις заимствовали изъ такъ называемаго Скимна безыменный авторъ Перипла П. Евкс., § 78, и Стеф. Виз. п. сл. Διονύσου πόλις. Ср. Plin. *N. h.* IV 18: *Dionysopolin Crunos ante dictam alluit Liras amnis. В. Л.*].

5) Ovid. Tristia 1, 10, 38. Kanitz 3, 210, плохо зная латинскій языкъ, пишетъ: «Dionysopolis wird als «Bacchus» auch von Ovid in den Klagen auf der Fahrt nach seinem Exil Tomi erwähnt» и думаетъ, что Dionysopolis—Bacchus (sic) лежалъ у Экренэ. *Иречекъ.*

торовъ отъ Августа до Юстиніана названіе Діонисополя часто встрѣчается у писателей [1]). По позднѣйшему раздѣленію [2]) этотъ городъ принадлежалъ къ провинціи Скиѳіи, границу которой со стороны Нижней Мезіи составляло, кажется, устье рѣки Батовской [3]). Въ царствованіе Юстиніана въ 543 году море у Одисса и Діонисополя выступило внезапно изъ береговъ на четыре римскія мили, но затѣмъ возвратилось назадъ (Theophanes ed. Boor I, 224). Нѣкоторые ученые ищутъ древній Діонисополь у Экренэ, ссылаясь на сходство этого названія съ древнимъ Κρουνοί. Но указанія древнихъ перипловъ и itineraria ясно свидѣтельствуютъ въ пользу Бальчика, гдѣ, кромѣ того, находятся вышеупомянутые источники и виноградники. Еще яснѣе доказывается тожество Бальчика съ древнимъ Діонисополемъ двумя надписями, которыя я здѣсь нашелъ. Одинъ камень, который теперь лежитъ въ нижней части города на базарѣ, былъ поставленъ совѣтомъ и народомъ Діонисополя въ честь Тита Витразія Полліона (legatus pro praetore), который въ царствованіе Антонина Пія управлялъ Нижней Мезіей, а другую надпись, находящуюся теперь въ деревнѣ Юнузчиларъ [4]), поставили жители Діонисополя въ честь своего согражданина Димитрія, сына Діогенова, который занималъ разныя должности въ своемъ родномъ городѣ и въ качествѣ посла ѣздилъ къ императору въ Римъ (*Arch.-epigr. Mittheil.* X. 184 sq.). Въ императорскія времена отъ Коммода до Гордіана жители Діонисополя чеканили деньги съ надписью Διονυσοπολιτῶν; на этихъ монетахъ встрѣчается Серапидъ съ рогомъ изобилія, Діонисъ, Димитра, Иракл, Эрмій, змѣя Асклипія одна или вмѣстѣ съ Игіеею и пр.“

Къ этимъ выдержкамъ изъ трудовъ г. Иречка необходимо сдѣлать два дополненія: 1) хотя г. Иречекъ, по видимому, приписываетъ *себѣ* открытіе, что Діонисополь находился на мѣстѣ нынѣшняго Бальчика, или, по крайней мѣрѣ,

---

1) [Кромѣ указанныхъ уже писателей ср. Arr. *Per.* 35 (упоминаніе о Діонисополѣ съ указаніемъ разстоянія до Визоны и Одисса), App. *Illyr.* 30 (упоминаніе о Діонисополѣ), Mela II, 22 ed. Parthey («est portus Crunos, urbes Dionysiopolis, Odessos» etc.), Ptolem. III, 10, 3 (Διονυσόπολις подъ 54° 20′ и 45° 15′), Hierocles p. 637, Itin. Ant. p. 228, Geogr. Rav. IV, 6, Tab. Peuting. *В. Л.*].

2) Cf. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung I² p. 316 (прим. г. Шкорпила).

3) Эта рѣка впадаетъ въ Черное море у дер. Экренэ между Варною и Бальчикомъ (прим. г. Шкорпила).

4) [Въ 22 верстахъ къ с. отъ Бальчика. Эта вторая надпись перепечатана по болѣе точной копіи Карломъ В. Шкорпиломъ въ *Arch.-epigr. Mitth. aus Oesterreich*, v. XVII, p. 210, n° 102. Изъ этой копіи видно, что надпись была поставлена отъ имени *совѣта*, а не всѣхъ жителей Діонисополя. *В. Л.*].

считаетъ нужнымъ приводить этому доказательства, но на самомъ дѣлѣ это открытіе сдѣлано уже давнымъ-давно и раздѣляется большинствомъ ученыхъ, спеціально занимавшихся исторической географіей древней Болгаріи или касавшихся ея мимоходомъ [1]); 2) кромѣ двухъ надписей, упомянутыхъ г. Иречкомъ, мы можемъ указать еще одну, найденную также въ Бальчикѣ и представляющую косвенное доказательство его нахожденія на мѣстѣ древняго Діонисополя: она издана Л. Мерклиномъ по копіи русскаго адмирала Гейде (Heyde) въ *Archäol. Zeitung* VIII (1850), стр. 141, и была начертана на пьедесталѣ статуи, поставленной въ честь заслуженнаго гражданина М. Аврелія [Діос]кора. Хотя копія надписи настолько неудовлетворительна, что ни Мерклину, ни извѣстному эпиграфисту Францу, которому копія была сообщена редакторомъ названнаго журнала Гергардомъ, не удалось представить полнаго и достовѣрнаго ея возстановленія, но въ стр. 2—4 можно еще ясно прочитать упоминаніе о богѣ Діонисѣ, какъ основателѣ города (τ]ὸν ἐκ προγόνων φιλότειμο[ν] καὶ ἱερέα τοῦ κτί(σ)το[υ τῆς πόλ]ε[ως] θεοῦ Διονύ(σ)ου κτλ.), вполнѣ подходящее именно къ Діонисополю.

Въ недавнее время въ Бальчикѣ найденъ еще одинъ, несравненно болѣе цѣнный эпиграфическій памятникъ, который составитъ предметъ настоящаго этюда. Знакомствомъ съ нимъ я обязанъ любезности братьевъ К. В. и В. В. Шкорпиловъ, которымъ и приношу мою глубокую благодарность. Преподаватель Варненской гимназіи Карлъ Вяч. Шкорпилъ [2]) переслалъ свою собственноручную копію надписи (на прозрачной бумагѣ въ натуральную величину) съ фотографическими снимками, описаніемъ внѣшняго вида камня и нѣсколькими замѣчаніями брату своему, преподавателю Керченской гимназіи Владиславу Вяч. Шкорпилу [3]),

---

1) Изъ имѣющихся подъ руками пособій укажемъ: A. Forbiger, Handbuch d. alten Geographie, 3 Band, Europa (Leipz. 1848), стр. 1110; [П. В. Беккеръ, Пропил. IV (1854), стр. 279]; Müller, Geogr. Gr. min. т. I, стр. 226 и 400; Cl. Ptolemaei Geographia ed. C. Müller, v. I p. 462; Брунъ, Черноморье т. I, стр. 37; L. Bürchner, Die Besiedelung der Küsten des Pontos Eux. durch die Milesier, Kempten 1885 (карта). Къ Экренэ (Akrania) пріурочивается Діонисополь между прочимъ у Киперта, Lehrbuch d. alten Geographie (Berl. 1878), стр. 328,

2) К. В. Шкорпилъ и другой братъ его Германъ Вяч., преподаватель въ Филиппополѣ, извѣстны эпиграфистамъ и археологамъ по сборнику болгарскихъ надписей, помѣщенному въ *Arch.-epigraph. Mittheil. aus Oesterreich* («Antike Inschriften aus Bulgarien», т. XV, стр. 91—110 и 204—222, т. XVII, стр. 170—224), и по нѣсколькимъ статьямъ въ журналѣ Болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина».

3) Ему принадлежитъ статья «Оракійскій городъ Верія» въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* 1885 (іюль, отд. кл. фил. стр. 339—346) и нѣсколько эпиграфическихъ статей въ *Запискахъ Од. Общ. исторіи и древностей* [и *Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Коммиссіи*. Съ 1901 года В. В. Шкорпилъ состоитъ завѣдывающимъ Керченскимъ музеемъ древностей].

а послѣдній препроводилъ эти матеріалы ко мнѣ, любезно предоставивъ мнѣ право изданія надписи.

По сообщенію К. В. Шкорпила, надпись вырѣзана на плитѣ изъ простого мрамора выш. 0,637 м., шир. вверху 0,464 и внизу 0,503, толщ. 0,108 м. Обѣ стороны передней поверхности плиты, къ сожалѣнію, повреждены сверху до 30-й строки. Внизу (съ стр. 39-й) плита расширяется и украшена съ обоихъ боковъ небольшимъ карнизомъ, который, впрочемъ, сдѣланъ не на одинаковой высотѣ: съ лѣвой стороны онъ начинается на разстояніи 0,155 м. отъ нижняго края плиты, а съ правой — на 0,19. На нижней и лѣвой боковыхъ сторонахъ находятся четыреугольныя углубленія, которыя, вѣроятно, служили для прикрѣпленія плиты къ стѣнѣ. Надпись вырѣзана по тонкимъ параллельнымъ линейкамъ буквами въ 0,01 м. вышины и, вообще говоря, сохранилась довольно хорошо. Буквы надписи не представляютъ значительныхъ особенностей сравнительно съ другими современными документами; отмѣтимъ только, что поперечная черта въ A въ верхнихъ строкахъ всегда ломанная, а въ нижнихъ встрѣчается кое-гдѣ и прямая, верхняя и нижняя черты въ Σ большею частью параллельны, хотя встрѣчаются и раскосыя, наконецъ O и Ω по большей части немного меньше другихъ буквъ. Камень найденъ въ центрѣ Бальчика, на главной улицѣ, ведущей къ Добричу (тур. Хаджи-Оглу-Базарджикъ), въ насыпной землѣ подъ новымъ училищемъ, и по приказанію г. Шкорпила перенесенъ въ городское училище, въ которомъ и теперь находится, но со временемъ будетъ отправленъ въ музей въ г. Софію.

На прилагаемой таблицѣ I воспроизведенъ видъ камня съ надписью по одному изъ сообщенныхъ г. Шкорпиломъ фотографическихъ снимковъ. Текстъ надписи съ моими возстановленіями читается слѣдующимъ образомъ[1]):

1 . . . αι πλι. . .
. . . τον δ[ὲ] ἔλαβε. . .
. . . ος Θεοδώρο[υ] καὶ ει. . .

1) [Надпись переиздалъ G. Dittenberger, Syll. inscr. Gr. I², стр. 547—550, № 342. Онъ возстановляетъ строки 5—9 слѣдующимъ образомъ:... μετ]ὰ τῶν συναποδ[ή]μων αἰτήσ[ας ἀσφάλειαν | ἐπορεύθ]η εἰς] Ἀργέδα[υ]ον πρὸς τὸν πατέρα [τοῦ βασιλέως | Βυρεβίστα, παραγε]νόμενος δὲ καὶ συντυχὼν α[ὐτῶι | τὴν μὲν εὔνοια]ν τὴν ἀπ' αὐτοῦ κατεκτήσατο τῇ [πόλει, | τῆς δὲ δαπάνης ἀπέλ]υσεν τὸν δῆμον κτλ. (Объясненія возстановленія см. въ прим. 1).—Далѣе въ стр. 23—24 онъ предложилъ читать πᾶσ[αν τήν τε πέρα]ν, «sic hoc membrum melius respondere ratus alteri quod est καὶ τὴν ἐπὶ τάδε». Въ стр. 25—26 предлагаетъ ἐν τῇ πρώτῃ καὶ μ[εγίστῃ βασιλε]ίᾳ, объясняя это чтеніе въ прим. 11].

. . . αν τοῖς ἰδίοις δαπανήμασ[ι. . . .
. . . ατων συναποδ[η]μῶν αἰτήσ[ας?. . .
. . . . αργεδα.ον πρὸς τὸν πατέρα. . . .
. . . παραγε]νόμενος δὲ καὶ συντυχὼν αμ. . .
. . . . ν τὴν ἀπ' αὐτοῦ κατεκτήσατο τη. . .
. . . . ἀπέλ]υσεν τὸν δῆμον· ἱερεύς τε γενόμ[ενος
θεοῦ Διὸς? μεγ]άλου τάς τε πομπὰς καὶ τὰς θυσ[ί]α[ς ἐπε-
τέλεσεν εὐσεβ?]ῶς καὶ τοῖς πολίταις μετέδωκε[ν τῶν
κρεῶν· τῷ τε Σαρ]άπει λαχὼν ἱερεὺς ὁμοίως τοῖς δ[α]π[ανή-
μασιν ἀνεστράφ]η καλῶς καὶ φιλαγάθως· τοῦ τε ἐπων[ύμου
τῆς πόλεως Διον]ύσου οὐκ ἔχοντος [ἱε]ρῆ ἀφ' ἑτῶν πλ[η]ό[νων
ἐπικληθεὶς ὑπ]ὸ τῶν πολιτῶν ἐπέδωκεν ἑαυτὸν [καὶ κα-
τὰ τὴν Γαίου Ἀ]ντωνίου παραχειμασίαν ἀ[ν]αλ[αβὼν
τὸν στέφανο]ν τοῦ θεοῦ τάς τε πομπ[ὰ]ς καὶ θυσίας [ἐπε-
τέλεσε καλῶ]ς καὶ μεγαλομερῶς καὶ τοῖς πολίταις [μετέ-
δωκε τῶν κρε]ῶ(ν) ἀφθόνως· θεῶν τε τ[ῶ]ν ἐν Σαμοθρᾴ[κῃ
τὸν στέφαν]ον ἀνειληφὼς διὰ βίου τάς τε πομπὰς κ[αὶ
τὰς θυσίας] ἐπιτελεῖ ὑπέρ τε τῶν μυστῶν καὶ τῆς π[ό-
λεως· νεωστ]ί τε τοῦ βασιλέως Βυρεβίστα πρώτου καὶ με-
γίστου γεγ]ονότος τῶν ἐπὶ Θρᾴκης βασιλέων καὶ πᾶσ[αν
τὴν περαία]ν τοῦ ποταμοῦ καὶ τὴν ἐπὶ τάδε κατεισχη-
κότος παραγε]νόμενος καὶ πρὸς τοῦτον ἐν τῇ πρώτῃ καὶ μ[ετ'
ἄλλων? καὶ ἰδ]ίᾳ τὰ βέλτιστα κατεργάζεται τῇ πατρίδι λέ-
[γων ἀεὶ καὶ] συνβουλεύων τὰ κράτιστα καὶ τὴν εὔνοιαν τοῦ [βα-
σιλέω]ς πρὸς τὴν τ[ῆ]ς πόλεως σωτη[ρί]αν προσπαραμ[υ-
θού]μενος, ἔν τε τοῖς λοιποῖς ἅπασιν ἀφειδῶς ἑαυτὸ[ν
ἐπιδ]ιδοὺς εἰς τὰς τῆς πόλεως πρεσβήας καὶ κινδύνους ἐπ[ι-
δ]εχόμενος [ἀό]κνως πρὸς τὸ πάντως τι κατεργάζεσ[θαι
τ]ῇ πατρίδι συμφέρον· πρός τε Γναῖον Πομπήιον Γναίο[υ] υ[ἱ-
ὸ]ν αὐτοκρά[τ]ορα Ῥωμαῖον ἀποσταλεὶς ὑπὸ βασιλέως Βυραβέ-
[σ]τα πρεσβ[ευτ]ὴς καὶ συντυχὼν αὐτῷ τῆς Μακεδονίας ἐν το[ῖς
π]ερ[ὶ Ἡρά]κλειαν τὴν ἐπὶ [τ]οῦ Λύκου οὐ μόνον τοὺς ὑπὲρ τοῦ βα[σι-
λ]έως χρηματισμοὺς διέθετο, τὴν εὔνοιαν τὴν Ῥωμαίων πα[ρ-
αγόμενος τῷ βασιλεῖ, ἀ[λ]λὰ καὶ περὶ τῆς πατρίδος τοὺς καλλίστου[ς

δ]ιέθετο χρηματισμούς, καθόλου δὲ κατὰ πᾶσαν περίστασιν κ[αι-
ρ]ῶν ψυχῇ καὶ σ[ώ]ματι παραβαλλόμενος καὶ δαπάναις χρώμ[ε]-
νος ταῖς ἐκ τοῦ βίου, τινὰ δὲ καὶ τῶν πο[λι]τικῶν [χ]ορ[ηγί]ων σωματ[ο-
π]οιῶν παρ' ἑαυτοῦ τὴν μεγίστην ἐνδείκνυτ[αι] σπουδὴν εἰς τὴν ὑ-
[π]ὲρ τῆς πατρίδος σωτηρίαν· ἵνα οὖν καὶ ὁ δῆμος φαίνηται τιμῶ[ν]
τοὺς [κα]λ[οὺ]ς καὶ ἀγ[α]θοὺς ἄνδρας καὶ ἑαυτὸν εὐεργετοῦντας, δε[δό-
χθαι τῇ] βουλῇ καὶ τ[ῷ] δήμῳ ἐπῃνῆσθαι μὲν [ἐ]πὶ τούτοις Ἀκ[ορ]νίων[α]
Δι[ονυσ]ίου καὶ στεφ[α]νωθῆναι [α]ὐτὸν [ἐ]ν τοῖς Διονυσίοις χρ[υσῷ
σ]τ[ε]φά[ν]ῳ καὶ εἰκόνι χαλκῇ, στεφανοῦσ[θα]ι δὲ αὐτὸν καὶ εἰς τὸν [λοι-
πο]ν χρ[όν]ον καθ' ἕκαστον ἔτος ἐν τοῖς Διονυσίοις χρυσῷ στε[φά-
νῳ], δε[δό]σθαι δὲ αὐτῷ καὶ εἰς ἀνάστασιν ἀνδρι[ά]ντος τό-
πον τὸν ἐπιφανέστ[α]τον τῆ[ς] ἀγορᾶς.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію содержанія документа, мы считаемъ нужнымъ объяснить или оправдать нѣкоторыя изъ предложенныхъ нами возстановленій несохранившихся частей его. Само собою разумѣется, что при возстановленіи каждой строки мы строго слѣдили за тѣмъ, чтобы количество буквъ въ ней было приблизительно такое же, какъ въ сосѣднихъ. На основаніи *несомнѣнныхъ* дополненій, которыя можно было сдѣлать во многихъ строкахъ, слѣдуетъ принять, что въ верхней части документа количество буквъ въ отдѣльныхъ строкахъ колебалось отъ 40 до 45, а начиная съ стр. 30-й, отчасти вслѣдствіе болѣе сжатой вырѣзки буквъ и отчасти вслѣдствіе расширенія камня благодаря вышеупомянутому карнизу,—отъ 45 до 50 и даже болѣе. Строки 1—9 сохранились лишь въ незначительныхъ частяхъ и потому не могли быть возстановлены. Буквы ΑΡΓΕΔΑιιΟΝ въ началѣ стр. 6-й, какъ кажется, должны заключать въ себѣ названіе какой-то мѣстности и даже близко напоминаютъ собою имена двухъ названныхъ Птолемеемъ [1]) городовъ — Ἀργίδαυα въ Дакіи и Ζαργίδαυα въ Нижней Мезіи на р. Іерасѣ; но мы не рѣшились дать для нихъ опредѣленное возстановленіе [2]). — Начиная со 2-й половины 9-й строки, сохранившіяся на камнѣ части строкъ допускаютъ въ большинствѣ случаевъ или несомнѣнныя или вполнѣ правдоподобныя возстановленія. Чтеніе μετέδωκε τῶν χρεῶν въ стр. 11—12 и 18—19 основано на извѣстномъ обычаѣ, по которому при общественныхъ

1) Ptol. *Geogr.* (ed. Müller) III, 8, 4 и III, 10, 8
2) [Диттенбергеръ предлагаетъ Ἀργέδα[υ]ον или Ἀργεδα[ύι]ον].

жертвоприношеніяхъ и праздникахъ всѣ присутствующіе граждане получали по порціи мяса жертвенныхъ животныхъ [1]). Стоящее во второмъ случаѣ нарѣчіе ἀφθόνως очень сильно говоритъ въ пользу даннаго возстановленія. Въ стр. 13 сохранившаяся буква Η передъ καλῶς несомнѣнно указываетъ на стоявшую въ данномъ мѣстѣ форму ind. aor. passivi; но вмѣсто предложеннаго ἀνεστράφη [2]) могъ, конечно, стоять тутъ и другой глаголъ. Въ стр. 13—14 наиболѣе подходящій способъ выраженія былъ бы τοῦ τε ἐπων[ύμου τῆς πόλεως ἡμῶν θεοῦ Διον]ύσου κτλ.; но такъ какъ при такомъ чтеніи строка вышла бы значительно длиннѣе сосѣднихъ, то я призналъ возможнымъ исключить два слова, безъ которыхъ фраза не теряетъ своей ясности [3]). Чтеніе [ἱε]ρῆ къ стр. 14-й по смыслу представляется несомнѣннымъ; формы βασιλῆ, ἱερῆ и т. п. въ неаттическихъ надписяхъ довольно многочисленны [4]). Написаніе ἀφ' ἑτῶν (ibid.) совершенно аналогично съ часто встрѣчающимся въ надписяхъ выраженіемъ καθ' ἔτος, уже отмѣченнымъ и объясненнымъ грамматиками [5]). Въ той же строкѣ мы возстановили πλ[η]ό[νων] вмѣсто πλ[ει]ό[νων] во-первыхъ, потому что сохранившіеся на камнѣ остатки попорченной буквы скорѣе могутъ принадлежать Η, нежели ΕΙ, а во-вторыхъ, по сравненію съ формами πρεσβήας въ стр. 30 и Ἡράκληαν въ стр. 35 [6]). Выраженіе «ἀναλαμβάνειν τὸν στέφανον τοῦ θεοῦ» (стр. 16 и 20) въ смыслѣ „дѣлаться жрецомъ“ между прочимъ неоднократно встрѣчается въ Истропольскомъ декретѣ, изд. въ *Arch.-ep. Mitth.* VI, стр. 37. Въ началѣ стр. 22-й частица τε служитъ, очевидно, для связи вновь начинающагося предложенія съ предыдущимъ, какъ въ стр. 9, 12, 13 и 19; стало быть, этой частицѣ должно предшествовать одно слово, относящееся уже къ новому предложенію и, судя по конечной буквѣ Ι и по смыслу, представляющее собою нарѣчіе; этими соображеніями вызвано возстановленіе [νεωστ]ί. Въ несохранившейся части стр. 23—24, какъ

---

1) Ср. P. Stengel, Die Griech. Sakralaltertümer (въ Iw. Muller's Handbuch, т. V отд. 3), стр. 80; Dittenberger, Syll. I. Gr. №№ 207, 246, 296, 348, 380 и др.

2) См. напр. Dittenberger, Syll. № 246, стр. 27 сл.: ἱερεύς τε ἀποδειχθεὶς τοῦ βασιλέως Ἀττάλου ἀξίως ἀνεστράφη τοῦ δήμου πᾶσαν ὑπομείνας φιλαγάθως τὴν ἐν τοῖς δαπανωμένοις χορηγίαν. Ibid. № 383 и др.

3) Ср. выраженіе τὸν ἐπώνυμον τῆς πόλεως Ἀπόλλωνος ἀναδεξά[μενο]ς στέφανον въ надписи изъ Истрополя (нынѣ Кара-арманъ), изд. въ *Arch.-epigr. Mitth.* т. VI, стр. 37. Вообще эта надпись, близкая по мѣсту и времени къ нашей, представляетъ много матеріала для сравненій.

4) Sylloge Диттенбергера (ind. p. 782) представляетъ болѣе 10 примѣровъ.

5) См. G. Meyer, Griech. Gramm.² p. 244 (§ 243); R. Wagner, Quaestiones de epigrammatis Graecis ex lap. conl. grammaticae (Lips. 1883), p. 91.

6) Объ этомъ переходѣ ει въ η ср. Meisterhans, Gramm. d. att. Inschr.², стр. 37.

видно по контексту, была упомянута страна „по ту сторону рѣки“, то есть къ сѣверу отъ Истра; предлагаемое нами чтеніе вполнѣ подходитъ по количеству буквъ, хотя, конечно, здѣсь могло стоять и выраженіе съ нарѣчіемъ πέραν[1]). Форма εἴσχηκα (стр. 24: κατεισχη[κότος) настолько извѣстна, что не нуждается въ оправданіи[2]). Возстановленіе стр. 25—26 представляется мнѣ сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что первая изъ сохранившихся въ стр. 26-й буквъ есть, повидимому, Λ. Думалъ я о возстановленіи ἐν τῇ πρώτῃ καὶ με[γίστῃ πόλει . . .]λίᾳ, но оно требуетъ бо́льшаго количества буквъ, нежели допускаемое лакуною, и кромѣ того я не могъ найти въ придунайскихъ мѣстностяхъ города съ названіемъ, оканчивающимся на -λία[3]). Также не вполнѣ убѣжденъ я въ вѣрности возстановленія προσπαραμ[υθού]μενος въ стр. 28—29, хотя къ ясно сохранившимся на камнѣ буквамъ трудно подобрать какое-либо другое причастіе. Имя чествуемаго лица въ стр. 44 возстановлено на основаніи Томійской надписи, изд. въ *Arch.-epigr. Mitth.* VI, стр. 19, № 39, гдѣ оно читается совершенно ясно en toutes lettres. Во всякомъ случаѣ оно принадлежитъ къ числу именъ весьма рѣдкихъ, насколько можно судить по тому, что оно не встрѣчается въ имѣющихся у насъ подъ руками большихъ собраніяхъ греческихъ собственныхъ именъ[4]). Въ стр. 40-й предложенное нами чтеніе нѣсколько сомнительно, такъ какъ вмѣсто πολιτικῶν возможно, кажется, читать и Ποντικῶν и самое выраженіе σωματοποιεῖν χορήγια представляется черезчуръ изысканнымъ (χορήγια = commeatus Polyb. I, 17, 5; 18, 5 etc.).

Итакъ, мы видимъ на камнѣ декретъ въ честь гражданина Акорніона Діонисіева, оказавшаго своему родному городу многочисленныя и разнообразныя услуги. Мѣсто находки документа и сохранившееся въ стр. 13—14 упоминаніе о томъ, что богъ Діонисъ считался эпонимомъ даннаго города, дѣлаютъ несомнѣн-

---

1) [Такъ и предложилъ Dittenberger, см. выше стр. 230, пр. 1].
2) См. G. Meyer, Griech. Gramm.², p. 124.
3) [Ср. возстановленіе Диттенбергера, стр. 230, пр. 1].
4) Разумѣемъ Pape-Benseler's Wörterb. d. Griech. Eigennamen и indices къ C. I. Gr., C. I. Gr. septentr. v. I, Inscr. Gr. ant., Inscr. o. s. P. Eux., Sylloge Диттенбергера, Register zu den Ath. Mitth. I—XV, Bull. de corr. hell. Table générale des dix prem. annees (1877—1886) и table quinquennale (1887—1891). Кромѣ того нами были пересмотрѣны всѣ вышедшіе томики Arch.-epigr. Mitth. aus Oesterreich. Не упоминается это имя въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ и у Fick'a, Die Griech. Personennamen, 2 Aufl. (1894), p. 325 sq. Имя Ἄκορνος, отъ котораго произведено Ἀκορνίων (ср. Γόργος—Γοργίων, Δῶρος—Δωρίων, Θέτταλος—Θετταλίων, Ἵππαρχος—Ἱππαρχίων и т. п.), также встрѣтилось недавно въ надписи на амфорной ручкѣ, найденной въ Ѳеодосіи и изданной В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. XVIII, стр. 129, № 40. Авторъ справедливо ставитъ это имя въ связь съ названіемъ растенія ἄκορνα.

нымъ, что декретъ принадлежитъ городу Діонисополю. Начальныя строки декрета, безъ сомнѣнія, заключавшія въ себѣ его датировку и начало изложенія мотивовъ награжденія, къ сожалѣнію, не сохранились; но главная часть этихъ мотивовъ (les considérants, какъ ихъ называютъ французы) и заключеніе или сохранились цѣликомъ или допускаютъ, за немногими исключеніями, вполнѣ вѣроятныя возстановленія. Изложеніе заслугъ, за которыя Акорніонъ удостоился наградъ, рѣзко раздѣляется въ декретѣ на три части: 1) въ строкахъ 1—9, къ сожалѣнію не поддающихся возстановленію, повидимому шла рѣчь о какомъ-то посольствѣ, въ которомъ Акорніонъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, при чемъ что-то пріобрѣлъ и отъ чего-то освободилъ своихъ согражданъ; 2) строки 9—21 заключаютъ въ себѣ разсказъ о дѣятельности Акорніона въ качествѣ жреца разныхъ божествъ, почитавшихся въ Діонисополѣ, и 3) въ стр. 22—42 подробно излагается политическая его дѣятельность, относящаяся ко временамъ возвышенія во Ѳракіи царя Биребисты. Такъ какъ именно въ этой части декрета заключается главный его интересъ и немаловажное историческое значеніе, то мы съ нея и начнемъ разсмотрѣніе документа и прежде всего опредѣлимъ его время.

Кромѣ упоминанія о царѣ Биребистѣ, время возвышенія котораго, какъ мы увидимъ ниже, съ достаточною достовѣрностью пріурочивается къ срединѣ I вѣка до Р. Хр., мы имѣемъ въ декретѣ указаніе на два событія, относящіяся къ опредѣленнымъ годамъ: 1) въ стр. 16-й исполненіе Акорніономъ должности жреца Діониса сопоставлено съ зимовкой нѣкоего Антонія въ Діонисополѣ или въ близкихъ къ нему мѣстахъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о какомъ-нибудь римскомъ полководцѣ, такъ какъ у грековъ въ то время почти не были въ употребленіи римскія имена, особенно въ этихъ отдаленныхъ странахъ; изъ римскихъ же полководцевъ здѣсь могъ быть названъ только *C. Antonius Hybrida*, дядя тріумвира, бывшій товарищемъ Цицерона по консульству въ 63 году до Р. Хр., затѣмъ управлявшій въ качествѣ проконсула Македоніей и Ѳракіей въ 62—61 году. Во время проконсульства онъ велъ неудачныя войны съ Бастарнами и другими мѣстными племенами; отъ Бастарновъ онъ потерпѣлъ пораженіе при г. Истрополѣ, лежавшемъ въ очень недалекомъ разстояніи отъ Діонисополя [1]). Такимъ образомъ

1) Liv. epit. l. 103: C. Antonius proconsul in Thracia parum prospere rem gessit. — Iul. Obseq. стр. 122: D. Iunio L. Murena consulibus C. Antonius proconsul... laureatos fasces in provinciam tulit. ibi a Dardanis oppressus amisso exercitu profugit.—Dio Cass. 38. 10: [Ἀντώνιος] πολλὰ μὲν καὶ δεινὰ καὶ τὸ ὑπήκοον τὸ ἐν τῇ Μακεδονίᾳ, ἄρξας αὐτῆς, καὶ τὸ ἔνσπονδον εἰργάσατο, πολλὰ δὲ καὶ ἀντέπαθε. τά τε γὰρ τῶν Δαρδάνων καὶ τὰ τῶν πλησιοχώρων σφίσι πορθήσας οὐκ

παραχειμασία Антонія приходится на зиму 62—61 года. Упомянута она въ декретѣ, по всей вѣроятности, съ цѣлью усилить значеніе заслуги Акорніона, который не отказался по просьбѣ согражданъ принять на себя жречество и сопряженные съ нимъ расходы въ тяжелое военное время.

Другой хронологически точный пунктъ находится въ стр. 32—35, гдѣ сказано, что Акорніонъ, отправленный царемъ Биребистой въ качествѣ посла къ римскому „императору“ Гн. Помпею, встрѣтился съ послѣднимъ въ Македоніи у г. Иракліи на Ликѣ. Опредѣленіе ἡ ἐπὶ τοῦ Λύκου дѣлаетъ несомнѣннымъ, что здѣсь разумѣется извѣстный городъ Ἡράκλεια Λυγκηστίς, лежавшій на Эгнатіевой дорогѣ и бывшій главнымъ городомъ Линкистидской области[1]). Римскій „императоръ“ Гней Помпей, Гнеевъ сынъ, есть не кто иной, какъ знаменитый Помпей Великій (старшій сынъ его, соименный отцу, убитый послѣ пораженія при Мундѣ, не можетъ здѣсь разумѣться потому, что никогда не дѣйствовалъ въ Греціи или Македоніи съ титуломъ „императора“). Извѣстно, что Балканскій полуостровъ былъ театромъ кровавой борьбы между Цезаремъ и Помпеемъ. Въ мартѣ 49 года до Р. Хр. Помпей съ блестящими легіонами и огромнымъ флотомъ переправился изъ Брундузія къ Диррахію, а оттуда съ сухопутнымъ войскомъ прошелъ въ Македонію и здѣсь провелъ лѣто среди обширнѣйшихъ военныхъ приготовленій, такъ какъ Цезарь, занятый въ Италіи и Испаніи, могъ переправиться на берегъ Эпира только въ январѣ 48 года[2]). Можно было бы

ἐτόλμησεν ἐπιόντας αὐτοὺς ὑπομεῖναι, ἀλλ' ὡς καὶ ἐπ' ἄλλο τι μετὰ τῶν ἱππέων ὑποχωρήσας ἔφυγε, καὶ οὕτω τοὺς πεζοὺς ἐκεῖνοι περισχόντες ἔκ τε τῆς χώρας βιαίως ἐξήλασαν καὶ τὴν λείαν προσαφείλοντο· τὸ δ' αὐτὸ τοῦτο καὶ περὶ τοὺς συμμάχους τοὺς ἐν τῇ Μυσίᾳ ποιήσας ἡττήθη πρὸς τῇ τῶν Ἰστριανῶν πόλει πρὸς τῶν Σκυθῶν τῶν Βασταρνῶν, ἐπιβοηθησάντων αὐτοῖς, καὶ ἀπέδρα. Cf. id. 51, 26: .... ὁ Κράσσος... ἐπὶ Γένουκλα τὸ εὐερκέστατον τῆς Ζυράξου ἀρχῆς τεῖχος ἦλθεν, ὅτι τὰ σημεῖα, ἃ τοῦ Ἀντωνίου τοῦ Γαίου οἱ Βαστάρναι πρὸς τῇ τῶν Ἰστριανῶν πόλει ἀφῄρηντο, ἐνταῦθα ἤκουεν ὄντα. Cf. Drumann, Gesch. Roms I, p. 538; Hertzberg, Gesch. Griechenlands unter d. Herrschaft der Römer I, p. 421; Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. 1 (1894), ст. 2577 сл. № 19.

1) О положеніи города на Эгнатіевой дорогѣ см. Polyb. 34, 12, 6 = Strab. 7, p. 323 (ср. Tafel, de via Egnatia, 1842). Обыкновенно пріурочиваютъ этотъ городъ къ нынѣшнему *Битолю* или *Монастиру*. Названіе Λυγκος извѣстно въ литературѣ со временъ Ѳукидида, у котораго употребляется (IV, 83, 124, 129, 132) въ женскомъ родѣ въ смыслѣ области, жители которой называются Λυγκῆσται. Ср. Heuzey et Daumet, Mission archéolog. en Macédoine (Paris. 1876), p. 300 sq. Употребленное въ нашей надписи выраженіе Ἡράκλεια ἡ ἐπὶ τοῦ Λύκου невольно вызываетъ предположеніе, не было ли Λύκος названіемъ рѣки (притока Эригона), на которой стояла Ираклія. Къ такому предположенію очень подходитъ поставленное у Плутарха (T. Flam. 4) выраженіе: «Ἦσαν μὲν οὖν οἱ τὸν Τίτον ἄγειν κύκλῳ διὰ τῆς Δασσαρήτιδος κατὰ Λύκον εὔπορον ὁδὸν καὶ ῥᾳδίαν ἐπιχειροῦντες», въ которомъ, кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить одинаковое съ нашею надписью написаніе этого названія (безъ γ).

2) О военныхъ дѣйствіяхъ 48 года ср. Mommsen, Röm. Gesch. III^6, p. 424 sq. (= стр. 347—355 русск. перев. А. Веселовскаго, Москва 1880); Hertzberg, Gesch. Griech. unter d.

думать, что посолъ Биребисты Акорніонъ явился къ Помпею во время его пребыванія въ Македоніи, именно въ 49 году; но усвоенный Помпею въ нашей надписи титулъ αὐτοκράτωρ, которымъ греки переводили, какъ извѣстно, латинскій титулъ „imperator", заставляетъ скорѣе думать, что свиданіе Помпея съ Акорніономъ произошло уже послѣ пораженія Цезаря при Диррахіѣ въ началѣ лѣта 48 года, такъ какъ именно послѣ этой битвы Помпей былъ провозглашенъ императоромъ [1]). Потерпѣвъ пораженіе, Цезарь началъ отступленіе къ Аполлоніи; Помпей послѣдовалъ за нимъ, но уже на четвертый день прекратилъ преслѣдованіе и направился въ Македонію, въ надеждѣ захватить въ свои руки два цезаревыхъ легіона, которые подъ начальствомъ Гн. Домиція Кальвина стояли въ это время какъ разъ на Эгнатіевой дорогѣ, вблизи Иракліи Линкистидской [2]). Быстрое движеніе на югъ по направленію къ Θессаліи спасло Кальвина отъ грозившей ему опасности и дало возможность соединиться съ главными силами Цезаря, который тѣмъ временемъ безпрепятственно достигъ Аполлоніи и затѣмъ двинулся также въ Θессалію. Туда же направился и Помпей, какъ кажется, по Эгнатіевой дорогѣ до Пеллы и оттуда по большой дорогѣ на югъ. Враждебныя арміи встрѣтились близъ Фарсала, и здѣсь 9-го августа 48 года (706 u. c.) произошла знаменитая битва, положившая конецъ этой междоусобной борьбѣ.

Такимъ образомъ свиданіе Акорніона съ Помпеемъ должно было произойти лѣтомъ 48 года. Такъ какъ это посольство Акорніона поставлено на послѣднемъ мѣстѣ въ ряду его заслугъ (за нимъ слѣдуетъ въ стр. 38—42 лишь нѣсколько похвалъ общаго характера), то можно думать, что и разсматриваемый нами декретъ относится именно къ этому году или, самое позднее, къ слѣдующему, а вообще патріотическая дѣятельность Акорніона падаетъ главнымъ образомъ на пятое десятилѣтіе I вѣка до Р. Хр.

Главный интересъ и значеніе нашему документу придаетъ, какъ мы уже

Herrsch. d. Römer v. I, p. 454 sq., гдѣ указаны и источники. Къ сожалѣнію, намъ не удалось пользоваться трудомъ L. Heuzey, Les opérations militaires de J. César, étud. sur le terrain par la mission de Macédoine (Paris 1886).

1) Caes. *b. civ.* III 71: Pompeius eo proelio imperator est appellatus. Hoc nomen obtinuit atque ita se postea salutari passus etc.

2) Caes. *b. civ.* III 79:... Caesarem Apollonia a directo itinere averterat; Pompeius per Candaviam iter in Macedoniam expeditum habebat. Accessit etiam ex improviso aliud incommodum, quod Domitius, qui dies complures castris Scipionis castra collata habuisset, rei frumentariae causa ab eo discesserat et Heracliam, quae est subiecta Candaviae, iter fecerat, ut ipsa fortuna illum obicere Pompeio videretur...

упомянули выше, двукратное упоминаніе въ немъ гетскаго царя Биребисты[1]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимаясь изслѣдованіемъ историческихъ судебъ города Ольвіи[2]), мы должны были посвятить нѣсколько страницъ подробному разсмотрѣнію сохранившихся историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ царѣ, такъ какъ именно его почти всѣ новые изслѣдователи, вслѣдъ за Нибуромъ[3]), считаютъ виновникомъ тяжкаго разгрома Ольвіи и другихъ припонтійскихъ городовъ, извѣстнаго намъ изъ „Борисѳенской рѣчи“ Діона Хрисостома. Отсылая къ этимъ страницамъ читателей, желающихъ возобновить въ памяти дѣятельность Биребисты, мы остановимся здѣсь только на двухъ вопросахъ, для которыхъ нашъ документъ сообщаетъ новыя данныя.

1) Изъ писателей, называющихъ поименно царя Биребисту, Юстинъ вовсе не опредѣляетъ его времени, Іорданъ сопоставляетъ его царствованіе со временемъ главенства Суллы въ Римѣ[4]), а Страбонъ въ двухъ мѣстахъ[5]) называетъ его своимъ современникомъ и кромѣ того говоритъ[6]), что Цезарь собирался предпринять противъ него походъ, такъ какъ онъ внушалъ страхъ римлянамъ своими смѣлыми набѣгами на Ѳракію до Македоніи и Иллиріи, но что Биребиста былъ убитъ во время возмущенія раньше, чѣмъ римляне успѣли послать противъ него войско. Изъ другихъ авторовъ[7]) извѣстно, что смерть застигла Цезаря (15-го марта 44 года) именно во время приготовленій къ экспедиціи противъ Гетовъ (по Свѣтонію — Даковъ) и Парѳянъ. На основаніи этихъ сопоставленій новые

1) Имя царя пишется Βοιρεβίστας или Βυρεβίστας у Страбона, Burobostes (codd. *rudobostes*) у Юстина *prol.* 32, Burvista у Іордана (*de reb. Get.* 11). По мнѣнію Rösler'a (Romänische Stud., Leipz. 1871, p. 28), «diese von Iordanis c. 11 überlieferte Form hat mehr Anspruch für die echte zu gelten, als die griechische Βυρεβίστας». И въ надписи имя царя является въ двухъ формахъ: Βυρεβίστας (согласно съ Страв. p. 298 и 762) въ стр. 22 и Βυραβέστας въ стр. 33. Слѣдуетъ, повидимому, заключить, что греки въ самомъ дѣлѣ затруднялись при транскрипціи этого чуждаго имъ имени и потому писали его то такъ, то иначе.

2) Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, январь—апрѣль (отд. класс. фил.) и отд. изд. С.-Пб. 1887. Вопросъ о разореніи Ольвіи гетами изслѣдуется въ гл. V, стр. 145—160. Ср. G. Zippel, Die Römische Herrschaft in Illyrien bis auf Augustus (Leipz. 1877), стр. 213—222.

3) Kl. hist. Schriften, I, p. 390 sq.

4) Iord. *de reb. Get.* 11: regnante Gothis Burvista, ...quo tempore Romanorum Sulla potitus est principatu etc.

5) Strab. *Geogr.* VII, 3, 11 (p. 303): τῶν δὲ Γετῶν τὰ μὲν παλαιὰ ἀφείσθω, τὰ δ' εἰς ἡμᾶς ἤδη τοιαῦτα ὑπῆρξε. Βοιρεβίστας ἀνὴρ Γέτης ἐπιστὰς ἐπὶ τὴν τοῦ ἔθνους ἐπιστασίαν ἀνέλαβε κεκακωμένους τοὺς ἀνθρώπους κτλ.—XVI, 2, 39 (p. 762): τοιοῦτος... καθ' ἡμᾶς ὁ τῷ Βυρεβίστᾳ θεσπίζων Δεκαίνεος. О времени составленія Страбоновой географіи ср. B. Niese, Beiträge zur Biographie Strabos въ журн. *Hermes* 13, стр. 33 сл.

6) *Geogr.* VII, 3, 5 (p. 298) и VII, 3, 11 (p. 303).

7) App. *b. civ.* 2, 210; 3, 25, 37; *Illyr.* 13. Suet. *Caes.* 44, *Aug.* 8. Vell. II, 59, 4. Liv. 117.

изслѣдователи[1]) согласно относятъ время дѣятельности Биребисты къ срединѣ I вѣка до Р. Хр. Въ настоящее время справедливость свидѣтельства Стравона и основаннаго на немъ мнѣнія новыхъ историковъ вполнѣ подтверждается новымъ документомъ, изъ котораго видно, что возвышеніе Биребисты относится именно къ 50-мъ годамъ до Р. Хр.

2) Мы уже упомянули, что именно Биребистѣ приписывается раззореніе Ольвіи и другихъ припонтійскихъ городовъ. По словамъ Діона Хрисостома[2]), городъ Борисѳенитовъ, находясь въ странѣ воинственныхъ варваровъ, постоянно подвергался нападеніямъ и неоднократно былъ даже захватываемъ врагами. „Послѣднее и самое сильное раззореніе его послѣдовало не болѣе какъ за полтораста лѣтъ[3]): Геты взяли какъ его, такъ и другіе города на лѣвой сторонѣ Понта до Аполлоніи. Вслѣдствіе этого дѣла тамошнихъ эллиновъ пришли въ крайній упадокъ, такъ какъ одни города совсѣмъ не были возстановлены, другіе — въ плохомъ видѣ, и при этомъ нахлынуло въ нихъ множество варваровъ“. Стравонъ (VII, 3, 11) рисуетъ исторію возвышенія Биребисты въ слѣдующихъ чертахъ: „Въ наше время Гетъ Биребиста, ставъ во главѣ своего племени, поправилъ состояніе народа, изнуреннаго отъ постоянныхъ войнъ, и постоянными упражненіями, трезвостью и повиновеніемъ своимъ повелѣніямъ поднялъ его до такой высоты, что въ немногіе годы создалъ великое царство и подчинилъ власти Гетовъ большую часть сосѣднихъ племенъ. Онъ сталъ уже страшенъ и Римлянамъ, отважно переправляясь черезъ Истръ и опустошая Ѳракію до предѣловъ Македоніи и Иллиріи, разгромилъ смѣшанныхъ съ Ѳракійцами и Иллирійцами Кельтовъ и совершенно уничтожилъ Боевъ, бывшихъ подъ властью Критасира, и Таврисковъ“. Сравнивая между собою эти два свидѣтельства, дѣйствительно можно съ полною вѣроятностью полагать, что виновниками разгрома Ольвіи и другихъ припонтійскихъ городовъ были именно Геты Биребисты. По всей вѣроятности, къ этому же погрому относятся свидѣтельства Одисской и Истропольской надписей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсмотрѣнныя нами въ спеціальной за-

---

1) Кромѣ авторовъ, указанныхъ въ *Изслѣдованіяхъ объ Ольвіи*, стр. 156 слѣд., см. еще Zippel, указ. соч. стр. 217 сл.; Th. Mommsen, Res gestae divi Augusti[2] (Ber. 1883), p. 129 sq.; Ios. Kleinsorge, De civitatum Graecarum in Ponti Euxini ora occidentali sitarum rebus (diss. Hal. 1888), p. 14; C. Heilmann, Quibus auctoribus Strabo usus sit in describenda ora maris Pontici a Byzantio usque ad Tanain (diss. Hal. 1885), p. 15.

2) Dionis Chrys. or. 36, v. II p. 75 R.

3) То есть, именно въ срединѣ I в. до Р. Хр. Ср. *Изслѣд. объ Ольвіи*, стр. 147 сл.

мѣткѣ [1]). Нашъ новый документъ свидѣтельствуетъ, что царь Биребиста быстро достигъ высокой степени могущества или, говоря его точными словами, „сдѣлался первымъ и величайшимъ изъ ѳракійскихъ царей и захватилъ всю страну по ту и по сю сторону рѣки", но что городъ Діонисополь путемъ добровольнаго подчиненія царю избѣгъ печальной участи другихъ греческихъ городовъ: Акорніонъ, отправившись къ царю (повидимому, по личной иниціативѣ, а не официально въ качествѣ посла: иначе въ стр. 25, безъ сомнѣнія, было бы сказано ἀποσταλεὶς πρεσβευτής) и добившись у него аудіенціи, успѣлъ спасти родной городъ, „давая царю наилучшіе совѣты и привлекая благосклонность царя къ спасенію города". Что городъ призналъ надъ собою власть Биребисты, это видно изъ официальнаго названія его царемъ и изъ общаго почтительнаго тона относящихся къ нему выраженій [2]). Акорніону удалось пріобрѣсти столь большое довѣріе царя, что послѣдній счелъ возможнымъ поручить ему такое важное дѣло, какъ посольство къ Помпею. Цѣль этого посольства не вполнѣ ясна. Можно было бы думать, что недавняя побѣда Помпея надъ Цезаремъ при Диррахіи, преувеличенная молва о которой быстро распространилась на Востокѣ [3]), подала Биребистѣ поводъ отправить посольство, чтобы привѣтствовать побѣдителя, пользовавшагося славой и уваженіемъ у восточныхъ народовъ [4]); но употребленное въ документѣ (стр. 35—37) выраженіе, что Акорніонъ «τοὺς ὑπὲρ τοῦ βα[σιλ]έως χρηματισμοὺς διέθετο, τὴν εὔνοιαν τὴν Ῥωμαίων πα[ρ]αγόμενος τῷ βασιλεῖ», заставляетъ скорѣе думать, что Римляне уже имѣли поводъ къ недовольству столь быстро возвысившимся во Ѳракіи царемъ и что послѣдній, считая для себя невыгодною борьбу съ Римлянами или чувствуя себя недостаточно къ ней подготовленнымъ, отправилъ къ Помпею просительное посольство именно въ такой моментъ, когда

---

1) *Mitth. d. D. Arch. Inst. in Athen*, v. XI (1886), p. 200 сл. (Одисская надпись издана Мордтманомъ тамъ же, т. X, стр. 317, № 5, а Истропольская—Точилеску въ *Arch.-epigr. Mitth.* VI, 36 сл. № 78). Ср. *Изслѣд. объ Ольвіи*, стр. 146. Наши соображенія вполнѣ раздѣляетъ Kleinsorge, ук. соч. стр. 15 сл. Онъ относитъ къ тому же погрому слѣдующую надпись изъ г. Аполлоніи, изданную К. Иречкомъ въ *Arch.-ep. Mitth.* X, p. 163, № 1: Μήτοκος Ταρούλου, φύσι δὲ Δέκμου, κτίσας τὴν πόλιν μετὰ τὴν ἔκπτωσιν καὶ ἐπισκευάσας τὸ τρίπυλον καὶ τὴν βᾶριν Ἀπόλλωνι Ἰητρ[ῷ]. Намъ кажется, однако, что эта надпись по признакамъ палеографическимъ (буква ⊏), орѳографическимъ (φύσι) и ономатологическимъ (латинское имя Δέκμος= Decimus) должна быть отнесена къ болѣе позднимъ временамъ.

2) Для сравненія слѣдуетъ отмѣтить, что въ указанномъ декретѣ изъ Истрополя, очевидно пострадавшаго отъ нашествія Гетовъ, имя Биребисты вовсе не упоминается, а говорится вообще о «властвующихъ въ странѣ варварахъ».

3) Caes. *b. civ.* III, 72, 5; 79, 4.

4) Caes. *ibid.* III, 43, 4.

могъ наиболѣе опасаться этого полководца, шедшаго чрезъ Македонію съ могущественной и побѣдоносной арміей. Посольство Акорніона, очевидно, увѣнчалось успѣхомъ (иначе не было бы поставлено ему въ заслугу въ документѣ); но, быть можетъ, именно этотъ успѣхъ потомъ отчасти повредилъ Биребистѣ въ глазахъ Цезаря, собиравшагося, какъ мы знаемъ, предпринять противъ него обширный походъ. Итакъ, вполнѣ точное опредѣленіе времени могущества Биребисты, спасеніе Діонисополя отъ его нашествія и переговоры его съ Помпеемъ въ 48 году при посредствѣ діонисопольскаго гражданина Акорніона — вотъ совершенно новые факты, вносимые въ исторію вновь найденнымъ документомъ, не говоря уже о томъ, что имъ вполнѣ подтверждается свидѣтельство Стравона о быстромъ возвышеніи Биребисты и подчиненіи имъ своей власти земель по обѣ стороны Истра.

Кромѣ указаннаго историческаго значенія, нашъ документъ весьма интересенъ по сообщаемымъ въ немъ свѣдѣніямъ, относящимся къ государственной и религіозной жизни Діонисополитовъ. Мы видимъ, что Діонисополь представлялъ собою политію съ димократическимъ образомъ правленія (стр. 42—44), который сохранился въ немъ до позднихъ римскихъ временъ, какъ видно изъ упомянутыхъ уже двухъ надписей, найденныхъ тамъ раньше[1]). Относительно религіозной жизни мы узнаемъ, что однимъ изъ главныхъ боговъ въ Діонисополѣ былъ Діонисъ, почитавшійся въ качествѣ эпонима города (стр. 13—14), и что въ честь его ежегодно праздновались Διονύσια; что это былъ важнѣйшій въ городѣ праздникъ, видно изъ обычая пріурочивать къ нему награжденіе заслуженныхъ лицъ (стр. 45). Изъ числа другихъ боговъ, почитавшихся въ городѣ, надпись упоминаетъ, повидимому, Зевса „Великаго“, Серапида[2]) и Самоѳракійскихъ боговъ. Культъ египетскихъ боговъ, преимущественно Исиды, Серапида, Арпократа и Анувида, былъ широко распространенъ во всѣхъ областяхъ Балканскаго полуострова, въ особенности въ римскую эпоху[3]), и его существованіе въ Діонисополѣ было уже давно извѣстно по монетамъ, относящимся ко временамъ римскихъ

1) *Arch.-epigr. Mitth.* X p. 184, №№ 1 и 3. Ср. Kleinsorge, ук. соч. стр. 49.

2) Возстановленіе [Σερ]άπει или [Σαρ]άπει въ стр. 12 намъ кажется несомнѣннымъ. Послѣдняя форма поставлена въ текстѣ, какъ болѣе употребительная.

3) Свѣдѣнія о культѣ египетскихъ божествъ въ придунайскихъ странахъ тщательно собраны и разсмотрѣны въ спеціальной монографіи Wilh. Drexler'a Mythologische Beiträge. Heft I. Der Cultus d. Aegypt. Gottheiten in den Donauländern, Leipz., Teubner, 1890. Ср. также извѣстную диссертацію G. Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie hors de l'Egypte (Paris 1884).

императоровъ Септимія Севера, Александра Севера и Гордіана[1]). Въ настоящее время мы видимъ, что Серапидъ уже въ I вѣкѣ до Р. Хр. имѣлъ въ Діонисополѣ прочно установленный культъ[2]). Почитаніе Самоѳракійскихъ боговъ (Кавировъ) въ эллинистическія и римскія времена, какъ извѣстно, также получило широкое распространеніе въ разныхъ областяхъ греческаго міра[3]). Въ Діонисополѣ, какъ видно изъ упоминанія о μύσται въ стр. 21, ихъ культъ имѣлъ обычный мистическій характеръ.

Вакантныя жреческія мѣста у грековъ замѣщались, какъ извѣстно, весьма различными способами: нѣкоторыя жречества были наслѣдственны, другія замѣщались по жребію, третьи — по выбору гражданъ, иныя были продаваемы. Въ Діонисополѣ замѣщеніе жреческой вакансіи по жребію практиковалось въ культѣ Серапида (стр. 12). Относительно жречества Діониса въ стр. 13—15 читается интересное свидѣтельство, что это жречество оставалось вакантнымъ нѣсколько лѣтъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе сопряженныхъ съ нимъ значительныхъ расходовъ, и затѣмъ только по просьбѣ согражданъ Акорніонъ согласился принять на себя жреческій санъ. Подобное же свидѣтельство имѣемъ мы

---

1) См. Drexler, ук. соч. стр. 80 сл.

2) Этотъ фактъ лично для меня интересенъ, какъ лишній доводъ въ пользу моего мнѣнія о времени Тирасской надписи съ посвященіемъ Серапиду, Исидѣ и другимъ богамъ, изданной мною въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Комм.», вып. 9 (1892), стр. 58 [=IosPE. IV nº 1], и отнесенной, на основаніи внѣшнихъ признаковъ письма, приблизительно ко II в. до Р. Хр. Проф. А. И. Сонни въ «*Филолог. Обозрѣніи*», т. V, стр. 53 сл., замѣтивъ, что всѣ данныя, собранныя Дрекслеромъ о существованіи культа египетскихъ божествъ не только на сѣверномъ, но и на западномъ побережьѣ Чернаго моря, относятся приблизительно ко 2-му и 3-му вв. по Р. Хр., призналъ эту надпись «хронологическимъ исключеніемъ» среди этихъ данныхъ. По поводу этого мнѣнія я въ томъ же томѣ «*Филолог. Обозрѣнія*» на стр. 140 сл. [см. выше стр. 168—170] позволилъ себѣ указать на предположеніе, высказанное самимъ г. Сонни въ одномъ изъ его рефератовъ въ Кіевскомъ обществѣ лѣтописца Нестора, что на берегахъ Чернаго моря египетскій культъ могъ распространиться инымъ образомъ—путемъ торговыхъ сношеній съ Александріей, и заявилъ, что Тирасская надпись кажется намъ не «хронологическимъ исключеніемъ», а подтвержденіемъ этого вполнѣ вѣроятнаго предположенія. Къ сказанному въ этой замѣткѣ я могъ бы прибавить, что далеко не всѣ приведенныя у Дрекслера свидѣтельства могутъ быть точно опредѣлены хронологически (напр. статуэтки, бюсты и пр.) и что самъ Дрекслеръ (ук. соч. стр. 97) вполнѣ допускаетъ возможность вліянія прямыхъ сношеній съ Египтомъ на возникновеніе египетскаго культа во Ѳракіи. Въ настоящее время, когда мы видимъ прочно установленный культъ Серапида во ѳракійскомъ городѣ въ срединѣ I в. до Р. Хр., нѣтъ уже, мнѣ кажется, никакого основанія сомнѣваться въ возможности существованія того же культа и въ Тирасѣ немного раньше этого времени.

3) Ср. Preller-Robert, Griech. Mythol. I⁴ (1894), стр. 857 сл.; Daremberg-Saglio, Dict. des antiquités gr. et rom. I, 2, s. v. Cabiri; Н. И. Новосадскій, Культъ Кавировъ въ древней Греціи (Варш. 1891), стр. 150 сл. Намъ не удалось имѣть подъ руками диссертацію O. Rubensohn, Die Mysterienheiligthümer in Eleusis u. Samothrake, Berl. 1892.

въ упомянутой уже Истропольской надписи, относящейся приблизительно къ одному времени съ нашею: чествуемый въ ней гражданинъ Аристагоръ Апатуріевъ нѣсколько разъ по просьбѣ сограждан или за неимѣніемъ другихъ желающихъ добровольно принималъ на себя обязанности жреца Аполлона Врача, что и было вмѣнено ему въ особую заслугу [1]). Приходится думать, что такой способъ замѣщенія жречества былъ нерѣдкимъ явленіемъ въ бѣдныхъ припонтійскихъ городкахъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что данная Акорніону за его заслуги награда на первый взглядъ представляется очень щедрою: совѣтъ и народъ постановили (стр. 43—48) „увѣнчать его въ праздникъ Діонисій золотымъ вѣнцомъ и мѣдною статуею, а также и на будущее время ежегодно увѣнчивать въ Діонисіи золотымъ вѣнцомъ“. Однако изъ слѣдующей прибавки „предоставить ему для постановки статуи самое видное мѣсто площади“ можно заключить, что Акорніону было предоставлено только *право* поставить свою статую, а заказать ее онъ долженъ былъ на собственный счетъ. На этомъ основаніи можно полагать, что и ежегодное вѣнчаніе его золотымъ вѣнцомъ также было лишь фиктивнымъ, то есть, что для этого употреблялся одинъ и тотъ же вѣнецъ, котораго онъ не получалъ въ свою собственность.

1) *Arch.-ep. Mitth.* VI, p. 37 vv. 20—36: ...παραγ[ενηθε]ις [ἐ]πάγγελτος καὶ τὸν ἐπώνυμον τῆς πόλεως Ἀπόλλωνος ἀναδεξά[μενο]ς στέφανον πανηγύρεσι πανδήμοις καὶ πομπαῖς προπρεπέσιν καὶ φυλῶν ἐπιδόσεσιν τοὺς θεοὺς καὶ τὴν πόλιν ἐτείμητεν... πάλιν τε τῶν πολειτῶν μετὰ ἔτη τρία διὰ τὰς τῶν κρατούντων τῆς χώρας βαρβάρων ἐπιζητούντων ἱερέα Ἀπόλλωνος Ἰητροῦ, τεθλειμμένων τῶν ἰδιωτικῶν βίων ἐπέδωκεν ἑαυτὸν καὶ παρελθὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν ἀνέλαβεν τὸν αὐτὸν στέφανον τοῦ θεοῦ... καὶ τὸ τρίτον τῶν αὐτῶν καιρῶν τήν τε πόλιν καὶ τὴν χώραν κατεχόντων ὁ αὐτὸς τελήας βουλόμενος τὰς τῆς εὐσεβ[ή]ας χάριτας τοῖς θεοῖς ἀπονέμειν ἅμα καὶ τῶν ἰδίων ἀπὸ τοῦ βίου [δ]απαν[η]μάτων τοῖς πολείταις ὡς ὁμοίως δαψιλεύεσθαι ἱερήσατο· μετὰ ἐν:[αυ]τόν τε μηδενὸς ἑαυτὸν ἐπιδιδόντος τὸν αὐτὸν ἀναλαβὼν στέφανον ἱερήσατο κτλ.

VIII.

Агонистическій каталогъ изъ Горгиппіи [1]).

Въ городѣ Анапѣ, расположенномъ, по всей вѣроятности, на мѣстѣ древней Горгиппіи [2]), и въ его окрестностяхъ найдено въ разное время до 35 памятниковъ греческой эпиграфики, дошедшихъ до насъ, къ сожалѣнію, большею частію въ видѣ обломковъ [3]). Всѣ эти памятники, за исключеніемъ изданнаго нами штемпеля съ именемъ Горгиппа [4]), относятся къ первымъ вѣкамъ по Р. Хр. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ большою надписью, свидѣтельствующею о существованіи на мѣстѣ нынѣшней Анапы чисто греческаго поселенія задолго до Рождества Христова.

Лѣтомъ 1895 года въ Анапѣ, на земельномъ участкѣ турецкаго подданнаго Дм. Ѳ. Цихлакиди, при рытьѣ фундамента для постройки дома, найдена большая плита изъ хорошаго бѣлаго мрамора безъ всякихъ украшеній, но покрытая съ обѣихъ сторонъ греческими письменами. Рабочіе, желая узнать, изъ какого камня сдѣлана плита, уже начали было отбивать ломами куски ея, но мѣстный податной инспекторъ А. С. Поповъ остановилъ ихъ и принялъ мѣры къ сохраненію плиты, которая затѣмъ пріобрѣтена старшимъ членомъ Императорской Археологической Коммиссіи, профессоромъ Н. И. Веселовскимъ въ собственность Коммиссіи и перевезена въ Керченскій музей, гдѣ и находится по настоящее время. Въ виду значительнаго интереса памятника Коммиссія любезно разрѣшила мнѣ опубликовать его раньше, чѣмъ онъ войдетъ въ изданіе новой серіи надписей, поступившихъ въ ея распоряженіе. Для разбора текста надписи мы воспользовались нѣсколькими прекрасными фотографическими снимками, любезно сообщенными намъ Н. И. Веселовскимъ; но такъ какъ для того, чтобы буквы вышли на фотографіи

---

1) *Журн. М. Н. Пр.* 1896, мартъ, отд. кл. фил., стр. 115—127 и *Матеріалы по арх. Россіи*, № 23, стр. 64—75. [Текстъ и транскрипція переизданы въ IosPE. IV, nº 432].

2) [Ср. ниже замѣтку «О мѣстоположеніи г. Горгиппіи»].

3) Изданы нами въ IosPE. II, nnº 397—420 и [IV, nnº 430—445].

4) *Мат. по арх. Россіи*, № 17, стр. 71, № 7.

какъ можно отчетливѣе, онѣ были предварительно обведены карандашомъ, то явилась необходимость проконтролировать списанный съ фотографіи текстъ по эстампажамъ, за доставленіе которыхъ по моей просьбѣ я обязанъ искреннею благодарностью директору Керченскаго музея К. Е. Думбергу; немалую услугу оказали намъ и тщательныя рукописныя копіи гг. Думберга и В. В. Шкорпила, присланныя вмѣстѣ съ эстампажами.

Сохранившаяся въ цѣлости четырехугольная плита имѣетъ въ вышину 2,06 метра, въ ширину 0,54—0,58 м., въ толщину 0,26 м. Надпись вырѣзана на обѣихъ широкихъ сторонахъ плиты въ два столбца, раздѣленныхъ проходящею посрединѣ камня вертикальною чертою. На обѣихъ сторонахъ лѣвый для зрителя столбецъ длиннѣе праваго: на сторонѣ А—на 5 строкъ, а на сторонѣ Б—на 4; подъ надписью остается на обѣихъ сторонахъ довольно значительное пустое пространство. Надпись вырѣзана на обѣихъ сторонахъ сверху до низу весьма тщательно, но неровными буквами: въ нѣкоторыхъ строкахъ онѣ имѣютъ отъ 1 до $1^1/_2$ см. вышины, въ другихъ значительно мельче. Въ формахъ буквъ нижнихъ строкъ кое-гдѣ замѣчаются особенности сравнительно съ верхними строками; по сообщенію К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила, лично осматривавшихъ надпись, она вырѣзана разными рѣзчиками и, быть можетъ, не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ; такое предположеніе легко допускается и самымъ содержаніемъ надписи; однако, вслѣдствіе близкаго сходства формъ буквъ въ разныхъ почеркахъ очень трудно съ точностью опредѣлить, по крайней мѣрѣ по эстампажамъ, какія именно строки вырѣзаны каждымъ отдѣльнымъ рѣзчикомъ. На сторонѣ А вся надпись сохранилась почти невредимо, хотя поверхность камня до строки 13-й нѣсколько попорчена, а на сторонѣ Б значительно пострадала отъ времени въ верхней части, приблизительно до 35-й строки. Вотъ ея транскрипція[1]):

Сторона А.

Столбецъ I.

1 Ε[ὐε]ξίας
Βλάστος Ἀττάλου
Εὔξενος Εὐξένου
Δίων Διονυσίου

Столбецъ II.

1 Οἵδε Ἑρμαῖα
δόλιχον ἐνίκησαν.

Ἡρόδωρος Ἀναξικράτο[υ]

1) [Эпиграфическій текстъ см. въ *Мат. по арх. Россіи* № 23, прил. къ стр. 66, и въ IosPE. IV, № 432. Транскрипція провѣрена по послѣднему изданію].

Σίνδος Δημητρίου
[Λ]ύσανδρος Νουμηνίου
Νικόστρατος Ἀναξικράτου
Πασίων Σκύθα
Ἀπολλώνιος Δημητρίου
Ἀριστοκλῆς Σκύθα
Ἀπελλικῶν Βάβα
Βλέψος Ἡρακλείδου
Διονύσιος Εὐπολέμου
Πασίων Διοφάντου
Λιμναῖος Πύρρου
[Ἱ]ππoκράτης Εὐτίμου
Νίκων Θεοτέλου
Ἀντίδωρος Ἡροδώρου
Νυμφόδωρος Εὐτίμου
Διονύσιος Ἀπολλωνίου
[Β]λέψος Γοργίου
Σάτυρος Εὐπόλιος
Ἡρόδωρος Ἑστιαίου
Δαναὸς Ἀπολλωνίου
Γοργίας Γοργίου
Ἡρόδωρος Εὐθύφρονος
[Τ]ιμέας Θεοξένου
Τιμέας Νοήμονος
[Κ]ρατῖνος Κοτυτίωνος
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου
Φιλῖνος Φιλίνου
[Γ]λαυκίας Γλαυκίου
Δημόχαρις Ὀρχάμου
Ἅγις Λυσάνδρου
[Π]ρομαθίων Χρυσίππου
Σωκράτης Σωκράτου
Προμαθίων Θόαντος
Δημήτριος Στρατονίκου
Ὑψικλῆς Ὑψικλέους
Δημήτριος Δημητρίου
Ἱπποκράτης Δημητρίου
Ἀγησίλας Διονυσίο[υ]
Ζώπυρος Ὑψικλέος
Μᾶτρις Στρατονίκου
Κόνων Ἀθηνίππου
Ἀπήμαντος Γοργίου
Πασίων Διοφάντου
Σκύθας Ἀριστοδήμο[υ]
Ἀντίδωρος Ἡροδώρο[υ]
Ἀπολλώνιος Ποσιδέο[υ]
Ἅγις Ἡρακλείδου
Κρίθων Ἡρογείτονος
Σάτυρος Εὐπόλιος
Ἀντιάδης Ἡροδώρο[υ]
Ἱπποκράτης Θεοκρίτου
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου
Σκύθας Θεοδώρου
Παράμονος Εὐβούλου
Εὔβουλος Καλλιμάχο[υ]
Ὑψικλῆς Φιλίσκου
Κρατῖνος Κοτυτίωνος
Μυστίας Δημώνακτ[ος]
Νικαγόρας Θεοδώρου
Δημήτριος Σινδόκου
Βλάστος Κοτυτίωνο[ς]
Κόδρος Διονυσίου
Ποσίδεος Ἑλλανίδου
Φίλισκος Φιλίσκο[υ]
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου
Παντακλῆς Κηφισ[ο]ῦ
Νικόβουλος Καλλιστράτο[υ]
Εὔρυτος Εὐρύτου

Ἀπολλώνιος Γλαύκου
Παντακλῆς Κηφισοῦ
Αἰσιμίδης Παταίκου
Ἀθανίων Στρατονίκου
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου
Ἀνθεστήριος Εὔφρονος
Ἡγησίλοχος Διονυσίου
Διοκλῆς Ζήνωνος
Δημάνθης Δημοχάριδος
Σωσίπατρος Ἡρακλείδου
Δήμαρχος Νουμηνίου
Πασίων Ἀριστοκλέους
Παγουρίων Γοργίου
Μαίσης Καλλιγένου
Στρατόνικος Γοργίου
Φιλῖνος Ἡροδώρου
Εὔβουλος Γοργίου
Εὔρυτος Κρατίνου
Νουμήνιος Νουμηνίου
Γοργίας Γοργίου
vac.

Διονύσιος Λυσάνδρου
Ἀπολλώνιος Ἐπικράτο[υ]
Ἀντάλκης Σινδόκο[υ]
Ἡγησίλοχος Διονυσίο[υ]
Διοκλῆς Ζήνωνο[ς]
Φιλῖνος Εὐκρατίδου
Κλέανδρος Καλλιππίδο[υ]
Μένανδρος Ἡρακλείτο[υ]
Θεόμνηστος Ἀριστοκλέου[ς]
Νικόμαχος Νικίου
Ἑστιαῖος Ἡροδώρου
Στρατόνικος Γοργ[ίο]υ
Ἀρισταγόρας Δημητρ[ίου]
Μεγάνωρ Δημητρίο[υ]
Ἀρτεμίδωρος Μενεκλέου[ς]
Σπαρτοκίων Σωστράτο[υ]
vac.

Сторона Б.

Столбецъ I.

1 . . . . . .
[Δημ]ητρίου το[ῦ Τ]ιμέου.
Χάρων Σάσωντος
Λ[ύ]σανδρος Ἑλλ[α]νίδου
[Ζω]πυρ[ίων] Ζωπυρίωνος
[Ἀπ]ολλᾶς Σατύ[ρ]ου
[Λύσ?]ιππος Ἀπολλοδώρου
[Σῶ]σις Ἑκαταίου
[Με]ιδίας Διονυσίου
Εὔφρων Ἀνδροσ[θ]ένου

Столбецъ II.

1 . . . . . ε . . . . . .
[. . . . . Διονυ]σοδώ[ρου?]
[Ὑψ]ικλῆ[ς Ὑ]ψικλέ[ος]
[Πα]πύλο[ς] Δημ[ητρί]ου
Λυσίας [Π]ρομή[θου]
Θεώνιχος Λεύκων[ος]
Δελφ[ί]νιος Στρ[ατονίκου?]
Δημήτριος Δημη[τρίου]
Ὑλαῖος Σίνδου
Μᾶτρις [Ε]ὐμήλου

[Ἡρό]δωρος Ἀντι[ά]δου
[Ἀπ]ολλώνιος Διονυσίου
[Ἐ]πικράτης Σίνδου
[Δ]ημοσῶν Σίμωνος
Θεόκριτος Ἱπποκρά[τ]ου
[Βάκ]χιος Ἀ[π]ελλικῶντος
[Γ]λαῦ[κο]ς Δημοφῶντος
[Ἀνα]ξιάδης Σίνδου
[Θ]εόδ[ω]ρος Θεοτίμου
[Παπύ]λος Δημη[τ]ρίου
[Ὑψικ]λῆς Ὑψικλέος
...δης Ἱπποκρά[τ]ου
[Π]ερδίκκας Δίνδου
[Ἀρ]ιστοκλῆς Σ[κ]ύθα
[Ἀρτεμί]δωρος Διονυσίου
[Δεί]να[ρ]χος Κτησίου
.....ας Ἀρχεστράτου
[Δί]φ[ι]λος Ἀνα[ξ]ικράτου
[Ἀγ]αθοκλῆς Ἀττάλου
[Καλλί]μαχος Διονυσίου
[Ἀρχ]έδημος Κρατίνου
[Σώ]στρατος Ἀναξικρά[τ]ου
[Δί]ων Ἡρογείτονος
[Ἀ]πήμαντος Γοργίου
[Ἀ]γησίλας Εὔφρονος
[Ἀ]ρχέδημος Ἑστιαίου
[Πα]πίας Διον[υ]σοδώρου
[Σ]ωσίπατρος Θεοδώρου
]Ὑ]λαῖος Σίνδου
[Ἱ]ππokράτης Θεοκρίτου
Διονύσιος Διονυσίου
Νικόστρατος Κρατίνου
[Ἡ]ρόδωρος Ἑστιαίου
[Κ]αλλιγένης Κρατεροῦ

Κόνων Ἀθηνίππ[ου]
Τιμέας Τιμέου
Ἡρογ[ε]ίτων Δίω[ν]ο[ς]
Ἀρχέδημος Ἐσ[τιαίου]
Μενεκράτης [Μειδίου?]
Μένιππος [Βά]ττα?
Σκύθας [Ἀρ]ιστο[κλέους]
Ἀντιάδης Ἡροδώ[ρου]
Καλλιγένης Ἀ[ττ]ά[λου?]
Ἡρόδω[ρ]ος Ἡροδώρου
Παράμονος Εὐ[β]ούλου
Ἥραιος Τιμοσθέ[ν]ου
Ἀρίστων Πάτρων[ος]
Ἀπήμαντος Παγ[ουρίωνος?]
[Ἐ]καταῖος Εὐρύτου
Διονυσόδωρος Ἀπο[λλωνίου]
Ἀπολλοφάνης.....
Ὑψικλῆς Φιλίσκου
Σίνδος Ἐπικράτου
Θεόδωρος Φιλίσκου
Ἴτης Ἐπικράτου
Ἀπολλόδωρος Ἐπικράτο[υ]
Διονύσιος Καλλιμάχο[υ]
Ἀθήνιππος Ἡροφάνο[υ]
Ἐπικράτης Ἐπικρ(ά)το[υ]
Ποσίδεος Ἑλλανίδο[υ]
Αἴσχρος Ὀρθαγόρου
Βάκχιος Βακχίου
Ὀρθαγόρας Νικιάδο[υ]
Ὄρχαμος Εὐάνθου[ς]
Ἀντάλκης Σινδόκου
Θεότιμος Θόαντος
Μηνόφιλος Ἵππωνος
Σωσίπατρος Ἰασιμάχ[ου]

Ἑστιαῖος Κρατίνου
Δαναὸς Ἀπολλωνίου
Διονύσιος Καλλιμάχου
Κρατῖνος Κοτυτίωνος
Θεόδωρος Φιλίσκου
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου
Δημήτριος Στρατονίκου
Γοργίας Παγουρίωνος
[Φ]ίλισκος Φιλίσκου
Ἀγησίλας Χαρικλέους
Προμαθίων Θόαντος
Δημήτριος Σινδόκου
Ἀρχέδημος Φιλίνου
Ἀθανίων Στρατονίκου
[Θ]εότιμος Θόαντος
[Φ]ιλῖνος Φιλίνου
[Π]αράμονος Εὐβούλου
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου
vac.

Νικι(ά)δης Νικιάδου
Σίνδος Ὑλαίου
Στράτιος Μοσχίων[ος]
Μένανδρος Μενάν[δρου]
Μένανδρος Ἡρακλεί[του]
Καλλικράτης Ἀγαθοκλέ[ους]
Ἀριστόδημος Σκύθα
Ὑλαῖος Ὑλαίου
Φιλέας Εὔφρονος
Σῶσις Μοσχίωνος
Γοργίας Γοργίου
Ἀριστοκράτης Δημητρίου
Θράσυλλος Γόργου
Σπαρτοκίων Σωστράτου
vac.

Для опредѣленія времени надписи текстъ ея не представляетъ никакихъ прямыхъ указаній, такъ что приходится ограничиться для этой цѣли главнымъ образомъ данными палеографическими и отчасти орѳографическими и грамматическими. Обращаясь къ первому критерію, мы можемъ замѣтить, что вполнѣ опредѣленный и строго выдержанный характеръ буквъ [1]) прямо указываетъ на III вѣкъ до Р. Хр. и притомъ скорѣе на первую его половину; считать документъ болѣе древнимъ препятствуетъ отсутствіе орѳографическихъ особенностей, обычно встрѣчающихся въ воспорскихъ документахъ IV вѣка до Р. Хр. [2]), и въ особенности постоянное образованіе gen. sing. на -ου отъ именъ, сложныхъ съ основами

1) Приводимъ нѣкоторыя буквы, наиболѣе характеристическія по своей формѣ: Α Ε Ξ Θ Κ Μ Ν Ξ ο Π Σ Φ Χ Ω ϡ. Буквы Θ, Ο и Ω обыкновенно мельче другихъ.

2) См. IosPE v. II, indices, p. 334. Отсутствіе Υ въ окончаніи gen. sing. ΟΥ во многихъ строкахъ правыхъ столбцовъ скорѣе можно объяснить или порчею камня, или недостаткомъ мѣста, нежели древнѣйшимъ правописаніемъ, такъ какъ въ лѣвыхъ столбцахъ написаніе Ο вмѣсто ΟΥ совсѣмъ не встрѣчается.

на -ες [1]). Мейстергансъ замѣчаетъ [2]) объ этихъ именахъ слѣдующее: „Der Genetiv hat bis 350 v. Ch. die Endung -ο(υ)ς. Von da an begegnen Formen auf -ου (39 Stellen von 350—300 v. Ch.). Doch überwiegt bis zum Jahre 300 im allgemeinen noch die ältere Bildungsweise auf -ους. Von 300 an aber gelangen die Formen auf -ου gänzlich zur Herrschaft". Хотя эти замѣчанія относятся спеціально къ аттическимъ надписямъ, но ими можно, конечно, руководствоваться и при разсмотрѣніи документовъ неаттическихъ. Что касается собственно до Воспора, то извѣстные по настоящее время эпиграфическіе памятники, въ которыхъ встрѣчаются такія имена, даютъ намъ право заключить, что въ IV вѣкѣ до Р. Хр. ихъ gen. sing. имѣлъ несокращенную форму по 3-му склоненію (на -εος), а начиная съ III вѣка и кончая позднѣйшими римскими временами обычно употреблялась форма на -ου [3]). Что касается, въ частности, до gen. sing. именъ на -κλῆς, то въ трехъ случаяхъ онъ имѣетъ окончаніе -κλέους (А I, 50, А II, 4 и Б I, 54), въ двухъ -κλέος (Ὑψικλέος А II, 8 и Б I, 21) и въ двухъ, повидимому, -κλέου (А II, 46 и 52), хотя возможно, что Σ въ обоихъ этихъ случаяхъ пропала вслѣдствіе порчи камня; наконецъ, въ трехъ мѣстахъ (Б II, 3, 17 и 50) окончаніе не сохранилось. По словамъ Мейстерганса [4]), въ аттическихъ надписяхъ „der Genetiv endigt im VI. und V. J. auf κλέο(υ)ς. Seit 350 v. Ch. begegnen vereinzelte Formen auf -κλέου, die aber nicht durchdringen und später wieder verschwinden". Такимъ образомъ вѣрнѣе всего будетъ отнести нашу надпись къ 1-й половинѣ III вѣка до Р. Хр.

Обращаясь къ содержанію надписи, мы видимъ, что на обѣихъ сторонахъ камня вырѣзаны длинные списки собственныхъ именъ съ отчествами: на сторонѣ А столбецъ I содержитъ списокъ 57 лицъ, ст. II—51 л., на ст. Б столбецъ I—61 лицо и ст. II—56 лицъ, всего 225 лицъ. Спискамъ предшествовали заглавія, изъ которыхъ вполнѣ сохранилось, къ сожалѣнію, только одно—въ ст. II стороны А: оно свидѣтельствуетъ, что этотъ столбецъ содержитъ въ себѣ пере-

---

1) Ограничиваясь примѣрами, въ которыхъ окончаніе *вполнѣ* сохранилось, укажемъ: Ἀναξικράτου А I, 6, А II, 3, Б I, 28 и 32; Θεοτέλου А I, 17; Σωκράτου А I, 36; Καλλιγένου А I, 52; Ἐπικράτου А II, 39, Б II, 29 и 31; Ἀνδρο[σθ]ένου Б I, 10; Ἱπποκράτου Б I, 22. [Въ ссылкахъ буквы *А* и *Б* обозначаютъ стороны камня, римскія цифры *I* и *II*—столбцы, а арабскія цифры—строки въ столбцѣ].

2) K. Meisterhans, Gramm. d. Att. Inschr.² p. 105.

3) См. IosPE. v. II, p. 335, ind. V, 3.

4) Gramm. d. Att. Inschr.² p. 104.

чень лицъ, одержавшихъ побѣду въ такъ называемомъ „длинномъ бѣгѣ“ [1]) въ праздникъ Ермія. Заглавіе I-го столбца стороны А состоитъ изъ одного только слова, не вполнѣ сохранившагося, но допускающаго, какъ намъ кажется, вполнѣ достовѣрное возстановленіе, ибо εὐεξία неоднократно упоминается въ надписяхъ въ числѣ различныхъ видовъ праздничныхъ состязаній [2]). На сторонѣ Б поверхность около верхняго края настолько попорчена, что нѣтъ возможности даже сказать съ полною увѣренностью, была ли въ ст. I передъ первымъ сохранившимся именемъ (Χάρων Σάσωντος) одна или двѣ строки; непосредственно предшествующая этому имени строка такъ плохо сохранилась, что въ ней лишь съ трудомъ можно разглядѣть нѣсколько буквъ, допускающихъ предложенное въ транскрипціи чтеніе. Въ ст. II передъ именемъ [Ὑψ]ικλ[ῆς Ὑ]ψικλέ[ος], несомнѣнно, было двѣ строки, но обѣ онѣ совершенно стерлись, за исключеніемъ нѣсколькихъ буквъ.

Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что вверху обоихъ столбцовъ стороны Б также стояли заглавія и что, стало быть, эти столбцы составляли собою не продолженіе списковъ стороны А, а отдѣльные отъ нихъ перечни, хотя и трудно опредѣлить характеръ заглавія, въ составъ котораго въ Б I входилъ, повидимому, родительный падежъ имени собственнаго съ отчествомъ. Въ доказательство мнѣнія, что на ст. Б были *отдѣльные* списки, а не продолженія списковъ ст. А, можно привести 1) то, что оба списка стороны А не доходятъ до нижняго края плиты и потому представляются оконченными, и 2) то, что во всѣхъ четырехъ спискахъ довольно часто встрѣчаются, какъ мы увидимъ ниже, имена однихъ и тѣхъ же лицъ, чего не могло бы быть, если бы на сторонѣ Б было продолженіе списковъ стороны А, или, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы въ такомъ случаѣ ожидать отмѣтокъ о вторичной, третьей и т. д. побѣдѣ одного и того же лица, тогда какъ упоминаніе однихъ и тѣхъ же лицъ въ разныхъ спискахъ вполнѣ возможно.

---

1) О разныхъ видахъ состязанія въ бѣгѣ, въ томъ числѣ и о δολιχος, ср. Hermann-Blümner, Griech. Privatalterth. (1882), стр. 345 сл.; L. Grasberger, Erziehung u. Unterricht im klass. Alterthum, I (Würzb. 1864), стр. 309 сл.

2) Ср. надпись изъ Систа, Dittenberger Syll.[1] № 246, v. 83: ἔθηκεν δὲ καὶ ὅπλα μακροῦ δρόμου καὶ εὐταξίας καὶ φιλοπονίας καὶ εὐεξίας. Ibid. №№ 396, 397. Диттенбергеръ къ № 396 п. 1 замѣчаетъ объ εὐεξία: «simile fuisse videtur certamen atque Atheniensium εὐανδρία; atque id genus etiam ab aliis civitatibus Graecis non alienum fuisse iure colligas ex Xenophontis loco quem ascripsi 395». [*Memor.* III, 3, 12, съ примѣчаніемъ: «In quibus ut εὐφωνίαν ad chorum Deliacum, sic σωμάτων μέγεθος καὶ ῥώμην ad εὐανδρίαν necessario referri monuit Sauppius. Sed magnitudini et robori corporum accedere debebat venustas, de qua Athen. XIII, p. 565 f.»].

Итакъ, наша надпись или (строго говоря), по крайней мѣрѣ, одна сторона ея (А) принадлежитъ къ тому разряду эпиграфическихъ памятниковъ, которому усвоено эпиграфистами названіе catalogi agonistici[1]). Въ виду того, что она не вноситъ важныхъ новыхъ данныхъ въ общую сокровищницу нашихъ свѣдѣній о памятникахъ этого рода, а равно и о праздничныхъ состязаніяхъ у грековъ, мы не будемъ говорить о нихъ вообще и считаемъ возможнымъ ограничиться въ нижеслѣдующихъ строкахъ лишь нѣсколькими замѣчаніями, непосредственно касающимися вновь открытаго памятника. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если во всѣхъ 4-хъ столбцахъ его вырѣзаны списки побѣдителей, то они даны, очевидно, за длинный рядъ годовъ, расположены, безъ сомнѣнія, въ нисходящемъ хронологическомъ порядкѣ и ведутъ свое начало, по всей вѣроятности, съ самаго учрежденія каждаго вида состязаній. Къ сожалѣнію, изъ этого положенія нельзя вывести никакихъ прочныхъ заключеній о времени возникновенія этихъ состязаній въ Горгиппіи, такъ какъ остаются неизвѣстными 1) точное время памятника, 2) совершались-ли состязанія ежегодно и 3) внесены-ли въ списокъ исключительно лица, получившія первый призъ, то есть по одному за каждое состязаніе. При этомъ необходимо добавить, что хотя по свидѣтельству очевидцевъ, К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила, списки вырѣзаны разными рѣзчиками и, быть можетъ, не сразу, но всетаки, судя по фотографіи и эстампажамъ, значительныя части списковъ на обѣихъ сторонахъ вырѣзаны однимъ и тѣмъ же лицомъ и въ одинъ пріемъ, такъ какъ не представляютъ никакой замѣтной разницы въ почеркѣ. Отсюда можно сдѣлать слѣдующее правдоподобное заключеніе о происхожденіи нашего документа: спустя значительное время по возникновеніи праздничныхъ состязаній въ Горгиппіи, по той или другой причинѣ рѣшено было увѣковѣчить на одномъ камнѣ имена лицъ, уже одержавшихъ побѣду въ разныхъ видахъ состязаній, что и было сдѣлано сразу однимъ рѣзчикомъ, а затѣмъ къ этимъ спискамъ постепенно прибавлялись имена новыхъ побѣдителей. Причина же прекращенія списковъ раньше, чѣмъ ими заполненъ былъ весь камень, конечно, останется для насъ неизвѣстною.

Обращаясь къ именамъ, записаннымъ въ спискахъ, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ каждомъ отдѣльномъ спискѣ фигурируютъ все разныя имена, то

---

1) Ср. о нихъ S. Reinach, Traité d' épigraphie Grecque, стр. 400 сл.; Г. Гинрихсъ, Греческая эпиграфика, пер. А. Никитскаго (Од. 1892), стр. 186 сл.; W. Larfeld, Griech. Epigraphik (въ Iw. Müller's Handbuch d. klass. Alterthumswiss. т. I, изд. 2-е), стр. 619 сл.

есть, иначе говоря, почти нѣтъ случаевъ, чтобы одно и то же лицо дважды или трижды одержало побѣду въ одномъ и томъ же состязаніи. Правда, есть два случая, когда одно и то же имя съ отчествомъ дважды записано въ одномъ и томъ же спискѣ, именно Γοργίας Γοργίου въ А I, 25 и 58 и Ἡρόδωρος Ἡροδώρου въ А II, 21 и 34; но въ обоихъ этихъ случаяхъ одинаковость имени и отчества позволяетъ предположить, что записаны не одни и тѣ же лица, а соименные *отцы и сыновья*; вѣроятность этого предположенія увеличивается тѣмъ фактомъ, что въ обоихъ случаяхъ одинаковыя имена записаны на значительномъ разстояніи одно отъ другого (въ первомъ случаѣ между ними 32 строки, а во второмъ—12). Въ самомъ дѣлѣ, если предположить относительно перваго случая, что состязаніе въ εὐεξία происходило ежегодно, при чемъ на камнѣ записывался одинъ побѣдитель, и что Горгій Горгіевъ одержалъ первую побѣду въ возрастѣ, положимъ, 25 лѣтъ, то вышло бы, что вторую побѣду въ томъ же состязаніи онъ одержалъ въ 57-лѣтнемъ возрастѣ; это во всякомъ случаѣ весьма мало вѣроятно.

Такимъ образомъ можно принять, что каждое отдѣльное лицо только однажды фигурируетъ въ каждомъ отдѣльномъ спискѣ; но зато весьма нерѣдки случаи, когда одно и то же имя съ отчествомъ встрѣчается въ разныхъ спискахъ. Всѣхъ такихъ случаевъ мы насчитали 39. Возможно, конечно, думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это были не одни и тѣ же лица, а тёзки; но если имя лица или отчества принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе рѣдкихъ и оригинальныхъ, то предположеніе о тожествѣ лицъ получаетъ полное право на вниманіе, въ особенности если записи не особенно разнятся по занимаемымъ въ спискахъ мѣстамъ, что въ большинствѣ случаевъ и замѣчается на дѣлѣ. Приводимъ полный списокъ этихъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ спискахъ:

Ἀθανίων Στρατονίκου А. I, 42 и Б. I, 58.
Ἀντάλκης Σινδόκου А. II, 40 и Б. II, 41.
Ἀντιάδης Ἡροδώρου А. II, 19 и Б. II, 18.
Ἀντίδωρος Ἡροδώρου А. I, 18 и А. II, 14.
Ἀπήμαντος Γοργίου А. II, 11 и Б. I, 34.
Ἀπολλώνιος Στρατονίκου А. I, 43 и Б. I, 62.
Ἀριστοκλῆς Σκύθα А. I, 10 и Б. I, 24.
Ἀρχέδημος Ἑστιαίου Б. I, 36 и Б. II, 14.
Γοργίας Γοργίου А. I, 25 и 58, Б. II, 58.

Δαναὸς Ἀπολλωνίου А. I, 24 и Б. I, 46.
Δημήτριος Δημητρίου А. II, 5 и Б. II, 8.
Δημήτριος Σινδόκου А. II, 29 и Б. I, 56.
Δημήτριος Στρατονίκου А. I, 38 и Б. I, 51.
Διοκλῆς Ζήνωνος А. I, 46 и А. II, 42.
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου А. I, 30 и Б. I, 50.
Διονύσιος Καλλιμάχου Б. I, 47 и Б. II, 33.
Ἡγησίλοχος Διονυσίου А. I, 45 и А. II, 41.
Ἡρόδωρος Ἑστιαίου А. I, 23 и Б. I, 43.
Ἡρόδωρος Ἡροδώρου А. II, 21 и 34, Б. II, 20.
Θεόδωρος Φιλίσκου Б. I, 49 и Б. II, 30.
Θεότιμος Θόαντος Б. I, 59 и Б. II, 42.
Ἱπποκράτης Θεοκρίτου А. II, 20 и Б. I, 40.
Κόνων Ἀθηνίππου А. II, 10 и Б. II, 11.
Κρατῖνος Κοτυτίωνος А. I, 29, А. II, 26 и Б. I, 48.
Μένανδρος Ἡρακλείτου А. II, 45 и Б. II, 49.
Παντακλῆς Κηφισοῦ А. I, 40 и А. II, 35.
Παπύλος Δημητρίου Б. I, 20 и Б. II, 4.
Παράμονος Εὐβούλου А. II, 23, Б. I, 61 и Б. II, 20.
Πασίων Διοφάντου А. I, 14 и А. II, 12.
Ποσίδεος Ἑλλανίδου А. II, 32 и Б. II, 36.
Προμαθίων Θόαντος А. I, 37 и Б. I, 55.
Σάτυρος Εὐπόλιος А. I, 22 и А. II, 18.
Σπαρτοκίων Σωστράτου А. II, 53 и Б. II, 58.
Στρατόνικος Γοργίου А. I, 53 и А. II, 49.
Ὑλαῖος Σίνδου Б. I, 39 и Б. II, 9.
Ὑψικλῆς Ὑψικλέους А. II, 4 и Б. I, 21.
Ὑψικλῆς Φιλίσκου А. II, 25 и Б. II, 28.
Φιλῖνος Φιλίνου А. I, 31 и Б. I, 60.
Φίλισκος Φιλίσκου А. II, 33 и Б. I, 53.

Этотъ списокъ представляетъ собою цвѣтъ Горгиппійскаго населенія за данное время, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ физическомъ. Въ то же время онъ позволяетъ думать, что Горгиппійская гражданская община была не особенно

многочисленна, если въ состязаніяхъ столь часто выступали и одерживали побѣды одни и тѣ же лица.

Далѣе, въ документѣ имѣется 12 такихъ случаевъ, въ которыхъ имя лица, записаннаго въ одномъ спискѣ, является отчествомъ другого и наоборотъ. Если не во всѣхъ, то въ большинствѣ этихъ случаевъ можно предполагать съ полною увѣренностью, что въ спискахъ фигурируютъ *отцы и сыновья*. Вотъ перечень такихъ именъ:

Ἀντιάδης Ἡροδώρου (см. выше).	Ἡρόδωρος Ἀντιάδου Б. I, 11.
Ἀπολλώνιος Διονυσίου Б. I, 12.	Διονύσιος Ἀπολλωνίου А. I, 20.
Ἀριστόδημος Σκύθα Б. II, 51.	Σκύθας Ἀριστοδήμου А. II, 13.
Ἀριστοκλῆς Σκύθα (см. выше).	Σκύθας Ἀριστοκλέους Б. II, 17.
Γοργίας Παγουρίωνος Б. I, 52.	Παγουρίων Γοργίου А. I, 51.
Διονύσιος Ἀρτεμιδώρου (см. в.).	[Ἀρτεμί]δωρος Διονυσίου Б. I, 25.
Διονύσιος Καλλιμάχου (см. в.).	[Καλλ]ίμαχος Διονυσίου Б. I. 30.
Ἐπικράτης Σίνδου Б. I, 13.	Σίνδος Ἐπικράτου Б. II, 29.
Ἑστιαῖος Ἡροδώρου А. II, 48.	Ἡρόδωρος Ἑστιαίου (см. в.).
Ἡρογείτων Δίωνος Б. II, 13.	[Δί]ων Ἡρογείτονος Б. I, 33.
Θεόκριτος Ἱπποκράτου Б. I, 15.	Ἱπποκράτης Θεοκρίτου (см. в.).
Σίνδος Ὑλαίου Б. II, 46.	Ὑλαῖος Σίνδου (см. в.).

Которыя изъ этихъ именъ принадлежатъ отцамъ и которыя сыновьямъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить трудно. Можно, конечно, принять за общее правило, что имена, записанныя ближе къ началу списковъ, принадлежатъ отцамъ; но и этотъ критерій оказывается неприложимымъ тогда, когда одно и то же имя занесено въ списки дважды на значительномъ разстояніи (считая по строкамъ), или когда имена отца и сына стоятъ въ спискахъ приблизительно на одномъ мѣстѣ (какъ, напримѣръ, Γοργίας Παγουρίωνος и Παγουρίων Γοργίου).

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію сохранившихся на камнѣ собственныхъ именъ. Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ числѣ читающихся цѣликомъ или допускающихъ вполнѣ правдоподобныя возстановленія отдѣльныхъ именъ, общее количество которыхъ доходитъ до 170, огромное большинство составляютъ имена *чисто-греческія*. Въ этомъ отношеніи нашъ документъ представляетъ рѣзкую разницу съ горгиппійскими (и вообще воспорскими) надписями римской эпохи, въ которыхъ является значительный процентъ

именъ не греческаго происхожденія, и позволяетъ заключить, что въ III вѣкѣ до Р. Хр. почти все населеніе Горгиппіи принадлежало къ греческому племени. Большинство греческихъ именъ въ документѣ принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе обычныхъ и общераспространенныхъ въ греческомъ мірѣ. Въ извѣстномъ словарѣ греческихъ собственныхъ именъ Папе-Бензелера (изд. 1875 г.) мы не нашли лишь слѣдующихъ именъ изъ встрѣчающихся въ документѣ: Ἀντάλκης, Δημοσῶν, Εὔτιμος, Ἑλλανίδης, Θεώνιχος, Ἴτης, Κοτυτίων, Μαίσης, Μεγάνωρ, Μυστίας, Παγουρίων, Σάσων, Σίνδοκος, Σίνδος и Σπαρτοκίων[1]). Справки въ нѣсколькихъ имѣвшихся подъ руками спискахъ собственныхъ именъ[2]) дали возможность констатировать, что и изъ выписанныхъ здѣсь именъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Δημοσῶν, Εὔτιμος, Μεγάνωρ, Σπαρτοκίων, уже встрѣчались въ надписяхъ; нѣкоторыя другія хотя, быть можетъ, и не встрѣчались въ данной формѣ, но близко напоминаютъ собою другія именныя формы, производныя отъ тѣхъ же корней; такъ, напримѣръ, отъ Ἀντάλκης извѣстно патронимическое имя Ἀνταλκίδας; наоборотъ, Ἑλλανίδης есть patronymicum къ Ἕλλαν, Ἕλλην, употреблявшемуся и въ смыслѣ личнаго имени; имя Θιώνιχος есть у Θеокрита; Ἴτης, безъ сомнѣнія, одного корня съ женскимъ именемъ Ἰτίη, употреблявшимся на Воспорѣ, какъ видно изъ двухъ пантикапейскихъ надписей[3]), еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр.; съ именемъ Μαίσης можно сравнить Μαῖσις и Μαίσων, отмѣченныя у Папе-Бензелера, съ Μυστίας — Μύστης, Μύστικος, Μύστιον, Μύστις, Μυστιχίδης и т. д. Παγουρίων произведено отъ πάγουρος; подобныя производныя отъ именъ животныхъ собственныя имена, какъ извѣстно, нерѣдко употреблялись у грековъ[4]).

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторыя имена, какъ, напримѣръ, Ἀγησίλας, Ἀθανίων, Ἀπελλᾶς, Βάβας, Βάττας (?), Ἑλλανίδης, Μᾶτρις, Προμαθίων (ср. Πρόμηθος) поставлены въ спискахъ въ дорической формѣ, тогда какъ всѣ другія стоятъ въ формахъ, извѣстныхъ намъ изъ іоническаго нарѣчія или изъ κοινή. Правда, относительно нѣкоторыхъ изъ

1) Не вносимъ въ этотъ списокъ именъ Βάττας (Б. II, 16) и Σίνδος (Б. I, 23), такъ какъ они не вполнѣ сохранились на камнѣ и возстановлены нами съ сомнѣніемъ.

2) Indices къ C. I. Gr., Inscr. Gr. ant., C. I. Gr. sept. I, C. I. Att. II, IosPE. I—II, Dittenbergeri Syll. inscr. Graec., Reg. zu Athen. Mitth. I—XV, tables du Bull. de corr. hell. I—XV.

3) IosPE. II, nn° 11 и 97.

4) Ср. ἀετός—Ἀετίων, βάτραχος—Βατραχίων, βροῦκος—Βρουκίων, Κάνθαρος и Κανθαρίων, Καρκίνος и Καρκινίων, κέρκος—Κερκίων, Μόσχος и Μοσχίων, ὄρτυξ—Ὀρτυγίων и т. п. Ср. Aug. Fick, Die Griech. Personennamen² (1894), стр. 314 сл.

этихъ именъ можно сказать, что дорическая ихъ форма укрѣпилась даже въ κοινή (напримѣръ, Μᾶτρις, Προμαθίων; съ Ἑλλανίδης ср. Ἑλλάνικος), но отъ другихъ вмѣсто данныхъ формъ мы скорѣе ожидали бы встрѣтить формы болѣе свойственныя τῇ κοινῇ (Ἀγησίλαος, Ἀθηνίων и genet. Βάβου, Βάττου). Употребленіе ихъ въ дорической формѣ можно объяснить, кажется, только предположеніемъ, что они принадлежатъ переселенцамъ дорическаго происхожденія или ихъ потомкамъ.

Нельзя также не отмѣтить неоднократнаго употребленія народныхъ именъ (ἐθνικά) Σκύθης и Σίνδος въ качествѣ личныхъ. Оба они встрѣчаются въ спискахъ по шести разъ, въ томъ числѣ по три раза являются отчествами[1]). Кромѣ того, имя Σίνδοκος, несомнѣнно произведенное отъ Σίνδος, является отчествомъ двухъ лицъ, по два раза фигурирующихъ въ спискахъ (именно Δημήτριος Σινδόκου А. II, 29 и Б. I, 56; Ἀντάλκης Σινδόκου А. II, 40 и Б. II, 41). Употребленіе τῶν ἐθνικῶν въ качествѣ личныхъ именъ, какъ извѣстно, было широко распространено въ древне-греческомъ мірѣ и обусловливалось разными причинами. Фикъ, коснувшись вопроса объ этихъ причинахъ[2]), прежде всего указываетъ на рабовъ, носившихъ имена въ родѣ Ἄραψ, Βίθυς, Γέτης и т. п., и замѣчаетъ, что „рабы, какъ вещи въ строгомъ смыслѣ, не имѣли притязанія на личныя имена и назывались, какъ товаръ, по мѣсту вывоза. Вслѣдствіе столь частыхъ въ позднѣйшія времена отпущеній на волю подобныя имена могли чаще входить и въ ряды свободныхъ. Однако не всѣ иностранныя народныя имена всегда были рабскими". Далѣе Фикъ указываетъ, что причиною употребленія такихъ именъ могли быть дружественныя или торговыя сношенія, а также отношенія проксеніи, и что у нѣкоторыхъ племенъ могли употребляться собственныя племенныя имена для названія лицъ, такъ сказать, въ идеальномъ смыслѣ: что Θεσσαλιεύς, Βιοτιεύς, Μολοσσός охотно назывались племенными именами Πεθαλός, Βοιωτός, Μολοσσός въ смыслѣ: „чистый Θεσσαλιεύς" и т. п., „Θεσσαλιεύς, какимъ онъ долженъ быть". Наконецъ, Фикъ припоминаетъ, что подобныя имена содержали въ себѣ иногда

---

1) Вотъ эти имена:

Σκύθας Ἀριστοδήμου А. II, 13.
Σκύθας Ἀριστοκλέους Б. II, 17.
Σκύθας Θεοδώρου А. II, 22.
Σίνδος Δημητρίου А. I, 5.
Σίνδος Ἐπικράτου Б. II, 29.
Σίνδος Ὑλαίου Б. II, 46.
Ἀριστόδημος Σκύθα Б. II, 51.
Ἀριστοκλῆς Σκύθα А. I, 10 и Б. I, 24.
Πασίων Σκύθα А. I, 8.
[Ἀνα]ξιάδης Σίνδου Б. I, 18.
Ἐπικράτης Σίνδου Б. I, 13.
Ὑλαῖος Σίνδου Б. I, 39 и Б. II, 9.

2) Fick, Die Griech. Personennamen², стр. 339.

и политическіе намеки, приводя въ примѣръ извѣстнаго Кимона, давшаго своимъ сыновьямъ имена Λακεδαιμόνιος, Ἠλεῖος и Θετταλός, и замѣчая, что имя Перикла сына Πάραλος обозначало собою всю политическую программу его отца. Конечно, очень трудно сказать навѣрное, какими соображеніями руководились Горгиппійцы, давая своимъ дѣтямъ имена Σκύθης или Σίνδος; но едва ли мы ошибемся, если признаемъ наиболѣе вѣроятнымъ то предположеніе, что эти имена сохранялись въ родахъ настоящихъ Скиѳовъ и Синдовъ, поселившихся въ Горгиппіи и мало-по-малу огречившихся; въ пользу такого предположенія свидѣтельствуютъ: 1) то, что оба народныхъ имени, употреблявшихся въ Горгиппіи въ качествѣ личныхъ, принадлежатъ именно сосѣднимъ племенамъ, 2) то, что имя Σίνδος, больше нигдѣ въ греческомъ мірѣ, повидимому, не употреблявшееся въ качествѣ личнаго, въ Горгиппіи было довольно распространено, наконецъ, 3) то, что изъ шести засвидѣтельствованныхъ надписью случаевъ употребленія этихъ именъ четыре относятся къ двумъ родамъ, въ которыхъ имена Σκύθης и Σίνδος употреблялись преемственно, передаваясь, по извѣстному греческому обычаю, отъ дѣда къ внуку.

Въ заключеніе нашихъ наблюденій надъ составомъ записанныхъ въ каталогахъ личныхъ именъ отмѣтимъ еще, что между ними неоднократно встрѣчаются имена, которыя носили члены властвовавшей въ тѣ времена на Воспорѣ династіи Спартокидовъ, или производныя отъ такихъ именъ, именно Εὔμηλος, Λεύκων, Σάτυρος и Σπαρτοκίων (напоминающее собою обычное въ этой династіи имя Σπάρτοκος). Конечно, такое совпаденіе могло быть чисто случайнымъ, но возможно и предположеніе, что то или другое изъ этихъ именъ было дано въ честь кого-либо изъ уважаемыхъ Спартокидовъ.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ выводу, что въ III вѣкѣ до Р. Хр. на мѣстѣ нынѣшней Анапы существовало греческое поселеніе, строго соблюдавшее религіозныя вѣрованія и обычаи, вынесенные изъ собственной Эллады; главное ядро этого поселенія составляли греки іоническаго племени, но среди нихъ была нѣкоторая примѣсь дорійцевъ и, быть можетъ, сосѣднихъ Скиѳовъ и Синдовъ, которые, переселившись въ городъ, постепенно пріобщались къ греческой культурѣ и сохраняли память о своемъ происхожденіи только въ своихъ племенныхъ именахъ, передававшихся преемственно въ качествѣ личныхъ.

Раскопки въ Херсонисѣ Таврическомъ въ 1895 г.[1]).

Въ 1888 году въ Бозѣ почивающему Императору Александру III благоугодно было Высочайше повелѣть возложить на Императорскую Археологическую Коммиссію дѣло археологическаго изслѣдованія почвы древняго Херсониса и охраненія какъ открытыхъ ранѣе, такъ и имѣющихъ открыться впослѣдствіи древнихъ его памятниковъ. Приступивъ въ томъ же году къ исполненію этой Монаршей воли, Археологическая Коммиссія съ тѣхъ поръ ежегодно продолжаетъ археологическое изслѣдованіе мѣстности древняго Херсониса, подъ руководствомъ своего сотрудника К. К. Косцюшко-Валюжинича[2]), и публикуетъ результаты его въ своихъ ежегодныхъ „Отчетахъ“, которые выпущены въ свѣтъ по 1893 годъ включительно[3]). Отчеты эти заключаютъ въ себѣ систематическое описаніе результатовъ раскопокъ каждаго года и, кромѣ того, въ „Приложеніяхъ“ даютъ полные перечни всѣхъ открытыхъ предметовъ, извлеченные изъ подробныхъ отчетовъ завѣдывающаго раскопками[4]). Нѣкоторыя изъ древностей, открытыхъ при этихъ раскопкахъ, послужили уже предметомъ научнаго изслѣдованія въ издаваемыхъ Коммиссіею „Матеріалахъ по археологіи Россіи“. Такъ, въ 7-мъ выпускѣ этихъ „Матеріаловъ“ (1892 г.) В. К. Мальмбергъ представилъ „Описаніе классическихъ древностей, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 годахъ“, и А. В. Орѣшниковъ—„Обозрѣніе монетъ, найденныхъ при Херсонесскихъ раскопкахъ въ 1888 и 1889 годахъ“[5]). Выпускъ 12-й „Матеріаловъ“ (1893 г.) заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе А. Л. Бертье-Делагарда „Раскопки Херсонеса“, представляющее исторію раскопокъ, описаніе плана города, подробное изслѣдо-

1) *Филологическое Обозрѣніе*, т. 10 (1896 г.), стр. 163—172. Подп. *Л.*
2) [Нынѣ покойнаго. † 14 декабря 1907 г.].
3) [Нынѣ вышли по 1905 г. включительно].
4) [Начиная съ 1899 г. подробные отчеты печатаются въ «Извѣстіяхъ» Коммиссіи].
5) См. рецензію В. Г. Аппельрота въ *Филолог. Обозр.* VI, 2, стр. 13—14.

ваніе сохранившихся архитектурныхъ памятниковъ (церквей, базиликъ, часовенъ и пр.) и описаніе раскопки „Шверинскаго кургана“ и предполагаемаго мѣстонахожденія древняго Херсониса[1]). Въ выпускахъ 9-мъ и 17-мъ В. В. Латышевъ издалъ, въ числѣ прочихъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ южной Россіи въ 1889—1894 годахъ, эпиграфическіе памятники, открытые при раскопкахъ въ Херсонисѣ[2]). Такимъ образомъ, результаты археологическихъ изслѣдованій Херсониса уже сдѣлались доступны всѣмъ интересующимся ими, за исключеніемъ добычи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Въ настоящее время въ трехъ номерахъ издаваемой въ Севастополѣ газеты „Крымскій Вѣстникъ“ (отъ 13 и 25 января и 15 февраля) помѣщены статьи гг. М. Э-ль и П. Ф. подъ общимъ заглавіемъ „Глубь вѣковъ“, сообщающія подробныя свѣдѣнія о результатахъ раскопокъ 1895 года. Предполагая, что далеко не всѣ читатели „Фил. Обозрѣнія“, интересующіеся результатами новѣйшихъ изысканій на почвѣ Херсониса, могутъ имѣть подъ руками названную газету, мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь извлеченіе наиболѣе существенныхъ данныхъ изъ указанныхъ статей, тѣмъ болѣе, что, судя по обилію и точности излагаемыхъ свѣдѣній, онѣ основаны на непосредственныхъ сообщеніяхъ завѣдывающаго раскопками г. Косцюшко-Валюжинича.

Извѣстно, что Страбонъ (VII, 4, 2) отличаетъ мѣстоположеніе современнаго ему Херсониса отъ „древняго Херсониса“, въ его время лежавшаго уже въ развалинахъ. Позднѣйшій Херсонисъ, продолжавшій существовать и въ римскую и въ византійскую эпоху (въ послѣднюю подъ названіемъ Херсона, а въ русскихъ источникахъ — Корсуня), находился къ З. отъ нынѣшняго Севастополя, въ той самой мѣстности, которая нынѣ занята Херсонисскимъ монастыремъ. Площадь, на которой нынѣ возвышается главный монастырскій храмъ, повидимому, была центромъ древняго города, судя по тому, что именно здѣсь были сдѣланы наиболѣе цѣнныя эпиграфическія находки (присяга Херсонисцевъ, посвященія Дѣвѣ и пр.). Къ востоку отъ этой площади, на пространствѣ, ограниченномъ съ С. моремъ, а съ В. и отчасти съ Ю.-В. такъ называемой Карантинной бухтой,

---

1) См. рецензію Н. П. Кондакова въ «*Журн. М. Н. Пр.*» за декабрь 1893 г., стр. 388—396, [и нашу — ниже въ настоящемъ сборникѣ].

2) Объ изданіяхъ Латышева далъ отзывы Ю. А. Кулаковскій въ *Филолог. Обозр.* т. III, 2, стр. 81—84, и т. IX, 2, стр. 25—31. Надписи, найденныя въ Херсонисѣ въ 1888 г., изданы Латышевымъ въ приложеніи къ Отчету Имп. Археолог. Комм. за 1882—88 г. Ср. рецензію Ѳ. Г. Мищенко въ «*Кіевской Старинѣ*» за іюль 1890, стр. 136—141.

находится наиболѣе обслѣдованная часть городища, которая была густо заселена въ византійскія времена, а къ З. и Ю.-З. отъ монастыря лежатъ обширные некрополи, изслѣдованіе которыхъ въ настоящее время постепенно ведется г. Косцюшко-Валюжиничемъ.

Въ минувшемъ году раскопки продолжались какъ въ городищѣ, такъ и въ некрополѣ. На южномъ склонѣ, между храмовою площадью и Карантинною бухтою, произведена раскопка на обширномъ пространствѣ, намѣченномъ монастыремъ подъ устройство виноградника. Здѣсь обнаружено нѣсколько кварталовъ византійскаго Херсона съ улицами, водостоками и цистернами. Найдено, между прочимъ, 8 огромныхъ глиняныхъ сосудовъ, зарытыхъ въ землю для храненія вина, зернового хлѣба или соленой рыбы; одинъ изъ нихъ, къ сожалѣнію раздавленный подъ тяжестью земли и обвалившейся постройки, имѣлъ 2 саж. 4 ф. въ окружности; изъ остальныхъ 4 сосуда превосходно сохранились и перенесены въ складъ. На одномъ изъ нихъ уцѣлѣли слѣды нацарапанныхъ греческихъ буквъ, восьмиконечнаго креста и грубо исполненнаго человѣческаго лица.

Съ южной стороны городскія постройки прилегали къ остаткамъ древней оборонительной стѣны, сооруженной вдоль всего берега Карантинной бухты. Эта стѣна впервые была обнаружена въ 1892 г. около воротъ, ведущихъ къ складу древностей (находящемуся въ ю.-в. части городища близъ берега Карантинной бухты), затѣмъ въ 1894 г. открытъ еще участокъ этой стѣны, а въ минувшемъ году продолженіе стѣны обнаружено на протяженіи 74 саженъ съ башнею, имѣвшею, повидимому, выходъ. Здѣсь найдена мраморная плита съ греческою надписью, свидѣтельствующею о построеніи желѣзныхъ воротъ преторія и о возобновленіи остальныхъ городскихъ воротъ въ 1059 г. при императорѣ Исаакѣ I Комнинѣ патриціемъ Львомъ Аліатомъ, стратигомъ Херсонскимъ и Сугдейскимъ [1]). Въ настоящее время указанная городская стѣна, ранѣе неизвѣстная, обнаружена на протяженіи около $^1/_3$ версты, но значительная часть ея еще не разслѣдована. Завѣдующій раскопками предполагаетъ, что эта стѣна, то приближающаяся къ берегу, то уклоняющаяся отъ него, указываетъ очертаніе нынѣшней Карантинной бухты въ тѣ времена, когда стѣна была построена для защиты города со стороны моря.

---

1) Изд. В. В. Латышевъ въ «*Визант. Временникѣ*», т. II, стр. 184 сл. и въ «*Мат. по арх. Россіи*» № 17, стр. 83 сл. [=Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, стр. 15 сл., № 8].

На изслѣдованномъ въ минувшемъ году участкѣ, занимающемъ площадь около $^1/_2$ десятины, открыта лишь одна небольшая разрушенная часовня, расположенная по близости угловой башни. Съ з. стороны ея, у самой береговой стѣны, открыты три усыпальницы съ человѣческими костями, между которыми найдено нѣсколько бронзовыхъ вещицъ византійской эпохи и 5 золотыхъ монетъ времени Комниновъ. Находка эта весьма интересна потому, что раньше въ христіанскихъ усыпальницахъ никогда не попадались золотыя монеты или иныя цѣнности. Въ одномъ узкомъ проулкѣ найдено въ одномъ склепѣ 50 глиняныхъ цилиндриковъ, служившихъ грузилами для рыболовныхъ сѣтей, и 140 большихъ бронзовыхъ крючковъ. Вообще въ Херсонисѣ находятъ очень много различныхъ рыболовныхъ принадлежностей, свидѣтельствующихъ о былomъ процвѣтаніи тамъ рыбнаго и устричнаго промысловъ.

Производя развѣдки въ нѣкоторыхъ пунктахъ береговой полосы посредствомъ прорытія глубокихъ колодцевъ, съ цѣлью выясненія вопроса, слѣдуетъ ли считать эту часть наносною или материкомъ, г. Косцюшко-Валюжиничъ случайно открылъ несомнѣнные слѣды пребыванія въ Херсонисѣ золотоордынскихъ татаръ: на небольшомъ пространствѣ береговой полосы откопано нѣсколько человѣческихъ костяковъ, въ которыхъ находившійся въ то время въ Херсонисѣ профессоръ Казанскаго университета, д-ръ мед. Н. Ѳ. Высоцкій, на основаніи хорошо сохранившихся типичныхъ череповъ, съ увѣренностью призналъ монголовъ. Тутъ же найдены были куски черепицъ съ характерными изображеніями тамги и печати Соломона, а также 25 серебряныхъ и 10 мѣдныхъ золотоордынскихъ монетъ[1]). Кромѣ того, въ раскопкахъ Херсониса встрѣчается въ огромномъ количествѣ глиняная глазированная посуда, носящая несомнѣнно восточный характеръ. Въ этой же мѣстности найдены были въ прошломъ году слѣдующія интересныя древности: бронзовая иконка, обтянутая съ обѣихъ сторонъ листовымъ золотомъ, съ рельефнымъ изображеніемъ Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ и византійскою надписью на рамкѣ, сильно пострадавшею отъ окисленія мѣди, но, по мнѣнію посѣтившаго Херсонисъ извѣстнаго французскаго ученаго византиниста G. Schlumberger, еще доступною для прочтенія[1]); часть стекляннаго сосуда въ

1) По этому поводу интересно припомнить тотъ фактъ, что половина большой мраморной плиты съ греческою надписью II-го в. по Р. Хр. изъ Херсонеса попала въ развалины золотоордынскаго Сарая. См. статью В. В. Латышева «*Эпиграфическіе этюды VI*» въ ноябрьской книгѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* за 1895 г. [= выше, стр. 218—225].

2) [Издана нами въ *Виз. Врем.* т. VI (1899), стр. 359 слл., № 5, и въ *Мат. по арх. Россіи*, № 23, стр. 41 слл., № 44].

видѣ овала съ рельефнымъ гербомъ и римской цифрой, по мнѣнію того же ученаго обозначающей 1322 годъ; кровельная черепица съ рельефнымъ изображеніемъ овцы и сидящей на ея спинѣ птицы; половина бронзоваго складного креста съ изображеніемъ благословляющаго святого и трехстрочною надписью сверху; большая свинцовая печать одного изъ Комниновъ съ изображеніемъ всадниковъ по обѣимъ сторонамъ и пр. Монетъ найдено 662, въ томъ числѣ херсонисскихъ до-христіанскихъ 11, христіанскихъ 238, разныхъ греческихъ колоній 2, боспорскихъ 12, римскихъ и византійскихъ императоровъ 192 и неопредѣленныхъ 207. Раскопка, произведенная впереди главной оборонительной стѣны у пробоины, служащей воротами для проѣзда къ складу древностей, обнаружила, что стѣна на всей высотѣ (болѣе 5 саж.) была обшита съ обѣихъ сторонъ прекрасными штучными плитами, изъ которыхъ уцѣлѣли только нижнія на высотѣ до сажени, благодаря образовавшимся осыпямъ земли и мелкаго камня, спасшимъ ихъ отъ расхищенія любителями дарового строительнаго матеріала. Послѣ удаленія обваловъ стѣна получила величественный видъ и украсила въѣздъ въ монастырь.

На сѣверномъ берегу городища раскопки въ прошломъ году производились въ трехъ пунктахъ: на восточной и западной оконечности городища и вблизи монастырской купальни. Въ первомъ пунктѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Крымскую кампанію находились французскія батареи, обнаружена на значительномъ протяженіи береговая оборонительная стѣна, сложенная изъ большихъ плитъ на извести, до $2^3/_4$ арш. ширины. Часть ея превосходно сохранилась, такъ какъ вся находилась подъ землей, несмотря на значительную высоту (до $4^1/_2$ арш.). Перпендикулярно къ этой стѣнѣ идутъ двѣ другія, такой же кладки и толщины, на протяженіи $2^1/_3$ саж. до обрыва, указывая на цѣлую систему укрѣпленій, существовавшую не только со стороны степей, но и со стороны моря. Во второмъ пунктѣ, по сосѣдству съ Песочной бухтой, удалены обвалы съ наружной стороны главной оборонительной стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ она доходитъ до отвѣснаго берега, и стѣна обслѣдована до скалы. Оказалось, что и здѣсь она была облицована штучнымъ камнемъ. Главный интересъ раскопокъ въ этомъ мѣстѣ заключается въ открытіи сѣверныхъ воротъ, отъ которыхъ сохранилась каменная площадка и боковая стѣнка изъ тесанныхъ плитъ. Съ сѣверной стороны, т. е. съ моря, ворота маскировались стѣной изъ превосходныхъ плитъ, а къ Ю.-З. шла по возвышенности дорога, придерживаясь направленія стѣны и подъ защитою нѣсколькихъ башенъ, между которыми замѣчательна одна большая круглая на

поворотѣ стѣны къ югу. Дорога эта, вѣроятно, соединялась съ главной, шедшей отъ западныхъ городскихъ воротъ.

Наконецъ, раскопка вблизи монастырской купальни рѣзко отличается отъ раскопокъ въ другихъ пунктахъ городища своими типичными находками строго греческой эпохи. Здѣсь въ минувшемъ году обнаружены остатки сильно разрушенной стѣны, съ сѣверной стороны которой уцѣлѣли, однако, прекрасныя тесанныя плиты. За купальней стѣна подъ прямымъ угломъ сворачиваетъ къ монастырю, но въ византійскія времена сломана въ этомъ мѣстѣ до самаго фундамента, такъ какъ тутъ спускалась къ морю улица византійскаго города. Стѣна эта снабжена съ обѣихъ сторонъ подпорными столбами, расположенными близко другъ къ другу, и въ настоящее время сохранила лишь $1^1/_2$ арш. ширины. Къ В., вдоль по берегу, видны ея остатки, и можно надѣяться, что при дальнѣйшихъ ея раскопкахъ будетъ обнаружено ея направленіе въ обѣ стороны. При расчисткѣ стѣны, въ сплошномъ культурномъ слоѣ, на глубинѣ $2^3/_4$ арш. найдено 98 амфорныхъ ручекъ съ надписями, амфорное горло и два куска черепицы съ клеймами, ручка отъ глинянаго сосуда съ рельефной головкой сатира, 4 глиняныя чернолаковыя лампочки, глиняная же лампочка на высокой ножкѣ, разбитая чернолаковая вазочка, часть чернолаковой чашечки съ нацарапанной греческой надписью, 5 черепковъ чернолаковой посуды съ рисунками и болѣе 200 такихъ же черепковъ безъ рисунковъ, 12 днищъ чернолаковой посуды съ нацарапанными иниціалами, обломокъ терракоттоваго орнамента, верхнее украшеніе надгробія изъ песчаника, 20 грузилъ въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ, изъ нихъ два съ изображеніями и одно съ двумя буквами, обломокъ терракоттовой головки, наконечникъ копья, 8 свинцовыхъ вотивныхъ знаковъ мѣстнаго производства и мн. др.; кромѣ того, одна херсонисская монета греческаго періода, 8 херсонисскихъ же монетъ византійской эпохи, 12 монетъ римскихъ императоровъ и 40 испорченныхъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что почти всѣ терракоттовыя статуэтки, черепки чернолаковой посуды и амфорныя ручки (числомъ около 1500), хранящіеся въ складѣ древностей, были найдены въ этой же мѣстности, между моремъ и монастырскимъ садомъ, при развѣдкахъ въ 1890 и 1891 годахъ. Такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ не оказалось остатковъ древнихъ построекъ, то г. Косцюшко-Валюжиничъ полагаетъ, что эта мѣстность находилась за чертою древняго города и была занята некрополемъ, но затѣмъ была заселена при разрастаніи города въ римскую и византійскую эпохи. Если бы удалось найти часть открытой въ 1895 г.

стѣны съ уцѣлѣвшей полной толщиной, на основаніи которой можно было бы судить объ ея назначеніи, то этотъ вопросъ приблизился бы къ разрѣшенію, и эту стѣну можно было бы принять за западную границу древняго города.

Раскопки некрополя въ минувшемъ году производились впереди южной городской стѣны въ той же мѣстности, гдѣ онѣ ведутся непрерывно съ сентября 1891 г., и въ двухъ пунктахъ впереди западной стѣны. По выраженію г. П. Ф., „городъ мертвыхъ буквально опоясывалъ городъ живыхъ и какъ пространствомъ, такъ и населеніемъ значительно превосходилъ послѣдній“. Чтобы судить объ обширности херсонисскаго некрополя, достаточно сказать, что за 8 лѣтъ раскопокъ разслѣдовано менѣе сотой доли всего пространства, хотя вскрыто и описано болѣе 600 разнородныхъ погребальныхъ сооруженій. Въ 1895 г. открыто: 2 катакомбы, 3 гробницы, сложенныя изъ большихъ древне-греческихъ черепицъ, 9 гробницъ изъ штучнаго камня (въ нихъ 15 глиняныхъ и 3 свинцовыхъ урны съ прахомъ), 16 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, 30 земляныхъ и, наконецъ, 9 глиняныхъ урнъ, найденныхъ отдѣльно въ насыпяхъ. „Всѣ эти гробницы, говоритъ г. П. Ф., за исключеніемъ трехъ черепичныхъ, относятся къ римской эпохѣ, приблизительно отъ конца I до начала IV в. по Р. Хр., при чемъ выяснено, что позднѣйшія поколѣнія, пользуясь ближайшей къ стѣнѣ частью некрополя, приспособляли для своихъ погребеній древнія катакомбы, а матеріалъ отъ греческихъ гробницъ употребляли для сооруженія характерныхъ погребковъ римской эпохи, внутри которыхъ хранились урны съ жженными костями, а иногда одновременно и деревянные гробы съ остовами. Въ числѣ каменныхъ плитъ, изъ коихъ сложены гробницы римской эпохи, были найдены греческіе карнизы и надгробныя стелы изъ мѣстнаго камня съ надписями, которыя могутъ быть отнесены къ III—II в. до Р. Х. Гробницы, сложенныя изъ большихъ черепицъ, относятся къ греческой эпохѣ: на черепицахъ этихъ, отличающихся величиной и формой отъ черепицъ византійскихъ, встрѣчаются именныя печати астиномовъ и монограммы фабрикантовъ. Эти гробницы особенно интересны тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ чернолаковыхъ глиняныхъ тарелокъ и монетъ, находятъ свинцовыя кисти о трехъ листьяхъ съ крючечкомъ сверху, назначеніе которыхъ до сихъ поръ не выяснено“. Въ числѣ гробницъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, особенно интересна одна съ двускатною крышею, расположенная вблизи западныхъ городскихъ воротъ и совершенно сходная съ гробницею, открытою въ 1894 г. въ той же мѣстности, въ разстояніи около 15 саж. къ Ю.-В., у самой оборонительной стѣны. Двѣ бронзовыя

монеты съ 78 годомъ Херсонисской эры, найденныя въ гробницахъ, доказываютъ, что обѣ онѣ одновременны и относятся ко 2-й половинѣ I в. по Р. Х. Такъ какъ гробница, открытая въ 1894 г., находится у самой стѣны, то послѣдняя несомнѣнно сооружена ранѣе гробницы, которая неминуемо была бы разрушена при постройкѣ стѣны, если бы была устроена раньше. Такимъ образомъ получается точное указаніе, что этотъ западный участокъ, наиболѣе удаленный отъ городища, существовалъ уже въ I в. по Р. Х.

Открытая въ минувшемъ году гробница съ двускатной крышей оказалась не тронутой грабителями и представляетъ собою очень интересное и рѣдкое погребальное сооруженіе. Она имѣетъ $3^1/_2$ арш. длины, 3 арш. ширины и $2^1/_2$ арш. вышины (посрединѣ); на постройку ея употреблено 67 каменныхъ плитъ разной величины. Входъ въ гробницу былъ плотно заложенъ плитой. Внутри выдолблено въ плитахъ 11 четыреугольныхъ нишъ, въ коихъ стояли 9 урнъ (7 глиняныхъ и 2 свинцовыя) съ прахомъ. На полу лежали доски отъ трехъ гробовъ, кусочки коричневой шерстяной матеріи и множество лавровыхъ листьевъ. Нѣкоторыя доски превосходно сохранились и оказались гладко обструганными рубанкомъ, оставившимъ по краямъ двойной параллельный слѣдъ. Тутъ же, въ разныхъ мѣстахъ, лежали 18 стеклянныхъ сосудовъ (изъ коихъ любопытны два узкогорлыхъ плоскодонныхъ бальзамарія въ 6″ высоты и баночка изъ синяго стекла, подобная нынѣшнимъ аптекарскимъ), 7 глиняныхъ кувшинчиковъ, 2 такихъ же чашечки, 3 блюдца, 25 лампочекъ, изъ коихъ 12 съ рельефными изображеніями, 2 поясныя бронзовыя пряжки, 2 бронзовыхъ браслета, 3 бронзовыя круглыя зеркала и 5 бронзовыхъ монетъ, въ томъ числѣ вышеупомянутая съ 78 годомъ. Въ просѣянной землѣ съ подошвы гробницы найдены: 181 буса изъ разныхъ дорогихъ камней, разноцвѣтной пасты, янтаря и стекла, 72 золотыя пришивныя бляшки разной формы съ тисненными изображеніями и много разныхъ золотыхъ вещицъ, изъ коихъ особенно интересна художественно исполненная привѣска въ видѣ изящной двуручной амфоры, украшенной чернью и стеклышкомъ, на четыреугольной подставкѣ, снабженной внизу четырьмя шариками вмѣсто ножекъ; въ общемъ, этотъ брелокъ, по словамъ г. П. Ф., напоминаетъ наши модные никелевые самовары. Внутри урнъ съ прахомъ также найдены разныя вещицы: золотыя пришивныя бляшки, кусочки тонкаго листового золота (непремѣнная принадлежность урнъ съ жженными костями), бронзовыя пряжки, фибулы, стригили, желѣзки отъ ножей, бусы, астрагалы и пр. Эта интересная гробница перевезена

на площадь впереди музея и установлена рядомъ съ шестью прежними представителями разныхъ типовъ херсонисскихъ гробницъ.

Находки, сдѣланныя въ другихъ гробницахъ и подробно описанныя въ статьѣ г. П. Ф., не представляютъ особенно значительнаго интереса новизны. Поэтому мы не будемъ перечислять ихъ подробно и ограничимся приведеніемъ общихъ итоговъ находокъ. По словамъ автора статьи, „множество древностей, большею частію болѣе отдаленной эпохи, встрѣчается въ землѣ, золѣ и щебнѣ насыпи некрополя, куда онѣ несомнѣнно выброшены изъ катакомбъ и гробницъ во время приспособленія ихъ для позднѣйшихъ погребеній". Изъ такихъ древностей, найденныхъ въ 1895 г., заслуживаютъ упоминанія: обломокъ художественно исполненной мраморной женской статуи средней величины, мраморная женская голова средней величины, половина верхняго мраморнаго украшенія древней надгробной стелы, художественнаго исполненія, 10 водопроводныхъ трубъ, 2 глиняныя краснолаковыя тарелки съ нацарапанными снизу именами владѣльцевъ, лампочка съ рельефнымъ изображеніемъ собаки, лающей на кабана, часть надгробія изъ песчаника съ двухстрочною греческою надписью, костяная головная булавка, украшенная сверху женской фигурой, и пр. Монетъ при раскопкахъ некрополя найдено: 2 херсонисскихъ греческаго періода и 28 римскаго, 18 монетъ разныхъ греческихъ колоній и 6 — римскихъ императоровъ, всего 54. Золотыя вещи: 3 перстня, 8 серегъ, 4 бусы, одна индикація, 14 разнообразной формы привѣсокъ, 138 пришивныхъ бляшекъ съ тисненными изображеніями и 144 кусочка тонкаго листового золота изъ урнъ. Изъ множества разныхъ другихъ вещей заслуживаютъ вниманія: перстень изъ полуопала, стеклянный перстень зеленаго цвѣта съ вставленнымъ колечкомъ молочнаго цвѣта, бронзовые щипчики, бронзовые инструменты коропласта, серебряная овальной формы бляшка съ вытисненнымъ изображеніемъ Иракла съ палицей и львиной шкурой, изготовленная по одной модели съ золотой бляшкой, найденной въ 1894 г., и пр. О числѣ остальныхъ найденныхъ вещей даютъ понятіе слѣдующія цифры: сосудовъ стеклянныхъ найдено 55, глиняныхъ 66, лампочекъ 75, браслетовъ 23, фибулъ 9, пряжекъ 8, желѣзокъ отъ ножей 17, оселковъ 8, астрагаловъ 27, привѣсокъ и амулетовъ 50, бусъ и пронизей 911.

Раскопки въ Херсонисѣ Таврическомъ въ 1897 г.[1]).

На страницахъ „Филологическаго Обозрѣнія“ уже дважды[2]) сообщались свѣдѣнія о результатахъ раскопокъ, производимыхъ съ 1888 г. въ мѣстности Херсониса Таврическаго на средства Императорской Археологической Комиссіи сотрудникомъ ея К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сообщить изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ краткія свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ г. Косцюшко-Валюжиничемъ въ минувшемъ 1897 году. Работы производились въ этомъ году въ трехъ пунктахъ: 1) на восточной оконечности городища, на берегу Карантинной бухты, 2) внутри монастырской ограды, между малою церковью, монастырской гостинницей, цвѣтникомъ и конюшней, и 3) въ некрополѣ.

I.

Раскопки на берегу Карантинной бухты, по обѣимъ сторонамъ южнаго участка древней стѣны, велись въ минувшемъ году съ цѣлью отысканія точки соединенія главной городской стѣны съ береговой стѣной, начинающейся на площади впереди склада древностей, а также съ цѣлью опредѣленія начала некрополя внѣ главной стѣны, разслѣдованіе котораго начато въ 1896 г.

На разстояніи 6 саженъ отъ берега Карантинной бухты обнаружено основаніе полукруглой башни, массивныя стѣны которой (въ $3^1/_2$ аршина толщины) были сложены изъ старательно пригнанныхъ плитъ твердаго мѣстнаго камня. Ра-

1) *Филолог. Обозрѣніе*, т. XV (1898), стр. 53—62. Подп. *Л.*

2) Т. X, 1, стр. 163—172 (о раскопкахъ 1895 г., = выше, стр. 258—267) и т. XII, 1, стр. 299—308 (о раскопкахъ 1896 г.).

діусъ полукружія башни (вмѣстѣ со стѣною) имѣетъ 8 аршинъ. Отъ стѣнъ уцѣлѣлъ лишь нижній рядъ плитъ, который до раскопки былъ совершенно закрытъ землей. Съ сѣверной стороны къ башнѣ примыкаетъ береговая оборонительная стѣна, часть которой у склада древностей была уже открыта въ 1892 г.[1]) и которая, какъ по всему видно, была построена одновременно съ башней, хотя въ кладкѣ ихъ есть разница: башня построена изъ тройнаго ряда плотно пригнанныхъ плитъ, а стѣна—изъ бутоваго камня на известковомъ растворѣ съ облицовкой изъ тесаныхъ плитъ по обѣимъ сторонамъ.

Съ наружной стороны къ стѣнѣ вплотную пристроены были зданія поздняго времени, сложенныя изъ бутоваго камня на глинѣ, при чемъ въ стѣнѣ одной постройки оказался заложеннымъ большой кусокъ круглой мраморной колонны. Въ 5 саженяхъ отъ башни со стѣны спускалась къ бухтѣ низенькая каменная лѣсенка, носящая слѣды продолжительнаго пользованія.

Съ южной стороны къ башнѣ примыкаетъ другая стѣна въ $3^1/_2$ аршина толщины, сохранившаяся въ высоту на 1 сажень 1 арш. и направлявшаяся на западъ. На разстояніи 4 саж. 2 арш. отъ начала эта стѣна соединяется съ главной городской стѣной, идущей въ этомъ мѣстѣ также на западъ и имѣющей въ 4 саженяхъ отъ начала другую башню 4-угольной формы. Около этой башни главная стѣна, или соединеніе нѣсколькихъ стѣнъ, имѣетъ огромную толщину въ 4 саж. 1 аршинъ. Устройство ея еще не разслѣдовано, такъ какъ для этого необходимо предварительно снести находящуюся на ней современную монастырскую стѣну. Эта главная стѣна, подобно открытымъ въ другихъ пунктахъ городища, съ обѣихъ сторонъ облицована каменными плитами. Въ западномъ углу, сзади 4-угольной башни, облицовка отличается замѣчательной сохранностью, благодаря оберегавшей ее въ продолженіе многихъ вѣковъ двухсаженной земляной насыпи.

Параллельно главной стѣнѣ, съ южной ея стороны, спускается по уклону стѣна контръ-эскарпа въ 1 сажень толщины, сложенная изъ крупнаго бутоваго камня и прочно оштукатуренная съ обѣихъ сторонъ. Сохранившаяся часть ея имѣетъ до 2 арш. высоты. Съ главной стѣной она соединялась подъ прямымъ угломъ поперечной стѣнкой, отъ которой уцѣлѣло лишь нѣсколько плитъ, такъ какъ въ самомъ углу соединенія въ болѣе позднее время была воздвигнута постройка неизвѣстнаго назначенія. Съ южной стороны этого зданія расположена

1) Ср. *Фил. Об.* X, 1, стр. 165 [= выше, стр. 261].

постройка болѣе ранней эпохи, по мнѣнію г. Косцюшко-Валюжинича служившая баней. Она состоитъ изъ 3-хъ комнатъ, изъ коихъ крайняя къ югу, съ узкой наружной дверью, могла служить передбанникомъ; отсюда другая дверь вела въ болѣе просторное помѣщеніе съ низкими каменными скамейками вдоль трехъ стѣнъ. По срединѣ четвертой стѣны (противоположной отъ двери), не имѣющей ни двери, ни скамейки, проложена гончарная труба, проходящая въ третье небольшое помѣщеніе, полъ котораго, покрытый цементомъ (какъ и стѣны), устроенъ выше пола двухъ первыхъ комнатъ; оно, по мнѣнію г. Косцюшко-Валюжинича, служило бассейномъ.

Въ 15 саж. отъ этой бани и въ 5 саж. отъ берега Карантинной бухты начинаются разрушенныя и разграбленныя катакомбы. Установить точную границу некрополя съ этой стороны можно будетъ лишь послѣ разслѣдованія мѣстности, занятой въ настоящее время монастырскими известковыми сараями и скотнымъ дворомъ.

При описанныхъ раскопкахъ, выяснившихъ устройство одного пункта херсонисскихъ оборонительныхъ сооруженій, найдены три обломка греческихъ надписей, три амфорныя ручки съ надписями, нѣсколько десятковъ монетъ, преимущественно византійскихъ (отъ Юстиніана I до Василія II), и разныя мелкія древности.

Неподалеку отсюда раскопана часть улицы византійскаго періода, при чемъ обнаружено 6 торговыхъ складовъ съ глубокими подвалами, часть большаго дома, водосточный каналъ и два пиѳоса. Здѣсь также найдены обломки надписей, монеты и разныя вещи, служившія для украшенія или для домашняго обихода.

II.

Внутри ограды монастыря св. Владиміра, между малою церковью, гостинницей, цвѣтникомъ и конюшней давно уже обращала на себя вниманіе археологовъ высокая насыпь въ видѣ удлиненнаго кургана, поросшая айлантусами и кустарникомъ. Въ минувшемъ году явилась возможность разслѣдовать ее, и произведенныя въ маѣ мѣсяцѣ раскопки увѣнчались весьма важными результатами.

Оказалось, что насыпь скрывала подъ собою большой храмъ правильной крестообразной формы, оріентированный на сѣверо-востокъ[1]), длиною 10 саж.

1) Это было обычное направленіе въ херсонисскихъ церквахъ. См. объ этомъ А. Л. Бертье-Делагардъ, Раскопки Херсонеса (*Матеріалы по археологіи Россіи*, изд. Имп. Археол. Комм., № 12. Спб. 1893), стр. 46.

1 арш. и шириною 9 саж. $^1/_2$ аршина. Южная часть храма была уничтожена при постройкѣ монастырской гостинницы лѣтъ 30 тому назадъ, при чемъ найденные тогда куски мраморныхъ плитъ были употреблены для покрытія длинной каменной скамейки съ восточной стороны гостинницы, гдѣ 42 изъ нихъ находятся и по настоящее время. Нынѣшній монастырскій цвѣтникъ начинается почти вплотную отъ южной стѣны храма, почему оказалось невозможнымъ продолжать раскопку въ эту сторону, точно такъ же какъ и къ западу отъ храма, гдѣ теперь стоитъ гостинница. Но мѣсто самаго храма оказалось, къ счастію, незастроеннымъ и было вполнѣ раскопано.

Храмъ представляетъ весьма прочную постройку на солидномъ фундаментѣ за исключеніемъ сѣверной стороны, гдѣ нижняя часть стѣнъ вырублена въ материковой скалѣ, постепенно поднимающейся подъ храмомъ съ юга. Планъ храма, какъ уже замѣчено, крестообразный[1]). Для уясненія его слѣдуетъ представить себѣ центральный квадратъ, къ которому съ сѣвера, юга и запада примыкаютъ такіе же квадраты (боковыя крылья и притворъ), а восточный квадратъ (алтарный) оканчивается полукруглымъ выступомъ (абсидою). Къ алтарю съ сѣверной стороны примыкаетъ крещальня, а съ южной—ризница (діаконикъ). Полъ храма былъ выстланъ мраморными плитами, отъ которыхъ сохранились въ разныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе значительные куски. Въ позднѣйшія времена храмъ подвергался перестройкамъ, при которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя двери и окна его были заложены каменною кладкою и внутри самаго храма были возведены двѣ стѣны. Кромѣ того онъ пострадалъ отъ страшнаго пожара; сила огня была такъ велика, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ алтарной части, уничтожила даже мраморный полъ, отъ котораго осталось лишь обгорѣлое бетонное основаніе.

Обращаясь къ детальному описанію отдѣльныхъ частей храма, начнемъ съ алтаря. Восточная (запрестольная) сторона его, какъ уже замѣчено, имѣла видъ полукружія; въ ней было три окна, изъ коихъ два впослѣдствіи были заложены. Подъ окнами идутъ 4 ряда каменныхъ скамеекъ для пресвитеровъ, поднимаясь одинъ надъ другимъ, такъ сказать, въ видѣ амфитеатра; посрединѣ,

---

1) Этотъ типъ церковной постройки довольно рѣдокъ въ Херсонисѣ. Изъ всѣхъ открытыхъ въ немъ церквей только двѣ (надъ одною изъ коихъ построенъ новый соборъ) принадлежатъ къ этому типу, а остальныя—къ типу базилики. Ср. Бертье-Делагардъ, ук. соч. стр. 40. [Планъ храма см. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 25].

прямо за престоломъ, была каѳедра для епископа. На южной стѣнѣ алтаря, гдѣ кончаются скамьи, внизу у самаго пола сохранились слѣды фресковой росписи[1]) (во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ храма штукатурка уничтожена пожаромъ). Въ центрѣ алтаря стоялъ престолъ, отъ котораго уцѣлѣли 4 каменныя плиты фундамента, очень прочно укрѣпленныя на извести. По снятіи ихъ подъ поломъ, по направленію продольной оси храма, оказался какъ бы ящикъ въ 1 арш. 1 верш. дл., $4\frac{1}{2}$ вершка шир. и около 7 вершк. глубины, тщательно сложенный изъ трехъ рядовъ черепицъ на извести и покрытый мраморной плитой, которая была залита бетономъ, служившимъ основаніемъ для мраморнаго пола. Благодаря столь прочному покрытію, ящикъ уцѣлѣлъ отъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ храмъ, несмотря на то, что мраморный полъ въ этомъ мѣстѣ былъ почти совершенно разрушенъ.

Внутри ящика оказалась горизонтально вдѣланная въ черепичную кладку на высотѣ $2\frac{3}{4}$ вершк. отъ дна мраморная плитка въ $4\frac{1}{2}$ в. ширины, на которой стоялъ серебряный ковчежецъ въ видѣ древняго саркофага около 3 в. длины, 2 в. ширины и $1\frac{1}{2}$ в. вышины. Внутри ковчежца находились завернутыя въ истлѣвшую шелковую ткань частицы св. мощей, именно почернѣвшія отъ огня косточки, повидимому отъ пальцевъ. Онѣ съ подобающею торжественностью были перенесены въ новый храмъ св. Владиміра, а ковчежецъ пересланъ для ближайшаго изученія въ Императорскую Археологическую Коммиссію[2]).

Крышка ковчега по всѣмъ четыремъ сторонамъ украшена изображеніями четырехконечнаго креста съ расширяющимися концами, т. е. формы обычной на древнѣйшихъ византійскихъ памятникахъ. На стѣнкахъ ковчега находятся въ медальонахъ штампованныя погрудныя изображенія — на одной продольной сторонѣ Спасителя между апостолами Петромъ и Павломъ, на другой — Богоматери между двумя архангелами, а на поперечныхъ (узкихъ) сторонахъ по одному лику неизвѣстныхъ святыхъ. Снизу на днѣ ковчежца и внутри крышки слабо замѣтны слѣды монограммы, обращенной влѣво головы съ греческой надписью

---

1) Ср. Бертье-Делагардъ, ук. соч. стр. 47: «Роспись церквей фресками по штукатуркѣ была, повидимому, въ общемъ употребленіи въ Херсонисѣ; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ находили остатки штукатурки, находили и слѣды фресокъ».

2) Первое извѣстіе о находкѣ ковчежца помѣщено въ газетѣ «*Новое Время*» 1897 г., № 7630, и оттуда перепечатано въ *Археолог. извѣстіяхъ и замѣткахъ*, изд. Имп. Моск. Археол. Обществомъ, т. V (1897), стр. 195. [Описаніе его съ рисунками см. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 28].

вокругъ и крестика съ надписью внутри. Надписей этихъ еще не удалось разобрать.

Въ боковыхъ стѣнахъ алтаря были двѣ двери одинаковыхъ размѣровъ и расположенныя одна противъ другой. Сѣверная, впослѣдствіи задѣланная, вела въ крещальню, а южная — въ діаконикъ.

Крещальня представляетъ собою небольшое квадратное помѣщеніе съ мраморнымъ поломъ, пострадавшимъ не столь сильно, какъ въ другихъ частяхъ храма[1]), съ окномъ въ сѣверной стѣнѣ и двумя дверями, изъ конхъ одна, какъ уже упомянуто, соединяла ее съ алтаремъ, а другая, также впослѣдствіи задѣланная, — съ сѣвернымъ крыломъ храма. Въ восточной стѣнѣ сдѣлана полукруглая сводчатая ниша, въ глубинѣ которой превосходно сохранилась купель, очень старательно вырубленная изъ цѣльнаго твердаго мѣстнаго камня. Она имѣетъ въ горизонтальномъ сѣченіи видъ перерѣзаннаго овала; длина ея 1 арш. 1 в., ширина 1 арш. $2^1/_2$ в. и глубина у наружной стѣны 13 вершковъ. Передняя прямая сторона ея украшена рельефнымъ изображеніемъ высокаго креста съ расширяющимися концами, стоящаго между двумя колоннами, соединенными архивольтомъ, и двухъ крестиковъ внутри треугольниковъ, расположенныхъ надъ двумя кипарисами[2]). Дно купели имѣетъ уклонъ къ наружной стѣнѣ для стока воды; въ углу его оказалось нарочно сдѣланное для этой цѣли отверстіе, чрезъ которое вода, вливаемая въ купель, съ шумомъ вытекаетъ въ пустоту, прямо подъ купель. Раскопка съ наружной стороны крещальни выяснила, что нижняя часть восточной стѣны вырублена въ материковой скалѣ и что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ни колодца, ни водосточнаго канала. Чтобы произвести обстоятельное изслѣдованіе, куда вытекаетъ вода, пришлось бы выломать купель и потревожить самыя стѣны храма.

На полу крещальни, а также внутри и сверху купели оказалось огромное количество человѣческихъ костей. Очевидно, что крещальня впослѣдствіи была обращена въ большую усыпальницу и затѣмъ двѣ двери ея были наглухо заложены. Подъ поломъ крещальни были обнаружены двѣ особыя усыпальницы, мелко вырубленныя въ скалѣ. Г. Косцюшко-Валюжиничъ считаетъ эти двѣ

1) Между кусками мраморныхъ плитъ пола въ крещальнѣ найдена часть плиты съ 7 очень крупными буквами греческой надписи римской эпохи, заложенная въ полъ надписью внизъ.

2) [См. рисунокъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 27].

усыпальницы болѣе ранними, относя къ тому времени, когда храмъ еще не былъ превращенъ въ общую могилу, и предполагая, что въ нихъ погребались мѣстные священники.

Помѣщеніе діаконика, соединявшееся дверями съ алтаремъ и южнымъ крыломъ храма, было, повидимому, безъ оконъ и имѣло полъ изъ каменныхъ (поврежденныхъ пожаромъ) плитъ, лежавшій на двѣ ступени выше мраморнаго пола храма. Въ восточной стѣнѣ сохранилось углубленіе, какъ бы родъ стѣннаго шкафчика. Усыпальницъ здѣсь не было.

Въ сѣверномъ крылѣ храма, кромѣ двери въ крещальню, была дверь въ западной стѣнѣ, выходившая на узкій дворикъ между стѣной храма и высокой его оградой. Эта дверь, равно какъ и находившееся рядомъ съ нею окно впослѣдствіи были заложены. Подъ поломъ найдено 5 усыпальницъ съ костями, а въ сѣверо-восточномъ углу еще одна большая наружная усыпальница. Южное крыло при позднѣйшей передѣлкѣ храма было отгорожено отъ центральной его части стѣной изъ бутоваго камня безъ фундамента, съ дверью посрединѣ. Подъ поломъ его также оказались 4 усыпальницы съ лежавшими въ безпорядкѣ костями, среди которыхъ найдены, между прочимъ, 6 бронзовыхъ монетъ византійскаго императора Романа I (920—944 г.).

Въ центральной части храма найдены впущенными въ полъ двѣ массивныя мраморныя плиты, служившія, быть можетъ, амвономъ, и три усыпальницы [1]). Западное крыло храма (притворъ) въ позднюю эпоху было наглухо отгорожено отъ средняго нефа стѣною, сложенною изъ бутоваго камня безъ фундамента; два окна, бывшія въ сѣверной и южной стѣнахъ притвора, также были задѣланы, и такимъ образомъ получилось темное помѣщеніе съ одною только дверью, которая первоначально служила главнымъ входомъ въ храмъ и имѣла мраморный, превосходно сохранившійся порогъ. Задѣланное такимъ образомъ помѣщеніе послужило общей усыпальницей, такъ какъ въ немъ найдено огромное количество наваленныхъ въ безпорядкѣ человѣческихъ костей. Подъ поломъ этого помѣщенія найдено 7 усыпальницъ, выложенныхъ плитами (среди которыхъ оказались мраморные архитектурные фрагменты древнѣйшаго храма) и наполненныхъ лежащими въ без-

1) Въ «*Русскихъ древностяхъ въ памятн. искусства*» гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (вып. IV, стр. 22) присутствіе могилъ въ среднемъ нефѣ храма считается яснымъ знакомъ крайняго паденія города. О широкомъ распространеніи въ Херсонисѣ обычая устраивать усыпальницы въ церквахъ ср. Бертье-Делагардъ, ук. соч. стр. 47.

порядкѣ костями, между которыми найдены разныя мелкія вещи (браслеты, пуговицы и т. п.) и 6 бронзовыхъ монетъ Романа I. Эти монеты даютъ намъ приблизительное указаніе на время устройства подпольныхъ усыпальницъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ изслѣдованіяхъ внѣ храма. Передъ главнымъ входомъ въ него находился длинный и узкій помостъ изъ каменныхъ плитъ, отчасти закрывавшій собою устроенныя передъ самымъ входомъ три усыпальницы со множествомъ наваленныхъ въ безпорядкѣ костей и часть водосточнаго канала, сложеннаго изъ плитъ. Подъ этимъ каналомъ найдено въ одномъ мѣстѣ 18 бронзовыхъ монетъ византійскаго императора Василія I. Передъ помостомъ съ лѣвой стороны входа лежала мраморная база колонны, заставляющая предполагать, что входъ въ храмъ былъ украшенъ двумя колоннами; однако отъ другой колонны, которая должна была бы въ такомъ случаѣ стоять съ правой стороны, не найдено никакихъ слѣдовъ. Далѣе, передъ входомъ въ позднѣйшее время было выстроено какое-то зданіе, отъ котораго сохранилась часть стѣны изъ мелкаго камня. Разслѣдовать ее не оказалось возможности, такъ какъ она подходитъ подъ монастырскую гостинницу.

Съ сѣвера и отчасти съ сѣверо-запада и сѣверо-востока храмъ былъ обнесенъ высокой, хорошо сохранившейся стѣной (περίβολος) съ контрфорсами. У западнаго устоя высота сохранившейся стѣны достигаетъ 5 аршинъ 6 вершк., а наименьшая ея высота — 3 аршина. Дальнѣйшее направленіе стѣны съ сѣверо-западной и западной стороны не могло быть разслѣдовано вслѣдствіе нахожденія здѣсь монастырской гостинницы. Открытіе перивола храма весьма интересно потому, что до сихъ поръ периволы вокругъ херсонисскихъ храмовъ не были находимы[1]). Съ юго-западной стороны храмъ имѣлъ какую-то пристройку или стѣну, которая подходитъ подъ монастырскій цвѣтникъ и потому осталась не вполнѣ разслѣдованною. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что у наружныхъ стѣнъ храма открыты еще двѣ усыпальницы, — одна у сѣверной стѣны крещальни, а другая въ углу между сѣвернымъ и западнымъ крыльями; послѣдняя была сложена изъ плитъ и обнесена низенькой оградой изъ небольшихъ тесанныхъ камней.

При раскопкахъ найдено множество мраморныхъ фрагментовъ, какъ напр. 5 кусковъ престольной доски съ украшеніями, 3 куска плиты, служившей подставкою для престола, 2 столбика алтарной преграды, 6 кусковъ массивной арки,

1) Гр. Толстой и Кондаковъ, ук. соч. IV, стр. 15.

украшенной крестиками, розетками и бордюромъ въ античномъ стилѣ, верхняя часть превосходно канелированной колонны, капитель интересной формы и пр., а также множество предметовъ, относящихся къ храму (между прочимъ 80 кусковъ толстыхъ оконныхъ стеколъ), и 78 монетъ (въ томъ числѣ 2 монеты послѣднихъ воспорскихъ царей, очень плохо сохранившіяся, 30 монетъ поздне-римскихъ и византійскихъ императоровъ и 46 херсонисскихъ византійскаго періода отъ Василія I до Василія II, т. е. обнимающихъ промежутокъ времени съ 867 до 1025 г.; больше всего оказалось монетъ времени Романа I). Въ усыпальницахъ среди костей найдены разныя мелкія вещи (серьги, кольца, браслеты, крестики и т. п.) и монеты, о которыхъ мы уже упоминали. Между вещами слѣдуетъ отмѣтить два бронзовыхъ наперсныхъ креста (ἐγκόλπιον), изъ коихъ одинъ превосходной сохранности на шарнирѣ, съ широкимъ ушкомъ, имѣетъ съ одной стороны вырѣзанное вглубь изображеніе благословляющей Богоматери, а съ другой — звѣзду и 5 вставленныхъ въ гнѣзда круглыхъ стеколъ свѣтлозеленаго цвѣта; другой крестъ, отъ котораго сохранилась только половина, имѣлъ рельефное изображеніе благословляющей Богоматери и 4-хъ евангелистовъ съ начальными буквами ихъ именъ.

Но самыми важными находками во вновь открытомъ памятникѣ христіанства въ Херсонисѣ являются, безспорно, купель и ковчегъ съ св. мощами. Авторъ небольшой замѣтки объ этомъ открытіи въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1897 г., № 30, проф. Н. В. Покровскій[1]) говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Если архитектура вновь открытаго храма, насколько можно судить о ней по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, не представляетъ чего-либо оригинальнаго, то крещальня съ купелью есть памятникъ очень рѣдкій[2]); но еще болѣе важна находка ковчега съ мощами. Число всѣхъ подобныхъ ковчеговъ, извѣстныхъ въ настоящее время, очень не велико. Одинъ мраморный, найденный въ 1891 году въ Херсонисѣ, находится теперь въ Эрмитажѣ, другой (тоже херсонисскій) въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, третій въ русскомъ монастырѣ св. великомуч. Пантелеимона

1) Замѣтка въ «*Церк. Вѣстникѣ*» подписана инціалами Н. П., но при перепечаткѣ ея въ «*Крымскомъ Вѣстникѣ*» 1897 г., № 222, фамилія автора приведена цѣликомъ. Изъ «*Крымскаго Вѣстника*» замѣтка Покровскаго съ дополненіями К. К. Косцюшко-Валюжинича перепечатана въ «*Археолог. изв. и замѣткахъ*» 1897 г., стр. 321—324.

2) Въ Херсонисѣ это, кажется, *первый* памятникъ. По крайней мѣрѣ гр. Толстой и Кондаковъ въ 1891 г. прямо указывали (ук. соч. IV, стр. 22), что «доселѣ не встрѣчено между херсонисскими церковными постройками ни крещаленъ (баптистеріевъ), ни круглыхъ или купольныхъ церквей». Ср. однако, Бертье-Делагардъ, Раск. Херсонеса, стр. 41. Л.

на Аѳонѣ. Приходилось слышать, что есть еще подобный ковчежецъ въ Луврѣ... По своей общей формѣ онъ (т. е. вновь открытый ковчежецъ) представляетъ точное подобіе одного изъ типовъ саркофаговъ равенскихъ, а это сходство указываетъ на ихъ генетическое родство и, по соображеніямъ историко-археологическимъ, заставляетъ предполагать одинъ общій источникъ для нихъ; гдѣ этотъ источникъ,—сказать довольно трудно...[1]). Судя по иконографическимъ типамъ, особенно Богоматери, моложавой и красивой, а также ангеловъ и святыхъ, напоминающимъ типы древнихъ мозаикъ Равенны, а равно и въ виду сходства общей формы ковчега съ саркофагами Равенны, казалось бы возможнымъ отнести вновь открытый памятникъ къ VI вѣку, а въ такомъ случаѣ — это памятникъ рѣдкій и важный какъ по своему историческому значенію, такъ и по художественному".

Если ковчегъ относится къ VI вѣку, то можно думать, что и постройка храма не многимъ позднѣе этого времени. Устройство въ немъ усыпальницъ, судя по найденнымъ въ нихъ монетамъ Романа I, послѣдовало не ранѣе X вѣка; въ это время храмъ, повидимому, подвергался перестройкѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ усыпальницахъ оказались мраморные архитектурные фрагменты, употребленные для ихъ постройки, вѣроятно, за ненадобностью. При этомъ, быть можетъ, были заложены нѣкоторыя окна и двери, возведены двѣ стѣны внутри храма и притворъ съ крещальнею превращены въ большія общія усыпальницы. Это превращеніе произведено, очевидно, *послѣ* опустошившаго храмъ пожара, такъ какъ кости въ нихъ найдены не обожженными. Послѣ закрытія притвора для доступа въ храмъ осталась только западная дверь южнаго крыла, которое, какъ кажется, было тогда превращено въ притворъ посредствомъ отдѣленія отъ центральной части храма вышеупомянутой стѣной съ дверью. Затѣмъ, такъ какъ при раскопкахъ не найдено монетъ позднѣе 1-й четверти XI вѣка, то можно думать, что около этого времени храмъ былъ окончательно заброшенъ. Раскопки въ Херсонисѣ уже и ранѣе показывали, что лучшіе и самые большіе храмы города въ позднѣйшую эпоху уже не употреблялись для службы и были руинами, изъ которыхъ жители брали матеріалъ для постройки другихъ церквей и домовъ[2]).

---

1) Гр. Толстой и Кондаковъ, ук. соч. стр. 15.

III.

Въ херсонисскомъ некрополѣ въ 1897 году разслѣдовано и описано 196 разныхъ погребеній (№№ 813—1008 по общему счету г. Косцюшко-Валюжинича), а именно: 26 катакомбъ (въ томъ числѣ 5 съ 6-ю нишами въ видѣ коекъ, одна съ 4-мя, 11 съ 3-мя, 3 съ 2-мя, 2 съ одной нишей, 2 безъ нишъ и 2 неоконченныхъ), 38 гробницъ вырубленныхъ въ скалѣ, одна сложенная изъ плитъ (внутри ея найдены три глиняныя трехручныя урны), 5 гробницъ греческой эпохи, сложенныхъ изъ большихъ черепицъ, 10 глиняныхъ урнъ (въ томъ числѣ три греческой эпохи) и 66 могилъ земляныхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ остовъ, послѣ истлѣнія деревяннаго гроба, оказывался лежащимъ прямо въ землѣ; въ 6 изъ нихъ оказались вещи греческой эпохи, а въ 60 найдены вещи римской эпохи, или не найдено ихъ совсѣмъ.

Нѣкоторыя изъ разслѣдованныхъ гробницъ оказались разграбленными, но въ большинствѣ ихъ, а также и въ насыпи некрополя найдены различныя вещи, служившія для украшенія или для домашняго обихода и значительно обогатившія мѣстный складъ древностей, содержимый г. Косцюшко-Валюжиничемъ въ образцовомъ порядкѣ. Мы не будемъ здѣсь описывать эти находки, такъ какъ полный перечень и описаніе ихъ войдутъ въ Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1897 г. и такимъ образомъ станутъ доступными для всѣхъ желающихъ съ ними познакомиться.

Замѣтки по древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря.

IV [1]).

О мѣстоположеніи города Горгиппіи.

Неоднократно высказывалось и русскими и западно-европейскими учеными мнѣніе, что упоминаемый Страбономъ и Стефаномъ Византійскимъ синдскій городъ Γοργιππία [2]) лежалъ приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Анапы. Еще знаменитый Бёкъ опредѣленно высказалъ и подтвердилъ доказательствами это положеніе при изданіи одной надписи, найденной близъ Анапы [3]). Главнымъ основаніемъ для

---

1) *Журн. М. Н. Пр.* 1898, ноябрь, отд. кл. Фил. стр. 73—77.

2) У Страбона (XI, 2, 10 и 11) пишется Γοργιπία, у Стефана Византійскаго—Γοργίππεια (s. v.) и Γοργίπη (s. v. Σύνδικος). Правописаніе съ двумя π, кромѣ несомнѣнной связи названія этого города съ именемъ Γόργιππος (на которую указывалъ, между прочимъ, A. v. Gutschmid въ ниже указываемой статьѣ К. І. Неймана, пр. 138), подтверждается легендою ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ на монетахъ этого города (см. Брачкова Кат. мон. элл. кол., стр. 176 и табл. XXIII) и надписью, которую мы приводимъ ниже.

3) C. I. Gr. II, n. 2130 in lemmate. По вопросу о мѣстоположеніи Ἱεροῦ λιμένος Бёкъ ссылается на Маннерта, который говоритъ (Geogr. d. Griechen u. Römer, IV, Leipz. 1820, p. 389): «und 180 Stadien weiter nordwestlich nennt er [sc. Arrian] den Hierus Portus, wo die Türken in neuen Zeiten das befestigte Städtchen Anapa angelegt haben». Авторы двухъ другихъ руководствъ по древней географіи, вышедшихъ въ 40-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, не опредѣляютъ съ точностію положенія Горгиппіи. Forbiger (Handbuch d. alten Geographie II, 1844, стр. 460, прим. 94) только упоминаетъ о Горгиппіи, какъ о главномъ городѣ Синдовъ, со ссылками на Страбона и Стефана Византійскаго, а Укертъ (Geogr. d. Griechen u. Römer, III, 2 (Skythien, 1846 г.), стр. 496) по вопросу о мѣстоположеніи Горгиппіи ссылается на Dubois, который въ своемъ Voyage autour du Caucase v. V, p. 99 говоритъ: «Gorghippie... était dans le voisinage de Sindique, soit au sud auprès de la ruine entre le Dirzoï et l'Ozéréiké, ou peut-être dans la partie méridionale du liman Sindique». Этотъ liman Sindique авторъ въ т. I, стр. 167, отождествляетъ съ Кизилташскимъ лиманомъ и далѣе говоритъ: «la ville. [sc. Sindicos] était dans le voisinage d'Anapa, sans doute sur le Bougour». Здѣсь же кстати отмѣтимъ, что и изъ новѣйшихъ изслѣдователей нѣкоторые почему-то игнорируютъ мнѣніе Бёка и Бруна. Такъ, Герцъ (Археолог. топографія Таманскаго полуострова, 1870, стр. 120=2-е изд. Имп. Академіи Наукъ, 1898, стр. 152) замѣчаетъ, что положеніе Горгиппіи, къ сожалѣнію,

Бёка послужили сообщаемые древними авторами разсчеты разстояній между различными мѣстностями, находившимися въ этомъ уголкѣ Евксинскаго Понта, при чемъ онъ отождествлялъ съ Горгиппіею Ἱερὸς λιμήν Арріана. Еще болѣе настойчиво высказано мнѣніе о томъ, что Анапа лежитъ на мѣстѣ Горгиппіи, заслуженнымъ изслѣдователемъ древней и средневѣковой географіи Новороссійскаго края, Ф. К. Бруномъ, въ статьѣ „Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплamъ и по компасовымъ картамъ“, написанной въ 1874 году[1]). Указавъ на то, что „еллинскія и римскія монеты, которыхъ здѣсь и теперь еще много попадается, равно какъ и разныя другія древности, случайно открытыя“, ясно свидѣтельствуютъ о немаловажномъ значеніи, которое должна была имѣть эта мѣстность въ древности, припомнивъ далѣе объ открытыхъ здѣсь надписяхъ и приведя копію вновь найденнаго фрагмента надписи[2]) и составленное Н. П. Кондаковымъ описаніе двухъ мраморныхъ статуй, мужской и женской, случайно найденныхъ въ Анапѣ въ 1871 году, авторъ заключаетъ: „Гдѣ же, если не въ Анапѣ, могли сохраниться слѣды Горгиппіи, главнаго города Синдики, которая, по Страбону, лежала при морѣ, а по другимъ древнимъ авторамъ имѣла гавань и обыкновенно называлась именемъ самой страны? Въ Анапу именно ведетъ насъ измѣреніе Безыменнаго, когда онъ, по примѣру Арріана, считаетъ 300 стадій отъ Никаксина до Синдики или Синдикской гавани, какъ онъ прибавляетъ отъ себя, тогда какъ другіе авторы, именно Птолемей, различая Синдикскую гавань отъ мѣстечка ей соименнаго, ставятъ первую далѣе къ западу. Что подъ Синдикою Безыменный тутъ разумѣлъ не эту гавань, но, подобно Арріану, анапскую, явствуетъ изъ того, что они на разстояніи между Пантикапеономъ и Синдикою, въ прямомъ направленіи, полагаютъ 540 стадій, стало быть не менѣе, но даже немного болѣе протяженія берега между Керчью и Анапою“[3]).

остается совершенно неопредѣленнымъ; Кипертъ (Lehrb. d. alten Geogr., Berl. 1878, стр. 350—1) вовсе не упоминаетъ Горгиппіи, а Лоллингъ (Hell. Landeskunde u. Topogr. въ Iw. Müller's Handbuch d. klass. Altertumswissensch. III, стр. 238 и 239) помѣщаетъ Горгиппію на косѣ, отдѣляющей Кубанскій лиманъ отъ Понта, а на мѣстѣ Анапы предположительно ставитъ Синду.

1) *Зап. Од. Общ. исторіи и древн.* т. IX, стр. 410—428=*Черноморье*, т. II, стр. 242—270.

2) Теперь въ IosPE. II, n⁰ 399.

3) *Черноморье*, II, стр. 263—4. Ср. стр. 268: «...Горгиппія лежала... съ нашей точки зрѣнія именно въ мѣстности, нынѣ занимаемой Анапою» и т. д. Точности ради замѣтимъ, что у Безыменнаго разстояніе между Никаксиномъ и Синдикою показано равнымъ 290 ст. или 40 милямъ, но такъ какъ 40 миль=300 ст., то Мюллеръ объясняетъ цифру 290 смѣшеніемъ разныхъ источниковъ (См. нашъ сборникъ «Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ», т. I, стр. 279).

Девять лѣтъ спустя послѣ Бруна то же мнѣніе высказалъ самостоятельно и не менѣе рѣшительно Карлъ Іоганнъ Нейманъ[1]), опровергая своего однофамильца Карла Неймана, который въ своей извѣстной книгѣ объ Эллинахъ въ Скиѳіи помѣщалъ Горгиппію на Джимитейской низменности, а Синду на мѣстѣ Анапы[2]).

Мнѣ лично, какъ я уже неоднократно высказывалъ[3]), предположеніе Бёка и Бруна всегда казалось весьма правдоподобнымъ. Не говоря уже о находкахъ монетъ и другихъ памятниковъ древности, цѣлый рядъ надписей, открытыхъ въ разное время въ Анапѣ (хотя, къ сожалѣнію, большею частью въ видѣ обломковъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что на мѣстѣ Анапы въ древности находилось значительное городское поселеніе[4]). Почти всѣ надписи относятся къ римскимъ временамъ; встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ имена воспорскихъ царей доказываютъ, что въ эти времена поселеніе это входило въ составъ Воспорскаго царства. Недавно (1895 г.) открытый агонистическій каталогъ, сохранившійся въ цѣломъ видѣ и довольно хорошо читающійся[5]), далъ намъ достовѣрное свидѣтельство о томъ, что еще въ III вѣкѣ до Р. Хр. на мѣстѣ Анапы существовало поселеніе грековъ іоническаго племени съ легкою примѣсью дорійцевъ, а также огречившихся Синдовъ и Скиѳовъ.

Но такъ какъ свидѣтельства разныхъ авторовъ о поселеніяхъ, существовавшихъ въ этой мѣстности, не вполнѣ согласны между собою, ихъ приходится такъ или иначе комбинировать, предполагать тождество поселеній, приводимыхъ у разныхъ авторовъ подъ разными именами и т. п., то и въ вопросѣ о томъ, лежитъ-ли Анапа именно на мѣстѣ Горгиппіи, все еще оставалось нѣкоторое мѣсто сомнѣнію. Въ виду важности памятниковъ древности, открываемыхъ въ Анапѣ, становилось все болѣе и болѣе желательнымъ найти, наконецъ, какое-либо вполнѣ достовѣрное доказательство, которое положило бы предѣлъ этому со-

---

1) Strabons Landeskunde von Kaukasien въ *Jahrb. für. class. Philol.*, 13 Supplementband (1883), стр. 337.

2) Die Hellenen im Skythenlande (Berl. 1855), стр. 572. По всей вѣроятности, именно К. Нейману слѣдовалъ Лоллингъ въ упомянутомъ сочиненіи.

3) См. IosPE. II, introd. p. XII [ср. выше стр. 64] и цитируемыя ниже изданія анапскихъ надписей.

4) Надписи, найденныя до 1890 г., изданы въ IosPE. II, nn⁰ 398—420, а найденныя [позднѣе—ibid. v. IV, nn⁰ 430—445 и *Изв. И. Арх. Комм.* в. 3, стр. 51, и вып. 23, стр. 46—48, №№ 32—34].

5) Изданъ нами въ *Журн. М. Н. Пр.* за мартъ 1896, отд. класс. филологіи, стр. 113—127 [и IosPE. IV, n⁰ 432. См. выше стр. 244—258].

мнѣнію, тѣмъ болѣе, что оно дало бы намъ прочный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ топографическихъ изслѣдованій и пріуроченія упоминаемыхъ авторами населенныхъ пунктовъ къ опредѣленнымъ современнымъ мѣстностямъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сообщить читателямъ такое доказательство, которымъ мы обязаны новому эпиграфическому открытію. Въ минувшемъ году профессоръ Н. И. Веселовскій, давно занимающійся археологическими изслѣдованіями въ Анапѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ, любезно сообщилъ намъ эстампажъ найденнаго въ этомъ городѣ мраморнаго обломка (выш. 0,21 м., шир. 0,20 м., справа сохранилась часть края) съ десяткомъ строкъ отлично читающейся надписи. При сличеніи этого обломка съ ранѣе извѣстными анапскими надписями оказалось несомнѣннымъ, что онъ содержитъ въ себѣ концы тѣхъ самыхъ строкъ, начала которыхъ сохранились на другомъ обломкѣ, изданномъ нами въ *Матеріалахъ по археологіи Россіи*, *№ 17*, на стр. 66 подъ № 2 *a*[1]). Сопоставляя эти два обломка (при чемъ вновь найденный обломокъ обозначимъ буквою *d*, такъ какъ буквами *b* и *c* помѣчены уже два фрагмента, изданные вмѣстѣ съ *a*), мы получимъ слѣдующее:

a	*d*
	.....εων.....
1	[Ἡ σύν]οδος [ἡ περὶ .....]ν Φαρνακίω[να Πό]-
	θου Νεοκλέ[ους.....τ]ὸν ἐπὶ Γοργιπ[πί]-
	ας καὶ συναγ[ωγὸν .....Ἀ]θηνόδωρον Π[αν]-
	ταλέοντο[ς.....δ]ώρου ἐπὶ τῶν
5	ἱερῶν καὶ Φρό[νιμον?.....] Φαρνάκην Ἔ-
	ρωτος. Θια[σῖται.....Ἀλέξ]ανδρος Πό-
	θου, Νυμφαγ[όρας.....δ]ώρου, Κόνο-
	[ς.....Δι]όφαντο[ς
	.....]Μενέσ[τρα-
	τος...

При изданіи надписей, найденныхъ въ 1892—1894 годахъ, намъ удалось опредѣлить характеръ большинства надписей, найденныхъ въ обломкахъ на почвѣ Анапы, и именно показать, что они представляютъ собою списки членовъ рели-

1) [Переизданы оба обломка въ IosPE. IV, nº 434].

гіозныхъ обществъ (θίασοι), подобные танаидскимъ[1]). Къ тому же разряду памятниковъ принадлежитъ и вышеприведенный. Въ числѣ членовъ этихъ обществъ уже встрѣчались жрецы, гимнасіархи и военные магистраты (στρατηγός, λοχαγός). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы встрѣчаемъ въ составѣ θίаса лицо, носящее титулъ ὁ ἐπὶ Γοργιππίας[2]), обозначавшій, безъ сомнѣнія, правителя (губернатора) города[3]). Само собою разумѣется, что этотъ губернаторъ могъ быть постояннымъ членомъ θίаса только въ томъ городѣ, которымъ онъ управлялъ. Поэтому мы считаемъ это свидѣтельство вновь найденнаго обломка окончательнымъ подтвержденіемъ предположенія, что Горгиппія лежала въ мѣстности, занимаемой нынѣ Анапою.

1) *Матеріалы по археологіи Россіи*, № 17, стр. 66.

2) Названіе города, безъ сомнѣнія, было написано съ двумя π, такъ какъ на обломанномъ кускѣ камня въ этомъ мѣстѣ могли стоять по меньшей мѣрѣ двѣ буквы.

3) Магистраты съ подобными названіями уже неоднократно встрѣчались въ Воспорскомъ царствѣ (напримѣръ, ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν и т. п.). См. IosPE. II, introd. p. LIV сл. [ср. выше стр. 124 сл.].

Замѣтки по древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря.

V [1]).

Объ островѣ св. Эөерія.

Константинъ Багрянородный въ посвященномъ сыну Роману сочиненіи, обыкновенно цитируемомъ подъ латинскимъ заглавіемъ „De administrando imperio“, описывая „путь изъ Варягъ въ Греки“, говоритъ, что Россы по совершеніи обычныхъ жертвоприношеній на островѣ св. Григорія, лежавшемъ на Днѣпрѣ ниже пороговъ (обыкновенно отождествляемомъ съ о. Хортицею [2]), продолжаютъ плаваніе четыре дня, пока не достигнутъ лимана, который составляетъ устье этой рѣки и на которомъ лежитъ островъ св. Эөерія; приставъ къ этому острову, путники отдыхаютъ на немъ два или три дня и приводятъ въ порядокъ свои „однодеревки“; а такъ какъ, продолжаетъ авторъ, устье рѣки, какъ сказано, есть лиманъ, доходящій до моря, и къ морю лежитъ островъ св. Эөерія, то оттуда они уходятъ къ рѣкѣ Днѣпру и тамъ снова отдыхаютъ, а затѣмъ, выждавъ благопріятнаго времени, отправляются къ рѣкѣ Бѣлой и т. д. [3]). Затѣмъ въ извѣстномъ договорѣ Игоря съ греками между прочимъ заключается условіе, чтобы русскіе не творили никакого зла херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьяхъ рѣки

---

1) *Журн. М. Н. Пр.* 1899, май, отд. кл. Фил. стр. 73—87.

2) См. объ этомъ островѣ Бруна Черноморье, ч. II, стр. 363 сл.

3) Const. Porphyrog. *De adm. imp.* cap. IX, ed. Bonn. v. III (1840), p. 78:... εἶθ' οὕτως ἀποκινοῦντες ἐξ αὐτοῦ [sc. τοῦ νησίου τοῦ ἁ. Γρηγορίου] μέχρι τεσσάρων ἡμερῶν ἀποπλέουσιν ἕως οὗ καταλάβωσιν εἰς τὴν λίμνην τοῦ ποταμοῦ στόμιον οὖσαν· ἐν ᾗ ἔστι καὶ ἡ νῆσος τοῦ ἁγίου Αἰθερίου. καταλαβόντες οὖν οὗτοι τὴν τοιαύτην νῆσον προσαναπαύουσιν ἑαυτοὺς ἐκεῖσε ἕως δύο καὶ τριῶν ἡμερῶν, καὶ πάλιν τὰ ἑαυτῶν μονόξυλα εἰς ὅσας ἂν λείπωνται χρείας περιποιοῦνται, τά τε ἅρμενα καὶ τὰ κατάρτια καὶ τὰ αὐχένια ἅπερ ἐπιφέρονται· ἐπεὶ δὲ τὸ στόμιον τοῦ τοιούτου ποταμοῦ ἐστίν ἡ τοιαύτη λίμνη, καθὼς εἴρηται, καὶ κρατεῖ μέχρι τῆς θαλάσσης, καὶ πρὸς τὴν θάλασσαν κεῖται ἡ νῆσος τοῦ ἁγίου Αἰθερίου, ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀπέρχονται πρὸς τὸν Δάναπριν ποταμόν, καὶ διασωθέντες ἐκεῖσε πάλιν ἀναπαύονται. ἡνίκα δὲ γένηται καιρὸς ἐπιτήδειος, ἀποσκαλώσαντες ἔρχονται εἰς τὸν ποταμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ἄσπρον κτλ.

Днѣпра, и не зимовали ни здѣсь, ни въ Бѣлобережьѣ, ни „у святаго Ельферья“, но съ наступленіемъ осени возвращались домой, въ русскую землю [1]). Мѣстность „у святаго Ельферья“ почти всѣми изслѣдователями (кромѣ Лерберга) отождествляется съ островомъ св. Эеерія, упоминаемымъ у Константина.

Этотъ островъ уже Байеръ, Пейссонель и Шлецеръ искали предъ устьемъ Днѣпровскаго лимана [2]). Карамзинъ отождествилъ его съ островкомъ Березанью [3]), лежащимъ прямо передъ входомъ въ Днѣпровскій лиманъ, и это тождество до сихъ поръ остается общепринятымъ въ наукѣ [4]), хотя и были нѣкоторыя попытки пріурочить островъ св. Эеерія къ другимъ мѣстностямъ [5]).

Въ „Новороссійскомъ календарѣ“ на 1854 г. извѣстный изслѣдователь исторической географіи южной Россіи проф. Ф. К. Брунъ помѣстилъ спеціальную статью объ островѣ св. Эеерія, въ которой впервые поднялъ вопросъ, почему именно этотъ островъ получилъ то имя, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ греческому императору. „Желая дать поводъ къ рѣшенію сего вопроса, говоритъ авторъ, я почитаю неизлишнимъ представить на обсужденіе критиковъ мнѣніе, что древній островъ Борисѳенъ новое свое имя получилъ по одному изъ семи Священномучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонѣ и утвердившихъ тамъ своими подвигами христіанскую вѣру,—епископа Херсонскаго св. Еѳерія, который, заболѣвъ на обратномъ пути изъ Константинополя въ свою епархію, преставился на островѣ *Аасѣ*, гдѣ надъ гробницею его былъ поставленъ памятникъ“.

Указавъ, далѣе, на то, что источникомъ свѣдѣній о св. Эееріи служитъ для насъ житіе его, помѣщенное въ „Книгѣ житій святыхъ“ св. Димитрія Ростовскаго (подъ 7 марта) и взятое, какъ свидѣтельствуетъ приписка на полѣ книги, „изъ рукописныхъ греческихъ“, и приведя относящіяся къ данному вопросу подлинныя слова житія, Брунъ высказалъ рядъ справедливыхъ соображеній въ пользу того, что „островъ, носившій впослѣдствіи имя св. Еѳерія, былъ тотъ самый, который принялъ въ нѣдра свои земные останки святителя“, и затѣмъ весьма подробно и съ огромнымъ ученымъ аппаратомъ доказывалъ мысль о томъ, что

---

1) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археогр. комм. (С.-Пб. 1872), стр. 50.

2) См. Брунъ, Черноморье, ч. I, стр. 14.

3) Ист. Госуд. Росс. т. I, гл. VI (въ 5-мъ изд. Эйнерлинга, С.-Пб. 1842,—стр. 93) и прим. 355 (стр. 97). Карамзинъ ссылается при этомъ на Memor. popul. (Stritter'a) II, 984, гдѣ приведенъ латинскій переводъ даннаго мѣста Константина.

4) Ср., напр. Н. П. Барсовъ, Очерки русской истор. геогр., изд. 2 (Варш. 1885), стр. 21 и 134 и прим. 47 на стр. 223.

5) Объ этихъ попыткахъ (Бурачкова и Мурзакевича) скажемъ ниже.

островъ *Аасъ*, переименованный въ честь умершаго на немъ св. епископа, не могъ быть никакимъ другимъ кромѣ Березани. Сущность дѣла заключается въ томъ, что по мнѣнію Бруна названіе *Аасъ* почти тождественно съ однимъ изъ наименованій рѣки Днѣпра въ средніе вѣка, именно *Озо* или *Узу*, и что это названіе легко могло перейдти и на островъ, лежащій при устьѣ Днѣпра. Мы не будемъ разсматривать подробно эти доказательства, такъ какъ вся искусственная постройка Бруна, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказалась совершенно напрасною и за нимъ въ настоящее время можетъ быть признана только заслуга первой постановки вопроса о происхожденіи названія острова св. Эөерія.

Въ срединѣ 70-хъ годовъ Брунъ задумалъ соединить свои статьи по исторической географіи южной Россіи, въ дополненномъ и переработанномъ видѣ, въ сборникъ подъ заглавіемъ „Черноморье“ [1]) и первую часть этого сборника представилъ въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи въ 1878 году. Профессоръ С.-Петербургскаго университета В. Г. Васильевскій по порученію Академіи написалъ подробную рецензію, въ которой тщательно разсмотрѣлъ всѣ 12 статей, вошедшихъ въ составъ сборника, въ томъ числѣ и интересующую насъ теперь статью объ островѣ св. Эөерія [2]).

Соглашаясь съ конечнымъ результатомъ изслѣдованія Бруна, — что островъ св. Эөерія есть именно Березань, а не Тендра, какъ незадолго передъ тѣмъ утверждалъ П. О. Бурачковъ [3]), В. Г. Васильевскій замѣчаетъ (стр. 74), что „все это обиліе учености, весьма цѣнное само по себѣ, пришлось бы считать на-

---

1) Первая часть сборника вышла въ Одессѣ въ 1879 г. (въ XXVIII томѣ «*Записокъ Импер. Новоросс. университета*» и отд.), вторая—въ 1880 г., уже послѣ смерти автора (въ XXX томѣ тѣхъ же «*Записокъ*»). Статья объ островѣ св. Эөерія напечатана въ 1-й части на стр. 14—32.

2) Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Прилож. къ XXXVI тому *Записокъ Имп. Акад. Наукъ*, № 5, С.-Пб. 1880), стр. 73—77. Послѣ выхода въ свѣтъ 1-й части «Черноморья» В. Г. Васильевскій помѣстилъ о ней рецензію въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1879 г., стр. 84—112. Отзывъ о статьѣ объ островѣ св. Эөерія въ обѣихъ рецензіяхъ совершенно одинаковъ.

3) *Зап. Одесск. общ. исторіи и древн.* т. IX, стр. 40 сл. Ср. его же «Замѣтки по древней географіи Новоросс. края (письма къ проф. Ф. К. Бруну)» въ *Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географ. общества*, т. XI (1875 г.), вып. 3, стр. 181 — 188. На мнѣніе Бурачкова ссылается м. пр. Д. И. Иловайскій въ «Исторіи Россіи», ч. I (М. 1876), стр. 293, прим. 13.—В. Г. Васильевскій замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи: «Напрасно этотъ послѣдній [то есть, Бурачковъ] указываетъ на то, что островъ Березань не находится на пути плаванія изъ Цареграда въ Корсунь. Въ греческомъ текстѣ житія островокъ *Алсосъ* и не предполагается лежащимъ на таковой дорогѣ, потому что тамъ говорится о «противныхъ вѣтрахъ». Сверхъ того, выраженіе «ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ=«въ странахъ рѣкы Дьнапра», конечно, больше идетъ къ Березани, чѣмъ къ Тендрѣ и т. д.»

прасно и непроизводительно расточаемымъ, если бы оно всегда приводило къ такимъ выводамъ, какой далѣе слѣдуетъ у Ф. К. Бруна" (то есть, что названіе рѣки *могло* перейдти на островъ, лежащій у ея устья), и что „такой способъ заключенія никогда не будетъ пользоваться большимъ кредитомъ въ ученой критикѣ", такъ какъ „намъ нужны положительныя доказательства, что это не только могло быть, но и на самомъ дѣлѣ было". Обращаясь затѣмъ къ названію острова *Аасомъ*, почтенный рецензентъ находитъ, что „самая исходная точка всего разсужденія была весьма сомнительна", такъ какъ кромѣ той редакціи житія херсонскихъ мучениковъ, которою пользовался Брунъ, имѣются гораздо лучшіе источники этого житія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ отвергнуть самое чтеніе *Аасъ*, какъ совершенно ошибочное и невѣрное, именно 1) греческій текстъ житія, изданный послѣ перваго появленія статьи Бруна въ печати[1]) и 2) славянская редакція въ Супрасльскомъ сборникѣ, изданномъ Миклошичемъ[2]) раньше этой статьи, но не обратившемъ на себя вниманія изслѣдователя.

Въ первомъ источникѣ читается, что св. Эѳерій былъ прибитъ противными вѣтрами „ἔν τινι νήσῳ ἄλσος ὠνομασμένῃ καὶ τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ προσκειμένῃ", а во второмъ—что онъ „привръженъ бысть въ островъ нарицаѥмыи Алосъ въ странахъ рѣкы Дьнапра". Отмѣтивъ, что по этимъ обѣимъ древнѣйшимъ редакціямъ Эѳерій умеръ на этомъ островѣ не на возвратномъ пути послѣ путешествія въ Царьградъ, а при первомъ путешествіи въ Херсонъ, никогда не видавъ своей епархіи, В. Г. Васильевскій заключаетъ: „Какъ бы то ни

---

1) Греческій текстъ житія былъ изданъ по копіи рукописи, присланной изъ Москвы покойнымъ Невоструевымъ, въ *Запискахъ Од. Общ. исторіи и древностей*, т. VII (1868 г.), стр. 120—131, съ русскимъ переводомъ прот. С. Серафимова. Замѣтивъ, что въ «Запискахъ» нѣтъ указанія, изъ какой рукописи была заимствована эта копія, г. Васильевскій говоритъ, что «всетаки можно утверждать, не боясь ошибки, что греческій текстъ житія былъ выписанъ изъ знаменитой *Минеи XI вѣка*, украшенной миніатюрами... и вообще составляющей одно изъ лучшихъ сокровищъ Московской синодальной библіотеки». Мѣсто о прибытіи св. Эѳерія къ острову Ἄλσος приведено Васильевскимъ по собственному сличенію. (Отмѣчаемъ это потому, что греческій текстъ въ «Запискахъ» изданъ крайне небрежно, съ массою промаховъ въ удареніяхъ, придыханіяхъ и проч.). Справка въ новомъ каталогѣ архимандрита Владиміра («Систематич. описаніе рукописей Московской синод. (патріаршей) библіотеки», ч. I, М. 1894, стр. 564) вполнѣ подтверждаетъ указаніе Васильевскаго. Рукопись поставлена въ каталогѣ о. Владиміра подъ № 376. [Объ этомъ Житіи см. теперь нашу работу «Житія св. епископовъ Херсонскихъ. Изслѣдованія и тексты». *Зап. И. Акад. Н. по ист.-филолог. отд.* т. VIII, № 3. Спб. 1906].

2) Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi ed. Miklosich (Vindob. 1851), стр. 414—425: Житиѥ и страсть ст҃ыихъ ѻ҃ць и епископъ бывъшиихъ Василѣа, Капитона, мѫченыихъ вь Херсони. [См. теперь новое изданіе С. Н. Северьянова: Супрасльская рукопись. Памятники старославянскаго языка. Т. II, вып. 1. Изд. II. Ак. Наукъ. Спб. 1904].

было, островъ въ странахъ рѣки Днѣпра, на которомъ умеръ св. Ѳеодорій, назывался первоначально не *Аасъ*, а *Алсосъ* или еще того вѣрнѣе *Алосъ* (какъ въ Супрасльской рукописи)".

Такимъ образомъ В. Г. Васильевскій свелъ къ нулю все ученое разсужденіе Бруна. Но мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, что стоящую въ Супрасльской рукописи форму названія интересующаго насъ острова—*Алосъ*—слѣдуетъ считать болѣе вѣрною, нежели греческую форму Ἄλσος. Намъ кажется, наоборотъ, что греческая форма есть истинная, а форма *Алосъ* произошла изъ нея путемъ порчи или фонетическаго измѣненія [1]), равно какъ и *Аасъ* или еще *Ласъ* [2]). Дѣло въ томъ, что названіе Ἄλσος не есть ἅπαξ εἰρημένον въ греческомъ житіи херсонскихъ мучениковъ: оно встрѣчается уже у древнихъ авторовъ и, повидимому, представляетъ собою прочно установившееся топографическое обозначеніе, существовавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но прилагавшееся, кажется, не къ одной и той же мѣстности. Древнѣйшимъ изъ авторовъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ это названіе, является Страбонъ. Упомянувъ въ VII, 3, 17, что передъ устьемъ рѣки Борисѳена (Днѣпра) находится островъ съ гаванью, онъ далѣе въ § 19 говоритъ, что за этимъ островомъ сейчасъ къ востоку идетъ морской путь къ мысу Ахиллова бѣга, лишенному растительности, но *называемому рощею* и посвященному Ахиллу, а затѣмъ идетъ Ахилловъ бѣгъ (Μετὰ δὲ τὴν πρὸ τοῦ Βορυσθένους νῆσον ἐξῆς πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον ὁ πλοῦς ἐπὶ ἄκραν τὴν τοῦ Ἀχιλλείου δρόμου, ψιλὸν μὲν χωρίον, καλούμενον δ' ἄλσος, ἱερὸν Ἀχιλλέως·

1) Здѣсь возможны два предположенія: 1) переводчикъ могъ оставить въ славянскомъ текстѣ форму Алсосъ съ греческимъ окончаніемъ (ср. Христосъ, ирмосъ, икосъ и т. п.) и затѣмъ эта форма могла быть искажена при перепискѣ выпущеніемъ буквы *с*; 2) греческое окончаніе ος могло быть отброшено и тогда получилась форма *Алсъ*, въ которой по требованію фонетики древняго церковно-славянскаго языка послѣ *л* передъ согласнымъ долженъ былъ явиться ъ, то есть, это слово должно было писаться *Алъсъ*, а затѣмъ вмѣсто Алъсъ могло явиться написаніе *Алосъ*. Это второе предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, нежели первое. Прекрасную аналогію къ нему представляетъ указанная намъ А. А. Шахматовымъ форма *кинось*=кинъсъ=κῆνσος (census), о которой см. Ѳ. И. Буслаева въ «Матеріалахъ для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ» (М. 1855), стр. 31. Вполнѣ аналогично также происхожденіе формы *псаломъ* изъ псалъмъ=ψαλμός. Разныя формы этого слова (въ томъ числѣ ѱалъмосъ, ѱаломосъ, ѱаломъ и др.) см. у Миклошича, Lexicon palaeoslovenico-graecolatinum, Vind. 1862—1865. [Вышеприведенное объясненіе оказывается ненужнымъ, такъ какъ новое изданіе Супрасльской рукописи, тщательно исполненное С. Н. Северьяновымъ, свидѣтельствуетъ, что въ рукописи стоитъ именно форма *Алсосъ*, а Ф. *Алосъ* явилась у Миклошича вслѣдствіе описки или опечатки].

2) Форму *Лас*ъ (Las) даетъ Кене, Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса Таврическаго (С.-Пб. 1848), стр. 123, безъ указанія источника. Объ эти формы, то есть *Аасъ* и *Лас*ъ, мнѣ кажется, явились вмѣсто *Алсъ* по ошибкѣ переписчиковъ.

εἶθ' ὁ Ἀχίλλειός δρόμος κτλ.). Ясно, что Страбонъ разумѣлъ подъ „Ахилловой рощей“ крайнюю (сѣверо-западную или, точнѣе, сѣверную, такъ какъ конецъ косы обращенъ къ сѣверу) оконечность Ахиллова бѣга, то есть нынѣшней Тендры. Названіе „рощею“ мѣстности, лишенной растительности, объясняется тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что слово ἄλσος у грековъ служило обычнымъ названіемъ посвященныхъ богамъ участковъ, хотя бы и не покрытыхъ растительностью [1]). Птолемей (Geogr. III, 5, 2) называетъ западный мысъ Ахиллова бѣга иначе, именно Ἱερὸν ἄκρον, и ставитъ его подъ 57° 50′ долг. и 47° 30′ шир., а нѣсколько сѣвернѣе его (58° 30′ долг., 47° 45 шир.), между обозначеніями положенія устья рѣки Ипанида и перешейка Ахиллова бѣга, ставитъ мысъ подъ названіемъ ἄλσος Ἑκάτης, очевидно не тождественный съ Страбоновой „рощей Ахилла“. Въ другомъ мѣстѣ (III, 10, 9) Птолемей называетъ островъ Борисѳениду подъ 57° 15′ долг. и 47° 40′ шир. Этотъ островъ обыкновенно принимаютъ за Березань, но въ такомъ случаѣ положеніе его опредѣлено невѣрно [2]). Позднѣе безыменный авторъ перипла Понта Евксинскаго какъ бы смѣшалъ свидѣтельства Страбона и Птолемея, назвавъ западную косу Ахиллова бѣга „священною рощею Екаты“ (ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἑκάτης, § 58); при этомъ онъ ставитъ эту рощу въ 200 стадіяхъ или $26^2/_3$ миляхъ отъ Борисѳена и совершенно ясно отличаетъ ее отъ „весьма маленькаго, пустыннаго и безыменнаго островка“, который называетъ далѣе (§ 61) въ 60 ст. отъ Борисѳена и въ 80 ст. отъ Одисса, слѣдуя въ описаніи этого островка Арріану (Per. § 31). Этотъ островокъ—несомнѣнно Березань. Наконецъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8, 99) говоритъ неопредѣленно, что въ мѣстностяхъ около Каркинитскаго залива и рѣки того же имени была священная роща Тривіи, то есть Екаты (religiosus per eas terras Triviae lucus). Слѣдуетъ еще отмѣтить показаніе неизвѣстнаго автора „Страбоновской христоматіи“: близко держась въ другихъ случаяхъ текста Страбона, эпитоматоръ отступилъ отъ него въ указаніи мѣстоположенія Ахилловой рощи и поставилъ ее *на материкъ*. Вотъ его слова [3]): „Устья рѣки Борисѳена и островъ

1) Объ этомъ ясно говоритъ самъ Страбонъ въ IX, 2, 33 (p. 412): οἱ δὲ ποιηταὶ κοσμοῦσιν ἄλση καλοῦντες τὰ ἱερὰ πάντα κἂν ᾖ ψιλα. Ср. Stengel, Griech. Kultusaltertümer (въ Iw. Müller's Handb. d. kl. Alt.)², p. 18: «Ein mit Bäumen bepflanztes τέμενος hiess ἄλσος, und dieser Name wurde für derartige Heiligtümer so gewöhnlich, dass selbst ein baumloses, einem Gott geheiligtes Stück Land so genannt werden konnte».

2) Ср. Ukert, Geogr. d. Griechen u. Römer, III Th. 2 Abth., Skythien (Weim. 1846), стр. 450.

3) Цитируемъ по нашимъ «Извѣстіямъ др. писат. о Скиѳіи и Кавказѣ», т. I, стр. 166.

Борисѳенъ [=Березань] находятся въ углу Тамиракскаго залива, а рѣка Каркинитъ впадаетъ въ уголъ соименнаго залива. Между этими двумя заливами лежитъ въ видѣ полуострова Тавроскиѳія, южная часть которой представляетъ собою идущій по прямой линіи берегъ, Ахилловъ бѣгъ... Сейчасъ же за островомъ Борисѳеномъ къ востоку на материкѣ находится голая мѣстность, но называемая рощей, посвященная Ахиллу. Затѣмъ слѣдуетъ Ахилловъ бѣгъ" и т. д. (Ὅτι μετὰ τὴν νῆσον τὸν Βορυσθένη ἑξῆς πρὸς ἀνατολὰς ἐν τῇ ἠπείρῳ ψιλὸν χωρίον, καλούμενον ἄλσος, ἱερὸν Ἀχιλλέως· εἶτα ὁ Ἀχίλλειος δρόμος κτλ). Еслибы эпитоматоръ не прибавилъ словъ „ἐν τῇ ἠπείρῳ", то можно было бы сказать, что онъ просто сократилъ текстъ Стравона; но эта прибавка подаетъ поводъ думать, что онъ имѣлъ подъ руками другіе источники, руководствуясь которыми исправилъ показаніе своего автора, при чемъ, быть можетъ, смѣшалъ Ахиллову рощу съ рощею Екаты.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствахъ ἄλσος Ἀχιλλέως или ἄ. Ἑκάτης никоимъ образомъ не могутъ быть отождествлены съ нынѣшней Березанью. Но и независимо отъ этого намъ кажется, что всѣ изслѣдователи, пріурочивавшіе къ ней островъ св. Эѳерія, не обращали достаточнаго вниманія на описанное Константиномъ Багрянороднымъ положеніе этого острова и значеніе его на пути плаванія Россовъ. Константинъ ясно говоритъ, что островъ св. Эѳерія лежитъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ, тогда какъ Березань находится уже *за* лиманомъ (хотя и недалеко отъ него) въ открытомъ морѣ. Здѣсь Россы останавливались дня на 2—3 и приготовляли свои „однодеревки" къ опасностямъ морскаго плаванія. Для этого необходима была удобная, защищенная отъ вѣтровъ стоянка, которой у Березани не было, такъ какъ островъ этотъ открытъ для всѣхъ вѣтровъ [1]), и было бы крайне странно, еслибы Россы выходили сюда, минуя подходящія стоянки въ лиманѣ. Оснастивши ладьи, Россы снова уходили въ Днѣпръ и тамъ выжидали удобнаго времени для того, чтобы пуститься въ открытое море. Опять является совершенно непонятнымъ, зачѣмъ было имъ выходить изъ лимана въ открытое море, тамъ приготовлять ладьи и затѣмъ снова возвра-

---

1) См. карту острова, приложенную къ статьѣ Р. А. Пренделя «Археологическія разслѣдованія на островѣ Березани» въ *Трудахъ VI археолог. съѣзда въ Одессѣ*, т. I (Од. 1886), стр. 216—219. П. О. Бурачковъ, отличный знатокъ современной топографіи южной Россіи, по поводу свидѣтельства Игорева договора прямо говоритъ (*Зап. Од. Общ.* IX, стр. 44), что «о. Березань представляетъ и физическую невозможность для зимовки большому количеству ладей».

щаться въ Днѣпръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приготовленіе къ морскому пути происходило *до* выхода въ море,—а въ такомъ случаѣ островъ св. Эөерія *не можетъ быть* отождествленъ съ Березанью. Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что по свидѣтельству житія св. Херсонскихъ мучениковъ на мѣстѣ погребенія св. Эөерія произволеніемъ Божіимъ выросли деревья, которыя издалека указывали могилу святаго; между тѣмъ, по словамъ г. Пренделя[1]), старожилы помнятъ на Березани только одно грушевое дерево, мѣсто котораго отмѣчено даже на картѣ г. Пренделя, и, судя по описанному имъ геологическому строенію острова, на немъ никогда не могло быть болѣе или менѣе значительной древесной растительности[2]).

Гдѣ же искать островъ св. Эөерія, принимая тождество его съ ἄλσος житія Херсонскихъ мучениковъ? Приведенныя нами свидѣтельства древнихъ авторовъ заставляютъ различать двѣ „рощи“,—ἄλσος Ἀχιλλέως и ἄλσος Ἑκάτης[3]), тогда какъ на основаніи словъ „Житія“ слѣдуетъ думать объ *одной* мѣстности, носившей во времена св. Эөерія, то есть въ первой четверти IV вѣка по Р. Хр., названіе ἄλσος безъ всякаго опредѣленія. Отсюда приходится заключить, что одна изъ двухъ „рощъ“ съ теченіемъ времени потеряла это названіе, а другая сохранила, и это сохранившееся названіе стало употребляться безъ имени божества, которому роща была посвящена. Теперь возникаетъ вопросъ, которая „роща“ удержала свое названіе до IV вѣка и даже, можетъ быть, дальше? Приведенныя выше свидѣтельства древнихъ авторовъ, мнѣ кажется, даютъ намъ право съ полною увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ въ пользу „рощи Екаты“: ее знаютъ Птолемей, Амміанъ Марцеллинъ и Безыменный, тогда какъ Ахиллову рощу называютъ только Страбонъ и, конечно, его эпитоматоръ. Птолемей, называя оконечность Ахиллова бѣга Ἱερὸν ἄκρον, даетъ намъ основаніе предполагать, что въ его время названіе ἄλσος Ἀχιλλέως уже не употреблялось. Во всякомъ случаѣ эта „Ахиллова роща“ Страбона не можетъ быть отождествлена съ Константино-

1) Ук. ст. стр. 217. Ср. объ этой пресловутой грушѣ гр. Уварова Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи, стр. 141, и Бурачкова въ *Зап. Од. Общ.* т. IX, стр. 42.

2) О геологическомъ строеніи Березани ср. также статью Н. А. Соколова «Замѣтка объ островѣ Березани и дислокаціяхъ понтическихъ отложеній въ области Спваша и Перекопскаго залива» въ *Извѣстіяхъ геолог. комитета*, т. XIV (1895), вып. 6—7, стр. 241—258. Авторъ говоритъ, между прочимъ (стр. 244), что поверхность этого острова является *какъ бы клочкомъ новороссійскихъ степей*, отдѣленнымъ отъ материка моремъ.

3) Ср., напримѣръ, K. Neumann, Die Hellenen im Skythenl. (Berl. 1855), стр. 368 сл. и карту; Tomaschek въ Pauly-Wissowa, Real-Encyklop. s. v. Ἀχιλλέως ἄλσος.

вымъ островомъ св. Ѳеоріи, такъ какъ она находилась далеко отъ Днѣпровскаго лимана, въ которомъ лежалъ этотъ островъ по ясному свидѣтельству Константина. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что ἄλσος „Житія“ или островъ св. Ѳеоріи есть не что иное, какъ ἄλσος Ἑκάτης Птолемея и Амміана Марцеллина.

По общераспространенному мнѣнію, Птолемеева „Роща Екаты“ соотвѣтствовала нынѣшней Кинбурнской косѣ [1]). Въ недавнее время противъ этого пріуроченія высказался Ѳ. А. Браунъ [2]) въ слѣдующихъ словахъ: „Эта роща [то есть, Гекаты] не лежитъ также на Кинбурнской косѣ, гдѣ ее обыкновенно ищутъ. Кинбурнскій мысъ совпадаетъ съ устьемъ Борисѳена, а роща Гекаты отстоитъ отъ послѣдняго, по Птолемею, на 503,5 стад.=87,1 в. Если перенести это разстояніе на нашу карту и считать отъ устья Днѣпровскаго лимана вдоль берега, принимая во вниманіе Ягорлыцкій заливъ, то 85-я [3]) верста приведетъ насъ къ западной оконечности Ягорлыцкаго полуострова: и здѣсь, слѣдовательно, лежала роща Гекаты“. Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ, что оправданіе его разсчетовъ читатель найдетъ въ его книгѣ „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній“, которая до сихъ поръ еще не вышла въ свѣтъ [4]). Поэтому мы лишены пока возможности узнать, какимъ образомъ получено г. Брауномъ разстояніе въ 503,5 стадій. Кромѣ того, для насъ остается неяснымъ, почему собственно почтенный изслѣдователь подъ Βορυσθένους ποταμοῦ ἐκβολαί разумѣетъ устье Днѣпровскаго *лимана*, а не впаденіе рѣки въ лиманъ, и почему онъ игнорировалъ указанное уже Нейманомъ затрудненіе въ соглашеніи разныхъ показаній Птолемея [5]), а также и то, что по словамъ этого писателя роща Екаты есть ἄκρον, а на Ягорлыцкомъ полуостровѣ, насколько можно судить по картамъ [6]),

---

1) Ср. Neumann, ук. соч. стр. 372; Брунъ, Черноморье, II, стр. 21 и др.

2) Въ статьѣ «Нѣсколько словъ о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος», помѣщенной въ Commentationes philologicae въ честь И. В. Помяловскаго (С.-Пб. 1897), стр. 103—108.

3) Здѣсь, вѣроятно, опечатка вмѣсто «88-я».

4) [Вышла осенью 1899 года].

5) Die Hell. im Skythenl. стр. 372: «Leider führt nun eine Vergleichung der Lage aller benachbarten Orte, wie sie von Ptolemaios angegeben wird, mit der dem Haine der Hekate angewiesenen Position zu der Ueberzeugung, dass zwischen diesen Angaben kein Zusammenhang obwaltet, dass Ptolemaios vielmehr die geographische Länge und Breite des Haines nach einer besondern, vereinzelten Entfernungsangabe berechnet hat und so zu einem Resultate gelangt ist, welches mit den übrigen Ortsbestimmungen der Umgegend nicht im Einklang steht».

6) Мы пользуемся главнымъ образомъ 3-верстной военно-топографической картой, исправленной по рекогносцировкѣ 1865 г., и 10-верстной картой, изд. военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба подъ редакціей генералъ-лейтенанта Стрѣльбицкаго въ 1898 г.,

мысовъ или сколько-нибудь значительныхъ косъ нѣтъ. Наконецъ, если принимать тождество острова св. Эөерія съ рощей Екаты, согласно вышеприведеннымъ доводамъ, то перенесеніе послѣдней на Ягорлыцкій полуостровъ будетъ невозможно и потому, что онъ лежитъ не въ Днѣпровскомъ лиманѣ, гдѣ находился островъ св. Эөерія по ясному показанію Константина Багрянороднаго, и не „въ странахъ рѣки Днѣпра“, какъ сказано объ ἄλσος въ житіи Херсонскихъ мучениковъ.

Возможно, мнѣ кажется, предположить, что подъ ἄλσος „Житія“ и островомъ св. Эөерія у Константина слѣдуетъ разумѣть не одну только Кинбурнскую косу, а весь Кинбурнскій полуостровъ до Бузовой, гдѣ находится самое узкое мѣсто перешейка между Днѣпровскимъ лиманомъ и Ягорлыцкимъ заливомъ, не превышающее нынѣ 3—4-хъ верстъ[1]), или часть полуострова до Прогнойска. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что названіе ἄλσος съ оконечности полуострова могло распространиться на весь полуостровъ, никакого названія ранѣе не носившій. Мнѣ возразятъ, однако, что это *полуостровъ*, а между тѣмъ ἄλσος въ „Житіи“ прямо называется *островомъ*, а равно и Константинъ дважды называетъ *островъ* св. Эөерія. Охотно признаю, что это—самое сильное возраженіе противъ предполагаемаго мною отождествленія. Но при этомъ нельзя забывать, что между временемъ этихъ свидѣтельствъ объ „островѣ“ и нашимъ временемъ прошло болѣе 900 лѣтъ[2]), въ теченіе которыхъ очертанія Днѣпровскаго лимана и окружающихъ его мѣстностей могли значительно измѣниться. Подробныя геологическія, гидрографическія и естественноисторическія изслѣдованія Днѣпровской дельты и лимана доказываютъ, что здѣсь непрерывно происходятъ естественные процессы, благодаря которымъ взаимныя отношенія и очертанія воды и

а также спеціальнымъ атласомъ Чернаго моря по описямъ Манганари (Никол. 1841, fol.), въ которомъ особенно важны въ данномъ случаѣ листы 23 и 24. Лично намъ Ягорлыцкій полуостровъ не извѣстенъ.

1) Крендовскій, Изслѣд. Бугскаго, Днѣпр. и др. лимановъ (*Труды общества испыт. природы при Имп. Харьк. унив.* т. XVIII и отд. изд. Харьк. 1884), стр. 42.

2) Константинъ VII Багрянородный царствовалъ, какъ извѣстно, съ 912 по 959 г. Относительно житія Херсонскихъ мучениковъ В. Г. Васильевскій (Русско-византійскія изслѣд., вып. II, С.-Пб. 1893, стр. CCXXXII) замѣчаетъ: «Ученые, конечно, стали бы сомнѣваться въ древности и первоначальности подробнаго корсунскаго повѣствованія, еслибы не существовало столь убѣдительное свидѣтельство о возможности относить его къ десятому вѣку или даже ранѣе, какое представляетъ фактъ наличнаго славянскаго перевода въ Супрасльской рукописи XI вѣка». Намъ кажется, что первоначальная редакція «Житія» значительно древнѣе X вѣка, но здѣсь мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса [См. теперь нашу работу, указанную на стр. 287, прим. 1].

суши мѣняются, можно сказать, на глазахъ наблюдателей [1]). Изслѣдователь Днѣпровской дельты и лимановъ сѣвернаго побережья Чернаго моря М. Е. Крендовскій говоритъ [2]), что древность Днѣпровской дельты въ предѣлахъ между Херсономъ и нынѣшнимъ устьемъ—около шести столѣтій, то-есть, иначе говоря, что „выполненіе лимана плавнями въ окрестностяхъ Херсона началась не позже XII или XIV вѣка по Р. Хр.“ И дѣйствительно, итальянскія морскія карты XIV и XV вѣковъ, изслѣдованныя Ф. К. Бруномъ [3]), вмѣсто нынѣшняго вида дельты показываютъ при устьѣ Днѣпра одинъ или два большихъ острова. Другой изслѣдователь происхожденія лимановъ южной Россіи, Н. А. Соколовъ замѣчаетъ слѣдующее [4]): „Принимая во вниманіе огромную массу наносовъ, выносимыхъ въ море рѣками южной Россіи, протекающими, какъ извѣстно, по большей части среди рыхлыхъ, легко размываемыхъ породъ, а также условія передвиженія матеріала въ прибрежной полосѣ моря, въ особенности же имѣя въ виду полное отсутствіе въ Черномъ морѣ значительныхъ суточныхъ колебаній морскаго уровня (прилива и отлива), нельзя и предполагать чего-либо инаго при неизмѣняющемся отношеніи уровней моря и рѣкъ, кромѣ усиленнаго прироста суши близъ устьевъ рѣкъ и постепеннаго выдвиганія въ море дельтъ“. Въ другомъ мѣстѣ того-же труда (стр. 24) г. Соколовъ пишетъ: „Въ отличіе отъ остальныхъ лимановъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, имѣющихъ меридіанальное или близкое къ меридіанальному направленіе, огромный Днѣпровскій лиманъ, достигающій до 60 верстъ въ длину и до 15 верстъ въ ширину, протягивается съ востока на западъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ лиманъ со времени своего образованія значительно перемѣстился по направленію къ западу, какъ это совершенно основательно замѣтилъ Браунеръ [О происхожденіи лимановъ. *Сборн. Херс. Зем.* 1890, № 2, стр. 4]. Съ одной стороны Кинбурнская коса изъ намытыхъ моремъ песка и ракуши представляетъ собою, какъ мы только что замѣтили, образованіе позднѣйшаго времени. Ранѣе образованія этой косы Днѣпровскій лиманъ едва ли

---

1) Имѣемъ въ виду главнымъ образомъ работы гг. Крендовскаго и Соколова. Ср. также G. R. Credner, Die Deltas, ihre Morphologie, geogr. Verbreitung und Entstehungs-Bedingungen. Gotha 1878 (Ergänzungsheft No. 56 zu Petermann's «*Geogr. Mittheilungen*»).

2) Изслѣдованіе Днѣпровской дельты (*Труды общества испыт. природы при Имп. Харьк. унив.* т. XIV и отд. изд. Харьковъ 1881), стр. 42.

3) Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій. (*Черноморье*, ч. I, стр. 72—97).

4) О происхожденіи лимановъ южной Россіи (*Труды геолог. комитета* т. X, № 4, С.-Пб. 1895), стр. 17.

простирался на западъ много далѣе м. Станислава. Съ другой стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что къ востоку Днѣпровскій лиманъ продолжался прежде значительно дальше, чѣмъ въ настоящее время“ и т. д. При такихъ обстоятельствахъ тѣ маленькія озера и лужи, которыми нынѣ въ изобиліи покрытъ Кинбурнскій полуостровъ [1]), въ прежнія времена весьма легко могли быть въ связи между собою и образовать проливъ, соединявшій Днѣпровскій лиманъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ. Этотъ проливъ скорѣе всего могъ существовать около Прогнойска и имѣть направленіе отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Еще на большихъ картахъ конца прошлаго вѣка, напримѣръ, де-Рибаса [2]) и Деволанта [3]), у Прогнойска показанъ заливъ лимана, развѣтвляющійся на три части, изъ коихъ средняя идетъ сначала къ юго-западу и затѣмъ загибается къ сѣверу, а съ южной стороны Кинбурнскаго полуострова показаны два длинныхъ и узкихъ залива, соединяющіеся однимъ устьемъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ; восточный изъ этихъ заливовъ имѣетъ направленіе прямо къ сѣверу и сближается съ вышеупомянутою среднею частью Прогнойскаго залива, такъ что разстояніе между ними не превышало двухъ верстъ. Здѣсь-то и могъ быть, какъ намъ кажется, искомый проливъ [4]). Что касается до устройства упомянутыхъ озеръ, то, по описанію Кренловскаго [5]), „они большею частью имѣютъ круглую, а не длинную и узкую форму, указывающую на текущую воду въ нихъ, какая свойственна лиманамъ, происходящимъ изъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ, и не вдаются въ материкъ, но представляютъ мелкіе озерные бассейны съ солоноватою водою, расположенные на новѣйшихъ прибрежныхъ рѣчныхъ или морскихъ наносахъ. Геологическое строеніе береговъ и дна этихъ озеръ показываетъ, что они произошли отъ углубленій мор-

1) Бурачковъ (*Зап. Од. Общ.* IX, стр. 49) насчитываетъ ихъ 300 на пространствѣ 40 кв. верстъ.

2) «Гидрограф. карта сѣв. берегамъ Чернаго моря. Снята и промѣрена Черноморскаго гребнаго флота и инжен. корпуса офицерами... по повелѣнію вице-адмирала и кавалера де-Рибаса». Годъ изданія на картѣ не показанъ, но по свидѣтельству Н. М. Кумани въ «Запискахъ гидрограф. департамента морского министерства», ч. II (С.-Пб. 1844), стр. 394, съемка и описаніе береговъ происходили въ 1793 году. (Послѣднею справкою мы обязаны любезности А. П. Старкова).

3) Карта географическая изображающая область Озу или Едизанъ иначе называемою (sic) Очаковскою землею и присоединенную нынѣ къ Россійскому государству въ силу заключеннаго въ Яссахъ декабря 1791 г. мирнаго договора. Инженеръ-маіоръ и кавалеръ Деволантъ.—Эта карта приложена проф. В. И. Григоровичемъ къ «Запискѣ о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба» (*Зап. Имп. Новоросс. универс.* т. XX, 1876 г.).

4) На современныхъ картахъ этихъ заливовъ уже нѣтъ и расположеніе озеръ показано совершенно иначе.

5) Изслѣд. Бугскаго, Днѣпр. и др. лимановъ, стр. 145.

ского дна, при чемъ сообщеніе ихъ съ моремъ заносилось морскимъ пескомъ и морскими раковинами и травою, доставляемыми сюда прибоемъ волнъ... Наполненіе этихъ озеръ соленою водою совершается главнымъ образомъ во время бурь. Приносимая водою морская трава, песокъ и раковины частью возвышаютъ берега озера, а частью засоряютъ прежніе свои пути—низменности, даже самыя озера".

Если возможно, такимъ образомъ, предположить существованіе пролива на нынѣшнемъ Кинбурнскомъ полуостровѣ, то отдѣленная этимъ проливомъ къ западу часть полуострова и могла быть островомъ св. Эѳеріа. Такое предположеніе какъ нельзя лучше согласуется съ данными, сообщаемыми Константиномъ и житіемъ Херсонскихъ мучениковъ: 1) островъ лежалъ въ лиманѣ (или, по житію, въ странахъ рѣки Днѣпра) по направленію къ морю; 2) Россы могли приставать къ нему именно въ предполагаемомъ проливѣ и здѣсь, въ уютномъ и защищенномъ отъ вѣтровъ мѣстѣ снаряжать свои ладьи къ морскому плаванію, а затѣмъ выходить снова въ Днѣпръ (то-есть, въ лиманъ) и тамъ выжидать удобнаго времени, чтобы пуститься въ море; 3) Кинбурнскій полуостровъ и понынѣ имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ древесную растительность [1]), а стало быть тѣмъ болѣе могъ имѣть ее въ давнія времена, и могила св. Эѳеріа дѣйствительно могла быть осѣнена высокими, издалека замѣтными деревьями. Но какъ бы то ни было, для того, чтобы *доказать* существованіе предполагаемаго нами острова, необходимо было бы пересмотрѣть всѣ существующія описанія Днѣпровскихъ дельты и лимана или упоминанія о нихъ, а также и всѣ карты, начиная съ средневѣковыхъ итальянскихъ и кончая новѣйшими. Не имѣя возможности въ настоящее время сдѣлать это, мы не можемъ вполнѣ увѣренно настаивать на нашемъ предположеніи, но отрицательный результатъ нашего изслѣдованія, то есть, что островъ св. Эѳеріа не тождественъ съ Березанью, считаемъ достовѣрнымъ.

Намъ могутъ еще возразить: если съ геологической точки зрѣнія возможно допустить, что предполагаемый нами островъ дѣйствительно нѣкогда существовалъ, то почему же о немъ не упоминаютъ древніе авторы, описывающіе интересующія насъ теперь мѣстности? Но вѣдь ни у одного изъ нихъ нѣтъ прямыхъ упоминаній и о *полуостровѣ*. Даже Діонъ Хрисостомъ, давшій намъ въ своей „Борисѳенитской рѣчи" наиболѣе подробное описаніе Днѣпровско-Бугскаго ли-

1) Свидѣтельства см. у Бурачкова въ *Зап. Од. Общ.* IX, стр. 3 сл. Ср. описаніе Кинбурнскаго полуострова у Bonnell, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, т. I (S. Petersb. 1882), стр. 89 сл.

мана, ничего не говоритъ объ южномъ его берегѣ, то есть, нынѣшнемъ Кинбурнскомъ полуостровѣ. Иродотъ, безъ сомнѣнія вводящій его въ районъ своего „Полѣсья“ (Ὑλαία), могъ и не знать, что здѣсь существуетъ протокъ, отдѣляющій западную часть Полѣсья въ видѣ острова. Остальныя описанія намѣчаютъ только болѣе или менѣе значительные пункты, лежавшіе на пути обычныхъ прибрежныхъ плаваній грековъ, а на мѣстности, удаленныя отъ этихъ путей, не обращаютъ вниманія и обходятъ ихъ молчаніемъ. Такъ, мы не встрѣчаемъ, напримѣръ, упоминаній объ Ягорлыцкомъ заливѣ, не знаемъ названій заливовъ, образуемыхъ Тендрою и Джарылагачскою косою съ материкомъ, и т. п. Подобнымъ образомъ и предполагаемый нами проливъ могъ казаться не заслуживающимъ упоминанія, такъ какъ путь съ моря къ Борисѳену и Ипаниду шелъ не черезъ него, а чрезъ устье лимана между укрѣпленіемъ Алектора и рощей Екаты, то есть, между Очаковомъ и Кинбурнской косой [1]). Можно подозрѣвать, однако, что Стравонъ, помѣщая предъ устьемъ Борисѳена *островъ съ гаванью* (см. выше стр. 288), разумѣлъ не Березань, какъ думаютъ обыкновенно, а именно предполагаемый нами островъ: спеціальное упоминаніе о гавани заставляетъ думать, что это была хорошая, удобная пристань, имѣвшая значеніе для мореплавателей; между тѣмъ на Березани гаваней нѣтъ и, судя по устройству ея, никогда не могло быть [2]).

Въ заключеніе справедливость требуетъ замѣтить, что уже покойный Н. Н. Мурзакевичъ въ своихъ „поясненіяхъ“ къ переводу житія Херсонскихъ мучениковъ [3]) предлагалъ искать мѣсто погребенія св. Ээерія на Кинбурнской косѣ, указывая на отсутствіе древесной растительности на Березани и на положеніе ея внѣ Днѣпровскаго устья. Но его мнѣніе, очевидно, показалось Бруну (при обработкѣ „Черноморья“) и В. Г. Васильевскому не заслуживающимъ вниманія, такъ какъ они не упоминаютъ о немъ ни единымъ словомъ, и осталось не замѣченнымъ [4]).

---

1) Кстати замѣтимъ, что и объ «укрѣпленіи Алектора» имѣется упоминаніе только въ 36-й рѣчи Діона Хрисостома и значительно позднѣе у Равеннскаго географа (Alecturum или Alecturia).

2) Вотъ что говоритъ объ устройствѣ Березани Н. А. Соколовъ (*Изв. геолог. комитета* т. XIV, стр. 243): «Крутые, почти отвѣсно поднимающіеся скалистые берега и мелководное прибрежье, усѣянное подводными камнями—отторженцами понтическаго известняка, слагающаго основаніе острова Березани, дѣлаютъ этотъ островъ трудно доступнымъ. Только на сѣверо-восточной сторонѣ острова значительно болѣе низкій береговой уступъ окаймленъ полоской низменнаго намывнаго берега, сложенной изъ песка и галечника и представляющей удобное мѣсто для высадки».

3) *Зап. Од. Общ.* VII, стр. 132.

4) О мнѣніи Мурзакевича упоминаетъ, впрочемъ, Бурачковъ въ *Зап. Од. Общ.* IX, стр. 42.

Къ исторіи Воспорскаго царства.

II[1]).

Въ нашемъ сборникѣ надписей Воспорскаго царства подъ № 19 издано посвященіе θіаситовъ Афродитѣ Небесной „за архонта и царя Пэрисада, сына царя Пэрисада, матерелюбиваго, и царицу Камасарію, дочь Спартока, дѣтолюбивую, и Аргота сына И...θа, супруга царицы Камасаріи". Первый издатель этого документа, покойный академикъ Л. Э. Стефани[2]), весьма правдоподобно предположилъ, что упоминаемая въ документѣ царица Камасарія была матерью царя Пэрисада „матерелюбиваго" (φιλομήτωρ) и что она по смерти своего перваго супруга, царя Пэрисада, вышла замужъ за нѣкоего Аргота. Мы съ своей стороны въ очеркѣ исторіи Воспорскаго царства, предпосланномъ собранію его надписей (стр. XXVIII, прим. 1, ср. выше стр. 87, пр. 2), выразили предположеніе о тожественности этой царицы съ той царицей Камасаріей, которая названа въ спискѣ пожертвованій въ храмъ Аполлона Дидимейскаго C. I. Gr. II, n° 2855, и которую Бёкъ считалъ супругою виѳинскаго царя Прусіи II, названнаго въ спискѣ непосредственно предъ нею. Мы высказали, что, такъ какъ въ этомъ спискѣ перечислены и разныя другія пожертвованія (напримѣръ, кизикцевъ и Кратера), то нѣтъ основаній связывать имя Камасаріи съ именемъ Прусіи и нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы считать Камасарію идентичною съ Воспорскою царицею, записанною въ n° 19; а если это предположеніе вѣрно, то изъ него получается весьма важный выводъ для хронологіи документа, такъ какъ Камасарія

1) *Журн. М. Н. Пр.* 1899, ноябрь, отд. кл. Фил. стр. 52 — 56. Первую замѣтку см. выше, стр. 174—178.

2) *Compte-rendu de la comm. Imper. archéolog.* p. 1877, стр. 249 сл.

оказывается современницею Прусіи II, вступившаго на престолъ около 180 г. до Р. Хр. и убитаго въ 149 году. Къ такому опредѣленію вполнѣ подходитъ и письмо документа nº 19, казавшееся намъ не древнѣе начала II вѣка до Р. Хр.

Въ послѣднее время извѣстный французскій ученый B. Haussoullier посвятилъ храму Аполлона Дидимейскаго обширную статью [1]), въ которой между прочимъ сообщилъ новыя копіи извѣстныхъ эпиграфическихъ документовъ этого храма (въ томъ числѣ и C. I. Gr. 2855, см. т. XXII, стр. 129), издалъ много новыхъ надписей и разсмотрѣлъ вопросы объ ихъ хронологіи. Относя надпись C. I. Gr. 2855 къ 156—5 г. до Р. Хр., онъ съ полною увѣренностью признаетъ упомянутую въ ней царицу Камасарію, согласно съ нашимъ мнѣніемъ, царицею Воспорскою и въ одномъ изъ новыхъ документовъ, относящемся къ слѣдующему году, возстановляетъ имя царя Пэрисада [2]), котораго считаетъ ея супругомъ [3]). Отсюда получается выводъ, что царь Пэрисадъ, котораго мы въ очеркѣ исторіи Воспорскаго царства (стр. XXVIII) называемъ „minimum tertius“ и который былъ женатъ на Камасаріи, царствовалъ еще въ 155—4 году.

Новое упоминаніе о царѣ Пэрисадѣ и царицѣ Камасаріи нашлось въ самое недавнее время въ одной изъ *дельфійскихъ* надписей, открытіемъ которыхъ мы

---

1) *Revue de philologie*, nouv. s. XXII (1898), стр. 37 — 53 и 113 — 131; XXIII (1899), стр. 1 — 36.

2) T. XXII, стр. 114, nº 23 b, строки 28 — 30: βασιλέω[ς Παιρισ]άδου φιάλη χρυσῆ, ἧς ὁλκὴ χρυσοῦ δια[κόσιοι].

3) Для удобства читателей выписываемъ цѣликомъ все относящееся сюда замѣчаніе г. Haussoullier (XXII, стр. 115): «L. 28 et 29, j'ai restitué βασιλέω[ς Παιρισ]άδου. Le nom Παιρισάδου me semble seul convenir, pour les raisons suivantes. D'abord entre l'A conservé et le commencement de la ligne, il ne peut manquer que 0,09 cent. ou 0,092, soit la place de six à sept lettres. De plus, je ne suis nullement surpris de lire dans un inventaire de Didymes le nom d'un roi de Bosporos. Déjà, dans un inventaire didyméen daté de la troisième année après Ménodoros, antérieur par conséquent d'une année seulement à notre nº 23 b, nous avons rencontré la reine Kamasaryé, qui est, à n'en pas douter, une reine de Bosporos. Boeckh, il est vrai, la plaçait sur le trône de Bithynie et la mariait à Prusias II, uniquement par ce que dans l'inventaire de Didymes l'offrande de Kamasaryé est inscrite à la suite d'offrandes envoyées par Prusias! Mais Latyschev, dans une note qui a passé inaperçue, la revendique avec raison pour le royaume de Bosporos; Kamasaryé devient l'épouse de Paerisadès III. L'inscription que nous publions achève de ruiner l'hypothèse de Boeckh; après le nom de la reine voici que nous retrouvons sur un inventaire de l'année suivante, le nom du roi, son epoux» etc. Изъ изслѣдователей, которымъ приходилось въ послѣдніе годы упоминать о Камасаріи, только Ортманъ (De regno Bosporano Spartocidarum, diss. Hal. 1894, стр. 42) приводитъ наше предположеніе, не высказываясь ни за, ни противъ него; Брандисъ (Pauly-Wissowa, Realencyclop. s. v. Bosporos) обходитъ его молчаніемъ, Диттенбергеръ въ новомъ изданіи своей Sylloge inscr. Graec. къ nº 133 воспроизводитъ безъ перемѣны примѣчаніе изъ 1-го изданія (къ nº 104), а Th. Reinach въ *Revue numism.* 1897, стр. 16, говоря словами г. Оссулье, «parle encore de Prusias II et de sa seconde femme, la Thracienne Camasaryé».

обязаны раскопкамъ, производимымъ въ послѣдніе годы въ Дельфахъ французами. Въ журналѣ „Bulletin de correspondance Hellénique“ 1899 г. (v. 23, p. 96) г. Homolle издалъ отрывокъ декрета въ честь царя и царицы, который онъ вполнѣ правдоподобно возстановилъ слѣдующимъ образомъ [1]):

1 [Ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν
ἐν ἀγορᾶι τελείωι σὺμ ψά]φοι[ς
ταῖς ἐννόμοις· ἐ]πειδὴ βασι-
[λεὺς Παιρι]σάδ[ας] καὶ βασίλι-
5 [σσα Καμασα]ρύα βασιλέως Σπα-
[ρτόκου διατε]λέοντι καὶ αὐτοὶ
[καὶ οἱ πρόγο]νοι αὐτῶν τόν τ[ε
δᾶμον τιμῶ]ντες καὶ τοῖς ἐν-
[τυγχανόν]τοις τῶμ πολιτ[ᾶν
10 φιλανθ]ρώπως χρείμεν[οι..
. . . . . .

Совпаденіе именъ царя, царицы и ея отца дѣлаетъ, на нашъ взглядъ, несомнѣннымъ, что въ дельфійскомъ документѣ названы тѣ же самыя лица, которыя упоминаются въ надписи n° 19 нашего сборника и, по всей вѣроятности, въ документахъ дидимейскаго храма. Относительно времени дельфійскаго декрета Омолль замѣчаетъ, что, судя исключительно по письму, онъ былъ бы склоненъ поставить этотъ декретъ немного выше 160—150 годовъ, къ которымъ относится царствованіе Пэрисада III по дидимейскимъ документамъ. Но это ничуть не препятствуетъ отожествленію, такъ какъ время вступленія на престолъ Пэрисада III, а стало быть и продолжительность его царствованія остаются неизвѣстными. Что касается до нашего n° 19, относящагося къ царствованію Пэрисада IV, когда его мать Камасарія, сохраняя царскій титулъ, была уже замужемъ за Арготомъ, то его приходится теперь относить ко времени послѣ 150-хъ годовъ.

Указывая такимъ образомъ съ приблизительною точностью время царствованія Пэрисада III, дельфійскій декретъ и дидимейскіе документы возбуждаютъ нѣсколько новыхъ вопросовъ, которые, къ сожалѣнію, должны быть оставлены

1) Возстановленія г. Омолля исправлены нами въ двухъ мѣстахъ: въ стр. 7-й онъ поставилъ [ἔχγο]νοι, вѣроятно благодаря случайной опискѣ, и въ стр. 9-й δᾶμον вмѣсто требующейся дорической формы.

безъ отвѣта при современномъ состояніи нашихъ знаній. Говоря о документѣ nº 19 въ нашемъ очеркѣ исторіи Воспорскаго царства, мы замѣтили между прочимъ: „Spartocus Camasaryes pater utrum fuerit rex necne, incertum; hoc tamen videtur probabilius, quoniam regio nomine caret in titulo; sed e regia familia eum fuisse propter nomen ipsum conicere licet“ [ср. выше стр. 87]. Теперь изъ дельфійскаго декрета мы видимъ, что Спартокъ дѣйствительно былъ царемъ; опущеніе царскаго титула при его имени въ надписи nº 19 можетъ быть объяснено по аналогіи съ нѣкоторыми другими воспорскими документами, въ которыхъ царскій или архонтскій титулъ опускается при имени, служащемъ просто отчествомъ[1]). Но что это за царь Спартокъ? Послѣднимъ изъ извѣстныхъ намъ царей этого имени былъ Спартокъ V или IV[2]), царствовавшій около средины III вѣка[3]). По соображеніямъ, изложеннымъ нами въ очеркѣ исторіи Воспорскаго царства (стр. XXVII), надо принять, что онъ царствовалъ недолго; и во всякомъ случаѣ между нимъ и Пэрисадомъ III, женатымъ на дочери Спартока, лежитъ почти столѣтній промежутокъ времени, такъ что весьма мало вѣроятно, чтобы отецъ Камасаріи былъ тожественъ съ этимъ Спартокомъ V или IV. Поэтому приходится, вмѣстѣ съ г. Омоллемъ, предположительно ввести въ рядъ воспорскихъ царей послѣ Левкона II еще одного Спартока.

Далѣе мы видимъ, что царь Пэрисадъ былъ женатъ на дочери царя Спартока. Въ то же время носимыя ими обоими имена заставляютъ предполагать, что оба они принадлежали къ династіи Спартокидовъ. Возникаетъ вопросъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ между собою были эти два царя? Извѣстно, что брачныя связи въ тѣсномъ родственномъ кругу не представляли собою ничего необычнаго у древнихъ и что, напримѣръ, египетскіе Птолемеи не стѣснялись жениться на

---

1) Ср. IosPE. II, nº 13: ἄρχοντος Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου; nº 14: βασιλεύοντος Σπα[ρ]τόκου τοῦ Εὐμ[ήλ]ου; nº 15: ἄρχοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου... καὶ βασιλεύοντος...; nº 16 и 17: βασιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου; nº 18: [βασιλ]ε[ύ]οντος Σπαρτόκου τοῦ Παιρισάδου и пр.

2) Его надо считать IV-мъ, если слѣдовать чтенію патмійской рукописи P въ Diod. XII, 36,1 и XIV, 93,1. См. объ этомъ нашу первую замѣтку «Къ исторіи Воспорскаго царства» [выше, стр. 174—178].

3) Въ очеркѣ исторіи Воспорскаго царства нами упущено изъ виду сдѣланное мимоходомъ Омоллемъ въ *Bull. de corr. Hell.* VI, p. 164, n. 4, упоминаніе о томъ, что въ отчетахъ іеропіевъ дилосскаго храма упоминается φιάλη ἀνάθημα βασιλέως Παιρισάδου. При изданіи дельфійскаго декрета г. Омолль вспоминаетъ объ этомъ приношеніи, относящемся къ 252 году, и замѣчаетъ, что царь Пэрисадъ, посвятившій фіалу, долженъ быть Пэрисадъ II, отецъ Спартока V (или IV). Если это такъ, то Пэрисадъ II царствовалъ болѣе 30 лѣтъ (онъ вступилъ на престолъ въ 284—3 г., см. Diod. XX, 100) и Спартокъ V (или IV) началъ царствовать позже 252 г.

родныхъ сестрахъ. Но не вѣрнѣе ли будетъ предполагать, что Пэрисадъ былъ, напримѣръ, *братомъ* или *племянникомъ* Спартока и, сдѣлавшись царемъ, быть можетъ, за неимѣніемъ потомства мужскаго пола у Спартока, женился на его дочери для укрѣпленія своихъ правъ на престолъ?[1]) Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые остаются не разрѣшимыми до возможныхъ открытій въ будущемъ. Нельзя также отвѣтить съ полною увѣренностью и на вопросъ, почему въ дельфійскомъ декретѣ при имени Камасаріи поставлено имя ея царственнаго отца, а имя царя Пэрисада оставлено безъ отчества.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ обратить еще вниманіе интересующихся исторіею Воспорскаго царства на статью А. В. Орѣшникова „Золотой статиръ архонта Игіэнонта“, помѣщенную во 2-мъ томѣ „Трудовъ Московскаго Нумизматическаго Общества“ (1899). Вновь найденная близъ Ѳеодосіи золотая монета съ именемъ этого архонта, въ связи съ прежними о немъ извѣстіями, подробно разсмотрѣнными г. Орѣшниковымъ, не оставляетъ уже, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что Игіэнонтъ былъ архонтомъ на Воспорѣ. Время его жизни г. Орѣшниковъ, на основаніи внѣшнихъ признаковъ монеты, относитъ приблизительно къ срединѣ II вѣка до Р. Хр.

1) Ср. о царскихъ бракахъ въ греко-македонскихъ царствахъ замѣчанія Ѳ. Ѳ. Соколова въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1897, іюль, отд. кл. Филол., стр. 34.

Къ церковной археологіи Херсониса [1]).

Въ 23 выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Россіи", издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею (Спб. 1899, стр. 26, № 40) и затѣмъ въ 6 томѣ „Византійскаго Временника" (стр. 337—339, № 1), нами былъ описанъ (съ рисункомъ) интересный памятникъ византійской эпохи, найденный въ 1896 году въ Херсонисѣ при раскопкахъ К. К. Косцюшко-Валюжинича и нынѣ находящійся въ Императорскомъ Эрмитажѣ [2]). Памятникъ представляетъ собою обломокъ мраморной плиты, на одной сторонѣ котораго имѣется часть врѣзаннаго вглубь простыми чертами рисунка, изображающаго хожденіе Спасителя по водамъ или, точнѣе, спасеніе апостола Петра отъ потопленія, съ остатками греческой надписи, которую мы предложили возстановить слѣдующимъ образомъ: + Ὁ κ(ύριο)ς Ἰ(ησοῦ)ς + διδοὺς χο[ρηγίαν τῷ ἁγίῳ Πέτρῳ]. Назначеніе памятника намъ не было вполнѣ ясно, и мы ограничились только предположеніемъ, что это была или икона, или архитектурная принадлежность какого-либо храма.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать памятникъ, совершенно аналогичный нашему и позволяющій вполнѣ точно опредѣлить его назначеніе. Впервые сдѣлалъ его извѣстнымъ въ наукѣ французскій археологъ E. Michon, сообщившій о немъ краткую замѣтку въ засѣданіи общества французскихъ антикваріевъ (Société nationale des antiquaires de France) 4-го апрѣля 1900 [3]). По прочтеніи этой замѣтки, нашъ археологъ Я. И. Смирновъ указалъ

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1901, октябрь, отд. кл. фил. стр. 15—22 (= Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей въ честь П. В. Никитина, Спб. 1901, стр. 309—316).

2) Средневѣк. отд. инвент. катал. № 4751.

3) Замѣтка напечатана въ *Bulletin de la société nat. des antiquaires de France*, 2 trimestre 1900. Мы пользуемся любезно присланною намъ г. Мишономъ брошюрою, въ которой собраны всѣ его сообщенія, сдѣланныя въ названномъ обществѣ въ 1900 г. (Extraits du Bulletin de la société nationale des antiquaires de France. 1900. Communications de M. E. Michon, membre résidant). Въ этой брошюрѣ замѣтка напечатана на стр. 17.

г. Мишону на изданный мною памятникъ, и тогда г. Мишонъ въ новомъ сообщеніи (19-го декабря 1900 г.) подробно описалъ оба обломка, далъ ихъ рисунки и указалъ на ихъ близкую аналогію [1]). Въ виду того, что „Bulletin" общества французскихъ антикваріевъ или брошюра г. Мишона можетъ быть подъ руками далеко не у всѣхъ лицъ, интересующихся христіанской археологіей Херсониса, мы считаемъ нелишнимъ сопоставить здѣсь эти два памятника, пользуясь сообщеніями г. Мишона, тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ удобный случай исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ наше описаніе эрмитажнаго памятника благодаря тому, что мы издали его въ свое время не по подлиннику, а по рисунку К. К. Косцюшко-Валюжинича [2]), и дать лучшіе рисунки обѣихъ сторонъ памятника по фотографіи съ подлинника (см. на прилагаемой таблицѣ II, рис. 1*а* и 1*б*).

Внимательный осмотръ памятника далъ намъ возможность констатировать, что кромѣ хорошо сохранившейся строки надписи подъ верхней рамкой была еще строка на самой рамкѣ; но эта рамка, повидимому, была немного срѣзана сверху и затѣмъ, уже послѣ обрѣза, края ея настолько избились, что отъ первой строки надписи сохранились лишь нижнія части нѣсколькихъ буквъ, не дающія никакой возможности догадаться о содержаніи надписи. Далѣе, послѣдняя буква въ надписи подъ рамкой, не вполнѣ сохранившаяся, была нами принята за О и вызвала предложенное нами чтеніе διδοὺς χο[ρηγίαν]; теперь мы замѣтили въ сохранившемся полукругѣ этой буквы небольшой остатокъ поперечной черточки, дающей право принять эту букву за Є и читать διδοὺς χε[ῖρα]. Здѣсь же замѣтимъ, что такъ какъ въ надписи на обломкѣ, изданномъ г. Мишономъ (см. ниже), при имени Петра нѣтъ эпитета ἅγιος, то можно думать, что его не было и въ надписи на нашемъ обломкѣ; кромѣ того, можно предположить, что послѣ имени Петра стояло part. praes. глагола, обозначающаго состояніе, въ которомъ онъ находился [3]). Подставляя глаголъ καταποντίζεσθαι изъ Ев. Мѳ. XIV, 30, мы получимъ слѣдующее чтеніе надписи, которое намъ кажется въ настоящее время наиболѣе вѣроятнымъ: + Ὁ κ(ύριο)ς Ἰ(ησοῦ)ς + διδοὺς χε[ῖρα Πέτρῳ καταποντιζομένῳ].

---

1) *Bulletin de la soc. des ant.*, 4 trimestre 1900, 332—337=Communications de M. E. Michon, 31 — 36.

2) *Археолог. извѣстія и замѣтки, изд. Моск. Археолог. Общ.*, 1897, 187; *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* 1896, 194, описаніе катакомбы № 784 (ср. также 77).

3) Ср. приведенную нами въ *Мат. по арх. Россіи* и въ *Виз. Врем.* ll. cc. надпись въ Равеннской крещальнѣ: IHS ambulās super mare Petro mergenti manum capit etc.

Что касается до оборотной стороны памятника, то г. Косцюшко-Валюжиничъ ограничился замѣчаніемъ, что она была украшена „рельефнымъ бордюромъ". Этотъ бордюръ, какъ видно на рис. 1*б*, состоялъ изъ тройной рамки, окаймлявшей плиту со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, у излома съ лѣвой стороны совершенно явственно сохранилась часть рельефнаго возвышенія, а у нижняго края— небольшой остатокъ такого же возвышенія, слегка закругляющагося. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти возвышенія представляютъ собою частицы верхняго и праваго перекрестій креста, которымъ была украшена плита внутри тройной рельефной рамы и перекрестья котораго слегка расширялись къ концамъ. Имѣла ли плита квадратную форму съ равноконечнымъ крестомъ, или она была продолговатая и нижняя часть вертикальнаго перекрестья длиннѣе верхней,— этого навѣрное сказать нельзя; но, судя по тѣмъ частямъ фигуръ Христа и Петра, которыя сохранились на другой сторонѣ обломка, гораздо скорѣе можно предположить, что плита была квадратная; а въ такомъ случаѣ сохранившіяся части креста даютъ намъ возможность возстановить приблизительно размѣры квадрата и опредѣлить величину отбитой части; достигнуть полной точности въ опредѣленіи размѣровъ невозможно потому, что не вполнѣ извѣстна ширина перекрестій; но неточность во всякомъ случаѣ будетъ невелика, можетъ быть 2—3 сантиметра (см. рис. 3*а* и 3*б*).

Теперь мы подошли къ самой главной и самой досадной оплошности, допущенной нами въ первомъ изданіи памятника. Въ словахъ г. Косцюшко-Валюжинича[1]) „обломокъ мраморной плиты съ рельефнымъ бордюромъ надъ гладкимъ квадратнымъ полемъ, $8'' \times 8''$", мы приняли данныя цифры за опредѣленіе размѣровъ цѣлаго обломка и, переведя ихъ въ сантиметры, получили 0,20 м. Между тѣмъ теперь оказывается, что г. Косцюшко-Валюжиничъ далъ только размѣры „квадратнаго поля" на оборотной сторонѣ между бордюромъ и остатками перекрестій, а длины и ширины всего обломка не обозначилъ. Наибольшая вышина его (по линіи *аб* на рис. 3*а*) достигаетъ 0,34 м., а наибольшая ширина (по линіи *вг* тамъ же) — 0,39 м. Такимъ образомъ первоначальные размѣры квадрата можно опредѣлить приблизительно въ 0,75 м.[2]).

Наконецъ, что касается толщины плиты, то г. Косцюшко опредѣлилъ ее

1) Въ *Арх. изв. и зам.* ук. м.

1) Работа по опредѣленію первоначальнаго размѣра плитъ любезно произведена для меня Н. И. Сусловымъ.

въ 1″ (=0,025 м.), сдѣлавъ обмѣръ, очевидно, по боковому краю ниже рамки на оборотной сторонѣ; обмѣръ же по рамкѣ даетъ 0,035 м.

Обратимся теперь къ сообщенію г. Мишона. Описанный имъ памятникъ находится въ Луврскомъ музеѣ [1]), куда поступилъ въ 1894 году по завѣщанію генералъ-интенданта Робера безъ точнаго обозначенія происхожденія. Въ первомъ сообщеніи г. Мишонъ высказалъ, что памятникъ, вѣроятно былъ пріобрѣтенъ Робером во время его пребыванія на Востокѣ въ эпоху Крымской войны, а во второмъ, на основаніи аналогіи съ изданнымъ мною фрагментомъ, нашелъ возможнымъ полагать, что и Луврскій памятникъ происходитъ „изъ окрестностей Севастополя“.

И дѣйствительно, эти два памятника являютъ поразительное сходство. Луврскій памятникъ, какъ видно изъ описанія и рисунка г. Мишона [2]), представляетъ собою верхній лѣвый уголъ мраморной четырехугольной плиты длиною и шириною 0,22 м., толщиною 0,035 м., съ остатками рѣзаннаго вглубь изображенія и надписи надъ нимъ. Отъ изображенія уцѣлѣли только голова, грудь и верхняя часть правой руки стоящаго Спасителя, обращеннаго немного влѣво, съ юнымъ безбородымъ лицомъ, окруженнымъ нимбомъ, въ широкомъ иматіи. Надъ головою сохранились остатки трехстрочной надписи, изъ которой очевидно, что на плитѣ было изображено явленіе Іисуса Христа ученикамъ на Тиверіадскомъ озерѣ. На не сохранившейся части плиты должны были находиться изображенія св. Петра, Ѳомы и другихъ участниковъ рыбной ловли [3]). На вопросъ Іисуса Христа, есть ли у нихъ какая-нибудь пища, они отвѣчали, что нѣтъ, и тогда Іисусъ сказалъ имъ: Βάλετε εἰς τὰ δεξιὰ μέρη τοῦ πλοίου τὸ δίκτυον καὶ εὑρήσετε [4]).

Эти именно слова Іисуса Христа, безъ сомнѣнія, и были вырѣзаны надъ

---

1) По Catalogue sommaire des marbres antiques — № 3058.

2) Представляемый на таблицѣ II рисунокъ № 2 снятъ (въ одинаковомъ масштабѣ съ снимками эрмитажнаго обломка) съ эстампажа, съ величайшею любезностью присланнаго мнѣ г. Мишономъ. На рис. 3*в* представленъ проектъ возстановленія первоначальной величины плиты по рисунку г. Мишона въ томъ предположеніи, что эта величина была одинакова съ величиною эрмитажной плиты.

3) Сравненіе съ эрмитажнымъ обломкомъ допускаетъ возможность предположенія, что фигуры Петра и его спутниковъ были изображены въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ фигура Христа.

4) Ев. Іоан. XXI, 6. Объ иконографіи этого событія ср. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ пам. иконографіи (Спб. 1892), 237 (тамъ же и иконографія хожденія І. Христа по водамъ).

изображеніемъ. Но является вопросъ, были ли они воспроизведены вполнѣ точно. Г. Мишонъ не нашелъ нужнымъ войти въ ближайшее обсужденіе этого вопроса, ограничившись указаніемъ евангельскаго чтенія. Поэтому необходимо нѣсколько пристальнѣе всмотрѣться въ надпись.

Первая строка ея заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, вводящую фразу, которая могла бы считаться законченною уже въ сохранившейся части (слѣдуетъ отмѣтить въ ней род. падежъ вмѣсто дательнаго при гл. λέγειν); но такъ какъ трудно думать, чтобы въ пропавшей части камня рѣзчикъ оставилъ въ 1-й строкѣ пустое мѣсто, то я полагаю, что здѣсь слѣдуетъ возстановить какія-нибудь слова, заканчивающія эту вводящую фразу, напримѣръ [τοῦ Ἀποστόλου] или [καὶ τῶν σὺν αὐτῷ]. Послѣднее возстановленіе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ потому, что повелѣніе Іисуса Христа (βάλετε) выражено во множественномъ числѣ и, стало быть, обращено не къ одному Петру. Во 2-й строкѣ, содержащей начало словъ Іисуса Христа, буквы разставлены рѣже, чѣмъ въ первой: сохранилось только 12 буквъ на пространствѣ, немного меньшемъ того, на которомъ на первой строкѣ умѣщено, кромѣ крестика, 17 буквъ. Въ 3-й строкѣ сохранились только двѣ буквы ΤΙ. Обращая вниманіе на слова Христа, какъ они приведены въ Евангеліи отъ Іоанна, мы видимъ, что въ нихъ *нѣтъ* такого слога, но есть похожій слогъ ΤΥ въ словѣ δίκτυον. Остается, стало быть, предположить одно изъ двухъ: или указанное слово было написано въ формѣ δίκτιον, съ орѳографическою ошибкою, объясняемою произношеніемъ υ=ι, или сохранившаяся въ 3-й строкѣ черточка принадлежитъ къ буквѣ Υ, написанной въ формѣ V, какъ въ первой строкѣ въ словѣ Πέτρου, но съ сильнымъ наклономъ въ правую сторону, такъ что лѣвый штрихъ принялъ совершенно вертикальное положеніе. Какъ бы то ни было, слогъ ΤΙ можетъ принадлежать только этому слову δίκτυον. Отсюда слѣдуетъ, что если евангельскія слова были воспроизведены на камнѣ вполнѣ точно, то вся надпись была расположена слѣдующимъ образомъ:

Ὁ κ(ύριο)ς Ἰ(ησοῦ)ς λέγων Πέτρου [καὶ τῶν σὺν αὐτῷ]·
Βάλετε εἰς τὰ δ[εξιὰ μέρη τοῦ πλοίου τὸ δίκ]-
τι[ον καὶ εὑρήσετε].

Если луврская плита имѣла одинаковую величину съ эрмитажной, то на пропавшей ея части, составляющей немного болѣе $^2/_3$ всей ширины, въ 2-й

строкѣ легко могли умѣститься недостающія 22 буквы[1]). Очень странною представляется буква Є въ сокращенномъ написаніи слова Ἰησοῦς, которое обыкновенно изображается посредствомъ двухъ буквъ, начальной и конечной (IC). Но на эстампажѣ буквы IЄC читаются совершенно ясно, такъ что приходится допустить ошибку рѣзчика, вырѣзавшаго эти буквы вмѣсто IC+, какъ изображено имя Іисуса на эрмитажномъ обломкѣ.

Если мы сравнимъ теперь оба обломка, луврскій и эрмитажный, то замѣтимъ и въ надписи, и въ рисункахъ огромное сходство. Относительно надписи г. Мишонъ замѣтилъ слѣдующее: „Très légères sont aussi les differences dans l'inscription tracée là [т. е. на эрмитажномъ обломкѣ] en dehors de l'encadrement, en une seule ligne, en lettres soignées de 0^m015, alors qu'ici [на луврскомъ фрагментѣ] elle est divisée en deux ou même trois lignes, dont la première court sur l'étroite marge éxterieure au trait qui limite le champ de la représentation, et les autres sont tracées dans le champ même de celle-ci, et dont les lettres varient entre 0^m01 et 0^m015".

Теперь, послѣ новаго осмотра эрмитажнаго обломка (см. выше), оказалось, что на немъ надпись состояла изъ двухъ строкъ, изъ коихъ первая, къ сожалѣнію исчезнувшая, шла по узкой верхней рамкѣ, какъ и на луврскомъ фрагментѣ. Интересно отмѣтить еще одну, на нашъ взглядъ весьма важную, черту сходства,—что въ обѣихъ надписяхъ сюжетъ изображенія обозначенъ посредствомъ partic. praes. (διδούς, λέγων), при которыхъ подразумѣвается глаголъ „изображенъ" или „представленъ" и т. п.

Въ ликѣ Христа глаза и носъ изображены на обоихъ обломкахъ совершенно одинаково; огромное сходство замѣчается также въ трактовкѣ пышныхъ, но короткихъ волосъ и одежды; нимбъ на рисункѣ, приложенномъ къ сообщенію г. Мишона, изображенъ въ видѣ двойного кружка, но, какъ видно по эстампажу, это слѣдуетъ объяснить желаніемъ рисовальщика, дѣлавшаго копію съ луврскаго памятника для г. Мишона, рѣзче отмѣтить глубоко врѣзанную линію, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ это при изображеніи подбородка, буквъ надписи и крайнихъ линій одежды. На нашемъ рисункѣ, сдѣланномъ съ эстампажа, эти неточности устранены. Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ всецѣло присоединиться

1) Если плита была раздѣлена на части, какъ мы предполагаемъ ниже (стр. 22, прим. 2), то можно допустить сокращеніе надписи во 2-й строкѣ, именно выпускъ легко подразумѣваемаго слова τοῦ πλοίου.

къ слѣдующему замѣчанію г. Мишона: „Il n'y a rien, en somme, qui vienne en contradiction avec la très étroite ressemblance générale et l'identité de style". Мы сказали бы даже больше, — что поразительное сходство изображеній и надписей на обоихъ фрагментахъ изобличаетъ даже руку одного и того же мастера и одинаковость назначенія обоихъ фрагментовъ въ одномъ и томъ же зданіи.

Такое предположеніе вполнѣ подтверждается и одинаковою толщиною обломковъ (0,035 м. при обмѣрѣ по бордюру) и формою бордюра на оборотной сторонѣ; относительно этого бордюра на луврскомъ фрагментѣ г. Мишонъ замѣчаетъ слѣдующее: „L'examen du fragment du Louvre montre que c'est plus qu'une bordure, un véritable encadrement formé d'une triple moulure, qui en occupe le revers. De plus, la tranche conservée ponte une rainure très visible" [1]).

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, внѣшнее сходство обоихъ обломковъ настолько велико, что, по моему мнѣнію, они несомнѣнно должны принадлежать къ одному и тому же архитектурному памятнику. Почтенный французскій археологъ уже замѣтилъ, что оба фрагмента представляютъ собою верхніе лѣвые углы и потому не могутъ происходить отъ одной и той же плиты, но принадлежали къ двумъ совершенно сходнымъ плитамъ. Что касается до ихъ архитектурнаго назначенія, то г. Мишонъ, какъ намъ кажется, вполнѣ вѣрно опредѣлилъ его въ слѣдующихъ словахъ: „Il s'agit donc de dalles ayant servi de balustrades ou de parapets, qui, si elles pouvaient être inégalement décorées, devaient du moins, par leur rôle même, l'être des deux côtés, et qui s'encastraient entre les piliers destinés à les maintenir". Такія балюстрады были въ широкомъ употребленіи въ христіанскихъ храмахъ и имѣли различное назначеніе [2]). Въ на-

---

1) Такой выемки (rainure) въ боковой сторонѣ эрмитажнаго обломка не оказалось. Къ сожалѣнію, г. Мишонъ не могъ сообщить мнѣ снимка съ оборотной стороны луврскаго обломка, такъ какъ, по его словамъ, плита въ настоящее время прикрѣплена къ стѣнѣ въ христіанскомъ залѣ Луврскаго музея.

2) Ср. о нихъ Ch. Rohault de Fleury, La messe, III (Paris, 1883), 73—103 (Chancels) и табл. CCXVII — CCXXXVIII. См. также подробный этюдъ J. Laurent'a въ статьѣ его «Delphes chrétien» въ *Bulletin de corr. Hell.* XXIII (1899), 246 сл. На стр. 260 авторъ замѣчаетъ: «Ces dalles, décorées sur les deux faces, ont servi de balustrades ou de parapets, soit aux galeries du premier étage [слѣдуютъ примѣры], soit aux fenêtres... soit encore autour de l'autel et de l'enceinte réservée au clergé».—Напомнимъ еще, что о деталяхъ собственно херсонисскихъ храмовъ подробно трактовалъ А. Л. Бертье-Делагардъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «Раскопки Херсониса» (*Мат. по арх. Россіи*, № 12).

шемъ случаѣ преграда состояла изъ отдѣльныхъ, вѣроятно, квадратныхъ плитъ, соединенныхъ между собою посредствомъ колонокъ или пилястровъ и украшенныхъ съ одной стороны (вѣроятно внутренней) рѣзными [1]) изображеніями различныхъ событій изъ земной жизни Іисуса Христа [2]), а съ другой (наружной)— тройною рельефною рамою и крестами съ расширяющимися у концовъ перекрестіями.

Въ виду того, что рисунки на обоихъ сохранившихся обломкахъ имѣютъ отношеніе къ св. апостолу Петру, быть можетъ, не будетъ черезчуръ смѣлымъ предположеніе, что обломки происходятъ изъ храма во имя этого апостола или, какъ бываетъ обыкновенно, обоихъ первоверховныхъ апостоловъ — Петра и Павла [3]).

Къ сожалѣнію, фрагментъ, находящійся нынѣ въ Эрмитажѣ, найденъ въ Херсонисѣ не въ развалинахъ какого-либо храма, а въ некрополѣ, у входа въ катакомбу съ тремя христіанскими погребеніями [4]), куда онъ былъ, вѣроятно, перенесенъ послѣ разрушенія храма. Поэтому мы лишены возможности опредѣлить, въ какомъ изъ многочисленныхъ христіанскихъ храмовъ византійскаго Корсуня находилась первоначально преграда, отъ которой дошли до насъ два столь интересныхъ обломка.

---

1) Подобныя штриховыя изображенія встрѣчаются въ христіанскую эпоху и въ Дельфахъ. Г. Мишонъ нашелъ упоминаніе о нихъ въ указанной статьѣ Laurent'a, стр. 216 и 236.

2) Слишкомъ высокая постановка фигуры Христа на обоихъ обломкахъ и вообще вся композиція рисунка на эрмитажномъ обломкѣ допускаютъ возможность предположенія, что съ нижней стороны плитъ шла болѣе широкая рамка, такъ что изображенія занимали не все поле плитъ сверху донизу, а, быть можетъ, $^3/_4$ или около того. Возможно, что каждая плита была раздѣлена на два поля, изъ коихъ каждое было занято особымъ изображеніемъ.

3) [Къ сожалѣнію, здѣсь мы упустили изъ вида свидѣтельство житія св. епископовъ Херсонскихъ о существованіи въ Херсонисѣ храма св. апостола Петра. См. теперь нашу работу: «Житія св. епископовъ Херсонскихъ» въ *Зап. Имп. Ак. Наукъ по ист.-филолог. отд.* т. VIII, № 3 (Спб. 1906), стр. 54 слл.].

4) О мѣстѣ находки см. *Арх. изв. и замѣтки* 1897, 187, или *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* 1896, 194.

Новый гимнъ въ честь Гермеса[1]).

При раскопкахъ, производимыхъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ въ мѣстности Херсониса Таврическаго, въ 1904 г. найденъ между прочимъ весьма интересный эпиграфическій памятникъ. Онъ представляетъ собою нижнюю часть мраморной плиты шириною 0,74 м., толщиною 0,06, украшенной по краямъ рельефной рамкой, которая на боковыхъ сторонахъ вдвое у́же, чѣмъ внизу; наибольшая вышина сохранившагося обломка 0,48 м. На плитѣ очень ровно и старательно вырѣзано по линейкамъ стихотвореніе, сохранившаяся часть котораго прекрасно читается на фотографическомъ снимкѣ (выс. буквъ 0,015 м.). Такъ какъ въ правомъ углу надъ концомъ 1-й сохранившейся строки имѣется небольшое неисписанное пространство, то можно думать, что эта строка и первоначально была первою въ стихотвореніи. Надъ нимъ, быть можетъ, былъ вырѣзанъ списокъ побѣдителей на играхъ, какъ на камнѣ, отъ котораго сохранился обломокъ, изданный нами въ *Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Коммиссіи*, в. 10, стр. 20, № 14. Остальные стихи на нашемъ камнѣ раздѣлены листочками. Два листочка побольше вырѣзаны для украшенія подъ надписью у рамки справа и слѣва.

Прилагаемый на табл. III текстъ скопированъ съ фотографическаго снимка, присланнаго г. Косцюшко-Валюжиничемъ въ Имп. Археологическую Коммиссію.

Предполагая, что въ строкѣ 1-й былъ полный гексаметръ и большая часть пентаметра, а въ срединѣ строки 2-й пропалъ 2-й гексаметръ, мы получимъ, что все стихотвореніе состояло изъ 10 стиховъ. Сохранившаяся часть его читается слѣдующимъ образомъ:

---

1) *Журналъ Министерства Народнаго Пр.*, 1905, май, отд. кл. Филол. стр. 261—264 (=ΕΙΣΤΙΗΝΤΕΣΣΑΡΑΚΟΝΤΑΕΤΙΑΝ. Сборникъ статей въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова. Спб. 1905, стр. 213—216).

1 . . . . . .
[ἄγγελον ἀθανάτων κα]ὶ χθονίων πρύτανιν.
. . . . . .
αὐτὸς ἐπεὶ θνατῶν κλᾶδας ἔχει βιότου.
τούνεκά μιν καλέουσ' ἐριούνιον, οἱ δ'ἀκακήτην,
πλουτοδόταν, ἀγαθῶν δώτορα καὶ σοφίης.
εἴλαος ἔρχεο πᾶσιν, ὅσοι κλυτὸν ἄστυ τὸ Δώρου
ναίουσιν, μακάρων οὔποτε ληθόμενοι.
Θεοφίλου υἱὸς ἔθηκ' ἐπινείκ[ι]α γυμνασιάρχης
Δημοτέλης· σώζοις δ'ἔξοχα τήνδε πόλιν.

По характеру письма стихотвореніе скорѣе всего можетъ быть отнесено ко II вѣку по Р. Хр.

Изъ ст. 9 и 10 мы узнаемъ, что памятникъ представляетъ собою благодарственное приношеніе за побѣду (на играхъ), поставленное гимнасіархомъ Димотелемъ, сыномъ Θеофила. Потому-то мы и предполагаемъ, что стихотвореніе посвящено Гермесу, очевидно, какъ покровителю игръ, палэстръ и гимнасій[1]), и скомпоновано по образцу тѣхъ гимновъ въ честь боговъ, древнѣйшими образцами которыхъ являются такъ называемые гомерическіе: сначала идетъ прославленіе божества въ 3-мъ лицѣ, а затѣмъ поэтъ обращается прямо къ нему и испрашиваетъ разныхъ милостей[2]). Въ нашемъ гимнѣ 2-я часть, начинающаяся со стиха 7-го, разрывается надвое стоящею внѣ всякой связи съ гимномъ вставкою, содержащею въ себѣ указаніе личности посвятителя и причинъ посвященія (ст. 9—10).

Что касается до эпитетовъ Гермеса, упоминаемыхъ въ панегирической части, то они, безъ сомнѣнія, выражаютъ современное гимну *народное* представленіе объ этомъ богѣ; всѣ они или встрѣчаются въ греческой поэзіи, или имѣютъ полныя аналогіи. Въ ст. 2 нами предположительно возстановлено ἄγγελον ἀθανάτων по h. Hom. II, 3 и XVII, 3. Въ томъ же стихѣ выраженіе χθονίων πρύτανιν можно сравнить съ часто встрѣчающимся эпитетомъ Гермеса ἄναξ или сопоставить съ Ἑρμῆς χθόνιος. Ἐριούνιος (ст. 5) — одинъ изъ употребительнѣйшихъ эпитетовъ этого бога); ἀκακήτης (ibid.) неоднократно встрѣчается у Гомера и другихъ по-

1) Въ этомъ качествѣ Гермесъ называется, какъ извѣстно, ἐναγώνιος. Ср. παλαιστρίτας Callim. fragm. 191 Schn.; γυμνασίου πρόεδρος Kaib. Epigr. 295, 4. См. Roscher's Lex. d. Mythol. I, 2, ст. 2367.

2) Ср. h. Homer. XII, XIV, XIX, XXI, XXII, XXV, XXIX, XXX (ed. Gemoll).

этовъ, но исключительно въ формѣ ἀκάκητα, такъ что винительный падежъ въ нашемъ гимнѣ встрѣчается впервые[1]). Πλουτοδότης, судя по своду Брухмана[2]), до сихъ поръ не встрѣчено въ качествѣ эпитета бога Гермеса и попадается только у византійцевъ Θеодора Продрома и Мелитеніота въ приложеніи къ планетѣ Меркурію; но такъ какъ въ качествѣ эпитета другихъ божествъ это слово встрѣчается и у древнихъ[3]), и къ Гермесу такой эпитетъ очень подходитъ[4]), то его отсутствіе въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ древне-греческой поэзіи, безъ сомнѣнія, должно быть признано случайнымъ. Теперь нашъ гимнъ свидѣтельствуетъ, что этотъ эпитетъ придавался Гермесу и раньше византійской эпохи. Къ ἀγαθῶν δώτορα (ст. 6) ср. δώτωρ ἐάων[5]), а δώτορα σοφίης (ibid.) напоминаетъ собою Ἑρμῆν λόγιον. Наконецъ, находящееся въ ст. 4 упоминаніе о томъ, что Гермесъ „имѣетъ ключи жизни смертныхъ“, имѣетъ въ виду служеніе его какъ ψυχοπομπός, ψυχοστόλος[6]).

Выраженіе „славный городъ Дора“ въ ст. 7, безъ сомнѣнія, обозначаетъ Херсонисъ, какъ дорическій городъ, и является весьма интереснымъ свидѣтельствомъ того, какъ крѣпко херсониссы держали въ памяти свое дорическое происхожденіе даже въ столь позднее время.

Однако въ языкѣ стихотворенія можно отмѣтить лишь три дорическія формы (θνατῶν, κλᾶδας и πλουτοδότην) рядомъ съ формами τῆς κοινῆς и даже чисто іоническими (σοφίης). Что касается до формы κλᾶδας, то она = κλᾷδας изъ κλαῖδας отъ дор. κλᾱ́ς = іон. κλῆίς, атт. κλείς[7]).

Переводъ. ...[вѣстника безсмертныхъ и] владыку земныхъ... Ибо самъ онъ имѣетъ ключи жизни смертныхъ. Посему его зовутъ многополезнымъ, а иные милостивцемъ, дарующимъ богатство, подателемъ благъ и мудрости. Приди милостивымъ ко всѣмъ *тѣмъ*, которые населяютъ славный городъ Дора, никогда не забывая блаженныхъ *боговъ*. Сынъ Θеофила, гимнасіархъ Димотель поставилъ *сей* побѣдный даръ. Спаси же изрядно этотъ городъ!

---

1) Cf. Ameis, Anhang zu Hom. Odyss., ad ω, 10.

2) Roscher's Lex. d. Mythol. Supplement. Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Coll. C. F. H. Bruchmann (Leipz. 1893), 109.

3) Hes. Op. (125: δαίμονες πλουτοδόται), Luc. Tim. 21 (относится къ Плутону) и др.

4) Ср. Roscher's Lex. d. Mythol. I. 2, ст. 2376 сл.

5) Hom. Od. IX, 335; hymn. 17, 12; 28, 8.

6) Ср. Roscher l. c. 2373 сл.

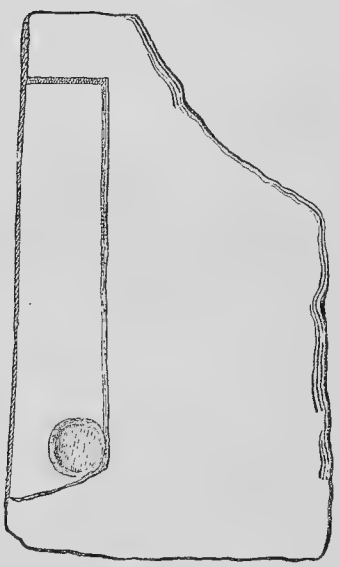
7) Ср. Callim. in Cer. 44: κατωμαδίαν δ' ἔχε κλαῖδα (s. κλᾶδα). См. Meister, Die griech. Dial. 60; Hoffmann, Die griech. Dial. II, 283.

IX [1]).

Херсонисскій почетный декретъ.

Предметомъ настоящаго этюда будетъ изслѣдованіе весьма интереснаго во многихъ отношеніяхъ почетнаго декрета, найденнаго К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ при раскопкахъ въ Херсонисѣ Таврическомъ въ 1906 году.

Документъ вырѣзанъ на мраморной плитѣ, сохранившейся цѣликомъ, за исключеніемъ обломаннаго лѣваго верхняго угла и, быть можетъ, фронтона, украшавшаго его сверху; ширина плиты въ необломанной части 0,47 м. (вверху, въ обломанной части — 0,20 м.), уцѣл. выш. 0,81 м., толщ. вверху 0,07, внизу 0,09 м. Отъ верхней строки, занимавшей только средину плиты, сохранились лишь остатки трехъ послѣднихъ буквъ, затѣмъ 15 строкъ болѣе или менѣе пострадали вслѣдствіе отбитія верхняго лѣваго угла, а нижнія 20 строкъ вполнѣ сохранились. Надпись вырѣзана очень ровно и старательно (выш. буквъ 0,012—0,015 м.), но съ нѣсколькими болѣе или менѣе грубыми ошибками, которыя скорѣе всего можно объяснить тѣмъ, что рѣзчикъ копировалъ данный ему текстъ механически, не обращая вниманія на смыслъ, и при этомъ не вполнѣ разбиралъ рукопись.



1) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1907, мартъ, отд. кл. Фил. стр. 140—157.

Въ христіанскую эпоху камень былъ употребленъ въ качествѣ порога, вѣроятно, въ одной изъ боковыхъ дверей открытаго въ 1902 г. „крестнаго храма“, причемъ былъ положенъ надписью книзу и на задней сторонѣ, обращенной кверху, была выдолблена круглая пята для дверей и четыреугольная выемка (см. видъ задней стороны на рис.). При этомъ же, вѣроятно, былъ обломанъ уголъ и срѣзанъ фронтонъ для удобства задѣлки плиты въ стѣну. Позднѣе плита была перенесена въ расположенный частью подъ храмомъ погребальный склепъ № 1431 [1]) и здѣсь употреблена въ качествѣ верхней перекладины внутри хода. Текстъ по фотографическому снимку см. на прилагаемой таблицѣ IV.

Изъ очевидныхъ ошибокъ рѣзчика отмѣтимъ слѣдующія: стр. 2: ΤΑΙ вм. ΤΑΝ (это ΤΑΝ въ свою очередь представляетъ ошибку вм. ΤΩΝ, встрѣченную въ этой фразѣ уже нѣсколько разъ; см. IosPE. IV, p. 46); стр. 6: ΑΓΑΠΑΙ вм. ΑΓΑΠΑΝ; стр. 15: ΑCΤΩΤΙ вм. ΑCΤΩΝ; стр. 16: ΛΕΥΚΟΛΙΘΟΥCΤΑΛΑΙ вм. Λ—ΘΩCΤΑΛΑΙ или Λ—ΘΟΥCΤΑΛΑC (ср. IosPE. IV, 70); стр. 26: ΝΑCΩΝΟCΟΧΟΡΙΟC—непонятный комплексъ буквъ, вырѣзанный, быть можетъ, вм. ΠΑΡΘΕΝΟΚΛΕΟΥC (см. объ этомъ ниже); стр. 29: ΙΑΑΡΟΥ вм. ΙΛΑΡΟΥ; стр. 32: ΖΗΘΥΟC вм. ΖΗΘΟC; стр. 33: ΦΥΑΑΞ вм. ΦΥΛΑΞ и ΠΥΘΟΔΟΡΟC вм. —ΔΩ— (ср. стр. 34: ΜΗΤΡΟΔΩΡΟC) стр. 35: ΒΟΥΛΙΧ вм. ΒΟΥΛΗC. Кромѣ того намъ кажется вѣроятнымъ, что въ стр. 8-й вм. [Γ]ΕΓΕΝΝΑΜΕΝΑC слѣдуетъ читать [Γ]ΕΓΕΝΗΜΕΝΟC (или [Γ]ΕΓΕΝΑΜΕΝΟC?). Исправивъ эти ошибки, мы получимъ слѣдующую транскрипцію документа;

[Ἀγαθῇ τύχῃι].
[Πρόεδροι Χερσονασιτᾶ]ν τ[ῶν] ποτὶ τᾶι Ταυρικᾶ[ι
εἶπαν· Ἐπειδὴ Δια. . . . . Δ]ημητρίου Ἀρακλεώτας
[πρότερόν τε. . . . . σεμνῶι κεχ]ραμένος ἄθει τὰν καλο-
[καγαθίαν. . . . .]ας εὔχραστον πέφανε[ν
καὶ νῦν ποτὶ πάντας τοὺς πολείτ]ας ἀγάπα[ν] γνασίαν ἐνδείκν[υ-
ται. . . . . φιλ]ικᾶι καὶ ἰσαδέλφωι εὐνοίαι τα[. .
. . . . . γ]εγενναμέν[ο]ς πολείτας ἄριστα σε-
[. . . . πράττων τὰ συμφ]έροντα ἀμεῖν διατελεῖ. Δι' ὃ δεδό-
[χθαι τᾶ βουλᾶ καὶ τ]ῶ δάμω ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ τούτοις Δια-

1) См. описаніе этого склепа въ *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 9, стр. 25.

[. . . . . Δημη]τρίου Ἀρακλεώταν, δόμεν δὲ αὐτῷ προξε-
[νίαν, πολειτείαν], ἔσπλουν τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰράναι καὶ πολέ-
[μωι ἀσυλεὶ ἀσ]πονδεὶ αὐτῷ τε καὶ ἐκγόνοις αὐτοῦ καὶ γράμα-
[σι, μετοχ]άν τε πάντων τῶν ἐν τᾶ πόλει, ὧν καὶ τοῖς ἐνφύ[τ-
οις τ]ῶν ἀστῶ[ν] μέτεστιν. Τὸ δὲ ψάφισμα τοῦτο ἀναγρα-
[φῆ]μεν λευκολίθου στάλα[ς] καὶ θέμεν ἐν τῷ ἐπισαμοτάτῳ
[τ]ᾶς ἀκροπόλιος τόπῳ. Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾶι, δάμῳ βασιλευ-
ούσας Παρθένου, ἔτεος ρνδ', ἱερέως δὲ Χρηστίωνος τοῦ Βο-
ΐσκου, μανὸς Ἀρακλείου η', γραμματεύοντος Ἀρίστωνο[ς]
Ἀττίνου. Ἐσφραγίσαντο α' στίχωι· θεὰ βασίλισσα
Παρθένος, Τ. Φλάουιος Ἀρίστων υἱὸς Φλαουίου Ἀρί-
στωνος τοῦ Ἀγεπόλεως πρῶτος ἄρχων, Ζῆθος
Ἀρίστωνος, Τ. Φλάουιος Πυθόδοτος υἱὸς Φλαουί-
ου Ἀγεπόλεως, Εὐρύδαμος Διοσκουρίδου, Τ. Φλάουιο[ς]
Ἀγέπολις υἱὸς Φλαουίου Ἀρίστωνος, Τ. Φλάουιος Παρθε-
νοκλῆς υἱὸς Φλαουίου [Π]α[ρθε]νο[κλέου]ς (?)· β' στίχωι· Ἀ-
θήναιος Διογένους, Ἑρμοκλῆς Ἀπολλωνίου, Φιλόμου-
σος Ἀπολλωνίδου, Δημοκράτης Βοΐσκου, Ἡρόξενος
Βοΐσκου, Ἀρίστων Ἀντιλόχου, Ποντικὸς Ἰ(λ)άρου, Ζῆθος
Πυθοδότου· γ' στίχωι· Θεαγένης Διογένους ἄρχων, Ἀρίσ-
των Ἀπολλωνίδου ἄρχων, Ἥραιος Χηματίνου ἄρχων, Πα-
τέ[ρ]ων Ἀσκληπιάδου ἄρχων, Ζῆθ<υ>ος Ἀπολλωνίου νό-
μων φύ(λ)αξ, Πυθόδ(ω)ρος Χρηστίωνος νόμων φύλαξ, Δα-
μοκλῆς Λαγορείνου νόμων φύλαξ, Μητρόδωρος Διοσκου-
ρίδου πρόδικος καὶ ὁ γραμματεὺς τῆς βουλ[ῆς] Ἀρίστων Ἀτ-
τίνου.

Мы имѣемъ предъ собою сохранившійся отъ начала до конца почетный декретъ римской эпохи, къ сожалѣнію далеко неполный въ строкахъ 1—15 вслѣдствіе отбитія верхняго лѣваго угла. Пострадали главнымъ образомъ строки, содержащія въ себѣ мотивировку декрета (2—9), которой намъ такъ и не удалось возстановить цѣликомъ. Повидимому, жалѣть объ этомъ особенно не приходится, такъ какъ мотивировка не заключала въ себѣ какихъ-либо фактическихъ данныхъ изъ дѣятельности чествуемаго гражданина и ограничивалась общими хвалебными фразами.

Несмотря на дефекты мотивировки, декретъ имѣетъ для насъ огромный интересъ по тѣмъ даннымъ изъ области государственнаго устройства Херсониса, которыя сохранились въ заключительной его части, и по своему значенію для возстановленія найденныхъ ранѣе многочисленныхъ обломковъ херсонисскихъ декретовъ, для правильнаго пониманія которыхъ у насъ доселѣ не было аналогій; многіе обломки, казавшіеся безнадежными, на основаніи новаго документа могутъ быть возстановлены цѣликомъ или въ значительной части, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и время документовъ можетъ быть опредѣлено съ значительною точностью. Этими обломками мы займемся въ другомъ мѣстѣ [1]), а теперь обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію новаго декрета.

Декретъ изданъ по предложенію херсонисскихъ проедровъ въ честь ираклійскаго гражданина Діа....., сына Димитрія. Возстановленіе 2-й строки съ упоминаніемъ проедровъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ эта формула извѣстна уже изъ нѣсколькихъ документовъ, въ которыхъ она повторяется съ буквальною точностью и даже съ одною и тою же ошибкою ΤΑΝ (въ новомъ декретѣ ΤΑΙ) вмѣсто ΤΩΝ [2]). Имя чествуемаго гражданина въ стр. 3 и 10—11 не можетъ быть возстановлено съ вѣроятностью; можно только сказать, что оно было очень длинное, такъ какъ, по приблизительному подсчету буквъ въ сосѣднихъ строкахъ, въ составъ его, кромѣ начальныхъ буквъ ΔΙΑ, входило еще 10—12 буквъ. По количеству буквъ болѣе всего подходило бы самое длинное изъ именъ, начинающихся съ ΔΙΑ,—Δια[δουμενιανός], но мы не рѣшаемся возстановить его въ виду его сравнительной рѣдкости [3]). Въ документѣ не указано, гражданиномъ какой именно Иракліи былъ этотъ Діа...., но скорѣе всего можно думать, конечно, объ Иракліи Понтійской, митрополіи Херсониса, находившейся во времена, къ которымъ относится декретъ (см. ниже), въ тѣсной дружбѣ съ своей колоніей [4]). На это, такъ сказать, политическое родство, быть можетъ, намекаетъ выраженіе ἰσαδέλφῳ εὐνοίᾳ въ стр. 7.

Не касаясь даруемыхъ декретомъ чествуемому Ираклійцу правъ и привилегій (стр. 9—15), совершенно тожественныхъ съ перечисляемыми въ другихъ херсонисскихъ декретахъ, и обычнаго распоряженія о вырѣзкѣ декрета на камнѣ

1) См. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, в. 23 [стр. 41—51 и 57—64].

2) См. IosPE. I, 188; IV, 71. 72; *Изв. И. Арх. К.*, в. 14, стр. 103—105, № 11 и 12.

3) Въ виду этого затрудненія невольно возникаетъ мысль, не было ли предъ именемъ отца Δημητρίου поставлено слово υἱός, хотя это весьма мало вѣроятно.

4) Ср. IosPE IV, 71.

и выставкѣ его въ „самомъ видномъ мѣстѣ акрополя“ (стр. 15—17), обратимся къ стр. 17—20, заключающимъ въ себѣ полную датировку документа. Онъ датированъ именами двухъ эпонимовъ — жреца и секретаря совѣта, — 154 годомъ и 8-мъ числомъ мѣсяца Араклія. Датировка годомъ въ херсонисскихъ документахъ впервые встрѣчена въ извѣстной надписи о возобновленіи городскихъ стѣнъ въ царствованіе императора Зинона[1]). Бекъ на основаніи этой надписи заключилъ[2]), что херсонисцы начинали свое лѣтосчисленіе съ 36 г. до Р. Хр., но А. Л. Бертье-Делагардъ послѣ новой провѣрки документа по подлиннику доказалъ, какъ намъ кажется, вполнѣ основательно, что въ надписи поставленъ не 14-й индиктъ, а 11-й, и что по этому начало новаго лѣтосчисленія херсонисцевъ должно относиться къ 25—24 г. до Р. Хр.[3]), хотя причина введенія новой эры остается неизвѣстною[4]). Дата встрѣчается и на нѣсколькихъ другихъ эпиграфическихъ документахъ, найденныхъ позднѣе надписи времени Зинона[5]), а кромѣ того имѣется на цѣломъ рядѣ монетъ, относимыхъ нумизматами ко 2-й пол. I в. до Р. Хр. и къ первымъ двумъ вѣкамъ по Р. Хр.[6]). Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что въ нашемъ документѣ годъ обозначенъ по той же эрѣ. Въ такомъ случаѣ документъ будетъ относиться къ 129—130 г. по Р. Хр. Могутъ возразить, что по общему характеру письма документъ скорѣе можетъ быть отнесенъ къ болѣе позднимъ временамъ; но вѣдь извѣстно, что въ римскую императорскую эпоху греческое эпиграфическое письмо было весьма разнообразно и разныя формы отдѣльныхъ буквъ встрѣчаются не только въ документахъ одновременныхъ, но иногда даже въ однихъ и тѣхъ же; во всякомъ случаѣ всѣ позднія формы буквъ, встрѣчающіяся въ декретѣ, вполнѣ допустимы въ первой половинѣ II вѣка. Между тѣмъ въ самомъ декретѣ есть нѣкоторые признаки, говорящіе въ пользу его принадлежности именно къ указанному времени. Такъ, мы видимъ въ немъ, въ числѣ приложившихъ печати, нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ, несомнѣнно, къ одной семьѣ, пользовавшейся

---

1) См. нашъ Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи (С.-Пб. 1896), № 7.

2) C. I. Gr. II, p. 90.

3) *Зап. Од. Общ.* XVI (1893), 62. Ср. наши замѣчанія въ *Мат. по арх. Россіи*, № 17, стр. 5, и Сборникъ христ. надп., стр. 11 сл.

4) А. Л. Бертье-Делагардъ, ук. ст. 65 и 75. Ср. *его же* статью «Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса» въ *Зап. нумизм. отд. И. Р. Археолог. Общ.* I (1906), 63.

5) IosPE. I, 190. 211; IV, 92.

6) См. А. Л. Бертье-Делагардъ, Знач. монограммъ, 56 и 63.

правами римскаго гражданства, и носившихъ римскія praenomen и nomen Т. Φλάουιος, къ которымъ, по извѣстному обычаю, прибавлялось греческое имя въ качествѣ cognomen. Очевидно, что глава этой семьи получилъ римское гражданство при Веспасіанѣ; а такъ какъ дѣйствующими лицами въ декретѣ являются, какъ мы увидимъ ниже, сынъ и два внука этого лица, то декретъ долженъ быть значительно позднѣе времени Веспасіана. Съ другой стороны мы совсѣмъ не видимъ въ немъ лицъ, носившихъ имя Αὐρήλιος, впослѣдствіи столь обычное въ Херсонисѣ; отсюда ясно, что документъ составленъ раньше эпохи Авреліевъ. Наконецъ, намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что записанный въ документѣ секретарь совѣта Ἀρίστων Ἀττίνου идентиченъ съ тѣмъ заслуженнымъ дѣятелемъ, въ честь котораго была поставлена статуя на сохранившемся до нашего времени пьедесталѣ, украшенномъ 10-ю вѣнками съ почетными надписями, воспоминавшими объ его государственной дѣятельности[1]). Въ этихъ надписяхъ упоминается цѣлый рядъ должностей, которыя Аристонъ занималъ въ родномъ городѣ, посольство его къ римскому императору съ ходатайствомъ о „свободѣ“, продолжавшееся 6 лѣтъ и окончившееся смертью Аристона, и, наконецъ, двукратное посольство его къ воспорскому царю Римиталку (131—153 по Р. Хр.) для переговоровъ о военномъ союзѣ. Этотъ документъ, составленный послѣ смерти Аристона, по всѣмъ разсчетамъ[2]) не можетъ быть древнѣе половины II в. по Р. Хр.; а стало быть начало его государственной дѣятельности, къ которому слѣдуетъ отнести исполненіе скромной должности секретаря совѣта, даже не упомянутое отдѣльно въ надписяхъ въ вѣнкахъ, легко могло падать на 30-ые годы II вѣка. Всѣ приведенныя соображенія свидѣтельствуютъ, что документъ нашъ вполнѣ можетъ относиться къ 129—130 г. по Р. Хр. и что, стало быть, эра Херсониса вѣрно опредѣлена А. Л. Бертье-Делагардомъ.

Мѣсяцъ Ἀράκλειος [=Ἡράκλειος] доселѣ не встрѣчался въ херсонисскихъ документахъ. Это уже 4-й мѣсяцъ, который мы узнаемъ изъ херсонисскаго календаря. Три раньше извѣстные мѣсяца, именно Διονύσιος[3]), Λύκειος[4]) и Εὔ[κλειος][5]), встрѣчаются и въ календаряхъ Мегаръ или другихъ мегарскихъ

1) IosPE. I, 199. Разница въ формѣ род. падежа имени отца (въ № 199 Ἀττίνα, а въ новомъ декретѣ—Ἀττίνου) едва ли можетъ служить аргументомъ противъ отожествленія.

2) См. наше первое изданіе документа въ *Журн. М. Н. Пр.* 1884, іюнь, отд. класс. фил., 39 сл.

3) IosPE. I, 185.

4) Ibid. IV, 70.

5) Это названіе мы возстановляемъ теперь ibid. IV, 95.

колоній [1]) и подтверждаютъ давно высказанное нами [2]) предположеніе о тожествѣ херсонисскаго календаря съ мегарскимъ, объясняемомъ тѣмъ, что херсонисцами календарь былъ принесенъ въ готовомъ видѣ изъ ихъ митрополіи Иракліи Понтійской, а послѣднею въ свою очередь изъ Мегаръ. Но мѣсяцъ Ἡράκλειος въ мегарскомъ календарѣ не извѣстенъ и для него даже нѣтъ тамъ мѣста [3]). Поэтому приходится констатировать нѣкоторую разницу между календарями мегарскимъ и херсонисскимъ. Возможно, что эта разница ограничивалась именно этимъ мѣсяцемъ, который былъ введенъ въ календарь Иракліи, взамѣнъ какого-нибудь другого, въ честь ея эпонима Иракла и оттуда былъ перенесенъ въ Херсонисъ. Но это только предположеніе, для обоснованія котораго у насъ пока нѣтъ данныхъ.

Послѣ этихъ замѣчаній обратимся къ самому любопытному пункту датировки декрета, именно къ упоминанію, что онъ принятъ „въ царствованіе Дѣвы“ (βασιλευούσας Παρθένου), подъ которою, конечно, можно разумѣть только извѣстную богиню херсонисцевъ. Еще въ 1877 г. въ Херсонисѣ былъ найденъ обломокъ декрета римской эпохи, въ послѣдней строкѣ котораго сохранились буквы ΣΙΛΕΥΟΥΣ. Первый издатель обломка, покойный В. Н. Юргевичъ [4]) предположилъ въ немъ упоминаніе о „царствующемъ Римѣ“ (βασιλευούσας Ῥώμας). Мы съ своей стороны, коснувшись этого отрывка декрета въ статьѣ о государственномъ устройствѣ Херсониса [5]), представили нѣсколько соображеній противъ предположенія Юргевича и предложили гипотезу, что въ римскія времена въ должность „царя“ въ Херсонисѣ могли избираться и женщины, а затѣмъ, при изданіи указаннаго обломка въ IosPE. (I, 189), признали болѣе вѣроятнымъ видѣть въ немъ упоминаніе о „царствующемъ Херсонисѣ“. Позднѣе, въ 1888 г. въ Херсонисѣ былъ найденъ значительный обломокъ декрета (въ честь Амастріанца Фарнака Фарнакова), въ которомъ непосредственно послѣ словъ [ταῦτ' ἔδοξε] βουλᾶι

---

1) См. нашу книгу «О нѣкоторыхъ эолич. и дорич. календ.», 124 сл.; E. Bischoff, De fastis Graecorum antiquioribus (Leipz. 1884), 414.

2) *Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ*, т. II (1888). [См. выше стр. 40—42].

3) Въ 1882 г., когда я занимался изслѣдованіемъ мегарскаго календаря, было извѣстно 11 мѣсяцевъ его, которые и сопоставлены въ моей книгѣ на стр. 155 (ср. Bischoff, l. c.) На послѣднее оставшееся свободнымъ мѣсто я предложилъ или Ἑρμαῖος или скорѣе Δάλιος. Но уже вскорѣ затѣмъ въ халкидонской надписи, изданной впервые мною въ *Журн. Мин. Н. Просв.* 1885, іюнь, отд. класс. Филол. 297 сл. (=Michel, Rec. d'inscr. Gr. 773=Dittenberger, Syll. II², 596), оказался мѣсяцъ Ἀπελλαῖος, который и заполнилъ собою оставшуюся лакуну (см. о немъ нашу указ. статью, 315).

4) *Зап. Од. Общ.* XI, 3, № 1.

5) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, іюнь, отд. класс. Фил. 57.

δάμωι ясно читаются буквы ΒΑΣΙΛΕΟΥΣΑΣΠΑΡ. При изданіи этого обломка (IosPE. IV, 70) мы высказали слѣдующее предположеніе: „Coniecerit quispiam post hoc participium Παρ[θένου] restituendum esse, ut Virgo illa, quam a Chersonesitis cultam esse constat, urbis regina ab iis nuncupata sit; sed admodum incerta est haec coniectura“. Теперь эта догадка блистательно подтвердилась.

Въ извѣстномъ декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго (IosPE. I, 158) въ числѣ магистратовъ-эпонимовъ, которыми датированъ документъ, на первомъ мѣстѣ упомянутъ βασιλεύς. Упоминаніе о немъ встрѣчается также въ надписи IosPE. IV, 87 и, можетъ быть, ibid. 88 и съ полною несомнѣнностью возстановляется въ интересномъ обломкѣ декрета IosPE. IV, 67, относящагося къ одному году съ декретомъ въ честь Діофанта. Кромѣ того мы предположительно возстановили упоминаніе о „царѣ“ еще въ трехъ небольшихъ обломкахъ декретовъ римскаго времени (IosPE. I, 186 и 187; IV, 77), въ которыхъ сохранились только начальныя буквы причастія (ΒΑΣ или ΒΑΣΙΛ). Теперь мы считаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ, что и въ нихъ слѣдуетъ возстановить βασιλευούσας Παρθένου. Въ такомъ случаѣ мы не будемъ имѣть ни одного упоминанія о „царѣ“ въ римскую эпоху, такъ какъ всѣ документы съ несомнѣнными упоминаніями о немъ относятся къ болѣе древнимъ временамъ. Особенно важно то, что эта должность не упоминается въ тѣхъ почетныхъ документахъ, въ которыхъ даются перечни должностей, занимавшихся чествуемыми гражданами [1]). Вѣдь едва-ли можно объяснить это тѣмъ, что ни одинъ изъ этихъ гражданъ *случайно* не занималъ должности царя. Гораздо скорѣе можно предположить, что эта должность была отмѣнена при той реформѣ государственнаго устройства Херсониса въ римскія времена, о которой мы вывели заключеніе изъ разныхъ намековъ уже въ 1884 г. въ нашей статьѣ о государственномъ устройствѣ Херсониса [2]), и что именно при этой реформѣ херсонисцы установили считать Дѣву своей вѣчной царицей и притомъ, какъ мы увидимъ ниже, не номинально, а съ извѣстными функціями и аттрибутами власти.

Общеизвѣстенъ фактъ, что греки нерѣдко обоготворяли различныя полити-

1) IosPE. I, 196. 199. *Изв. И. Арх. К.*, в. 2, стр. 62, № 1.

2) М. И. Ростовцевъ (ст. «Херсонесъ» въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза-Эфрона, полут. 73, ст. 164) замѣчаетъ: «Въ римское время Херсонесъ сильно измѣнилъ свой государственный строй, вѣроятно не безъ вліянія со стороны римской власти. Быть можетъ, это измѣненіе совпадаетъ со вторичнымъ пріобрѣтеніемъ свободы при Антонинѣ». Изъ разсматриваемаго теперь документа видно, что измѣненіе конституціи произошло раньше.

ческія и нравственныя понятія, или придавая имена ихъ въ видѣ отличительныхъ эпитетовъ тѣмъ или другимъ олимпійскимъ богамъ и богинямъ (напр. въ Аѳинахъ Ἀθηνᾶ Δημοκρατία), или представляя ихъ въ видѣ особыхъ божественныхъ существъ, каковы, напримѣръ, Ἡγεμονία, Ἐλευθερία, Δῆμος, Βουλή, Εἰρήνη, Ὁμόνοια, Πίστις и т. п.[1]). Въ самомъ Херсонисѣ, какъ мы знаемъ изъ декрета въ честь Діофанта, на акрополѣ рядомъ съ алтаремъ Дѣвы былъ воздвигнутъ алтарь обоготвореннаго Херсониса (βωμὸς τᾶς Χερσονάσου). Такимъ образомъ и признаніе наиболѣе чтимой мѣстной богини „царицею“ города, т. е. воплощеніе въ ней идеи верховной власти, для древняго херсонисца было вполнѣ естественнымъ.

Этотъ удостовѣренный новымъ декретомъ фактъ имѣетъ весьма важное значеніе и для херсонисской нумизматики. Дѣло въ томъ, что среди монетъ, несомнѣнно принадлежащихъ Херсонису, найдены золотые статиры съ легендою βασιλευούσης. Одинъ изъ такихъ статировъ, находящійся въ Парижѣ, изданъ впервые Г. П. Алексѣевымъ[2]), приписавшимъ его неизвѣстному скиѳскому царю Игетуагару. Но нѣмецкій нумизматъ A. von Sallet, справедливо удивившись объясненію г. Алексѣева, самостоятельно изучилъ эту монету по точному оттиску и далъ правильное чтеніе ея легендъ[3]): на лицевой сторонѣ предъ головою Аполлона ΧΕΡ, а на оборотной, вокругъ стоящей Артемиды съ лукомъ въ лѣвой и стрѣлою въ правой рукѣ, ΒΑCΙΛΕ[Υ]ΟΥCΗC·ΕΤΟΥ[C]ΡΘ. Кромѣ того въ полѣ, слѣва отъ Артемиды, имѣется монограмма, состоящая изъ буквы А, вставленной въ П. Другая монета, находящаяся нынѣ въ коллекціи Московскаго Историческаго музея, впервые описана покойнымъ П. О. Бурачковымъ съ плохимъ рисункомъ[4]), а затѣмъ переиздана А. В. Орѣшниковымъ съ фототипическимъ снимкомъ[5]). Изображенія на ней тѣ же, что и на парижской, но выбитыя другимъ штемпелемъ. Что касается до легендъ, то на рисункѣ г. Бу-

---

1) См. объ этомъ Gruppe, Griech. Mythologie u. Religionsgeschichte, II, 1081 сл.

2) Г. Алексѣевъ. Неизд. статеръ Херсонеса Таврическаго съ именемъ скиѳскаго царя Эгетуагароса, Кіевъ 1874. Французское изданіе—Prague 1876.

3) *Zeitschrift für Numism.* IV (1877), 273 сл. Напрасно графъ А. А. Бобринской въ своемъ историч. очеркѣ Херсониса (С.-Пб. 1905, стр. 187) вспоминаетъ объясненіе Г. П. Алексѣева, которое слѣдовало бы предать полному забвенію.

4) П. О. Бурачковъ, Общій каталогъ мон., прин. элл. колоніямъ, 111 и табл. XV, № 43.

5) А. В. Орѣшниковъ, Матеріалы по древней нумизм. Черном. побер. (М. 1892), 27 и табл. II, № 21.

рачкова на лицевой сторонѣ читается ΧΕΡ предъ головою Аполлона и ΒΑCΙΛΕVΟΥCΗC сзади ея, по обрѣзу, а на оборотѣ монограмма изъ буквъ ΠΑΡ и ΕΤΟΥCΡΛΑ. Но А. В. Орѣшниковъ относительно легендъ лицевой стороны замѣчаетъ: „Должны ли быть обѣ эти надписи на статирѣ, возможно рѣшить, когда найдется другой экземпляръ, лучшей сохранности; возстановлять же надписи по экземпляру сохранности, какую имѣетъ нашъ, довольно трудно“. И дѣйствительно, на фототипическомъ его снимкѣ буквы ΧΕΡ совершенно не видны, а отъ надписи за головою Аполлона замѣтны лишь неразборчивые слѣды. На оборотной же сторонѣ монограмма и дата совершенно ясны. Что касается до значенія причастія βασιλευούσης, то Заллетъ отнесъ его въ качествѣ эпитета къ подразумѣваемому имени города: „Wir haben es mit keinem Königsnamen, sondern mit einem... im Genitiv stehenden *Beinamen*, natürlich nicht der dargestellten Artemis, sondern *der Stadt*, zu thun: die Stadt heisst hier „die herrschende“ и т. д.[1]). Объясненіе же Бурачкова[2]) можно и не приводить: оно только лишній разъ доказываетъ и безъ того хорошо извѣстный фактъ, что онъ не зналъ греческаго языка, хотя и претендовалъ на его знаніе.

Если βασιλευούσης читается на херсонисскихъ монетахъ очень рѣдко, то вышеуказанная монограмма изъ буквъ ΠΑΡ и ея варіанты, по словамъ А. Л. Бертье-Делагарда, недавно посвятившаго этимъ монограммамъ спеціальную статью[3]), встрѣчается „на довольно длинномъ по времени рядѣ разнообразныхъ по типамъ и металламъ (мѣдь и золото) херсонисскихъ монетъ“, а также и въ видѣ клеймъ, причеканенныхъ на другихъ монетахъ этого города.

Монеты съ монограммою изъ буквъ ΠΑΡ въ разныхъ варіантахъ А. Л. Бертье-Делагардъ выдѣлилъ въ особую (II-ю) группу „свободы“ и характеризовалъ слѣдующими признаками: время — отъ половины I-го вѣка до Р. Хр. до конца II-го по Р. Хр.; металлъ — Ⱥ и Æ; изображенія главныя — Аполлонъ, Артемида; меньшаго значенія—Зевсъ (?), Гераклъ (очень рѣдко), Паллада, Ника, второстепенныхъ и мелкихъ типовъ очень мало (орелъ, олень, кадуцей); имя города—ΧΕΡ; именъ чиновниковъ нѣтъ; годовыя числа часты[4]); знаки цѣны очень

1) L. c. 275. Это объясненіе принялъ и А. Л. Бертье Делагардъ въ *Зап. Од. Общ.* XVI, 71.

2) L. c. 111, примѣчаніе.

3) Значеніе монограммъ на монетахъ Херсониса. *Зап. нумизм. отд. И. Р. Археолог. Общ.* I, 51 сл.

4) Въ статьѣ о надписи имп. Зинона (*Зап. Од. Общ.* XVI, 66, ср. 69) А. Л. Бертье-Делагардъ указалъ годовыя числа, которыя встрѣчаются на монетахъ этой группы, именно:

рѣдки (на одной Δ); монограммы изъ буквъ ΠΑΡ съ разновидностями (почти на всѣхъ). Указавъ на то, что „точно такія монограммы извѣстны на монетахъ многихъ городовъ и владыкъ, даже въ странахъ сосѣднихъ съ Херсонисомъ“ (съ перечнемъ этихъ странъ и владыкъ), и приведя прежнія объясненія монограммъ, А. Л. Бертье-Делагардъ на основаніи впервые издаваемой имъ монеты (изъ недавней ялтинской находки) съ полнымъ именемъ ΠΑΡΘΕΝΟΣ объясняетъ монограмму какъ сокращеніе слова Παρθένος, приводя при этомъ слѣдующія соображенія [1]): „Ея помѣщеніе на монетахъ, видимо, было въ какомъ-то соотношеніи съ обозначеніемъ именъ чиновниковъ: оказывается, что одно съ другимъ, монограмма и имя, какъ бы несовмѣстимы, даже на совершенно точно одинаковыхъ и одновременныхъ монетахъ... Попробовавъ на одной вновь обозначить имя чиновника, тутъ же выпустили изображеніе монограммы. Совершенно то же мы видимъ и въ обратномъ смыслѣ... Всѣ эти обстоятельства пріобрѣтаютъ новый смыслъ послѣ того, какъ опредѣлилось значеніе монограммы, и я рѣшаюсь высказать догадку о причинѣ ея помѣщенія на монетахъ. Мнѣ кажется, что это было послѣдствіемъ измѣненія самаго порядка чекана монеты. Какой онъ былъ въ Херсонесѣ, въ точности мы не знаемъ, но въ общихъ чертахъ можемъ думать, что все это дѣло находилось въ распоряженіи одного или нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ одинъ и помѣщалъ на монетѣ свое имя, являясь отвѣтственнымъ за нее, можетъ быть, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ эпонимомъ; его имя, во всякомъ случаѣ, служило для опредѣленія времени выпуска монеты. По какимъ-то причинамъ этотъ порядокъ измѣнили и чеканъ монеты поставили подъ прямое покровительство Дѣвы, быть можетъ, устроивъ его при ея храмѣ или съ участіемъ ея жрецовъ, въ знакъ чего и ставили ея монограмму, конечно, не совмѣстимую въ такомъ случаѣ съ именемъ какого бы то ни было чиновника. Монеты, бывшія тогда еще въ обращеніи, заклеймили этой же монограммой, чтобы не перечеканивать ихъ; такихъ монетъ мы находимъ все болѣе и болѣе, а именно I-го вѣка до Р. Хр.“

Вполнѣ соглашаясь, что А. Л. Бертье-Делагардъ счастливо разгадалъ смыслъ монограммы изъ буквъ ΠΑΡ на монетахъ Херсониса [2]), мы полагаемъ,

---

70, 71, 73—78 и 103—158, послѣдняя группа съ большими пробѣлами. Ср. A. von Sallet въ *Zeitschr. für Numism.* X (1883), 143.

1) Ук. ст. 62—63.

2) А. Л. Бертье-Делагардъ при этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ (стр. 62), что «нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это рѣшеніе дано только для Херсониса и не приложимо въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно, надо думать, кромѣ совершенно исключительныхъ об-

что теперь, на основаніи нашего новаго документа, объясненіе постановки этой монограммы на монетахъ должно быть нѣсколько измѣнено. Признавъ Дѣву своей „вѣчной царицей“, херсонисцы стали ставить легенду „βασιλευούσης Παρ(θένου)“ или, для сокращенія, одну ея монограмму для обозначенія того, что монета выбита „въ царствованіе Дѣвы“, совершенно такъ же, какъ на царскихъ монетахъ ставилось имя царя, съ тою только разницею, что удержали при этомъ и обозначеніе города начальными буквами ΧΕΡ. Само собою понятно, что разъ на монетѣ поставлено имя „царицы“ въ удостовѣреніе подлинности монеты, то обозначеніе всякаго другого магистрата было несовмѣстимо съ ея именемъ, подобно тому какъ и на царскихъ монетахъ не ставились имена магистратовъ.

При такомъ толкованіи невольно возникаетъ вопросъ, не стоитъ ли признаніе Дѣвы „царицею“ въ связи съ эрою херсонисцевъ, то есть, иначе говоря, не начали ли херсонисцы вести свое новое лѣтосчисленіе съ года признанія „царицею“ города своей наиболѣе чтимой богини? Есть нѣкоторыя соображенія, склоняющія къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Во-первыхъ, если вѣрить вышеприведенному указанію А. Л. Бертье-Делагарда, монеты съ нашей монограммой начинаются съ половины I-го вѣка до Р. Хр., то есть, раньше начала лѣтосчисленія (съ 25—24 г. до Р. Хр.). Во-вторыхъ, даже на монетахъ съ прич. βασιλευούσης обозначеніе года стоитъ отдѣльно, не въ связи съ этимъ причастіемъ, такъ что понимать легенды приходится въ смыслѣ „въ царствованіе Дѣвы, такого-то года [херсонисскаго лѣтосчисленія]“, а не въ смыслѣ „въ такой-то годъ царствованія Дѣвы“. Однако оба эти соображенія не имѣютъ рѣшающаго значенія, особенно первое. Едва ли нумизматы могутъ указать на монетахъ вполнѣ точные признаки, которые побудили бы относить начало чекана монетъ данной группы именно къ срединѣ I-го вѣка до Р. Хр., а не къ послѣдней его четверти. По крайней мѣрѣ А. Л. Бертье-Делагардъ такихъ признаковъ не указываетъ.

Нѣкоторые ученые склонны связывать введеніе новой эры въ Херсонисѣ съ освобожденіемъ его изъ-подъ власти воспорскихъ царей. Къ сожалѣнію, этому препятствуютъ категорическія заявленія Стравона[1]), что Херсонисъ въ его время

стоятельствъ, будетъ инымъ при точно той же монограммѣ». Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, сохранитъ право на вниманіе и наше объясненіе этой монограммы (Изслѣд. объ Ольвіи, 267), данное для *Ольвіи* и потому лишь по недоразумѣнію приведенное А. Л. Бертье-Делагардомъ (стр. 53) въ числѣ объясненій, данныхъ для Херсониса.

1) Strab. VII, 4, §§ 3, 5, 7.

(т. е., какъ обыкновенно понимаютъ, во время написанія его географическаго труда, относящагося, какъ извѣстно, ко 2-му десятилѣтію I-го вѣка по Р. Хр.) былъ подчиненъ Воспору. С. А. Селивановъ[1]), очень облюбовавъ мысль о связи новой эры съ освобожденіемъ Херсониса изъ-подъ власти Воспора, пытался объяснить дѣло такъ, что заявленія Страбона были написаны при составленіи имъ болѣе ранняго историческаго труда „Ὑπομνήματα ἱστορικά“, доведеннаго приблизительно до 38-го года до Р. Хр., и оттуда впослѣдствіи безъ измѣненія были перенесены въ „Γεωγραφικά“. Но Селиванову не удалось прочно обосновать это положеніе, а приведенная имъ въ числѣ доказательствъ надпись съ упоминаніемъ о посылкѣ вспомогательнаго отряда воспорскому царю Полемону[2]) уже потому не имѣетъ значенія въ данномъ случаѣ, что неизвѣстно, названъ ли въ ней Полемонъ I (14—8 гг. до Р. Хр.?), или Полемонъ II (33—41 по Р. Хр.). С. А. Селивановъ „по нѣкоторымъ соображеніямъ“ предполагаетъ, что въ надписи разумѣется Полемонъ I-й, но подробнѣе этихъ соображеній не развиваетъ. Итакъ, вопросъ приходится оставить открытымъ въ надеждѣ, что въ будущемъ, быть можетъ, найдутся болѣе прочныя данныя для его разрѣшенія. Не скроемъ, однако, что и намъ лично кажется весьма соблазнительнымъ предположеніе, что херсонисцы именно въ ознаменованіе своего освобожденія изъ-подъ власти чужихъ (воспорскихъ) царей рѣшили признать своею „царицею“ свою собственную, искони наиболѣе чтимую ими богиню, и съ этого знаменательнаго событія начали свою новую эру.

Обратимся теперь къ послѣдней части декрета, именно къ стр. 20—36, заключающимъ въ себѣ перечень лицъ, скрѣпившихъ документъ своими печатями

---

1) О Херсонисѣ Таврическомъ. Рѣчь (Од. 1898), 23 сл. М. И. Ростовцевъ въ ст. «Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ» (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, мартъ, отд. класс. фил. 150) также допускаетъ возможность связи эры Херсониса съ его свободою, ссылаясь на приведенное мнѣніе Селиванова, а въ позднѣйшей обработкѣ исторіи Херсониса (Энциклоп. словарь Брокгауза-Эфрона, полут. 73, стр. 163) еще опредѣленнѣе выражается такъ: «Результатомъ одного изъ такихъ вмѣшательствъ Рима, вѣроятно въ 24-мъ году до Р. Хр., было признаніе за Херсонесомъ — можетъ быть молчаливое, но скорѣе документальное—свободы отъ Боспора. Этимъ годомъ датируютъ херсонесцы свои оффиціальные документы и монеты». Разныя мнѣнія по этому вопросу сопоставляетъ графъ А. А. Бобринской, Херсонесъ Таврич. 44.

2) IosPE. IV, 91 (Селиванову надпись была извѣстна раньше изданія, по сообщенной нами копіи). Напомнимъ, кстати, объясненіе слова συμμαχία въ этой надписи, данное Ѳ. Ѳ. Соколовымъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, ноябрь, 218): «vir honoratus былъ, мнѣ кажется, не посломъ для заключенія союза, но начальникомъ вспомогательнаго отряда, посланнаго царю Полемону, и награжденъ за счастливое командованіе отрядомъ».

въ удостовѣреніе его подлинности и законом'ѣрности. Такой способъ удостовѣренія декретовъ, давно уже извѣстный намъ изъ г. Тираса (см. IosPE. I, 2), въ 1904 г. констатированъ и для Херсониса небольшимъ отрывкомъ декрета, изданнымъ нами въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 14, стр. 105, № 13[1]). Но тамъ, кромѣ глагола ἐσφραγίσαντο, читаются лишь остатки четырехъ именъ, тогда какъ въ новомъ документѣ весь этотъ отдѣлъ сохранился полностью. Мы видимъ, что всѣ „приложившіе печати" раздѣлены на 3 στίχοι, подъ которыми скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть три столбца, въ которыхъ были расположены имена этихъ лицъ на подлинномъ документѣ. Въ первомъ στίχος читается имя „богини царицы Дѣвы", затѣмъ перваго архонта и 5 гражданъ безъ обозначенія магистратуръ, во 2-мъ — имена 8-ми такихъ же гражданъ и въ 3-мъ — имена 9-ти должностныхъ лицъ, въ числѣ коихъ названы: 4 архонта, 3 „стража законовъ", 1 πρόδικος и секретарь совѣта. Всего, стало быть, кромѣ Дѣвы названы 23 лица: 10 лицъ, занимавшихъ въ данномъ году разныя должности въ городѣ, и 13 лицъ безъ обозначенія магистратуръ[2]). „Богиня царица Дѣва" записана во главѣ, очевидно, какъ божественная представительница верховной власти въ городѣ. Въ качествѣ таковой ей, очевидно, была присвоена особая печать, которая и прикладывалась отъ ея имени въ нужныхъ случаяхъ. Непосредственно за нею названъ „первый архонтъ", какъ высшій представитель фактической власти. Въ слѣдующихъ 13 лицахъ, названныхъ только по именамъ, безъ обозначенія магистратуръ, мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть именитыхъ гражданъ, быть можетъ, бывшихъ магистратовъ, именно поэтому и поставленныхъ выше магистратовъ даннаго года.

Обращаясь къ послѣднимъ, мы должны замѣтить, что названными въ документѣ лицами не исчерпываются, конечно, всѣ городскія власти. Въ ихъ числѣ мы не видимъ, напримѣръ, даміурговъ, агораномовъ, астиномовъ, проедровъ, τὸν ἐπὶ τῇ διοικήσει и др. Является, стало быть, вопросъ, чѣмъ же объяснить наличность однихъ магистратовъ въ числѣ τῶν σφραγισαμένων и отсутствіе другихъ?

---

1) Пользуемся случаемъ исправить опечатку, вкравшуюся въ данное нами краткое объясненіе этого отрывка и своевременно, къ сожалѣнію, не отмѣченную: въ началѣ объясненія вмѣсто «значительная часть декрета» слѣдуетъ читать «*незначительная*».

2) Въ тирасскомъ декретѣ общее число τῶν σφραγισαμένων доходитъ до 19, въ томъ числѣ πρῶτος ἄρχων, 3 архонта, 1 εἰσηγητής и 15 частныхъ лицъ. Секретарь совѣта засвидѣтельствовалъ тамъ составленіе декрета (ἐτελείωσα τὸ ψήφισμα), но въ число τῶν σφραγισαμένων не вошелъ.

Намъ кажется, что архонты названы, какъ главная должностная коллегія, завѣдывавшая, между прочимъ, и внѣшнею политикою и жившими въ Херсонисѣ иностранцами. „Стражи законовъ", какъ видно изъ самаго ихъ названія, слѣдили за исполненіемъ законовъ и, стало быть, приложеніе ими печатей должно было свидѣтельствовать о томъ, что въ декретѣ нѣтъ ничего противозаконнаго. Должностныя функціи „продика" въ Херсонисѣ неизвѣстны намъ ближайшимъ образомъ, но, какъ показываютъ самое названіе должности и аналогіи съ значеніемъ ея въ другихъ городахъ, эти функціи носили юридическій характеръ и, стало быть, приложеніе печати продика также служило доказательствомъ закономѣрности декрета. Наконецъ, приложеніе печати секретаря совѣта понятно само собою: оно соотвѣтствуетъ „скрѣпѣ" на нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ [1]).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что разсматриваемая часть декрета даетъ намъ важныя свѣдѣнія о составѣ магистратуръ въ Херсонисѣ. Возможно, конечно, предположеніе, что та или другая коллегія не представлена въ декретѣ, по какимъ-либо причинамъ, полностью, но вѣроятнѣе думать, что мы имѣемъ дѣло съ полнымъ составомъ коллегій. Итакъ мы можемъ констатировать, что впервые упоминаемая здѣсь коллегія архонтовъ состояла изъ 4-хъ лицъ съ „первымъ архонтомъ" во главѣ [2]). „Стражей законовъ" въ данныя времена было трое, тогда какъ раньше, въ III—II вв. до Р. Хр., какъ видно изъ документовъ тѣхъ временъ, ихъ было пятеро или даже больше [3]). Когда и почему произошло уменьшеніе численнаго состава коллегіи,—объ этомъ у насъ пока нѣтъ данныхъ. Продикъ по всѣмъ видимостямъ представлялъ собою единоличную, а не коллегіальную магистратуру [4]), равно какъ и секретарь совѣта былъ одинъ.

Обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, записаннымъ въ числѣ τῶν σφραγισαμένων въ разсматриваемомъ декретѣ, остановимъ вниманіе на группѣ лицъ, но-

---

1) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что составъ τῶν σφραγισαμένων, повидимому, не всегда былъ одинъ и тотъ же. Объ этомъ мы говоримъ въ *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 23, l. c., при возстановленіи сохранившихся отрывковъ декретовъ на основаніи нашего новаго документа.

2) О первомъ архонтѣ ср. наше изслѣдованіе о госуд. устройствѣ Херсониса въ *Журн. М. Н. Пр.* 1884, іюнь, отд. класс. фил. 61. Позднѣе упоминаніе о немъ встрѣчено въ IosPE. IV, 105 въ формѣ πρωταρχοντεύων. Ср. замѣчаніе объ этой должности въ нашемъ первомъ изданіи указанной надписи въ *Мат. по археол. Россіи*, № 17, стр. 12, № 9.

3) О «стражахъ законовъ» въ Херсонисѣ см. *Ж. М. Н. Пр.* l. c. 70; *Изв. И. Арх. К.*, вып. 3, стр. 21, и вып. 14, стр. 102. Однако въ декретѣ тѣхъ же временъ, изданномъ въ *Изв. И. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 115, число номофилаковъ по всѣмъ признакамъ было не больше трехъ.

4) О продикахъ см. *Ж. М. Н. Пр.* l. c. 69.

спвшихъ римскія praenomen и nomen Т. Флάουιος и тѣмъ свидѣтельствующихъ объ обладаніи правомъ римскаго гражданства, полученнымъ при Веспасіанѣ. Такихъ лицъ записано въ документѣ четыре, именно:

1) Т. Флάουιος Ἀρίστων υἱὸς Φλαουίου Ἀρίστωνος τοῦ Ἀγεπόλεως,
2) Т. Флάουιος Πυθόδοτος υἱὸς Φλαουίου Ἀγεπόλεως,
3) Т. Флάουιος Ἀγέπολις υἱὸς Φλαουίου Ἀρίστωνος,
4) Т. Флάουιος Παρθενοκλῆς υἱὸς Φλαουίου NACΩNOCOXOPIOC.

Интересно отмѣтить особенности въ обозначеніи ихъ именъ, весьма важныя для возстановленія другихъ херсонисскихъ документовъ. Мы видимъ, что 1) при поименованіи этихъ лицъ, носившихъ сложныя латино-греческія имена, передъ именемъ отца ставится слово υἱός (быть можетъ, въ подражаніе латинскому способу обозначенія именъ съ постановкою слова filius послѣ имени отца), тогда какъ въ чисто греческихъ именахъ, безъ латинскихъ praenomen и nomen, это слово не ставится; 2) при имени отца опускается praenomen, а при имени дѣда — и nomen.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что первыя три лица изъ названныхъ выше принадлежали къ одной и той же семьѣ. Ихъ родственныя отношенія скорѣе всего были слѣдующія:

Т. Флάουιος Ἀγέπολις
Т. Флάουιος Ἀρίστων Т. Флάουιος Πυθόδοτος
Т. Флάουιος Ἀρίστων Т. Флάουιος Ἀγέπολις

Что касается до имени, поставленнаго выше на 4-мъ мѣстѣ, то прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть ту часть его, которая выписана прописными буквами. Первыя 6 буквъ этой части могутъ быть прочитаны какъ Νάσωνος, но признанію такого чтенія несомнѣннымъ препятствуетъ то, что cognomen должно бы быть греческое, а не латинское, какимъ является Νάσων = Naso (невольно вспоминается P. Ovidius Naso). Послѣднія же 7 буквъ совсѣмъ не даютъ понятнаго чтенія. Въ виду этого у насъ возникло предположеніе, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ именемъ, искаженнымъ до неузнаваемости рѣзчикомъ при механическомъ списываніи съ неразборчивой рукописи, и не слѣдуетъ ли вмѣсто этого комплекса буквъ поставить имя Παρθενοκλέους. Какія именно буквы рѣзчикъ могъ ошибочно поставить вмѣсто надлежащихъ, будетъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

N A C Ω N O CO X O PI O C
Π A P ΘЄ N O K Λ Є O Y C

Мы видимъ, что четыре буквы изъ имени Παρθενοκλέους удержаны на своихъ мѣстахъ, затѣмъ въ большинствѣ случаевъ смѣшаны буквы болѣе или менѣе сходныя между собою по начертанію, какъ напримѣръ N и Π, C и P, Ω и ΘЄ, X и Λ, O и Є. Трудно объяснить только подстановку CO вмѣсто K, PI вмѣсто O и O вмѣсто Y.

Если наше предположеніе вѣрно, то получится Τ. Φλάουιος Παρθενοκλῆς υἱὸς Φλαουίου Παρθενοκλέους. Принадлежность его къ той семьѣ Титовъ Флавіевъ, на которую мы уже обратили вниманіе выше, остается сомнительною, но весьма возможно, что это лицо было идентично съ тѣмъ Т. Флавіемъ Парѳеноклomъ, въ честь жены котораго[1]) былъ поставленъ въ Херсонисѣ памятникъ, сохранившійся до нашихъ временъ и изданный въ IosPE. I, 198. Характеръ буквъ надписи на этомъ памятникѣ вполнѣ подходитъ къ 1-й половинѣ II в. по Р. Хр. Быть можетъ, тотъ же Т. Флавій Парѳеноклъ записанъ и въ отрывкѣ списка τῶν σφραγισαμένων, изданномъ въ *Изв. И. Арх. К.* в. 14, стр. 105, № 13.

Нѣкоторыя изъ другихъ лицъ, записанныхъ въ разсматриваемомъ документѣ, быть можетъ, также упоминаются и въ ранѣе найденныхъ отрывкахъ, но этими сопоставленіями мы займемся въ *Изв. И. Арх. Ком.* в. 23 при возстановленіи нѣкоторыхъ изъ этихъ отрывковъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ языкѣ документа. Издавая близкій къ нему по времени декретъ о выраженіи благодарности Ираклеотамъ за хлопоты ихъ передъ императоромъ Антониномъ о дарованіи свободы Херсонисцамъ[2]), мы уже отмѣтили особенность языка, заключающуюся въ неправильной постановкѣ α тамъ, гдѣ необходимо было бы η, такъ какъ въ корнѣ даннаго слова имѣется гласный *е*, а не *а*, и заключили, что „Херсонисцы въ римскія времена хотя и продолжали еще говорить на дорическомъ діалектѣ, но уже потеряли ясное представленіе о происхожденіи и образованіи нѣкоторыхъ словъ и употребляли въ нихъ α вмѣсто η, такъ сказать, по наслышкѣ“. Это замѣчаніе

---

1) Объ имени этой женщины см. наше замѣчаніе въ *Изв. И. Арх. Комм.*, вып. 23 [стр. 51].

2) *Мат. по арх. Россіи* № 17, стр. 1 сл. (=IosPE. IV, 71).

вполнѣ подтверждается вновь найденнымъ декретомъ: и въ немъ мы видимъ то же употребленіе α вмѣсто η въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ напримѣръ Ἀρακλεώτας, Ἀρακλείου (хотя рядомъ встрѣчаются имена Ἡρόξενος, Ἥραιος), ἄθει, μανός. Но рядомъ съ этими утрированными, такъ сказать, доризмами мы встрѣчаемъ и употребленіе формъ τῆς κοινῆς наряду съ дорическими формами тѣхъ же или сходныхъ словъ. Такъ, напримѣръ, въ заголовкѣ декрета, несомнѣнно, было поставлено Ἀγαθῆι τύχηι, а не Ἀγαθᾶι τύχαι, такъ какъ сохранившіеся остатки (нижнія части) двухъ послѣднихъ буквъ явно принадлежатъ буквамъ HI, а не AI. Далѣе, въ стр. 17 читаемъ βουλᾶι, а въ стр. 35 — τῆς βουλῆς; въ стр. 17 стоитъ ἀκροπόλιος, въ стр. 22 и 24 — Ἀγεπόλεως. Особенно замѣтно это колебаніе въ формахъ личныхъ именъ: съ одной стороны мы имѣемъ Εὐρύδαμος, Δαμοκλῆς, а съ другой — Δημητρίου, Ἀθήναιος, Δημοκράτης, Ἀσκληπίαδου, Μητρόδωρος (вм. дорическихъ Δαματρίου, Ἀθάναιος, Δαμοκράτης, Ἀσκλαπιάδου, Ματρόδωρος). Совершенно ясно, что въ 1-й половинѣ II в. по Р. Хр. дорическій діалектъ въ Херсонисѣ далеко уже не могъ похвалиться надлежащей чистотой и что херсонисцы все болѣе и болѣе, такъ сказать, сбивались на формы τῆς κοινῆς.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Собралъ и перевелъ съ подлинниковъ К. Ганъ. Часть I: отъ Гомера до VI стол. по Р. Хр. Тифлисъ 1884 [1]).

„Весьма было бы желательно, чтобы одно изъ русскихъ ученыхъ обществъ предприняло издать собраніе всѣхъ мѣстъ древнихъ писателей, относящихся къ исторіи и древностямъ сѣвернаго берега Чернаго моря, въ родѣ Стриттеровыхъ Memoriae populorum. Къ этому собранію было бы полезно приложить и копіи съ надписей, найденныхъ въ этихъ странахъ, и присовокупить къ тѣмъ и другимъ вѣрный русскій переводъ и замѣчанія, необходимо нужныя для того, чтобы содержаніе текста было понятно людямъ, не занимавшимся спеціальнымъ изученіемъ классической древности. Тогда бы всѣ любознательные обитатели края, и незнакомые съ греческимъ языкомъ и греческою литературою, могли бы сличать показанія древнихъ съ мѣстностями, которыя всегда будутъ извѣстнѣе туземнымъ жителямъ, нежели заѣзжимъ путешественникамъ, какъ бы ни была велика ревность послѣднихъ“. Такъ писалъ покойный П. М. Леонтьевъ еще 35 лѣтъ тому назадъ [2]), но его словамъ до сихъ поръ суждено было оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ необходимость такого рода трудовъ у насъ въ Россіи очевидна уже изъ того, что за исключеніемъ значительныхъ умственныхъ центровъ (какъ напримѣръ, городовъ университетскихъ) врядъ-ли гдѣ найдутся столь богатыя общественныя или частныя историко-филологическія библіотеки, въ которыхъ были бы собраны въ подлинникахъ всѣ сочиненія древнихъ авторовъ, а не имѣя всѣхъ ихъ подъ рукою, не возможно заниматься изученіемъ

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1885, май, отд. крит.-библіограф., стр. 96—119.
2) Пропилеи, т. I, отд. 2, стр. 86.

ни древней исторіи, ни географіи, ни этнографіи припонтійскихъ, да частію и другихъ областей, входящихъ нынѣ въ составъ Россійской имперіи. Что необходимость для каждаго историка, филолога или археолога имѣть подъ рукою такіе сборники, въ которыхъ были бы сгруппированы всѣ извѣстія древнихъ объ этихъ странахъ, въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо признается неотложною, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ программѣ недавно бывшаго въ Одессѣ [въ августѣ 1884 г.] археологическаго съѣзда въ двухъ или трехъ разныхъ редакціяхъ поставлено одно и то же desideratum: „составить сводъ всѣхъ извѣстій древнихъ о сѣверномъ и восточномъ побережьѣ Чернаго моря и о южной Россіи вообще, въ переводѣ и съ поясненіями“ [1]). Безъ сомнѣнія, подобныя же desiderata относительно Кавказа выставлялись и на V археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1881 г. въ Тифлисѣ: по крайней мѣрѣ составитель сборника, о которомъ мы намѣрены здѣсь говорить, въ началѣ предисловія къ нему заявляетъ, что именно этотъ съѣздъ подалъ ему поводъ къ составленію его труда. Такимъ образомъ мы должны привѣтствовать г. Гана, какъ перваго дѣятеля на такомъ поприщѣ, на которомъ давно уже слѣдовало бы работать русскимъ филологамъ, но къ сожалѣнію, на сколько мы знаемъ, до сихъ поръ ничего еще не было сдѣлано, кромѣ переводовъ нѣсколькихъ мѣстъ отдѣльныхъ авторовъ [2]). Подобно большинству первыхъ попытокъ, трудъ г. Гана не свободенъ отъ недостатковъ; но строго осуждать ихъ нельзя уже потому, что составитель, по его собственному заявленію въ предисловіи, работалъ въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ вслѣдствіе неимѣнія въ Тифлисѣ хорошей филологической библіотеки; по этой же причинѣ ему, повидимому, остались неизвѣстны существующіе въ западной ученой литературѣ сборники, однородные съ его трудомъ по характеру и цѣлямъ и потому могшіе служить ему въ большей или меньшей степени образчиками при выборѣ и распредѣленіи матеріала [3]), равно какъ и пособія, которыя могли бы облегчить самое его собираніе. Въ виду того, что всѣ промахи и недостатки

---

1) См. Приложеніе къ программѣ VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, стр. 5 и 9. Считаю себя въ правѣ замѣтить здѣсь, что предварительныя работы для изданія, которое удовлетворило бы этой потребности, уже начаты. [Разумѣю мой сборникъ «Scythica et Caucasica», первый выпускъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1893 г.].

2) Такіе переводы, впрочемъ не всегда удовлетворительные, встрѣчаются въ нѣсколькихъ томахъ *Записокъ Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей*.

3) Изъ такихъ трудовъ укажемъ напримѣръ: Quellenbuch zur Schweizergeschichte, eine Sammlung aller auf die heutige Schweiz bezüglichen Stellen der Griech. und Röm. Autoren etc., bearb. von Dr. Wilh. Gisi (Bern. 1869).

труда г. Гана легко устранимы путемъ тщательной его переработки, послѣ которой онъ дѣйствительно можетъ принести не малую пользу всѣмъ интересующимся древней исторіей, географіей и этнографіей Кавказа, мы и позволяемъ себѣ высказать здѣсь о нихъ нѣсколько замѣчаній, при чемъ однако не намѣрены слишкомъ вдаваться въ частности именно потому, что частныхъ замѣчаній чрезвычайно разнообразнаго характера можно было бы сдѣлать весьма много, и наша статья вслѣдствіе того разрослась бы до черезчуръ широкихъ размѣровъ; мы предпочитаемъ отмѣтить здѣсь только наиболѣе выдающіеся промахи труда г. Гана, иллюстрируя каждый изъ нихъ нѣсколькими примѣрами, число которыхъ безъ всякаго труда могло быть значительно увеличено.

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ недостатковъ книги г. Гана кажется намъ отсутствіе въ ней подлинныхъ текстовъ авторовъ. Онъ былъ бы еще отчасти извинителенъ, еслибы составитель не могъ прибавить текстовъ по независящимъ отъ него причинамъ, напримѣръ, по типографскимъ условіямъ (хотя и въ такомъ случаѣ лучше было бы напечатать книгу въ другомъ городѣ, нежели отказываться отъ текстовъ); но кажется, что составитель исключилъ ихъ совершенно сознательно. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Такъ какъ произведенія древнихъ писателей въ подлинникѣ недоступны большинству нашей образованной публики, и часть ихъ вообще трудно достать, а интересъ къ археологіи у насъ несомнѣнно существуетъ, то представляется необходимость оказать этой публикѣ услугу собираніемъ и переводомъ матеріаловъ изъ древнихъ писателей“. Намъ кажется, что составитель невѣрно судитъ здѣсь о томъ, кто будетъ составлять главный контингентъ читателей его книги: „образованная публика“ едва ли станетъ читать „извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ“ ради своего удовольствія, хотя бы даже въ болѣе изящномъ переводѣ, чѣмъ тотъ, какой предложилъ г. Ганъ; къ своду этихъ извѣстій стали бы обращаться главнымъ образомъ лица, почему-либо спеціально интересующіяся тою или другою стороной свѣдѣній древнихъ о Кавказѣ, а стало быть, въ большинствѣ случаевъ причастныя къ исторіи, филологіи или археологіи; такія лица, безъ сомнѣнія, сказали бы большое спасибо составителю за удобство всегда имѣть подъ рукой въ одномъ томикѣ всѣ извѣстія древнихъ о Кавказѣ и за избавленіе ихъ, такимъ образомъ, отъ необходимости тратить время на отыскиваніе въ полныхъ изданіяхъ авторовъ иной разъ какой-нибудь коротенькой и маловажной цитаты или на пріисканіе самихъ извѣстій, относящихся къ Кавказу, въ трудахъ нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ и мало

читаемыхъ писателей, изданія которыхъ, вдобавокъ, иногда настолько рѣдки или дороги, что далеко не всякій спеціалистъ можетъ имѣть ихъ въ своей частной библіотекѣ. Но такія лица, развѣ за немногими исключеніями, навѣрное настолько знакомы съ древними языками, что въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія не сочтутъ для себя возможнымъ iurare in verba г. Гана и обратятся къ подлиннику для провѣрки его перевода; а стало быть, книжка г. Гана можетъ оказать имъ услугу только указаніями, у какого автора и въ какомъ мѣстѣ говорится о томъ или другомъ предметѣ. Прибавимъ еще, что въ вышеприведенныхъ словахъ П. М. Леонтьева и въ программѣ Одесскаго съѣзда переводъ текстовъ представляется дѣломъ второстепеннымъ, хотя и необходимымъ. Намъ скажутъ, быть можетъ, что съ прибавленіемъ текстовъ увеличился бы вдвое объемъ книги, а стало быть, и цѣна ея; но всякій историкъ, филологъ или археологъ, конечно, предпочелъ бы заплатить 3 р. за удобство имѣть всегда подъ рукою всѣ (или по крайней мѣрѣ главнѣйшія) извѣстія древнихъ о Кавказѣ, чѣмъ 1 р. 25 коп. за книгу, которая можетъ оказать ему ничтожную, сравнительно, услугу и не избавляетъ его отъ необходимости обращаться къ изданіямъ подлинниковъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ настоятельно совѣтовать г. Гану, какъ при могущемъ понадобиться второмъ изданіи этой первой части, такъ и при выпускѣ въ свѣтъ обѣщанной имъ второй части, непремѣнно дать и подлинные тексты. Во 2-й части, которая, по словамъ составителя, будетъ заключать въ себѣ главнымъ образомъ византійскихъ писателей, это еще болѣе необходимо, такъ какъ изданія византійцевъ навѣрное не считаются насущною необходимостью даже хорошихъ частныхъ библіотекъ. Само собою разумѣется, что тексты должны быть приводимы по лучшимъ критическимъ изданіямъ, и притомъ съ указаніемъ важнѣйшихъ разночтеній рукописей и поправокъ новыхъ ученыхъ[1]).

Овербекъ въ предисловіи къ своему собранію источниковъ для исторіи искусствъ у грековъ совершенно справедливо говоритъ, что самыя главныя требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ подобному труду — полнота и

1) Составитель нигдѣ, кромѣ приложенія (о которомъ см. ниже), не указываетъ, по какимъ изданіямъ переводилъ онъ того или другого автора, а дѣлать объ этомъ розыски посредствомъ сличенія переводовъ г. Гана съ разными изданіями, мы, конечно, не давали себѣ труда. Однако относительно Страбона можно сразу замѣтить, что составитель пользовался какимъ-нибудь старымъ и плохимъ изданіемъ: напримѣръ, въ XI, 2, 11 (стр. 61) у г. Гана вмѣсто Ἀσπουργιανοί являются Ἀσπουγγιτανοί, ibid. 15 (стр. 63) вмѣсто Σκυδίσης — Σκιδίσης и т. п.

исправность. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ трудъ г. Гана не вполнѣ удовлетворителенъ. Съ одной стороны, онъ даетъ слишкомъ много, съ другой — читатель не находитъ въ немъ кое-чего такого, что́ считаетъ себя вправѣ искать въ подобномъ трудѣ. Этотъ недостатокъ главнымъ образомъ, кажется, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что г. Ганъ не составилъ себѣ предварительно яснаго и опредѣленнаго плана для своего труда и потому не сумѣлъ разобраться какъ слѣдуетъ въ своемъ матеріалѣ, отдѣлить нужное отъ излишняго, отчасти же и тѣмъ, что нѣкоторыхъ авторовъ у него совершенно не было подъ рукой, а можетъ быть не было и хорошаго атласа. Кажется, что только этому послѣднему обстоятельству можно приписать то, что составитель нерѣдко выходитъ за тѣ достаточно широкія границы, которыя онъ самъ себѣ назначилъ. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Въ географическомъ отношеніи замѣтки [?] эти касаются не только территоріи настоящаго Кавказа, но и сосѣднихъ земель, такъ какъ у древнихъ писателей довольно шатко обозначеніе границъ между кавказскими и сосѣдними съ ними народами; затѣмъ, мнѣ кажется, что мѣстами лучше дать лишнее, чѣмъ дѣлать сокращенія. Наконецъ, само собою разумѣется, что при описаніи одного народа должно брать во вниманіе и тѣ сосѣдніе народы, съ которыми тотъ соприкасался, велъ торговлю или войну. Объемъ пространства, занимаемаго этими народами, приблизительно слѣдующій: перешеекъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями, ограниченный съ сѣвера прямой линіей, начиная съ устьевъ рѣки Дона до устьевъ рѣки Волги, а съ юга отъ устьевъ рѣки Икилъ-Ирмака (Казальмака) до города Решта“. Границы эти настолько широки, что можно бы смѣло держаться внутри ихъ (юго-западная граница, по нашему мнѣнію, даже слишкомъ далеко взята), и извѣстія о народахъ, жившихъ внѣ отмѣченныхъ предѣловъ, кажутся намъ излишними, даже извѣстія географическія и этнографическія, не говоря уже о миѳологическихъ и историческихъ. А ихъ можно указать не мало. Такъ напримѣръ, на стр. 12 и 14 переводится кое-что изъ Геродота о походѣ Кира на массагетовъ, которые, по прямому показанію отца исторіи, жили къ востоку отъ Каспійскаго моря. На стр. 15 приводится изъ Геродота же перечисленіе народовъ, входившихъ въ составъ 11-й, 15-й и 18-й сатрапій Персидскаго государства, тогда какъ первыя двѣ находились также къ востоку отъ Каспія, а матіены жили въ Ассиріи. Эксцерпты изъ Ксенофонтова Ἀνάβασις (стр. 26—41) обнимаютъ собою весьма значительное протяженіе пути грековъ— отъ вступленія ихъ въ землю кардуховъ до прибытія въ Котіоры. Собственно

говоря, на Кавказѣ-то Кировцы вовсе не были; но если даже понимать его въ такомъ широкомъ смыслѣ, какъ г. Ганъ, то всетаки можно было бы начать отъ вступленія ихъ въ Арменію (IV, 4, 1) или даже въ землю таоховъ (IV, 7, 1), но за то дѣлать меньше пропусковъ, чтобы читатели могли яснѣе представить себѣ походъ грековъ со всѣми его приключеніями и невзгодами. Совершенно излишнимъ кажется намъ и включеніе разсказовъ Діодора и Плутарха (Діод. XVII, 75 сл., у г. Гана на стр. 92 сл.; Плут. біогр. Алекс. 44 сл., на стр. 126 сл.) о походѣ Александра въ Гирканію, до которой вѣдь Кавказскія земли уже никакъ не простирались. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ включеніе извѣстій древнихъ можно объяснить только тѣмъ, что составитель смѣшивалъ нашъ Кавказъ (Скиѳскій) съ Индійскимъ; такъ, напримѣръ, при извлеченіяхъ изъ Курціи Руфа (стр. 145), Солина (стр. 181) и другихъ. Изъ этихъ примѣровъ (число которыхъ можно было бы значительно увеличить) уже видно, что авторъ не разъ переступаетъ начертанныя имъ самимъ южныя границы Кавказскихъ земель; но то же самое можно сказать и о сѣверныхъ; такъ напримѣръ, на стр. 17 сл. приводится цѣликомъ извѣстный длинный разсказъ Геродота (IV, 110—117) о борьбѣ скиѳовъ съ амазонками и о происхожденіи савроматовъ. Неужели и онъ относится къ Кавказу? Вѣдь Геродотъ прямо говоритъ, что борьба происходила къ сѣверу отъ Мэотиды, въ окрестностяхъ Кремновъ, а послѣ нея скиѳы, женившіеся на амазонкахъ, перейдя рѣку Танаидъ, „пошли къ востоку, на три дня пути отъ Танаида и на три дня пути отъ Мэотиды къ сѣверу“. Укажемъ еще на стр. 188 сл., гдѣ приводятся изъ Амміана Марцеллина извѣстія о народахъ, населявшихъ всю нынѣшнюю южную Россію: савроматахъ, неврахъ, гелонахъ, агаѳирсахъ, меланхлэнахъ, аланахъ и другихъ. Остается только спросить составителя: почему же онъ не привелъ извѣстій объ этихъ народахъ и изъ Геродота и другихъ авторовъ? Особенно много лишняго нашли мы въ разсказахъ объ амазонкахъ. Составитель, повидимому, питаетъ къ нимъ особенное пристрастіе и нерѣдко приводитъ такія извѣстія, которыя къ Кавказу не имѣютъ ровно никакого отношенія. Тутъ прежде всего надо замѣтить, что самое мѣсто поселенія, обыкновенно отводимое амазонкамъ авторами (въ Ѳемискирѣ у рѣки Ѳермодонта), находилось уже не на Кавказѣ; поэтому составитель имѣлъ бы полное право ограничиться только приведеніемъ извѣстій о приписываемыхъ имъ экспедиціяхъ на Кавказъ и чрезъ Кавказъ въ Скиѳію, такъ какъ его трудъ есть сводъ извѣстій о Кавказѣ, а не объ амазонкахъ; между тѣмъ, не говоря уже о множествѣ

подробностей объ образѣ жизни амазонокъ у Θермодонта, мы находимъ въ книгѣ г. Гана извѣстія и о походѣ ихъ подъ Трою на помощь Пріаму, и о борьбѣ съ ними Θесея, и о слѣдахъ ихъ пребыванія въ Аттикѣ (Павсаній, стр. 128 сл.), и объ экспедиціи на островъ Левку, нынѣшній Змѣиный (Филостратъ, стр. 176 сл.), и объ основаніи ими городовъ въ Малой Азіи, и много-много другихъ разсказовъ, такъ что именемъ амазонокъ испещрены чуть не всѣ страницы книги. Между множествомъ лишняго о нихъ есть, напримѣръ, на страницѣ 95 слѣдующая картинка изъ Проперція: ...„Толпа воинственныхъ амазонокъ съ обнаженными грудями купается въ волнахъ Θермодонта“. Рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ она попала въ книгу г. Гана. Во всякомъ случаѣ къ Кавказу она не имѣетъ никакого отношенія, ничего новаго объ амазонкахъ не сообщаетъ, да и у самого-то Проперція прибавлена лишь ради сравненія съ амазонками спартанокъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ данной элегіи. Приводя объ амазонкахъ такъ много разсказовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету его книги, составитель тѣмъ самымъ даетъ читателямъ право ожидать, что они найдутъ у него полный сводъ извѣстій древнихъ объ этихъ миѳическихъ воительницахъ; но подобныя ожиданія оказываются напрасными: раскройте любое сочиненіе по греческой миѳологіи, хотя бы, напримѣръ, Преллера или новый миѳологическій словарь Рошера, и вы увидите тамъ не мало ссылокъ на такихъ авторовъ, которыхъ напрасно будете искать въ книгѣ г. Гана. Въ видѣ примѣра укажемъ, что о помощи, оказанной амазонками троянцамъ, и о судьбѣ Пенѳесилеи г. Ганъ привелъ извѣстія Виргилія (стр. 84), Діодора (стр. 87), Павсанія (стр. 129 сл.), Клавдія Клавдіана (стр. 194). Неужели это и все? А гдѣ же Квинтъ Смирнскій, Ноннъ, Евстаѳій и другіе схоліасты, Овидій, Проперцій? Составитель нигдѣ (за исключеніемъ одного случая, который сейчасъ будетъ указанъ) не говоритъ ни слова о причинахъ включенія однихъ извѣстій и опущенія другихъ, и читатель совершенно напрасно сталъ бы ломать себѣ голову, пріискивая хоть какое-нибудь объясненіе этихъ причинъ. То же самое можно сказать и относительно преданій о походѣ Аргонавтовъ и о мученіи Промѳея: если смотрѣть на приводимыя г. Ганомъ извѣстія съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ Кавказу, то найдется много лишняго, а если искать въ его книгѣ всего, что̀ оставила намъ древность объ этихъ миѳахъ, то многаго не окажется[1]). Если мы оставимъ область миѳо-

1) На стр. 7 составитель дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Преданіе о Прометеѣ у Гезіода.... и у Эсхила.... не помѣщено тутъ, потому что эти писатели указываютъ то мѣсто, гдѣ

логіи и обратимся къ извѣстіямъ чисто историческаго или географическаго характера, то и тутъ найдемъ не меньше странностей: изъ однихъ авторовъ г. Ганъ вноситъ извѣстія, не имѣющія отношенія къ Кавказу, или ничего не значащія упоминанія о немъ[1]), изъ другихъ — опускаетъ то, что прямо относится къ его области; даже одни и тѣ же извѣстія онъ изъ однихъ авторовъ приводитъ, изъ другихъ опускаетъ. Г. Ганъ, правда, можетъ сослаться на одно изъ своихъ замѣчаній въ предисловіи, именно слѣдующее: „Въ иныхъ мѣстахъ мы дѣлали самыя короткія выписки, чтобы только показать, въ какое время и у какого писателя впервые упоминается названіе того или другого народа, города и т. п.; въ другихъ же мѣстахъ мы довольствовались выпискою однихъ только характерныхъ эпитетовъ“. Мы однако душевно желали бы совсѣмъ не читать этого замѣчанія, такъ какъ оно является лишь удобною лазейкою для того, чтобъ ускользнуть отъ любаго справедливаго требованія, и можетъ оправдать самый широкій произволъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы прежде всего какъ можно тщательнѣе выдѣлить въ древней литературѣ все то, что имѣетъ прямое отношеніе къ Кавказу, но затѣмъ уже въ этомъ избранномъ матеріалѣ не позволять себѣ никакихъ пропусковъ и сокращеній, даже и тогда, когда разные авторы говорятъ одно и то же о томъ или другомъ предметѣ: только въ такомъ случаѣ книга могла бы быть названа полнымъ сводомъ извѣстій древнихъ о Кавказѣ и имѣла бы цѣну и значеніе. Между тѣмъ составитель, какъ мы уже замѣтили, не разъ вы-

---

былъ прикованъ Прометей, не на Кавказѣ, а называютъ какую-то скалу въ степяхъ Скиѳіи. Одно мѣсто у Эсхила (стр. 718) прямо даже не допускаетъ и предположенія, что Прометей былъ прикованъ къ Кавказу». Однако впослѣдствіи г. Ганъ какъ бы забылъ эту оговорку и приводитъ такія преданія о Промееѣ, въ которыхъ вовсе не упоминается о Кавказѣ (ср. стр. 42, 206, 207). Настоящимъ курьезомъ въ этомъ отношеніи является на стр. 55 цитата изъ Цицер. Tuscul. II, 10: тамъ, какъ извѣстно, Цицеронъ даетъ стихотворный переводъ длинной тирады (28 стиховъ) Промееся изъ Эсхила. Составитель привелъ изъ нея 4 заключительные стиха слѣдующаго содержанія: «И это горестное страданіе, накопившееся въ продолженіе ужасныхъ вѣковъ, терзаетъ мое тѣло, изъ котораго, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, сочатся растаявшія капли и падаютъ постоянно на Кавказскія горы». На сколько важны эти слова Промееся для цѣлей составителя, предоставляемъ судить читателямъ, равно какъ и о литературномъ достоинствѣ перевода, приведеннаго нами дословно. Отмѣтимъ только, что эта цитата стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ приведеннымъ объясненіемъ составителя.

1) Желательно было бы узнать, напримѣръ, зачѣмъ составителю понадобилось внести (стр. 84) упоминаніе о Кавказѣ у Овидія въ перечисленіи горъ, пострадавшихъ при міровомъ пожарѣ, произведенномъ Фаетонтомъ,—упоминаніе, состоящее всего изъ двухъ словъ «Caucasus ardet»? Чѣмъ оно интересно? Развѣ только какъ доказательство того, что Овидій зналъ о Кавказѣ; но вѣдь въ этомъ никто не сомнѣвается; или г. Ганъ вѣритъ въ дѣйствительность Фаетонтова пожара и считаетъ два слова Овидія важнымъ свидѣтельствомъ о какомъ-нибудь вулканическомъ переворотѣ на Кавказѣ?

пускаетъ такія извѣстія у одного автора, которыя приводитъ изъ другихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 25 встрѣчаемъ мы цитату изъ Лисія ог. funebr. § 4 объ образѣ жизни амазонокъ; по нашему мнѣнію, она совершенно излишня; но если составитель счелъ нужнымъ дать ее, то почему же, спрашивается, опустилъ онъ слѣдующій параграфъ — о нападеніи амазонокъ на Аттику, извѣстія о которомъ изъ другихъ авторовъ онъ приводитъ? Или другой примѣръ: исторію Воспорскаго царства составитель исключилъ изъ своей книги, повидимому, намѣренно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда театромъ тѣхъ или другихъ событій, относящихся къ этой исторіи, являются мѣстности на восточномъ берегу Мэотиды и Понта Евксинскаго (есть, правда, и исключенія); между тѣмъ на стр. 26 вдругъ является выписка изъ Демосѳена объ отношеніяхъ къ аѳинянамъ Левкона Воспорскаго, самое имя котораго встрѣчается тутъ единственный разъ во всей книгѣ. При этомъ составитель забылъ даже отмѣтить, изъ какой рѣчи Демосѳена взята приведенная фраза; она находится въ § 31 рѣчи противъ Лептина, но этимъ параграфомъ вовсе не ограничиваются упоминанія Демосѳена о царяхъ Воспорскихъ. Является невольный вопросъ: чѣмъ же приведенная фраза такъ заинтересовала составителя, и чѣмъ объясняется исключеніе другихъ цитатъ, которыя могли бы быть приведены изъ Демосѳена? — На стр. 54 составитель приводитъ изъ стихотворнаго землеописанія, приписываемаго Скимну Хіосскому, только переводъ стиховъ 874—889 (считая по изданію въ Geographi Graeci minores К. Миллера, т. I), тогда какъ слѣдовало бы начать со стиха 865 и довести по крайней мѣрѣ до ст. 899 или даже до ст. 916, если принять во вниманіе, что изъ другихъ авторовъ приводятся свѣдѣнія и о мосинекахъ и тибаренахъ, хотя эти народы жили уже не на Кавказѣ. На стр. 60, въ переводѣ извѣстій Страбона, замѣчается большой пропускъ о Танаидѣ и прибрежныхъ мѣстностяхъ Мэотиды до Корокондамы (XI. 2, 2—8), пропускъ трудно объяснимый, такъ какъ извѣстія другихъ писателей объ этихъ мѣстностяхъ у г. Гана попадаются нерѣдко, и ужъ во всякомъ случаѣ положительныя извѣстія Стравона гораздо больше заслуживаютъ вниманія, чѣмъ, напримѣръ, сказки псевдо-Плутарха о Танаидѣ, цѣликомъ приведенныя г. Ганомъ на стр. 155. Изъ Помпонія Мелы на стр. 97 вообще заимствовано слишкомъ мало; такъ изъ I, 2 взята только фраза: „Надъ Каспійскимъ заливомъ живутъ хамары, массагеты, каджіи [опечатка вм. кадусіи], гирканы, иберы...“; между тѣмъ въ подлинникѣ непосредственно за этою фразой названы излюбленныя г. Ганомъ амазонки и такіе

народы, которые жили на самомъ Кавказѣ, какъ, напримѣръ, геніохи, горгиппіи, а далѣе мосхи, матіаны, тибарены и др., которые нерѣдко попадаются въ книгѣ г. Гана въ цитатахъ изъ другихъ писателей; является поэтому естественное недоумѣніе, почему перечисленіе ихъ у Мелы показалось составителю недостойнымъ вниманія. Цитата изъ 19-й гл. I-й книги того же Мелы начинается слѣдующей безсмыслицей: „Керасунтъ и Трапезондъ [sic!]—самые знаменитые города“. Спрашивается, знаменитые почему? и знаменитые гдѣ? Безсмыслица произошла отъ того только, что составитель началъ цитату съ запятой, такъ какъ фраза Мелы въ полномъ видѣ вполнѣ понятна: „Dein minus feri, verum et hi inconditis moribus, Macrocephali, Becheri, Buzeri: rarae urbes; Cerasus et Trapezus maxime illustres“. Впрочемъ, еслибы составитель хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то долженъ былъ бы начать и не съ этой фразы, а нѣсколькими строками выше, такъ какъ изъ другихъ авторовъ онъ приводитъ показанія и объ амазонкахъ, халибахъ и моссинахъ или мосинекахъ; не думаемъ, чтобъ онъ исключилъ описаніе жизни моссиновъ по причинѣ нѣкоторыхъ щекотливыхъ подробностей, такъ какъ такія подробности и о другихъ народахъ и о самихъ моссинахъ въ другихъ мѣстахъ приводятся составителемъ безъ стѣсненія en toutes lettres. И закончить выдержку изъ этой главы слѣдовало бы ниже, такъ какъ за синдонами слѣдуетъ описаніе прибрежья Мэотиды, которое входитъ въ начертанные составителемъ (см. выше) предѣлы его труда. Къ землеописанію Діонисія періегета (изъ котораго тоже заимствовано далеко не все, что слѣдовало) прибавлены только комментаріи Евстаѳія, а о перифразахъ, даже Авіена и Присціана, не упомянуто ни однимъ словомъ (стр. 132 сл.). Изъ перипла Безыменнаго почему-то переведенъ только § 92 (разстояніе отъ Амиса до Мэотиды), тогда какъ слѣдовало бы перевести по крайней мѣрѣ §§ 43—48, заключающіе въ себѣ описаніе прибрежья Мэотиды. Для всѣхъ подобныхъ пропусковъ — а ихъ въ книгѣ г. Гана не мало—врядъ-ли могутъ быть найдены уважительныя причины. Можно было бы также пріискать значительное количество относящихся къ Кавказу извѣстій, почему-то совсѣмъ не включенныхъ г. Ганомъ въ сборникъ, но, во-первыхъ, мы не считаемъ обязанностью рецензента такое облегченіе труда составителя, а во-вторыхъ, читатели, вѣроятно, уже успѣли составить себѣ достаточно ясное понятіе о недостаткахъ разсматриваемаго труда со стороны полноты.

Въ трудахъ, подобныхъ изданному г. Ганомъ, кромѣ возможной полноты матеріала, весьма важную роль играетъ наиболѣе удобное для читателей и цѣле-

сообразное его распредѣленіе. Принятое составителемъ распредѣленіе чисто хронологическое, по времени жизни писателей, представляется намъ во многихъ отношеніяхъ непригоднымъ: 1) въ такомъ случаѣ оказывается затруднительнымъ размѣщеніе такихъ писателей, которые жили одновременно, или о времени жизни которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; 2) что гораздо важнѣе, читателю не представляется возможности сосредоточить свое вниманіе на одномъ какомъ-либо предметѣ или одной сторонѣ извѣстій древнихъ, такъ какъ цитаты самаго разнороднаго содержанія проходятъ предъ его глазами, какъ въ калейдоскопѣ. Раскройте, напримѣръ, хотя бы стр. 26: тутъ прочтете сначала о каспійскихъ козахъ и верблюдахъ, затѣмъ о томъ, что Левконъ освободилъ отъ пошлины суда, отправлявшіяся въ Аѳины, наконецъ, что кардухи при приближеніи 10,000 грековъ покинули свои жилища, въ которыхъ было много мѣдной посуды, и бѣжали въ горы; на стр. 94 сл. найдете сначала разсказъ о встрѣчѣ Александра Великаго съ Ѳалестріей, потомъ кое-что о Миѳридатѣ, о кавказскихъ деревьяхъ и о купаньѣ амазонокъ въ Ѳермодонтѣ; на стр. 180 еще больше пестроты: тутъ и иберійскія собаки, и основаніе Діоскуріады, и истоки Аракса и Фасида, и Помпей Великій, и трагелафы, и отроги Тавра. Понятно, что при такомъ расположеніи матеріала нѣтъ никакой возможности читать книгу послѣдовательно, страницу за страницей, если читатель пожелаетъ спасти свою голову отъ невообразимаго сумбура; если же ему захочется познакомиться въ болѣе связномъ видѣ съ какимъ-либо однимъ отдѣломъ извѣстій, то придется поминутно заглядывать въ указатель и потомъ перелистывать всю книгу. Намъ казалось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе всей массы извѣстій на нѣсколько большихъ отдѣловъ по содержанію и затѣмъ уже соблюденіе хронологическаго порядка внутри каждаго отдѣла. Главные отдѣлы могли бы быть слѣдующіе: а) извѣстія географическія, этнографическія и естественно-историческія [1]), б) миѳологическія и в) историческія. При этомъ, конечно, пришлось бы иногда раздѣлять извѣстія одного и того же писателя и помѣщать ихъ въ разныхъ мѣстахъ книги, но что же въ этомъ за бѣда? Еслибъ издатель хотѣлъ быть вполнѣ внимательнымъ къ удобствамъ читателей, то прибавилъ бы страничку указателя, — и дѣло облегчено: Геродота см. на страницѣ такой-то и такой-то, Діодора тамъ-то и тамъ-то.

1) Подраздѣленіе ихъ на болѣе мелкія группы не представляется возможнымъ, такъ какъ у большинства авторовъ они тѣсно связаны и перепутаны между собою.

Вѣдь подобный указатель есть и при книгѣ г. Гана. Извѣстія нѣкоторыхъ писателей вовсе даже не пришлось бы разъединять такимъ образомъ, такъ какъ они цѣликомъ подходятъ подъ ту или другую рубрику; а въ такихъ случаяхъ, когда въ массѣ извѣстій, положимъ, географическаго содержанія оказалась бы какая-нибудь замѣтка историческая (какъ напримѣръ, у Страбона) или на оборотъ, а выдѣленіе ея было бы по тѣмъ или другимъ причинамъ не возможно или не желательно,—на нее можно бы просто сдѣлать ссылку въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ того отдѣла, къ которому она относится по своему содержанію. При такой группировкѣ извѣстій по содержанію выяснилось бы, кажется намъ, гораздо лучше и то, какія цитаты слѣдовало помѣстить цѣликомъ, какія—въ извлеченіи, какія совсѣмъ выкинуть. Интересно, напримѣръ, куда бы отнесъ тогда составитель цитату изъ Овидія о горѣніи Кавказа? Строгости и тщательности выбора извѣстій, особенно географическихъ и этнографическихъ, много способствовала бы также карта древнихъ поселеній на Кавказѣ, приложеніе которой къ подобному труду представляется намъ настоятельною необходимостью.

Говоря о расположеніи матеріала, нельзя не упомянуть объ одной странности въ трудѣ г. Гана, не поддающейся правдоподобному объясненію: почему отрывки изъ потерянныхъ сочиненій греческихъ историковъ, заимствованные изъ Fragmenta hist. Gr. Мюллера (кромѣ нѣсколькихъ фрагментовъ изъ Николая Дамасскаго, приведенныхъ по Вестерманову изданію парадоксографовъ), выдѣлены въ особое „приложеніе“? Составитель, безъ сомнѣнія, прекрасно знаетъ, что помѣщается обыкновенно въ приложеніяхъ. Между тѣмъ цитаты изъ историковъ, заимствованныя изъ изданія Мюллера, не отличаются отъ прочихъ, помѣщенныхъ не въ „приложеніи“, ни по характеру своего содержанія, ни по важности: между ними есть и миѳологическія извѣстія, и историческія, и географическія, и этнографическія; нѣкоторыя изъ нихъ представляются весьма интересными и касающимися Кавказа гораздо ближе, чѣмъ многія изъ помѣщенныхъ не въ „приложеніи“. Наконецъ, можно предложить составителю и такой вопросъ: развѣ раньше онъ не помѣщалъ отрывковъ? развѣ сочиненія, напримѣръ, Гекатэя, Гелланика, Ктесія, Ефора, Ферекида, Ѳеопомпа, Мемнона и др. дошли до насъ въ цѣлости? и развѣ составитель не заимствовалъ отрывки нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей изъ того же изданія Мюллера? А если да, то чѣмъ же онъ руководствовался, помѣщая однѣ цитаты въ приложеніи, другія раньше его? Повторяемъ, что это „приложеніе“ кажется намъ необъяснимою странностью.

Взглянемъ теперь на трудъ г. Гана съ точки зрѣнія втораго главнаго требованія Овербека, требованія исправности. Прежде всего и въ наибольшей степени оно можетъ быть примѣнено къ самимъ переводамъ автора, особенно въ виду того, что вслѣдствіе отсутствія въ книгѣ подлинныхъ текстовъ читатель лишенъ возможности немедленно и безъ труда провѣрить каждую фразу, точность перевода которой покажется ему подозрительною. Къ сожалѣнію, на сколько мы можемъ судить по нѣсколькимъ сдѣланнымъ нами сличеніямъ, переводы г. Гана не могутъ быть признаны удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ даже не особенно строгой критики, какъ со стороны точности, такъ и со стороны литературной обработки: нерѣдко можно встрѣтить какъ отдѣльныя выраженія, такъ и цѣлыя фразы, невѣрно или не вполнѣ передающія мысль автора, ослабляющія ее или усиливающія; нерѣдко также переводы оказываются вялыми, слишкомъ блѣдными или многословными; послѣднему впечатлѣнію много способствуетъ то обстоятельство, что составитель иногда вставляетъ въ текстъ перевода цѣлыя фразы объяснительныя, соединительныя и т. п., которыхъ нѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ подлинника, не отмѣчая ихъ при этомъ скобками или другими знаками; вредитъ достоинству перевода и то, что иногда составитель вноситъ прямо въ текстъ переводъ греческихъ или римскихъ мѣръ и вѣсовъ на русскія. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, читать, напримѣръ, въ переводѣ изъ Діодора такого рода фразу (стр. 92): „Говорятъ, что каждая лоза даетъ тамъ [то есть, въ Гирканіи] большое количество вина (около 3 ведеръ), фиговое дерево приноситъ всегда не менѣе 10 четвериковъ плодовъ, и зерна хлѣба, падающіе [sic] на землю или остающіеся на землѣ послѣ жатвы, замѣняютъ посѣвъ и даютъ столь же обильную жатву, какъ и предыдущая“ [1]). Относительно перевода мѣръ и вѣсовъ, кстати сказать, замѣчается вообще большая непослѣдовательность: составитель то переводитъ ихъ на русскія прямо въ текстѣ, то ставитъ послѣднія рядомъ съ греческими или римскими въ скобкахъ, то выноситъ въ подстрочныя примѣчанія. Послѣдній способъ кажется намъ наиболѣе пригоднымъ изъ этихъ трехъ; но еще лучше было бы дать одинъ общій сравнительный указатель въ началѣ или въ

1) Вотъ соотвѣтствующій текстъ Діодора (XVII, 75, изд. Л. Диндорфа): τῶν μὲν γὰρ ἀμπέλων φασὶν ἑκάστην μετρητὴν φέρειν οἴνου, τῶν δὲ συκίνων δένδρων ἔνια καρποφορεῖν ἰσχάδων ξηρῶν μεδίμνους δέκα· τὸν δ' ἐν τῷ θερισμῷ παραλειφθέντα σῖτον ἐπὶ τὴν γῆν πεσόντα βλαστανειν ἄσπορον ὄντα καὶ πρὸς τὸ τέλος ἄγειν δαψιλῆ καρπόν. Предоставляя читателямъ самимъ судить о степени точности перевода г. Гана, замѣтимъ только, что метритъ немного больше 3-хъ ведеръ, а медимнъ почти вдвое больше четверика.

концѣ книги, а затѣмъ уже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удерживать тѣ названія, которыя стоятъ у автора. Въ подстрочныхъ же примѣчаніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ скобкахъ, должны бы быть поставлены и всѣ вышеупомянутыя объяснительныя или соединительныя фразы, что, впрочемъ, иногда составитель и дѣлаетъ [1]). Было бы очень долго и скучно подтверждать примѣрами наше мнѣніе относительно переводовъ г. Гана, тѣмъ болѣе, что такихъ примѣровъ на 211 страницахъ можно было бы набрать огромное количество и изъ нихъ трудно было бы выбрать нѣсколько наиболѣе рельефныхъ; однако, не желая подвергнуться со стороны читателей или самого составителя упреку въ голословности нашего отзыва, считаемъ не лишнимъ выбрать на удачу два-три образчика переводовъ г. Гана и сопоставить ихъ en regard съ подлинникомъ, отмѣчая при этомъ разрѣженнымъ шрифтомъ мѣста, переведенныя особенно неточно или неудачно и т. п. Чтобы не далеко ходить, беремъ нѣсколько цитатъ изъ Геродота на стр. 12 и слѣд.:

I, 104. Ἔστι δὲ ἀπὸ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος ἐπὶ Φᾶσιν ποταμὸν καὶ ἐς Κόλχους τριήκοντα ἡμερέων εὐζώνῳ ὁδός, ἐκ δὲ τῆς Κολχίδος οὐ πολλὸν ὑπερβῆναι ἐς τὴν Μηδικήν, ἀλλὰ ἓν τὸ διὰ μέσου ἔθνος αὐτῶν ἐστί, Σάσπειρες, τοῦτο δὲ παραμειβομένοισι εἶναι ἐν τῇ Μηδικῇ· οὐ μέντοι οἵ γε Σκύθαι ταύτῃ ἐσέβαλον, ἀλλὰ τὴν κατύπερθε ὁδὸν πολλῷ μακροτέρην ἐκτραπόμενοι, ἐν δεξιῇ ἔχοντες τὸ Καυκάσιον οὖρος· ἐνθαῦτα οἱ μὲν Μῆδοι συμβαλόντες τοῖσι Σκύθῃσι καὶ ἐσσωθέντες τῇ μάχῃ τῆς ἀρχῆς κατελύθησαν, οἱ δὲ Σκύθαι τὴν Ἀσίην πᾶσαν ἐπέσχον.

Считаютъ отъ Меотійскаго болота (Азовскаго моря) до Фазиса и Колховъ тридцать дней пути для проворнаго пѣшехода. Изъ Колхиды же до Мидіи небольшое разстояніе. Въ землѣ, которая ихъ раздѣляетъ, только одинъ народъ саспейры [2]); пройдя ихъ землю, сейчасъ будешь въ Мидіи. Скиѳы сдѣлали вторженіе не по этой дорогѣ, но, миновавъ ее, воспользовались другой, которая была гораздо дальше и лежала болѣе къ востоку, причемъ Кавказскія горы оставались у нихъ съ правой стороны. Мидяне, сражаясь съ скиѳами, потерпѣли пораженіе и вла-

1) Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что накопленіе такихъ скобокъ дѣйствуетъ непріятно на читателя, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ изъ комментаріевъ Евстаѳія къ Діонисію періегету на стр. 139: «Эвдоксъ (125 г. до Р. Хр.) утверждаетъ (у Стефана Византійскаго) въ своемъ соч. «Періодосъ» (то есть, «Поѣздка вокругъ земли»), что армяне — фригійскаго происхожденія» и т. д.

2) Здѣсь я опускаю греческія названія, поставленныя у г. Гана въ скобкахъ.

дычество ихъ было низвергнуто; скиѳы же овладѣли всей Греціей [1]).

I, 202. Ἡ δὲ Κασπίη θάλασσά ἐστι ἐπ' ἑωυτῆς, οὐ συμμίσγουσα τῇ ἑτέρῃ θαλάσσῃ· τὴν μὲν γὰρ Ἕλληνες ναυτίλλονται πᾶσαν, καὶ ἡ ἔξω στηλέων θάλασσα ἡ Ἀτλαντὶς καλεομένη καὶ ἡ Ἐρυθρὴ μία τυγχάνει ἐοῦσα.

Это море стоитъ само по себѣ и не имѣетъ сообщенія съ другими морями, между тѣмъ какъ тѣ, по которымъ плаваютъ Греки, такъ называемое Атлантическое [2]), за Геркулесовыми столбами, и Красное море [2]) имѣютъ сообщеніе и составляютъ одно цѣлое.

II, 104. Φαίνονται μὲν γὰρ ἐόντες οἱ Κόλχοι Αἰγύπτιοι· νώσας δὲ πρότερον αὐτὸς ἢ ἀκούσας ἄλλων λέγω· ὡς δέ μοι ἐν φροντίδι ἐγένετο, εἰρόμην ἀμφοτέρους, καὶ μᾶλλον οἱ Κόλχοι ἐμεμνέατο τῶν Αἰγυπτίων ἢ οἱ Αἰγύπτιοι τῶν Κόλχων· νομίζειν δ' ἔφασαν Αἰγύπτιοι τῆς Σεσώστριος στρατιῆς εἶναι τοὺς Κόλχους· αὐτὸς δ' εἰκάσα τῇδε, καὶ ὅτι μελάγχροές εἰσι καὶ οὐλότριχες· καὶ τοῦτο μὲν ἐς οὐδὲν ἀνήκει· εἰσὶ γὰρ καὶ ἄλλοι τοιοῦτοι· ἀλλὰ τοισίδε καὶ μᾶλλον, ὅτι μοῦνοι πάντων ἀνθρώπων Κόλχοι καὶ Αἰγύπτιοι καὶ Αἰθίοπες περιτάμνονται ἀπ' ἀρχῆς τὰ αἰδοῖα.

Жители Колхиды, кажется, — египтяне. Я здѣсь высказываю свое собственное мнѣніе,—не то, что я отъ другихъ слышалъ. И такъ какъ это мнѣ пришло въ голову, то я наводилъ справки у тѣхъ и другихъ. Жители Колхиды сохранили больше воспоминаній о египтянахъ, чѣмъ послѣдніе о первыхъ. Египтяне говорятъ, что, по ихъ мнѣнію, жители Колхиды—остатки войска Сезостриса. Свое мнѣніе я составилъ на томъ основаніи, что у колховъ темный цвѣтъ кожи и волоса курчавые; хотя эта причина имѣетъ мало значенія, такъ какъ есть и другіе народы, схожіе между собою въ этихъ двухъ отношеніяхъ, но я утвердилъ свое мнѣніе на болѣе важномъ фактѣ: колхи, египтяне и ѳіопы—единственные народы, которые постоянно придерживаются обряда обрѣзанія.

IV, 12. Καὶ νῦν ἔστι μὲν ἐν τῇ

Существуютъ до сихъ поръ еще въ

1) Эта опечатка или описка составителемъ не исправлена.
2) См. стр. 348, прим. 2.

Σκυθικῆ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμήια Κιμμέρια, ἔστι δὲ καὶ χώρη οὔνομα Κιμμερίη, ἔστι δὲ Βόσπορος Κιμμέριος καλεόμενος.

Скиѳіи Киммерійскія стѣны и Киммерійскій городъ Пороѳеіа, страна Киммерія и проливъ, называемый Киммерійскимъ [1]).

Но довольно. Уже изъ этихъ выдержекъ очевидно, что многорѣчіемъ г. Ганъ перещеголялъ самого отца исторіи, но что точность перевода отъ этого не выиграла. Врядъ-ли удачнѣе, вообще говоря, справляется онъ и съ другими авторами, но указать здѣсь всѣ мѣста. которыя показались намъ переведенными неточно, понятное дѣло, нѣтъ никакой возможности. Попадаются также, хотя изрѣдка, фразы, обличающія не русское происхожденіе переводчика.

Далѣе необходимо замѣтить, что при провѣркѣ цитатъ намъ неоднократно попадались указанія (на книги, главы и т. п.) или неполныя, или не вполнѣ точныя и такимъ образомъ затрудняющія возможность немедленной провѣрки перевода автора. Доказательствъ приводить, полагаемъ, не нужно; одно, впрочемъ, уже отмѣчено нами выше, именно полное отсутствіе указанія, изъ какой рѣчи Демосѳена заимствована тирада на стр. 26. Еще одну странность отмѣтимъ на стр. 172; здѣсь приведены изъ Юстина два отрывка, изъ которыхъ первый, обозначенный цифрами „24, 2“, оканчивается словами „привѣтствовали солдатъ Помпея, какъ братьевъ“, и затѣмъ съ красной строки начинается другой, предъ которымъ поставлены цифры „42, 3...“. Цифры эти, конечно, всякій пойметъ такъ, что первый отрывокъ взятъ изъ 2-й главы 24-й книги, а второй — изъ 3-й главы 42-й книги, и притомъ не съ начала главы, а послѣ пропуска нѣсколькихъ словъ или фразъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что оба отрывка заимствованы изъ 2-й и 3-й главъ 42-й книги и составляютъ одно цѣлое, такъ какъ между ними не пропущено ни одного слова, ни одной буквы. Зачѣмъ составителю понадобилось вводить такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ читателей, рѣшительно не понимаемъ.

Кстати относительно пропусковъ. Намъ не одинъ разъ приходилось констатировать, что г. Ганъ ставитъ въ своемъ переводѣ многоточія, обозначающія пропуски, тамъ, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и на оборотъ, не отмѣчаетъ иногда

1) Ниже на той же стр. 16 г. Ганъ еще называетъ Βόσπορος Κιμμέριος «Киммерійскимъ проливомъ», а въ другихъ мѣстахъ вездѣ «Киммерійскимъ Босфоромъ» [sic]. Спрашивается, на чемъ основывается эта разница?

дѣйствительно сдѣланные пропуски. При сличеніи переводовъ съ подлинниками эти неточныя обозначенія, конечно, сразу обнаруживаются, но читателю, не желающему тратить время на сличенія, могутъ дать невѣрное понятіе о связи и послѣдовательности разсказа того или другого автора. И здѣсь ограничимся для краткости двумя-тремя примѣрами. На стр. 14 въ переводѣ изъ Геродота I, 104 читаемъ между прочимъ: . . .„Киръ хотѣлъ отправиться въ походъ. Киръ подступилъ къ Араксу“ и т. д. Здѣсь послѣ слова „походъ“ пропущено 10 строкъ и слѣдующая фраза взята уже изъ главы 105-й. На стр. 15 не отмѣченъ пропускъ 12 строкъ въ концѣ 104-й гл. II кн. Геродота. Наоборотъ въ переводѣ изъ III, 97 на стр. 16 вверху поставлено многоточіе тамъ, гдѣ въ переводѣ не пропущено ни одного слова, точно также на стр. 28 въ переводѣ изъ Ксен. Анаб. IV, 3, 1, на стр. 33—въ переводѣ изъ Анаб. IV, 7, 14 и т. д.; такихъ случаевъ можно было бы указать не одинъ десятокъ.

Обращаемся къ русской транскрипціи греческихъ и латинскихъ собственныхъ именъ и другихъ словъ. Она составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ русской историко-филологической литературы, и о необходимости введенія болѣе однообразной и раціональной транскрипціи нерѣдко раздаются въ ней голоса. Немного есть такихъ именъ, которыя пользуются, такъ сказать, полнымъ правомъ гражданства въ той или другой транскрипціи, хотя иногда и неправильной; большинство же именъ менѣе извѣстныхъ или рѣже встрѣчающихся пишетъ всякій по своему. Здѣсь не мѣсто, конечно, разсуждать о преимуществахъ той или другой транскрипціи [1]); но во всякомъ отдѣльномъ сочиненіи, какого бы способа передачи именъ ни придерживался его авторъ, однообразіе и послѣдовательность въ этомъ отношеніи являются настоятельно необходимыми; въ такихъ трудахъ, гдѣ приходится придавать русскую форму многимъ именамъ и греческимъ и латинскимъ, наиболѣе удобнымъ способомъ соблюсти необходимую послѣдовательность представляется намъ транскрипція латинской, а не греческой формы именъ [2]). Однако самая мысль о соблюденіи послѣдовательности транскрипціи, какъ кажется, и въ голову не приходила г. Гану, и слѣдствіемъ этого явилась удивительная пестрота въ формахъ собственныхъ именъ.

---

1) Ср. объ этомъ замѣчанія И. В. Помяловскаго въ рецензіи русскихъ переводовъ словаря Любкера въ *Журн. М. Н. Пр.*, мартъ 1884, стр. 133.

2) Въ этихъ видахъ самъ рецензентъ отступилъ на этотъ разъ отъ транскрипціи по Рейхлину, которой онъ обыкновенно придерживается.

Передача ихъ на русскій языкъ, очевидно, сильно затрудняла его, и поэтому онъ въ большинствѣ случаевъ при русской формѣ имени ставилъ и греческую или латинскую, но именно эти-то сопоставленія очень наглядно изобличаютъ отсутствіе у составителя опредѣленныхъ воззрѣній относительно передачи по русски тѣхъ или другихъ звуковъ. Такъ, напримѣръ, греч. ϑ составитель въ большинствѣ случаевъ передастъ чрезъ *ѳ* (иногда и лат. th, напримѣръ, Ѳаллы, Сеѳеріесъ и пр. изъ Плинія на стр. 105), но нерѣдко также и чрезъ *т* (напримѣръ, Техесъ = Θήχης, Тезей, Тимоситей, Прометей, антропофаги, фтирофаги и пр.) и даже чрезъ *ф* (Фракія, фракійцы въ указателѣ). Греч. κ передается иногда чрезъ *ц* (напримѣръ, Цирцея, Буцефалъ и др.; это конечно, можно объяснить желаніемъ составителя сохранить обычную у насъ неправильную транскрипцію этихъ именъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же составитель на стр. 52 удержалъ „Кирку"?) и даже чрезъ *з* (напримѣръ, Фарназесъ стр. 61, Фарназея стр. 103; это уже врядъ ли можно чѣмъ-нибудь извинить). Звукъ σ или s между двумя гласными передается то чрезъ *с*, то чрезъ *з* совершенно безразлично, даже въ однихъ и тѣхъ же именахъ; напримѣръ, Казій на стр. 109 и Кесій (та же рѣка) на стр. 169, Комисена и Сакасена на стр. 78, но тамъ же Камбизена и вообще имена странъ на -σηνή передаются то въ формѣ -зена, то -сена, то, наконецъ, -зене или -сене. Буквы *е* и *э* употребляются безразлично, иной разъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, напримѣръ, Эврисѳей на стр. 87, 91 и др. и Еврисѳей на стр. 206 (издатель счелъ нужнымъ поставить объ формы даже въ указателѣ!). Относительно передачи дифтонговъ господствуетъ, смѣемъ сказать, полнѣйшій произволъ. Напримѣръ, αι обыкновенно передается чрезъ *е* или *э* безразлично (лакедемоняне, ахеи, Эгиніосъ, Кесій и мн. др.), но также и чрезъ *ай* (Айэтъ, Аіа, Телайба, Палайфатъ и др.); дифтонгъ ει обыкновенно = *ей* (бехейры, Одейніосъ, саспейры), но иногда = *е* (Стаменея, Энанѳся и т. под.); для передачи дифтонга οι обыкновенно употребляется *е* или *э* (моссинэки, Энанѳся и т. под.), однако иногда и *ой* (Хойрадесъ, Бойбеисъ и др.); лат. *ое* обыкновенно передается, конечно, чрезъ *е*, но на стр. 105 встрѣчается удивительная форма Круное = Cruпoe; неудобство одинаковой передачи дифтонговъ αι и οι особенно рельефно выразилось въ формѣ хамекеты = Χαμαικοῖται (стр. 76). Неменьшій произволъ замѣчается и въ передачѣ греческихъ и латинскихъ окончаній. Такъ, имена женскаго рода на -η или лат. -е являются то съ окончаніемъ -*а*, то съ -*е*, иногда даже одни и тѣ же (напримѣръ Колика на стр. 11 и Колике на стр. 104

и 202); въ именахъ на -ας и -ης окончаніе то отбрасывается, то удерживается (Гибристъ, Фарасманъ, Радамистъ, Мадій = Μαδύης, Камбизъ и др., но рядомъ Фарнавасъ, Техесъ, Сеѳеріесъ и др.; одни и тѣже имена и здѣсь встрѣчаются въ обѣихъ формахъ, напримѣръ, Генетесъ на стр. 12 и Генетъ на стр. 82), равно какъ и окончанія -ος, -ον и лат. -us, -um. Сохраненіе этихъ окончаній вообще не свойственно нашему языку; но особенно непріятно рѣжутъ ухо эти *асы, есы* и *усы* тамъ, гдѣ стоятъ рядомъ въ значительномъ количествѣ; маленькій образчикъ беру на стр. 102: „Въ началѣ онъ [то есть, Тавръ] называется Имаусъ, потомъ Эмодусъ, Перопамизусъ, Цирцій, Хамбадесъ, Паріадресъ, Хоатрасъ, Оргесъ, Ороандесъ, Нифатесъ, Тавръ, а тамъ, гдѣ онъ имѣетъ наибольшую высоту, называется Кавказомъ“. Имена на -ίς, -ίδος и -άς, -άδος г. Ганъ обыкновенно транскрибируетъ въ формѣ греческаго именительнаго надежа (Гимніасъ, Бойбесъ, Бехейріасъ и т. под.) вмѣсто употребительныхъ формъ съ окончаніями -ида или -ада, но иногда придаетъ имъ окончаніе -ія (напримѣръ Діоскурія вмѣсто Діоскуріада, Διοσκουριάς). Изъ трехъ именъ на -οῦς, -οῦντος, чаще всего встрѣчающихся въ книгѣ, каждое передается въ особой формѣ: Трапезо*ндъ*, Керасу*нтъ* и Питі*усъ* (на ср. 105 даже Пити*й*!); для четвертаго имени явилась и четвертая форма: Анѳемо*нтъ* на стр. 105. Смѣемъ думать, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ убѣдиться въ удивительномъ разнообразіи транскрипціи и въ томъ, что составитель не придерживался никакихъ общихъ правилъ, а писалъ каждое отдѣльное названіе, не давая себѣ труда справляться, въ какой формѣ было имъ написано раньше то же самое или одинаково склоняющееся имя; удивительно только, какъ его самого не поразило это разнообразіе при окончательномъ приготовленіи переводовъ къ печати. Чтобы покончить съ транскрипціей, замѣтимъ еще, что нѣкоторыя, чисто нарицательныя, названія народовъ и мѣстностей, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы прямо переводить на русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что греческія ихъ формы обыкновенно поставлены составителемъ рядомъ въ скобкахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ объяснены самими авторами; такъ напримѣръ, макропогоновъ мы прямо назвали бы длиннобородыми, макрокефаловъ — длинноголовыми, ѳеирофаговъ — вшеѣдами, λῃστῶν ποταμός — Разбойничьей рѣкой и т. под.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, составитель прибавилъ русскій переводъ въ скобкахъ.

При имени каждаго писателя, изъ котораго приведены эксцерпты, г. Ганъ поставилъ въ скобкахъ данныя о времени его жизни. О необходимости этихъ

данныхъ для читателей-неспеціалистовъ нечего, конечно, и говорить, и остается только поблагодарить составителя, что онъ не упустилъ ихъ изъ виду. Но если внимательно всмотрѣться въ сообщаемыя г. Ганомъ хронологическія данныя, то онѣ далеко не вездѣ окажутся свободными отъ недостатковъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что если при имени лица стоятъ безъ всякихъ поясненій двѣ цифры, соединенныя посредствомъ тире, то ихъ обыкновенно принимаютъ за годы рожденія и смерти этого лица (врядъ ли нужно прибавлять оговорку о значеніи такихъ цифръ при именахъ царственныхъ особъ), а одну — за приблизительное обозначеніе времени наибольшаго развитія его дѣятельности или таланта, то есть, того, что по латыни обозначается глаголомъ „floruit“; но къ цифрамъ, поставленнымъ въ книгѣ г. Гана, такое толкованіе не вездѣ приложимо; такъ, напримѣръ, объяснять такимъ образомъ цифры 630—600, стоящія при имени Мимнерма, не возможно въ виду серьезныхъ данныхъ въ пользу того, что онъ дожилъ до старости [1]); нельзя также полагать, что Гекатэй Милетскій „floruit“ около 550 г., такъ какъ изъ Геродота извѣстно, что онъ жилъ еще во время возстанія малоазіатскихъ грековъ [2]). Показанія г. Гана о времени жизни многихъ писателей, особенно болѣе древнихъ, отличаются большою (кажущеюся) точностью, которая однако всякому читателю, мало-мальски знакомому съ исторіей греческой и латинской литературы, сразу же кажется подозрительною; напримѣръ, какъ только раскроешь книгу, невольно рождается вопросъ, откуда г. Ганъ могъ узнать *навѣрное*, что Гомеръ жилъ за 900, а Гезіодъ — за 800 л. до Р. Х.? А у г. Гана именно такъ и поставлено: „Гомеръ (900 г. до Р. Х.)“. — „Гезіодъ (800 г. до Р. Х.)“. Если же прибавить еще, что нѣкоторыя изъ quasi-точныхъ цифръ г. Гана при первомъ же взглядѣ оказались невѣрными, то этимъ вполнѣ объяснится родившееся въ насъ желаніе навести кое-какія справки съ цѣлью опредѣлить по возможности источники свѣдѣній составителя о времени жизни древнихъ писателей. Долго разыскивать не пришлось: во многихъ случаяхъ оказалось возможнымъ положительно констатировать, въ другихъ — предположить съ большею или меньшею степенью вѣроятности, что этимъ источникомъ былъ извѣстный реальный словарь Любкера, но что при этомъ вина въ неточности показаній падаетъ не на это почтенное пособіе, а на оригинальный способъ пере-

1) См. напримѣръ Bergk, Griech. Litteraturgeschichte, II, стр. 258 сл.
2) Герод. V, 36 и 125.

дачи г. Ганомъ почерпнутыхъ изъ него свѣдѣній: г. Ганъ нерѣдко просто отбрасывалъ слова „um“, „etwa“ или „wahrscheinlich“, поставленныя у Любкера для обозначенія того, что время жизни того или другаго писателя можетъ быть опредѣлено только приблизительно, и такимъ образомъ сообщалъ своимъ читателямъ яко бы вполнѣ опредѣленные годы рожденія, смерти или времени литературной дѣятельности авторовъ. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутое показаніе о времени жизни Мимнерма основано, мнѣ кажется, на фразѣ Любкера „zwischen Ol. 37—45 (630—600 v. Chr.) blühend“, а о жизни Гекатэя — на показаніи „geb[oren] wahrscheinlich 549“. Для вящей наглядности приведемъ еще нѣсколько сопоставленій:

Г. Ганъ:	Любкеръ:
Эфоръ (405—330 г. до Р. Х.)	„etwa zwischen 405 u. 330 v. Chr.“
Ѳеопомпъ (род. въ 380 г. до Р. Х.)	„geb. um 380 v. Chr.“
Плутархъ (50—120 г. по Р. Х.)	„Er war geb. in der Mitte des 1 Jahrh. n. Chr.—Er starb... um 120 n. Chr.“
Свѣтоній (75—160 г. по Р. Х.)	„zur Zeit des Dom., Trajan und Hadr. (etwa von 75—160 n. Chr.)“
Гераклидъ Понтійскій (въ 340 г. до Р. Х.)	„blühte um 340 v. Chr.“
Метродоръ Скепсій (жилъ въ 140 г. до Р. Х.)	„Er lebte um 140 v. Chr.“

Количество такихъ совпаденій, которыя врядъ ли могутъ быть чисто случайными, довольно велико въ книгѣ г. Гана; но мы отмѣтимъ еще только одно, которое можетъ быть причислено прямо къ курьезамъ: на стр. 10 стоитъ: „Скилаксъ Каріанденскій (521—485 г. до Р. Хр.)“; мы, понятно, не могли не заинтересоваться вопросомъ, откуда г. Ганъ узналъ съ такою точностью годы рожденія и смерти Скилакса[1]), и почему данныя имъ цифры вполнѣ совпадаютъ съ годами начала и конца царствованія Дарія I? Раскрывъ Любкера, мы сразу нашли готовые отвѣты на эти вопросы въ слѣдующей фразѣ: „Skylax... einer der Seefahrer, welche Dareios Hystaspis (521—485 v. Chr.) ausschickte...“

Нѣкоторыя хронологическія данныя, впрочемъ, заимствованы г. Ганомъ и

1) Г. Ганъ, замѣтимъ кстати, ни слова не говоритъ о томъ, что принадлежность Скилаксу сохранившагося перипла болѣе чѣмъ сомнительна.

не изъ Любкера, и объ этомъ иногда приходится только пожалѣть, такъ какъ пользуясь имъ, г. Ганъ не сдѣлалъ бы тѣхъ серьезныхъ промаховъ, которые теперь замѣчаются въ его книгѣ. Мы не будемъ больше говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ годы рожденія или смерти писателей показаны съ ошибкою на нѣсколько лѣтъ или даны, какъ достовѣрно извѣстные, когда они на самомъ дѣлѣ неизвѣстны (такія мелкія, сравнительно, погрѣшности есть въ показаніяхъ относительно Геродота, Гелланика, Лисія, Полибія, Ливія, Проперція, Помпонія Мелы, Плинія, Тацита и мн. др.), и отмѣтимъ только болѣе важные промахи. Первое мѣсто между ними занимаетъ грубая ошибка относительно Демосѳена: время жизни знаменитаго оратора опредѣлено годами 450—413, то есть, безъ малаго на 100 лѣтъ раньше дѣйствительнаго! Второй важный промахъ касается Сенеки, автора трагедій; по показанію г. Гана, онъ жилъ отъ 54 г. до Р. Хр. по 39 г. послѣ Р. Хр., тогда какъ извѣстно изъ Tac. Ann. XIV, 56, что онъ погибъ въ 65 г. вслѣдствіе обвиненія въ заговорѣ противъ Нерона. Справка въ Любкерѣ опять объясняетъ дѣло: подъ сл. Seneca въ самомъ началѣ дѣйствительно сказано, что Сенека-риторъ жилъ „etwa zwischen 54 v. Chr. bis 39 n. Chr.“, а г. Ганъ не потрудился прочитать этой статьи до конца и потому не узналъ, что трагедіи писалъ не этотъ Сенека, а сынъ его, знаменитый философъ. Далѣе, Павсаній, по показанію г. Гана, также жилъ чуть ли не сотнею лѣтъ раньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ („70 г. по Р. Хр.“), а scriptores historiae Augustae — въ тотъ самый періодъ времени, который описанъ въ ихъ трудахъ; вѣдь во всякомъ случаѣ его обозначеніе „писатели исторіи Римскихъ императоровъ, 117—284 г. по Р. Х.“, гораздо скорѣе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что въ указанный промежутокъ времени жили эти писатели, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ другихъ случаяхъ хронологическія данныя у г. Гана относятся исключительно къ жизни писателей, а не къ тому періоду времени, который описывается въ трудахъ того или другаго изъ нихъ. Наконецъ, укажемъ еще на невѣрное обозначеніе времени жизни Александра Полигистора, „около 160 г. до Р. Х.“ Странно, что составитель, заимствуя отрывки этого писателя изъ III-го тома Fr. hist. Gr. Мюллера, не обратилъ вниманія на предпосланную отрывкамъ біографическую замѣтку, изъ которой могъ бы познакомиться съ противорѣчащими его опредѣленію показаніями Свиды, Сервія и Светонія, а въ заключеніи прочелъ бы слѣдующее résumé самого Мюллера: „Secundum haec Alexander libertus Romae floruerit inter an. 82—60. Quando natus, quando captus, quando mortuus sit, in medio debet relinqui“.

Еще замѣтимъ, что читатели-неспеціалисты, для которыхъ г. Ганъ главнымъ образомъ предназначалъ свой трудъ, безъ сомнѣнія, были бы очень рады видѣть въ немъ хотя коротенькія объяснительныя примѣчанія, которыя позволили бы имъ оріентироваться въ массѣ мелкихъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ подробностей, сообщаемыхъ авторами. Прибавленныя кое-гдѣ составителемъ объяснительныя фразы оказываются далеко недостаточными. Карта кавказскихъ земель также, повторяемъ, кажется намъ необходимою принадлежностью подобнаго изданія.

Въ заключеніе скажемъ еще разъ, что нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ намѣренію г. Гана потрудиться для русской науки въ избранномъ имъ направленіи, но что первый плодъ его трудовъ не особенно удаченъ. Но такъ какъ всѣ промахи и недостатки разсмотрѣнной нами книги могутъ быть исправлены безъ особеннаго труда, то мы вполнѣ надѣемся, что при обработкѣ ея для слѣдующаго изданія г. Ганъ сумѣетъ придать ей тотъ видъ, въ которомъ она дѣйствительно можетъ сдѣлаться настольною книгою всѣхъ интересующихся исторіей, археологіей, географіей и этнографіей Кавказа и сослужить имъ немалую службу.

Керченская христіанская катакомба 491 года. Изслѣдованіе Юліана Кулаковскаго, ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра. (*Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею.* № 6). 29 стр. in f. съ 3-мя таблицами въ текстѣ и 4-мя въ приложеніи [1]).

Въ краткомъ предисловіи къ изслѣдованію, составляющему предметъ настоящей замѣтки, Ю. А. Кулаковскій знакомитъ читателя съ обстоятельствами, подавшими поводъ къ открытію памятника, который, безъ сомнѣнія, займетъ весьма видное мѣсто въ ряду источниковъ древне-христіанской археологіи. Весною 1890 года рабочіе, добывавшіе камень на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, повыше Татарской слободки, предмѣстья г. Керчи, случайно открыли катакомбу, стѣны которой были украшены фресками [2]). Въ виду возможности нахожденія другихъ подобныхъ катакомбъ по сосѣдству, Императорская Археологическая Коммиссія поручила г. Кулаковскому произвести изысканія въ прилегающей мѣстности. Эти изысканія, произведенныя въ концѣ іюля и началѣ августа того же года, не привели къ открытію того, чего непосредственно искалъ г. Кулаковскій, но за то вознаградили его открытіемъ памятника, представляющаго „первый и единственный пока примѣръ христіанской погребальной пещеры съ опредѣленной хронологической датой“.

Подробное описаніе этого замѣчательнаго памятника и „историческое освѣщеніе самаго факта его нахожденія въ Керчи“ раздѣлено на 2 главы, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на параграфы: первая на 5, вторая на 3. Первая

---

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1891, декабрь, отд. кр.-библіограф., стр. 393—405.

2) Краткое описаніе этой находки было помѣщено въ нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ въ маѣ 1890 г. Болѣе подробное описаніе представилъ Хр. П. Ящуржинскій въ *Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной коммиссіи*, № 10, 1890, стр. 111 сл.

глава, которую можно назвать археологическо-эпиграфическою, содержитъ въ себѣ: а) описаніе мѣста находки и вида пещеры (§ 1), б) подробное изслѣдованіе найденныхъ въ пещерѣ надписей со стороны ихъ содержанія, особенностей языка и палеографіи (§§ 2—4) и в) описаніе нарисованныхъ въ пещерѣ крестовъ. Вторая глава, по преимуществу историческая, содержитъ въ себѣ: сводъ данныхъ о погребеніи въ катакомбахъ и анализъ именъ лицъ, погребенныхъ во вновь открытой пещерѣ (§ 1), историческіе выводы о положеніи Воспора до Юстиніана и при этомъ императорѣ (§ 2), сводъ данныхъ о христіанствѣ на Воспорѣ и перечень извѣстныхъ до сихъ поръ христіанскихъ его памятниковъ (§ 3). Изъ числа 3 печатныхъ таблицъ въ текстѣ первая представляетъ схему распредѣленія надписей въ катакомбѣ, 2 и 3 — эпиграфическія копіи и транскрипціи двухъ важнѣйшихъ надписей, а изъ 4-хъ литографированныхъ таблицъ, данныхъ въ приложеніи, первая иллюстрируетъ изложеніе планомъ и двумя разрѣзами катакомбы, а остальныя содержатъ facsimile нѣкоторыхъ надписей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія изслѣдованія г. Кулаковскаго очевидно, что почтенный изслѣдователь вполнѣ внимательно и всесторонне изучилъ открытый имъ памятникъ и сдѣлалъ все нужное для того, чтобы дать читателю точное и наглядное представленіе о немъ. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ и на насъ, если мы, слѣдуя принятому изслѣдователемъ порядку изложенія, попытаемся дать краткій сводъ результатовъ его изслѣдованія, которое далеко не у всѣхъ будетъ подъ руками.

Катакомба открыта 4-го августа 1890 года на усадьбѣ керченскаго жителя г. Коробки, находящейся на Госпитальной улицѣ, въ 20 саж. вверхъ отъ угла Нагорной улицы, на правой сторонѣ подъема. По своимъ размѣрамъ и устройству она ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ обычнаго въ Керчи типа этого рода сооруженій, которыхъ въ разное время съ конца 50-хъ годовъ до начала 80-хъ открыто около двухсотъ. Она выкопана въ глинистомъ материкѣ, такъ что полъ ея приходится на 4 сажени ниже теперешняго уровня улицы. Стѣны обдѣланы небрежно, или, быть можетъ, обдѣлка ихъ не закончена, углы измѣрены не точно, такъ что прямыхъ между ними почти нѣтъ. Вышина и ширина пещеры постепенно увеличиваются по направленію отъ входа: ширина у входа 2 арш. и 5 вершковъ, а въ задней части—3 арш. 6 в., вышина у входа 2 арш. 4 в., въ задней части—2 арш. 8 вершковъ. Въ трехъ стѣнахъ пещеры, во всю длину ихъ, углублены большія четырехугольныя ниши, вышиною около одного

аршина, но разной ширины и глубины; потолокъ центральной части пещеры приблизительно на $1\frac{1}{2}$ вершка выше потолка нишъ, такъ что надъ нишами образуются какъ бы карнизы, изъ коихъ одинъ, именно находившійся надъ средней нишей, обвалился. Входъ пробитъ съ сѣверной стороны не ровно посрединѣ передней стѣны, а нѣсколько ближе къ правому углу (для стоящаго внутри лицомъ ко входу). Онъ былъ закрытъ большимъ четырехугольнымъ камнемъ той породы, которую въ Керчи зовутъ „дикаремъ“. Спускъ къ нему имѣлъ видъ отлогаго корридора со ступеньками; этотъ корридоръ остался невскрытымъ, потому что онъ идетъ вдоль всей усадьбы г. Коробки, черезъ весь его дворъ. Катакомба была вскрыта путемъ очищенія колодца, который былъ пробитъ до глубины входа по отвѣсу при самомъ ея устройствѣ. Она оказалась разоренною въ давнее время, но на стѣнахъ ея хорошо сохранились многочисленныя надписи, которыя и придаютъ вновь открытому памятнику высокую цѣну и значеніе.

Надписи эти *написаны* (не вырѣзаны) на глинѣ темнокрасной краской. Ихъ рядъ начинается на центральной стѣнѣ лѣвой (для входящаго) ниши и оканчивается надъ входной дверью. Всѣхъ площадей, покрытыхъ надписями, девять; кромѣ того, имѣются однострочныя надписи на трехъ вышеупомянутыхъ карнизахъ. Всѣхъ надписей, по счету г. Кулаковскаго, 13 номеровъ; но это число значительно сократится, если считать за одно: 1) текстъ псалма 90, написанный въ шести отдѣльныхъ мѣстахъ (№№ 3—5 и 7—9 по счету г. Кулаковскаго), и 2) два стиха псалма 26, написанные въ двухъ мѣстахъ (№№ 11 и 12). Такимъ образомъ, число отдѣльныхъ текстовъ сводится къ *семи*, которые мы и разсмотримъ по порядку.

1) На центральной стѣнѣ лѣвой ниши, вправо отъ изображенія креста съ подвѣшенными къ перекладинѣ буквами A и ω, написана хронологическая дата: ἐν τῷ ηπψ΄ ἔτ[ε]ι, то есть, въ 788 году воспорской эры (мы вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ считаемъ несомнѣннымъ, что данъ годъ именно этой эры), соотвѣтствующемъ 491 году по Р. Хр. Такимъ образомъ, мы узнаемъ годъ устройства пещеры или погребенія въ ней двухъ христіанъ, имена которыхъ даны въ другой надписи. По мнѣнію г. Кулаковскаго, оба эти предположенія имѣютъ одинаковую вѣроятность, но намъ второе представляется нѣсколько болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ первое. Пещера могла быть выкопана за нѣсколько (даже за много) лѣтъ до смерти по приказанію христіанина, помнившаго о своемъ смертномъ часѣ и могшаго заранѣе позаботиться о мѣстѣ послѣдняго упокоенія (могла быть

куплена и готовой): такъ и въ наше время нѣкоторые заранѣе покупаютъ для себя мѣста на кладбищахъ или устраиваютъ склепы; но убранство пещеры надписями, приличествующими мѣсту христіанскаго упокоенія, вѣроятнѣе относится ко времени смерти владѣльцевъ, какъ исполненіе ихъ послѣдней воли или желанія ихъ родственниковъ. Обращаясь опять къ нашему времени, можно сравнить эти надписи съ надписями на нашихъ надгробныхъ памятникахъ, которыя дѣлаются вѣдь не заживо, а послѣ смерти. Еслибы надписи были сдѣланы заживо, то можно было бы ожидать спеціальнаго упоминанія объ этомъ, часто встрѣчающагося въ надгробныхъ надписяхъ римскихъ и раннихъ христіанскихъ временъ: ὁ δεῖνα ἑαυτῷ ἐποίησε ζῶν.

2) На правой стѣнѣ той же ниши вокругъ креста съ нарисованными подъ перекладиной буквами A и ω написанъ слѣдующій текстъ: Χαρὰ μεγάλη γέ[ν]γονεν τῷ οἴκῳ τού|τῳ σήμερον τῶν ἁγίω(ν) πα|ραγενομένων, τῶν δικ(αί)ων συναλ(λ)ομέ|νων καὶ τῶν πάντω|(ν) ὑμνού(ν)τω(ν) Σε· ἐλέ(η)σ(ον). Текстъ этотъ, очевидно, представляетъ собою молитву, или (по сужденію спеціалистовъ по литургикѣ, къ которымъ авторъ обращался за помощью) стихиру, которой, однако, нѣтъ въ нашихъ требникахъ. Содержа въ себѣ прославленіе христіанской смерти, она легко могла входить въ составъ древне-христіанскаго чина погребенія, но впослѣдствіи утратиться изъ него. На стр. 12 г. Кулаковскій, обратившись къ содержанію текстовъ, приводитъ нѣсколько аналогій этой стихирѣ и подробно разсматриваетъ ея идею и ритмическое построеніе. Относительно послѣдняго замѣтимъ, что 5-й стихъ по раздѣленію автора представляетъ собою ямбическую диподію, подобно первымъ двумъ, но разнится отъ нихъ мѣстами удареній. Изслѣдователь представляетъ и переводъ этой стихиры на славянскій языкъ: „Радость велія бысть дому сему днесь, прибывшимъ святымъ, соликующимъ праведнымъ и всѣмъ воспѣвающимъ Тя: помилуй“ [1]).

3) На всѣхъ трехъ стѣнахъ центральной ниши, украшенныхъ посрединѣ изображеніями крестовъ, и на трехъ стѣнахъ правой ниши, гдѣ изображеніе креста дано только на лѣвой стѣнѣ, написанъ *полный текстъ* псалма 90 („Живый въ помощи Вышняго“...). Помѣщеніе этого псалма въ погребальной пещерѣ почтен-

1) Вмѣсто «прибывшимъ» мы предложили бы поставить «пришедшимъ», такъ какъ глаголъ παραγίγνεσθαι по-славянски переводится глаголомъ «приходити». Вотъ нѣсколько случайно отмѣченныхъ примѣровъ: Матѳ. 2, 1; 3, 1 и 13; Дѣянія Ап. 9, 39; 10, 32 и 33; 11, 23; 13, 14 и пр.

ный изслѣдователь совершенно справедливо объясняетъ его значеніемъ въ чинѣ погребенія: съ него начинается отпѣваніе. Принимая во вниманіе время, къ которому относится его написаніе въ Керченской катакомбѣ, нельзя не признать за нимъ весьма важнаго значенія для провѣрки существующаго текста псалма. И нужно замѣтить, что за исключеніемъ нѣсколькихъ очевидныхъ погрѣшностей писавшаго (въ одномъ мѣстѣ пропущено καί, въ другомъ — σέ, въ третьемъ — αὐτόν, еще въ одномъ это же мѣстоименіе поставлено въ дательномъ падежѣ вмѣсто винительнаго) текстъ 491 года оказывается совершенно тожественнымъ съ существующимъ, за исключеніемъ стиха 2, который читается такъ: Ἐρεῖ τῷ Κυρίῳ, ἀντιλή(μ)πτωρ μου εἶ καὶ καταφυγή μου ὁ Θεός μου, βοηθός μου καὶ ἐλπιῶ ἐπ' αὐτόν. Въ существующемъ текстѣ слова βοηθός μου пропущены. Эту прибавку г. Кулаковскій весьма склоненъ признать „погрѣшностью“ писавшаго; но намъ кажется, что въ вопросѣ о происхожденіи этой прибавки слѣдовало бы быть болѣе осторожнымъ: прибавка эта такъ хорошо подходитъ къ смыслу стиха, что мы предпочитаемъ считать эти слова входившими въ текстъ псалма въ одномъ изъ древнихъ списковъ псалтыри, нежели явившимися вслѣдствіе lapsus memoriae писавшаго [1]).

4) На правой половинѣ правой стѣны написано „Трисвятое“ съ весьма интересною особенностью: въ концѣ его вмѣсто словъ ἐλέησον ἡμᾶς поставлено ἐλέησον τὸν δοῦλόν Σου Σαυάγαν καὶ Φαεισπάρταν. Такое окончаніе „Трисвятаго“ въ извѣстныхъ доселѣ христіанскихъ надписяхъ не встрѣчалось; но нельзя не согласиться, что оно прекрасно подходитъ къ мѣсту, гдѣ была написана эта молитва: въ мѣстѣ послѣдняго упокоенія христіанъ естественно молиться о милости Божіей къ усопшимъ, тамъ почивающимъ, а не ко всѣмъ намъ. Имена Σαυάγας и Φαεισπάρτας, очевидно, принадлежали лицамъ, погребеннымъ въ катакомбѣ. Такимъ образомъ, въ этой надписи мы имѣемъ существенное добавленіе къ № 1 (или наоборотъ): одна надпись даетъ намъ имена лицъ, погребенныхъ въ катакомбѣ, другая — время погребенія. Для объясненія постановки единственнаго числа τὸν δοῦλόν Σου передъ двумя именами г. Кулаковскій выставляетъ два

1) Предположеніе о lapsus memoriae тѣмъ менѣе вѣроятно, что въ другихъ псалмахъ нѣтъ тожественныхъ выраженій, съ которыми писавшій могъ бы смѣшать текстъ псалма 90. Наиболѣе близко къ нему слѣдующее мѣсто пс. 118, 114—115: «Помощникъ мой и заступникъ мой еси Ты: на словеса твоя уповахъ». Другія параллельныя мѣста: Пс. 27, 7; 93, 22; 39, 18; 69, 6; 143, 2; Исх. 15, 2. Указаніемъ этихъ мѣстъ мы обязаны любезности о. законоучителя 3-й Казанской гимназіи, священника А. В. Молчанова.

предположенія, оба одинаково вѣроятныя. Что касается до текста „Трисвятаго", то онъ данъ въ употребительной доселѣ формѣ. Для объясненія факта написанія этой пѣсни въ катакомбѣ изслѣдователь припоминаетъ ея важное значеніе въ чинѣ погребенія.

5) Надъ входною дверью довольно небрежно написаны два послѣдніе стиха псалма 120, также безъ всякихъ варіантовъ сравнительно съ существующимъ текстомъ, если не считать орѳографическихъ ошибокъ, пропусковъ буквъ и другихъ слѣдовъ небрежности писавшаго. По справедливому замѣчанію почтеннаго изслѣдователя, помѣщеніе этихъ стиховъ надъ входною дверью „не нуждается въ другомъ изъясненіи, кромѣ указанія на самое мѣсто, гдѣ они написаны". Въ чинъ погребенія этотъ псаломъ не входитъ.

6) На карнизахъ надъ лѣвой и надъ правой нишами написаны двѣ первыя фразы псалма 26 (Κύριος φωτισμός μου καὶ σωτήρ μου, τίνα φοβηθ(ήσομαι); Κ(ύριο)ς ὑπερασπιστὴς τῆς ζωῆς μου, ἀπὸ τίνος δειλιάσω), имѣющія мѣсто въ качествѣ прокимена въ чинѣ крещенія, малаго освященія и освященія храма. Для помѣщенія въ катакомбѣ, замѣтимъ отъ себя, онѣ были выбраны, по всей вѣроятности, какъ прекрасное выраженіе твердаго христіанскаго упованія на милость Божію.

7) Карнизъ надъ центральной нишей почти весь отвалился, такъ что отъ надписи сохранились только крестикъ и одна буква въ началѣ и 6 буквъ въ концѣ, выведенныхъ на половину на потолкѣ, вслѣдствіе незначительной вышины карниза. Къ этимъ буквамъ авторъ съ большою вѣроятностью подобралъ начало псалма 101: Κ(ύριε εἰσάκουσον τῆς εὐ)χῆς μου.

Давъ коніи надписей, сопровождаемыя необходимыми замѣчаніями объ ихъ сохранности и особенностяхъ письма и славянскими переводами, г. Кулаковскій въ отдѣльномъ § предлагаетъ „общія замѣчанія о содержаніи текстовъ"; здѣсь послѣ общихъ указаній на значеніе псалтыри въ церковномъ обиходѣ и свидѣтельствъ о древне-христіанскомъ чинѣ погребенія подробно разсмотрѣна стихира „Χαρὰ μεγάλη" и указано значеніе прочихъ текстовъ, написанныхъ въ пещерѣ, въ чинѣ христіанскаго погребенія. Эти указанія уже сообщены нами выше, при каждомъ отдѣльномъ текстѣ. Слѣдующій § посвященъ „палеографическимъ замѣчаніямъ"; въ немъ авторъ подробно разсматриваетъ общій характеръ письма, особенности написанія отдѣльныхъ буквъ и всѣ случаи отступленія отъ правильной орѳографіи. Общіе выводы изъ этого разбора могутъ быть сдѣланы такіе: 1) письмо

въ катакомбѣ, такъ сказать, традиціонное, утвердившееся на Воспорѣ съ первыхъ вѣковъ по Р. Хр. и съ тѣхъ поръ, безъ сомнѣнія, передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе въ непрерывной преемственности. Хотя тексты *написаны* на глинѣ стѣнъ пещеры, но этотъ способъ изображенія буквъ мало отразился на общемъ характерѣ, который ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ буквъ надписей, *высѣченныхъ* на камнѣ; среди нихъ нѣтъ ни одного начертанія, для котораго нельзя было бы указать аналогіи въ лапидарныхъ воспорскихъ памятникахъ, собранныхъ мною во 2-мъ томѣ „Inscr. orae septentr. Ponti Euxini". 2) Невозможно, конечно, рѣшить, написаны ли всѣ тексты *на память*, или по спискамъ, бывшимъ предъ глазами писавшаго; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что писавшій не обращалъ вниманія на орѳографическую правильность или, вѣрнѣе сказать, не имѣлъ о ней понятія и писалъ каждое слово такъ, какъ произносилъ. Такимъ образомъ, написаніе текстовъ является весьма любопытнымъ свидѣтельствомъ о способѣ произношенія отдѣльныхъ звуковъ греческаго языка воспорскими греками въ концѣ V вѣка. Особенности написанія съ очевидностью доказываютъ, что произношеніе тогда было уже весьма близко къ современному греческому; такъ, напримѣръ, αι произносилось какъ ε, ει — какъ ι, ο и ω по количеству не различались; единственнымъ и весьма интереснымъ исключеніемъ является *произношеніе* η *какъ* ε, доказываемое написаніями δημονίου=δαιμονίου, φοβηθήσαι=φοβηθήση и ἐπιβήσαι=ἐπιβήση, μεσεμβρινοῦ вмѣсто μεσημβρινοῦ и наоборотъ νυκτηρινοῦ вмѣсто νυκτερινοῦ и т. п. [1]).

Слѣдующій § посвященъ подробному разсмотрѣнію изображеній креста, которыя въ числѣ 16 являются то въ видѣ самостоятельнаго украшенія, то въ началѣ или въ заключеніи надписей. Изъ особенностей этихъ изображеній отмѣтимъ слѣдующія. Во всѣхъ 8 случаяхъ, гдѣ крестъ имѣетъ значеніе самостоятельнаго украшенія, продольная его полоса значительно длиннѣе поперечной, всѣ четыре конца расширены и обрѣзъ ихъ имѣетъ видъ вогнутой линіи, а въ остальныхъ случаяхъ крестъ состоитъ изъ двухъ перпендикулярныхъ одна къ другой полосъ равной толщины. Четыре изъ тѣхъ изображеній, гдѣ крестъ имѣетъ самостоятельное значеніе, имѣютъ еще ту особенность, что подъ горизонтальной полосой креста, по обѣимъ сторонамъ вертикальной, помѣщены буквы A и ω,

1) Въ надгробной надписи изъ Партенита, относящейся къ 906 г. и изданной нами въ *Зап. Од. Общ.*, т. XIV, стр. 58 сл. [=Сборн. христ. надп. № 69], η и ι уже постоянно смѣшиваются, за исключеніемъ слова πονήσας, написаннаго чрезъ ε.

имѣвшія, какъ извѣстно, символическое значеніе; буквы эти представлены подвѣшенными къ кресту, A за верхушку, а ω за средину; такимъ образомъ въ формѣ послѣдней буквы является новый, широко распространенный христіанскій символъ — якорь. Два изъ этихъ крестовъ, кромѣ того, имѣютъ на верхнемъ концѣ съ правой стороны придатокъ, въ которомъ авторъ справедливо видитъ монограмму Христа, и такимъ образомъ являются cruces monogrammaticae. Тщательно разсматривая всѣ эти особенности изображеній крестовъ, почтенный изслѣдователь указываетъ время возникновенія каждой формы, ея распространенность и сохранившіеся до насъ аналогичные примѣры.

Вторая глава, какъ мы уже замѣтили, является по преимуществу историческою. Она посвящена разъясненію слѣдующихъ двухъ положеній, выставленныхъ авторомъ въ самомъ ея началѣ. „Нашъ памятникъ... является исключительнымъ въ своемъ родѣ свидѣтельствомъ, *во-первыхъ*, о томъ, что на Воспорѣ, послѣ прекращенія царства въ половинѣ IV вѣка, продолжало жить туземное населеніе, хранившее старую культуру, а *во-вторыхъ* — что это населеніе было христіанскимъ“. Для доказательства перваго положенія авторъ прежде всего сопоставляетъ скудныя [1]) данныя о времени погребенія въ катакомбахъ, которыхъ, какъ уже замѣчено, въ разное время открыто на Воспорѣ около 200, и изъ этого сопоставленія выводитъ, что этотъ типъ погребенія, вошедши въ употребленіе въ I в. по Р. Хр., продолжался непрерывно до V в. и даже позднѣе и былъ типомъ туземнымъ, такъ какъ устройство погребальныхъ пещеръ требовало, „помимо знакомства съ качествомъ и толщиной слоевъ почвы въ данной мѣстности, выработки довольно сложныхъ техническихъ приспособленій“; „отсюда—продолжаетъ г. Кулаковскій — мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: въ концѣ V в. сидѣло на Воспорѣ то самое населеніе, которое его занимало при воспорскихъ царяхъ, носившихъ династическое имя Тиберія Юлія“. Этотъ археологическій аргументъ подтверждается вышеуказаннымъ палеографическимъ, также свидѣтельствующимъ о непрерывности культурной жизни на Воспорѣ до конца V вѣка. Далѣе авторъ переходитъ къ анализу собственныхъ именъ Σαυάγας и Φαισπάρτας. Первое изъ нихъ уже встрѣчалось на Воспорѣ, для второго же нѣтъ даже болѣе или менѣе близкой аналогіи; но оба они, по отзыву нашихъ извѣстныхъ лингвистовъ, профессоровъ В. Ѳ. Миллера и Ѳ. Е. Корша, приводимому авторомъ, могутъ

1) Эти данныя сообщаютъ почти исключительно монеты, изрѣдка находимыя въ катакомбахъ.

быть объяснены изъ иранскихъ корней, подобно большинству воспорскихъ и танаидскихъ „варварскихъ“ именъ, и тѣмъ обличаютъ принадлежность погребенныхъ въ катакомбѣ христіанъ къ сарматской національности, которая, стало быть, продолжала существовать на Воспорѣ въ концѣ V вѣка.

Отлагая до конца замѣтки нѣсколько словъ, которыя намъ нужно сказать по поводу разбора имени Σαυάγας, мы здѣсь позволимъ себѣ замѣчаніе по поводу второго имени. По объясненію проф. В. Θ. Миллера, въ имени Φαεισπάρτας слѣдуетъ видѣть глагольный корень *бар*, сложенный съ предлогами *фа* и *іс*, а слѣдующее за корнемъ τ есть суффиксъ part. perf. pass. „Предложивъ такое объясненіе (продолжаетъ авторъ), проф. Миллеръ указываетъ затѣмъ на одно весьма, по его мнѣнію, существенное затрудненіе, состоящее въ томъ, что иранское имя такого образованія должно было бы идти по склоненію на ο, а не на α, какъ то, однако, оказывается въ данномъ случаѣ“. Вотъ по поводу этого-то „существеннаго затрудненія“ мы и хотимъ сказать, что, еслибы г. Миллеръ или г. Кулаковскій обратили вниманіе на воспорскія и танаидскія собственныя имена, собранныя въ указателяхъ ко 2-му тому нашего „сборника надписей“, то замѣтили бы въ воспорскомъ греческомъ говорѣ довольно явственную склонность къ замѣнѣ склоненія на ο въ личныхъ именахъ склоненіемъ на α. Такъ, напримѣръ, встрѣчается Δάδας и Δάδος, Εὐτύχης и Εὔτυχος, Ζωρθίνης и Ζωρθῖνος, Κοσσᾶς и Κοσσοῦς, Μόσχας (ср. нариц. μόσχος), Οὐάρας (ср. лат. Varus), Σαυάγας (въ надписи изъ катакомбы) и Σιαύακος (въ танаидскихъ надписяхъ №№ 427 и 447). На основаніи этихъ примѣровъ возможно допустить предположеніе, что и разсматриваемое имя первоначально употреблялось въ формѣ Φαείσπαρτος[1]).

Вышеприведенные историческіе выводы даютъ г. Кулаковскому право утверждать, что „прекращеніе династіи воспорскихъ царей въ первой половинѣ IV вѣка было лишь прекращеніемъ царства въ его старыхъ предѣлахъ, но не сопровождалось разрушеніемъ города и искорененіемъ стараго его населенія“, и далѣе, что „городъ Пантикапея пережилъ разрушеніе царства и не подвергался разгрому отъ гунновъ“. Одна недавно найденная надпись съ именемъ царя Диптуна (изданная нами во 2-мъ томѣ сборника подъ № 49[1]) позволяетъ даже „утверждать, что

---

1) [Изъ надписи на серебряной пластинкѣ, найденной близъ Керчи въ 1896 г., оказалось, что второе имя, имѣющее на пластинкѣ форму Φαισφάρτα, слѣдуетъ считать женскимъ. См. В. В. Шкорпила въ *Зап. Имп. Од. Общ.* т. 21 (1898), протокол. стр. 8; Е. М. Придика въ *Журн. М. Н. Пр.* 1899, декабрь, отд. кл. фил. стр. 122].

на Воспорѣ былъ возстановленъ тронъ древнихъ царей и возобновлена была фактически, а быть можетъ, фиктивно, старая династія". Подвергая эту надпись внимательному разсмотрѣнію, авторъ извлекаетъ изъ нея всѣ данныя, какія только можно извлечь для характеристики положенія Воспорскаго царства въ эпоху ея написанія, и, естественно, старается рѣшить вопросъ о времени ея происхожденія, который интересовалъ и насъ при первомъ изданіи документа. Выводъ г. Кулаковскаго, основанный на Прокоп. *De b. Pers.* I, 12, не вполнѣ согласенъ съ нашимъ: онъ относитъ надпись ко времени императора Юстина, тогда какъ мы, на основаніи другихъ свидѣтельствъ, предполагали, что она относится ко времени Юстиніана. При крайней скудости историческихъ данныхъ о положеніи Воспора за это время трудно рѣшить, на чьей сторонѣ правда; но во всякомъ случаѣ нельзя не быть благодарнымъ г. Кулаковскому за то, что онъ самостоятельно переизслѣдовалъ вопросъ о времени надписи Диптуна и тѣмъ придалъ большую прочность предположенію о томъ, что она относится къ VI вѣку.

Заключительный параграфъ изслѣдованія Ю. А. Кулаковскаго посвященъ изложенію сохранившихся свидѣтельствъ о возникновеніи и первыхъ судьбахъ христіанства на Воспорѣ и перечню дошедшихъ до насъ христіанскихъ воспорскихъ памятниковъ IV—VI вѣковъ. Отдавая полную справедливость тщательности, съ которою собраны эти свидѣтельства и указаны памятники, мы сдѣлаемъ здѣсь только добавленіе къ объясненію памятника, указаннаго подъ № 4 и представленнаго на стр. 30 въ копіи съ рисунка, даннаго первымъ его издателемъ, покойнымъ академикомъ Стефани[1]). Это — надгробная плита изъ известковаго камня съ изображеніемъ креста въ формѣ crux monogrammatica и двухстрочною надписью по обѣ стороны креста. Стефани совсѣмъ не разобралъ этой надписи; г. Кулаковскій совершенно правильно прочиталъ два первыя ея слова ἔνθα κατάκιτε (=κατάκειται), а въ дальнѣйшихъ буквахъ предположилъ имя почившаго. Плита эта хранится въ Московскомъ историческомъ музеѣ, гдѣ мы имѣли случай видѣть ее дважды (въ 1883 и 1891 гг.). На ней явственно читается: Ἔνθα κατ|άκιτε ἀδελφή. Слѣдуетъ ли послѣднее слово принимать за имя собственное, или нарицательное, рѣшить трудно; кромѣ этихъ словъ, на камнѣ ничего не было вырѣзано. Послѣдняя буква 2-й строки (H, вмѣсто которой на рисункѣ Стефани даны IE) ясно видна на камнѣ.

1) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1880 г., стр. 134 [=Сборн. христ. надп., № 88].

Закончивъ изложеніе содержанія интереснаго изслѣдованія г. Кулаковскаго, мы считаемъ себя вправѣ сказать кстати нѣсколько словъ pro domo nostra. Многоуважаемый изслѣдователь отнесся съ любезнымъ вниманіемъ къ нашему сборнику воспорскихъ надписей, который еще раньше почтилъ лестною рецензіей на страницахъ *Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія* (май 1891 г., стр. 171 сл.). Но, говоря о немъ въ изслѣдованіи, авторъ допустилъ двѣ маленькія неточности (или, быть можетъ, корректурные недосмотры), которыя могутъ ввести въ заблужденіе читателя и на которыхъ мы поэтому позволимъ себѣ остановиться. Обѣ онѣ относятся къ надписи Диптуна. На стр. 25, приступивъ къ ея разсмотрѣнію и давъ имя царя въ формѣ Δοιπτοῦνος, г. Кулаковскій въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: „Г. Латышевъ читаетъ это имя Διουπτούνης, но на камнѣ ясно разбирается иное начало слова“. Прочитавъ это примѣчаніе, всякій подумаетъ, что г. Кулаковскій первый разобралъ правильно имя, мною прочитанное совершенно ошибочно, такъ какъ между Δοιπτοῦνος и Διουπτούνης разница большая. Но стоитъ заглянуть на стр. 293 втораго тома сборника, гдѣ напечатана эта надпись, чтобы убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Поверхность камня сильно сглажена, и нѣкоторыя буквы читаются не вполнѣ явственно, между прочимъ, и въ имени царя. Въ чтеніи его я не былъ вполнѣ увѣренъ и поэтому счелъ за лучшее дать его въ трехъ видахъ, именно какъ самъ прочиталъ по камню и по эстампажу, и какъ оно поставлено въ копіи Ѳ. И. Гросса, полученной изъ Керчи до перевозки камня въ Эрмитажъ [1]), а затѣмъ сказалъ: „*Certo igitur restitui (regis) cognomen nondum potest; veri simillimum mihi videtur fuisse* Διουπτούνης *sive* Δοιπτούνης“.

Въ данной затѣмъ транскрипціи я поставилъ Διουπτούνου *съ знакомъ вопроса*. Изъ сказаннаго очевидно, что я вполнѣ допускалъ возможность формы Δοιπτούνης, но только не былъ въ ней увѣренъ. Затѣмъ, склонялось ли имя царя по 1-му склоненію (Δοιπτούνης), или по 2-му (Δοιπτοῦνος), какъ предполагаетъ г. Кулаковскій,—рѣшить нельзя, потому что въ надписи оно поставлено въ родительномъ падежѣ съ окончаніемъ -ου, одинаково принадлежащимъ обоимъ склоненіямъ.

На стр. 22, разбирая первое изъ написанныхъ въ катакомбѣ собственныхъ

---

1) Что имя царя не сразу поддалось разбору, это я могу доказать цѣлымъ рядомъ другихъ копій, полученныхъ мною изъ Керчи раньше, чѣмъ камень доставленъ былъ въ Петербургъ.

именъ, встрѣчающееся и въ надписи Диптуна, авторъ говоритъ, что оно прочитано мною въ формѣ Σεαυάγου, но что на камнѣ „передъ слогомъ αυ въ этомъ имени совершенно ясно читается Σ, а не Є, какъ прочелъ г. Латышевъ. Буква передъ этой Σ недостаточно ясна, но, повидимому, есть тоже Σ. Ее слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сочетанію τα, которое представляетъ конецъ слова (начало его стояло на обломанной части камня)". Смѣшать Є съ „ясно читающеюся" Σ можно только при крайне невнимательномъ чтеніи. Но на камнѣ буква σ имѣетъ *не эту форму* (Σ), а C, которую смѣшать съ Є уже гораздо легче; вполнѣ возможно, что на камнѣ черточка, которую я принялъ за среднюю часть буквы Є, не ясна или явилась вслѣдствіе порчи камня; но мое чтеніе Σεαυάγου имѣетъ за себя 1) аналогію съ танаидскимъ именемъ Σιαΰακος (№№ 427 и 447), которое, безъ сомнѣнія, тожественно съ Σεαύαγος, такъ какъ перемѣна ι въ ε и κ въ γ наблюдается и въ другихъ воспорскихъ и танаидскихъ именахъ[1]); 2) при чтеніи Σεαυάγου предшествующія ему буквы ΤΑ легко могутъ быть объяснены, какъ окончаніе родительнаго падежа имени собственнаго, которое требуется здѣсь смысломъ и къ которому Σεαυάγου могло служить отчествомъ, тогда какъ при чтеніи Σαυάγου для предшествующихъ буквъ ΤΑΣ трудно придумать какое нибудь объясненіе, и г. Кулаковскій обошелъ это затрудненіе молчаніемъ[2]). Что же касается до предложенія г. Кулаковскаго въ № 389 вмѣсто Σαυαγάσκο[υ?] читать Σαυάγας Κο[υ...], то я съ нимъ совершенно согласенъ и даже могу прибавить одинъ аргументъ въ пользу этого чтенія, заключающійся въ томъ, что всѣ другія имена въ этой надписи даны безъ отчествъ; считать буквы ΣΑΥΑΓΑΣΚΟ за одно имя въ родительномъ падежѣ меня побудило только то обстоятельство, что между Σ и Κ нѣтъ промежутка, замѣчающагося между другими именами въ этой надписи. Такимъ образомъ постепенныя измѣненія интересующаго насъ имени можно представить въ слѣдующемъ видѣ: Σιαΰακος — Σιαύαγος — Σεαύαγος — Σαύαγος — Σαυάγας. Въ двухъ надписяхъ танаидскихъ мы имѣемъ его въ первой формѣ, въ надписи Диптуна, быть можетъ, въ третьей, а въ № 389 и въ катакомбѣ — въ пятой. Возможно, впрочемъ, что оно постоянно склонялось по 1-му склоненію: въ обѣихъ танаидскихъ надписяхъ и въ надписи Диптуна оно нахо-

1) Ср. Μαρκιανός въ IosPE. II, № 296 и Μαρκεανός въ № 447; Ναύαγος въ № 446 и Ναύακος въ №№ 430, 448, 454.

2) Объ поправки г. Кулаковскій предлагаетъ и въ вышеуказанной рецензіи на стр. 181.

дится въ родительномъ падежѣ, и именительный по 2-му склоненію образованъ нами только по аналогіи съ другими именами на ος.

Въ заключеніе не можемъ не выразить задушевнаго пожеланія, чтобы Ю. А. Кулаковскій, вступивъ во всеоружіи солидной эрудиціи въ рядъ изслѣдователей судебъ греческой культуры на южныхъ окраинахъ нашего отечества, продолжалъ работать въ этой области съ такимъ же успѣхомъ и съ такимъ же талантомъ, какимъ запечатлѣнъ первый его трудъ.

Отзывъ о сочиненіи А. Л. Бертье-Делагарда: Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Съ 7 табл. и 2 политипажами. Спб. 1893. (*Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Импер. Археолог. Коммиссіею*, вып. 12) [1]).

Нашъ сочленъ А. Л. Бертье-Делагардъ давно уже съ искренней любовью и неослабнымъ интересомъ занимается изслѣдованіями въ области исторіи и древностей нынѣшняго Крымскаго полуострова. Въ 1886 г. напечатано [2]) его обширное изслѣдованіе объ остаткахъ древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и о пещерныхъ городахъ Крыма (къ сожалѣнію, не оконченное), опирающееся на тщательныя личныя наблюденія и замѣчательное по умѣлой группировкѣ фактовъ и строго-критическому взгляду. Въ 1893 году онъ украсилъ страницы XVI тома „Записокъ“ Одесскаго Общества цѣннымъ изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи пресловутой надписи императора Зинона въ связи съ данными объ исторіи Херсониса въ римскій и ранній византійскій періодъ [3]). это изслѣдованіе, основанное на тщательномъ и всестороннемъ изученіи всей относящейся къ разсматриваемому вопросу литературы, безъ сомнѣнія, положитъ конецъ долговременному спору о происхожденіи Зиноновой надписи и навсегда включитъ ее въ серію эпиграфическихъ документовъ Херсониса. Будучи севастопольскимъ старожиломъ, г. Бертье-Делагардъ живо интересуется и производящимися въ послѣдніе годы г. Косцюшко-Валюжиничемъ, по порученію и на средства Императорской Археологической Коммиссіи, раскопками городища Хер-

---

1) *Записки Имп. Русскаго Археолог. Общ.* т. VIII, вып. 1 и 2 (1896), прилож. къ проток., стр. XLV—XLIX. [Рецензія составлена по порученію Общества].

2) *Зап. Одесскаго Общ. ист. и древн.*, т. XIV, стр. 166—279.

3) «Надпись времени императора Зинона въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсониса», стр. 45—88.

сониса и до недавняго переѣзда въ Одессу слѣдилъ за ними, можно сказать, шагъ за шагомъ. Такимъ образомъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ подготовленъ къ научному объясненію результатовъ этихъ раскопокъ, и вполнѣ естественно ожидать, что написанное имъ по порученію Коммиссіи изслѣдованіе подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, основанное на подробномъ и всестороннемъ изученіи всѣхъ открытій, сдѣланныхъ при раскопкахъ, и прекрасномъ знакомствѣ съ источниками и пособіями, явится цѣннымъ вкладомъ въ нашу археологическую литературу.

Спеціальная критика уже оцѣнила по достоинству этотъ послѣдній трудъ г. Бертье-Делагарда[1]) и тѣмъ избавила насъ отъ необходимости вдаваться въ подробное изложеніе его содержанія и выводовъ, тѣмъ болѣе, что къ оцѣнкѣ такого компетентнаго знатока, какимъ является въ данной области нашъ почтенный сочленъ Н. П. Кондаковъ, врядъ-ли можно было бы прибавить что-либо существенное. Поэтому мы ограничимся только краткимъ перечисленіемъ главнѣйшихъ выводовъ автора. Описанію херсонисскаго городища и результатовъ послѣднихъ раскопокъ г. Бертье-Делагардъ предпосылаетъ очеркъ состоянія развалинъ Херсониса со времени присоединенія Крыма къ Россіи и при этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ ходячую легенду о быломъ богатствѣ развалинъ Херсониса и о варварскомъ расхищеніи ихъ жителями сосѣдняго Севастополя. „Чтобы прослѣдить и обнаружить народившуюся и выросшую басню, — говоритъ г. Кондаковъ, — автору пришлось слѣдить за всѣмъ литературнымъ матеріаломъ въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, выраженіяхъ и фразахъ и, съ другой стороны, собрать свой собственный громадный матеріалъ по древностямъ Херсониса, чтобы этой массою задавить все растущую легенду. Правда, автору такъ близко и живо знакомы и самая мѣстность, и эти жалкія кучи камней, и еще болѣе убогія улочки и переулочки, и всѣ открываемыя древности Херсониса, что ему легко было начертить для насъ эту картину“. Доказавъ массою фактовъ бѣдность и убожество византійскаго Херсона, авторъ представляетъ себѣ даже возможность вывода „о безполезности систематическихъ раскопокъ въ этой грудѣ мусора“, но рѣшительно протестуетъ противъ этого вывода, указывая на важность раскопокъ для изученія культуры византійской эпохи: „Въ Херсонисѣ — гово-

1) См. рецензіи Н. П. Кондакова въ *Журн. М. Н. Пр.* за декабрь 1893 г., стр. 388—396, и анонимную въ *Археолог. извѣстіяхъ и замѣткахъ*, изд. Имп. Моск. Арх. Обществомъ, 1894 г., вып. 1, стр. 27—29.

рить онъ на стр. 16 — намъ открывается весь бытъ, вся культура византійскаго города, тѣмъ болѣе интересные, что они относятся именно къ самому обыденному мелкому городку, а не къ крупному исключительному центру. Въ Херсонисѣ же отыскиваются памятники церковной жизни и обрядности православія, правда, не первыхъ вѣковъ христіанства, но именно потому и особенно любопытные, что они относятся къ VII—XIII вѣкамъ. Такое рѣдкое, почти исключительное значеніе раскопокъ въ Херсонисѣ, созданное его жизнью, точнѣе сказать, временемъ его гибели, становится особенно важнымъ, если вспомнить огромное значеніе этого города въ нашей исторіи политической и особенно церковной".

Послѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній о мелкихъ предметахъ античной жизни, найденныхъ при раскопкахъ, авторъ обращается къ главному предмету своего изслѣдованія — памятникамъ архитектурнымъ, отчасти языческимъ, а преимущественно христіанскимъ, причемъ имѣетъ въ виду не только раскопки послѣднихъ лѣтъ, но и вообще все ему извѣстное изъ найденнаго въ Херсонисѣ. Архитектурные остатки 27 открытыхъ византійскихъ церквей и часовенъ разсмотрѣны имъ во всѣхъ деталяхъ, причемъ попутно сдѣлано много цѣнныхъ замѣчаній вообще по исторіи византійской архитектуры и проведены любопытныя сравненія съ памятниками, сохранившимися въ Италіи, въ особенности въ Равеннѣ; оказывается, что колонны и капители, найденныя въ базиликахъ Херсониса, совершенно одинаковы съ найденными въ Равеннѣ. Этотъ поразительный на первый взглядъ фактъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что какъ херсонисскія, такъ и равеннскія капители и колонны происходятъ изъ ломокъ древняго Проконниса на Пропонтидѣ, гдѣ онѣ и обдѣлывались и въ готовомъ видѣ доставлялись мо-ремъ въ разные города, въ томъ числѣ въ Херсонисъ и Равенну. Такимъ образомъ, вопросъ о сходствѣ стилей въ областяхъ Византіи перенесенъ авторомъ, говоря словами Н. П. Кондакова, „изъ темной области эстетическихъ ощущеній и безграничной сферы эстетическихъ сужденій въ среду точно опредѣленную", и оригинальныя и вполнѣ доказательныя заключенія г. Бертье-Делагарда, по суждению почтеннаго рецензента, тѣмъ болѣе важны, что „авторъ основалъ ихъ на мелочномъ, чрезвычайно точномъ и внимательномъ изученіи всего матеріала, какой представила ему богатая памятниками Равенна". Изъ множества частныхъ вопросовъ, внимательно разсмотрѣнныхъ авторомъ, нельзя не отмѣтить прекраснаго изслѣдованія о той купели, въ которой, будто бы, крестился св. Владиміръ и которую показываютъ въ полу одной изъ развалинъ херсонисскихъ церквей,

надъ которою, какъ извѣстно, возведенъ новый монастырскій соборъ, построенный въ память этого событія. На основаніи внимательнаго разбора не только лѣтописныхъ свидѣтельствъ, но и вопроса о сравнительной важности херсонисскихъ церквей, о формахъ купелей и даже данныхъ объ устройствѣ могилъ въ византійскихъ церквахъ авторъ относится вполнѣ отрицательно къ существующей легендѣ и утверждаетъ, что крещеніе св. Владиміра, если оно было въ Херсонисѣ, могло совершиться только въ каѳедральной церкви, которою несомнѣнно была такъ-называемая Уваровская базилика, или, лучше сказать, въ ея крещальнѣ (стр. 44). Весьма важны также выводы автора относительно времени сооруженія открытыхъ въ Херсонисѣ церквей: онъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе покойнаго графа А. С. Уварова о принадлежности открытой имъ базилики къ IV в. по Р. Хр. и относитъ начало установившагося въ Херсонисѣ типа церковныхъ построекъ къ VI—VII в., а самое сооруженіе сохранившихся въ развалинахъ церквей полагаетъ между VII и X вѣками (стр. 51).

Въ заключеніи своего изслѣдованія авторъ описываетъ любопытныя раскопки въ окрестностяхъ Казачьей бухты, гдѣ, по его предположенію, находился древнѣйшій Херсонисъ; раскопки эти не дали ничего опредѣленнаго, кромѣ развалинъ церкви на островкѣ Казачьей бухты, отождествляемыхъ авторомъ съ храмомъ, упоминаемымъ въ житіи св. Климента, который, по мнѣнію автора, потерпѣлъ мученіе именно здѣсь, а не въ Инкерманѣ, какъ полагали прежде.

Н. П. Кондаковъ въ заключеніи своей рецензіи, неоднократно нами упомянутой, говоритъ: „Мы находимъ значеніе этого трактата капитальнымъ и не только по избранному для него вопросу о древностяхъ Херсониса, но и вообще для русской археологіи. Выше мы сказали, что авторъ является въ этой средѣ уже признаннымъ дѣятелемъ, начавшимъ свои изслѣдованія и занятія непосредственно въ области мѣстной археологіи на основаніи продолжительныхъ, даже многолѣтнихъ наблюденій на мѣстѣ. Въ результатѣ нашего краткаго обзора новаго изслѣдованія становится очевиднымъ, что авторъ не ограничился уже только мѣстными наблюденіями, но, все расширяя поле своихъ обозрѣній, перешелъ отъ частныхъ вопросовъ южно-русской археологіи къ общимъ вопросамъ исторіи христіанскаго искусства для того, чтобы получить отвѣты по своимъ, такъ сказать, мѣстнымъ пунктамъ“. Соглашаясь въ общемъ съ этимъ отзывомъ нашего знатока древне-христіанской археологіи, мы должны, однако, сказать, что не всѣ частности въ трудѣ г. Бертье-Делагарда являются одинаково прочно обоснован-

ными, не со всѣми его мнѣніями и выводами можно безусловно согласиться[1]), и вообще трудъ его не можетъ быть названъ „послѣднимъ словомъ“ о Херсонисѣ, тѣмъ болѣе, что раскопки городища и некрополя далеко еще не закончены. Но все-таки трудъ г. Бертье-Делагарда долженъ быть признанъ выдающимся явленіемъ въ области русской археологической литературы за послѣдніе годы и вся его дѣятельность на пользу отечественной археологіи — вполнѣ заслуживающею благодарнаго вниманія; поэтому Императорское Русское Археологическое Общество исполнитъ только долгъ справедливости, если признаетъ возможнымъ поощрить дѣятельность почтеннаго археолога присужденіемъ ему одной изъ своихъ почетныхъ наградъ.

1) Въ видѣ примѣра укажемъ, что найденную въ 1890 г. въ Уваровской базиликѣ мраморную плиту отъ фриза языческаго храма г. Бертье-Делагардъ на стр. 19 и 52 относитъ къ I в. до Р. Хр., хотя находящаяся на ней надпись по характеру письма принадлежитъ несомнѣнно болѣе древнему времени (приблизительно III в. до Р. Хр.).

Beiträge zur Alterthumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr.) hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonnell. 2 Band (IV+505—1104 стр.). St. Petersburg 1897[1]).

Покойный нынѣ авторъ объемистаго двухтомнаго труда подъ приведеннымъ заглавіемъ такъ опредѣлилъ его задачу въ началѣ предисловія къ первому тому, вышедшему въ 1882 году: „Хотя нѣкоторые выдающіеся историки считаютъ исторію степныхъ народовъ мало заслуживающею вниманія, такъ какъ образъ ихъ жизни остается неизмѣннымъ въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій, однако ученый міръ съ постоянно возрастающимъ рвеніемъ занимается изслѣдованіями о понтійскихъ скиѳахъ и сарматахъ. Ибо они разнообразными способами связываются отчасти съ ближайшимъ интересомъ къ отдѣльнымъ народностямъ (именно къ славянамъ, литовцамъ, германцамъ, кельтамъ, чуди), отчасти съ болѣе отдаленнымъ по времени и пространству интересомъ къ классической или восточной древности. Но всѣ эти изслѣдованія въ концѣ концовъ ведутъ къ трудно разрѣшимой общей задачѣ — точно изслѣдовать теченіе многихъ народныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу или по Европѣ, а также переходы европейскихъ народностей отъ ихъ доисторическаго первоначальнаго быта въ собственно историческое состояніе. Такъ какъ при этихъ полуисторическихъ событіяхъ главныя роли играли именно тѣ народы, которые въ теченіе многихъ столѣтій бродили какъ кочевники или жили осѣдло въ восточной Европѣ, западной Сибири и центральной Азіи, то есть въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, то они должны быть главнымъ предметомъ именно русскаго археологическаго изслѣдованія. Вкладомъ къ разрѣшенію многихъ возникающихъ для него вопросовъ

---

1) *Журналъ М. Н. Пр.* 1899, январь, отд. кр.-библіограф., стр. 208—232.

должно служить начатое въ предлежащемъ трудѣ сопоставленіе всего того, что сообщаютъ намъ древніе греческіе и римскіе писатели о земляхъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго Русскаго государства, и о нѣкоторыхъ пограничныхъ съ нимъ".

Въ первомъ томѣ труда, посвященнаго разрѣшенію поставленной авторомъ задачи, съ частнымъ заглавіемъ: „Herodot, seine Vorgänger und einige spätere Schriftsteller", преимущественное вниманіе автора сосредоточивалось на разборѣ извѣстій Иродота о Скиѳіи и на разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ этимъ разборомъ.

Этотъ томъ раздѣленъ на 12 параграфовъ, изъ коихъ нѣкоторые сопровождаются еще дополненіями въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ примѣчаній о литературѣ предмета и нѣкоторыхъ детальныхъ данныхъ. Въ § 1 изложены извѣстія о Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею земляхъ, встрѣчающіяся у греческихъ писателей, жившихъ раньше Иродота: у Омира, Исіода, кикликовъ, Аристея Проконнисскаго, Пиндара, логографовъ и др. Второй параграфъ представляетъ общую характеристику Иродота, преимущественно какъ повѣствователя о Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею странахъ. Въ § 3 изложены и разсмотрѣны свидѣтельства Иродота о величинѣ и границахъ Европы, а также о Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ и о рѣкѣ Араксѣ. Разбору свидѣтельствъ о размѣрахъ и орошеніи Скиѳіи и о мѣстахъ жительства народовъ между Истромъ (Дунаемъ) и Танаидомъ (Дономъ) посвященъ § 4-й. Въ слѣдующемъ § разсматриваются извѣстія Иродота о народахъ, жившихъ къ востоку отъ Танаида, о торговыхъ путяхъ въ центральную Азію, о климатѣ Скиѳіи и объ Ипербореяхъ; въ § 6 — извѣстія о покоренія скиѳовъ и ѳракійцевъ египетскимъ царемъ Сесострисомъ, а затѣмъ скиѳскія и еллинскія преданія о происхожденіи скиѳовъ. Параграфъ 7-й посвященъ разсмотрѣнію извѣстій Иродота и другихъ писателей о вытѣсненіи киммерійцевъ скиѳами и о временномъ господствѣ обоихъ этихъ народовъ въ Азіи. Затѣмъ въ § 8 авторъ разбираетъ извѣстія Иродота и другихъ писателей о походѣ персидскаго царя Кира I на массагетовъ и о родственныхъ съ послѣдними племенахъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, а въ § 9 — о походѣ Даріи I на европейскихъ скиѳовъ. Параграфъ 10-й заключаетъ въ себѣ извѣстія о религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ скиѳовъ-сарматовъ и нѣкоторыхъ родственныхъ съ ними народовъ. Въ § 11 авторъ заканчиваетъ обозрѣніе труда Иродота извѣстіями его о скиѳахъ Скилѣ и Октамасадѣ, затѣмъ сопоставляетъ извѣстія Иродота, Ѳукидида, Ксенофонта и др. писателей о Ѳракіи. Послѣдній (12-й) параграфъ посвященъ

изложенію соображеній автора объ языкѣ скиѳовъ-сарматовъ и заключительнымъ выводамъ.

Изъ этого краткаго перечня содержанія перваго тома труда Боннеля очевидно, что авторъ всесторонне разсмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ извѣстія Иродота, а также предшествующихъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ греческихъ писателей о Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею странахъ. Нельзя, однако, сказать, что этотъ нелегкій и весьма кропотливый трудъ исполненъ авторомъ во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Авторы трехъ появившихся въ свое время рецензій этого тома [1]), которымъ нельзя отказать въ полной компетентности и безпристрастіи, въ своихъ приговорахъ указали не мало такихъ фактовъ, которые не могутъ не вредить достоинству книги. Такъ, напримѣръ, г. *В. А.*, особенно сочувственно привѣтствовавшій трудъ Боннеля, отзывается объ его выводахъ такъ: „Выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленныя какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими пріемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Иродота объ этнографіи и исторіи Скиѳіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиѳіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе установить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько нибудь достовѣрный“.

Рецензентъ *Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія*, въ своемъ пространномъ отзывѣ нѣсколько разъ выразивъ принципіальное несогласіе съ тѣми или другими взглядами и выводами автора, въ заключительномъ резюме говоритъ слѣдующее: „Расходясь съ г. Боннелемъ въ окончательныхъ выводахъ о народности скиѳовъ

---

1) В. А. въ *Кіевской Старинѣ* за іюль 1882 г., стр. 167—171; 2) Ѳ. Г. Мищенко въ (Кіевскихъ) «*Унив. извѣстіяхъ*» 1882 г., № 11, стр. 459—485 и 1883, № 9, стр. 500—517, подъ заглавіемъ «Къ вопросу объ этнографіи и географіи Геродотовой Скиѳіи» (къ сожалѣнію, статья не окончена); 3) В. Ш. въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* за іюль 1883 г., стр. 67—105.

и сарматовъ, мы не можемъ не высказаться съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ его изслѣдованію. Его работа, по обилію матеріала, составляетъ весьма полезную справочную книгу. Мы сожалѣемъ, что онъ слишкомъ упорно, подъ конецъ, придерживался своего преждевременнаго вывода о скиѳизмѣ предковъ великаго германскаго народа и слишкомъ часто повторялъ свою, конечно, не безспорно доказанную гипотезу" и т. д. Кромѣ того *В. Ш.*, подобно рецензенту *Кіевской Старины*, сожалѣетъ о томъ, что Боннель совершенно исключилъ изъ рамокъ своего изслѣдованія матеріалъ собственно археологическій.

Еще строже отнесся къ труду Боннеля проф. Ѳ. Г. Мищенко, переводившій въ то время на русскій языкъ исторію Иродота и доказавшій свой живой интересъ къ сообщаемымъ „отцомъ исторіи" и другими авторами извѣстіямъ о Скиѳіи въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ монографій[1]). Въ самомъ началѣ своей рецензіи онъ заявилъ, что „несмотря на весьма значительный объемъ книги и видимую полноту содержанія, настоящій трудъ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ". Разсматривая, далѣе, шагъ за шагомъ содержаніе книги Боннеля и нерѣдко сопровождая это разсмотрѣніе изложеніемъ собственныхъ соображеній или результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ данной области, проф. Мищенко во многихъ случаяхъ высказываетъ заключенія, мало говорящія въ пользу разсматриваемаго труда. Мы не будемъ приводить здѣсь эти заключенія, такъ какъ полагаемъ, что и указанныхъ нами отзывовъ достаточно для характеристики перваго тома труда Боннеля.

Обратимся къ вышедшему въ 1897 г. второму тому. Онъ представляетъ собою opus postumum, такъ какъ появился въ свѣтъ черезъ 4 года послѣ смерти автора, скончавшагося 18-го мая 1893 года. Печатаніе труда закончено, по просьбѣ семьи покойнаго, однимъ изъ почтенныхъ нашихъ историковъ, докторомъ А. Ѳ. Энманомъ. Въ краткомъ „Nachwort" на стр. 1098 г. Энманъ сообщаетъ, что покойный авторъ приступилъ къ печатанію II-го тома вскорѣ послѣ выхода

---

1) Укажемъ слѣдующія статьи г. Мищенка: 1) Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Боспора (*Кіевскія Унив. Извѣстія* 1878, № 7); 2) Опыты этнологіи съ помощью этимологіи (*тамъ-же*, 1883, № 6); 3) Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ (*Кіевская Старина* 1884, № 5); 4) Къ вопросу о Геродотовыхъ скиѳахъ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1884, № 7); 5) Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи (*Кіевская Старина* 1886, № 6); 6) Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота (*Ж. Мин. Нар. Просв.* 1886, № 1); 7) Рецензія на соч. А. С. Лаппо-Данилевскаго «Скиѳскія древности» (*тамъ-же*, 1888, № 9); 8) Этнографія Россіи у Геродота (*тамъ-же*, 1896, № 5); 9) Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи (*тамъ-же*, 1896, № 11).

въ свѣтъ I-го тома, въ 1882 г. Послѣ отпечатанія 49-го листа въ 1887 г. другія работы принудили автора отложить окончаніе печатанія (которое, повидимому, и не возобновлялось до его кончины). Собранныя авторомъ извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и пограничныхъ съ нею земляхъ въ рукописи доходили до географіи Птолемэя. Для того, чтобы приблизиться къ обозначенному въ заглавіи конечному термину, 400 г. по Р. Хр., г. Энманъ счелъ своею обязанностью прибавить важную рѣчь Діона о Борисѳенитахъ по концепту автора и нѣсколько извлеченій изъ Амміана Марцеллина уже прямо отъ себя, а также присоединилъ указатель важнѣйшихъ собственныхъ именъ.

По пагинаціи и дѣленію на параграфы второй томъ представляетъ собою непосредственное продолженіе перваго. Онъ дѣлится на 17 параграфовъ (13—29), изъ коихъ два послѣдніе, содержащіе въ себѣ извлеченія изъ Борисѳенитской рѣчи Діона Хрисостома и изъ Амміана Марцеллина, прибавлены А. Ѳ. Энманомъ, а изъ остальныхъ пятнадцати, принадлежащихъ покойному автору, одиннадцать заключаютъ въ себѣ (въ нѣмецкомъ переводѣ) извлеченія извѣстій о Скиѳіи изъ длиннаго ряда писателей греческихъ и латинскихъ, начиная отъ современниковъ Иродота и кончая географіей Кл. Птолемэя, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ по времени жизни писателей, одинъ (§ 14, стр. 540—586) посвященъ описанію борьбы Александра Великаго и діадоховъ со скиѳскими и нѣкоторыми сосѣдними имъ племенами по извѣстіямъ Птолемэя, Аристовула и другихъ писателей, остальные же три представляютъ собою болѣе или менѣе обработанныя историческія или этнографическія изслѣдованія, основанныя на сопоставленіи всѣхъ историко-литературныхъ, эпиграфическихъ, нумизматическихъ и другихъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемымъ вопросамъ. Такъ, въ § 16 (стр. 629—691) мы находимъ подробную монографію по исторіи Воспорскаго царства съ V вѣка до временъ Миѳридата VI; къ этому параграфу непосредственно примыкаетъ (§ 17, стр. 691—785) такая же монографія о жизни и дѣятельности Миѳридата VI съ прибавленіемъ нѣсколькихъ страницъ о сынѣ его Фарнакѣ, шестнадцать лѣтъ сидѣвшемъ на престолѣ Воспорскаго царства. Наконецъ § 22 (стр. 980—996) трактуетъ „о племенномъ родствѣ Даковъ-Гетовъ съ нынѣшними европейскими народностями и о такъ называемыхъ дакійскихъ названіяхъ растеній у Діоскорида“.

Такая двойственность состава книги, какъ намъ представляется, принадлежитъ къ числу ея недостатковъ: на нашъ взглядъ было бы гораздо лучше, если бы

авторъ далъ намъ или полное собраніе извлеченій изъ авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ по времени ихъ жизни, предоставляя читателямъ самимъ выбирать то, что имъ нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, или систематизировалъ эти извлеченія подъ отдѣльными рубриками, или, наконецъ, давъ сначала полный сводъ извлеченій, потомъ присоединилъ бы къ нему монографическую разработку отдѣльныхъ вопросовъ, въ которой ему пришлось бы уже только цитировать данныя, помѣщенныя въ сводѣ, а не воспроизводить ихъ цѣликомъ, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, прерывая, напримѣръ, связный разсказъ объ историческихъ событіяхъ въ Воспорскомъ царствѣ цѣлыми страницами выдержекъ изъ рѣчей Исократа и Димосѳена.

Обращаясь, послѣ этого краткаго предварительнаго замѣчанія, къ ближайшему ознакомленію съ богатымъ содержаніемъ второго тома труда Боннеля, мы начнемъ именно съ указанныхъ четырехъ параграфовъ, обработанныхъ монографически. Первый изъ нихъ (§ 14), какъ уже замѣчено, содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ выдѣленныя изъ общей хронологической послѣдовательности писателей извлеченія изъ Арріана о тѣхъ походахъ Александра Великаго, которые такъ или иначе соприкасались съ народами, входившими въ предѣлы изслѣдованій нашего автора. Свой взглядъ на трудъ Арріана авторъ высказываетъ въ началѣ параграфа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Извѣстія о борьбѣ Александра Великаго со скиѳскими и сосѣдними имъ народами лучше всего переданы намъ въ трудѣ Арріана Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου (De expeditione Alexandri). Въ предисловіи къ нему Арріанъ говоритъ, что онъ признаетъ вполнѣ достовѣрнымъ и разсказываетъ то, въ чемъ извѣстія спутниковъ Александра — Птолемэя сына Лагова и Аристовула сына Аристовулова согласны между собою, а изъ того, въ чемъ они расходятся, выбираетъ болѣе вѣроятное и примѣчательное. При этомъ онъ ссылается и на другихъ, менѣе достовѣрныхъ писателей. Поэтому мы имѣемъ право принять, что трудъ Арріана о походахъ Александра Великаго [почти?] вполнѣ составленъ изъ достовѣрныхъ извѣстій современниковъ Александра [и быть можетъ тамъ и сямъ изъ болѣе или менѣе критически разсмотрѣнныхъ позднѣйшихъ историческихъ источниковъ?]“ [1]). Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ, что онъ приводитъ предисловіе Арріана, какъ достаточное основаніе къ тому, что онъ пользовался только его трудомъ для своихъ извлеченій, и указываетъ для дру-

1) Вопросы, заключенные въ прямыя скобки, принадлежатъ автору.

гихъ источниковъ объ Александрѣ Великомъ „превосходно написанную“ исторію Дройзена.

Затѣмъ авторъ переводитъ разсказъ Арріана о борьбѣ Александра съ триваллами и гетами (I, 1—3) и представляетъ длинный рядъ выписокъ о походахъ Александра въ Азіи, начиная съ битвы при Гавгамелахъ (III, 7 сл.) и кончая возвращеніемъ Александра въ Вавилонъ (VII, 15—16) и его смертью (VII, 28). Всѣ переводы даны почти безъ всякихъ объяснительныхъ примѣчаній. Только на стр. 570 авторъ приводитъ изъ Аѳ. XIII p. 575*a* переводъ разсказа Харита Митилинскаго о любви Заріадра и Одатиды, предполагая, что этотъ разсказъ могъ быть написанъ Харитомъ съ намекомъ на бракъ Александра съ Роксаною, и на стр. 573 дѣлаетъ маленькій критическій экскурсъ по вопросу о свиданіи Александра съ амазонскою царицей Ѳалистріей. Количество приведенныхъ авторомъ выписокъ, какъ намъ кажется, можно было бы значительно сократить, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Скиѳіи, взятой даже въ самомъ широкомъ смыслѣ, или заключаютъ въ себѣ лишь совершенно случайныя упоминанія о скиѳахъ. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ еще нѣсколько выписокъ изъ Фотіева изложенія содержанія потеряннаго труда Арріана τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον и отмѣчаетъ въ подстрочномъ примѣчаніи данныя о Скиѳіи и сосѣднихъ странахъ, заключавшіяся въ недошедшихъ до насъ сочиненіяхъ современныхъ Александру и діадохамъ писателей: Онисикрита, Аристовула, Ираклида Понтійскаго, Дикэарха, Палэфата, Андрона, Екатэя Авдирскаго, Нимфодора Сиракусскаго, Мегасѳена, Патрокла и друг.

Конецъ параграфа, послѣ краткаго упоминанія о походѣ Зопиріона въ Скиѳію (въ достовѣрности котораго авторъ сомнѣвается, „weil sie *mehrere Jahrhunderte später* überliefert ist“), занятъ разсказомъ о дѣятельности Лисимаха во Ѳракіи, при чемъ авторъ въ изложеніи этой дѣятельности и объясненіи относящихся къ ней свидѣтельствъ древнихъ близко слѣдуетъ за Дройзеномъ.

Разсмотрѣнный параграфъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ Скиѳіи. Для всякаго изслѣдователя отдаленнаго прошлаго земель, входящихъ нынѣ въ составъ Россійскаго государства, и въ особенности судебъ эллинской культуры на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря несравненно болѣе важенъ § 16, въ которомъ изложена исторія Воспорскаго царства съ V вѣка до 100 г. до Р. Хр. Къ сожалѣнію, этотъ параграфъ входитъ еще въ ту часть книги, которая, по сообщенію А. Ѳ. Энмана, окончена печатаніемъ уже въ 1887 году. На основаніи

приводимыхъ авторомъ цитатъ можно утверждать даже, что она написана значительно раньше и при печатаніи ея авторъ не могъ или не желалъ обращать вниманіе на новыя изслѣдованія, относящіяся къ данной области. А между тѣмъ именно по исторіи Воспорскаго царства въ послѣднія 15 лѣтъ сдѣлано довольно много новаго, особенно по части эпиграфики и нумизматики, не говоря уже объ археологическомъ матеріалѣ, которымъ нашъ авторъ такъ же мало интересовался во 2-мъ томѣ, какъ и въ первомъ.

Бывшій въ Одессѣ въ августѣ 1884 года шестой археологическій съѣздъ послужилъ поводомъ къ изданію цѣлаго ряда трудовъ по воспорской нумизматикѣ: объемистый сборникъ покойнаго П. О. Бурачкова[1]) и труды А. М. Подшивалова, А. В. Орѣшникова, Х. Х. Гиля, Имгофъ-Блюмера и др.[2]) являются необходимыми настольными пособіями для всякаго интересующагося воспорскою нумизматикой вообще и въ частности монетами Спартокидовъ (на которыя не могъ не обратить вниманія и Боннель) и отодвигаютъ далеко на задній планъ работы нумизматовъ предшествующихъ поколѣній. Что касается до эпиграфики, то вышедшій въ 1890 году полный сборникъ надписей Воспорскаго царства[3]) представляетъ большинство эпиграфическихъ памятниковъ въ новыхъ копіяхъ и устраняетъ не мало ложныхъ или неточныхъ чтеній и толкованій; въ введеніи къ этому сборнику пишущимъ настоящія строки данъ очеркъ всей исторіи Воспорскаго царства. Въ послѣдніе годы появились въ западной наукѣ еще два такихъ же очерка[4]). Наконецъ и относительно литературныхъ источни-

1) П. О. Бурачковъ, Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ, жившихъ въ древности на югѣ Россіи. Ч. I: Общій каталогъ монетъ принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ сѣвернаго берега Чернаго моря. Одесса, 1884.

2) Podschiwalow, Beschreibung der unedierten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica u. Bosporus Cimmerius. Moskau, 1882 (то же на русскомъ языкѣ).—*Его-же*, Monnaies des rois du Bosphore Cimmérien. Dynasties des Spartocides et des Achemenides. M. 1887 (то же на русскомъ языкѣ въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.*, т. XV).—*Его-же*, Нумизмат. кабинетъ Моск. Публ. и Румянцевскаго музеевъ. Вып. I. М. 1884.—Орѣшниковъ, Босфоръ Киммер. въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. М. 1884 (перепеч. въ *Трудахъ VI арх. съѣзда*, т. II, стр. 80—103).—*Его-же*, Каталогъ собранія древностей графа А. С. Уварова, вып. VII: Монеты Воспорскаго царства и древне-греч. городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. М. 1887.—Chr. Giel, Ueber die Bospor. Münzen mit den Monogrammen etc., St.-Petersb. 1884 (то же на русскомъ яз. въ *Трудахъ VI арх. съѣзда*, т. II, стр. 104—113).—*Его-же*, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, М. 1886. — *Его-же*, Новыя пріобрѣтенія моего собранія въ *Зап. И. Русскаго Арх. Общ.* н. с., т. V (1891).—Imhoof-Blumer, Porträtköpfe auf ant. Münzen, Leipz. 1885.

3) Inscriptiones ant. orae septentr. Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II: Inscriptiones regni Bosporani. Ed. B. Latyschev. Petrop. 1890.

4) K. Ortmann, De regno Bosporano Spartocidarum. Diss. Hal. 1894.—Brandis въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. d. class. Altertumswissensch. s. v. Bosporos (34—35 Lief.).

ковъ Воспорскаго царства послѣднее 15-лѣтіе не осталось вполнѣ безплоднымъ: обработываемое Фр. Фогелемъ новое изданіе Діодора принесло съ собою важную новость относительно преемства первыхъ Спартокидовъ[1]). Очевидно, что обзоръ исторіи Воспорскаго царства, въ которомъ не могли быть приняты во вниманіе указанные труды и который появляется въ свѣтъ десять лѣтъ спустя послѣ напечатанія, не можетъ не быть признанъ устарѣвшимъ для настоящаго времени и не только не можетъ замѣнить собою новые обзоры, но и стать рядомъ съ ними.

Авторъ знакомъ со всѣми источниками исторіи Воспорскаго царства, какъ литературными, такъ и эпиграфическими и нумизматическими, но способъ его пользованія ими не всегда можетъ быть одобренъ. Особенно въ пользованіи надписями чувствуется непривычка автора къ обращенію съ этого рода документами: иногда онъ цитируетъ надписи по плохимъ изданіямъ вмѣсто авторитетныхъ (напримѣръ, на стр. 678 надписи, относящіяся къ Пэрисаду, сыну Спартока, цитируются по Ашику, а изданія Бека въ C. I. Gr. nn° 2007, 2107b, 2120b указываются только въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), въ другихъ случаяхъ обнаруживаетъ незнакомство съ новѣйшими изданіями надписей, болѣе полными и точными, нежели цитируемыя имъ (напримѣръ, извѣстный аѳинскій декретъ въ честь царя Спартока, сына Евмила, обязаательно было цитировалъ не по C. I. Gr. I, n° 107, а по C. I. Att. II, n° 311, гдѣ къ фрагменту, изданному Бекомъ, прибавленъ отрывокъ начала декрета съ именемъ архонта-епонима). Что касается до источниковъ литературныхъ, то, какъ уже было нами мимоходомъ замѣчено, авторъ неоднократно вставляетъ въ свой связный историческій разсказъ цѣлыя страницы переводовъ изъ древнихъ авторовъ, крайне затрудняющія усвоеніе его разсказа. Такъ, напримѣръ, на стр. 624—633 чуть не цѣликомъ переведена „банкирская рѣчь“ Исократа, на стр. 643—646 приводятся большія выдержки изъ рѣчи Димосѳена противъ Лептина и на стр. 656—663 изъ его же рѣчи пр. Форміона, на стр. 657—8 въ подстрочномъ примѣчаніи данъ переводъ нѣсколькихъ параграфовъ изъ рѣчи противъ Лакрита. Всѣ эти рѣчи, хотя и весьма интересныя въ общемъ для исторіи Воспора, заключаютъ въ себѣ такія мелкія частности, которымъ вовсе не мѣсто въ связномъ историческомъ разсказѣ, а только въ приложеніи къ нему; въ текстѣ же разсказа слѣдовало

1) Объ этомъ мы скажемъ ниже.

помѣстить только тѣ выводы и заключенія, которыя можно извлечь изъ нихъ для исторіи Воспорскаго царства.

Степень самостоятельности автора въ разработкѣ различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ воспорской исторіи весьма различна. Во многихъ случаяхъ онъ принимаетъ на вѣру мнѣнія и выводы своихъ предшественниковъ, иногда просто приводитъ ихъ мнѣнія, хотя бы они рѣзко противорѣчили одно другому[1]), но нерѣдко также самостоятельно разбираетъ тѣ или другіе вопросы и высказываетъ заключенія, отличныя отъ мнѣній другихъ писателей. Считаемъ полезнымъ остановиться на нѣсколькихъ пунктахъ такого рода, такъ какъ они представляютъ наиболѣе вѣскія данныя для сужденія о разсматриваемомъ нами трудѣ.

На стр. 623 авторъ говоритъ, что онъ не можетъ согласиться съ предположеніемъ Де-Боза, Кари, Бека и др. о томъ, что Спартокъ, отецъ Сатира, былъ сыномъ Селевка и, стало быть, вторымъ властителемъ съ этимъ именемъ. Аргументація автора противъ этого предположенія такова: „Вѣдь Селевкъ не называется сыномъ Спартока I, а напротивъ нѣкій Спартокъ (ein Spartokos) — отцомъ Сатира; почему же этотъ Спартокъ не можетъ быть тожественъ съ Спартокомъ I? Почему Сатиръ, если онъ при смерти своего отца (именно Спартока I) былъ несовершеннолѣтнимъ, не могъ быть въ теченіе нѣкотораго времени устраненъ отъ правленія? Не выступили ли, можетъ быть, послѣ Археанактидовъ нѣкоторые оптиматы, которые домогались верховной власти и отъ которыхъ получилъ ее сначала Спартокъ I и затѣмъ Селевкъ? И въ то же время вѣдь и аѳиняне имѣли еще извѣстную силу на Воспорѣ, какъ владѣтели Νύμφαιον'а, который аѳинянинъ Гилонъ передалъ (вѣроятно Сатиру)“. На основаніи этихъ соображеній авторъ вмѣсто правленія Спартока II принимаетъ „междуцарствіе“ между Селевкомъ и Сатиромъ I въ теченіе 21 года. Но, спрашивается, чѣмъ же это предположеніе о междуцарствіи вѣроятнѣе предположенія о Спартокѣ II? Не проще ли было сказать, что время между Спартокомъ I и Сатиромъ I остается для насъ неяснымъ?[2]).

---

1) Такъ, напримѣръ, на стр. 620 въ примѣчаніи онъ приводитъ безъ всякаго съ своей стороны отзыва мнѣнія Бека, Кёне и Григорьева о времени основанія Пантикапэя, на стр. 623 въ примѣчаніи — мнѣнія Григорьева и князя Сибирскаго о чеканкѣ монетъ при Археанактидахъ, на стр. 622—623 въ текстѣ—предположенія Бека объ Археанактидахъ съ замѣчаніемъ, что не имѣетъ ничего противъ нихъ, и т. д.

2) Въ настоящее время, на основаніи новыхъ цифровыхъ данныхъ изъ cod. Patm. въ Фогелевомъ изданіи Діодора, можно принять, что Сатиръ I властвовалъ съ 433 г. и что не было ни Селевка, ни Спартока II, ни междуцарствія. Ср. объ этомъ нашу ст. «Къ исторіи

На стр. 641—2, приведя извѣстный разсказъ о передачѣ дѣдомъ оратора Димосѳена, Гилономъ, мѣстечка Нимфэя владѣтелю Воспора, о женитьбѣ его на богатой скиѳянкѣ и о замужествѣ дочерей его, авторъ заключаетъ: „Aus dem Gesagten geht hervor, dass Leukon und jeder von seinen Söhnen leicht mit Demosthenes in Verbindung treten, und dass dieser deren Agent (fast möchte ich sagen: deren diplomatischer[1]) Agent) in Athen werden konnte“. Это предположеніе на стр. 665 уже выставляется авторомъ какъ положительный фактъ и изъ него дѣлается новый выводъ: „Aus dem Freundschaftsverhältniss der bosporanischer Herrscher mit Athen und mit Demosthenes, *der gleichsam ihr Procurator oder ihr politischer Agent war*[2]), folgere ich noch, dass jene eher Gegner als Freunde der makedonischen Könige Philipp und Alexander waren.“ Нельзя не замѣтить, что здѣсь нашъ авторъ, какъ говорится, хватилъ черезъ край и приписалъ знаменитому оратору то, въ чемъ прямо не обвинялъ его даже заклятый врагъ его Эсхинъ. Правда, Динархъ въ 43 рѣчи пр. Димосѳена (на которую также ссылается Боннель на стр. 652) обвиняетъ его въ полученіи взятокъ отъ воспорскихъ тирановъ, но и изъ его словъ нельзя заключить, чтобы Димосѳенъ былъ постояннымъ агентомъ ихъ въ Аѳинахъ[3]). Во всякомъ случаѣ приведенныя положенія слѣдовало выставлять не голословно, а съ доказательствами.

На стр. 649 авторъ переходитъ къ Пэрисаду I. Какъ извѣстно, по свидѣтельству Діодора (XVI, 31 и 52) Левкону I, умершему въ 354—353 г. до Р. Х., наслѣдовалъ сынъ его Спартокъ, царствовавшій 5 лѣтъ, а за нимъ слѣдовалъ другой сынъ Пэрисадъ, царствовавшій 38 лѣтъ. Но въ 1877 г. въ Пирэѣ найденъ декретъ въ честь сыновей Левкона[4]), относящійся къ апрѣлю мѣсяцу

Воспорскаго царства» въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за іюнь 1894 г., отд. кл. фил. стр. 81—85 [=выше, стр. 174—178]. Одинаковое съ нами мнѣніе высказываетъ Brandis въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. s. v. Bosporos, ст. 758 сл. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что если у Diod. XIV, 93. 1 оставить чтеніе cod. P. τετταράκοντα τέτταρα, то есть не исключать вмѣстѣ съ Фогелемъ τέτταρα, а напротивъ прибавить τέτταρα и въ XII, 36, 1, то мы получимъ почти точную, выходящую по всѣмъ разсчетамъ, продолжительность царствованія Сатира (44 г., а выходитъ по разсчетамъ 45).

1) Разрядка автора.

2) Курсивъ рецензента.

3) Ср. объ этомъ A. Schaefer, Demosthenes u. seine Zeit, 2 Aufl. (Leipz. 1885—1887), т. I, стр. 266 и т. III, стр. 296.

4) C. I. Att. IV, 2, n⁰ 109*b*. (Изданъ впервые Куманудисомъ въ Ἀθήναιον, т. VI, стр. 152 сл., затѣмъ А. Шеферомъ въ *Rhein. Mus.* т. 33, стр. 418 сл., повторенъ Диттенбергеромъ въ *Syll. inscr. Graec.* n⁰ 101=ed. 2 n⁰ 129). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ подстрочномъ прим. на стр. 653 Боннель, цитируя одну надпись, изданную въ Compte rendu de la Comm. Imp. archéolog. pour l'année 1875, прибавляетъ: «Hier wird auch noch auf eine

346 г. и свидѣтельствующій о томъ, что въ это время Спартокъ и Пэрисадъ правили вмѣстѣ. Противорѣчіе надписи съ Діодоромъ А. Шеферъ объяснилъ предположеніемъ, что послѣ смерти Левкона въ теченіе 5 лѣтъ сыновья его Спартокъ и Пэрисадъ правили вмѣстѣ, а затѣмъ Спартокъ умеръ и Пэрисадъ сталъ править одинъ. Это предположеніе, какъ весьма правдоподобное, принято Диттенбергеромъ, затѣмъ мною и въ послѣднее время Ортманомъ и Брандисомъ (въ вышеуказанныхъ трудахъ). Но Боннелю это предположеніе не нравится: на стр. 649 внизу онъ замѣчаетъ, что „на основаніи этого декрета Спартокъ II правилъ 353—346 и Пэрисадъ I съ 348 вмѣстѣ съ нимъ“. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту, приведя объясненіе Шефера и упомянувъ о согласіи съ нимъ Диттенбергера, онъ говоритъ, что это объясненіе кажется ему недостаточно доказательнымъ для того, чтобы считать ложными нѣсколько показаній Діодора, и выводитъ изъ декрета только то, что Спартокъ II и Пэрисадъ I съ 348 по 346 г. правили вмѣстѣ. При этомъ почтенный авторъ страннымъ образомъ не замѣтилъ того, что и при его предположеніи свидѣтельства Діодора всетаки оказываются ложными (вѣдь по словамъ Діодора Спартокъ правилъ *5 лѣтъ съ 354—353*, то-есть до 349—348 г., а не до 346, и Пэрисадъ правилъ *послѣ* него, а не вмѣстѣ съ нимъ), а кромѣ того ограниченіе совмѣстной власти братьевъ 346 годомъ совершенно произвольно. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, соображенія Боннеля нисколько не подрываютъ вѣроятности мнѣнія Шефера и не заслуживаютъ предпочтенія передъ нимъ.

На стр. 636 и 652 въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ авторъ относится съ полнымъ недовѣріемъ къ разсказу Поліэна (VIII, 55) о мэотіянкѣ Тиргатао, при чемъ въ первомъ случаѣ приводитъ основаніемъ то, что Діодоръ упоминаетъ только *одного* сына Сатира I — Левкона, не называя Горгиппа и Митродора, а во второмъ, какъ бы забывъ о самомъ существованіи Сатира I, считаетъ Сатира, упоминаемаго у Поліэна, сыномъ Пэрисада I и внукомъ Горгиппа. Такая путаница, очевидно, не можетъ внушить довѣрія къ высказываемымъ авторомъ мнѣніямъ.

На стр. 666—671 авторъ переводитъ извѣстный разсказъ Діодора (XX, 22) о борьбѣ сыновей Пэрисада I и затѣмъ посвящаетъ 4 страницы разсмотрѣнію

Inschrift hingewiesen, die im Ἀθήναιον T. VI. 1877 p. 152 abgedruckt ist.» Онъ совсѣмъ не замѣтилъ, что ссылка сдѣлана на тотъ самый декретъ, который былъ имъ разсмотрѣнъ четырьмя страницами раньше. Нельзя не заключить отсюда, что онъ совсѣмъ не видалъ журнала Куманудиса.

вопроса о томъ, на которой сторонѣ Воспора происходила эта борьба. Но результатъ этого разбора оказался довольно скуднымъ, какъ видно изъ слѣдующаго сознанія автора на стр. 675: „Mit Allem, was ich bisher über Diodor's Erzählung gesagt habe, will ich nur die Wahrscheinlichkeit hervorheben, dass der Kriegsschauplatz nicht auf der östlichen Seite des kimmerischen Bosporos lag, ich vermag aber keineswegs evident meine Ansicht zu beweisen, dass derselbe sich nicht weit von der Landenge von Perekop ausserhalb der Krim befunden habe". Позволимъ себѣ отмѣтить въ этихъ страницахъ маленькую, но очень характеристичную для автора подробность. На стр. 667, въ подстрочномъ примѣчаніи къ переводу авторъ отмѣчаетъ принятую Диндорфомъ въ текстъ Діодора конъектуру Бека „Θατέων" вмѣсто „Θρᾳκῶν" и ставитъ вопросъ, „nach welcher Handschrift" она принята, какъ будто всякая конъектура непремѣнно должна быть основана на чтеніи рукописей; далѣе на стр. 673 онъ повторяетъ, что могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Бека, „wenn die Lesarten Θάτης für Θάψις und Θατέων für Θρᾳκῶν durch zuverlässige Handschriften bezeugt wären". Но на слѣдующей же страницѣ, забывая свои строгія требованія, онъ заявляетъ: „Wäre es gewiss, dass der Schauplatz des Krieges auf die Ostseite des kimmerischen Bosporos zu verlegen ist, so würde ich die Veränderung von Θρᾳκῶν in Σιρακῶν vorschlagen". Эта конъектура также не основана на рукописномъ чтеніи. Почему же авторъ не считаетъ для нея обязательнымъ то условіе, которое онъ предъявилъ къ поправкѣ Бёка? И почему Сираки въ данномъ случаѣ должны быть предпочтены Θатейцамъ? На эти невольно возникающіе вопросы у нашего автора нѣтъ никакихъ отвѣтовъ.

На стр. 682 сл. выставленъ рядъ предположеній о позднѣйшихъ Спартокидахъ (съ 284 по 100 г. до Р. Хр.), но всѣ эти предположенія настолько бездоказательны, что не заслуживаютъ даже разбора и во всякомъ случаѣ ни мало не способствуютъ уясненію этого темнаго періода воспорской исторіи.

Количество примѣровъ, иллюстрирующихъ съ невыгодной стороны манеры историческаго изложенія автора и способы его пользованія источниками, могло бы быть значительно увеличено; но мы полагаемъ, что и приведенныхъ образчиковъ вполнѣ достаточно для оправданія высказаннаго нами мнѣнія, что Боннелевъ очеркъ воспорской исторіи и помимо своей устарѣлости не можетъ считаться цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки.

За этимъ очеркомъ слѣдуетъ длинный (стр. 691—785) параграфъ 17-й,

носящій заглавіе: „Понтійско-воспорскіе цари Миѳрадатъ VI (I) Евпаторъ съ 120 (113?) до 63 и Фарнакъ II (I) съ 63 до 47 до Р. Хр.; ихъ господство на Таврическомъ полуостровѣ и ихъ войны съ римлянами". Большая часть этого параграфа (до стр. 777) принадлежитъ къ той части книги, которая, по заявленію А. Ѳ. Энмана, закончена печатаніемъ въ 1887 г. Одна маленькая подробность на стр. 707 даетъ намъ право заключить, что обработка этого параграфа относится еще къ 1880 или 1881 г.[1]), а нѣкоторыя другія данныя позволяютъ думать, что при печатаніи его авторъ уже не обращалъ вниманія на труды, вышедшіе въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ и этотъ параграфъ, подобно предыдущему, оказывается въ настоящее время устарѣвшимъ, особенно въ виду того, что мы имѣемъ теперь цѣнную монографію Т. Ренака о Миѳридатѣ, вышедшую въ 1890 г. и стоящую на уровнѣ современнаго положенія нашихъ знаній о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго царя[2]), не говоря уже объ отдѣльныхъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію относящихся къ нему частныхъ вопросовъ[3]).

Изложивъ въ началѣ параграфа свѣдѣнія о происхожденіи Миѳридата, его воспитаніи и первыхъ дѣяніяхъ по вступленіи на престолъ, авторъ переходитъ прямо къ распространенію его владычества на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Здѣсь онъ сообщаетъ намъ существующія извѣстія объ основаніи и мѣстоположеніи города Херсониса Таврическаго и объ отношеніяхъ его къ сосѣднимъ скиѳамъ, при чемъ останавливается на Скилурѣ, Палакѣ и—въ подстрочномъ примѣчаніи — на другихъ скиѳскихъ царяхъ, имена которыхъ извѣстны изъ монет-

---

1) Именно, разсматривая извѣстный херсонисскій декретъ въ честь Миѳридатова воеводы Діофанта Синопскаго, авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: «Die hinter ἐπεβάλετο gedruckten Worte der Inschrift εἰς ἄλα (τότε) habe ich in «Παλά(κου)» verändert, wie es nach der citierten Stelle Strabons nothwendig ist; und ich habe dann auch später gefunden, dass dieselbe Verbesserung nach Nauck's Empfehlung am Ende von T. XII der Зап. Од. Общ. gedruckt ist.» Статья В. Н. Юргевича о декретѣ въ честь Діофанта помѣщена въ началѣ XII тома *Зап. Од. Общ.*, вышедшаго въ 1881 г., но въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ выпущена еще осенью 1880 г. Поэтому изъ приведенныхъ словъ Боннеля слѣдуетъ заключить, что онъ писалъ свой § о Миѳридатѣ ранѣе выхода XII тома *Записокъ*, пользуясь отдѣльнымъ оттискомъ статьи Юргевича.

2) Th. Reinach, Mithridate Eupator roi de Pont. Paris, 1890. Въ 1895 г. вышелъ нѣмецкій переводъ A. Goetz'a (Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipz., Teubner) съ поправками и дополненіями автора.

3) Изъ такихъ трудовъ отмѣтимъ особенно статью B. Niese, Straboniana. VI, въ *Rhein. Mus.* 42 (1887), стр. 559—574, посвященную тщательному разсмотрѣнію историческихъ данныхъ, сообщаемыхъ надписью въ честь Діофанта, и сопоставленію ихъ съ свидѣтельствами авторовъ, особенно Страбона.

ныхъ легендъ. Перейдя, далѣе, къ разсказу о дѣятельности въ Крыму Миѳридатова воеводы Діофанта Синопскаго, авторъ подробно излагаетъ ее, комбинируя извѣстія Страбона съ подробностями, заключающимися въ декретѣ херсонисцевъ въ честь Діофанта. Изъ всей литературы объ этой замѣчательной надписи автору извѣстны только изданія покойныхъ нынѣ Egger'a[1]) и В. Н. Юргевича, да статья П. О. Бурачкова, помѣщенная въ томъ же XII томѣ „Записокъ Одесскаго Общества", въ которомъ напечатано и изданіе Юргевича. Отъ вниманія автора ускользнуло даже сдѣланное Фукаромъ въ 1881 г.[2]) новое изданіе надписи, въ которомъ исправлено чтеніе нѣсколькихъ пассажей документа, не говоря уже о нашемъ изданіи ея въ 1885 г.[3]), которымъ авторъ вѣроятно, могъ бы еще воспользоваться при печатаніи книги. Болѣе широкое знакомство съ литературою надписи, безъ сомнѣнія, побудило бы автора осмотрительнѣе отнестись и къ вопросу о хронологіи войнъ Діофанта въ Крыму, при чемъ онъ, вѣроятно, предпочелъ бы хронологическимъ соображеніямъ В. Н. Юргевича согласное мнѣніе всѣхъ остальныхъ изслѣдователей, относящихъ описанныя въ надписи событія къ первымъ годамъ самовластія Миѳридата, до начала войнъ его съ римлянами.

Какъ извѣстно, въ декретѣ въ честь Діофанта упоминаются Ῥευξιναλοί, помогавшіе скиѳскому царю Палаку въ борьбѣ его противъ Діофанта и отождествляемые съ роксоланами, которыхъ называетъ въ качествѣ союзниковъ Палака Страбонъ (VII, 3, 17). Пристрастіе автора къ этнологическимъ изслѣдованіямъ, отмѣченное уже рецензентами I тома, побудило его вставить въ изложеніе Миѳридатовыхъ войнъ пространный экскурсъ (стр. 713—727) о народности роксолановъ и, попутно, разныхъ другихъ племенъ. Въ конечномъ выводѣ оказывается, что роксоланы тожественны съ Царскими скиѳами Иродота и принадлежатъ къ германскому племени. Отсюда мы видимъ, что авторъ продолжалъ упорно держаться своего мнѣнія о германствѣ скиѳовъ, хотя противъ него были выставлены основательные доводы рецензентами I-го тома[4]).

---

1) *Journal des savants*, Novembre 1880.

2) *Bulletin de corresp. Hell.* V (1881), стр. 70—87. Отсюда въ 1883 г. перепечаталъ надпись Dittenberger, Syll. inscr. Graec. nº 252 [=ed. 2, nº 326].

3) IosPE. I, nº 185.

4) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ Боннель, повидимому, отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ мнѣній уже во время печатанія разбираемыхъ страницъ. По крайней мѣрѣ въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 726 онъ замѣчаетъ: «Ich werde in einem neuen Verzeichniss der Verbesserungen und Nachträge genauer angeben, welche von meinen Behauptungen über die Urkelten, Kimmerier, Chita, Maeoten u. w. s. ich zurücknehme oder irgendwie modificire.» Но это обѣщаніе осталось не исполненнымъ.

Начиная со стр. 727, авторъ излагаетъ въ связномъ разсказѣ исторію войнъ Миѳридата съ римлянами, замѣтивъ предварительно, что онъ изложитъ ихъ „nicht mit vollständiger Ausführlichkeit“. Намъ кажется, что здѣсь, какъ и при изложеніи походовъ Александра Македонскаго, авторъ слишкомъ раздвинулъ рамки своей спеціальной задачи, такъ какъ весьма многія событія и перипетіи этихъ войнъ не имѣли ровно никакого отношенія ни къ Скиѳіи, ни къ Воспору или Кавказу. Мы думаемъ, что слѣдовало бы изложить подробно лишь тѣ факты, которые такъ или иначе соприкасались съ этими странами, а остальные упомянуть лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ, единственно для уясненія связи событій. Такъ какъ этотъ отдѣлъ, начиная съ стр. 727-й, входитъ скорѣе въ область общей римской исторіи и такъ какъ нашъ отзывъ уже и безъ того принялъ довольно большіе размѣры, то мы позволимъ себѣ не вдаваться въ ближайшее разсмотрѣніе и оцѣнку этого отдѣла, а также и § 22, гдѣ авторъ извлекаетъ на свѣтъ Божій извѣстную теорію Як. Гримма о тожествѣ готовъ съ гетами и этихъ послѣднихъ съ литовцами. Разборъ этой теоріи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы отзыва о трудѣ одного Боннеля; впрочемъ, она была обстоятельно опровергнута въ свое время А. А. Куникомъ[1]) и др. учеными.

Остальные параграфы второго тома, какъ уже упомянуто выше, заключаютъ въ себѣ нѣмецкіе переводы извѣстій древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей о Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею странахъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ по времени жизни писателей, начиная отъ современниковъ Иродота и кончая Амміаномъ Марцеллиномъ или, точнѣе говоря, Птолемэемъ, такъ какъ выдержки изъ Діона Хрисостома и Амм. Марцеллина принадлежатъ уже не автору, а издателю книги А. Ѳ. Энману. Пишущій эти строки, конечно, менѣе всякаго другого будетъ спорить противъ пользы подобнаго собранія источниковъ древней исторіи, географіи и этнографіи странъ, входящихъ нынѣ въ предѣлы Россійской державы: свое убѣжденіе въ важности и необходимости такого собранія онъ наглядно доказываетъ тѣмъ, что по настоящее время продолжаетъ работу надъ составленіемъ подобнаго же сборника „Извѣстій древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“, издаваемаго въ приложеніи къ „Запискамъ

1) *Bull. hist.-philol. de l'Acad. de St. Pétersbourg* VII, № 18—23. Ср. его же статью «О Запискѣ Готскаго топарха» въ *Запискахъ Имп. Акад. Наукъ*, т. 24 (особенно прим. на стр. 130).

Императорскаго Русскаго Археологическаго общества“ [1]). Главное отличіе этого сборника отъ разсматриваемаго нынѣ труда Боннеля заключается въ томъ, что въ первомъ даны не только переводы (русскіе), но и *подлинные тексты*. Еще 13 лѣтъ тому назадъ я въ рецензіи книжки г. Гана „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ [2]) выразилъ свое убѣжденіе въ необходимости давать въ изданіяхъ подобнаго рода подлинные тексты авторовъ и продолжаю держаться этого убѣжденія по настоящее время, такъ что отсутствіе текстовъ въ книгѣ Боннеля также считаю однимъ изъ важнѣйшихъ ея недостатковъ. Правда, иногда Боннель приводилъ и подлинные тексты въ построчныхъ примѣчаніяхъ, но дѣлалъ это въ крайне рѣдкихъ, можно сказать исключительныхъ случаяхъ.

Если разсматривать сборникъ Боннеля съ точки зрѣнія главныхъ требованій, могущихъ быть предъявленными къ подобному труду, именно *полноты* и *исправности*, то придется по всей справедливости сказать, что покойный авторъ весьма добросовѣстно и старательно работалъ надъ собираніемъ извѣстій писателей, но что ему не удалось достигнуть совершенства въ этомъ отношеніи. Онъ включалъ въ свое собраніе не только выдержки изъ сохранившихся сочиненій древнихъ писателей, но и отрывки изъ недошедшихъ до насъ произведеній литературы, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ почему-то помѣстилъ не въ текстѣ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ [3]). Въ девяти параграфахъ книги эксцерпировано до 60 авторовъ [4]), а если къ нимъ прибавить до 20 лицъ, произведенія которыхъ цитированы

---

1) Отдѣльно вышли два выпуска I тома въ 1893 и 1896 годахъ [3-й вып.—1900; т. II, вып. 1—1904, вып. 2—1906].

2) *Журналъ Мин. Нар. Пр.* 1885, май, крит.-библ. отд. стр. 96—119 [см. выше стр. 335–357].

3) Причины исключенія нѣкоторыхъ писателей изъ текста авторъ не объясняетъ, и изъ сопоставленія начала § 13-го съ началомъ 15-го можно заключить, что онъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно произвольно. Назвавъ въ заголовкѣ § 13-го Елланика, Платона, Ефора и др. писателей, онъ въ первыхъ же строкахъ параграфа говоритъ: «In diesem Paragraphen sollen nun die respectiven Nachrichten der oben bezeichneten Schriftsteller mitgetheilt werden, und zwar die der oben nicht namentlich genannten in den Anmerkungen.» Между тѣмъ далѣе, точно такъ же назвавъ въ заголовкѣ § 15-го нѣсколькихъ писателей (Ератосѳена, Иппарха, Поливія и др.), авторъ начинаетъ *текстъ* параграфа словамъ: «Dem ersten in der Ueberschrift genannten Auror mögen einige der dort nicht genannten vorangeschickt werden, nämlich folgende.» Отсюда, мнѣ кажется, совершенно ясенъ произволъ автора.

4) Вотъ перечень ихъ по параграфамъ: § 13 (въ текстѣ): Елланикъ, Платонъ, Ефоръ, [Скилакъ], Эсхилъ, Аристотель, Ѳеофрастъ, Ѳеопомпъ и Клеархъ; (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) Софоклъ, Еврипидъ, Клидимъ, Иродоръ, Дамастъ, Иппократъ, Евдоксъ, Антифонтъ, Лисій, Исократъ, Иперидъ, Динархъ, Димосѳенъ; § 15: Стратонъ, Неаноъ, Нимфисъ, Каллимахъ, Филостефанъ, Ермиппъ, Ератосѳенъ, Филархъ, Полемонъ, Мнасей, Аполлодоръ,

или приведены въ выдержкахъ въ тѣхъ 4-хъ параграфахъ, которые уже разсмотрѣны нами выше[1]), то получится почтенная цифра (около 80) писателей, давшихъ нашему автору матеріалы для его труда. Само собою разумѣется, что размѣры извлеченій изъ отдѣльныхъ авторовъ весьма различны: въ то время, какъ нѣкоторые писатели занимаютъ десятки и даже сотни страницъ (напримѣръ Стравонъ занялъ 129 страницъ, Птолемэй — 39, Плиній — 20), свидѣтельства другихъ умѣщаются въ нѣсколькихъ строкахъ. Но уже изъ самаго перечня писателей ясно, какую массу труда долженъ былъ положить авторъ на то, чтобы овладѣть всею этою литературою и изъ каждаго сочиненія извлечь то, что было пригодно для его цѣлей. Не слѣдуетъ забывать, что при этомъ необходимо бываетъ просматривать многихъ писателей безъ всякаго результата, то есть не находя у нихъ ничего подходящаго для данной цѣли, и что просматривать приходится по самимъ текстамъ, а никакъ не по указателямъ, какъ бы хороши они ни были. Такъ работалъ, безъ сомнѣнія, и Боннель. Всю тяжесть и кропотливость такой работы можетъ понять и оцѣнить только тотъ, кто самъ знакомъ съ нею практически. Одному лицу сразу, безъ подготовительныхъ работъ, почти не мыслимо исполнить ее вполнѣ безукоризненно. Болѣе или менѣе крупные промахи здѣсь вполнѣ возможны и вполнѣ извинительны, лишь бы они не подрывали вкорень довѣрія читателей къ добросовѣстности работы и къ тому, что она можетъ служить вполнѣ надежнымъ пособіемъ для справокъ.

Къ сожалѣнію, недостатки труда Боннеля въ разсматриваемыхъ теперь параграфахъ таковы, что не могутъ внушить къ нему полнаго довѣрія. Происходятъ они главнымъ образомъ отъ неодинаковости отношенія собирателя къ эксцерпируемымъ имъ писателямъ и отъ крайней субъективности его воззрѣній на степень значенія и важности отдѣльныхъ свидѣтельствъ.

Обыкновенно Боннель ставилъ очень широкія границы изслѣдуемой имъ об-

---

Иппархъ, Поливій, [Скимнъ], Митродоръ, Александръ Полиісторъ, Посидоній Апамейскій, Θеофанъ; § 18: Николай Дамасскій, Діодоръ, Исидоръ Харакскій, Трогъ Помпей, имп. Августъ (monum. Ancyranum), Виргилій, Проперцій, Горацій и Овидій; § 19—Стравонъ; § 20 — Помпоній Мела и Кв. Курцій; § 21 — Плиній Старшій; § 23 — Діонисій Періэгитъ; § 24 — Тацитъ; § 25 — Арріанъ (Периплъ и Диспозиція противъ аланъ); § 26 — Лукіанъ; § 27—Птолемэй.

1) Вотъ эти авторы (кромѣ вошедшихъ въ предыдущее перечисленіе): Онисикритъ, Аристовулъ, Поликлитъ, Ираклидъ Понтійскій, Дикэархъ, Палэфатъ, Андронъ, Екатэй Авдирскій, Нимфодоръ, Мегасоенъ, Патроклъ, Димодамантъ, Юстинъ, Макробій, Мемнонъ, Діонъ Кассій, Аппіанъ, Поліэнъ, Аэинэй, Плутархъ и др.

ласти, такъ что онѣ захватываютъ, кромѣ собственной Скиѳіи, и придунайскія страны, и Кавказъ съ Закавказьемъ, Арменіей и прилегающими къ ней областями, и закаспійскія земли, и Туркестанъ. Поэтому изъ многихъ сохранившихся произведеній древней литературы онъ приводитъ обширныя извлеченія, при чемъ нѣкоторыя частности ихъ имѣютъ лишь косвенное или весьма отдаленное отношеніе къ интересующей его области, или съ педантическою аккуратностью отмѣчаетъ самыя мелкія и случайныя упоминанія о лицахъ, предметахъ или мѣстностяхъ, входящихъ въ эту область. Но на ряду съ этимъ онъ изъ нѣкоторыхъ авторовъ приводитъ „nur einige Notizen“, безъ объясненія причинъ своего выбора, или оставляетъ безъ вниманія цѣлыя сочиненія, или, наконецъ, прямо говоритъ, что онъ „не хочетъ“ приводить извлеченія изъ какого-нибудь автора. Такой — смѣю сказать — капризъ проявилъ онъ, напримѣръ, по отношенію къ Аполлонію Родосскому, На стр. 589 онъ прямо говоритъ: „Ἀπολλώνιος aus Rhodos, ein Zeitgenosse des Kallimachos, schrieb ein Epos Ἀργοναυτικά, aus dessen Inhalt will ich aber nichts mittheilen“. Но если автора не интересовала собственно миѳологическая сторона произведенія Аполлонія (хотя въ другихъ случаяхъ Боннель неоднократно приводитъ и миѳическія сказанія, относящіяся къ Скиѳіи и сосѣднимъ съ нею странамъ), то во всякомъ случаѣ въ немъ имѣется много географическихъ и этнографическихъ свидѣтельствъ, безъ сомнѣнія, отражающихъ въ себѣ современное писателю состояніе знаній объ описываемыхъ имъ странахъ, лежавшихъ на пути Аргонавтовъ; такія свидѣтельства, на нашъ взглядъ, вполнѣ заслуживали включенія въ сборникъ [1]).

Изъ Плутарха неоднократно цитируются свидѣтельства въ монографически обработанныхъ отдѣлахъ книги (напримѣръ, объ Александрѣ Македонскомъ и о Миѳридатѣ), но полнаго свода его извѣстій мы не находимъ въ книгѣ, хотя и этотъ писатель вполнѣ заслуживалъ бы такого вниманія. Въ посвященномъ Лукіану Самосатскому параграфѣ 26-мъ приведены выдержки только изъ трехъ сочиненій (Σκύθης ἢ πρόξενος, Ἀνάχαρσις ἢ περὶ γυμνασίων и Τόξαρις ἢ φιλία), но глубоко ошибся бы тотъ, кто, довѣряя Боннелю, сталъ бы думать, что въ другихъ произведеніяхъ этого плодовитаго писателя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, относящихся къ интересующей насъ области [2]). Изъ Арріана не приведены данныя,

1) Позволимъ себѣ сослаться на наши «Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ», гдѣ извлеченія изъ Аполлонія приведены въ вып. 2-мъ на стр. 412—424.

2) Въ нашихъ «Извѣстіяхъ др. пис.» (вып. 2, стр. 539 сл.) приведены изъ Лукіана

заключающіяся въ „Описаніи Индіи“, сочиненіи „Объ охотѣ“ и „Тактикѣ“ [1]), а изъ Аполлодора сообщены только собственныя имена (стр. 598). Наконецъ, мы можемъ указать цѣлый рядъ авторовъ, извѣстія которыхъ, иногда довольно важныя, совершенно не приведены въ книгѣ Боннеля. Ограничиваясь, конечно, только тѣмъ періодомъ времени (отъ Иродота до Птолемэя), который успѣлъ обработать покойный авторъ, мы можемъ указать: Симмія Родосскаго, Ликофрона, Антигона Каристійскаго, Артемидора Ефесскаго, Дидима Халкентера, Исигона Никейскаго, Діонисія Аликарнасскаго, Филона Іудея, Флавія Іосифа, Аннэя Корнута, Діона Хрисостома (другія рѣчи, кромѣ Борисѳенитской), Клеомида, Антонія Діогена, Филона Вивлійскаго, Сорана, Флегонта, Артемидора Далдіанскаго, Никанора Александрійскаго, Элія Аристида, Павсанія и др. Извлеченія изъ этихъ писателей, безъ сомнѣнія, много способствовали бы полнотѣ сборника.

Что касается до самыхъ переводовъ, то, насколько мы можемъ судить по нѣсколькимъ сдѣланнымъ наугадъ сличеніямъ, они отличаются большою добросовѣстностью, точностью и близостью къ подлинникамъ. Жаль, что, приводя фрагменты изъ потерянныхъ трудовъ, авторъ указываетъ обыкновенно только сборники этихъ фрагментовъ (главнымъ образомъ Fragmenta historicorum Graecorum), а не даетъ точныхъ указаній, у какихъ авторовъ и въ какихъ произведеніяхъ сохранились отрывки. Это послужило бы къ значительному упрощенію и облегченію справокъ по подлинникамъ, такъ какъ эти справки можно было бы дѣлать не черезъ посредство сборниковъ фрагментовъ, а прямо по авторамъ.

Извлеченія нерѣдко сопровождаются объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ Боннель обыкновенно близко слѣдуетъ за новыми издателями авторовъ или сборниковъ фрагментовъ, изслѣдователями древней географіи и т. п. Примѣчанія эти, довольно обильныя въ первой половинѣ книги, напечатанной до 1887 г., во второй половинѣ становятся все болѣе и болѣе скудными и наконецъ совсѣмъ прекращаются, такъ что, напримѣръ, къ Помпонію Мелѣ дано всего семь маленькмхъ примѣчаній, а къ Плинію, Діонисію Періигиту, Тациту, Лукіану и Птолемэю ихъ совсѣмъ уже нѣтъ. Отсюда можно заключить, что покойному автору не удалось довести до конца обработку извлеченій изъ этихъ писателей

еще слѣдующія мѣста: *Nigr.* § 1; *Prom.* 1—4; *Dial. deor.* 1, 16, 23; *Dial. mort.* 12 и 14; *De sacrif.* 6 и 13; *Alex.* 57; *Iupp. trag.* 42; *Icaromen.* 16; *De luctu* 21; *Longaevi* 10 и 17; *Lapith.* 13; *Deor. conc.* 9.

1) См. наши «Изв. др. пис.», вып. 2, стр. 519 сл.

и что если бы судьба продлила его дни, то онъ, вѣроятно, не выпустилъ бы въ свѣтъ свою книгу въ настоящемъ полуобработанномъ видѣ.

Въ заключеніе нашего отзыва, который, несмотря на все наше стремленіе къ краткости (мы всячески сокращали количество примѣровъ, подтверждающихъ наши отдѣльныя положенія), принялъ значительные размѣры благодаря богатству содержанія разсматриваемой книги, позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

1) Въ концѣ предисловія къ I тому авторъ обѣщалъ дать въ указателѣ къ II тому сопоставленіе собственныхъ именъ, могущихъ служить матеріалами для дальнѣйшихъ этнологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. По всей вѣроятности, въ качествѣ подготовительнаго матеріала къ такому сопоставленію въ нѣсколькихъ мѣстахъ второго тома даны сборники собственныхъ именъ по отдѣльнымъ писателямъ или группамъ ихъ. Такъ, на стр. 519 въ подстрочномъ примѣчаніи сопоставлены „meistens thrakische Namen“, встрѣчающіяся у аттическихъ ораторовъ; въ примѣчаніи на стр. 539 мы находимъ „thrak., kleinasiat. u. a. Namen“ изъ Θеофраста; на стр. 586—„einige Eigennamen, grössern Theils makedonische“ изъ писателей, которыми пользовался Аррiанъ, и вообще изъ современныхъ Александру Великому и діадохамъ; на стр. 589 — собственныя имена изъ Каллимаха безъ ближайшаго опредѣленія, какія именно; наконецъ, на стр. 613—„einige der von Polybius genannten Eigennamen“. Изъ приведенныхъ цитатъ можно, мнѣ кажется, заключить, что авторъ или ставилъ слишкомъ широкія рамки для такого сборника именъ, или просто не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какія имена слѣдовало вносить въ него, и отмѣчалъ всѣ имена, показавшіяся ему въ какомъ-либо отношеніи интересными. Имена приведены безъ опредѣленнаго порядка (напримѣръ, алфавитнаго) или раздѣленія на группы (напримѣръ, по личнымъ и географическимъ именамъ), безъ точныхъ цитатъ, и между ними попадается не мало именъ чисто греческихъ. Мы, конечно, лишены возможности судить, какъ воспользовался бы авторъ этимъ сырымъ матеріаломъ при составленіи указателя по окончаніи II тома, но смѣемъ думать, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти безпорядочныя кучки именъ, разбросанныя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на нѣсколькихъ страницахъ, не могутъ имѣть никакого научнаго значенія и даже служить для справокъ. Жаль, что г. Энманъ не сопоставилъ ихъ вмѣстѣ въ какомъ-нибудь порядкѣ (напримѣръ, алфавитномъ) въ концѣ тома.

2) Что касается до внѣшнихъ сторонъ книги, то намъ уже случилось мимоходомъ указать на неудобства, проистекающія отъ того, что въ монографически обработанныхъ параграфахъ составитель иногда прерываетъ свое связное изложеніе длинными вставками переводовъ изъ писателей, или произвольно выдѣляетъ нѣкоторыхъ писателей въ подстрочныя примѣчанія. Еще одно неудобство, значительно затрудняющее пользованіе книгой, заключается въ томъ, что кромѣ дѣленія на длинные параграфы (которые правильнѣе было бы назвать главами), въ ней нѣтъ никакихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій и что авторъ не любитъ пользоваться даже красною строкою. Во многихъ мѣстахъ книги вслѣдъ за переводами изъ древнихъ авторовъ идутъ въ строку собственныя объясненія составителя книги, или извлеченія изъ разныхъ писателей ничѣмъ не отдѣляются одно отъ другаго. При этомъ слѣдуетъ еще припомнить, что многіе писатели не названы и въ заголовкахъ параграфовъ и для облегченія отыскиванія извлеченій изъ нихъ ровно ничего не сдѣлано (напримѣръ, въ §§ 13 и 15). Г. Энманъ почему-то не счелъ нужнымъ даже внести ихъ въ составленный имъ указатель „der wichtigeren Eigennamen“, хотя было бы еще лучше дать отдѣльный алфавитный указатель всѣхъ авторовъ, извлеченія изъ которыхъ вошли въ книгу, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они помѣщаются.

3) Мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ топографическихъ примѣчаній къ тексту Стравона, въ которыхъ Боннель подвергаетъ критикѣ мои указанія мѣстоположенія древнихъ городовъ и селеній на Воспорѣ Киммерійскомъ, заключающіяся во введеніи ко II тому „Inscriptionum orae septentr. Ponti Euxini“ или на приложенныхъ къ нему картахъ. Такъ, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 856 [1]), указавъ на то, что я помѣщаю древній Нимфэй въ мѣстности нынѣшняго Эльтегена, Боннель замѣчаетъ, что покойный Дюбрюксъ „nimmt die Lage von Nymphäon nahe südlich von Kertsch bei der Pawlow'schen Batterie an, und in dem Falle wohl richtig, wenn die Angabe des Anonymus, dass Nymphaeon von Pantikapaeon nur 25 Stadien entfernt gewesen sei, eine ungefähr wahre ist“. Но дѣло въ томъ, что 25 стадій отдѣляли Нимфэй не отъ Пантикапэя, а отъ Тиристаки или Тиритаки, лежавшей въ 60 стадіяхъ отъ этого города.

---

1) Нельзя не отмѣтить здѣсь слѣдующаго курьеза. *Впервые* цитируя на указанной страницѣ нашъ сборникъ, авторъ говоритъ: «Latyschew hat in seinem *wiederholt citirten* Werke» и т. д. Онъ, очевидно, забылъ, что раньше ни разу не упоминалъ о нашей книгѣ, и этотъ lapsus memoriae не былъ исправленъ при корректурѣ.

Такимъ образомъ получается 85 стадій,—разстояніе, близко соотвѣтствующее тому, которое отдѣляетъ Эльтегенъ отъ Керчи. Мѣстоположеніе Нимфэя въ мѣстности Эльтегена въ настоящее время считается безспорнымъ [1]). Далѣе, въ примѣчаніи 2 на стр. 867 Боннель, отвергая возможность отождествленія Корокондамскаго озера съ Таманскимъ заливомъ, отождествляетъ его съ Кизильташскимъ (или Кубанскимъ) лиманомъ и въ связи съ этимъ переноситъ деревню Корокондаму въ окрестности нынѣшняго Бугаза, Патраей и памятникъ Сатира — въ восточный уголъ Таманскаго залива, а затѣмъ (примѣчаніе на стр. 868) Фанагорію и Кипы на сѣверный берегъ Кизильташа и Ермонассу — на южный или восточный берегъ того же лимана. Мои карты составлялись, однако, не наобумъ, а на основаніи результатовъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ археологическихъ и топографическихъ изслѣдованій, тогда какъ Боннель, столь рѣшительно отвергая эти результаты, не потрудился даже справиться хотя бы съ извѣстной ему [2]) диссертаціей покойнаго К. К. Герца „Археологическая топографія Таманскаго полуострова“ (М. 1870), въ которой именно доказывается, между прочимъ, тождество Корокондамскаго озера съ Таманскимъ заливомъ и опредѣляется мѣстоположеніе Фанагоріи въ глубинѣ этого залива, на юго-восточномъ берегу, въ мѣстности нынѣшнихъ хуторовъ Боровика и Семеняки [3]). Что Фанагорія находилась именно здѣсь, это можно считать вполнѣ правдоподобнымъ (хотя и долго было бы приводить доказательства); а если это такъ, то сразу разсыпается весь карточный домикъ, построенный Боннелемъ только на буквальномъ толкованіи словъ Страбона, безъ всякаго соображенія съ извѣстіями другихъ писателей и съ археологическими данными.

Пора, однако, кончить. Читатели, которые прослѣдили вмѣстѣ съ нами содержаніе II тома труда Боннеля, надѣюсь, согласятся съ тѣмъ, что представляемое имъ богатое собраніе экспертовъ изъ древнихъ писателей является весьма полезнымъ, хотя и не абсолютно полнымъ и потому не безусловно надежнымъ пособіемъ для всякаго, кто интересуется древней исторіей, географіей и

---

1) Ср. объ этомъ статью В. В. Шкорпила: «Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ» въ *Зап. Од. Общ.*, т. XX, стр. 16 сл., а также Ф. К. Бруна Черноморье, т. II, стр. 307.

2) По крайней мѣрѣ книга Герца цитируется въ I томѣ труда Боннеля. [Новое изданіе диссертаціи Герца выпущено подъ нашею редакціею въ изданномъ Имп. Академіей наукъ «Собраніи сочиненій К. К Герца», вып. 1. Спб. 1898].

3) Ср. также Ф. К. Бруна Черноморье, т. II, стр. 265 сл.

этнографіей Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею странъ и пожелаетъ по возможности скорѣе оріентироваться въ сокровищницѣ данныхъ, сообщаемыхъ объ этихъ странахъ древними греческими и латинскими писателями. Что же касается до собственныхъ изслѣдованій автора въ §§ 16 и 17, то они вслѣдствіе своей устарѣлости, значительнаго количества разнаго рода промаховъ и неосновательности многихъ соображеній и выводовъ не могутъ претендовать на серьезное научное значеніе.

Юліанъ Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Привѣтствіе XI археологическому съѣзду. Кіевъ 1899 г. (II + 33 стр. 4° съ картой)[1].

Профессоръ Ю. А. Кулаковскій, заслуженный и неутомимый изслѣдователь древнихъ судебъ нашего юга, привѣтствовалъ недавно бывшій въ Кіевѣ XI археологическій съѣздъ трудомъ, восполняющимъ давно и живо чувствовавшійся пробѣлъ въ нашей историко-филологической наукѣ и, безъ сомнѣнія, съ радостью встрѣченнымъ всѣми интересующимися исторической географіей странъ, входящихъ нынѣ въ составъ Русскаго государства. Авторъ въ первыхъ же строкахъ предисловія къ своему изданію справедливо замѣчаетъ, что „интересныя и важныя данныя для древнихъ судебъ территоріи Европейской Россіи, заключенныя въ картѣ Птолемея, не пользуются у насъ всеобщей извѣстностью и не привлекаютъ того вниманія, какого они заслуживаютъ“. Желаніе сдѣлать ихъ доступными широкому кругу людей, причастныхъ разработкѣ русскихъ древностей, и дало г. Кулаковскому поводъ къ исполненію его нелегкаго труда, за который многіе скажутъ ему спасибо. Нельзя не поблагодарить вмѣстѣ съ авторомъ и университетъ св. Владиміра, давшій средства на весьма изящное по внѣшности изданіе этого труда.

Въ предисловіи указаны раздѣленіе труда, способъ исполненія градусной сѣтки карты, изданія Птолемея и новыя пособія къ его изученію, бывшія подъ руками автора. Текстъ раздѣленъ на двѣ главы, изъ коихъ первая заключаетъ въ пяти параграфахъ обзоръ общихъ свѣдѣній о „Географіи“ Птолемея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли, а вторая — комментарій къ картѣ Европейской Сарматіи, относительно котораго авторъ предупреждаетъ въ преди-

---

1) *Филолог. Обозрѣніе*, томъ XVI (1899), отд. II, стр. 89—98.

словіи, что онъ „былъ далекъ отъ мысли исчерпать тѣ археологическіе вопросы, которые она можетъ вызвать“.

Если первая глава содержитъ въ себѣ, въ весьма умѣломъ и ясномъ сопоставленіи, свѣдѣнія, болѣе или менѣе извѣстныя филологамъ, то вторая представляетъ огромный спеціальный интересъ для всѣхъ, кто интересуется исторической географіей Европейской Россіи и прилегающихъ къ ней съ запада и юго-запада странъ. Эта глава, подобно первой, распадается на пять параграфовъ, изъ коихъ каждый посвященъ разсмотрѣнію одного какого-либо отдѣла географическихъ данныхъ Птолемея, относящихся къ Европейской Сарматіи: въ первомъ разсматриваются указанные александрійскимъ географомъ предѣлы этой страны и дѣлается общая оцѣнка точности его карты; § 2 посвященъ называемымъ Птолемеемъ рѣкамъ, при чемъ г. Кулаковскій съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на допущенной географомъ погрѣшности въ указаніи устьевъ Борисѳена (Днѣпра) и Ипанида (Южнаго Буга); въ § 3 оцѣниваются сообщаемыя Птолемеемъ данныя о горныхъ хребтахъ европ. Сарматіи; § 4 посвященъ этническимъ именамъ, которыми заполнены у Птолемея предѣлы этой страны, при чемъ нашъ почтенный авторъ оговаривается, что онъ далекъ отъ мысли входить въ подробный разборъ этнической карты Птолемея и ограничивается лишь нѣсколькими замѣчаніями „въ видахъ упрощенія пестроты именъ на картѣ Птолемея“; именно, онъ указываетъ на нѣсколько названій, принадлежащихъ, по его мнѣнію, мнимымъ народностямъ, сближаетъ народы, помянутые Птолемеемъ въ разныхъ мѣстахъ (Певкины, Кистобоки, Анарты и Анартофракты), дѣлаетъ нѣсколько отождествленій Птолемеевыхъ названій съ извѣстными изъ другихъ древнихъ или позднѣйшихъ источниковъ и, наконецъ, разсматриваетъ вопросъ о мѣстожительствѣ Языговъ, Роксоланъ и Хуновъ, при чемъ видитъ въ появленіи послѣднихъ на картѣ Птолемея первое свидѣтельство о тюркахъ на территоріи Европы. Въ послѣднемъ § г. Кулаковскій трактуетъ о показанныхъ Птолемеемъ городахъ, не останавливаясь при этомъ на прибрежныхъ; города внутри страны авторъ размѣщаетъ по торговымъ путямъ, указывая попутно предшествовавшія попытки пріуроченія ихъ къ современнымъ мѣстностямъ и приводя много весьма интересныхъ, частію неизданныхъ, свидѣтельствъ о находкахъ римскихъ монетъ на Волыни и въ другихъ мѣстахъ по сообщеніямъ извѣстнаго кіевскаго археолога, проф. В. Б. Антоновича. Съ особенною подробностью останавливается авторъ на теченіи р. Борисѳена и локализаціи городовъ, расположенныхъ у Птолемея по

этой рѣкѣ, а также показанныхъ по теченію рѣки Каркинита. При этомъ г. Кулаковскій неоднократно говоритъ о возможности пріурочить Птолемеевъ городъ Метрополь къ нынѣшнему Кіеву и, высказывая догадку о томъ, что „Днѣпровскій городъ“ исландскихъ сагъ есть не что иное, какъ Кіевъ, заключаетъ свой трудъ словами: „Находки куфическихъ монетъ на территоріи Кіева и появленіе его на зарѣ нашей родной исторіи, какъ значительнаго и важнаго центра политической жизни, дѣлаютъ вѣроятнымъ непрерывное существованіе его отъ давнихъ временъ Птолемея“.

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку всего комментарія, даннаго Ю. А. Кулаковскимъ къ географическимъ свидѣтельствамъ Птолемея, мы замѣтимъ только, что онъ производитъ впечатлѣніе нѣкоторой незаконченности. Въ текстѣ, приложенномъ къ спеціальному изданію карты Европейской Сарматіи, вычерченной на основаніи свидѣтельствъ одного писателя, скорѣе всего слѣдовало бы ожидать подробнаго и систематическаго разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ, сообщаемыхъ этимъ писателемъ; между тѣмъ г. Кулаковскій, по его собственному заявленію, далекъ былъ отъ мысли исчерпать вызываемые картою вопросы и въ частности исключилъ изъ своего комментарія обозрѣніе указанныхъ Птолемеемъ приморскихъ городовъ; кромѣ того, онъ совершенно обошелъ молчаніемъ всѣ данныя, касающіяся Крыма, хотя этотъ полуостровъ цѣликомъ вошелъ на его карту и для лицъ, „причастныхъ разработкѣ русскихъ древностей“, представляетъ, безъ сомнѣнія, не меньше интереса, чѣмъ остальныя области Европейской Сарматіи; изъ 6 рѣкъ, впадающихъ въ озеро Бикъ и Мэотиду съ запада, авторъ сопоставляетъ съ современными только двѣ, Ликъ и Поритъ, а остальныя оставляетъ безъ вниманія, точно такъ же, какъ и рѣки, текущія въ Мэотиду съ востока (хотя, впрочемъ, послѣднія находятся уже внѣ предѣловъ Европейской Сарматіи)[1]). Быть можетъ, недостаточную подробность и систематичность комментарія слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторъ предназначилъ свой трудъ не для спеціалистовъ-филологовъ или изслѣдователей исторической географіи, а для болѣе широкаго круга лицъ, интересующихся вообще русскою археологіею; но именно для такихъ лицъ, на нашъ взглядъ, было бы весьма важно и полезно сообщить возможно большее количество данныхъ для перевода показаній Птолемея на современную карту, а

1) Ср. объ этихъ рѣкахъ К. К. Герца, Археолог. топографія Таманскаго полуострова, изд. 2 (С.-Пб. 1898 г.), стр. 18—22.

между тѣмъ эти данныя въ трудѣ г. Кулаковскаго (въ текстѣ и на картѣ) далеко не исчерпаны. Въ особенности на картѣ сопоставленія Птолемеевыхъ названій съ современными (приписанныя въ скобкахъ) проведены гораздо менѣе послѣдовательно, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ высказываетъ свои положенія черезчуръ рѣшительно и догматично. Ограничимся однимъ-двумя примѣрами. Г. Кулаковскій въ трехъ мѣстахъ касается вопроса о пресловутой рѣкѣ Каркинитѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ ея существованіе[1]); между тѣмъ Птолемеевъ Каркинитъ, безъ сомнѣнія, тожественъ съ Геродотовскою рѣкою Ὑπάκυρις, впадавшею въ море, по свидѣтельству Геродота (IV, 55), у города Каркинитиды; вопросъ объ этой рѣкѣ занимаетъ видное мѣсто во всѣхъ изслѣдованіяхъ Геродотовской Скиѳіи и уничтожить ее двумя словами, какъ это дѣлаетъ г. Кулаковскій, едва ли возможно. Мы лично согласны съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что г. Каркинитида находился на западномъ берегу Крыма[2]), но, будучи на мѣстѣ г. Кулаковскаго, не рѣшились бы оставить вопросъ объ этомъ городѣ и соименной ему рѣкѣ безъ всякаго разсмотрѣнія. Не менѣе рѣшительно авторъ на стр. 19, слѣдуя Мюлленгофу, пріурочиваетъ птолемеевы рѣки Хронъ, Рудонъ, Турунтъ и Хесинъ къ Прегелю, Нѣману, Виндавѣ и Зап. Двинѣ, хотя и здѣсь, мнѣ кажется, слѣдовало бы разсмотрѣть и другія мнѣнія и указать основанія принятой локализаціи.

Пора, однако, развернуть и самую карту Сарматіи, приложенную къ труду почтеннаго кіевскаго профессора. Она исполнена весьма изящно и, благодаря между прочимъ примѣненію разныхъ красокъ, представляется очень наглядною. Предѣлы ея заключаются между 42°—73° долг. и 43°—63° сѣв. широты. Эти предѣлы съ запада и сѣвера почти совпадаютъ съ указанными Птолемеемъ границами Европейской Сарматіи, а на югѣ г. Кулаковскій имѣлъ бы полное право ограничить карту 46-мъ градусомъ сѣв. широты, проходящимъ немного южнѣе самаго южнаго устья Истра и самаго южнаго пункта Крыма (м. Κριοῦ μέτωπον), но онъ раздвинулъ ея предѣлы на три градуса къ югу, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы нанести на карту все нижнее теченіе Дуная, начиная отъ поворота при

1) Стр. 17: «Никакой третьей рѣки на этой территоріи нѣтъ и, конечно, не было и въ пору Птолемея».—Стр. 18: «Что касается до рѣки Каркинита,... то такой рѣки не существуетъ». — Стр. 30: «Съ перенесеніемъ Птолемеевой Каркины на территорію Крыма исчезаетъ и рѣка Каркинитъ».

2) Ю. А. Кулаковскій на стр. 30 ссылается на то изслѣдованіе, въ которомъ мы высказались по этому вопросу.

Куртѣ. Вслѣдствіе такого расширенія, на карту попала вся Дакія, весь Евксинскій Понтъ, обѣ Мезіи и даже частица Адріатическаго моря въ юго-западномъ углу карты. Съ другой стороны, благодаря острому углу, образуемому теченіемъ рѣки Танаида, составлявшей часть восточной границы Европейской Сарматіи, карта захватываетъ и значительную часть Сарматіи Азіатской: не будь этого угла, съ востока можно было бы ограничиться 67-мъ градусомъ долготы.

Вообще говоря, карта вычерчена внимательно, и встрѣчающіяся у Птолемея географическія данныя нанесены на нее аккуратно; но тѣмъ не менѣе автору не удалось при ея исполненіи избѣжать разныхъ неточностей и пропусковъ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, дѣло объясняется разногласіемъ текстовъ, бывшихъ подъ руками у автора (преимущественно К. Мюллера и Вильберга), но чаще приходится приписывать недостатки карты просто недосмотру автора или чертежника. Такъ, неоднократно встрѣчается неточность, заключающаяся въ перенесеніи даннаго пункта на градусъ или болѣе къ В. или къ З.; напр., поворотъ (ἐπιστροφή) р. Тиры, показанный у Птолемея на 53°, на картѣ г. Кулаковскаго находится на 54° 30′; на градусъ восточнѣе показаннаго Птолемеемъ положенія поставлены Зевгма и Аргидава въ Дакіи, а также Авхида на р. Псаѳіи къ В. отъ Мэотиды, вслѣдствіе чего и теченіе этой рѣки показано неправильно; напротивъ, г. Тіасъ въ Дакіи и устье р. Апсорра на вост. берегу Понта перенесены на градусъ западнѣе, при чемъ послѣдняя неточность повліяла на изображеніе береговой линіи Понта между Апсорромъ и сосѣдними пунктами. Къ этому же разряду неточностей или недосмотровъ можно отнести слѣдующій: въ текстѣ Птолемея стоятъ рядомъ дакійскіе города Ζιρίδαυα на 45° 30′ долг. и Σιγγίδαυα на 48°, при чемъ градусъ широты у обоихъ одинаковъ (46° 20′); а у г. Кулаковскаго первое названіе поставлено на второмъ пунктѣ градусной сѣтки, а второе совсѣмъ пропущено; очевидно, что при нанесеніи этихъ пунктовъ авторъ взялъ первое названіе и къ нему отнесъ цифры, стоящія строкою ниже. Другой разрядъ неточностей обусловливается пропускомъ нѣкоторыхъ кардинальныхъ пунктовъ при вычерчиваніи тѣхъ или другихъ линій; такъ, часть теченія Дуная на пространствѣ между Аквинкомъ и Тевтобургіемъ показана немного далѣе на западъ, чѣмъ слѣдуетъ, вслѣдствіе пропуска придунайскихъ городовъ Салина,

1) При указаніи ихъ мы будемъ обращать вниманіе исключительно на свидѣтельства Птолемея, не касаясь вопросовъ о соотвѣтствіи ихъ съ дѣйствительностью или съ показаніями другихъ древнихъ авторовъ.

Луссонія и Лугіона, положеніе которыхъ опредѣлено у Птолемея. При нанесеніи южнаго берега Понта г. Кулаковскій намѣтилъ только 4 пункта (Гераклею, Амастриду, Синопу и Амисъ), почему-то пропустивъ нѣсколько промежуточныхъ (напр. Тій, Киторъ, м. Карамбида, Абонотихъ), которые значительно способствовали бы точности изображенія береговой линіи; особенно важно было бы нанесеніе м. Карамбиды, самаго сѣвернаго пункта всего южнаго берега Понта, лежащаго на 25′ выше Синопы, которая представляется самымъ сѣвернымъ пунктомъ на картѣ г. Кулаковскаго, при чемъ на долготѣ Карамбиды берегъ проходитъ у него приблизительно на 43° 40′ шир. вмѣсто 44° 25′. Далѣе, между Амисомъ и Иссомъ часть южнаго берега Понта совсѣмъ не нанесена на карту, какъ будто бы она лежала ниже 43-го градуса сѣв. шир.; между тѣмъ изъ показаній Птолемея (V, 6) ясно, что онъ представлялъ эту часть лежащею выше этого градуса, такъ что весь южный берегъ могъ быть вычерченъ, и отъ этого выиграла бы точность карты.

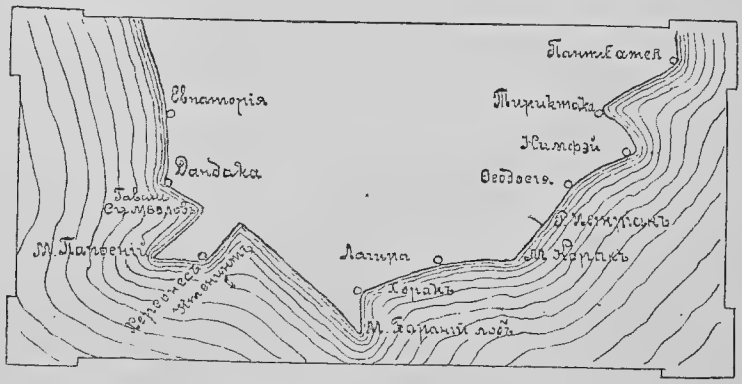
Показаніе долготы трехъ городовъ, лежащихъ на р. Іерасѣ, у г. Кулаковскаго какъ бы смѣшано изъ двухъ изданій, которыми онъ преимущественно пользовался, какъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	у Мюллера	у Вильберга	у г. Кулаковскаго
Заргидава.	54° 40′	55° 40′	55° 40′
Тамасидава. . . .	54° 20′	55° 20′	54° 20′
Пироборидава . .	54°	54° 30′	54° 30′

Слѣдуя Вильбергу въ опредѣленіи положенія Заргидавы, г. Кулаковскій долженъ былъ отклонить далеко къ востоку теченіе р. Іераса и сблизить его съ р. Тирою. Мнѣ кажется, что въ данномъ пунктѣ слѣдовало бы принять чтенія тѣхъ рукописей, которымъ отдалъ предпочтеніе Мюллеръ, или уже во всякомъ случаѣ держаться одного изъ двухъ изданій, а не смѣшивать ихъ. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что нижнее теченіе р. Тиры также изображено неточно вслѣдствіе того, что города Никоній и Офіусса поставлены восточнѣе этой рѣки, а не между нею и Іерасомъ, какъ у Птолемея.

При вычерчиваніи западнаго и южнаго береговъ Крыма г. Кулаковскій, какъ намъ кажется, нѣсколько отступилъ отъ порядка, въ которомъ названы Птолемеемъ лежащіе здѣсь географическіе пункты по направленію отъ запада къ востоку. Строго слѣдуя этому порядку, онъ долженъ былъ бы поставить гавань

Символовъ на западномъ берегу между Дандакою (на картѣ не отмѣченною) и мысомъ Парѳеніемъ [1]), а Харакъ — на восточномъ берегу мыса Κριοῦ μέτωπον, прямо къ сѣверу отъ него [2]). Далѣе, на восточной окраинѣ полуострова берегъ между Нимфэемъ и Пантикапеею проведенъ по прямой линіи къ сѣверо-востоку; между тѣмъ у Птолемея названа между этими пунктами еще Тириктака и притомъ на 15′ западнѣе Нимфэя и на 30′ западнѣе Пантикапеи, откуда видно, что берегъ изгибался здѣсь въ видѣ небольшого залива, въ глубинѣ котораго и лежала Тириктака [3]). Ради наглядности представляемъ здѣсь разсмотрѣнную часть крымскаго берега такъ, какъ она, по нашему мнѣнію, рисовалась въ воображеніи Птолемея (въ опредѣленіи пунктовъ слѣдуемъ изданію Мюллера).



Наконецъ, замѣтимъ еще, что г. Кулаковскій поставилъ Амадокскія горы

---

1) Показаніе этихъ пунктовъ у Птолемея во всякомъ случаѣ ошибочно, но при нашемъ представленіи ошибка будетъ меньше, нежели при представленіи г. Кулаковскаго: въ первомъ случаѣ она будетъ заключаться только въ перенесеніи названія λιμὴν Συμβόλων на Ктенунтъ и наоборотъ и въ помѣщеніи г. Херсониса къ востоку отъ м. Парѳенія (быть можетъ, согласно съ старой традиціей, извѣстной намъ изъ Страб. VII, 4, 2), а во второмъ — еще въ перенесеніи обѣихъ бухтъ къ в. отъ Херсониса.

2) Быть можетъ, именно къ Хараку слѣдуетъ пріурочить тѣ остатки древняго поселенія, которые открыты на мысѣ Ай-Тодорѣ въ 1895 г. при раскопкахъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича. При этихъ раскопкахъ было найдено, между прочимъ, нѣсколько черепицъ съ латинскими клеймами, свидѣтельствующихъ о бывшей здѣсь стоянкѣ римскаго военнаго отряда. До сихъ поръ Харакъ локализировали или въ Ореандѣ (Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, стр. 456; Lolling въ Handbuch Iw. Müller'a, т. III, стр. 236), или въ Никитѣ (Л. Ф. Воеводскій, Карта древнихъ поселеній на югѣ Россіи, 1884 г.; согласно съ г. Воеводскимъ поставленъ Харакъ и на нашей картѣ при 2-мъ томѣ Inscr. orae sept. Ponti Euxini).

3) На «картѣ Крыма по Птолемею», приложенной г. Кулаковскимъ къ недавней статьѣ его «Новыя данныя для исторіи Стараго Крыма» (*Записки Имп. Русскаго Археолог. Общества* т. X, стр. 1—12), расположеніе Дандаки, м. Парѳенія, Херсониса, гав. Символовъ и Ктенунта показано такъ же, какъ и на новой, а берегъ между Нимфэемъ и Пантикапеею вычерченъ правильно, въ видѣ залива, съ указаніемъ Тириктаки въ глубинѣ его.

къ востоку отъ средняго теченія Борисѳена, быть можетъ, подъ вліяніемъ отмѣченной въ текстѣ (стр. 20; примѣч. 2) догадки Форбигера, что подъ этими горами слѣдуетъ разумѣть холмистыя мѣстности Кіевской и Харьковской губерній; но такъ какъ соименное этимъ горамъ озеро, изъ котораго беретъ начало притокъ Борисѳена, показано Птолемеемъ къ З. отъ рѣки, то намъ кажется, что было бы вѣрнѣе (или, лучше сказать, ближе къ представленію Птолемея) провести теченіе Борисѳена восточнѣе горъ, чтобы озеро и горы не были раздѣлены этой рѣкой. Конечно, и въ такомъ случаѣ Амадокскія горы, говоря словами г. Кулаковскаго, не соотвѣтствовали бы никакой реальности, но вѣдь рѣчь идетъ только о такомъ размѣщеніи называемыхъ александрійскимъ географомъ мѣстностей, которое бы по возможности точнѣе соотвѣтствовало его представленію [1]).

Обратимся теперь къ пропускамъ на картѣ Ю. А. Кулаковскаго. Нѣкоторые изъ нихъ, повлекшіе за собою какія-либо неточности, уже отмѣчены нами выше, но есть еще не мало и другихъ. Большая часть ихъ приходится на мѣстности, лежащія внѣ предѣловъ собственной Сарматіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые пункты не нанесены г. Кулаковскимъ на карту нарочно, по тѣмъ или другимъ причинамъ, но такъ какъ ни въ предисловіи, ни въ текстѣ комментарія нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ, то мы лишены возможности узнать, какими мотивами руководствовался авторъ при выборѣ данныхъ для нанесенія на карту. При поверхностномъ обозрѣніи карты можно было бы думать, что внѣ предѣловъ Сарматіи помѣчены на ней чисто географическія названія (города, рѣки и т. п.) и опущены по какимъ-либо соображеніямъ этническія; но и это предположеніе во многихъ случаяхъ окажется непримѣнимымъ. А между тѣмъ иногда такіе пропуски могутъ вводить въ заблужденіе пользующихся картою. Такъ, напр., на островѣ Скандіи показанъ только одинъ народъ — Гуты; всякій читатель легко можетъ подумать, что Птолемей и не зналъ никакихъ другихъ народовъ на этомъ далекомъ островѣ, о мнимомъ существованіи котораго онъ могъ имѣть лишь сбивчивыя и неопредѣленныя свидѣтельства; между тѣмъ по справкѣ въ II, 11, 16 оказывается, что Птолемей называетъ на этомъ островѣ семь народовъ, въ числѣ которыхъ Гуты заселяли лишь часть южнаго побережья. Почему г. Кулаковскій только одинъ этотъ народъ изъ семи удостоилъ чести нанесенія на карту — для насъ остается совершенно неяснымъ; во всякомъ случаѣ

1) Л. Ф. Воеводскій на своей картѣ разумѣетъ подъ Амадокскими горами возвышенный правый берегъ Днѣпра отъ Кременчуга до Хортицы.

Фины, жившіе, по словамъ Птолемея, на сѣверномъ побережьѣ Скандіи, на нашъ взглядъ никакъ не менѣе Готовъ заслуживали этой чести.

Въ восточной Германіи къ З. отъ р. Вистулы, составлявшей границу между этой страной и Европейской Сарматіей, мы видимъ всѣ города, помѣщенные Птолемеемъ восточнѣе 42-го меридіана, составляющаго западный предѣлъ карты г. Кулаковскаго, кромѣ г. Ругія. На стр. 25-й текста находимъ и объясненіе причины нанесенія ихъ на карту: „То былъ старинный торговый путь, по которому римляне получали янтарь“. Но почему же почтенный авторъ не счелъ нужнымъ назвать и народы, черезъ земли которыхъ пролегалъ этотъ торговый путь (Ругиклеи, Бургунты, Луги и др.), сдѣлавъ исключеніе для однихъ только Квадовъ? Въ юго-западномъ углу карты нанесено нѣсколько городовъ отдаленной Далматіи, и въ то же время отсутствуютъ четыре придунайскіе города Нижней Панноніи (Сольва, Салинъ, Луссоній и Лугіонъ), тогда какъ въ обѣихъ Мезіяхъ придунайскіе города отмѣчены весьма аккуратно, за исключеніемъ одного только Эска (Οἴσκος Τριβαλλῶν), который во всякомъ случаѣ заслуживалъ нанесенія на карту не менѣе прочихъ, хотя бы потому, что отмѣченъ Птолемеемъ особо, какъ одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ теченія Дуная. Въ Дакіи изъ числа 15 населявшихъ ее народовъ записаны на картѣ только три сѣверные, а изъ 44 городовъ пропущено четыре: Гермизера, Сингидава (см. выше), Рамидава и Пиръ. На правой сторонѣ карты читаются имена народовъ Азіатской Сарматіи, начиная съ сѣвера, до Яксаматовъ включительно, а народы, жившіе по восточному побережью Меотиды и Понта, всѣ опущены; изъ отдѣльныхъ географическихъ пунктовъ на восточномъ берегу Понта не нанесены: деревня Бата, г. Сиганей и устья рѣкъ Кіанея и Харіуста, тогда какъ всѣ остальные пункты по Меотидѣ и Понту имѣются налицо. Кромѣ того, такъ какъ г. Кулаковскому на стр. 21 текста случилось упомянуть о Волгѣ (Ра) и Камѣ, то, быть можетъ, неизлишне было бы нанести указанные Птолемеемъ (V, 8, 13) на пересѣченіи 70° долг. и 61° шир. истоки и затѣмъ верхнее теченіе западной изъ двухъ рѣкъ, сливающихся подъ 79°—58° 30′, т. е. именно Волги.

Всѣ указанные до сихъ поръ пропуски относятся къ мѣстностямъ, лежавшимъ внѣ предѣловъ Европейской Сарматіи, и потому имъ можно не придавать особенно важнаго значенія. Менѣе извинительны пропуски въ предѣлахъ Сарматіи и Херсонеса Таврическаго, именно слѣдующіе: 1) не помѣчены названія западнаго мыса Ахиллова Бѣга (Ἱερὸν ἄκρον) и нынѣшней Кинбурнской косы (ἄλσος

Ἑκάτης); 2) въ Крыму не показано устье р. Истріана и изъ числа поселеній, кромѣ упомянутыхъ уже Дандаки и Тириктаки, не нанесены: Аргода, Беонъ, Китэй, Постигія и Сатарха[1]); 3) изъ числа этническихъ названій мы не нашли на картѣ: Омброновъ, Иппоподовъ, Меланхлэновъ, Аорсовъ, Пагиритовъ и Саргатіевъ. Правда, имена Гелоновъ (помѣченныхъ на картѣ), Иппоподовъ и Меланхлэновъ имѣются только въ трехъ рукописяхъ (см. изд. Мюллера, стр. 427) и пропущены у Вильберга, но разъ г. Кулаковскій нанесъ на карту Гелоновъ, то не слѣдовало пропускать и ихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что Меланхлэны рядомъ съ Гелонами и Агаѳирсами помянуты въ текстѣ (стр. 22). На томъ мѣстѣ, гдѣ должно было стоять имя Саргатіевъ, мы находимъ у г. Кулаковскаго названіе „Стагны“. Причину такой замѣны намъ не удалось открыть. Судя по критическому аппарату Мюллера, къ названію Σαργάτιοι имѣется только одинъ варіантъ— Σαγάρτιοι, а Στάγνοι въ числѣ народовъ Европейской Сарматіи у Птолемея совсѣмъ не упоминаются и намъ лично не извѣстны и изъ другихъ источниковъ.

Корректура карты, вообще говоря, весьма удовлетворительна; мы нашли на ней только слѣдующія опечатки[2]): Сарнъ вм. Сорнъ (51—45), Тримманій вм. Тримаммій (52—44), Зартидава вм. Заргидава (55—47), Торекады вм. Тореккады (59—49), Гигрен вм. Гигреи (63—52), Азаръ вм. Азара (68—51), Карсоты вм. Кареоты (62—61).

Мы глубоко скорбимъ о томъ, что не могли отнестись къ почтенному труду Ю. А. Кулаковскаго съ безусловной похвалой; но во всякомъ случаѣ указанные нами недостатки изданной имъ карты легко могутъ быть исправлены каждымъ читателемъ, имѣющимъ подъ руками текстъ „Географіи“ Птолемея, а послѣ исправленія карта г. Кулаковскаго можетъ служить вполнѣ надежнымъ пособіемъ къ изученію свидѣтельствъ александрійскаго географа о странахъ, входящихъ нынѣ въ составъ территоріи нашего отечества.

---

1) На «Картѣ Крыма по Птолемею» въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. X всѣ эти поселенія показаны г. Кулаковскимъ.

2) Для облегченія отысканія на картѣ названій, подлежащихъ исправленію, мы даемъ при каждомъ въ скобкахъ два числа, изъ коихъ первое обозначаетъ меридіанъ, проходящій *львѣе* названія, а второе — параллель, проходящую *ниже* его (въ двухъ случаяхъ названіе стоитъ на самой показанной параллели). Напр., названіе Сарнъ (51—45) слѣдуетъ искать между 51 и 52 мерид. и между 45 и 46 параллелями. Кромѣ опечатокъ, отмѣченныхъ въ текстѣ, укажемъ еще слѣдующій случай. При транскрипціи названій городовъ Дакіи, въ случаѣ разногласія между Миллеромъ и Вильбергомъ, г. Кулаковскій обыкновенно слѣдовалъ первому; но въ названіи *Сандава* (51—47) почему-то предпочелъ чтеніе Вильберга (Σάνδαυα) Миллерову (Σαγγίδαυα).

По поводу „отвѣта“ проф. Ю. А. Кулаковскаго [1]).

Узнавъ о томъ, что почтенный издатель „карты Европейской Сарматіи по Птолемею“ готовитъ отвѣтъ на нашу рецензію этого изданія, помѣщенную въ «*Филолог. Обозрѣніи*» (т. XVI, 2, стр. 89 сл.), я не предполагалъ, что мнѣ придется отозваться на этотъ отвѣтъ, такъ какъ далеко не могу назвать себя охотникомъ до полемики; но, прочитавъ отвѣтъ г. Кулаковскаго («*Филолог. Обозр.*» XVII, 2, стр. 3 сл.), я убѣдился въ необходимости сдѣлать по поводу его нѣсколько фактическихъ замѣчаній, въ которыхъ, конечно, постараюсь быть по возможности краткимъ. Дѣло въ томъ, что если какой-либо читатель прочтетъ случайно только отвѣтъ г. Кулаковскаго, не познакомившись предварительно съ моей рецензіей, то онъ получитъ о ней не вполнѣ точное представленіе. Такимъ образомъ нижеслѣдующія замѣчанія будутъ имѣть въ виду исключительно возстановленіе истины.

„Отвѣтъ“ Ю. А. Кулаковскаго на цѣлыхъ семь страницъ превосходитъ длиною мою рецензію; авторъ не только прослѣдилъ шагъ за шагомъ, до послѣднихъ мелочей [2]), все содержаніе рецензіи, но даже изложилъ на трехъ страницахъ всю исторію своей работы, начиная отъ перваго появленія на его письменномъ столѣ „разграфленной на квадратики бумаги“ до выпуска изъ литографіи вполнѣ изготовленной карты. При столь лестномъ вниманіи автора къ моей рецензіи можно было бы думать, что имъ будутъ разсмотрѣны всѣ болѣе существенныя ея указанія. И въ самомъ дѣлѣ, на стр. 4 уважаемый авторъ говоритъ, что изъ числа погрѣшностей, которыя я нашелъ на его картѣ, онъ можетъ признать

1) *Филолог. Обозрѣніе*, т. XVII (1899), отд. 2, стр. 129—133.

2) Напр. въ примѣчаніи на стр. 5 авторъ отмѣчаетъ, что названіе дакійскаго города Заргидава на его картѣ напечатано вѣрно; но я продолжаю утверждать, что на моемъ экземплярѣ ясно читается Зартидава.

никакъ не всѣ, а лишь слѣдующія: 1) ошибки въ долготѣ трехъ пунктовъ, 2) ошибку въ показаніи положенія поселенія Харака, 3) „искаженіе“ Статны вмѣсто Саргатіи, 4) нѣсколько буквенныхъ ошибокъ, 5) неполноту карты въ предѣлахъ Таврическаго полуострова и 6) опущеніе двухъ названій, относящихся къ „Ахиллову бѣгу“. Объяснивъ далѣе причину опущенія на картѣ нѣсколькихъ этническихъ названій, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію такихъ ошибокъ и неточностей, которыхъ не можетъ принять на свой счетъ и въ указаніи которыхъ видитъ „отчасти недоразумѣніе, отчасти разницу въ воззрѣніи на задачу“ подобной работы. Къ сожалѣнію, ни въ томъ, ни въ другомъ отдѣлѣ мы не нашли не только разбора, но и простого упоминанія нашихъ указаній о неточности изображенія 1) южнаго берега Чернаго моря и 2) юго-западнаго берега Крыма (между Дандакою и Ктенунтомъ) и потому лишены возможности узнать, соглашается ли съ нами почтенный авторъ, или продолжаетъ думать, что эти мѣстности показаны на его картѣ вѣрно.

Далѣе, на стр. 7 внизу Ю. А. Кулаковскій говоритъ, будто я ставлю ему въ упрекъ „неполноту карты въ томъ смыслѣ, что на ней не нанесено все, что содержится у Птолемея въ предѣлахъ тѣхъ же градусовъ долготы и широты“. Я былъ бы очень благодаренъ почтенному профессору за указаніе, гдѣ онъ нашелъ у меня такой упрекъ. Простая справка на стр. 96—97[1]) моей рецензіи покажетъ, какъ я смотрѣлъ (и продолжаю смотрѣть) на пропуски, имѣющіеся на картѣ г. Кулаковскаго внѣ предѣловъ собственно Европейской Сарматіи. Теперь г. Кулаковскій объясняетъ причину нѣкоторыхъ изъ этихъ пропусковъ, но почему-то далеко не всѣхъ; а руководившія имъ „эстетическія соображенія“, изъ-за которыхъ онъ избѣгалъ, съ одной стороны, пустоты, а съ другой — пестроты, врядъ-ли могутъ имѣть рѣшающее значеніе при исполненіи географическихъ картъ.

Перейдемъ теперь къ тому, что г. Кулаковскій называетъ „вторымъ недоразумѣніемъ“ между мною и имъ. Въ предисловіи къ его изданію мы читаемъ буквально слѣдующее: „Что до текста Птолемея, то для трехъ первыхъ книгъ я могъ пользоваться новѣйшимъ изданіемъ Карла Мюллера (Parisiis. Didot. 1883), для остальныхъ — Вильберга (Essendiae 1838—1845), которое осталось также не оконченнымъ и доведено до шестой книги, и полнымъ изданіемъ Ноббе (Lipsiae 1843)“. Основываясь на этихъ словахъ, я считалъ себя въ правѣ думать,

1) [= выше, стр. 407—408].

что главнымъ настольнымъ пособіемъ служило г. Кулаковскому новѣйшее критическое изданіе, названное первымъ въ его спискѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ изданіи имѣется текстъ для всѣхъ тѣхъ странъ, надъ которыми главнымъ образомъ приходилось работать почтенному профессору, т. е. для Европейской Сарматіи, Таврическаго Херсониса, Дакіи, области Язиговъ-переселенцевъ и обѣихъ Мезій (кн. III), а также и для восточной окраины Германіи (кн. II); я полагалъ, что къ изданіямъ Вильберга и Ноббе авторъ обращался лишь для справокъ, въ особенности въ V книгѣ. Оказывается, однако, что я жестоко ошибся. Г. Кулаковскій въ своемъ отвѣтѣ пишетъ: „Могу увѣрить моего уважаемаго рецензента, что я не поправлялъ Мюллера Вильбергомъ и даже не могъ этого сдѣлать, такъ какъ изданія Вильберга нѣтъ въ нашей библіотекѣ, и я получилъ его лишь на время изъ Петербургской Публичной библіотеки... При вычерчиваніи карты я имѣлъ постоянно подъ руками изданіе Ноббе, которое представляется наиболѣе удобнымъ при такой работѣ какъ потому, что оно полное и снабжено указателемъ, такъ и по своему малому формату. Данныя, заимствованныя изъ изданія Ноббе, я провѣрялъ текстомъ Мюллера въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это возможно“ и т. д. Оставляя въ сторонѣ степень уважительности высказанныхъ причинъ предпочтенія, оказаннаго изданію Ноббе, и вопросъ о преимуществахъ того или другого изданія Птолемея и представляя читателямъ судить, кто виноватъ въ возникшемъ „недоразумѣніи“, скажу только, что если бы Ю. А. Кулаковскій въ „предисловіи“ выразился о способѣ своего пользованія изданіями точнѣе, напр. приблизительно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ теперь въ „отвѣтѣ“, то и рецензентъ счелъ бы для себя обязательнымъ руководствоваться главнымъ образомъ изданіемъ Ноббе, а не текстами Мюллера и Вильберга. Во всякомъ случаѣ я вижу только недоразумѣніе въ словахъ г. Кулаковскаго, будто я упрекалъ его за то, что онъ „не слѣдовалъ слѣпо Мюллеру“: такого упрека нигдѣ нѣтъ въ моей рецензіи, и я былъ далекъ отъ мысли его дѣлать. Но какъ бы то ни было, повторяю, что я при провѣркѣ карты г. Кулаковскаго пользовался главнымъ образомъ изданіями Мюллера и Вильберга въ предположеніи — какъ теперь оказалось, ошибочномъ, — что они и для почтеннаго издателя карты служили настольными, а не только справочными пособіями. Этимъ объясняется, напр., предположенная мною неточность въ помѣщеніи на картѣ дакійскихъ городовъ Зевгмы и Аргидавы, а также и указаніе, сдѣланное относительно городовъ Сингидавы и Зпридавы, положеніе которыхъ у Мюллера и у Вильберга показано совершенно

одинаково. Объясненіе, данное Ю. А. Кулаковскимъ по поводу моего замѣчанія о послѣднихъ городахъ, во всякомъ случаѣ не достаточно, такъ какъ причина пропуска Сингидавы въ немъ обойдена молчаніемъ, а мнимая невозможность поставить Зиридаву на 45° 30′ долг. ничемъ не доказана: Птолемей вѣдь не даетъ долготы теченія р. Тибиска, отдѣляющаго Дакію отъ области Язиговъ-переселенцевъ, а говоритъ только, что эта рѣка вытекаетъ изъ Карпатскихъ горъ, течетъ сначала съ востока (т. е. на западъ), потомъ съ сѣвера (т. е. на югъ) и впадаетъ въ Дунай на 46° долг.; но отсюда еще не слѣдуетъ, что всякій городъ, стоявшій западнѣе этого градуса, былъ уже внѣ Дакіи: въ области Язиговъ Птолемей не ставитъ ни одного города восточнѣе 45°, а въ Дакіи городъ Зуробара поставленъ у него на 45° 40′ долг., т.-е. лишь на 10′ восточнѣе того пункта, на которомъ поставлена Зиридава въ изданіяхъ Мюллера и Вильберга. Отсюда ясно, что по представленію Птолемея теченіе Тибиска не совпадало на всемъ протяженіи съ 46° долг., а находилось между 45° и 46°.

Затѣмъ Ю. А. Кулаковскій заявляетъ, что въ показаніи долготы трехъ городовъ, лежавшихъ на р. Іерасѣ, онъ не смѣшалъ Мюллера съ Вильбергомъ, какъ я предполагалъ, а слѣдовалъ одному Ноббе и „со спокойною совѣстью не исправлялъ положенія Заргидавы“. Извиняюсь передъ почтеннымъ профессоромъ въ томъ, что въ этомъ частномъ вопросѣ я по вышеуказанной причинѣ не заглянулъ въ изданіе Ноббе, но по соображеніямъ, высказаннымъ въ моей рецензіи, продолжаю думать, что положеніе этихъ городовъ вѣрнѣе показано у Мюллера и что, напр., на картѣ Ѳ. А. Брауна[1]) теченіе Іераса проведено, на основаніи Мюллера, лучше, чѣмъ у г. Кулаковскаго. Замѣчу еще, что хотя онъ на стр. 15 и утверждаетъ, что „поворотъ (ἐπιστροφή) р. Днѣстра перемѣстился на $1^1/_2$ градуса къ востоку только въ литографіи „во время манипуляцій съ перетяжкой бумаги“, но на самомъ дѣлѣ, если бы этотъ „поворотъ“ остался у него, какъ слѣдуетъ, на 53-мъ градусѣ, то теченіе этой рѣки пересѣкло бы теченіе Іераса вслѣдствіе неправильнаго изображенія послѣдняго. Въ этомъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на карту. Не могъ я согласиться и съ доводами, по которымъ г. Кулаковскій поставилъ города Никоній и Офіусу восточнѣе р. Тиры (Днѣстра), а не между этою рѣкою и Іерасомъ, гдѣ ихъ ставитъ Птолемей. Мнѣ кажется, что

1) «Южная часть Европейской Сарматіи и прилегающія къ ней области по Птолемею» въ приложеніи къ книгѣ «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній», I. С.-Пб. 1899.

въ картѣ, составленной по Птолемею, слѣдовало точно воспроизводить всѣ данныя, имѣющіяся у этого автора, хотя бы и завѣдомо ошибочныя. Самъ г. Кулаковскій, говоря о положеніи г. Зевгмы, справедливо замѣтилъ (стр. 9): „Что у Птолемея Зевгма помѣщена невѣрно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но что въ данномъ случаѣ нельзя произвольно поправлять Птолемея, это также вѣрно“. Этого правила составителю карты „по Птолемею“ слѣдовало, мнѣ кажется, держаться во всѣхъ случаяхъ, ошибки же автора оговаривать въ объяснительномъ текстѣ. Г. Кулаковскій, повидимому, относится неодобрительно къ конъектурѣ, принятой Мюллеромъ для обозначенія положенія названныхъ городовъ и получившейся путемъ сведенія въ одно двухъ чтеній; но вѣдь и изданія Ноббе и Вильберга ставятъ эти города за рѣкою Іерасомъ (μεταξὺ δὲ τοῦ Ἱεράσου ποταμοῦ), и если даже г. Кулаковскій почему-либо принялъ отвергнутое всѣми тремя названными издателями чтеніе μεταξὺ δὲ τοῦ Τύρα ποταμοῦ, то это чтеніе не значитъ непремѣнно „между Тирою и Аксіакомъ“; его можно понимать и въ смыслѣ „между Тирою и Іерасомъ“. Наконецъ, если г. Кулаковскій имѣлъ въ виду отождествленіе Никонія съ Овидіополемъ, то долженъ былъ всетаки помѣстить его на берегу р. Тиры, а не на значительномъ отъ него разстояніи, ближе къ р. Аксіаку[1]).

Далѣе Ю. А. Кулаковскій старается защитить свое представленіе о верхнемъ теченіи р. Борисѳена (Днѣстра) противъ моего предположенія, что было бы вѣрнѣе (или, лучше сказать, ближе къ представленію Птолемея) провести теченіе Борисѳена восточнѣе Амадокскихъ горъ, чтобы эти горы и соименное имъ Амадокское озеро не были раздѣлены рѣкой; но приводимые почтеннымъ авторомъ въ защиту своего мнѣнія аргументы кажутся мнѣ, скажу не обинуясь, весьма слабыми. Не воспроизводя здѣсь, ради краткости, этихъ аргументовъ, которые легко найти въ „отвѣтѣ“ на стр. 12—13, я замѣчу по поводу ихъ слѣдующее: 1) я вовсе не требовалъ, чтобы Амадокскія горы были поставлены ближе къ озеру

1) Удивляюсь, какъ могъ г. Кулаковскій сказать въ своемъ «отвѣтѣ», что Никоній поставленъ у него на лѣвомъ берегу Тиры, когда онъ на картѣ стоитъ такъ далеко отъ нея! Не менѣе удивительно, зачѣмъ понадобилось утвержденіе, что я, говоря объ этихъ городахъ, «очевидно, заглянулъ въ свою перепечатку изъ Мюллера, а не въ полный текстъ». Если бы я дѣйствительно имѣлъ передъ глазами свою «перепечатку», то въ этомъ не было бы никакой бѣды, такъ какъ она точно воспроизводитъ Мюллеровъ текстъ; но въ моей рецензіи есть столько доказательствъ непосредственнаго пользованія изданіями Мюллера и Вильберга, что предположеніе, будто я нарочно для даннаго случая отложилъ въ сторону Мюллера и взялъ въ руки свою «перепечатку», является не только не «очевиднымъ», но рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ.

(это было бы искаженіе представленія Птолемея), а полагалъ только, какъ и теперь полагаю, что было бы правильнѣе не раздѣлять ихъ рѣкой; 2) я полагаю, что г. Кулаковскій совершенно произвольно вытянулъ Амадокскія горы на цѣлый градусъ къ востоку и что тамъ, гдѣ Птолемей даетъ только одинъ пунктъ горнаго хребта, слѣдуетъ и отмѣчать на картѣ только этотъ пунктъ; вытягивать всѣ горы въ линію съ запада на востокъ, слѣдуя представленію Птолемея о Карпатахъ,—весьма рискованно, такъ какъ самъ же Птолемей въ предѣлахъ двухъ Сарматій (чтобы не говорить о другихъ странахъ) представляетъ съ инымъ направленіемъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, напр. Сарматскій, Иппійскій, Керавнскій и Кавказскій; 3) если г. Кулаковскій хотѣлъ отъ г. Азагарія „протянуть по возможности прямую линію къ показанному у Птолемея мѣсту истоковъ рѣки на далекомъ сѣверѣ“, то это ему не удалось, такъ какъ на его картѣ линія вышла не прямою, а дугообразною, и проведенію прямой линіи помѣшало не что иное, какъ Амадокскія горы; при моемъ же представленіи прямая линія могла бы быть проведена безпрепятственно[1]); 4) я рѣшительно не вижу, по какимъ основаніямъ представленію, вызываемому картою г. Кулаковскаго, можетъ быть отдано предпочтеніе предъ тѣмъ, котораго онъ „не желалъ вызвать“; во всякомъ случаѣ представленія о томъ, „будто Днѣпръ у Птолемея перерѣзываетъ горный хребетъ на дальнемъ сѣверѣ“, можно было бы совершенно избѣжать, не вытягивая Амадокскихъ горъ на цѣлый градусъ къ востоку.

Можно было бы остановиться еще на нѣкоторыхъ „недоразумѣніяхъ“ между многоуважаемымъ составителемъ карты и мною, но моя замѣтка уже и теперь приняла болѣе широкіе размѣры, чѣмъ я предполагалъ. Пора кончить. Въ заключеніе считаю долгомъ выразить Ю. А. Кулаковскому искреннюю благодарность за любезное указаніе опечатки въ моемъ сборникѣ „Извѣстій древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ“ (т. I, стр. 240), именно въ опредѣленіи положенія г. Авхиды (въ азіатской Сарматіи), гдѣ въ русскомъ переводѣ читается 70° 40′ вмѣсто 72° 40′. Опечатка эта сдѣлана, впрочемъ, не мною, а Вильбергомъ (въ латинскомъ переводѣ), но къ сожалѣнію, по недосмотру при корректурѣ перешла въ мой русскій переводъ, а также послужила и поводомъ къ возведенію напраслины на карту г. Кулаковскаго, въ данномъ случаѣ совершенно точную.

1) Позволю себѣ и здѣсь сослаться на карту Ѳ. А. Брауна, представленіе котораго о верхнемъ теченіи Днѣпра по Птолемею оказалось совершенно согласнымъ съ моимъ.

УКАЗАТЕЛИ[1]).

1. Указатель личныхъ именъ.

(Со включеніемъ именъ христіанскихъ святыхъ).

Августъ, имп. Римскій. 97—101. 105. 228.
Авіенъ, пис. 68. 344.
М. Аврелій Андроникъ. 102.
М. Аврелій Антонинъ, имп. Римскій. 93. 224. 228. 330.
М. Аврелій [Діос]коръ. 229.
Агаръ, царь Скиѳскій. 82.
Агасиклъ Кти[сіевъ], Херс. 156.
Агриппа, см. Випсаній.
Агриппина, имп. Римская. 110.
Агротъ Діонисіевъ, Ольвіоп. 58.
Адовогіонида, мать Миеридата Перг. 97.
Адріанъ, имп. Римскій. 114. 115.
Акасъ, мнимый царь Восп. 93.
Аквила, см. Юлій.
Акорніонъ Діонисіевъ, Діонисополитъ. 234—243.
Александръ Великій. 85. 340. 345. 380—382. 391. 394. 396.
Александръ Полигисторъ, пис. 356.
Александръ Северъ, имп. Римскій. 118. 242.
Александръ III, имп. 259.
Александръ Михаиловичъ, В. князь. 406.
Алексаѳъ, сынъ М. Аврелія Андроника. 102.
Алексѣевъ, Г. П. 322.
Алексѣй II Комнинъ, имп. Виз. 215.
Аліатъ Левъ, стратигъ Херс. 261.
Алкаѳоя, супруга Левкона. 87. 92.
Алкей, поэтъ. 72.
Амага, царица Сарм. 190.
Амміанъ Марцеллинъ, пис. 68—71. 289. 291. 292. 340. 380. 391.
Анастасій, имп. Виз. 216.
Анахарсисъ. 3. 180.
Ангелы, Виз. дин. 217.
Г. Антоній Гибрида. 235. 236.
М. Антоній. 99.
Антонія Трифэна, дочь Полемона I. 107. 111.
Антоновичъ, В. Б. 401.
Аполлодоръ, пис. 64—66. 395.
Аполлоній, с. Левкона. 79. 81. 92.
Аполлоній Родосскій, пис. 62. 139. 394.
Аппельротъ, В. Г. 259.
Аппіанъ, пис. 94.
Апсевдъ, арх. Аѳинскій. 175.
Арготъ, сынъ И . . . ѳа. 87. 92. 298. 300.
Аренсъ (Ahrens, H. L.). 26. 28. 32—34.
Аристей Проконнисскій, пис. 377.
Аристовулъ, пис. 380—382.
Аристонъ с. Аттина, Херс. 115. 319.
Аристотель, пис. 8. 68. 77.
Аріадна, имп. Виз. 216.
Аріантъ, царь Скиѳскій. 181.
Аркасъ, пис. 133.
Фл. Арріанъ, пис. 4. 71. 72. 114. 115. 132. 133. 150. 151. 153. 156. 280. 289. 381. 382. 394. 396.
Артемидоръ, пис. 68. 138.
Археанактидъ Митил. 72.
Археанактиды Восп. 69—72. 84. 175. 385.
Археанактъ. 72.
Асандрохъ, царь Восп. 103.
Асандръ, царь Восп. 96—100. 103. 107. 111. 127.

1) Нѣкоторыя имена, случайно встрѣчающіяся по одному разу, а также имена, встрѣчающіяся *только* въ текстахъ авторовъ или надписей, но не упоминаемыя въ русскомъ текстѣ, въ указатели не внесены.

Аспургъ, царь Восп. 65. 103—108. 111. 125.
Ахемениды, дин. 89. 103. 111.
Ахеменъ. 108.
Ашикъ, А. Б. 13. 61. 70. 105. 202—204. 384.
А., В. 378.

Байеръ. 285.
Барсовъ, Н. П. 285.
Безбородко, графы. 12.
Безобразовъ, П. В. 212—214.
Безыменный авторъ Перипла. 65. 68. 132. 133. 151—153. 280. 289. 291. 344.
Беккеръ (Becker), П. В. 5. 13. 22. 37—39. 124. 132. 133. 229.
Бекъ (Boeckh, Aug.). 4. 6. 12. 13. 20. 26—33. 40. 60—67. 70—78. 81. 84—87. 91. 93. 102. 105. 115. 116. 124. 125. 219—222. 225. 279—281. 298. 318. 384. 385. 388.
Benseler, Fr. G. 121. 205.
Bergk, Th. 28. 354.
Бергманъ, Рих. 174. 175.
Бертье-Делагардъ, А. Л. 156. 185. 200—208. 211. 259. 270—276. 309. 318. 319. 323—325. 371—375.
Bezzel, H. 175.
Биребиста, царь Гетскій. 235—241.
Бишофъ (Bischoff, E.). 26—35. 320.
Бларамбергъ, И. П. 5. 12. 61.
Бобринской, гр. А. А. 143. 322. 326.
Богоматерь. 262. 272. 276. 277.
де-Бозъ (de Boze). 70. 73. 91. 385.
Боннель, Э. 5. 70. 155. 296. 376—399.
Боргези. 53.
Боровикъ (влад. хутора). 398.
Брандисъ (Brandis). 70. 299. 383. 386. 387.
Браунеръ. 294.
Браунъ (Braun), Ѳ. А. 208. 292. 413. 415.
Бреаль, М. 163—166.
Bröcker, L. O. 172. 175.
Британникъ. 110.
Броневскій. 5.
Брунъ (Bruun), Ф. К. 5. 13. 63. 64. 132. 133. 153—155. 182. 229. 280. 281. 284—288. 292. 294. 297. 398.
Брухманъ. 313.
Бузольтъ. 177.
Бурачковъ, П. О. 5. 16. 18. 43—49. 62. 88—91. 94. 96—98. 101. 105—107. 110—119. 151. 153—155. 196. 279. 286. 290. 291. 296. 297. 322. 323. 383. 390.
Буслаевъ, Ѳ. И. 288.
Бѣляевъ, Д. Ѳ. 214. 216. 217.
Bühler, G. 173.
Bürchner, L. 61. 229.

Вагнеръ, К. 233.
Ваддингтонъ (Waddington, W. H.). 82. 98. 99. 101. 107.
Ваксель. 5. 11. 12.
Вакье, П. П. 51.
Vaillant. 69.
Василій I, имп. Виз. 275. 276.
Василій II, имп. Виз. 270. 276.
Васильевскій, В. Г. 4. 205. 208. 210. 286—288. 293. 297.
Вейль (R.). 89.
Веребрюсовъ, С. И. 19.
Весѐловскій, Н. И. 244. 282.
Веспасіанъ, имп. Римскій. 51. 54. 112. 319. 329.
Вестерманъ. 137.
С. Веттуленъ Церіалисъ. 51. 54.
Викторинъ (надпись). 215. 217.
Вильбергъ, изд. 404. 405. 409. 411—415.
М. Випсаній Агриппа. 100. 102. 103.
Висконти (Visconti). 70. 91. 105.
Т. Витразій Полліонъ. 228.
Владиміръ св. 270. 272. 373. 374.
Воеводскій, Л. Ф. 18. 154. 406. 407.
Воронцовъ, князь. 12.
Wroth. 110. 113. 115—117.
Высоцкій, Н. Ѳ. 262.

Гай Калигула, имп. Римскій. 105. 107. 108.
Галлъ, см. Дидій.
Гальба, имп. Римскій. 109.
Ганъ, К. Ѳ. 335—357. 392.
Гаркави, А. Я. 15.
Гарпократіонъ, пис. 74.
Head, Barclay V. 93. 97. 120.
Heuzey, L. 236. 237.
Heilmann, C. 239.
Гекатэй Милетскій, пис. 65. 66. 150. 179. 354. 355.
Гель, пис. 153.
Генценъ, В. 14. 52. 53.
Гераклидъ Понтійскій, пис. 355.
Гергардъ. 229.
Германъ (Hermann, K. F.). 25—28. 30. 33. 251.
Геродотъ, пис. 3. 4. 44—49. 62. 64. 150. 159. 179—184. 297. 339. 340. 348. 351. 354. 377—379. 390. 391. 403.
Hertzberg. 94. 236.
Гёрцъ, К. К. 62. 63. 102. 173. 279. 398. 402.
Гесіодъ. 341. 354. 377.
Гётри, г-жа. 11.
Goetz, A. 94. 389.
Hecht, Max. 147.
Гибрида, см. Антоній.
Gisi, Wilh. 336.

Гилонъ Аѳинянинъ. 74. 76. 385. 386.
Гиль (Giel), Х. Х. 5. 62. 86. 97—99. 105—108. 112. 123. 383.
Гинрихсъ, Г. 252.
Гипепирія, царица Восп. 110. 111.
А. Гирцій, пис. 97.
Гомеръ. 179. 354. 377.
Горгиппъ, с. Сатира. 75—77. 81. 82. 92. 244. 279. 387.
Гордіанъ, имп. Римскій. 228. 242.
Hoffmann, O. 313.
Grasberger, L. 251.
Грефе (Graefe, Fr.). 5. 61. 219—225.
Григоровичъ, В. И. 295.
Григорьевъ, В. В. 5. 70. 71. 85. 101. 105. 113—115. 123. 385.
Гриммъ, Яковъ. 391.
Гроскурдъ. 130.
Гроссъ, Ѳ. И. 19. 368.
Grote, G. 70. 74.
Gruppe. 322.
v. Gutschmid, A. 179.

Даніельсонъ. 166.
Дарій I, царь Перс. 180. 181. 355. 377.
Деволантъ (карта). 295.
Деляновъ, И. Д. 16.
Десимони. 154.
А. Дидій Галлъ. 108. 109.
Димитрій Поліоркитъ. 83.
Димитрій Ростовскій, св. 285.
Димостратъ, арх. Аѳинскій. 175.
Димосѳенъ, ораторъ. 74. 76—82. 85. 343, 350. 356. 381. 386.
Димотель, с. Ѳеофила, гимнасіархъ. 312. 313.
Динамія, царица Восп. 97—103. 111.
Динархъ, ораторъ. 76. 386.
Диндорфъ, Люд. 174. 175. 388.
Диптунъ, царь Восп. 206. 366—369.
Диттенбергеръ (Dittenberger, W.). 27. 35. 54. 55. 77—80. 83. 87. 159. 175. 230—234. 251. 299. 386. 387. 390.
Діа.... сынъ Димитрія, Ираклiецъ. 317.
Діодоръ Сицилійскій, пис. 67. 71. 73. 76. 79. 80. 82. 84. 85. 171—177. 340. 341. 347. 384—388.
Діоклетіанъ, имп. Римскій. 122.
Діонисій Ольвіополитъ. 58. 59.
Діонисій Періигитъ, пис. 64. 65. 68. 69. 344. 395.
Діонъ Кассій, пис. 94. 97—100. 103. 104. 107. 108.
Діонъ Хрисостомъ, пис. 44—49. 78. 195. 238. 239. 296. 380. 391.
Діоскоридъ, пис. 380. 384.
Діотимъ, арх. Аѳинскій. 83.
Діофантъ Синопскій, воевода Миѳридата VI. 18. 41. 88. 132. 135. 150. 151. 153—155. 159. 321. 322. 389. 390.
Daumet. 236.
Домиціанъ, имп. Римскій. 52. 54. 111.
Гн. Домицій Кальвинъ. 237.
Дрекслеръ (Drexler, W.). 158. 169. 241. 242.
Дройзенъ, Гансъ. 29.
Дройзенъ, Г. Г. 382.
Drumann. 236.
Думбергъ, К. Е. 245. 252.
Дюбрюксъ, П. 5. 12. 61. 397.
Дюбуа (Dubois de Montpéreux). 12. 61. 63. 133. 202—204. 279.

Еввіотъ, мнимый царь Восп. 93. 116.
Евмилъ, сынъ Перисада I. 82. 84. 85. 92. 171.
Евѳонъ, царь Аорсовъ. 109.
Евпатерій, дукъ Херс. 201—217.
Евпаторъ (Тиб. Юлій), царь Восп. 116. 123.
Евстаѳій, пис. 69. 341. 344.
Г. Каій Евтихіанъ Синопскій. 218. 220. 223. 224.
Egger. 390.
Екатей, царь Синдовъ. 62. 75. 84.
Екатей, пис., см. Гекатэй.
Елланикъ, пис. 62. 64.
Ерштедтъ, В. К. 161.

Жебелевъ, С. А. 72.
Gilles (F.). 61. 63.

Забѣлинъ (И. Е.). 5.
Заллетъ (von Sallet, A.). 90—93. 96—101. 111. 116. 118. 120. 322—324.
Заріадръ. 382.
Зинониды. 111.
Зинонъ, имп. Виз. 203. 207. 318. 371.
Зинонъ Лаодик., отецъ Полемона I. 100. 111.
Зипитъ Виѳинскій. 95.
Зопиріонъ, полководецъ. 382.
Зорсинъ, царь Сираковъ. 68. 109.
Зосимъ, пис. 119. 120.

Игетуагаръ, мнимое имя царя Скиѳскаго. 322.
Игіэнонтъ, арх. Восп. 97. 302.
Игорь, князь. 284.
Иделеръ. 41.
Иловайскій, Д. И. 286.
Imhoof-Blumer. 90. 91. 93. 97. 101. 110. 112. 120. 122. 383.
Ининѳимей (Тиб. Юлій), ц. Восп. 118. 119. 123.
Ипсикратъ, пис. 97.
Ираклій I, имп. Виз. 206.
Иречекъ, К. 226—229. 240.

Иродотъ, см. Геродотъ.
Иросонтъ Протогеновъ, Ольвіополитъ. 59.
Исаакъ I Комнинъ, имп. Виз. 205. 261.
Исаакъ II Ангелъ, имп. Виз. 201. 205—207. 210. 211.
Исіодъ, см. Гесіодъ.
Исократъ, ораторъ. 73. 177. 381. 384.

Іоаннъ Предтеча (храмъ). 215.
Іоаннъ VI, имп. Виз. 207.
Іорданъ, пис. 238.

Казобонъ, пис. 130—132. 152. 153.
Калигула, см. Гай.
Кальвинъ, см. Домицій.
Камасарія, дочь Спартока, царица Восп. 87. 88. 92. 298—302.
Кандидъ, см. Юній.
Капитолинъ, см. Юлій.
Каракалла, имп. Римскій. 37. 117.
Карамзинъ. 285.
Кардинали, пис. 53.
Карзоазъ Ольвіополитъ. 14.
Кари (Cary), нумизм. 70. 93—95. 115. 116. 385.
Кассалія (надпись). 82.
Квинтъ Смирнскій, пис. 341.
Кёлеръ (Koehler, H. K. E.). 5. 12. 18. 61. 66. 70. 79. 89—92. 96. 98. 105. 110. 153.
Кёлеръ (Koehler, Ulrich). 74. 79.
Кёне (de Koehne, B.). 5. 70. 90. 91. 97. 98. 101. 105. 110. 112. 113. 115—121. 155. 202—205. 211. 288. 385.
Кёппенъ, П. И. 5. 12. 18.
Köppner, Fr. 166.
Кипертъ. 229. 280.
Кирпичниковъ, А. И. 19.
Кирхгофъ, Ад. 32. 202. 205.
Киръ I, царь Перс. 76. 351. 377.
Киръ, царевичъ Перс. 339.
Клавдій, имп. Римскій. 67. 68. 107—109.
Клавдій Клавдіанъ, пис. 341.
Klein, Ios. 52.
Kleinsorge, Ios. 239—241.
Климентъ. св. 374.
Clinton. 70.
Clodius, A. 26. 28. 32. 33.
Клэркъ. 11. 18.
Кнауэръ, Ѳ. И. 119.
Кодинъ, пис. 215.
Коммодъ, имп. Римскій. 228.
Комнины, Виз. дин. 217. 262. 263.
Комонторій, предв. Галатовъ. 55.
Комосарія, дочь Горгиппа, цар. Восп. 76. 82. 92.
Кондаковъ, Н. П. 5. 260. 274—276. 280. 372—374.
Кондогонисъ, Сп. 137.
Кондолеонтъ. 160. 161. 163.
Константинъ I Великій, имп. 121. 208. 209.
Константинъ V, имп. Виз. 207.
Константинъ VII Багрянородный, имп. Виз. 122. 205. 209. 210. 216. 284. 285. 290. 292. 293. 296.
Кораисъ, изд. 130. 152.
Корейша, изслѣдователь. 5.
Коробка, Керч. житель. 359. 360.
Коршъ, Ѳ. Е. 365.
Косцюшко-Валюжиничъ, К. К. 132. 133. 142. 148. 160. 259—264. 268. 270. 273. 276. 278. 303—305. 311. 314. 371.
Котисъ I, царь Восп. 106—112.
Котисъ II (Т. Юлій), царь Восп. 114. 123. 127.
Котисъ III (Т. Юлій), царь Восп. 117. 118. 123.
Котисъ, царь Ѳракійскій. 107. 111.
Крамеръ, изд. 130. 152.
Кратеръ Македонскій. 74. 298.
Credner, G. R. 294.
Крендовскій, М. Е. 293—295.
Krech, P. 74.
Кречетовъ, П. Н. 154. 155.
Критасиръ, предв. Боевъ. 239.
Ксенофонтъ, пис. 148. 339. 377.
Кулаковскій, Ю. А. 19. 117. 122. 203. 206. 211—214. 217. 260. 358—370. 400—415.
Кумани, Н. М. 295.
Куманудисъ (Ст. А.). 79. 175. 386.
Куникъ, А. А. 391.
Курисъ, И. И. 19.
Курцій Руфъ, пис. 340.

Лампроклъ, предв. Воспорянъ. 114.
Лаппо-Данилевскій, А. С. 379.
Larfeld, W. 252.
Латышевъ, В. В. 157. 162. 163. 169. 175. 188. 190. 212. 260—262. 368. 369.
Lafaye, G. 241.
Леви (Loewy, E.). 58. 112. 115.
Левканоръ, мнимый царь Восп. 93. 116.
Левкониды. 79.
Левконъ I, арх. Восп. 69. 74—81. 84. 85. 87. 92. 175—178. 343. 345. 386.
Левконъ II, арх. Восп. 92. 301.
Левконъ, сынъ Перисада II. 86.
Левконъ (монеты). 89. 90.
Левъ I, имп. Виз. 207.
Левъ III, имп Виз. 207.
Леонтьевъ, П. М. 6. 14. 335. 338.
Лербергъ. 285.
Ливія, супруга Августа. 101.
Ликофронъ, пис. 139.

Ликургъ, ораторъ. 147.
Лисимахъ Θракійскій. 91. 171. 382.
Лисій, ораторъ. 73. 80. 166. 177. 343.
Литодоръ, Восп. 173.
Лоллингъ. 280. 406.
Longpérier. 98.
Laurent, J. 309. 310.
Лукіанъ Самосатскій, пис. 93. 97—100. 116. 394. 395.
Лукуллъ. 94.
Любкеръ. 354—356.
Люценко, изслѣдователь. 5.

Маврикій, имп. Виз. 201. 204—213. 217.
Малала, пис. 208.
Мальмбергъ, В. К. 259.
Мальтъ Бренъ. 55.
Манганари (атласъ). 155. 293.
Маннертъ, географъ. 77. 279.
Мансветовъ, И. Д. 19.
Marquardt, J. 52. 54. 228.
Martin, Th. H. 25.
Maurer, C. 193.
Махаръ, с. Миѳридата VI. 93—95. 111.
Мейеръ (Meyer, E.). 89. 94.
Мейеръ (Meyer, G.). 233. 234.
Мейнеке, Авг. 130. 137. 138. 150.
Мейстергансъ, К. 147. 233. 250.
Мейстеръ (Meister). 165. 313.
Мелитеніотъ, пис. 313.
Мельниковъ-Разведенковъ, С. Ѳ. 70.
Мемнонъ Родосскій. 77. 80.
Менестратъ, см. Юлій.
Менторъ Родосскій. 80.
Мерклинъ, Л. 229.
Миклошичъ. 212. 287. 288.
Миллеръ, В. Ѳ. 365. 366.
Мимнертъ, поэтъ. 354. 355.
Минодотъ, отецъ Миѳридата Перг. 97.
Минцловъ. 6.
Митродоръ, с. Сатира Восп. 75. 92. 387.
Митродоръ Скепсійскій, пис. 355.
Михалевскій, В. А. 60.
Мишонъ (Michon, E.). 303—310.
Мищенко, Ѳ. Г. 78. 130. 132. 156. 260. 379.
Миѳридатъ VI Евпаторъ. 18. 41. 65. 73. 84. 88—98. 107. 108. 111. 150. 156. 345. 380. 389—391. 394.
Миѳридатъ VIII. 107—111.
Миѳридатъ, царь Иверскій. 108.
Миѳридатъ Пергамскій. 97. 99. 111.
Міоннэ (Mionnet). 105. 119.
Моммзенъ (Mommsen, Th.). 40. 52—54. 99—101. 107. 110. 112. 113. 115. 120. 122. 124. 236. 239.
Монсеаux, P. 57. 85.
Мордтманъ. 28. 32. 240.
Муравьевъ-Апостолъ. 5. 133.
Muralt. 205.
Мурзакевичъ, Н. Н. 5. 13. 18. 202. 297.
Мухинъ (карта). 155.
Мюлленгофъ. 403.
Мюллеръ (Müller, C.). 62. 130. 131. 138. 152. 155. 229. 280. 346. 356. 404. 405. 409—414.
Muret, E. 97.

Надеждинъ, Н. И. 5. 48. 183.
Нарсъ, Византіецъ. 215. 217.
Наукъ, А. К. 160. 389.
Невоструевъ. 287.
Нейбауеръ. 35. 36.
Нейманъ (Neumann, K.). 61. 71. 131. 133. 153—155. 281. 291. 292. 406.
Нейманъ (Neumann, K. J.). 68. 281.
Неронъ, имп. Римскій. 110. 111. 356.
Нибуръ (Niebuhr). 71. 238.
Низе (Niese, B.). 89. 238. 389.
Никиратъ Папіевъ Ольвіополитъ. 30.
Никитскій, А. В. 195. 252.
Николай Дамасскій, пис. 346.
Никофимъ, арх. Аѳинскій. 166.
Ноббе, изд. 411—414.
Новосадскій, Н. И. 242.
Ноннъ, пис. 341.
Ньютонъ. 14. 118.

Овербекъ. 338. 347.
Овидій, пис. 1. 86. 227. 341.
Овиній Тертуллъ. 37. 38.
Одатида. 382.
Октавіанъ, имп. Римскій. 99—102.
Октавій Фронтонъ. 52.
С. Октавій Фронтонъ (сынъ предыд.). 51—54.
Октамасадъ, скиѳъ. 377.
Оленинъ (А. Н.). 5.
Омиръ, см. Гомеръ.
Омолль (Homolle, Th.). 58. 128. 300. 301.
Орловскій, С. Ф. 19.
Оросій, пис. 94.
Ортманъ (Ortmann, K.). 70. 299. 383. 387.
Орѣшниковъ, А. В. 5. 50. 51. 70. 80. 85. 86. 89. 91—93. 96—101. 105—113. 119—122. 142. 168. 259. 302. 322. 323. 383.
Оссулье (Haussoullier, B.). 299.

Павелъ, св. апостолъ. 272. 310.
Павсаній, пис. 341. 356.
Палакъ, с. Скилура. 88. 156. 389. 390.
Палласъ (П. С.). 5. 11. 61. 133. 134.
Пападопуло-Керамевсъ (А. И.). 42.

Партей. 67.
Паспати. 214.
Пейссонель. 285.
Перисадъ I, царь Восп. 67. 76—85. 92. 172. 178. 386. 387.
Перисадъ II, царь Восп. 67. 86. 92. 177. 301. 384.
Перисадъ III, царь Восп. 87. 92. 299. 300. 302.
Перисадъ IV, царь Восп. 87. 92. 298. 300.
Перисадъ V (посл.), царь Восп. 84. 86. 88. 91. 92.
Перисадъ, сынъ Сатира II. 82. 92.
Перисадъ, царь (монеты). 89. 90.
Перовскій, графъ, Л. А. 14.
Perrot, G. 71. 73. 74. 78. 85. 156.
Петрона Каматиръ, Виз. 210.
Петръ, св. апостолъ. 272. 303—307. 310.
Петръ, В. 137.
Петръ Патрицій, пис. 108.
Пиндаръ, пис. 377.
Пиѳодорида, супруга Полемона I. 101. 104. 111.
Пиѳодоръ, отецъ Пиѳодориды. 101.
Тиб. Плавцій Сильванъ. 53.
Плиній Младшій, пис. 114. 115.
Плиній Старшій, пис. 4. 62—68. 101. 108. 134. 151. 155. 393. 395.
Плутархъ, пис. 65. 66. 94. 340. 355. 394.
Подшиваловъ, А. М. 5. 89. 91. 92. 94. 105. 119. 122. 383.
Покровскій, Н. В. 276. 306.
Полемонъ I, царь Восп. 98—104. 106. 111. 115. 127. 326.
Полемонъ II, царь Восп. 96. 105—107. 111. 326.
Поліэнъ, пис. 62. 75. 77. 78. 80. 82. 84. 387.
Полліонъ, см. Витразій.
Гн. Помпей Великій. 96. 236. 237. 240. 241. 345. 350.
Помпоній Мела, пис. 4. 62. 64. 67. 68. 134. 151. 155. 343. 344. 395.
Q. Pomponius Rufus. 54.
Помяловскій, И. В. 5. 15—17. 20. 23. 24. 54. 127. 128. 351.
Посидей Діонисіевъ Ольвіополитъ. 56—59.
Потоцкій, графъ. 12. 18. 183.
Пракситель, художникъ. 2.
Преллеръ (Preller, L.). 156. 159. 242. 341.
Прендель, Р. А. 290. 291.
Придикъ, Е. М. 366.
Присціанъ, пис. 64. 65. 68. 344.
Пританъ, с. Перисада Восп. 82. 92.
Прокопій, пис. 214.
Проперцій, пис. 341.
Протогенъ Ольвіополитъ (декретъ). 9. 17. 55. 56. 59. 143. 145. 186—189.
Прусія II, царь Виѳ. 87. 88. 298. 299.
Пселлъ Михаилъ, пис. 214.
Кл. Птолемей, пис. 4. 64. 66—68. 103. 131. 151. 152. 155. 219. 232. 280. 289. 291. 292. 380. 391. 393. 395. 400—415.
Птолемей, с. Лаговъ. 381.

Радамсадій, царь Восп. 121. 123.
Rapp. 159.
Рауль Рошеттъ. 12. 55. 67. 70. 91. 202.
Reinach, Salomon. 127. 164. 165. 252.
Reinach, Théodore. 92. 94. 95. 160—163. 166. 299. 389.
Rösler. 238.
Ретовскій, О. Ф. 19.
де-Рибасъ (карта). 295.
Римиталкъ (Т. Юлій), царь Восп. 114—116. 123. 319.
Рискупоридъ I (Т. Юлій), царь Восп. 93. 106. 111—113. 123.
Рискупоридъ II (Т. Юлій), царь Восп. 117. 118. 123. 125.
Рискупоридъ III (Т. Юлій), царь Восп. 118. 119. 123.
Рискупоридъ IV (Т. Юлій), царь Восп. 119. 123.
Рискупоридъ V, царь Восп. 120. 123.
Рискупоридъ VI, царь Восп. 121—123.
Рискупоридъ, царь Ѳракійскій. 112.
Роберъ, ген.-интендантъ. 306.
Rohault de Fleury, Ch. 309.
Роксана, супруга Александра В. 382.
Романченко, Н. Ф. 151. 154.
Романъ I, имп. Виз. 274—277.
Романъ II, имп. Виз. 284.
Россъ, Л. 174.
Ростовцевъ, М. И. 94. 321. 326.
Ruelle, Ch. 25.

Сабатье, П. П. 116. 119.
Σαυάγας (имя въ надп.). 362. 365. 369.
Савмакъ Восп. 88. 89.
Савроматъ I (Т. Юлій), царь Восп. 113. 114. 123.
Савроматъ II (Т. Юлій), царь Восп. 116. 123.
Савроматъ III, царь Восп. 113. 123.
Савроматъ IV, царь Восп. 120. 121. 123.
Сантафарнъ, царь. 184—190.
Сатиръ I, арх. Восп. 62. 73—77. 80. 81. 87. 92 175—178. 385.
Сатиръ II, арх. Восп. 79. 81. 82. 92.
Свѣтоній, пис. 238. 355. 356.
Северъ, см. Александръ, Септимій.
Северьяновъ, С. Н. 287. 288.
Селевкъ, мнимый арх. Восп. 73. 92. 175. 176. 385.
Селивановъ, С. А. 166. 326.

Семеновъ (Semenoff, A.). 161. 162. 166. 167.
Семеняка (влад. хутора). 63. 173. 398.
Сенека, пис. 356.
Септимій Северъ, имп. Римскій. 37. 242.
Серафимовъ, С. 287.
Сесострисъ, царь Египетскій. 349. 377.
Сестини, нумизматъ. 93. 116.
Сибирскій, князь. 97. 385.
Сизовъ, В. И. 19.
Сильванъ, см. Плавцій.
Сингъ, мнимый царь Восп. 120.
Σίνδοκος, личное имя. 257.
Σίνδος, личное имя. 257. 258.
Скамандръ Митилинскій. 72.
Σκιᾶς Ἀνδρέας N. 163—167.
Скилакъ Каріандскій (Периплъ). 62. 64. 65. 68. 150. 355.
Скилуръ, царь. 88. 389.
Скилъ, скиоъ. 3. 377.
Скимнъ Хіосскій, пис. 150. 227. 343.
Σκύθης, личное имя. 257. 258.
Скрибоній. 98. 100. 103. 111.
Смирновъ, Я. И. 303.
Соколовъ, Н. А. 291. 294. 297.
Соколовъ, Ѳ. Ѳ. 6. 15. 16. 166. 302. 311. 326.
Солинъ, пис. 340.
Соломонъ (печать). 262.
Сонни, А. И. 168—170. 242.
Соракъ (надпись). 206.
Спартокиды. 69. 72. 76. 84. 85. 89. 92. 93. 96. 97. 124. 174. 175. 178. 258. 301. 383. 384. 388.
Спартокъ I, арх. Восп. 72. 84. 92. 175—178. 385.
Спартокъ II, мнимый арх. Восп. 73. 92. 176. 177.
Спартокъ III, царь Восп. 78—82. 92. 386. 387.
Спартокъ IV, царь Восп. 83—86. 92. 384.
Спартокъ V, царь Восп. 86. 87. 92.
Спартокъ, царь, отецъ Камасаріи. 87. 92. 301. 302.
Спартокъ, царь (монеты). 89. 90.
Спаситель (Іисусъ Христосъ). 272. 303. 305—310. 365.
Спасскій, Гр. 5. 70. 89. 105. 155.
Ставракій, имп. Виз. 205.
Старковъ, А. П. 179. 295.
Стевенъ, А. Х. 123.
Стемпковскій (И. А.). 5. 12. 102. 114. 202. 204.
Стефани, Л. Э. 5. 13. 70. 87. 89. 102. 113. 124. 125. 202—205. 298. 367.
Стефанъ Византійскій, пис. 62. 64. 67. 71. 103. 134. 137—141. 279.
Сторана (надп.). 206.
Стравонъ, пис. 41. 61—68. 75. 78. 81. 85. 88. 93. 97. 98. 101—104. 129—137. 150—153. 156. 159. 227. 238. 239. 241. 260. 279. 280. 288—291. 297. 325. 326. 338. 343. 389. 390. 393. 397.
Струве, Ѳ. А. 13.
Стрѣльбицкій (карта). 292.
Сулла. 238.
Сумароковъ, П. И. 202—204. 211.
Суручанъ, И. К. 14. 18. 189. 196—198.
Сусье (Soucict, P. S.). 70.

Thamm, M. 158.
Тацитъ, пис. 52. 65. 66. 68. 106. 108. 109. 395.
Тетбу де Мариньи. 153.
Тиберій, имп. Римскій. 105.
Тиверій II, имп. Виз. 206.
Тизенгаузенъ, баронъ (В. Г.). 5.
Тиннихъ Ираклеотъ. 75.
Тиранъ (Т. Юлій), царь Восп. 121. 123. 124.
Тиргатао Мэотіянка. 75. 387.
Thirion, M. 61. 70. 112. 115.
Титъ, имп. Римскій. 112.
Толстой, графъ И. И. 210. 274—276.
Tomaschek. 291.
Точилеску. 240.
Траянъ, имп. Римскій. 114.
Турксанѳъ. 213.

Уваровъ, графъ А. С. 5. 14. 19. 291. 374. 383.
Узенеръ. 83.
Укертъ (Ukert, F. A.). 61. 279. 289.
Ульпіанъ, пис. 77.
Ульпій Антисѳенъ. 117.
Успенскій, Ѳ. И. 197. 210.
Уссингъ. 14.

Φαεισπάρτα (имя въ надп.). 362. 365. 366.
Фаномахъ Восп. (надп.). 82.
Фармаковскій, Б. В. 34.
Фарнакъ, царь Восп. 66. 94—99. 111. 380. 389.
Фарнакъ Фарнаковъ, Амастр. (надп.). 320.
Фарсанзъ, царь Восп. 120. 123.
Фенагоръ Теосскій, основ. Фанагоріи. 71.
Фикъ (Fick, A.). 234. 257.
Vischer, W. 32.
Флавіи (родъ въ Херсонисѣ). 329. 330.
Флегонтъ Траллійскій, пис. 114.
Фогель, Фр. 174—176. 384. 386.
Voigtius, W. 98. 100.
Форбигеръ (Forbiger, A.). 101. 102. 229. 279. 407.
Frandsen, P. S. 94.
Францъ (Іоганнъ). 229.
Фрейбергъ, П. В. 19.
Фрёлихъ (Frölich, P. Er.). 70. 94. 95.
Френъ, акад. 219.
Фридлендеръ. 101. 102. 155.

Фужеръ, Г. 56. 58.
Фукаръ (П.). 390.
Ф., П. 260. 265—267.

Харитъ Митилинскій, пис. 382.
Хрисиппъ, пис. 78. 84.

Цвикъ, Г. А. 219—221.
Церіалисъ, см. Веттуленъ.
Цезарь (Г. Юлій). 96. 97. 99. 236—241.
Цилонъ, см. Юній.
Zippel, G. 238. 239.
Цицеронъ. 235.

Чирковъ (карта). 44—47.
Chabouillet, A. 93.

Шахматовъ, А. А. 288.
Шеферъ (Schäfer, A.). 73. 74. 78—82. 175. 177. 386. 387.
Шефферъ (de Schoeffer, V.). 127.
Schiller, H. 209.
Шкорпилъ, В. В. 227. 229. 245. 252. 366. 398.
Шкорпилъ, Г. В. 229.
Шкорпилъ, К. В. 226. 228—230.
Шлецеръ. 285.
Schlumberger, G. 209. 210. 212. 217. 262.
Шмидтъ (В.). 55.
Stengel, P. 233.
фонъ-Штернъ, Э. Р. 185—197. 200.
Stoll. 159.
Шультесъ, Отто. 166.
Ш., В. 378. 379.

Щукаревъ, А. Н. 56. 83.

Э-ль, М. 260.
Эккель (Eckhel, Jos.). 70. 90. 94. 95. 115.
Эліанъ, пис. 79.
Эліа, царица Восп. 121.
Эней, пис. 78.
Энманъ, А. Ѳ. 379. 380. 382. 389. 391. 396. 397.
Эсхилъ, пис. 180. 341.
Эсхинъ, ораторъ. 74. 386.
Эфоръ, пис. 355.
Эѳерій св. 284—297.

Юлій Аквила. 109.
Юлій Капитолинъ, пис. 115.
Юлій Менестратъ, гл. спальникъ. 126. 128.
Т. Юній Кандидъ. 52.
Юній Цилонъ, прокураторъ Понта. 109.
Юргевичъ, В. Н. 5. 13. 14. 18. 37—39. 41. 104. 153—155. 158. 159. 185. 187. 197—200. 234. 320. 389. 390.
Юстиніанъ I, имп. Виз. 122. 207—209. 214 215. 228. 270. 359. 367.
Юстинъ I, имп. Виз. 208. 216. 367.
Юстинъ II, имп. Виз. 215.
Юстинъ, пис. 238. 350.

Ящуржинскій, Х. П. 206, 358.

Ѳалистрія, царица Амаз. 345. 382.
Ѳемистоклъ, арх. Аѳинскій. 79.
Ѳеодоръ, арх. Аѳинскій. 175.
Ѳеодоръ Продромъ, пис. 313.
Ѳеодосій, импер. Виз. 208.
Ѳеоклъ Сатировъ Ольвіополитъ. 30. 31.
Ѳеокритъ, пис. 256.
Ѳеопомпъ, пис. 355.
Ѳеофанъ, пис. 209.
Ѳеофилъ, имп. Виз. 205. 210.
Ѳеофрастъ, пис. 396.
Ѳоѳорсъ, царь Восп. 121. 123.
Ѳукидидъ, пис. 377.

---

2. Указатель мѳологическій.

(Языческія божества, герои, праздники, мѣсяцы).

Агаитъ, мѳ. царь Скіоскій. 71.
Агамемнонъ. 69.
Агларра (святилище). 149.
Анувидъ. 168. 241.
Ἀνθεστηριών мѣсяцъ. 26. 28. 32. 34. 35.
Ἀπατουρεών м-цъ. 26. 28. 34. 35.
Ἀπελλαῖος м-цъ. 42. 320.
Аполлонъ. 33. 322. 323.
Аполлонъ Врачъ. 243.
Аполлонъ Дидимейскій. 87. 298. 299.

Ἀράκλειος м-цъ. 318—320. 331.
ргонавты. 394.
Аретіадъ, мио. царь. 69.
Ἀρησιῶν м-цъ. 34.
Арпократъ. 168. 241.
Арпоксай. 181.
Артемида. 159. 322. 323.
Ἀρτεμίσιος м-цъ. 32. 37.
Ἀρτεμισιῶν м-цъ. 28. 32—36. 38. 40.
Асклипій. 228.
Афродита. 63. 298.
Ахиллъ. 288.
Леина. 81. 322.

Борисоенъ, богъ рѣки. 181.
Воηδρομιῶν м-цъ. 26. 28. 30. 31. 34—36.

Галаξιῶν м-цъ. 34.
Гαμηλιῶν м-цъ. 32. 35. 83.
Геракль, см. Иракль.
Гермесъ, см. Ермій.

Δάλιος м-цъ. 42. 320.
Димитра. 33. 44. 45. 49. 228.
Διονύσια праздникъ. 241. 243.
Διονύσιος м-цъ. 41. 319.
Діонисъ. 227—229. 234. 235. 241. 242.
Дѣва (Παρθένος). 133—136. 145. 146. 158. 159. 260. 320—327.

Εὔ[κλειος] м-цъ. 41. 319.
Евмолпъ с. Посидона. 113.
Еката (Тривія). 289.
Ἑκατομβαιῶν м-цъ. 34. 35.
Ἐλαφηβολιῶν м-цъ. 35.
Елена, супруга Менелая. 69.
Ἑρμαῖα праздникъ. 245.
Ἑρμαῖος м-цъ. 320.
Ермій. 228. 251. 311—313.
Естія. 159.

Зевсъ. 78. 121. 145. 146. 158. 159. 181. 193—195. 241. 323.
Земля. 145. 146. 158. 159.

Игіея. 228.
Ира. 121.
Иракль. 113. 181. 228. 267. 323.
Исида. 241. 242.

Іасонъ. 69.
Ἱερός м-цъ. 34.

Кавиры. 242.
Καλαμαῖα праздникъ. 33.
Καλαμαιῶν м-цъ. 26—28. 31. 33. 35. 36.
Κυανεψιῶν м-цъ. 26. 28. 34. 35.
Колаксай. 181.
Κρονιῶν м-цъ. 33. 34.

Λήναιος м-цъ. 37.
Ληναιῶν м-цъ. 26. 28. 31—40.
Липоксай. 181.
Λύκειος м-цъ. 41. 319.

Μαχάνειος м-цъ. 42.
Μαιμακτηριῶν м-цъ. 34. 35. 42.
Μεταγειτνιῶν м-цъ. 26. 34. 35.
Мидія Колхидянка. 71.
Μουνιχιῶν м-цъ 33. 35.

Ника (Побѣда). 108. 323.

Олимпійскіе боги и богини. 145. 146. 158.

Паллада. 323.
Панаѳинеи праздникъ. 81.
Πάνημος м-цъ. 26. 28. 31. 33. 35. 36.
Παρθένεια праздникъ. 159.
Παρθένος, см. Дѣва.
Педагеитнios м-цъ. 34.
Посеидеῶν м-цъ. 28. 31—36.
Посидонъ. 113.
Промиѳей. 180. 341. 342.
Πυανεψιῶν м-цъ. 34. 35.

Самоѳракійскіе боги. 241. 242
Серапидъ. 228. 241. 242.
Σκιροφοριῶν м-цъ. 33—35.
Скиосъ, с. Иракла. 181.
Солнце. 145. 146. 158. 159.

Ταυρεῶν м-цъ. 28. 32. 33. 35.
Таргитай. 181.

Ѳитъ, царь Колховъ. 71.

Ялменъ. 69.

Θαργήλια праздникъ. 33.
Θαργηλιῶν м-цъ. 26. 28. 33. 35.

3. Указатель географическихъ и этнографическихъ именъ.

Аасъ, о-въ (невѣрное назв.). 285—288.
Авдиры, г. 71.
Авонотихъ, г. 405.
Авхида, г. 404. 415.
Агаѳирсы, народъ. 340. 409.
Агриппіада Іудейская, г. 101.
Агриппія Кесарія, г. 63. 101. 127.
Аджигелъ. 44.
Адріатическое море. 44.
Азагарій, г. 415.
Азія. 99. 119. 120. 181. 376. 377. 382.
Азія Малая. 28. 29. 114. 219. 341.
Азовское море. 377.
Аквинкъ, г. 404.
Аккерманъ, г. 168.
Акмечетская бухта. 153—155
Акра, г. 61.
Аксіакъ, р. 414.
Алазоны, народъ. 182. 183.
Аланы, нар. 93. 340.
Александрія, г. 170. 242.
Александровка, с. 46.
Алекторъ, укрѣпленіе. 48. 297.
Алешки, г. 184.
Алосъ, о-въ (невѣрное назв.). 287. 288.
Алсосъ, о-въ. 288—293.
Амадокскія горы. 406. 407. 414. 415.
Амадокское озеро. 414.
Амазонки. 340—345.
Амастрида, г. 117. 405.
Амисъ, г. 96. 344. 405.
Аморгъ, о-въ. 33.
Анапа, г. 16. 64. 108. 244. 258. 279—283.
Анѳидонъ, г. 101.
Аорсы, нар. 109. 409.
Анартофракты, нар. 401.
Анарты, нар. 401.
Апатуръ, сел. 63.
Аполлонія, г. 237. 239.
Апсорръ, р. 404.
Араксъ, р. 181. 345. 351. 377.
Аргивяне. 69.
Аргидава, г. 232. 404. 412.
Аргода, сел. 409.
Аркадяне. 78. 85.
Арменія. 209. 340. 394.
Аспургіаны, нар. 65. 103. 104. 121. 125. 126. 128. 338.
Ассирія. 339.
Астраханская губ. 221.
Аттика. 34. 147. 157. 341. 343.
Ахардей, р. 68.
Ахеяне, нар. 62. 65. 68. 69. 83..
Ахиллій, сел. 63. 75. 76.
Ахиллова роща. 288—291.
Ахилловъ бѣгъ. 129. 150. 183. 288—291. 408. 411.
Ахтанизовка, ст. 63.
Аѳины, г. 78—80. 112. 148. 149. 158. 175. 177. 345. 386.
Аѳиняне. 73—86.

Балаклава, г. 51.
Бальчикъ, г. 226—230.
Бараній Лобъ, мысъ. 151. 403. 406.
Бастарны, народъ. 235.
Бата, дер. 408.
Батовская рѣка. 226. 228.
Бейкушъ, сел. 199.
Бельаузскій трактиръ. 154.
Беонъ, сел. 409.
Березань, о-въ. 285—297.
Бикъ, оз. 402.
Бои, нар. 239.
Болгарія. 229.
Бораны, нар. 119. 120.
Борисѳенида, о-въ. 289.
Борисѳениты. 47. 182—184. 239. 380.
Борисѳенъ, о-въ. 285. 290.
Борисѳенъ, р. 47. 181—183. 288. 289. 292. 297. 401. 407. 414.
Бранхиды. 87.
Брацлавъ, г. 183.
Брундузій, г. 236.
Бугазъ, зал. 398.
Бугскій лиманъ. 182.
Бугъ (южный), р. 45—48. 181—183. 401.
Бузовая, сел. 293.
Бургунты, народъ. 408.
Бѣлая, р. 284.
Бѣлобережье. 285.
Бѣлозерка, р. 183.

Варна, г. 226. 227.
Византія, г. 41. 83. 201. 208. 212. 213. 373.
Виндава, р. 403.
Вистула, р. 408.
Вѳѳнія. 95. 96. 115, 116.
Віотійцы. 69.
Вознесенскъ, г. 182.
Волга, р. 219. 339. 408.
Воложская коса. 45—48.

Волошанская могила. 45.
Волынь, обл. 401.
Воспорское царство. 12. 13. 16. 18. 20. 25. 60—128. 172. 174. 281. 298—302. 343. 367. 380—385.
Воспоръ (Киммерійскій). 3. 21. 60. 63. 66. 68—72. 74—77. 80. 83—88. 93—98. 101. 102. 104. 107—112. 114. 115. 119—121. 124. 125. 139. 171—177. 201. 206. 208. 211—213. 218. 250. 256. 258. 302. 326. 350. 359. 364—367. 384—388. 391. 397.
Воспоряне. 70. 71. 73. 77. 93. 100. 114.

Гавгамелы (битва). 382.
Галатія. 97.
Галатское царство. 59.
Галаты, нар. 8. 59.
Гамбрій, г. 33.
Гексампей, см. Эксампей.
Геллеспонтъ. 177.
Гелоны, народъ. 340. 409.
Геніохи, см. Иніохи.
Германія. 408. 412.
Гермизера, г. 408.
Герръ, р. 183.
Геты, народъ. 8. 238—240. 380. 382. 391.
Гилея, см. Полѣсье.
Гипакирь, см. Ипакирь.
Гипанидъ, см. Ипанидъ.
Гиппомолги, мио. народъ. 179.
Гирканія, см. Ирканія.
Гнилое озеро. 129. 130. 151.
Gnissi, народъ. 66.
Голая пристань. 184.
Горгиппійцы. 258. 344.
Горгиппія, г. 64. 68. 76. 102. 104. 127. 244. 252. 256. 258. 279—283.
Готская епархія. 213.
Готоы, нар. 119. 391.
Греція. 219. 236.
Григорія св. островъ. 284.
Гунны, народъ. 208.
Гуты, народъ. 407. 408.

Даки, народъ. 238. 380.
Дакія, обл. 404. 408. 412. 413.
Дандака, г. 406. 409. 411.
Дандаріи (Дандариды), пар. 65. 66. 77. 82. 109.
Двина Западная, р. 403.
Дельфы, г. 158. 300.
Джарылагачская коса. 297.
Джимитейская низм. 281.
Дилосъ, о-въ. 33. 34. 56. 57.
Диррахій, г. 236. 237. 240.
Діонисополь, г. 226—242.
Діоскуріада, г. 345.
Дія, г. 61.
Днѣпровская дельта. 294. 296.
Днѣпровскій городъ. 402.
Днѣпровско-Бугскій (Днѣпровскій) лиманъ. 44—46. 184. 285. 290—296.
Днѣпръ, р. 8. 46—48. 184. 284—296. 401. 415.
Днѣстръ, р. 182. 183. 413.
Додона, г. 158.
Донгузлавское озеро. 154.
Донъ, р. 219. 339. 377.
Досхи, народъ. 66. 82.
Дриръ, г. 162.
Дубовый рынокъ, мысъ. 63.
Дунай, р. 8. 16. 25. 377. 403. 404. 408. 413.

Евдусіаны, народъ. 65.
Евпаторія, г. 154.
Европа. 376. 377.
Египетъ. 242.
Екатеринославская губ. 184.
Екаты роща. 289—293. 297. 408.
у св. Ельферья мѣстность. 285.
Еникольскій маякъ. 62.
Еоп полуо-въ. 62.
Ерахи, народъ. 67.
Ермисій, г. 61.
Ермонасса, г. 63. 71. 72. 398.
Ефесъ, г. 29. 33.

Заргидава, г. 232. 405. 413.
Зевгма, г. 404. 412. 414.
Зела, г. 96.
Зефирій, г. 61.
Зиги, нар. 68.
Зиридава, г. 404. 412. 413.
Змѣиный о-въ. 341.
Золотая Орда. 219.
Зуробара, г. 413.

Иберы, нар. 343.
Икилъ-Ирмакъ, р. 339.
Иллирикъ, Иллирія. 120. 238. 239.
Инахійцы (Ἰνάχιοι). 69. 110.
Инахъ, р. 69.
Ингулецъ, р. 183. 184.
Иніохи, народъ. 65. 68. 83. 344.
Инкерманъ. 374.
Ипакирь, р. 150. 183. 403.
Ипанидъ, р. (Южный Бугъ). 26. 45—47. 181—183. 289. 297. 401.
Ипанидъ, р. (Кубань). 62.
Ипербореи, народъ. 377.

Ипшйскія горы. 66. 415.
Ипполаевъ мысъ. 43—49.
Иппоподы, народъ. 409.
Ираклій, г. 62.
Ираклійцы (Ираклеоты). 75. 224. 330.
Ираклія на Ликѣ, г. 236. 237.
Ираклія Понтійская, г. 41. 77. 159. 317. 320. 405.
Ирканія, обл. 340. 347.
Ирканы, нар. 343.
Иссъ, г. 405.
Истріанъ, р. 409.
Истрополь, г. 233. 235. 240.
Истръ, р. 120. 129. 150. 234. 239. 241. 377. 403.
Италія. 120. 373.

Іерасъ, р. 232. 405. 413. 414.
Ἱερὸν ἄκρον. 65. 289. 291. 408.
Ἱερὸς λιμήν. 280.
Іерусалимъ, г. 113.
Іудеи. 113.

Кавказъ. 6. 10. 23. 62. 66. 82. 137. 335—347. 391. 392. 394. 415.
Кадусіи, народъ. 343.
Казачья бухта. 374.
Казека, г. 61.
Каланчакъ, р. 183.
Каліакра, мысъ. 226. 227.
Каллатійцы. 171. 173.
Каллатія, г. 83.
Каллипиды, народъ. 3. 182. 183.
Calolimena. 153.
Кама, р. 408.
Камышъ-Бурунъ. 61.
Канкитъ, м. 189.
Каппадокія. 114. 115.
Карамбида, мысъ 405.
Карамрунъ, мысъ. 154.
Карантинная бухта. 260. 261. 268. 270.
Карбона. 226.
Кардисъ, г. 180.
Кардухи, народъ. 345.
Каркина, г. 151. 155.
Каркинитида, г. 131. 133. 145. 150—156. 180. 183. 403.
Каркинитскій заливъ. 129. 132. 133. 150—153. 289.
Каркинитъ, р. 151. 290. 402. 403.
Карпатскія горы. 413. 415.
Карпы, народъ. 120.
Карталъ, кол. 21.
Каспійское море. 67. 339. 377.
Кастель, сел. 155.
Квады, народъ. 408.
Кельты, народъ. 239.
Керавнскія горы. 415.
Керасунтъ, г. 344.
Керкеты, народъ. 65. 68. 103.
Керкинитида, см. Каркинитида.
Керченскій карантинъ. 62.
Керченскій полуо-въ. 2.
Керчь, г. 18. 61. 280. 358—360. 368. 398.
Кесарія Виѳинская, г. 102.
Кефалонисъ. 151.
Кизикъ, г. 27—30. 34. 36.
Кизильташскій лиманъ. 398.
Киликія. 107.
Киммерикъ, г. 61.
Киммерій, г. 63. 74.
Киммерійцы, Киммеріяне. 60. 181. 377.
Кинбурнская коса. 292—294. 297. 408.
Кинбурнскій полуо-въ. 292—297.
Кинбурнъ. 184.
Кипъ, Кипы. 63. 74. 76. 398.
Кистобоки, народъ. 401.
Кита, Киты, Китэя. 61. 138. 139. 409.
Киторъ, г. 405.
Кишиневъ, г. 18.
Кіаней, р. 408.
Кіевская губ. 183. 407.
Кіевъ, г. 402.
Колхи, народъ. 65. 101. 348. 349.
Колхида, страна. 93. 96. 104. 348. 349.
Конка, р. 183. 184.
Константинополь, г. 215. 285.
Коринѳъ, г. 159. 215.
Корокондама, сел. 63. 138. 343. 398.
Корокондамское озеро. 63. 398.
Коронитида, г. 151.
Корсунь, г. 3. 260. 286.
Котіоры, г. 339.
Кремны, г. 340.
Chrichiniri, Chirechiniti. 154.
Критъ, о. 159.
Кровизы, народъ. 227.
Crunoe, мысъ. 65.
Κρουνοί, г. 227. 228.
Крымъ, полуо-въ. 5. 25. 60. 150. 153. 155. 156. 202. 206. 212. 213. 371. 372. 390. 402. 403. 409. 411.
Ктенунтъ, бухта. 406. 411.
Кубань, р. 65. 67. 138.

Ласъ, о-въ (невѣрное назв.). 288.
Левка, о-въ. 341.
Ликъ, р. 236. 402.
Линкистидская обл. 236.

Луги, нар. 408.
Лугіонъ, г. 405. 408.
Луссоній, г. 405. 408.

Маиты, см. Мэоты.
Македонія. 235—241.
Макропогоны, народъ. 65.
Марувій, р. 66.
Массагеты, народъ. 181. 339. 343. 377.
Матикеты, народъ. 180.
Матіаны, Матіены, народъ. 339. 344.
Мегары, г. 41. 158. 159. 165. 319. 320.
Мезія, обл. 51—54. 404. 408. 412.
— Нижняя. 228. 232.
Меланхлэны, народъ. 180. 340. 409.
Мертвоводъ, р. 182.
Метрополь, г. 402.
Мидія, обл. 62. 348.
Милетъ, г. 27. 30. 34—36. 39. 40. 41. 70.
Миргеты, народъ. 180.
Мирмикій, г. 62. 63.
Митридатъ, гора. 358.
Молочная, р. 183.
Мосинеки, народъ. 343. 344.
Москва, г. 7. 18. 19.
Моссины, народъ. 344.
Мосхи, народъ. 65. 344.
Мэотида, Мэотійское озеро. 61. 62. 64. 66—69. 94. 98. 156. 180. 340. 343. 344. 348. 402. 404. 408.
Мэоты, народъ. 64—67. 71. 75. 82. 103.

Navarum, г. 151.
Наксъ, о-въ. 33.
Невры, народъ. 182. 340.
Недвиговка, ст. 14.
Никаксинъ, г. 280.
Никея, г. 114.
Никоній, г. 405. 413.
Нимфей, г. 61. 74. 385. 386. 397. 398. 406.
Нѣманъ, р. 403.

Овидіополь, г. 414.
Одесса, г. 13. 19. 336. 371. 383.
Одиссъ, г. 227. 228. 289.
Озо (назв. Днѣпра). 286.
Ойбуръ, сел. 154.
Ольвіополиты. 8. 9. 21. 26. 27. 31. 47.
Ольвія, г. 2. 3. 7—9. 12. 16. 21. 22. 25—28. 30. 44—47. 55—58. 182. 183. 193. 195. 238. 239.
Омброны, народъ. 409.
Опукъ, гора. 61.
Орхоменъ, г. 69.
Офіусса, г. 405. 413.
Очаковъ, г. 48. 199. 297.

Павлютина балка. 46.
Пагириты, народъ. 409.
Пагра, м. 65.
Панда, р. 68.
Паннонія Нижняя, обл. 408.
Пантикапей, г. 12. 61. 62. 69—71. 80. 82. 84. 85. 88. 94. 96. 113. 127. 280. 366. 385. 397. 406.
Пантикапъ, р. 183.
Паросъ, о-въ. 33.
Партенитъ, сел. 114. 364.
Парутино, с. 46. 182.
Пареній, мысъ. 62. 133—135. 151. 159. 406.
Пареяне, народъ. 238.
Патраей, г. 63. 74. 75. 398.
Патры, г. 158.
Патмъ, о-въ. 174.
Певкины, народъ. 401.
Пелла, г. 237.
Перекопскій заливъ. 153.
Перекопскій перешеекъ. 129.
Персія. 62. 339.
Персы. 71.
Песочная бухта. 263.
Петербургъ, г. 7. 17. 21.
Пирей, г. 78. 79. 175. 386.
Пироборидава, г. 405.
Пиръ, г. 408.
Подольская губ. 183.
Покровское, с. 19.
Полѣсье (Илея). 150. 183. 297.
Понтъ Евксинскій, море. 4. 23. 61—63. 65. 69. 75. 83. 94. 114. 117. 129. 150. 169. 171. 180. 181. 239. 280. 289. 343. 404. 405. 408.
Понтъ, страна. 95. 96. 100. 101. 104. 107. 109. 111. 116. — Полемоновскій. 100.
Поритъ, р. 402.
Постигія, г. 409.
Прегель, р. 403.
Прекрасный портъ. 130. 132. 133. 145. 150—156.
Прогнойскъ. 293. 295.
Проконнисъ, о-въ. 373.
Прусіада, г. 117.
Псаеій, р. 404.
Псиссы, народъ. 66. 77.
Псоя (Ψόα). 171—173.

Равенна, г. 277. 373.
Рамидава, г. 408.
Ревксиналы, народъ. 156. 390.
Рештъ, г. 339.

Римляне. 89. 93. 94. 96. 103. 108—110. 112. 113. 117—120. 239. 240. 391.
Римъ, г. 52. 109. 114. 115. 169. 170. 228. 238. 320.
Рипейскія горы. 66.
Родосцы. 86.
Родосъ, о-въ. 158.
Роксоланы, народъ. 401.
Россія. 3. 5—7. 11. 14. 15. 17. 19. 179. 180. 201. 294. 336. 372. 378. 401.
Россы, народъ. 284. 290. 296.
Ругиклеи, народъ. 408.
Ругій, г. 408.
Рудонъ, р. 403.

Савроматы, народъ. 67. 96. 108. 340.
Saline de Crichiniri. 154.
Салинъ, г. 404. 408.
Самара, р. 183.
Самосъ, о-въ. 33.
Сарай, г. 219—222.
Саргатіи, народъ. 409. 411.
Сарепта, кол. 221.
Сарматія. 60. 218. 400—404. 407—412. 415.
Сарматская гора 140. 415.
Сарматы, народъ. 140. 376.
Сарыбулатская коса. 153.
Сарыкамышъ, мысъ. 46.
Сатарха, г. 409.
Сатира памятникъ. 63. 75. 398.
Севастополь, г. 18. 51. 260. 371. 372.
Севастопольская бухта. 132. 133. 152.
Семеновъ мысъ. 46.
Сиганей, г. 408.
Сигей, г. 72.
Символовъ гавань. 406.
Сингидава, г. 404. 408. 412. 413.
Синда, г. 281.
Синдика, обл. 68. 75. 93. 138. 156. 280.
Синдовъ гавань. 65.
Синды, народъ. 62—66. 71. 77. 82. 84. 86. 103. 138. 258. 279. 281.
Синопа, г. 32. 83. 96. 100. 138. 218. 405.
Синюха, р. 183.
Сираки, Сиракины, Сирахи, народъ. 66. 68. 109. 116. 388.
Сирія, страна. 100.
Σαρμάται, народъ. 140.
Скалистый полуо-въ. 150.
Скандія, о-въ. 407. 408.
Скиѳія. 10. 137. 139. 150. 179—182. 228. 340. 377. 378. 380. 382. 391. 394. 399. 403.
Скиѳы, народъ. 8. 61. 71. 82. 88. 96. 98. 104. 116. 120. 132. 150. 155. 156. 159. 162. 180—182. 227. 258. 281. 340. 348. 377. 378. 382.
Скиѳы земледѣльцы. 183. 184.
— кочевники. 183. 184.
— пахари. 182. 183.
— царскіе. 183. 390.
Сколоты, народъ. 181.
Соза, городъ Дандаріевъ. 66. 109.
Сольва, г. 408.
Софія, г. 230.
Станиславскій мысъ. 44—47. 295.
Старый Крымъ, г. 117.
Стольное, им. 17.
Стратоклія, г. 63.
Сѣнная, станція. 63.

Таврина. 41. 96. 116.
Тавриски, народъ. 239.
Таврическая губ. 184.
Таврическій полуо-въ. 125. 129. 389. 411.
Тавроскиѳія. 290.
Тавръ, гора. 345.
Тавры, нар. 61. 71. 82. 83. 104. 150. 155. 159.
Такиль-Бурунъ, мысъ. 61.
Таманскій заливъ. 63. 138. 173. 398.
Таманскій полуо-въ. 2. 18. 62. 63. 101. 102. 125. 138. 207. 212.
Тамань, ст. 112. 114. 202. 211.
Тамасидава, г. 405.
Тамирака. 151.
Тамиракскій заливъ. 129. 152. 290.
Танаидъ, г. 14. 96. 101. 115. 116. 126. 128.
Танаидъ, р. 64. 66. 68. 98. 101. 109. 140. 340. 343. 377. 404.
Таохи, народъ. 340.
Тарпиты, народъ. 66.
Тарханкутъ, мысъ. 152. 155.
Ташъ-Качикъ. 61.
Тевтобургій, г. 404.
Темрюкскій отселокъ. 63.
Темрюкъ, г. 63.
Тендра, о-въ. 129. 183. 286. 289. 297.
Тибарены, народъ. 343. 344.
Тибискъ, р. 413.
Τυχανδεῖται (народъ ?). 69.
Tindari, народъ. 65.
Тиносъ, о-въ. 33.
Тира (Тирасъ), г. 12. 16. 19. 21. 25. 29. 37—41. 140. 327.
Тира (Тирасъ), р. 182. 404. 405. 414.
Тирамва, г. 63.
Τίριζις ἄκρα. 226. 227.
Тириктака, Тиритака, г. 61. 397. 406. 409.
Тиряпе. 37. 39. 40.
Тифлисъ, г. 336.
Тіасъ, г. 403.

Тій, г. 405.
Тобечикъ, озеро. 61.
Τορετικὴ ἄκρα. 65.
Тореты, народъ. 64—68. 77. 82.
Траллы, г. 101. 102.
Трапезунтъ, 101. 215. 344.
Триваллы, народъ. 382.
Троя, г. 69.
Тузла. 63.
Туркестанъ, обл. 394.
Турки, народъ. 213.
Турунтъ, р. 403.

Узу (назв. Днѣпра). 286.
Уругунды, народъ. 120.
Успа, городъ Сираховъ. 68. 109.

Фанагорійцы. 96.
Фанагорія, г. 12. 62. 71. 94. 96. 101. 102. 104. 173. 398.
Фанаръ, мысъ. 133. 134.
Фарсалъ, г. 237.
Фасидъ, р. 345. 348.
Фины, народъ. 408.
Фіолентъ, мысъ. 133. 134.
Фонтанъ, полуо-въ. 63.
Фоіотида, область. 69.

Халибы, народъ. 344.
Халкидонъ, г. 41.
Хамары, народъ. 343.
Харакъ, сел. 406. 411.
Харіустъ, р. 408.
Харьковская губ. 407.
Харьковъ, г. 18.
Херсонисскій м-рь. 18. 260. 270.
Херсониссцы. 41. 51. 88. 89. 122. 130—133. 145. 150. 156. 159. 162—164. 167. 260. 318. 325. 330.
Херсонисъ Таврическій. 3. 12. 16. 22. 25. 40. 41. 45. 50—54. 61. 88. 93. 94. 96. 102. 114. 115. 131—133. 142. 145. 146. 148—153. 155—166. 201. 206. 208. 218. 221. 222. 225. 259. 260. 262. 268. 276. 277. 303. 304. 310—314. 317. 319—328. 330. 331. 371—375. 389. 406. 408. 412.
Херсонская губ. 179. 180. 183. 184.
Херсонская область (θема). 210.
Херсонъ, г. (визант.). 142. 151. 210. 213. 260. 261. 285. 287.
Херсонъ, г. (соврем.). 18. 294.
Хесинъ, р. 403.
Хортица, о-въ. 284.
Хронъ, р. 403.
Хуны, народъ. 401.

Царскій курганъ. 18.

Черное море. 1. 2. 4. 5. 11. 15. 16. 25. 130. 132. 152. 168—170. 181. 184. 219. 226. 242. 279. 294. 335. 336. 339. 377. 382. 389. 411.
Черноморье. 4. 6. 12—14. 23.
Чурубашъ, озеро. 61.

Шверинскій курганъ. 260.

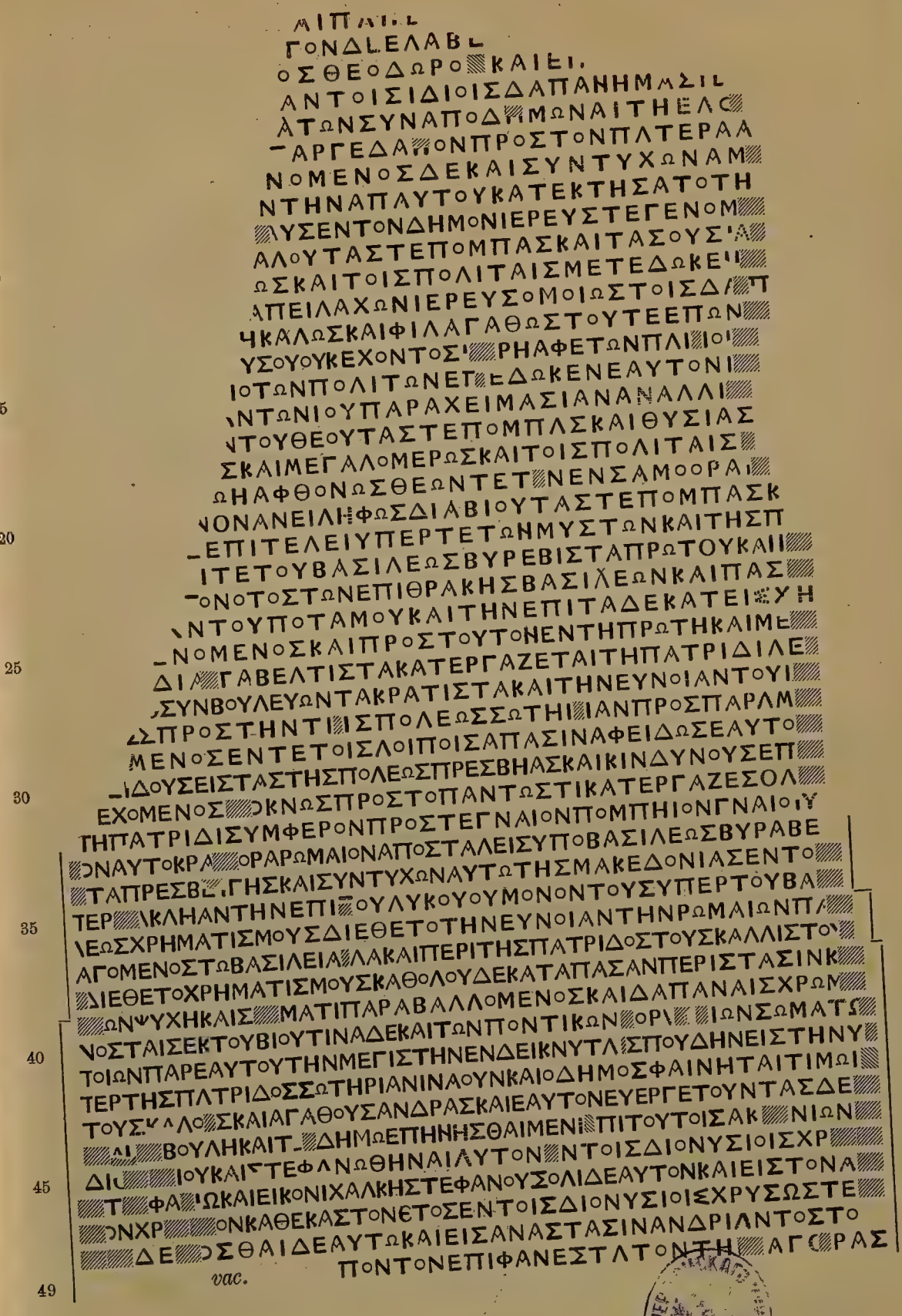
Эги, г. 158.
Эгіалы, г. 116.
Эгнатіева дорога. 236. 237.
Эгосъ потамы. 73. 74. 177.
Эды, народъ. 180.
Экренэ, г. 228. 229.
Эксампай. 45. 49. 181. 182.
Эксополь, г. 66. 219.
Эллада. 16. 178.
Эллино-скиѳы. 182.
Эллины. 1—4. 156—159. 171. 180. 183.
Эльтегенъ, им. 61. 397. 398.
Эминэ, мысъ. 226.
Эпиръ, обл. 236.
Эскъ (Οἶσκος Τριβαλλῶν), г. 408.
Эѳерія св. островъ. 284—297.

Юнузчиларъ, дер. 228.
Юртлукъ, урочище. 153.

Ягорлыцкій заливъ. 292. 293. 295. 297.
Ягорлыцкій полуо-въ. 292. 293.
Языги, народъ. 401. 412. 413.
Яксаматы, народъ. 64. 66. 75. 408.
Ямполь, г. 183.

Thali, народъ. 67.
Θатеи, народъ. 66. 82. 388.
Θάτης, рѣка. 67.
Θемискира, обл. 340.
Θеодосія, г. 18. 61. 69. 74—77. 80. 84. 86. 88. 96. 121. 125. 156. 302.
Θермодонтъ, р. 340. 341. 345.
Θессалія, обл. 237.
Θіаннеи (Θιάννεα), мѣстность. 173.
Θιαννιχὴ χώρα. 173.
Θракія. 55. 59. 113. 179. 235. 238—242. 377. 382.

ΑΙΠΑΙ.Ι
ΓΟΝΔΙΕΛΑΒΙ
ΟΣΘΕΟΔΩΡΟ▒ΚΑΙΕΙ.
ΑΝΤΟΙΣΙΔΙΟΙΣΔΑΠΑΝΗΜΑΣΙΙ
ΑΤΩΝΣΥΝΑΠΟΔ▒ΜΩΝΑΙΤΗΕΛΟ▒
ΑΡΓΕΔΑ▒ΟΝΠΡΟΣΤΟΝΠΛΤΕΡΑΑ
ΝΟΜΕΝΟΣΔΕΚΑΙΣΥΝΤΥΧΩΝΑΜ▒
ΝΤΗΝΑΠΑΥΤΟΥΚΑΤΕΚΤΗΣΑΤΟΤΗ
▒ΥΣΕΝΤΟΝΔΗΜΟΝΙΕΡΕΥΣΤΕΓΕΝΟΜ▒
ΑΛΟΥΤΑΣΤΕΠΟΜΠΑΣΚΑΙΤΑΣΟΥΣΙΑ▒
ΩΣΚΑΙΤΟΙΣΠΟΛΙΤΑΙΣΜΕΤΕΔΩΚΕΙ▒
ΑΠΕΙΛΑΧΩΝΙΕΡΕΥΣΟΜΟΙΩΣΤΟΙΣΔΑ▒Π
ΗΚΑΛΩΣΚΑΙΦΙΛΑΓΑΘΩΣΤΟΥΤΕΕΠΩΝ▒
ΥΣΟΥΟΥΚΕΧΟΝΤΟΣΙ▒ΡΗΑΦΕΤΩΝΠΛΙ▒ΙΟΙ▒
ΙΟΤΩΝΠΟΛΙΤΩΝΕΓ▒ΕΔΩΚΕΝΕΑΥΤΟΝΙ▒
ΝΤΩΝΙΟΥΠΑΡΑΧΕΙΜΑΣΙΑΝΑΝΑΛΛΙ▒
ΝΤΟΥΘΕΟΥΤΑΣΤΕΠΟΜΠΛΣΚΑΙΘΥΣΙΑΣ
ΣΚΑΙΜΕΓΑΛΟΜΕΡΩΣΚΑΙΤΟΙΣΠΟΛΙΤΑΙΣ▒
ΩΗΑΦΘΟΝΩΣΘΕΩΝΤΕΤ▒ΝΕΝΣΑΜΟΟΡΑΙ▒
ΝΟΝΑΝΕΙΛΗΦΩΣΔΙΑΒΙΟΥΤΑΣΤΕΠΟΜΠΑΣΚ
ΕΠΙΤΕΛΕΙΥΠΕΡΤΕΤΩΝΗΜΥΣΤΩΝΚΑΙΤΗΣΠ
ΙΤΕΤΟΥΒΑΣΙΛΕΩΣΒΥΡΕΒΙΣΤΑΠΡΩΤΟΥΚΑΙΙ▒
ΟΝΟΤΟΣΤΩΝΕΠΙΘΡΑΚΗΣΒΑΣΙΛΕΩΝΚΑΙΠΑΣ▒
ΝΤΟΥΠΟΤΑΜΟΥΚΑΙΤΗΝΕΠΙΤΑΔΕΚΑΤΕΙΣΥΗ
ΝΟΜΕΝΟΣΚΑΙΠΡΟΣΤΟΥΤΟΝΕΝΤΗΠΡΩΤΗΚΑΙΜΕ▒
ΔΙΑ▒ΓΑΒΕΛΤΙΣΤΑΚΑΤΕΡΓΑΖΕΤΑΙΤΗΠΑΤΡΙΔΙΛΕ▒
ΣΥΝΒΟΥΛΕΥΩΝΤΑΚΡΑΤΙΣΤΑΚΑΙΤΗΝΕΥΝΟΙΑΝΤΟΥΙ▒
ΣΠΡΟΣΤΗΝΤΙ▒ΙΣΠΟΛΕΩΣΣΩΤΗΙ▒ΙΑΝΠΡΟΣΠΑΡΛΜ▒
ΜΕΝΟΣΕΝΤΕΤΟΙΣΛΟΙΠΟΙΣΑΠΑΣΙΝΑΦΕΙΔΩΣΕΑΥΤΟ▒
ΙΔΟΥΣΕΙΣΤΑΣΤΗΣΠΟΛΕΩΣΠΡΕΣΒΗΑΣΚΑΙΚΙΝΔΥΝΟΥΣΕΠ▒
ΕΧΟΜΕΝΟΣ▒ΟΚΝΩΣΠΡΟΣΤΟΠΑΝΤΩΣΤΙΚΑΤΕΡΓΑΖΕΣΟΛ▒
ΤΗΠΑΤΡΙΔΙΣΥΜΦΕΡΟΝΠΡΟΣΤΕΓΝΑΙΟΝΠΟΜΠΗΙΟΝΓΝΑΙΟΙΥ
▒ΟΝΑΥΤΟΚΡΑ▒ΟΡΑΡΩΜΑΙΟΝΑΠΟΣΤΑΛΕΙΣΥΠΟΒΑΣΙΛΕΩΣΒΥΡΑΒΕ
▒ΤΑΠΡΕΣΒΕ.ΓΗΣΚΑΙΣΥΝΤΥΧΩΝΑΥΤΩΤΗΣΜΑΚΕΔΟΝΙΑΣΕΝΤΟ▒
ΤΕΡ▒ΚΛΗΑΝΤΗΝΕΠΙ▒ΟΥΛΥΚΟΥΟΥΜΟΝΟΝΤΟΥΣΥΠΕΡΤΟΥΒΑ▒
ΕΩΣΧΡΗΜΑΤΙΣΜΟΥΣΔΙΕΘΕΤΟΤΗΝΕΥΝΟΙΑΝΤΗΝΡΩΜΑΙΩΝΠΑ▒
ΑΓΟΜΕΝΟΣΤΩΒΑΣΙΛΕΙΑ▒ΛΑΚΑΙΠΕΡΙΤΗΣΠΑΤΡΙΔΟΣΤΟΥΣΚΑΛΛΙΣΤΟ▒
▒ΔΙΕΘΕΤΟΧΡΗΜΑΤΙΣΜΟΥΣΚΑΘΟΛΟΥΔΕΚΑΤΑΠΑΣΑΝΠΕΡΙΣΤΑΣΙΝΚ▒
▒ΩΝΨΥΧΗΚΑΙΣ▒ΜΑΤΙΠΑΡΑΒΑΛΛΟΜΕΝΟΣΚΑΙΔΑΠΑΝΑΙΣΧΡΩΜ▒
ΝΟΣΤΑΙΣΕΚΤΟΥΒΙΟΥΤΙΝΑΔΕΚΑΙΤΩΝΠΟΝΤΙΚΩΝ▒ΟΡΙ▒ ▒ΙΩΝΣΩΜΑΤΩ▒
ΤΟΙΩΝΠΑΡΕΑΥΤΟΥΤΗΝΜΕΓΙΣΤΗΝΕΝΔΕΙΚΝΥΤΛΙΣΠΟΥΔΗΝΕΙΣΤΗΝΥ▒
ΤΕΡΤΗΣΠΛΤΡΙΔΟΣΣΩΤΗΡΙΑΝΙΝΑΟΥΝΚΑΙΟΔΗΜΟΣΦΑΙΝΗΤΑΙΤΙΜΩΙ▒
ΤΟΥΣΚΑΛΟ▒ΣΚΑΙΑΓΑΘΟΥΣΑΝΔΡΑΣΚΑΙΕΑΥΤΟΝΕΥΕΡΓΕΤΟΥΝΤΑΣΔΕ▒
▒ΑΙ▒ΒΟΥΛΗΚΑΙΤ▒ΔΗΜΩΕΠΗΝΗΣΘΑΙΜΕΝΙ▒ΠΙΤΟΥΤΟΙΣΑΚ▒ΝΙΩΝ▒
ΔΙ▒ ▒ΙΟΥΚΑΙΣΤΕΦΑΝΩΘΗΝΑΙΑΥΤΟΝ▒ΝΤΟΙΣΔΙΟΝΥΣΙΟΙΣΧΡ▒
▒Τ▒ΦΑ▒ΙΩΚΑΙΕΙΚΟΝΙΧΑΛΚΗΣΤΕΦΑΝΟΥΣΟΛΙΔΕΑΥΤΟΝΚΑΙΕΙΣΤΟΝΑ▒
▒ΟΝΧΡ▒ ▒ΟΝΚΑΘΕΚΑΣΤΟΝΕΤΟΣΕΝΤΟΙΣΔΙΟΝΥΣΙΟΙΣΧΡΥΣΩΣΤΕ▒
▒ ▒ΔΕ▒ΟΣΘΑΙΔΕΑΥΤΩΚΑΙΕΙΣΑΝΑΣΤΑΣΙΝΑΝΔΡΙΑΝΤΟΣΤΟ
ΠΟΝΤΟΝΕΠΙΦΑΝΕΣΤΛΤΟΝΤΗ▒ΑΓΟ▒ΡΑΣ



vac.

ИМПЕР... БИБЛИОТЕКА

Рис. 1*а*.

Рис. 1*б*.

Рис. 2.

Рис. 3*а*.

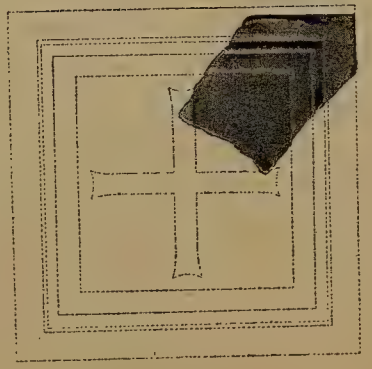
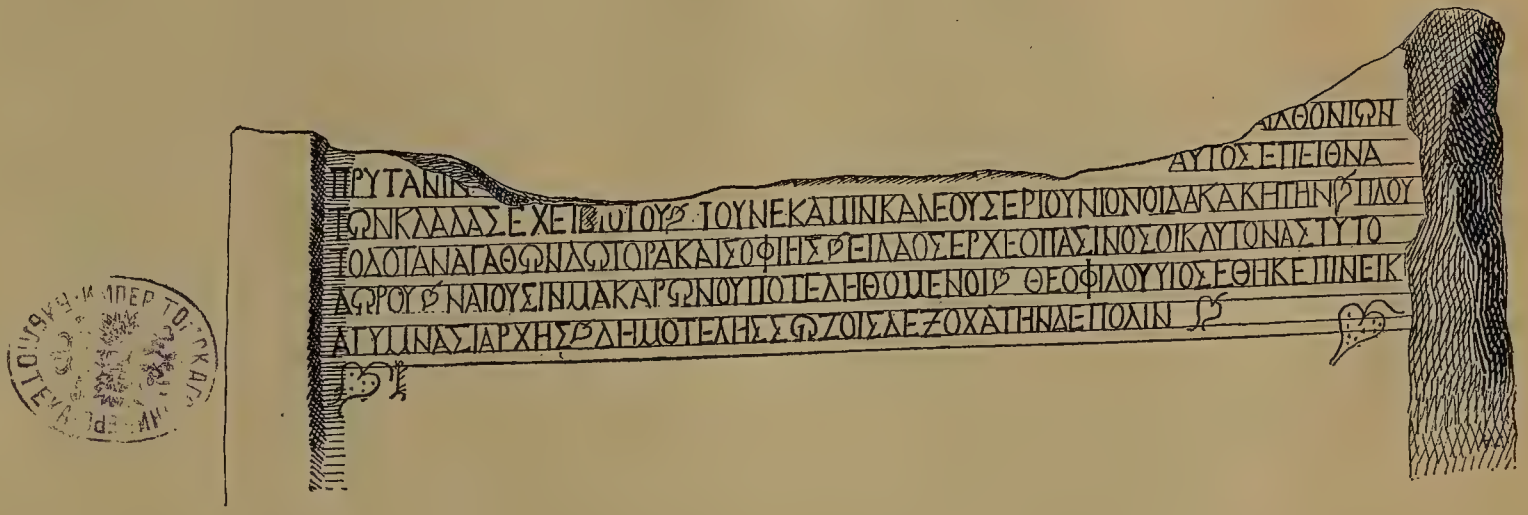
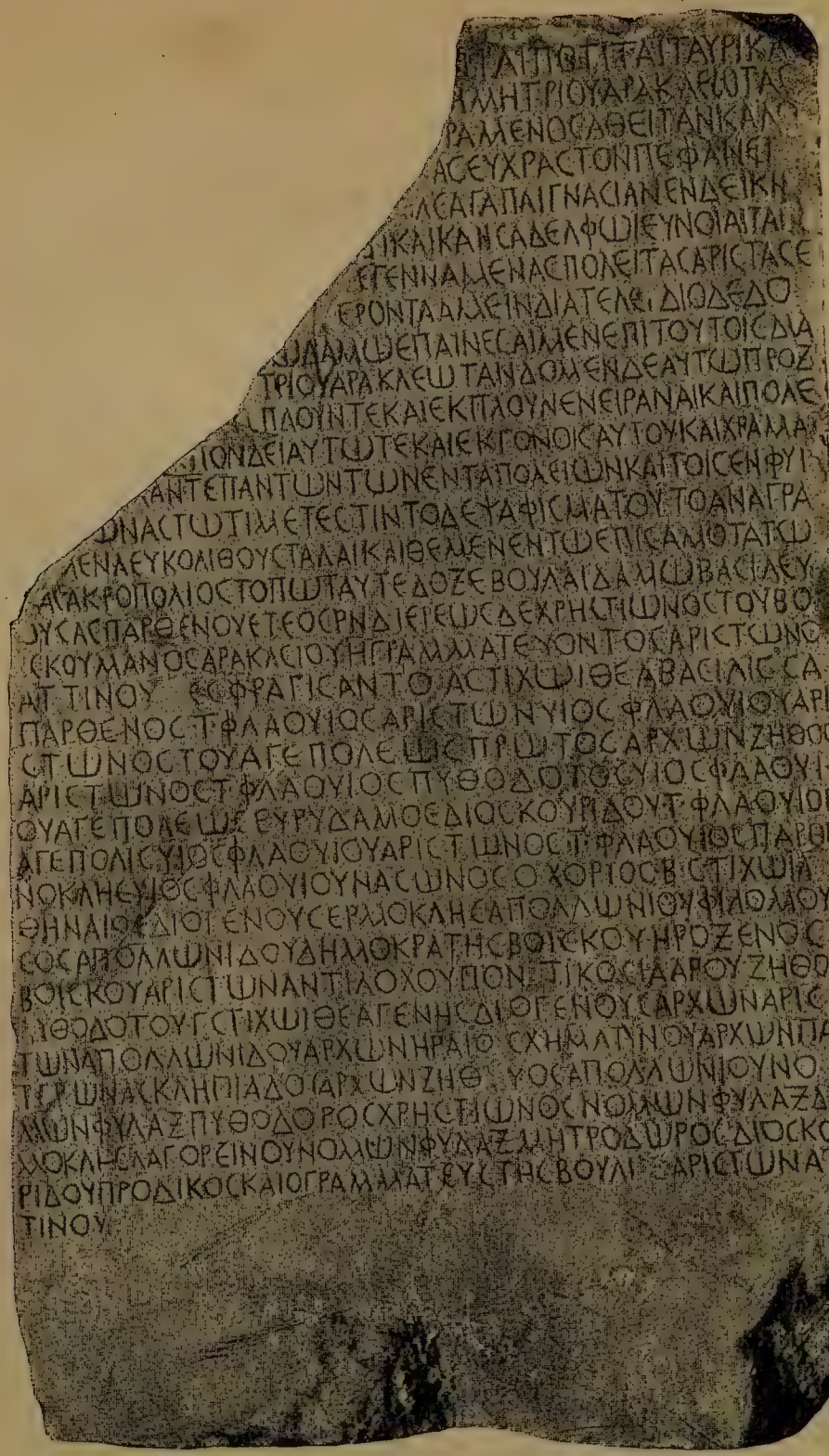


Рис. 3*б*.

Рис. 3*в*.


ΑΘΗΝΙΩΝ
ΑΥΤΟΣ ΕΠΕΙΘΝΑ
ΠΡΥΤΑΝΙΣ
ΙΩΝ ΚΛΑΔΑΣ ΕΧΕΤΩ ΒΙΟΤΟΥΣ ΤΟΥΝΕΚΑ ΠΙΝΚΑΝΕΟΥΣ ΕΡΙΟΥΝΙΟΝ ΟΙΔΑ ΚΑΚΗΤΗΝ ΠΛΟΥ
ΤΟΛΟΤΑΝ ΑΓΑΘΩΝ ΔΩΤΟΡΑ ΚΑΙ ΣΟΦΙΗΣ ΕΙΛΑΟΣ ΕΡΧΕΟΠΑΣΙΝ ΟΣΟΙ ΚΛΥΤΟΝΑΣ ΤΥΤΟ
ΔΩΡΟΙΣ ΝΑΙΟΥΣΙΝ ΩΔΑΚΑΡΩΝ ΟΥΠΟΤΕ ΛΗΘΟΜΕΝΟΙΣ ΘΕΟΦΙΛΟΥ ΥΙΟΣ ΕΘΗΚΕ ΠΙΝΕΙΚ
ΑΓΥΙΩΝΑΣΙΑΡΧΗΣ ΔΗΜΟΤΕΛΗΣ ΣΩΖΟΙΣΙ ΕΞΟΧΑΤΗΝ ΔΕ ΠΟΛΙΝ